

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Центр экономической истории Исторического факультета

Российская академия наук
Институт российской истории
Научный совет РАН по проблемам российской
и мировой экономической истории

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ЕЖЕГОДНИК

2010

Москва
РОССПЭН
2010

УДК 94(47)+94(470+571)
ББК 63.3(2); 63.3(2)6-2
Э40

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 09-01-16093д

Редакционная коллегия:

Л.И. Бородкин, Ю.А. Петров (ответственные редакторы),
С.А. Саломатина (ответственный секретарь),
Б.В. Ананьич, С.А. Афонцев, П.В. Лизунов, А.М. Маркевич,
И.В. Поткина, А.К. Соколов, А.К. Сорокин

Экономическая история : Ежегодник. 2010. — М. :
Э40 Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН),
2010. — 631 с.

ISBN 978-5-8243-1448-9

В очередном выпуске ежегодника публикуются новейшие исследования по экономической истории.

Специальный раздел посвящен ряду вопросов российской социально-экономической истории, обсужденных на XV Мировом конгрессе экономической истории, а также итогам конгресса. Экономическая история дореволюционной России представлена исследованиями о деятельности и банкротстве известной петербургской банкирской конторы Ф.П. Баймакова, влиянии экономической конъюнктуры на биржевые процессы в России начала XX в., особенностях бизнеса в период Первой мировой войны, основоположниках «сельскохозяйственной экономики» в России, возможностях и методах решения земельного вопроса в 1860-х гг. (на материалах губерний Верхнего Поволжья), наказаниях рабочих за участие в стачках в России на рубеже XIX–XX вв., статьями о развитии лесозэкспорта России и Швеции в XVIII в. и вывозе сибирского масла с 1880-х гг. Экономическая история СССР освещается в исследовании, анализирующем статистические данные сельскохозяйственного производства в Сибири в 1917 — начале 1920-х гг., в статьях об экспериментах по созданию образцовых хозяйств в доколхозной деревне, экономических и политических отношениях СССР и Финляндии в 1920–1930-е гг., в материалах о перебазировании объектов промышленности СССР в 1941–1942 гг., функционировании Берлага в 1948–1954 гг., альтернативах и путях социально-экономической трансформации регионов Севера Западной Сибири во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг., вопросах экономики Союза ССР и союзных республик в деятельности постоянных комиссий Верховного Совета СССР в 1979–1989 гг. В последний раздел включены исследования, посвященные экономике конца XX — начала XXI в. и анализирующие развитие международного офшорного бизнеса и эволюцию банковской системы России.

Сборник рассчитан на историков и экономистов, а также тех, кто интересуется экономической историей.

УДК 94(47)+94(470+571)
ББК 63.3(2); 63.3(2)6-2

ISBN 978-5-8243-1448-9

© Коллектив авторов, 2010
© Российская политическая
энциклопедия, 2010

XV Мировой конгресс
экономической истории

Экономическая история сегодня: к итогам XV Мирового конгресса

XV Мировой конгресс экономической истории состоялся 3–7 августа 2009 г. в Утрехте (Голландия). Впервые он был назван Мировым конгрессом (*World Congress*) в отличие от традиционного названия «Международный конгресс» (*International Congress*). Это изменение отражало как расширение состава участников этого крупного научного форума, так и усиление внимания к изучению процессов глобализации, экономической интеграции.

Конгресс, организованный Международной ассоциацией экономической истории (ИЕНА), оказался одним из самых представительных в 50-летней истории конгрессов по экономической истории. В работе конгресса приняли участие более 1200 участников из 60 стран, на 133 секциях были обсуждены более 800 докладов¹. Наиболее заметным было представительство ученых из Великобритании (140 участников) и США (124 участника), а также Испании, скандинавских стран, Голландии, Франции и Японии (по 80–110 участников), Италии и Германии (по 50–60). Латинская Америка была представлена 60 участниками, Азия — 120. Отметим, что впервые численность китайской делегации превысила численность российской (23 и 17 участников соответственно).

Для российской историко-экономической науки этот конгресс был достаточно успешным. Наши ученые организовали четыре секции, представили 14 докладов, выступали экспертами на заседаниях ряда секций. Среди российских участников были ученые из ИВИ РАН, ИРИ РАН, ИМЭМО РАН, Института социологии РАН, РУДН, Российской экономической школы,

* Бородкин Леонид Иосифович — доктор исторических наук (Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); Петров Юрий Александрович — доктор исторических наук (Центральный банк Российской Федерации).

Московского областного педагогического университета, Исторического факультета МГУ, Центрального банка Российской Федерации (Банка России), Мордовского госуниверситета (Саранск). Представительство российской науки могло быть и более заметным, но, к сожалению, не все российские участники получили поддержку со стороны РГНФ по программе международных научных связей, в связи с чем многие были вынуждены отказаться от поездки на конгресс. Тем не менее некоторые российские докладчики приехали в Утрехт за собственный счет.

Среди организаторов секций наибольшее представительство имели ученые из США, Великобритании и Франции (с их участием были организованы 29, 27 и 25 секций соответственно), а также Голландии, Испании, Японии, Италии и Германии (по 13–18 секций). Инициаторами/организаторами секций конгресса выступили также ученые из Канады (10), Австралии, Бельгии, Швейцарии, Швеции (по 7 секций), Индии, Китая, России (4), Финляндии, Норвегии, Турции (3), Австрии, Венгрии, Румынии, Польши, Ирландии, Португалии, Греции, Бразилии, ЮАР (2), Чехии, Дании, Аргентины, Мексики, Уругвая, Колумбии, Израиля, Гонконга (по одной секции). Таким образом, среди организаторов секций были представители 36 стран.

Данные о числе организаторов секций в совокупности с данными о числе участников конгресса из каждой страны отражают в целом современную картину развития экономической истории в ее географическом/страновом аспекте. Как и на предшествующих конгрессах, на первых позициях находятся экономические историки Великобритании и США, однако возрастает роль ученых Франции, Испании, Голландии, а также Италии и Германии. Растет представительность японской школы экономической истории, входящей в число 5–6 наиболее активных национальных школ в этой области науки.

Уровень организации работы конгресса был очень высоким, включая и длительный этап его подготовки. Однако рекордное за все годы количество секций конгресса имело и обратную сторону: параллельная работа 15 секций создавала трудности для участников, имевших несколько профилей интересов; в ряде случаев аудитории были переполнены.

Тематика секций конгресса была весьма разнообразна. Наш анализ показывает, что наиболее широко представленными оказались следующие направления экономической истории: финансовая история, история банковского дела (отражена в работе 20 секций), социокультурные и демографические аспекты экономического развития, уровень жизни населения (17 секций),

внешнеэкономические отношения (14), процессы экономической интеграции и глобализации (13), роль государства в экономическом развитии, экономический рост (13), формирование и эволюция институтов рынка (10), история отраслей промышленности и отраслевых рынков (8), природные ресурсы в экономическом развитии, история энергетики, экоистория (7), наука и технологии в экономическом развитии (6), история предпринимательства (5), рынки труда, эволюция трудовых отношений (5), экономические аспекты развития городов (5), военная экономика (4), аграрная история (3), эволюция форм собственности в экономическом развитии (3), индустриализация в ее экономических измерениях (2), «теневая» экономика (2). На четырех секциях обсуждались вопросы развития методологических подходов и методов историко-экономического исследования.

Характерной чертой работы практически всех секций был их компаративный характер: та или иная проблема рассматривалась на материале различных стран, что позволяло выявить общее и особенное в характере обсуждаемых процессов экономического развития.

Проблематика секций, организованных российскими учеными при участии зарубежных коллег, была весьма широкой. С.П. Карпов организовал (совместно с испанским ученым Х.Т. Абадом) секцию E2 — «Феодальная экспансия и экономическое развитие стран европейской периферии (XII–XV вв.)». Секция J10 (организаторы — В.Н. Захаров и Я.В. Велувенкамп, (Голландия)) была посвящена вопросам истории купеческих сообществ (колоний) в контексте международной торговли в раннее Новое время. На секции L7, организованной Ю.А. Петровым совместно с Д. Дальманом (Германия), обсуждались вопросы о роли этнических и конфессиональных меньшинств в предпринимательских сообществах в XIX — начале XX в. М.А. Липкин вместе с коллегами из университетов Западной Европы К.К. Пателем и А. Романо организовал секцию «ЕЕС и СМЕА: 1950–1980-е», участники которой представили доклады об экономическом взаимодействии стран Европейского сообщества и «советского блока» в годы холодной войны.

Работа секций, организованных при участии российских ученых, еще раз подтвердила перспективность международного научного сотрудничества для решения исследовательских задач, выходящих за рамки одной страны. Так, в заседании секции «Предпринимательские меньшинства и современный экономический рост, XIX — начало XX в.» («Entrepreneurial Minorities

and The Modern Economic Growth, XIX — early XX Centuries») приняли участие 8 докладчиков из разных стран, в том числе России, США, Швеции, Голландии, Германии. Доклады были посвящены различным аспектам истории национальных и этноконфессиональных предпринимательских меньшинств в странах Европы и исследованию их вклада в современный экономический рост.

Участниками секции подчеркивалось, что история компактных этноконфессиональных групп предпринимателей в иноверческом окружении («торговые», или «предпринимательские меньшинства»), возникавших в результате миграционных процессов в Европе и Америке, в последнее время привлекает внимание исследователей многих стран. При этом дореволюционная Россия не представляла исключения в мировой истории предпринимательства. Представители различных национальных или национально-религиозных групп Российской империи исповедовали разные религии и придерживались разных этических норм в своей предпринимательской деятельности.

Это отразилось на особенностях предпринимательской культуры в России, ее многообразии. В ней переплелись традиции западноевропейского предпринимательства, протестантская этика и модели делового поведения основных этноконфессиональных групп: старообрядческих, еврейских и мусульманских. Итоги работы секции еще раз подтвердили необходимость рассматривать историю России в общемировом контексте и актуальность международных проектов для исследования глобальных процессов экономического развития.

Что касается хронологических аспектов тематики секций, то Утрехтский конгресс в этом плане мало отличался от предыдущего конгресса (Хельсинки, 2006 г.). Хотя, как и раньше, в центре внимания были экономические процессы недавнего прошлого: XIX–XX вв. (38 секций), XX в. (17 секций) или XX–XXI вв. (6 секций), немало секций рассматривали эти процессы на более протяженных периодах — с XVIII по XX в. (13 секций) и даже с XV или XVI вв. по XX в. (13 секций), а иногда — с античности до наших дней или на протяжении последнего тысячелетия. Экономические процессы античности и средневековья традиционно получили меньше внимания (7 секций).

Представляет интерес и территориальный аспект рассматривавшихся процессов экономического развития прошлого. Более 80 секций были ориентированы на обсуждение проблем экономической истории безотносительно к тому или иному региону

мира, 10 секций в своих названиях апеллировали к глобальным процессам. Восемь секций были сосредоточены на Европе в целом, еще 16 — на тех или иных регионах Европы (страны Центральной и Восточной Европы, Скандинавии, Балтики, Западной Европы, Великобритания, Германия, Испания). На четырех секциях обсуждались проблемы экономической истории Азии, еще на восьми — различных ее регионов (Южная Азия, Китай, Япония, Индия). Проблематика Латинской Америки обсуждалась на трех секциях, Северной Америки — на одной, обеих Америк — на двух, Атлантического региона — на двух, Африки — на двух, Ближнего Востока и Северной Африки — на одной, Исламских империй — на двух.

Сравнивая проблематику Утрехтского и Хельсинкского 2006 г. конгрессов, можно отметить возрастание внимания к экономической истории Китая, Индии, Латинской Америки и в то же время — определенное уменьшение внимания к России, странам Восточной Европы (хотя представительство этого региона заметно увеличилось — в Утрехте зарегистрировались 50 участников из стран Восточной Европы, но при этом ученые из стран СНГ (кроме России) в работе конгресса практически не участвовали).

Больше внимания на секциях этого конгресса уделялось проблеме неравенства при рассмотрении различных эпох и регионов мира. Так, на заседании «вице-президентской» секции «Глобальное неравенство в долгосрочном измерении», организованной Я.-Л. ван Занденом (Голландия) совместно с Й. Батеном (Германия) и Л. Бертола (Уругвай), присутствовало более 150 участников конгресса, и аудитория не смогла вместить всех желающих. Больше внимания в работе секций уделялось вопросам роли технологических инноваций, восприимчивости к ним экономических институтов. Эти вопросы обсуждались, например, на секции «Наука, технологии и экономическая история».

Работа секций конгресса показала также, что расширяется арсенал методов и технологий, используемых в исследованиях историков-экономистов. Так, секция В8, организованная испанскими учеными Д.А. Гарсия и А.К. Солана, включала 11 докладов, в которых технологии ГИС (географических информационных систем) и методы нелинейной динамики эффективно применялись в исследовании пространственных аспектов испанской колонизации Латинской Америки в XV–XVIII вв.

Какие новые элементы появились в структуре XV конгресса?

Первый раз был проведен эксперимент по организации стендовых докладов молодых ученых, отобранных Исполкомом ИЕНА.

Впервые в программе конгрессов столь явно был заявлен прогностический потенциал экономической истории. Специальная секция «Мир в 2030 г. Взгляд в будущее с учетом долгосрочных тенденций», организованная Дж. Тоньоло, собрала большую аудиторию. Возможно, появление этого нового направления в работе конгресса связано с текущей экономической ситуацией в мире, продолжающимся кризисом. На секции выступили сразу несколько наиболее известных специалистов, занимающихся проблемами глобальной истории, международными сравнениями исторической статистики, исследованиями тенденций экономического развития последних десятилетий. В целом прозвучавшие прогнозы трудно назвать оптимистичными. В частности, выступавшие обсуждали нарастающие проблемы постепенного истощения природных ресурсов, растущей миграции из Африки в страны Европы, возможные последствия для стран Запада прогнозируемого усиления позиций Китая и Индии.

Новым элементом в работе конгресса было заключительное пленарное заседание, на котором была проведена открытая дискуссия двух известных экономических историков Р. Аллена (Оксфордский университет) и Дж. Мокира (Северо-Западный университет, Чикаго) на тему «Почему промышленная революция была британской?». В ходе дискуссии были даны две заметно различающиеся интерпретации феномена первой в мировой истории индустриальной революции, которая произошла в Британии. Дискуссия вызвала большой интерес участников конгресса — послушать дискуссионтов пришли около 1000 человек.

Из заметных новаций конгресса следует выделить проведенную российскими участниками презентацию энциклопедии «Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.» (Т. 1–2. М.: РОССПЭН, 2008–2009). Этот масштабный проект с участием более 200 авторов на протяжении ряда лет был поддержан РГНФ на стадии исследовательской разработки, а затем и в качестве издательского проекта (№ 06-01-16029д).

Презентация была организована генеральным директором издательства РОССПЭН А.К. Сорокиным, выпустившим энциклопедию. В мероприятии принял участие генеральный директор РГНФ А.В. Юрасов. Презентация привлекла активное внимание участников конгресса, в ней участвовали около 40 ученых. Перед собравшимися выступили Ю.А. Петров (руководитель проекта), А.К. Сорокин, профессор, член-корреспондент

РАН С.П. Карпов (декан Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова), профессор Д. Уэст (США), почетный президент Международной ассоциации экономической истории профессор Р. Хьерппе (Финляндия), один из ведущих специалистов в области мировой экономической истории Р. Сач (США), профессор Д. Дальманн (ФРГ) и др.

Выступившие высоко оценили уникальное издание, аналогов которому немного найдется в мировой экономической литературе. Всеми принявшими участие в презентации высказывалось пожелание об издании англоязычной версии энциклопедии, чтобы сделать книгу более доступной для мировой научной общественности.

Конгресс выявил и ряд проблемных мест, связанных с российским участием в Международной ассоциации экономической истории (ИЕНА). Так, в конкурсе диссертаций молодых ученых (PhD), который проводился по трем хронологическим этапам (до XIX в., «долгий XIX в.», «долгий XX в.»), не было представлено ни одной работы из России. При этом уровень представленных на конкурс работ отнюдь не был запредельным, и российские ученые вполне могли соперничать со своими зарубежными коллегами. Единственный, как представляется, сдерживающий фактор — необходимость представить диссертацию на английском языке — вполне по силам преодолеть новой генерации российской науки, если она хочет на равных участвовать в жизни мирового научного сообщества.

Конгресс обнажил ставшую традиционной организационную слабость отечественной науки, которая выражается в отсутствии в России национальной ассоциации экономической истории. Международная ассоциация экономической истории (ИЕНА) по уставу является объединением независимых неправительственных добровольных исследовательских ассоциаций, и отсутствие таковой в нашей стране серьезно затрудняет работу российских ученых на международной арене. Создание такого добровольного вневедомственного объединения ученых является одной из насущных задач развития отечественной историко-экономической науки.

Из основных организационных итогов конгресса отметим, что на Генеральной ассамблее Международной ассоциации экономической истории (ИЕНА), состоявшейся в Утрехте в ходе конгресса, была проведена ротация состава Исполкома ИЕНА. Членом этого руководящего органа избран на второй срок доктор исторических наук Ю.А. Петров. Президентом ИЕНА на следующий срок избран профессор Ян-Люйтен ван Занден

(Утрехтский университет, Голландия), позицию Генерального секретаря сохранил профессор Йорг Батен (Тюбингенский университет, Германия). Профессор Риитта Хьерппе (Университет Хельсинки) избрана почетным Президентом ИЕНА. Было решено, что следующий, XVI Международный конгресс экономической истории состоится в 2012 г. в г. Стелленбош, ЮАР, впервые на Африканском континенте. Надеемся, что российские историки-экономисты инициируют создание ряда секций и примут активное участие в работе будущего конгресса (см. официальный веб-сайт конгресса в Стелленбоше: <http://www.wehc2012.org/>).

Примечание

¹ Доклады участников XV Мирового конгресса экономической истории представлены в электронном формате на сайте: <http://www.eh.net/>

Общины иностранных купцов в России в XVIII в.

Как известно, в раннее Новое время большое значение в организации торговых связей между западноевропейскими странами и другими регионами Европы и мира имели так называемые колонии купцов-иностранцев, возникавшие в различных пунктах мирового рынка. Россия не являлась исключением: со времен Средневековья в Новгороде действовали ганзейские купцы, в Москве в XIV в. возникла корпорация «гостей-сурожан», в которую входили коммерсанты греческого и итальянского происхождения. В XVI в. основан северный порт Архангельск, через него проникали на русский рынок английские, голландские, гамбургские купцы, торговля которых развивалась и в XVII в. Колонии западноевропейских купцов в разных странах представляли собой достаточно замкнутые корпорации коммерсантов, которые, как правило, имели официальный статус. В России термин «колония» по отношению к иностранным коммерсантам не употреблялся ни в средние века, ни в Новое время. В связи с этим более корректным будет именовать группы иностранного купечества, действовавшие на русском рынке, «общинами», тем более что в России они далеко не всегда имели официальный статус с четко определенным членством.

В течение XVIII в. происходит неуклонное расширение внешней торговли России практически на всех направлениях. В результате численность иностранного купечества постоянно возрастает, расширяется национальный состав торговавших в России иноземцев. Но, как и в предыдущих столетиях, ведущая роль в обеспечении торговых контактов России с другими странами, особенно на западноевропейском направлении, принадлежала иностранным купцам. В связи с этим весьма важным остается вопрос о наличии определенного организационного единства иностранного купечества в России. Речь идет не об от-

* Захаров Виктор Николаевич — доктор исторических наук (Московский государственный областной университет).

дельных фирмах или компаниях, субъектах коммерческой деятельности, а о существовании более крупных общин иноземных коммерсантов, обладавших определенным статусом. Но каков же должен быть критерий выделения таких общин? Можно было бы выделять такие группы в зависимости от места проживания (например, иноземные купцы в Москве и иноземные купцы в Астрахани и т. п.), от формы торговли (например, продажа крупных партий пеньки за море или содержание трактиров и продажа вина в розницу), от вероисповедания (например, купцы-мусульмане или купцы-католики) и т. д.

Наиболее крупные группы иноземного купечества могут быть выделены исходя из национальной принадлежности коммерсантов. Принадлежность к одной национальной группе так или иначе свидетельствует об общем происхождении, определенном конфессиональном единстве, идентичном правовом статусе. Поэтому вполне правомерно, говоря об общинах иностранных купцов в России XVIII в., прежде рассмотреть вопрос об общинах иноземных коммерсантов той или иной национальности. Это и составляет цель данной статьи.

На русском рынке в течение XVIII в. действовали представители торгового мира многих стран и разных частей света. Из купцов стран Востока можно отметить общины индийских, армянских, бухарских купцов. Но в рамках данной статьи мы предпочтем ограничиться только купечеством стран Западной Европы, которое в XVIII в. было широко представлено на русском рынке.

Каков же был правовой и официальный статус каждой из национальных общин? Оказывается, что далеко не каждая национальная группа иноземного купечества таковым статусом обладала. Этот статус возникал, если та или иная национальная община получала особые права или преимущества, которые могли быть предоставлены российскими властями, отражены в международных договорах. Наиболее характерной в этом смысле является деятельность английского купечества в России, которая берет свое начало в середине XVI в. По жалованному грамотам Ивана Грозного и его нескольких преемников на царском троне англичане могли беспешинно торговать в России, причем не только в портах, но и в Москве и других внутренних городах. В самой Англии право на торговлю в России получили только члены специально созданной «Московской компании» (позже — «Русская компания»)¹. В 1650 г., уступив настойчивым просьбам русских купцов и использовав в качестве повода казнь короля Карла I, правительство царя Алексея Михайло-

вича лишило англичан их привилегий. Они должны были покинуть Москву, другие внутренние города и торговать только в порубежных портах, каковым был тогда лишь Архангельск². В результате торговля англичан в России во второй половине XVII в. пришла в упадок, численность членов «Русской компании» резко сократилась. Но, как и прежде, никто из посторонних купцов не имел права действовать в России. Ситуация существенно изменилась в последние годы XVII в. Участие Англии в войне за испанское наследство, острая потребность в материалах для оснащения военного флота (naval stores) способствовали активизации деятельности английских купцов в России. В 1698 г. парламент принял билль об упрощении доступа в «Русскую компанию». Чтобы стать ее членом, достаточно было заплатить 5 фунтов стерлингов³. В результате в правление Петра I численность британских коммерсантов в России резко возросла, и по объему товарооборота они превзошли купцов всех остальных стран. Правда, в течение правления Петра I и ряда последующих лет англичане не имели каких-либо привилегий в России. В 1734 г. на основании торгового договора между Россией и Великобританией английские купцы в России получили существенные льготы по сравнению с льготами купцов прочих стран. Они могли платить пошлины не в иностранной валюте, а русскими деньгами. При ввозе важнейшего английского импортного товара — сукна — пошлина для англичан снижалась на одну треть. Они подлежали юрисдикции Коммерц-коллегии. Прочие иностранные купцы находились под ведомством органов городского управления, где судебные дела рассматривались довольно медленно и зачастую решались в пользу русских купцов, которые пользовались в этих органах большим влиянием. По договору 1734 г. только английским купцам было предоставлено право торговли с Ираном через российскую территорию⁴. Большинство этих привилегий (за исключением права торговли с Ираном) подтверждались последующими соглашениями России и Англии на протяжении всего XVIII в. Это в еще большей степени упрочило особый статус английских купцов в России, сделало принадлежность к их числу весьма привлекательной.

Таким образом, английских купцов в России объединяла не только общность их происхождения, но и целый ряд других условий, а именно: привилегии, предоставленные англичанам по русско-английским соглашениям; принадлежность к существовавшей в Англии «Русской компании».

В русских источниках начала XVIII в. говорится о так называемой английской компании, под которой и следует понимать

всех купцов, имевших британское подданство. Во главе общины находился так называемый бурмистр, или поверенный, который также мог от имени всей компании войти в контакт с русским правительством, которое в свою очередь могло обращаться ко всему сообществу британского купечества.

О личном составе английской общины в середине XVIII в. можно судить на основании списка, представленного в Коммерц-коллегию ее поверенным Иваном Эдвардсом (John Edwards) в 1743 г.⁵ В нем перечислены купцы, действовавшие в Петербурге, который стал к тому времени основным центром внешне-торговых операций английского купечества. В списке значатся 44 купца. Далекое не все они являются собственно англичанами. Часть из них является коммерсантами немецкого происхождения. Таковых, по нашим подсчетам, в данном перечне 12 человек. Из Восточной Прибалтики происходили Яков Вольф (Jacob Wolff) и Генри Шифнер (Henry Schiffner). Эрнст Бардевик (Ernst Bardewieck) прибыл из Ольденбурга. Готфрид Веккель (Gottfried Weockel) был прусским купцом из Берлина. Мейер и Сандерс (Mejer and Sanders) в 20-х гг. XVIII в. известны как гамбургские купцы⁶. Практически все они имели давние связи с русским рынком, русскими купцами, хорошо разбирались в специфике российской торговли. Поэтому они были перспективными партнерами для собственно английских купцов, заинтересованных в развитии контактов с Петербургом. С другой стороны, немецкие коммерсанты могли значительно расширить масштабы своих торговых операций, если бы им удалось принять участие в торговле России и Англии, а для этого следовало войти в состав английской «Русской компании», принять британское подданство.

Расширение членства компании за счет иностранцев стало возможным после ее реорганизации в 1698 г. Именно выходцы из немецких земель составляли большинство иноземцев, присоединившихся к «Русской компании» в XVIII в. По данным М. Шульте Беербюль, в 1725–1734 гг. в «Русской компании» в самой Англии состояли 15 немецких купцов, 1 голландец и 3 француза, а в 1735–1744 гг. — 6 немцев, 3 голландца и 2 француза⁷. В составе английского купечества в Петербурге в 1743 г. французов мы не видим. Но есть один голландский купец. Это Петр Свелленгребел, принадлежавший к торговой фамилии, действовавшей в России с середины XVII в. Кроме того, известно о членстве в английской «Русской компании» Еремея Мейера (Hermann Meyer), одного из наиболее влиятельных голландских купцов на русском рынке в первой трети XVIII в.⁸

Выходцы из немецкого остзейского купечества появляются в составе английской общины в России и в дальнейшем. С начала 60-х и до конца 70-х гг. одной из ведущих английских фирм в Петербурге становится компания «Риттер, Торнтон и Кейли» (Ritter, Thornton & Cayley). Состав этой компании в полной мере отражает специфику деятельности крупнейших британских корпораций на русском рынке. Риттер происходил из немецкого купечества Прибалтики, был связан с Яковом Вольфом, выступил одним из его душеприказчиков по исполнению завещания⁹. Джон Кейли, англичанин, находился вместе с Риттером в Петербурге. Годфри Торнтон (Godfrey Thornton) принадлежал к одной из влиятельнейших предпринимательских фамилий Лондона, состоял членом правления Английского банка, был одним из руководителей «Русской компании»¹⁰. Таким образом, Торнтон организовывал операции своей фирмы в Англии, а его компаньоны находились в Петербурге, занимались получением грузов из Лондона, закупкой товаров для своей фирмы в России и т. д. Причем один из компаньонов был англичанином, другой — выходцем из немецкого купечества Прибалтики, что обеспечивало достаточно широкий круг связей фирмы на русском рынке как среди русского, так и иностранного купечества.

Однако вхождение в состав британского купечества немецких, голландских купцов почти не влияло на круг семейно-родственных связей английских коммерсантов. Британцы предпочитали развивать семейно-родственные отношения в своем достаточно узком кругу. Весьма характерны в этом плане выявленные Э. Кроссом взаимоотношения кланов Кейли и Рейкс, принадлежавших к числу ведущих британских торговых фирм в Петербурге. Джон Кейли, компаньон Риттера и Торнтона, консул Великобритании в Петербурге в 1787–1795 гг., был женат на Саре Козенс (Cozens), сестре английского купца и промышленника, основателя одной из первых в России ситцевых мануфактур¹¹. Другая сестра Козенса — Мэри — была замужем за Николаем Каванахом (Cavanagh), английским купцом и владельцем сахарного завода в Петербурге. Дочь Николая и Мэри Каванах — также Мэри — была замужем за Тимофеем Райксом (Timothy Raikes). Сын Джона Кейли — Джон Кейли-младший — женился на дочери Тимоти и Мэри Райкс — Харриет¹². Правда, одна из дочерей Джона Кейли-старшего — Элизабет — вышла замуж в семью Поггенполь (Poggenpohl), коммерсантов, происходивших из Саксонии. Еще один редкий случай матримониальных связей британцев за пределами их общины касается голландского купечества. В начале XVIII в. в окружении Петра I

наибольшим авторитетом из английских купцов пользовался Андрей Стайлс (Henry Stiles). Сестра его жены была замужем за голландским купцом Иваном Тамесом (Jean Tamesz), их сын Иван Тамес-младший в юности обучался коммерции в Англии, а вернувшись в Россию, вступил во владение полотняной мануфактурой в Москве, основанной отцом¹³. Характерно, что в России он часто называл себя Джон Тамес.

В отличие от Англии Нидерланды никогда не имели с Россией соглашений о привилегиях для своих купцов, действовавших на русском рынке. В Нидерландах не было компании, специально созданной для торговли в России и получившей на это монопольное право. Отправиться для торговли к русским берегам мог любой тамошний коммерсант. Для проникновения на внутренний русский рынок каждый отдельно взятый голландский коммерсант должен был получить жалованную грамоту, выданную от имени российского царя. В подобных обстоятельствах коммерсантам было трудно действовать в одиночку, поэтому в их среде возникали регулярные контакты между отдельными членами общины. Это могли быть отношения постоянных коммерческих партнеров, а также связи родственные, иные взаимоотношения личного характера. Подобные семейно-родственные контакты в среде голландских купцов носили длительный стабильный характер. Во многих семьях дело переходило из поколения в поколение, в результате семейная фирма устойчиво существовала в течение длительного времени. На протяжении почти двух веков мы видим среди голландцев представителей нескольких поколений одних и тех же семейств. Это фамилии Гутманов (Houtmans) (3 поколения), Свелленгребелов (Swellegrebel) (4 поколения), де Вас (de Voes) (5 поколений) и др. Такая преемственность нескольких поколений характерна в наибольшей степени именно голландских купцов и составляет очевидную особенность организации и деятельности в России общины нидерландского купечества.

Голландские купцы, находившиеся в России, располагали весьма разветвленной системой родственных и личных контактов. Это позволило Я.В. Велуенкампу сделать вывод о существовании еще в XVII в. в среде голландского купечества в России так называемых семейно-производственных сетей¹⁴. Они сохраняются и в XVIII в., причем в среде голландского купечества вплоть до середины XVIII в. формируются достаточно разветвленные кланы, отдельные члены которых постоянно находились в Нидерландах, чаще всего в Амстердаме, поддерживая деловые отношения со своими родственниками в России.

В первые годы XVIII в. большую известность среди голландских купцов в Москве приобрел торговый агент российского правительства Ян Люпс (Jean Lups). Одна его дочь, Анна, вышла замуж за находившегося в России голландского купца Еремея Мейера (Hermann Meyer), другая дочь, Сюзанна София, стала женой амстердамского банкира и купца Людвика Говия (Ludwick Novu). Брат Сюзанны Софии, Хендрик, создал вместе со своим шурином Людвиком Говием торговую фирму в Амстердаме¹⁵. Тогда же в России Еремей Мейер действовал на коммерческом поприще совместно с Яном Люпсом-младшим, который был племянником Яна Люпса-старшего и двоюродным братом жены самого Еремея Мейера и находившихся в Амстердаме Хендрика Люпса и Сюзанны Софии Говий. Сестра Еремея Мейера — Элизабет — вышла замуж за голландского купца Хендрика ван Йевера (Hendrick van Jever), который, как и его отец, торговал в начале XVIII в. в Москве и Архангельске¹⁶.

Младший брат Хендрика — Волкерт ван Йевер (Volkert van Jever) переехал в Амстердам, стал там одним из крупнейших коммерсантов, поддерживал регулярные связи с фирмой своего брата в Архангельске. Нередко клановые связи нидерландских фамилий выходили за рамки собственно национальной общины. Коснулось это и клана Люпсов — Мейеров — ван Йеверов (Lups — Meyer — van Jever). Как уже отмечалось, Еремей Мейер принял британское подданство, стал членом английской торговой компании в России. Хендрик ван Йевер в начале 40-х гг. вошел в компанию с немецким купцом Херманном Болтенхагеном (Hermann Voltenhagen).

Еще одной очевидной особенностью деятельности в России голландской купеческой общины является ее тесная и долгая связь с Архангельском, который большинство из них на протяжении длительного времени предпочитали другим русским портам. В XVIII в. голландцы все в большей степени сосредотачиваются на торговле в Архангельске, даже тогда, когда порт на русском Севере оказывается уже в тени быстро прогрессирующего Петербурга. Голландцы вновь становятся крупнейшей общиной иностранных купцов в Архангельске. Даже в конце 80-х гг. XVIII в. на долю коммерсантов голландского происхождения приходится около 30% внешнеторгового оборота Архангельска (на долю немцев — 20%, англичан — 10%, русских купцов — 40%)¹⁷. Однако следует отметить, что к этому времени пришли в упадок или полностью прекратили свою торговлю в Архангельске почти все нидерландские коммерсанты, ранее доминировавшие на русском Севере. Теперь столь значитель-

ная доля голландцев в товарообороте Архангельска обусловлена лишь деятельностью фирмы «Родиона Фанбринна Сыновья» (Rutger van Brienens' Soehne) и Антона Менсендейка (Anthon Mensendijk). Фирма Фанбринов (van Brienens) была основана Родионом ван Брином, голландцем по происхождению, который до прибытия в Россию проживал в Гамбурге и в России чаще идентифицировался как гамбургский купец. В России Родион женился на дочери пастора голландской церкви в Архангельске Тинена (Tienen). Его старший сын Абрахам (Abraham) стал зятем если не соотечественника, то хотя бы единоверца — архангельского купца Соломона Вернизора (Solomon Vernisobre), по происхождению французского гугенота. Но в конце века ван Брины сближаются уже с немецкой средой. Абрахам становится консулом империи Габсбургов в Петербурге. Его старший сын Абрахам II женится на дочери гамбургского купца Иоганна Фюрста (Johann Fuerst), становится консулом Пруссии в Архангельске¹⁸.

В Петербурге голландцы всегда были относительно немногочисленны и уже в первой половине XVIII в. вступили в тесный контакт с немецкими купцами. В это время выделяется фирма «Лимбург и Бетлинг» (Limburg & Boethlink), созданная голландцем Абрахамом ван Лимбургом и выходцем из Любека Петером Бетлингом. Крупным коммерсантом становится Ян Крюйс (Jan Cruys), сын голландского адмирала на русской службе Корнелия Крюйса (кстати, уроженца Норвегии). Три дочери Яна Крюйса вышли замуж за немецких купцов: Якоба Штеллинга (Jacob Stelling), Генриха-Христиана Штегельмана (Heinrich-Christian Stegelmann) и Карстена Фойгта (Karsten Voigt)¹⁹.

Особо следует сказать о немецких купцах. В силу чрезвычайной сложности тогдашнего политического устройства Германии находившиеся в России немецкие коммерсанты идентифицировались главным образом в качестве представителей отдельных земель и городов. В XVII в. практически все находившиеся в России немецкие коммерсанты происходили из Гамбурга. Поэтому есть все основания говорить именно о гамбургской общине в России, к которой и в начале XVIII в. принадлежало подавляющее большинство коммерсантов немецкого происхождения. С точки зрения правового статуса, характера и организации торговой деятельности гамбуржцы имели много общего с голландцами, не говоря уже о том, что ряд гамбургских коммерсантов своим происхождением были связаны с Нидерландами. Так же, как и голландские купцы, гамбуржцы могли действовать на внутреннем русском рынке на основании специальных

жалованных грамот, выдаваемых каждому коммерсанту особо. Поэтому и в XVIII в. голландцев и гамбургцев нередко рассматривали как единую общину, противопоставляя ее в известном смысле англичанам.

Тем не менее в течение XVIII в. численность немецких купцов в России постоянно растет. Расширяется и представительство земель и городов Германии в составе немецкого купечества. Во-первых, наряду с выходцами из Гамбурга все более активно действуют представители других ганзейских городов, особенно тех, что расположены на Балтике, прежде всего Любека, а также Ростoka. Разумеется, это обусловлено развитием торговли России на Балтике, центром которой становится Петербург. Также появляются коммерсанты германских государств, вошедших в политический контакт с Россией. Это купцы Пруссии, Мекленбурга, Голштинии, Саксонии. Все они были весьма немногочисленны, но некоторые из них были заметными фигурами в среде иноземного купечества. Так, прусский купец Ян Пеллутье (Jean Pelloutjer) действовал от имени компании берлинских коммерсантов, которые в 20–30-х гг. XVIII в. в острой конкуренции с англичанами удерживали преимущество в поставке сукна для обеспечения российской армии. Ян Пеллутье принадлежал к семье французских гугенотов, переселившихся в Пруссию после отмены во Франции Нантского эдикта²⁰.

Во второй половине XVIII в. численность немецких купцов растет за счет выходцев из многих городов и земель внутренних областей Германии. Это приводит к тому, что немецкое купечество становится наиболее многочисленным. В списках иностранных купцов, торговавших в Петербурге в 1765 г., значатся 54 английских фирмы (в числе которых 7 немецкого происхождения), 23 любекских купца, 14 гамбургских, 38 французских, 7 швейцарских, 11 армянских, 1 берлинский, 5 датских, 6 «царских», 4 итальянских, 1 венецианский (с греческой фамилией), 5 саксонских, 3 ростокских, 47 голландских. Кроме того, имеется список купцов «разных наций» в количестве 59 человек, в отношении некоторых из них указано происхождение, а именно: 3 — из Гданьска, 2 — из Нюрнберга, 1 — из Бреслау, 1 — из Курляндии, 3 — из Швеции, 1 — из Ревеля. В отношении остальных 48 иноземцев национальность не указана, но, судя по данным других источников, в их числе 43 немца, 1 швед, 4 француза²¹.

В списке голландских купцов указаны лица, которые, по данным других источников, имели однозначно немецкое происхождение. Причем их в этом списке большинство — 32 че-

ловека. Голландцев всего 15. Включение столь значительного количества немцев в список голландцев свидетельствует о тесных деловых и родственных контактах между немцами и сравнительно небольшой группой голландских коммерсантов, а также о том, что уже с начала XVIII в. российское правительство в своих контактах с иноземцами рассматривало голландцев и немцев как одну общину.

Наконец, среди российских купцов упомянуты иноземцы, принявшие русское подданство, среди них 12 немцев, 3 голландца, 2 француза и 2 англичанина. Таким образом, общая численность купцов немецкого происхождения, принявших участие во внешней торговле Петербурга в 1765 г., составит 154 человека. На долю всех прочих наций, вместе взятых, приходится 143 купца или торговых фирмы. Аналогичные данные имеются и за ряд последующих лет. Так, при той же методике подсчета можно определить, что в 1792 г. во внешней торговле Петербурга приняли участие 97 купцов и торговых фирм немецкого происхождения, 58 англичан, 34 француза, 6 датчан, 4 греческих купца, 1 коммерсант из Швеции, 4 испанца, 6 голландцев, 3 швейцарца, 9 итальянцев, 2 португальца²². Причем если в 1765 г. значилось 44 купца из ганзейских городов, то в 1792 г. — только 16.

Аналогичной была динамика изменения численности национальных общин иностранных купцов в Архангельске и Москве. Данные переписи податного населения г. Москвы за 1795 г. (так называемой пятой ревизии) свидетельствуют о вступлении в московское купечество 114 иностранцев. Из них 73 происходили из Германии, 39 — из Франции. Представителей ганзейских городов значится не более пяти человек. Среди прочих — уроженцы Кельна, Фрейберга, Аахена, Франкфурта, Ханау, многих других мест из Пруссии, Саксонии, Баварии и т. д. Обращают на себя внимание бартья Карл-Людвиг и Фридрих-Вильгельм Амбургеры (Karl-Ludwig Amburger, Friedrich-Willhelm Amburger)²³. Среди любекских купцов значится Карл Бартель (Karl Bartel), являвшийся уроженцем Аугсбурга, т. е. ганзейские города иногда служили своего рода перевалочным пунктом, промежуточной станцией на пути продвижения немецких купцов в Россию. В любом случае постоянное возрастание численности коммерсантов, прибывавших из внутренних районов Германии, привело к тому, что ганзейские купцы (прежде всего любекцы и гамбургцы) постепенно растворялись в массе немецкого купечества различного происхождения.

Кроме ганзейских городов, в качестве промежуточных пунктов на пути продвижения немецких купцов в Россию можно рассматривать и города Восточной Прибалтики. В XVIII в. собственно в России, Петербурге и Архангельске действовали выходцы из Остзейских провинций, предки которых, в свою очередь, происходили из самой Германии.

Численное преобладание немецкого купечества вело к тому, что иноземцы других национальностей также тяготели к немецкой общине. Разумеется, это не относится к англичанам, которые составляли особую влиятельную группу. Определенное тяготение к немецкой общине характерно для голландских купцов, количество которых резко сократилось к концу XVIII в., а также для швейцарцев, датчан, всегда малочисленных в России, и представителей торгового мира Швеции, многие из которых имели немецкие корни. С другой стороны, тесная связь с немецкой общиной наблюдается и в отношении ряда купцов Юго-Западной и Южной Европы: итальянцев, иногда французов. Это объясняется тем, что многие коммерсанты из Италии и Франции попадали в Россию через ганзейские города. В свою очередь, Гамбург и Любек издавна имели контакты с Генуей, Венецией, Бордо, Бургундией, другими городами и регионами Франции и Италии, осуществляли торговое посредничество между ними и восточноевропейском рынком.

Подобное тяготение купцов ряда стран к немецкой общине проявилось еще до середины XVIII в., о чем свидетельствует список купцов «голландской и немецкой компании», составленный в Петербурге в 1743 г. наряду с уже упоминавшимся списком английской компании. Составителями списка были «бурмистры» компании — голландец Авраам Лимбурх (Abraham Limburg) и гамбуржец Давид Беркузен (David Berkhjusen)²⁴. В списке значится 68 человек. Явно преобладают выходцы из немецких земель. Несомненно, голландцами в данном перечне являются всего лишь восемь человек, среди них Ян Крюйс (Jan Cruys), Иоганнес ван Белкамп (Johannes van Belkamp), Авраам Лимбург (Abraham Limburg), Леопольд Потет (Leopold Potet). Стефан Линдеман (Stephan Lindemann), копенгагенский купец, был одним из немногих представителей датского купечества. Вероятно, датчанином был и Якоб Магнуссен (Jacob Magnussen).

Кроме того, в этой голландско-немецкой общине значатся и коммерсанты, происходившие из стран Южной и Юго-Западной Европы. Это француз Жан Бузанкет (Jean Bouzanquet), итальянцы Марко Боени (Marco Boeni) и Бернардо Леццано (Bernardo Lezzano). Таким образом, так называемая голландско-немецкая

община в то время объединяла почти всех находившихся в Петербурге западноевропейских купцов, за исключением англичан. Кроме купцов Италии и Франции, названных в числе немецкого купечества, в списке 1743 г. можно привести еще ряд не менее ярких примеров. В начале XVIII в. в Гамбурге действовали геновские купцы Джузеппе Мариотти и Джованни Бюстелли. Они поддерживали контакты с российским рынком, и во втором десятилетии XVIII в. оказались в Петербурге, новой внешнеторговой гавани России. В 1719 г. Дж. Мариотти числится уже в составе гамбургских купцов, действовавших в Петербурге, и вскоре становится «бурмистром» гамбургской общины²⁵. Так, итальянский по происхождению купец оказался среди гамбургского купечества в России. В середине XVII в. в Любек прибыл из Франции Людовик Моллво (Molveau), который специализировался на торговле вином. В Любеке он и его потомки продолжили ту же деятельность в более широких масштабах, расширили экспорт вина в страны Северной Европы, в том числе и в Россию. Одновременно они натурализовались в Любеке, вошли в элиту купечества ганзейской столицы. А в 40-х гг. XVIII в. в Петербург прибыл внук Людовика Моллво Герман Николас (Hermann Nikolas), который считался здесь любекским купцом²⁶. Его сын Якоб в начале XIX в. стал одним из основателей и первым председателем Петербургского биржевого комитета, в 1815–1818 гг. был городским головой Петербурга²⁷.

Что касается семейно-родственных связей внутри немецкой общины, то и здесь можно выделить целый ряд кланов. Причем для гамбургских купцов, особенно в XVII — начале XVIII в., характерны связи с семьями голландского происхождения. Это обусловлено тем, что с конца XVI в. в Гамбург переселялись представители многих знатных торговых фамилий из Нидерландов. Наиболее авторитетными гамбургскими купцами в России в начале XVIII в. были братья Матвей и Иоганн Поппе (Matthaeus Porre, Johann Porre). Их отец Лоренц Поппе, прибыв в Гамбург из Тюрингии, женился на дочери Франсуа Хекса (Наесх), выходца из Антверпена, влиятельного члена нидерландской общины. По прибытии его сыновей Матвея и Иоганна Поппе в Россию помощь им оказал их родственник по матери голландец Степан Элеут (Ellout). Вскоре братья женились на дочерях видного голландского купца в России Даниеля Артмана (Hartmann)²⁸. В результате к Матвею Поппе перешло от Д. Артмана право на закупку и отправку за рубеж мачтового леса²⁹. В этот же клан вошел и еще один коммерсант гамбургского происхождения — Андрей Бутенант (Heinrich Butenant), купец и владелец желез-

ных заводов, торговый агент датского короля, женатый еще на одной дочери Д. Артмана. В начале XVIII в. члены семьи Поппе вошли в торгово-предпринимательскую элиту Гамбурга, заняли ведущее положение в торговле с Россией. В России до середины XVIII в. интересы этой семьи представлял Франц Людвиг Поппе (Franz Ludwig Poppe), племянник Матвея и Иоганна. Через своих родственников в Гамбурге он мог осуществлять контакты с ведущими торговыми центрами Западной Европы от Гамбурга до Лиссабона.

Из любекских купцов на русском рынке был представлен клан Родде, один из наиболее влиятельных в торговой элите Любека XVII–XVIII вв. В XVII в. несколько членов семейства Родде (Rodde) действовали в остзейских городах: в Риге, Ревеле, Нарве, приезжали для торговли в Новгород и Псков. Каспар Адольф Родде (Kaspar Adolf Rodde) и его брат Дидрих (Diedrich) в годы Северной войны перебрались из Нарвы в Архангельск. Благодаря контактам своих любекских родственников с религиозно-благотворительными организациями профессора А.Г. Франке из Галле, К.А. Родде организовал поставки книг, медикаментов, других нужных товаров для Петра I и его окружения. Дочь К.А. Родде Маргарета Элизабет вышла замуж за сподвижника А.Г. Франке пастора Христиана Готтлиба Беккера (Christian Gottlieb Becker), который прибыл в Москву. Их сыновья Самуэль Готтлиб и Александр Христиан Беккеры (Samuel Gottlieb Becker, Alexander Christian Becker) стали купцами в Архангельске, как и их дед по материнской линии. В дальнейшем связи внутри клана Родде–Беккеров в Архангельске еще больше упрочились. Из Ревеля прибыл Беренд Иоганн Родде (Berend Johann Rodde), племянник Каспар Адольфа и Дидриха. Он женился на одной из дочерей Дидриха и создал торговую фирму вместе с братьями Беккерами, один из которых, Самуэль Готтлиб, был женат еще на одной дочери Дидриха Родде³⁰. В фирме приняли участие другие выходцы из Ревеля — Петр Гернет и Иоганн Бейл (Peter Gernet, Johann Veil), имевшие родственные связи с Родде и Беккерами. Этот клан действовал в Архангельске в течение почти всего XVIII в. и не имел родственных связей с находившимися здесь кланами голландского происхождения. Тем не менее Беренд Иоганн Родде имел прямые контакты с Гамбургом, в 60-х гг. подолгу бывал в этом городе, занимаясь там делами своего архангельского торгового предприятия.

Как видим, представители семейств Поппе и Родде, действовавшие в России, имели родственников среди купеческой элиты

у себя на родине. То же отмечалось нами и в отношении родственных кланов нидерландских купцов.

Но к концу XVIII в. в среде иноземного купечества в России появляются выходцы из стран зарубежной Европы, не принадлежавшие к тамошним влиятельным купеческим фамилиям. Это становится типичным для немецких коммерсантов, прибывавших из внутренних районов Германии. Например, братья Амбургеры, которые достаточно быстро вошли в число ведущих коммерсантов на русском рынке, были сыновьями чиновника, состоявшего на службе у князей Сольмс (Solms)³¹. Один из основателей известной фирмы «Кюммель и Блессиг» (Kuemmel & Blessig) Филипп Якоб Блессиг был сыном трактирщика из Страсбурга. Иоганн Иоахим Мас (Johann Joachim Mahs), родоначальник предпринимательского клана, известного в России в XVIII–XIX вв., происходил из семьи гамбургских ремесленников, занимавшихся обработкой шелковых тканей³².

Еще в большей степени это характерно для прибывавших в Россию французских купцов. Вплоть до начала последней трети XVIII в. французских коммерсантов в России было совсем немного. Если в составе английского, голландского и немецкого купечества насчитывались десятки постоянно действовавших фирм, то французов среди регулярно торговавших в Петербурге коммерсантов было не более 5–10 человек. Правда, и в последней трети XVIII в. число крупных французских компаний в Петербургском порту остается на том же уровне, но стремительно возрастает количество французских коммерсантов, проникавших в сферу мелкой и розничной торговли в Москве и Петербурге. Для того чтобы получить право розничной торговли или приобрести необходимую свободу действий на внутреннем рынке, прибывшие из-за рубежа иноземцы должны были вступить в состав местного купечества и принять российское подданство. Сохранилось несколько десятков архивных дел о вступлении иностранцев в московское купечество, которые содержат интересные сведения об их происхождении. Так, Жан Мари Готье Дюфойе (Gautier Dufauey), вступивший в московское купечество в 1770 г., был сыном судьи из Сен-Кантена. Уроженец Лиона Жан Симон по прибытии в Россию в 1769 г. стал часовщиком в известной швейцарской фирме «Сандо и Басселиера» (Sando & Basselier), только в 1774 г. он записался в московское купечество. Жан ле Фор из Блея с 1765 г. по 1777 г. был учителем французского языка в разных московских домах и только после этого стал московским купцом³³. Подобные примеры легко умножить. Таким образом, французское торговое сообщество

выглядело весьма своеобразным. Это две-три крупные внешне-торговые фирмы в Петербурге: сначала «Жан Мишель, Йозеф Раймберт» (Jean Michel, Josef Raimbert), в конце века — «Франц Ноэль и Греннинг» (Franc Noel & Grenning), «Барраль и Шенони» (Barral & Chenonnie), а кроме них — множество коммерсантов, осуществлявших торговлю в незначительном масштабе, в том числе в розницу, в Москве и в Петербурге, хозяев булочных, кондитерских, галантерейных лавок, винных погребов, имевших самое разнообразное сословное происхождение и в конечном счете записывавшихся в российское подданство.

Португальские и испанские купцы были представлены лишь несколькими фирмами в Петербурге, специализировавшимися в сфере внешней торговли, связей с другими общинами иностранных купцов практически не имели.

Таким образом, состав и соотношение численности общин западноевропейских коммерсантов в России в течение XVIII в. существенно изменился. В начале века определенно существовали три общины: голландская, достаточно влиятельная и активная; гамбургская, уступавшая по численности и влиянию голландцам, но аналогичная по статусу; английская, утратившая свое былое значение, но опиравшаяся все еще на «Русскую компанию» в Лондоне.

В конце века четко выделяется английская община, превосходящая всех по масштабам торговли, имеющая существенные привилегии, достаточно замкнутая с точки зрения семейно-родственных связей, но имеющая в своем составе выходцев из других стран, принявших британское подданство.

Голландская община почти исчезает, многие ее члены так или иначе сливаются с миром немецких коммерсантов, который включает теперь не только гамбургцев и не только выходцев из ганзейских городов, а представителей многих городов и земель Германии. Немецкая (или до какого-то времени немецко-голландская) выделяется многочисленностью ее членов, наличием в ее составе разветвленных родственных кланов. Она объединяет коммерсантов самого разного уровня, различного социального происхождения, вплоть до выходцев из семей чиновников и ремесленников. К ней тяготеют датчане, шведы, швейцарцы, некоторые французы и итальянцы.

Во второй половине XVIII в. прежде всего в среде мелкой и розничной торговли формируется французская община, представители которой прибывают из разных городов Франции, зачастую провинциальных, будучи выходцами из некупеческих семей.

В то же время национальные общины имели транснациональный характер. В отношении немецкого купечества это очевидно. Английская община приобретала транснациональный характер в силу привилегий, которые имели члены «Русской компании», что способствовало принятию британского подданства иноземцами, заинтересованными в получении таких же преимуществ. Транснациональный характер общин иноземных купцов в России ярко проявился в организации и деятельности Английского клуба в Петербурге. Он был основан в 1770 г. английским купцом Францем Гарднером (Francis Gardner). Но вскоре в нем оказались не только английские купцы, но и многие другие иностранные коммерсанты: голландцы Генрих Бахерахт (Hendrik Bacheracht), Франц ван Зантен (Fredrik van Zanten), Абрахам ван дер Флит (Abracham van der Fliet), итальянец Генрих Коломби (Colombi), грек Кондоиди, француз Франсуа Раймберт, датчанин Иван Магнус Архузен (Johann Magnus Archjusen) и очень много немцев, в том числе упомянутые выше Абрахам ван Бринен-старший, Яков Моллво, Иоганн Иоахим Мас, Блессиг, Поггенполь и др.³⁴

Примечания

¹ Любименко И. Торговые сношения с Англией при первых Романовых // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 66. 1916. № 11. Отд. 2. С. 14–15.

² Там же.

³ Price. J. The Tobacco Adventure to Russia. Philadelphia, 1961. P. 38–46.

⁴ Демкин А.В. Британское купечество в России XVIII века. М., 1998. С. 20.

⁵ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 276. Оп. 1. Д. 1668. Л. 6–7.

⁶ Amburger E. Die deutsche Kaufmannschaft St. Petersburgs um 1800 // Herold fuer Geschlechter-, Wappen- und Siegelkunde. 2. 1941. S. 136; Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 102.

⁷ Schulte Beerbuehl M. Staatsangehoerigkeit und fremdes Know-how // Vierteljahrschrift fuer Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 89. 2002. S. 389.

⁸ Демкин А.В. Британское купечество... С. 126.

⁹ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 10070.

¹⁰ Cross A. By the Banks of the Neva. Chapters from the Lives and Careers of the British in eighteenth-century Russia. Cambridge, 1997. P. 85.

¹¹ Ibid. P. 63–64.

¹² Ibid. P. 85.

¹³ Ковригина В.А. Немецкая слобода и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII века. М., 1998. С. 218–219.

¹⁴ Велувенкамп Я.В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. С. 233.

¹⁵ Amburger-Archiv. Osteuropa-Institut, Muenchen. Nr. 32.020, 32.028, 33.605.

¹⁶ Велувенкамп Я.В. Архангельск... С. 228–229.

¹⁷ Подсчитано по: Архив Санкт-Петербургского института истории. Ф. 36. Оп. 1. Д. 550. Л. 82–83.

¹⁸ Amburger E. Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Russlands. Die Familie Amburger in St.Petersburg. 1770–1920. Wiesbaden, 1986. S. 220–221.

¹⁹ Amburger E. Die deutsche Kaufmannschaft... S. 136.

²⁰ Kammerer J. Russland und die Hugonotten im 18. Jahrhundert (1689–1789). Wiesbaden, 1978. S. 86–87.

²¹ Внешняя торговля России через петербургский порт во второй половине XVIII — начале XIX в. Ведомости о составе купцов и их торговых оборотах. М., 1981. С. 30–50.

²² Там же. С. 140–154.

²³ Материалы для истории московского купечества. Т. 4. М., 1886. С. 449–452, 461.

²⁴ РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 1668. Л. 2–5.

²⁵ Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С. 42.

²⁶ Archiv der Hansestadt Luebeck. Familienarchiv Mollwo. Nr. 32.

²⁷ Захаров В., Краско А., Сартор В. Молво // Немцы России. Т. 2. М., 2004. С. 536.

²⁸ Deutsche Geschlechtsbuch. Band 27. Goerlitz, 1914. S. 148, 164.

²⁹ Мартенс А. Гамбургские купцы в Москве в XVII в. // Немецкие предприниматели в Москве. М., 1999. С. 53.

³⁰ Archiv der Hansestadt Luebeck. Schnobel Johann Hermann. Luebeckische Geschlechter. S. 1449; Lammel B. Der russische Handel der Frankeschen Stiftungen im ersten Viertel des 18. Jahrhunderts // Deutsch-Slawische Wechseltigkeiten in sieben Jahrhunderten. Berlin, 1956. S. 159–160; Amburger E. Die van Brienens und ihre Sippe in Archangel. Aus dem Leben einer Kolonie. Berlin, 1936. S. 62.

³¹ Amburger E. Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Russlands. Die Familie Amburger in St. Petersburg. 1770–1920. Wiesbaden, 1986. S. 22.

³² Zacharov V.N. Die Herkunft und die familiaeren Verbindungen deutscher Kaufleute in Russland // Kollektivitaet und Individualitaet. Der Mensch im oestlichen Europa. Hamburg, 2001. S. 178–180.

³³ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 16131, 17613, 18761.

³⁴ Столетие С.-Петербургского Английского собрания. 1770–1870. СПб., 1870. С. 43–65.

*В.В. Керов**

**Правительственные преследования,
конфессиональные ценности
или общинный корпоративизм?
Проблема факторов формирования и развития
старообрядческого предпринимательства в России
XVIII—XIX вв.****

В 60–70-е гг. XX в. развернулась широкая полемика вокруг вопроса о возможности применения «веберовской схемы» к различным конфессиональным общностям, и в том числе к феномену старообрядческого предпринимательства. Вообще историографы отмечают, что в изучении дореволюционного российского предпринимательства зарубежные авторы длительное время испытывали к старообрядцам особый интерес¹. Однако специальных работ по истории старообрядческого предпринимательства в зарубежной историографии второй половины XX — начала XXI в., прежде всего англо-американской, не возникло. При этом в связи с проблемой, поставленной М. Вебером, вопросу о факторах старообрядческого предпринимательства было уделено относительно большое внимание².

А. Гершенкрон первый и, пожалуй, единственный предпринял попытку комплексного анализа причин, влиявших на предпринимательство староверов. Он пришел к выводу о том, что «невозможно найти что-либо в религиозном учении старой веры» (как ветви православия, где нет, по его мнению, религиозного рационализма, концепции предопределения, избранности, «призвания» и пр.), способное объяснить необычный экономический успех старообрядцев. На том основании, что старообрядчество, как и православие в целом, считается мисти-

* Керов Валерий Всеволодович — доктор исторических наук (Российский университет дружбы народов, г. Москва).

** Доклад на XV Мировом конгрессе экономической истории.

ческой формой христианства, исследователь сделал вывод об отсутствии в старой вере религиозного рационализма и соответственно оснований для рационализма делового. В итоге исследователь счел, что главный и ведущий фактор — «социальное положение преследуемой группы» («аутсайдера» общества), которой деньги были необходимы для выживания и «поддержания своего гонимого культа». Все качества, которые способствовали хозяйственному успеху староверов: «аккуратность, честность, надежность, трудолюбие и бережливость» — сформировались как «защитная реакция на нетерпимость» властей и затем закрепились и развивались³.

Дж. Армстронг, С. Блэк, Р. Крамми, Дж. Ракман, А. Рибер и др. поддержали тезис Гершенкрона об «аутсайдерской группе», сочтя, что религиозные ценности старообрядцев не играли роли, адекватной соответствующим положениям в протестантизме. При перечислении соответствующих черт этоса старообрядцев они характеризовались как «профессиональные», «групповые», «корпоративные», вызванные к жизни «требованиями делового мира» и т. п. Если же речь идет о протестантах, те же элементы назывались уже «религиозными». Встречались даже выводы об отсутствии у староверов особой религиозной этики⁴.

Сторонники точки зрения Гершенкрона добавляли и развивали его аргументы. Р. Крамми сделал вывод о полном отсутствии новаций в идейных аспектах старообрядчества и соответственно невозможности влияния собственно старой веры на хозяйственную деятельность ее носителей⁵. Дж. Ракман отметила, что наряду с позицией «аутсайдера» влияло и то, что честность и прочие качества развивались постольку, «поскольку этого требовал сам деловой мир»⁶. Дж. Армстронг заключил, что важнейшую роль сыграл статус староверов, определивший их вынужденное стремление к новым социальным ролям и обусловивший их обращение к «нечистому купеческому делу», отвергаемому господствующими группами⁷.

Немногочисленные оппоненты Гершенкрона заявляли о схожести «духа» и хозяйственного этоса староверов и протестантов, в частности кальвинистов. У. Блэквелл даже заявил, что сам Вебер якобы сопоставлял староверов с «кальвинистами, квакерами и методистами» (хотя и не пытался приложить к России свои общие теории предпринимательства)⁸. Но вслед за утверждением о том, что религиозные положения старообрядчества (аскетизм, дисциплина, дух единства, общинные институты, а также по аналогии с протестантами — «личная вера») представляли

собой в указанном смысле важный фактор, Блэквелл заключил, что даже «умеренная модель веберовского анализа протестантской этики и зарождения капитализма в Западной Европе могла бы ввести в заблуждение в случае ее помещения в русский контекст». В конце концов, декларативно оппонируя Гершенкрону, Блэквелл согласился, что наиболее значительным фактором явилось то, что, «преследуемые, отчужденные на социальную периферию, отрезанные от нормальных каналов достижения политической и административной власти и привилегий, обреченные на статус отверженных законом», старообрядцы имели единственный путь сохранения веры и выживания сообщества в целом — предпринимательство, «несанкционированное для традиционных признанных классов общества»⁹. В результате выводы Блэквелла по сути не отличались от выводов его оппонентов, а декларируемая дискуссия превратилась в виртуальную.

На современном этапе историографического развития доминирует точка зрения, близкая выводам Гершенкрона. Наиболее четко ее сформулировал Дж. Уэст: «Старообрядцы усовершенствовали классические стратегии сопротивления, характерные для подчиненных групп: сначала бегство и приверженность неортодоксальной вере, затем формирование коллективной самоидентичности, противопоставленной остальному миру, и, наконец, создание, накопление и размещение материальных ценностей с целью уклонения от административных репрессий». Таким образом, «обновление» позиции Гершенкрона проявляется лишь в некотором ее смягчении. Уэст обнаружил, что у староверов «традиционное отрицательное отношение к коммерческой деятельности, личной инициативе и получению прибыли видоизменилось до своей противоположности — в религиозно санкционированную культуру предпринимательства», но лишь под воздействием стремления противопоставить себя окружающему миру¹⁰.

Впрочем, в последние годы некоторые исследователи пошли на дальнейший компромисс. Так, начав сотрудничать с российскими историками и глубже познакомившись с источниками, Крамми вынужден был согласиться с наличием некоторых инновационных аспектов и в старой вере¹¹. Дж. Уэст в тезисах к данному конгрессу пишет о *возможности* наличия в «религиозно-предпринимательской культуре» старообрядцев «чего-либо похожего на веберовскую протестантскую этику»¹². Однако подобная точка зрения еще не получила распространение в зарубежной литературе.

В то же время развернутый анализ широкого круга источников дал иные результаты.

* * *

Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. Развивая положения православного богословия XVII в., по-новому интерпретируя традиционные христианские тексты в новых социально-политических и социально-экономических условиях, старообрядцы создали *новые конфессиональные ценности, обеспечили возникновение особого типа религиозности.*

Уже в системе представлений протопопа Аввакума, одного из первых учителей старой веры, судя по результатам контент-анализа его наследия, большую роль играло *положение о моральной ценности человека.* Протопоп не считал «доброродие», «славу», «богатство» или социальный статус средством спасения души. По Аввакуму, только личная вера, индивидуальное поведение, собственные поступки составляли существо христианского подвига человека.

Другой важной чертой новой религиозности и основой формирования новой позиции личности, новых психологических установок в старой вере стала установка на *вероисповедный активизм*, без которого в раннее Новое время был невозможен генезис социальной активности. Так, ключевое в традиционном христианстве понятие «терпение» в своем действительном значении в старообрядческих текстах связано не со «смирением/кротостью», но со «стойкостью в вере» и даже «противлением гонителям/борьбой за веру».

Сопrotивление, духовная и социальная активность были определены как важная мера спасения православного и всего православия. Показательно описание Аввакумом одного из своих видений, в котором протопоп встретился с антихристом: «...Я на него закричал и посохом хощу его бить. Он же мне отвечал: “Что ты, протопоп, на меня кричишь? Я *нехотящих не могу обладать*, но волею последующих ми, сих во области держу”. Да изговоря, пал передо мною...»¹³. Эта семантическая эволюция от библейского терпения как принятия страдания к позиции активного противостояния и борьбы свидетельствовала о новом понимании одной из основных христианских ценностей. Активная позиция верного осознавалась как единственный путь к спасению: «Ныне время благоприятно делания, ныне дни спасения, во гробе бо никто не может делати...»¹⁴.

Своей активной деятельностью человек способен приблизиться к Господу. Именно в этом вторая главная цель жизни человека, а сближение с Ним придает человеку силы для действенной веры и подвига. «Христос... заколол его [дьявола] деревянным копием, еже есть трисоставным крестом, — писал Аввакум, — да и нам приказал тем же крестом его побеждать и власть дал выступати на змию»¹⁵. Активный характер веры был воспринят в различных согласиях староверов¹⁶.

Соединяя положение о человеке как «храме Божиим», «сыне вышнего Иеросалима» с аргументацией активизма, родоначальники старообрядчества утверждали, что человек создан по образу Божьему не буквально, но в своей активной деятельности: «трудясь Господа ради», может воспроизвести Его черты¹⁷.

Многие элементы личной веры, гуманистической этики и историософии раннего староверия закрепились и усилились в произведениях XVIII в. В текстах «присутствовали» не только руководители общины, но и самые обычные люди; описывались их индивидуальные черты: данные о происхождении, чертах характера, личных заслугах, участке работы, где трудился человек, фактах биографии и пр.¹⁸ В конце XVIII — начале XIX в. старообрядцы все больше интересовались судьбой *личной души* как сотериологической ценности (в том числе сразу после смерти телесной, т. е. «Малой эсхатологией»), чем *судьбой мира* на Страшном суде («Большая эсхатология»).

Важную роль в закреплении этих личностных установок у старообрядцев сыграла концепция свободы воли человека. В старообрядчестве XVIII — начала XIX в. сохранялись и усиливались идеи *активной роли нравственно «самовластного» человека* в решении своей личной судьбы.

В результате развития соответствующих конфессиональных ценностей формировалась установка на *личную ответственность* перед Богом за деяния и веру, вне зависимости от социального или должностного статуса человека¹⁹. Такая ответственность передана была человеку по образу от Господа и поддерживалась совестью. Осуждая ссылавшихся на чужую волю, Аввакум взывал к колебавшимся: «Шлюся на твою совесть, — зане *разумное Божье яве есть в тебе*, Бог бо явил, есть в тебе»²⁰.

Многие из идей первых учителей старой веры, направленные на активизацию исповедания, заимствовались из наследия отцов церкви. Иным образом вожди старолубцев расставляли акценты, но важнее была совершенно новая *адресация призывов*. То, что раньше предназначалось лишь инокам, теперь предлагалось широким массам верных и воспринималось ими. В старо-

обрядческих произведениях обнаруживается идея всеобщности священства и мирян в активном подвижничестве. В итоге в староверии уже на раннем этапе начался, а к концу XVIII в. практически завершился переход от веры-ожидания (по апостолу Павлу, «уповаемых извещение») к вере-деятельности.

Вероисповедный активизм порождал *мирскую активность*, принципиально не отличавшуюся от духовных форм деятельности верующего, неустанно стремящегося к исполнению профессиональных целей. Активная позиция реализовывалась и в хозяйственной деятельности.

Важным фактором воздействия религиозной системы на возникновение системы старообрядческого предпринимательства стал развивавшийся в староверии *религиозный рационализм*, включая рационализм суждений, в т. ч. полемической аргументации, возможность рациональной критики и интерпретации религиозных текстов и т. д.²¹

Активизация вероисповедания старообрядцев, а тем более перетекание вероисповедного активизма в социальный могли произойти лишь в условиях, когда эти формы были объединены в единой социоконфессиональной системе и конфессионализации социальной практики. Староверие, как западноевропейские реформационные движения, развивалось в русле *сакрализации повседневной жизни*, формируя представления о *мирской аскезе*. Старообрядцы жили в общине, которая представлялась «прображом царства Божьего», и должны были вести праведную, строго регламентированную жизнь почти святого²². Сакрализация была настолько осознанной, что распространенным обозначением паствы синодальной церкви в отличие от староверов («верных», «христиан» и пр.) стал термин «мирские»²³.

Сакрализованная повседневность обусловила возникновение *религиозного методизма*, хотя и порожденного постоянным эсхатологическим страхом «прелести антихристовой», но вполне рационального в религиозном смысле. Вся повседневная жизнь старообрядца, в которой сочетались «монашеский устав и семейная жизнь»²⁴, была освящена и строго подчинена конфессионально-этическому самоконтролю.

Старообрядчество в ходе адаптации к новым социально-политическим и социально-экономическим условиям осуществило дальнейшее развитие закрепленного наследия. Модификация ценностей и институтов в староверии была при этом ускорена *аффективным воздействием остро воспринимаемой эсхатологии*. Она приобрела в старой вере конструктивный характер, ориентируя верных не на простое ожидание конца, но на

активную подготовку спасения в условиях «последних времен», «без отчаяния»²⁵.

Такое спасение было невозможно без сохранения истинной церкви, воссоздававшейся в форме общин верных. Анклавы-хранители старой веры быстро развивались, но в начале XVIII в. спасение этих прообразов Града Грядущего и «сосудов» католической церкви, православной веры и в конечном итоге возможность спасения душ «истинно верующих» оставались под вопросом в негативных политических и, что не менее важно, экономических и климатических условиях. Для сохранения веры и спасения верующих необходима была материальная база.

Менталитет Средневековья не обеспечивал выход за пределы традиционного этоса и вековых освященных представлений. В более раннюю эпоху судьба старообрядчества, вероятно, сложилась бы иначе. Но в XVII в. в российском обществе уже созрели элементы кризиса традиционной цивилизации. Социально-экономические, социально-политические и социально-культурные изменения вызвали к жизни модернизацию «сверху», начатую при Алексее Михайловиче. В то же время речь шла лишь о начале зарождения нового общества, и широкие религиозные массы были еще далеки от такой глубокой трансформации, как изменение ментальности, представляющей собой один из наиболее консервативных цивилизационных компонентов. Староверы же оказались под сильнейшим давлением эсхатологического пресса. На карту была поставлена судьба всей Церкви, сконцентрировавшаяся в руках оставшихся ревнителей, а значит, всего христианства. Поэтому, хотя идеалы староверов были связаны с их представлениями о прошлом, старообрядчество не могло «жить только тем, что было... унаследовано от прошлого. Следовало создать свой мир»²⁶. Сохраняя «веру, житие и законы», необходимо было пожертвовать традиционализмом в иных сферах. И выбор был сделан, в староверии произошел отказ от некоторых традиционалистских положений.

В тяжелых условиях только упорный труд мог дать шанс «супротив сил Антихриста». Соблюдать умеренность в низком по статусу физическом труде, надеясь лишь на промысел Божий, староверы уже не могли, если хотели спастись физически и духовно, подготовиться к концу мира в отведенные Господом неизвестные, но, очевидно, краткие сроки. В результате эсхатологического нажима сторонники «древнего благочестия» оставили традиционное отношение к труду, сформировав *новую трудовую этику*, санкционировавшую сверхдостаточный труд как душе-спасительный. Развивая традиционные христианские представ-

ления о труде «Бога ради» и распространяя иноческие нормы на мирян, староверие в духовной концепции «труда благого» как христианского подвига осуществило слияние физического, духовного и организационного труда. Руководители староверов убеждали единоверцев: «Не унываем в трудах, зане труды вечное блаженство подавают»²⁷. Все виды труда превозносились лишь постольку, поскольку их результаты предназначались общине²⁸. Эти принципы развивались в трудовой этике староверия второй половины XVIII — XIX в. Труд, если он был трудом «о Господи», осознавался как важнейший путь к спасению. В результате старообрядцы, по данным источников, были привержены «неумеренному» труду, отличаясь, по многим свидетельствам, упорством в работе.

Затем в ситуации эсхатологического стресса при отсутствии других способов сохранения общин, т. е. спасения Церкви и Веры, старообрядческие общины смогли преодолеть традиционное *отношение к собственности, в т. ч. — излишней (богатству)*. В XVIII в. высоко оценивалось *личное* нестяжательство²⁹, но «нищета», «нужда» и «во всем всего скудость» общины упоминались как отрицательные явления³⁰. Одновременно уже с начала XVIII в. староверами развивалась идея богоданности богатства. Так, купшы-проповедники раннего старообрядчества разъясняли, что богатство приверженцев старой веры — «от благочестия»³¹, «что соблюдение религиозных норм своего согласия служит залогом богатства»³². Праведно нажитая и правильно распределяемая собственность не могла осознаваться греховой. Ее подателем считался Господь, что освобождало инициативу предпринимателя.

Такое отношение было основано на интерпретации в старой вере традиционного тезиса о собственности Господа на все имение и развитии крестьянских представлений о Божьей земле. По свидетельству самих старообрядческих предпринимателей, в старовера было прочно «внедрено» «сознание своего положения лишь как Божьего доверенного по управлению собственностью»³³. Но это не означало, что собственность становилась «ничьей» и могла безотчетно перераспределяться, ведь Святой Дух подал «имение» конкретным его обладателям. Положение о «Христовой собственности» сочеталось с уважением к собственности вообще и жесткими запретами на незаконное присвоение средств общины или ее членов³⁴. Старообрядческие учебники по Закону Божию учили «уважать чужое добро, как свое собственное»³⁵.

Окончательно оправдание богатства вербализовалось на рубеже XIX—XX вв. в работах влиятельных старообрядческих архиереев. Епископ Арсений Уральский указывал, что спасение души зависит от благочестия, исполняемого каждым «*противу его состояния*». Соответственно для некоторых управление собственностью — это путь к спасению³⁶. Ссылаясь на авторитет Иоанна Златоуста, популярнейший в начале XX в. епископ Михаил (Семенов) утверждал, что «преданный Богу человек равно является добродетельным, находясь в богатстве и в бедности»³⁷.

В итоге, по свидетельству самих старообрядческих предпринимателей, купцу из староверов «и в голову не приходило считать себя за свое богатство в чем-то виноватым *перед людьми*», а лишь перед Богом, но не за некую греховность обладания, а за то, «что из посланных средств недостаточно уделяется бедным» и обществу³⁸. В староверии сложился культ милостыни. Милостыней в ряде случаев богатство не просто оправдывалось, но и даже мотивировалась его необходимость. Другим условием спасительности имения и важнейшим условием оправдания стяжательства являлся трудовой характер нажитого³⁹.

Под воздействием тех же факторов в староверии одновременно изменялось *отношение к предпринимательскому занятию* как к «нечистому» купецкому делу. Уже в первой половине XVIII в. было признано, что умножавшееся «всяко изобильство», в том числе «от торгов», является «вышнего Бога промыслом». Посредническая торговля была признана «благодатным» занятием. По словам выговских руководителей, торг и «торжник» могут быть «добрыми»⁴⁰. Но работа о Господе могла заключаться в торговом деле, только если прибыль предназначалась для братьев, а не для себя⁴¹. Андрей Денисов, выдающийся руководитель старообрядцев Поморья, указывал цели и условия общинного предпринимательства: «купечествовати, а ничего не стяжати, торговати, а прибытков не собирати... несколько времени на братство богорадное торговати, а в нескончаемое время всебогатными и всесладостными прибытками наслаждаться»⁴².

Торговля возымела такое значение для старообрядческих общин, что в их уставных документах запрет на торговлю в праздники был ослаблен оговоркой «аще ли великая нужда позовет»⁴³. Торговля и предпринимательство вообще приняли в старообрядчестве благословенный характер, а главным помощником в «деле» осознавался сам Господь. Некоторые купцы из старообрядцев помещали «ГБ» («Господи благослови»), «Бог — моя надежда» и пр. на обложках своих «торговых книг» и печатях для деловых документов⁴⁴.

Предпринимательство у старообрядцев, освобожденных (хотя и не безусловно) от пут «нечистоты» деловой деятельности, приняло широкие масштабы. Уже в XVIII в. среди староверов распространилось занятие «делами комиссийскими».

В начале XIX в. сформировалась новая *духовная концепция Дела*, ставшая ядром институциональной системы старообрядческого хозяйствования и определившая новое отношение староверов к предпринимательскому делу. С самого начала во многом определявшийся эсхатологическими ожиданиями в староверии сформировался культ делания и Дела. Реализация вероисповедного активизма осуществлялась в «благих делах»⁴⁵.

Концепция Дела была настолько важна для староверов, что в конце XIX в. получила свое «оформление» в работах и проповедях выдающихся начетчиков. В наиболее концентрированном виде концепцию изложил в своих проповедях епископ Михаил (Семенов). Каждый истинно верующий, готовясь к спасению, возглашает: «Иду на труд Твой, Господи!» — и начинает «сознательно подвижнический путь свой за Христом». Этот путь в своем «святом деле» — главное средство спасения. Пост и молитва «не спасут они нас, пока не оживут, а оживут они, когда рядом с исполнением наших заповедей согреем сердца святой работой... желанием положить лепту на дело Господне», — писал епископ Михаил. «Для нас и школа святости, и первое ее проявление — *служение Богу теми силами и на том месте, на котором мы стоим*». «Школой святости» могло быть и предпринимательство: «Иди каким угодно путем — тот и другой ведут к небу...»; «Поле и торговля не тенета для души... каждая профессия может быть святым “постом”, *святым делом*, нужно только спастись от тенет, отыскивая в каждом деле те его стороны, какими можно послужить Богу».

В рамках этой новой концепции фактически душеспасительным делом признавался практически любой труд, исполняемый верующим на своем месте, в своей профессии, в том числе в предпринимательстве. Важной новацией явилось то, что «дело о Господе» могло быть мирским и не имеющим никакой связи с конфессиональной деятельностью. Но для признания дела «святым» требовалось выполнение ряда условий. Во-первых, дело должно было выполняться в соответствии с этическими правилами: необходимо было «честно, “по совести”, делать свое мирское дело». Во-вторых, по результатам дела надо отдавать дань одной из двух важнейших Христовых заповедей: любви к

ближнему, милостыни и милосердию. Но главным считал епископ Михаил необходимость в своем деле принести «любовный дар Богу».

При этом, в отличие от представлений старообрядцев XVIII — первой половины XIX в., чтобы труд являлся святым душеспасительным делом, уже необязательной была его конкретная направленность «на благо общины» и т. п. Главное было осознавать, что это дело — для Бога, «принять в свою совесть ответственность за весь мир», главное — в «ощущении Бога и в движении вместе с Ним, с Его помощью к высшим целям жизни». «Главное в деле спасения — “делать для Бога свое дело”» — такова квинтэссенция староверческой духовной концепции Дела⁴⁶.

Эта концепция получила свою реализацию в этической практике старообрядческих предпринимателей. Дело в среде старообрядческого купечества, как и в Западной Европе, стало самоценным. Выдающийся старообрядческий хозяин В.А. Кокорев называл его «пьедесталом», который каждый имеет в своем деле⁴⁷. Отношение к нему проявлялось не только имплицитно в хозяйственных документах, но и прямо осознавалось и вербализовывалось в различных текстах, включая деловые письма, мемуары и конфиденциальные эпистолярные источники⁴⁸.

Дело представляло собой самостоятельную этическую цель, но с отличиями от протестантизма в форме, степени и мотивации. Запреты не распространялись на случаи «благословенной вины (причины. — В.К.) и великой надлежащей нужды»⁴⁹, которой и было Дело. Его значение в конфессиональной, в том числе сотериологической системе старой веры, было так велико, что для деловых нужд допустимо было пойти на сознательное совершение грехов.

Наиболее яркой формой такого рода отступлений для старообрядцев, субъективно ставивших задачу «бегать новизны», стали *новшества и заимствования* в технико-технологической стороне дела. Староверы часто ради дела первыми вводили технические нововведения, в вопросах же важных, также имеющих отношение к спасению, но не связанных с главным Делом, даже в благотворительности, отрицали иностранные заимствования. Так, рабочие-староверы, стоявшие у современных станков английской фирмы «Бр. Платт и К^о», попав в госпиталь Рогожской общины, оказывались на деревянных койках, так как железные кровати, уже стоявшие в военных госпиталях, были признаны попечителями «заграничным новшеством»⁵⁰.

Так же обстояло дело с другим запретом — на «*сообщение с иноверными*». В процессе предпринимательства староверы активно вели дела с представителями различных национальностей и конфессий. Это относилось и к занятию делом в воскресенье и праздники, и к другим случаям. Именно ради дела, для того чтобы добиться высокого качества продукции, поддерживать дисциплину труда, предприниматели-старообрядцы широко применяли штрафование рабочих, сознательно совершая тяжёлый грех «удержания платы наемнику», который потом вынуждены были отмаливать⁵¹.

Концепция дела, ставшего важнейшей ценностью старой веры, во многом определила черты деловой культуры старообрядцев: активизацию усилий в профессиональном Деле и в хозяйственной деятельности; стремление улучшить и развить его; строгое соблюдение христианских нравственных норм и т. д. Изъятия из строгой этики делались лишь для государства и господствующей церкви, олицетворявших мир антихриста и его предтеч.

Это же показывает микроанализ «казусов» старообрядческих предприятий⁵². Была выявлена структура старообрядческого представления о деле: *личный организаторский труд хозяина*, добросовестность и *личная ответственность* за дело предпринимателя и всех его работников; *правильная организация дела*; ориентация не на простое воспроизводство, но на *развитие предприятия*; стремление обеспечить *успех предприятия и высокое качество продукции*; *обязательное использование части его результатов для общества*.

* * *

Огромное воздействие на развитие старообрядческого предпринимательства оказывали **социоконфессиональные факторы**.

В старообрядчестве сложилась новая концепция собственности с ориентацией на функцию обеспечения сообщества. Но российские «Божьи доверенные» в отличие от протестантов⁵³ не получали имение непосредственно от Господа. Несмотря на рост личной активности и значение личной ответственности, посредником между Богом и человеком в хозяйственном процессе оставалась в староверии *община верных*. Это представление опиралось на традиционное православное учение о церкви, прообразом которой и была община. Кроме того, влияли и традиционные крестьянские представления о «расчлененности землевладельческих прав» и посреднической роли общины

в предоставлении Божьей земли в пользование крестьянину. Огромное значение имела и нестабильность положения староверов в государстве. Выжить самим и сохранить сообщество, предпринимая усилия лишь поодиночке, без общей координации, старообрядцам бы не удалось.

На определенном этапе староверы считали, что собственностью распоряжаются не столько они, сколько община, имевшая больше прав на обладание имением. Старообрядцы помнили принцип общности церковного имения и говорили, что «глагол мое от диавола ведется, вся вам общая сотворил есть Бог»⁵⁴. Когда вступавшие в общину староверы должны были исполнить требование «отдай Христу свое имущество»⁵⁵, речь шла не просто о посвящении имения Богу и осознании ответственности перед Ним. Имение членов общины фактически оказывалось в распоряжении общины.

В результате на рубеже XVIII–XIX вв. сложились и взаимодействовали на благо веры и общины различные формы собственности: 1) принадлежавшая общине юридически или нелегальная; 2) фактическая собственность общины, юридически оформленная на ее членов (в основном до середины XIX в.); 3) фактическая частная собственность членов общины, которую не всегда можно отличить от второй формы.

Собственно общинное предпринимательство, управлявшееся попечителями, отчитывавшимися перед общиной⁵⁶, приносило прибыль, но не могло иметь массового распространения. Власти не признавали юридические права старообрядческих сообществ, за исключением Преображенской и Рогожской московских общин, оформленных как богаделенные дома. Но и здесь общинам формально принадлежало лишь то, что находилось внутри стен, окружавших богаделенные постройки. Поэтому основная часть общинной собственности была записана на ее членов, прежде всего попечителей. Часто это были значительные предприятия и большие участки земли⁵⁷.

Так, земля вокруг Преображенского кладбища и строения на ней принадлежали формально отдельным крупным членам общины, но, с точки зрения федосеевцев, действительным собственником являлась община, а управлял землей попечительский совет. До того как в 1809 г. Преображенская община оформилась как богаделенный дом, ее недвижимость более 37 лет формально считалась собственностью ее основателя и руководителя И.А. Ковылина. После того как правительство в ходе очередного витка репрессий в 1831 г. обязало общину продать свою обширную собственность вне стен богаделенного дома, ее

формально купил на аукционе Ф.А. Гучков, по свидетельствам самих федосеевцев, не заплатив ни копейки⁵⁸. Как показывает анализ планов земельных участков и построек вокруг Преображенского, формальные переходы собственности не были единичными в условиях общинного «имения»⁵⁹.

Сложилась соответствующая *система управления такой собственностью*. Совет попечителей являлся высшей хозяйственной властью, хотя «верховным собственником» выступала община, которая по уставу могла потребовать отчета попечителей и финансовой ревизии⁶⁰. Попечители исполняли все функции полноценных предпринимателей и управляющих. Они коллегиально, а в ряде случаев единолично определяли предпринимательскую стратегию. Речь шла хотя и об общинном, но вполне современном корпоративном предприятии типа нынешних фондов.

Попечители имели право сдавать земли, заводы, фабрики, торговые заведения и дома в аренду, а «если что из вкладов для пользы дома будет излишне и невыгодно», говорилось в Уставе Преображенского богаделенного дома, могли продавать, закладывать, получая в каждом случае «согласие общества». *Капитал общины*, чтобы не оставлять его «без оборота», попечители использовали «по их рассмотрению», вкладывая его в ценные бумаги, выдавая ссуды «известным капиталистам и достойным вероятия людям», и могли «обратить его в торговую коммерцию... на их собственном отчете»⁶¹. Такие операции осуществлялись настолько активно, что некоторые критики заявляли, что, например, Преображенское «кладбище стало не только складом святых, но и банком»⁶².

Основную часть староверческой корпоративной экономики составляли частные (формально) предприятия ее членов, составлявшие целые предпринимательские сети. Так, современники обнаруживали, что и Рогожское, и Преображенское кладбища окружены множеством домов и предприятий староверов⁶³. В системе Преображенской общины действовало свыше 3 тыс. предприятий, в том числе 32 крупных и 120 мелких текстильных фабрик⁶⁴.

Все эти предприятия властями считались частными, но центром корпорации, *регулятором всей системы оставалась староверческая община*. Ее основное назначение было связано с координацией и обеспечением функционирования своеобразного механизма староверческих хозяйственных сетей. Высокую хозяйственную эффективность корпоративного (как и раньше общинного) старообрядческого предпринимательства в конце

XVIII — XIX в. обеспечивало совпадение конфессиональных межобщинных связей и возникших производственно-сбытовых сетей. Систему общероссийских конфессиональных контактов и связей с единоверцами старообрядческие купцы использовали в качестве «товаропроводящей сети»⁶⁵.

Основой функционирования предпринимательских сетей являлась общинная *хозяйственная солидарность* членов согласия — сообщества верных. По свидетельству современников, взаимопомощь старообрядцев, руководивших фабриками, с купцами-старообрядцами помогала «им сбывать с выгодой свои произведения, преимущественно пред фабрикантами православными [приверженцами официальной церкви]»⁶⁶. Так, в единую систему было организовано «московское» текстильное дело — от закупки материалов до оптовой и розничной торговли, где все звенья находились в руках купцов-старообрядцев одного согласия⁶⁷. Координация поставок сырья, производства и сбыта осуществлялась и в других отраслях.

Конфессиональные связи староверов позволяли также осуществлять маркетинговые исследования, недоступные для синодального большинства. С помощью единоверцев хлеботорговцы «постоянно получали точные сведения не только о ценах на хлеб, но и о том, как растет хлеб, каковы надежды поселян на урожай, каковы запасы помещиков и проч.». То же самое происходило в торговле рыбой, скотом, «съестными припасами». Сеть агентов собирала по всей стране необходимые для торговли сведения об улове рыбы, количестве порожних судов, местных ценах и конъюнктуре в целом⁶⁸.

Удалось также наладить внутриобщинные системы кредитования и обращения векселей.

В результате этих процессов старообрядчество стало конфессионально-экономическим сообществом. Уровень и объем прав общины на юридическую собственность ее членов не был определен и зафиксирован ни «внешними», ни «внутренними» формальными нормами, а отношения собственности регулировались лишь конфессиональными представлениями.

Община играла важную роль в повышении эффективности старообрядческого предпринимательства, но главную свою задачу в его регулировании она выполняла, непосредственно перераспределяя или организуя перераспределение прибыли предприятий с различными формами собственности. Именно таким образом община обеспечивала реализацию основных *функций старообрядческого предпринимательства*, направленных на поддержание и консолидацию всего сообщества.

Главной была функция *обеспечения жизнедеятельности общин, увеличения их числа и влияния*, расширения численности их членов. По точному замечанию А.П. Шапова, старообрядцы занялись «городской и заводской промышленностью», именно для того, «чтобы обеспечить свое положение и свои материальные выгоды и усилить свою общину»⁶⁹.

Все «состоятельные» члены общин были обязаны *ежемесячно* вносить средства в кассу обществ, непосредственно оплачивать расходы общины. Не всегда деньги проходили через руки руководителей общины. Так, в реестре «о взносе поземельных денег с домов Московской фабрики т-ва господ Гучковых» за 1850 г. отмечено, что из доходов формально частной фабрики выплачивались взносы за общинные земли⁷⁰.

В условиях постоянных гонений не менее важной функцией старообрядческого предпринимательства являлась *защита общин от преследований властей*. Старообрядцы затрачивали огромные средства для нейтрализации репрессивных мер властей, используя коррупционные методы (подкуп священников господствующей церкви и государственных чиновников). По мнению профессиональных «борцов с расколом», даже в годы наибольших преследований со старообрядчеством не удалось покончить из-за того, что «продажное чиновничество в значительной степени парализовало силу распоряжений» правительства. Как показали, в частности, выявленные материалы внутренней бухгалтерии Гучковых⁷¹, на «прокормлении» староверов находились полицмейстеры, квартальные, приставы и пр. «Влияние полиции на беспоповщинские секты в Москве... заключается... в их охранении», иронизировал агент полиции⁷². В провинции подкуп был еще проще. В уездах и волостях России, доносила агентура полиции, священники синодальной церкви от староверов «бóльшие имеют выгоды, чем от церковных прихожан»⁷³.

Защитная коррупция получила в старообрядчестве богословское обоснование и называлась «данью», которую можно давать «нечестивым» за сохранение веры: «...если требует враг злата — дадите... если почести — дадите». Староверы считали, что «дань» нужна «именно ради содержания древнего благочестия»⁷⁴.

Третьей важнейшей функцией старообрядческого предпринимательства (особенно во второй половине XVIII — первой половине XIX в.) являлось *укрепление и расширение экономической базы староверческого общества*. Реализация остальных функций предпринимательства требовала роста совокупного капитала общины. Соответственно значительная часть прибыли должна была вкладываться в развитие дела, но не только в рам-

ках отдельных предприятий, а в хозяйственной системе сообщества в целом. Основной формой реализации данной функции стал расширенный и дешевый (в Рогожской общине — не более чем под 4% годовых⁷⁵), а иногда бесплатный, беззалоговый хозяйственный кредит. Вновь прибывшие в Москву староверы поселялись в общинных домах, записанных на одного из попечителей, а затем получали «кредиты» от общества для приобретения «средств к независимому существованию», в том числе для создания собственного дела. В Преображенской общине были приняты нормы отсрочки кредита в случае его невыплаты в срок — «два раза по году и еще полгода». Затем долг мог прощаться, но единственным полноправным собственником капиталов всех членов являлась община. Предприниматель-старовер «становился как бы агентом общины по включению в оборот и приращению ее капиталов»⁷⁶. Ссуды могли быть небольшими, но и были и предназначенные для создания сразу большой фабрики, как в случае А. Носова, получившего 500 тыс. руб. на 3 года без процентов, а на последующие годы — под 4% годовых⁷⁷, А. Никифорова, Зенкова, Шелапутиных, Грачева⁷⁸ — в Москве, Касцова и др. — в Петербурге. Именно на такие «пособия» возникли первая фабричная окраина Москвы — Лефортово⁷⁹, Гуслицкий промышленный район⁸⁰ и др.

Таким образом, в первой половине XIX в. *старообрядческое предпринимательство при его преимущественном частно-семейном юридическом характере в значительной степени регулировалось общиной*. Непонятная для борцов со старообрядчеством корпоративная система предпринимательства отразилась в отчетах руководителей МВД. Так, глава антистарообрядческой экспедиции МВД в Ярославскую губернию докладывал, что «миллионы переходят из множества рук в другие только временно; приобретатели, владельцы их не более как экономай, кассиры, действующие только как бы на правах безотчетных прикащиков: их тайный закон: твоя собственность есть собственность веры и общины»⁸¹. П.И. Липранди, заместитель министра внутренних дел, назвал капитал староверов «как бы учреждением капитализма и социализма»⁸².

На следующем этапе, во второй трети XIX столетия, корпорация-собственник постепенно трансформировалась в корпорацию собственников. Важным фактором эволюции к *безусловному частно-семейному предпринимательству* явилось активное наступление государства в начале 1850-х гг. на крупнейшие общины.

Надо учитывать также, что собственность, попадая в руки инициативных и предприимчивых купцов, не могла не воздействовать на них. Они понимали, как много сделали для преумножения общинного «имения», и постепенно начинали тратить все больше на свои личные и семейные нужды. Огромное влияние оказывали также общеэкономические процессы, проходившие в XIX в.

Однако и на этом этапе сохранялись некоторые элементы общинного хозяйствования. Даже в 80–90-е гг. XIX в. недвижимость для богаделенных домов и моленен приобреталась на деньги общины, но на имя ее конкретных членов⁸³. И речь шла именно о конфессиональных целях староверческих общин. Так, М.Ф. Морозова, передавая в 1890 г. очередные 50 тыс. руб. «как настоящим, так и будущим Попечителям Богаделенного Дома», сопроводила деньги письменным указанием: если Рогожский богаделенный дом будет закрыт «или прият из управления старообрядческого общества», «то весь... капитал и проценты с него поступают в полную собственность Рогожского Старообрядческого общества»⁸⁴.

* * *

Однако нельзя отрицать и воздействие **политико-правовых факторов**. Анализ российского законодательства о старообрядцах показал, что после репрессий второй половины XVII — первой половины XVIII в. наступила эпоха некоторой либерализации 1760–1830-х гг., которая, впрочем, сопровождалась воспроизведением многих старых запретов и ограничений, созданием новых карательных органов. Лишь в хозяйственной сфере старообрядцы практически не отличались от паствы синодальной церкви, за исключением права на заграничные поездки, на которые требовалось Высочайшее разрешение, и «недопущения» «в иконописные цехи»⁸⁵.

В 1840–1850-е гг. государственная политика в России резко ужесточилась. Государство, руководствуясь иррациональным страхом перед какой бы то ни было нелегальностью и оппозиционностью, настаивало на полном «искоренении раскола». Было запрещено утверждение старообрядцев на любые выборные должности (1837, 1847), награждение их «знаками отличия и почетными титулами», в том числе за участие и достижения на мануфактурных выставках (1841). В начале 1850-х гг., осознав роль предпринимательства в противодействии этим целям,

руководство страны предприняло атаку на главный оплот старообрядчества — его хозяйственную составляющую.

В июне 1853 г. было издано сразу несколько указов, направленных непосредственно против старообрядцев-предпринимателей. Главное заключалось в запрете староверам с 1 января 1855 г. приписываться к гильдейскому купечеству. Они могли теперь вести дела лишь «на временном праве», а для вступления в гильдию требовалось свидетельство о принадлежности к официальной церкви. Соответственно купцы-старообрядцы, оказывавшиеся вне гильдий, должны были подвергнуться мещанскому обложению, рекрутской повинности, телесным наказаниям и пр. Ограничивалось их перемещение по стране⁸⁶.

Одновременно происходил разгром крупнейших старообрядческих общин. В 1854 г. Рогожский богаделенный дом «поступил под правительственный надзор». Прекрасно осознавая, что «частная собственность» староверов фактически принадлежала общине, власти потребовали от частных лиц, владевших внутри кладбищенской ограды домами, документы на них. Ни у одного «собственника» не оказалось необходимых при оформлении сделки планов и других бумаг, что позволило властям счесть все строения собственностью богаделенного дома. 12 «лучших и более поместительных» рогожских домов были конфискованы у общины, несмотря на то что эти дома по закону принадлежали московским купцам и мещанам на правах частной собственности и конфискация нарушала юридические права формальных собственников⁸⁷. Такие же действия были предприняты в отношении других общин.

Однако эти крайние антистарообрядческие меры не прекратили развития предпринимательского дела, хотя и принесли старообрядцам множество бед и волнений. Небольшое количество купцов-староверов притворно перешло в единоверие, продолжая отчислять деньги старообрядческим общинам⁸⁸. Другие записывались в купечество городов (Ейск и др.), для которых в связи с необходимостью их скорейшего заселения делались исключения в действии указов 1853 г.⁸⁹

Наступившее царствование Александра II (1855–1881) принесло значительные облегчения именно в сфере предпринимательской деятельности. Уже через два месяца после вступления на престол новый император предписал антистарообрядческие меры 1853 г. «приводить в исполнение постепенно, с осторожностью и соображением с последствиями». Тем староверам, кто «содержал прежде [до 1855 г.] фабрики, заводы и другие заведения», дозволялось «содержать оные и на будущее время» на

временном праве, а те старообрядцы, кто был «лично известен благонадежностью», получали право ходатайствовать через МВД о «дозволении вступать в купеческие гильдии»⁹⁰. Затем старообрядцы, получившие свидетельство даже на временном праве, освобождались «от рекрутской очереди» (1855), восстанавливалось их право на награды (1856) и т. д.⁹¹ И наконец, в 1863 г. были сняты последние ограничения для старообрядческого купечества, а в 1870 г. старообрядцы были допущены «в городских выборах к избранию в общественные должности»⁹².

Староверы все же не получили полной свободы вероисповедания. Репрессии периодически возобновлялись, хотя никогда больше не затрагивали предпринимательскую деятельность. Лишь по указу «Об укреплении основ веротерпимости» 17 апреля 1905 г. старообрядчество получило права полноценной конфессии. В 1906 г. были признаны права староверческих общин. Старообрядцы назвали период 1905–1917 гг. «золотым веком» старой веры.

Таким образом, старообрядцы, за исключением «мрачного» для них десятилетия 1853–1863 гг., практически не ограничивались в индивидуальной предпринимательской деятельности.

* * *

Правовые факторы оказывали существенное влияние прежде всего на *эволюцию фактических форм собственности* и способов ее передачи в общины. До 1906 г. очень затруднена была легальная хозяйственная деятельность общин. В первой половине XIX в. это в определенной степени способствовало перетоку средств из общинных капиталов к частным предпринимателям, действовавшим поначалу от имени общины. Деятельность общин позволила аккумулировать значительные средства. А государство продолжало ограничивать исповедание старообрядцами веры и оставляло для них свободной лишь хозяйственную деятельность. В этой ситуации выходом из положения «гонимых» стало быстрое развитие староверческого предпринимательства в юридической форме частно-семейных предприятий при поддержке общины, но при обязательстве «возвращения» прибыли в сообщество. В итоге 20–40-е гг. XIX в. стали периодом расцвета эффективной торгово-промышленной деятельности старообрядцев. Крупным старообрядческим менеджерам, использовавшим средства общины и получившим серьезный управленческий, организационно-хозяйственный опыт, удалось создать значительные предприятия. Уже следующее поколение,

продолжая отчислять большую долю прибыли «на веру» и не отказываясь от поддержки корпоративной конфессиональной кредитной, товаропроводящей и маркетинговой сети, смогло развить дело и приступить к созданию новых предприятий.

Однако *воздействие политико-правовых факторов имело противоречивый характер, оказывая не только положительное воздействие, но и вызывая тормозящий эффект.*

С одной стороны, гонения, как и во всем мире (в подобных случаях), стимулировали прибыльное предпринимательство с целью выполнения конфессиональных задач — поддержания существования и открытия новых общин, а также аккумулярования средств для коррупционно-оборонительных действий. Староверы были поставлены в условия, когда вопрос «сохранения», а тем более «возрастания веры» напрямую зависел от финансовых возможностей сообщества.

Но еще важнее было то, что необходимость защищаться от преследования властей в общественной и религиозной сферах, обеспечивать вероисповедную практику при помощи коррупции отвлекала огромные суммы (в некоторых случаях от десятков тысяч до нескольких миллионов рублей серебром⁹³) от инвестиций и реинвестиций в экономику, что ослабляло старообрядческое хозяйство. После снятия ограничений в 1905–1906 гг. затраты на коррупцию резко снизились, больше средств оставалось на развитие дела.

Законодательные ограничения на участие в купеческом и ином общественном самоуправлении в определенной степени стимулировали активизацию староверов в свободной от законодательного запрета и в то же время религиозно санкционированной сфере хозяйственной деятельности. Однако нельзя преувеличивать это влияние. Оно затрагивало лишь уже состоявшихся предпринимателей, так как подобные должности всегда и везде занимались не бедняками, а предпринимателями достаточно высокого уровня.

В определенной степени сдерживающими юридическими условиями можно считать запреты 1830–1860-х гг. на поездки за рубеж и ограничения в получении стимулирующих развитие дела наград за успехи на промышленных выставках. Репрессии 1853 г., хотя и временно, но безусловно ограничили развитие широкой хозяйственной деятельности купцов-староверов.

Еще важнее для оценки места факторных групп то, что, конечно, репрессивное законодательство, оставлявшее староверам относительно свободной лишь хозяйственную область, не могло *само по себе* вызвать к жизни такую развитую и мощную си-

стему, как старообрядческое предпринимательство. Оно, как и антистарообрядческая государственная политика в целом, содействовало (особенно в первые две трети XIX в.) превращению староверия в конфессионально-экономическое сообщество, но лишь во взаимодействии с другими факторами.

* * *

Конфессионально-этическая система старообрядчества оказывала значительное влияние на формирование и развитие староверческого предпринимательства. Обновленные вероучительные положения, религиозные ценности, нравственные институты и социально-психологические установки староверов формировали мотивацию обращения староверов к активной торгово-промышленной деятельности. Это влияние было поддержано социоконфессиональными факторами и усилено антистарообрядческой государственной политикой.

Изменения религиозно-этических норм у старообрядцев, соединенные с личностными факторами, легли на подготовленную почву естественного общественного развития. Процессы, протекавшие в старообрядчестве, не были бы возможны без возбуждения соответственных экономических процессов, совершенствования денежного обращения, роста торговли, культурной эволюции, развития российского общества в целом. Не менее важным фактором была зрелость российского общества в социокультурном и социально-психологическом аспектах. В старообрядческой системе конфессионально-этических ценностей, институтов и установок осуществился синтез традиций православной цивилизации и посттрадиционного общества на новом цивилизационном этапе.

Синтез новаций и традиции обеспечил массовое внедрение ценностей и институтов старой веры, а вследствие этого — соответствующих устойчивых установок, в том числе связанных с хозяйствованием. Новаторство староверов на ранних этапах модернизации общества имело значительно большее распространение и, в этом смысле, большую эффективность, чем государственные усилия, в значительной степени основанные на механическом привнесении заимствованных образцов хозяйственной культуры. По отношению к государственной модернизации *старообрядчество представляло собой реализацию параллельной и альтернативной национальной модернизации, нонэтатистской по характеру.*

В результате в ходе своего развития старообрядчество трансформировалось в *конфессионально-экономическую общность*

и смогло на собственной материальной базе даже в условиях возобновлявшихся гонений перейти от сохранения веры к ее «возрастанию» — расширению и укреплению многочисленных староверческих общин разных согласий.

Примечания

¹ Black C.E. *Russian and Soviet Entrepreneurship in a Comparative Context // Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union*. Princeton, 1983. P. 3.

² См.: Bill V.T. *The Forgotten Class: The Russian Bourgeoisie from the Earliest Beginnings to 1900*. N.Y., 1957; Billington J.H. *The Icon and the Axe*; Blackwell W.L. *The Old Believers and the Rise of Private Industrial Enterprise in Early Nineteenth Century Moscow // Slavic Review*. 1965. Vol. XIV. N 3; Blackwell W.L. *The Beginnings of Russian Industrialisation, 1800–1860*. Princeton, 1968; Crummey R. *The Old Believers and the World of Antichrist*. Madison, 1970; Idem. *Interpreting the Fate of Old Believer Communities in the 18 and 19 Centuries // Seeking Gold. The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine and Georgia*. DeKalb, 1993; Cherniavsky M. *Old believers and the New Religion // Slavic Review (The American Slavic and East European Review)*. Stanford, 1966. Vol. 25; *Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union*; Gerschenkron A. *Economic backwardness in historical perspective*. N.Y., 1962; Idem. *Europe in Russian Mirror*. Cambridge, 1970; Hingly R. *The Russian Mind*. N.Y., 1977; *Industrialization of Russia. An historical perspective*. N.Y., 1970; Kaser M.C. *Russian Entrepreneurship // Cambridge Economic History of Europe*. Cambridge, 1978. Vol. 7. Part. 2; Owen T.C. *Capitalism and Politics in Russia: A Social History of the Moscow Merchants, 1855–1905*. Cambridge, 1981; Rieber A.J. *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia*. Chapel Hill, 1982; Robson R.R. *Old Believers in modern Russia [1905–1917]*. DeKalb, 1995; Ruckman J. *The Moscow Business Elite. A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840–1905*. DeKalb, 1984; и др. Исследования развиваются даже на студенческом уровне (см., например: Jones J.N. *Patrons, Publishers, Philanthropists: The Evolution of Old Believer Cultural Tradition*. — A.V. *Honors in History and Literature*. Harvard University, 1997). Кроме упомянутых, многие другие работы американских авторов о российской экономике XIX–XX вв. содержат отдельные интересные замечания по данной проблематике (см., напр.: Gatrell P. *The Tsarist Economy 1850–1917*. L., 1986. P. 208).

³ См.: Gerschenkron A. *Economic backwardness in historical perspective*. P. 9–47; Idem. *Europe in Russian Mirror*. P. 17, 31–32, 34–37, 42–43 et al. Точка зрения Гершенкрона обычно связывается с так называемой концепцией «капитализма париев» М. Вебера, но сам Вебер не считал и никогда не писал о том, что положение гонимых было главным и определяющим фактором экономического успеха конфессиональных меньшинств (например, гугенотов во Франции и пр.). Кроме того,

большинство протестантов отнюдь не были гонимы государственной властью.

⁴ См.: Rieber A.J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. P. 139–141; Ruckman J. The Moscow Business Elite... P. 69–70; Armstrong J.A. Socializing for Modernization in a Multiethnic Elite // Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union. P. 93; Owen T.C. Entrepreneurship and the Structure of Enterprise in Russia, 1800–1880 // Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union. P. 60, 64.

⁵ См.: Crummey R.O. The Old Believers and the World of Antichrist. P. 136–137.

⁶ Ruckman J. The Moscow Business Elite... P. 69.

⁷ См.: Armstrong J.A. Socializing for Modernization in a Multiethnic Elite. P. 93.

⁸ В действительности Вебер упоминал лишь рационалистические российские секты штундистов и пр. В отношении старообрядчества он лишь заметил, что «родству» этики старой веры и пуританства «противоречат глубокие отличия в своеобразии “мирской аскезы”» (см.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Он же. Избранные произведения. М., 1990. С. 116–117; Он же. Социология религии (Типы религиозных сообществ) // Он же. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 147–149; Он же. Хозяйственная этика мировых религий // Там же. С. 53).

⁹ Blackwell W.L. The Beginnings of Russian Industrialisation, (1800–1860). P. 213–214, 228.

¹⁰ Уэст Дж. Старообрядцы и предпринимательская культура // Предпринимательство и городская культура в России. 1861–1914. М., 2001. С. 107–111.

¹¹ См., например: Гурьянова Н.С., Крамми Р.О. Историческая схема в сочинениях писателей Выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994. С. 130–135.

¹² West J.L. The Search for an Indigenous Spirit of Capitalism in Late Imperial Russia: The Neo-Old-Believer Movement. Paper for the 15th International Economic History Congress 2009 (рукопись).

¹³ Аввакум. Из «Книги бесед» // Житие Аввакума и другие его сочинения. С. 260. (Курсив мой. — В.К.)

¹⁴ Он же. Послание Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне // Житие Аввакума и другие его сочинения. С. 176–177.

¹⁵ Аввакум. «Пятая» челобитная // Житие Аввакума и другие его сочинения. С. 97; Он же. Послание «верным» // Там же. С. 154; Он же. Из «Книги толкований» // Там же. С. 267.

¹⁶ См., напр.: Руководство для обучения юношества в делах веры // Сборник для истории старообрядчества / Сост. Н.[И.] Попов. М., 1866. С. 213, 216, 224–225.

¹⁷ См.: Аввакум. О святой Троице, богообразности и философе Платоне // Аввакум Петров. Послания и челобитные. СПб., 1995. С. 28.

¹⁸ Гурьянова Н.С., Крамми Р.О. Историческая схема в сочинениях писателей Выговской литературной школы. С. 130–135; Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996. С. 199.

¹⁹ Аввакум. Послание «всем ищущим живота вечного» // Житие Аввакума и другие его сочинения. С. 183–184; Он же. Ответ на воззвещение от сына духовного ко отцу духовному // Памятники старообрядческой письменности. СПб., 1998. С. 245.

²⁰ Он же. Послание «всем ищущим живота вечного». С. 184. (Курсив мой. — *В.К.*)

²¹ См.: Kerov V. Religious Rationalism as a Factor in the Development of Old Believers' Entrepreneurship: The paper for XIV International Economic History Congress // XIV International Economic History Congress. Helsinki, Finland, 21 to 25 August 2006. Sessions. Helsinki, 2006. [22 p.] (CD-ROM).

²² См.: О. Валентин. Родословие часовенных Зауралья // Духовная литература староверов Востока России. Новосибирск, 1999. С. 61.

²³ Тюменские статьи 2 января и 13 февраля 1805 г. // Духовная литература староверов Востока России. С. 455, 459; «Пашенские статьи» // Там же. С. 465.

²⁴ См.: Куандыков Л.К. Выговские сочинения XVIII в. о скитском житии // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 30–35.

²⁵ Житие Аввакума и другие его сочинения. С. 176–177, 217.

²⁶ Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 514.

²⁷ Денисов С. Слово о пользе трудоподвизания // ОР РГБ. Собр. Барсова. Д. 365. Л. 59; Послание братии, посланным на морские промыслы // Там же. Л. 77, 79 об.; Послание поучение Никите Филимонову с прочими трудниками... // ОР РГБ. Собр. Егорова. Д. 425. Л. 170 и др.; Выговское послание трудникам в Чаженгский скит // БАН. Собр. Каликина. Д. 186. Л. 110–111 об.

²⁸ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1863. С. 89.

²⁹ См., например: Слово надгробное Симеону Титовичу // Материалы к истории и изучению сектантства и раскола / Под ред. В.Д. Бонч-Бруевича. СПб., 1908. Вып. 1. С. 299; Повесть душеполезна о житии и жизни преподобного Отца нашего Корнилия // Максимов С. Рассказы из истории старообрядчества по раскольничьим рукописям. СПб., 1864. С. 31.

³⁰ Рифмы воспоминательны, стихи и плач об Андрее Дионисиевиче // Материалы к истории и изучению сектантства и раскола. С. 292; Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 108–109, 123, 137 и др.

³¹ Шапов А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XIX. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань, 1859. С. 238.

³² Соколова Е.Н., Тельчаров А.Д. «В расколе подобна Керженцу» (Вязниковская слобода. Из истории Ярополческой дворцовой волости

Владимирского уезда) // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1999. № 7. С. 20.

³³ Рябушинский В.П. Судьбы русского хозяина // Он же. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.; Иерусалим, 1994. С. 128.

³⁴ Правила собора федосеевцев 1 октября 1751 года. [Правило] Двадцать второе // Иоаннов А. Полное историческое извещение о древних стригольниках и новых раскольниках, собранное из потаенных со преданий, записок и писем, церкви Сошествия Св. Духа, что на Большой Охте, протоиереем Андреем Иоанновым. СПб., 1855. Ч. II. С. 44.

³⁵ Старообрядческий учебник по закону Божию. Курс для основных школ. Режица, 1924. С. 97.

³⁶ Арсений Уральский, еп. Оправдание Старообрядствующей Святой Христовой Церкви. Письма. М., 1999. С. 63–65.

³⁷ Михаил (Семенов), еп. Избранные статьи. СПб., 1998. С. 19–21, 22–24, 78–80, 89 и др.

³⁸ Рябушинский В.П. Судьбы русского хозяина. С. 128.

³⁹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 734. Д. 116. Л. 133.

⁴⁰ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 91, 189–190.

⁴¹ Там же. С. 317, 319 и др.

⁴² Цит. по: Расков Д.Е. Принципы ведения торговли у старообрядцев: на материалах Выговской пустыни // Старообрядчество как культурно-исторический феномен. Гомель, 2002. С. 242.

⁴³ Правила собора федосеевцев 1 октября 1751 года. [Правило] Осьмое. С. 41.

⁴⁴ Шукин П.И. Воспоминания. М., 1912. Ч. III. С. 24; Стадников А.В. Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX — начала XX в. М., 2002. С. 136.

⁴⁵ Ответы Александра Диакона (на Керженце) поданыя Нижегородскому епископу Питириму в 1719 году. М., 1906. С. [208].

⁴⁶ См.: Михаил (Семенов), еп. Избранные статьи. С. 9, 13, 18, 19–21, 22–24, 40, 78–81, 89 и др. Одна из наиболее известных его проповедей так и называлась «Каждый делай свое Дело».

⁴⁷ Кокорев В. Обличительное дело. СПб., 1859. С. 4 (третья пагинация).

⁴⁸ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 122. Оп. 1. Д. 526. Л. 113; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 322. Оп. 41. Д. 13. Л. 23.

⁴⁹ [Ксенос И.Г.] История и обычаи Ветковской церкви. Н.-Новгород, [1906]. С. 101.

⁵⁰ Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. Исторический очерк. СПб., 1870. С. 81; Мельников П.И. Очерки поповщины // Он же. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1898. Т. 13. С. 363.

⁵¹ Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. С. 158. Показательно, на наш взгляд, что и в начале XX в. использование штрафов для ускоренного обучения специальности и дисциплине и в конечном итоге для обеспечения качества продукции и профессионального мастерства неподготовленных в профессиональном и социальном отношении крестьян, пришедших на фабрику рабочих ЦПР, стало распространенным явлением (см.: Иванова Н.А. Промышленный центр России 1907–1914 гг. Статистико-экономическое исследование. М., 1995. С. 271–272).

⁵² Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 357. Д. 17, 18.

⁵³ Кальвин настаивал на том, что собственность — это дар Божий человеку, блага «доверены ему милостью Божьей», передано людям «милостью Божьего Духа» и т. п. (см.: Кальвин Ж. Наставления в христианской вере. М. Кн. 2 (1998). С. 407; Кн. 3 (1999). С. 159, 187).

⁵⁴ Синицын И.И. Отчет С.С. Ив. Синицына «О расколе в Ярославской губернии» // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1862. Вып. 4. С. 148. Воровство общинных средств было крайне редким явлением (см.: Дневные дозорные записи о московских раскольниках. Сообщено А.А. Титовым. М., 1885. С. 73 и др.).

⁵⁵ См.: Федосеевцы. История Преображенского кладбища // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1860. Вып. 1. С. 9.

⁵⁶ План или изъяснительное начертание местного положения и внутреннего распорядка Преображенского богаделенного дома (1808 г.) // Материалы для истории беспоповщинских согласий в Москве, федосеевцев Преображенского кладбища и Поморского монинского собрания / Сост. Н.[И.] Попов. М., 1870. С. 66. См. также: Журналы заседаний попечителей и выборных от прихожан за более поздний период — 1870–1880-е гг. // ОР РГБ. Ф. 247. Оп. 3. Д. 5. Л. 2–12 и др.

⁵⁷ См.: Дневные дозорные записи о московских раскольниках. С. 89, 92, 102, 125 и др.; Зотова Е.Я. Мастера-литейщики преображенской общины в Москве — продолжатели традиций Выговской пустыни // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. СПб., 2003. С. 238–240 и др.

⁵⁸ Рындзюнский П.Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма (на примере истории московской общины федосеевцев в 40-х годах XIX в. // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1950. С. 193, 207.

⁵⁹ Русакомский И.К. Гучков мост // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М., 1998. С. 124, 126; Сорокин А. [И.] Преображенский дворец в Москве. М., 1880.

⁶⁰ См.: План или изъяснительное начертание местного положения... С. 66.

⁶¹ См.: Там же. С. 64–66.

⁶² Гиляров-Платонов Н.П. Вопросы веры и церкви. М., 1906. Т. 2. С. 549.

⁶³ Leroy-Beaulieu A. L'Empire des Tsars et les Russes. P., 1889. Т. 3. P. 406.

⁶⁴ См.: Дневные дозорные записи о московских раскольниках. С. 101; Рустик О. Старообрядческое Преображенское кладбище (как накапливались капиталы в Москве) // Борьба классов. 1934. № 7–8. С. 70; Расков Д.Е. Новые сведения о московских старообрядцах-предпринимателях // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М., 2002. С. 89. Кроме этих официально зарегистрированных предприятий действовали и нелегальные (см.: Стадников А.В. Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX — начала XX в. С. 100–102).

⁶⁵ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977. С. 186. См. также: Шапов А.П. Русский раскол старообрядчества... С. 256–258.

⁶⁶ Брянчанинов [П.А.], Арнольди [Л.И.]. О расколе в Костромской губернии (Краткая записка о состоянии раскола и настоящем числе раскольников в Костромской губернии) // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 4. С. 311–312.

⁶⁷ См.: Расков Д.Е. Новые сведения о московских старообрядцах-предпринимателях. С. 88–89.

⁶⁸ См.: Мельников П.И. Очерки поповщины. С. 334–335.

⁶⁹ Шапов А.П. Русский раскол старообрядчества... С. 285.

⁷⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Д. 502. Л. 2.

⁷¹ Там же. Оп. 1. Д. 487. Л. 26, 131–140 об., 141–141 об.; Д. 488. Л. 9–10; Д. 497. Л. 69–96 об.; и др.

⁷² Любопытный П. Исторические очерки беглопоповщины на Ир-гизе с 1762–1866 года // Сборник из истории старообрядчества / Сост. Н.[И] Попов. М., 1866. Т. 2. С. 177; Дневные дозорные записи о московских раскольниках. С. 18, 37, 177.

⁷³ Дневные дозорные записи о московских раскольниках. С. 69.

⁷⁴ Нечто вроде апологии Федосеевской против Филиппонов, обвиняющих Федосеев в страсти к торговле и деньгам, против тех из Бегунов, которые отвергают деньги как печать Антихриста, и против гонителей древней церкви // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 4. С. 232–233; Сто статей московских поморского согласия (книга для наставников) // Там же. С. 206; Соборное уложение Ирюмского собора 29 мая 1723 г. // Духовная литература староверов Востока России XVIII–XIX вв. С. 333; Послание Варсонофия Иванова Никите Семеновичу Архипову // Там же. 404; Сеницын И.И. Отчет с.с. Ив. Сеницына «О расколе в Ярославской губернии». С. 161–162.

⁷⁵ См.: Барсуков В.Л. Петр III и предпринимательство в России // Сибирь в XVI–XX веках. Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 81. Для сравнения: даже позже, в 30–40-е гг. XIX в., банки России выдавали ссуды в ограниченном объеме под залог со ставкой не менее 6%, а чаще 8–10% годовых (см.: Морозан В.В. История банковского дела в России. СПб., 2001. С. 147–149).

⁷⁶ Старцев А.В. Хозяйственная этика старообрядчества // Старообрядчество: история и культура. Барнаул, 2002. Вып. 1. С. 78.

⁷⁷ См.: Рустик О. Старообрядческое Преображенское кладбище. С. 76.

⁷⁸ См.: Федосеевцы. История Преображенского кладбища // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 1. С. 40.

⁷⁹ Дневные дозорные записи о московских раскольниках. С. 101.

⁸⁰ Мельников П.И. Очерки поповщины. Т. 13. С. 328.

⁸¹ Синицын И.И. Отчет с.с. Ив. Синицына «О расколе в Ярославской губернии». С. 148.

⁸² Липранди [П.И.] Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект, как в религиозном, так и в политическом их значении; с некоторыми по сему предмету примечаниями // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1861. Вып. 2. С. 156.

⁸³ См.: [Шишков А.Н.] О современном положении Преображенского богаделенного дома. Секретно // Марков В.С. К истории раскола старообрядчества второй половины XIX столетия. Переписка профессора Н.И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865–1904 гг.). М., 1914. С. 756–757; Стадников А.В. Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX — начала XX в. С. 88.

⁸⁴ ЦИАМ. Ф. 357. Д. 11. Л. 62.

⁸⁵ Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 348.

⁸⁶ Там же. С. 471–472, 475; Обзор мероприятий Министерства внутренних дел с 1802 по 1881 год. СПб., 1903. С. 131.

⁸⁷ См.: Мельников П.И. Очерки поповщины. С. 372–374.

⁸⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 503. Л. 73; Агеев С.С., Микитюк В.П. Рязановы — купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998. С. 94–95, 96.

⁸⁹ См.: Торговое и промышленное дело Рябушинских. М., 1913. С. 32–33; Шукин П.И. Воспоминания. М., 1912. Ч. 3. С. 55; Гришина З.В., Пушкова В.П., Шемякина О.Д. Персоналия старообрядцев по данным Московского некрополя // Мир старообрядчества. М., 1995. Вып. 2. С. 151.

⁹⁰ Собрание постановлений по части раскола. С. 499.

⁹¹ Там же. С. 504, 518, 553, 573, 583.

⁹² Там же. С. 662.

⁹³ См.: Соловьев С.М. Соч. М., 1989. Кн. X. Т. 19. С. 479–480, 490–493; Федосеевцы. История Преображенского кладбища. С. 38–42; Круглов Ф.Д. Первые деятели Преображенского кладбища и их изучение: Исторический рассказ из жизни федосеевцев, обратившегося из раскола Федора Д. Круглова. М., 1887. С. 96–97, 100.

*В. Сартор**

Немецкие предприниматели Санкт-Петербурга: семья и конфессиональная структура 1815–1914 гг.; этническая и религиозная среда

Введение

Немецкий путешественник Коль, посетивший Санкт-Петербург в 1840-х гг., писал: «В Петербурге приблизительно 150 компаний, которые занимаются внешней торговлей, из них 20–24 английских, 5 французских, одна испанская и более 100 немецких»¹.

Задача данного исследования — показать одну из основных предпринимательских групп в ее этническом и религиозном контексте в таком торговом, экономическом и индустриальном центре, как Санкт-Петербург.

Санкт-Петербург был самым большим портом России вплоть до середины XIX столетия. В середине XX в. Санкт-Петербург отдал свое ведущее положение по экспорту Риге и Одессе, но до Первой мировой войны он оставался главным портом импорта в России.

Экспортная торговля базировалась главным образом на сырье и продовольствии.

Большинство ведущих торговцев, главным образом иностранцы, были посредниками крупных торговых домов Западной Европы. Они либо работали сами, либо имели комисионеров, либо были служащими грузополучателей. Это исследование посвящено деятельности крупных предпринимателей, которые во второй половине XIX в. занимались в основном инвестированием в промышленность².

* Сартор Вольфганг — доктор истории (Германия).

1. Торговые диаспоры в Санкт-Петербургской экспортной торговле

Одна существенная особенность этнической структуры русской торговли — это преобладание иностранных торговцев над русскими, особенно в первой половине XIX столетия. Больше всего было немецких и британских торговцев, кроме них в России работали французы, голландцы, американцы и итальянцы. Эти группы только начинали формировать свои диаспоры. Сам термин «диаспора» использовался первоначально только по отношению к евреям, но затем распространился на армянские и греческие торговые меньшинства. Сегодня это понятие используется для обозначения всех торговых меньшинств и этнических торговых сетей. Сначала диаспоры были свойственны евреям, армянам и грекам главным образом из-за их сильной внутренней солидарности, впоследствии диаспоры организовали итальянцы, голландцы, англичане, индийцы и китайцы. Эти меньшинства играли ключевую роль в развитии мировой торговли.

Характерной ситуацией того времени были взаимоотношения одного этноса из двух регионов. Близкие конфиденциальные отношения среди членов этих сообществ, основанные на общей культуре, языке, религии, привычках и деловых методах, были неотъемлемой частью диаспоры. Еврейская диаспора представляла собой международную сеть, армянская сеть была также многочисленна и распространялась на Восточную Азию и Южную Америку. Во многих больших и маленьких городах возникали коммерчески ориентированные этнические торговые сети³.

Однако этнокультурный фактор не был единственной причиной для существования диаспоры в зарубежных странах. Они не всегда нравились населению страны, где они присутствовали: «Единственным способом для них защитить свои экономические интересы и надежно закрепиться в городе было преуспеть»⁴. Устойчивое существование в зарубежных странах могло быть гарантировано только экономическим успехом. Успех был возможен только при полной уверенности в семейном предприятии, при наличии близкой культурной атмосферы и при необходимых экономических организаторских способностях.

Уровень сплоченности варьировался в этнических группах. Среди армянских, еврейских и греческих диаспор существовало понятие «большой семьи», которое включало в себя этническую, культурно-конфессиональную и деловую солидарность.

Солидарность среди немецкого торгового меньшинства проявлялась слабее, чем у вышеупомянутых групп. Однако различия на этом исчерпывались. Здесь, как и в других диаспорах, солидарность регулировалась продуманной семейной политикой с целью защитить компанию семейными связями. Религия (главным образом протестантизм), а также культурные особенности, такие как привычки, сотрудничество и посещение клубов, выстраивали взаимоотношения. Этим немецкие купцы Санкт-Петербурга копировали основные принципы отношений других торговых диаспор.

1.1. Семья — основа торговых предприятий XIX в.

Семья являлась гарантом безопасности предприятия. В идеале предприятие в качестве партнеров и в управлении должно было иметь только близких членов семьи.

Иерархия формировалась путем прихода в компанию сыновей, затем, возможно, подключением внуков, затем дядей, племянников, и только потом шли зятья и не члены семьи.

Если не член семьи становился менеджером, менялась и семейная политика. «Не в наших интересах делать Томаса основным партнером; будущее нашей семьи не должно зависеть от подписи зятя»⁵. Этот патологический скептицизм и недоверие к посторонним на примере одного из глав семейной компании — греческого предпринимателя Деметайоса Петрокоchino — были характерными для большинства семейных компаний.

Надо сказать, что гражданство не играло роли для самоидентификации. В те времена многие торговцы меняли гражданство, которое до начала XX в. не было безусловным индикатором национальности. Помимо российского гражданства торговцы зачастую имели английский, немецкий, американский или другие паспорта.

2. Этноконфессиональный состав крупных петербургских предпринимателей

Статистическое исследование основано на списках ведущих экспортеров и импортеров (1816–1857 гг.), которые имели свыше 50 000 рублей товарооборота, а также на списках членов первой гильдии и членов фондовой биржи.

2.1. Этнический состав

Таблица 1

Этнический состав главных петербургских экспортеров. 1816–1857 гг.

Этническая принадлежность	1816 г.		1825 г.		1835 г.		1845 г.		1857 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Немцы	47	47,4	52	50,5	64	51,6	67	56,3	78	52
Русские	10	10,1	8	8,9	17	13,3	17	14,3	31	20,7
Англичане	27	27,2	27	26,7	28	22,6	23	19,3	19	12,7
Французы	3	3	7	6,9	4	3,2	3	2,4	5	3,5
Евреи	2	2	1	1	2	1,6	2	0,9	4	2,7
Другие	10	10,3	6	6	9	7,7	7	6,8	10	8,4
Все	99	100	101	100	124	100	119	100	147	100

Источники: Обзор внешней торговли России 1816. СПб., 1817. С. 116–121; 1825. СПб., 1826. С. 61–68; 1835. СПб., 1836. С. 114–122; 1845. СПб., 1846. С. 162–175; 1857. СПб., 1858.

Доля немецких предпринимателей составляла более 50%. К 1845 г. пропорция возросла почти до 53%, упав впоследствии до 45%. Доля российских бизнесменов постепенно выросла с 10% до 20%.

Пропорция, составляемая британскими предпринимателями, среди которых был большой процент шотландцев, упала с 20 до 15%. Еврейские экспортеры играли незначительную роль. Присутствие других этнических групп французских, итальянских, голландских и греческих оставалось устойчивым, сохраняя потенциал подняться до уровня ведущих групп.

Исследуя период после 1865 г., можно заметить уменьшение доли немцев среди участников фондовой биржи и купцов первой гильдии.

В 1857 г. среди экспортеров приблизительно половина все еще имела немецкое происхождение, но к 1865 г. их доля сильно снизилась и составляла 36%⁶. К концу столетия она составляла только 25%. Доля российских бизнесменов значительно увеличилась. К 1860-м гг. они составляли самую большую группу. Кроме того, к ним прибавилось внушительное число еврейских предпринимателей. Значительно выросла их доля на фондовой бирже. Но даже в этом случае экономический вес российских бизнесменов все еще не соответствовал общему весу иностранных предпринимателей.

Таблица 2

**Этнический состав главных петербургских экспортеров.
1865–1894 гг.**

Этническая принадлежность	1865 г.		1876 г.		1879 г.		1887–1894 гг.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Немцы	120	36,0	31	27,2	25	22,9	63	26,1
Русские	137	41,0	65	57,0	56	51,4	110	45,6
Англичане	28	8,3	5	4,4	7	6,4	17	7,1
Евреи	27	8,1	8	7,0	14	12,8	31	12,9
Другие	22	6,6	5	4,4	7	6,4	20	8,3
Все	334	100	114	100	109	100	241	100

Источники: Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества и других званий, акционерах и паевых обществах и торговых домах, получивших сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1-го и 2-го разрядов по торговым предприятиям, 2-го и 3-го на личные промысловые занятия на ... год. СПб., 1865–1894; Тимофеев А.Г. История Петербургской биржи. 1703–1903. История биржевого законодательства, устройства и деятельности учреждений С.-Петербургской биржи. СПб., 1903; Launitz C.W. Adreß-Buch für das Jahr 1831 der St. Petersburger Börsen-Kaufleute, Die Pacheure und Schiffs-Mäcker, Börsen- und Bank- Mäcker, Auctionnaire und Zoll-Expeditore nebst hiesigen Zuckerfabriken. СПб., 1831.

Таблица 3

**Этнический состав членов Биржевого комитета
С.-Петербургской фондовой биржи 1903 г.**

Этническая принадлежность	Чел.	%
Русские	153	44,6
Немцы	86	25,1
Евреи	68	19,8
Англичане	18	5,2
Другие	18	5,2
Все	343	

Источник: Тимофеев А.Г. История Петербургской биржи. СПб., 1903.

Таблица 4

Этнический состав С.-Петербургской биржи 1844–1903 гг.

Этническая принадлежность	1844 г., члены биржевого комитета		1870–1903 гг., представители фондовой биржи		1903 г., правление фондовой биржи	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	4	57,1	25	32,5	37	37,3
Немцы	3	42,9	24	31,2	30	30,3
Евреи	—		11	14,3	14	14,1
Англичане	—		8	10,4	3	3,0
Другие	—		9	11,7	15	15,2
Все	7	100,0	77		99	

Источник: Тимофеев А.Г. История Петербургской биржи. СПб., 1903.

Российские купцы составляли самую большую часть участников фондового рынка, однако их присутствие стало снижаться с середины 1840-х гг. с 60 до 45%. Увеличилось число еврейских предпринимателей, чья пропорция с 5% повысилась до 20% в 1903 г. Доля немцев колебалась между 25 и 30%. Британцев было приблизительно 5%. Другие национальности — французы, голландцы и греки — занимали более скромные позиции. Если же, однако, посмотреть на правление биржи (председатели, члены арбитража и комитетов по благотворительности), иностранная доля (48,5%) превышает русскую (37,3%). В 1840-х гг. Биржевой комитет включал только семерых участников: четверых русских и трех немцев. При анализе этнического состава биржи в период с 1870 г. до 1903 г. видно, что иностранцы доминировали с долей в 53% по сравнению с 33% российских представителей. Причем немцев среди них было более чем 31% от общего количества.

Немцы были особенно многочисленны среди биржевых посредников. В 1831 г. их было 45 (60,8%) из 74 маклеров, русских было 29 (39,2%), в 1844 г. количество немцев составляло 42 (47,7%) из 88 маклеров, из них 30 русских (34,1%). К 1903 г. доля русских посредников росла, но немецкое присутствие все еще оставалось доминирующим⁷.

Таблица 5

Этнический состав управления разрядами С.-Петербургской фондовой биржи. 1887–1892 гг.

Этническая принадлежность	1-й разряд		2-й разряд		3-й разряд		4-й разряд		5-й разряд		6-й разряд	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	31	81,6	1	5,6	2	15,4	6	85,7	—		2	50,0
Немцы	1	2,6	9	50,0	5	38,5	1	14,3	3	37,5	2	50,0
Евреи	3	7,9	1	5,6	3	16,7	—		5	62,5	—	
Англичане	1	2,6	5	27,8	—		—		—		—	
Другие	2	5,3	2	11,1	3	16,7	—		—		—	
Всего	38	100	18		13		7		8		4	

Источник: Тимофеев А.Г. История Петербургской биржи. СПб., 1903.

Примечательно, что немцы с 50% и англичане почти с 28% управляли экспортным разрядом (2-й разряд). Кроме того, разряд импорта (3-й разряд) имел почти 40% немецких участников, выполняющих официальные обязанности. По сравнению с этим только разряды снабжения (1-й и 4-й) были под контролем российских представителей (82% или 86%). А так называемый производственный обменный разряд (5-й разряд) находился полностью в руках евреев (62,5%) и немцев (37,5%).

2.2. Конфессиональный состав

Из конфессий преобладали три: православие (русские), протестантизм (немцы, англичане, голландцы и скандинавы) и иудаизм. Лишь немногие немцы и французы были католиками. Греки были грекоправославными. Сколько староверов было среди российских предпринимателей — неизвестно.

Таблица 6

Конфессиональный состав крупных купцов Санкт-Петербурга. 1876–1894 гг.

Конфессии	1876 г.		1879 г.		1887–1894 гг.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Православные	65	56,0	56	51,4	110	48,7
Протестанты	40	34,5	34	31,2	80	35,4
Иудеи	8	6,9	14	12,8	31	13,7
Католики	1	0,9	2	1,8	3	1,3
Греческие православные	2	1,7	3	2,8	2	0,9
Всего	116	100,0	109	100,0	226	100,0

Источники: Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества и других званий, акционерах и паевых обществах и торговых

домах, получивших сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1-го и 2-го разрядов по торговым предприятиям, 2-го и 3-го на личные промысловые занятия на ... год. СПб., 1865–1894; Тимофеев А.Г. История Петербургской биржи. СПб., 1903.

Таблица 7

Конфессиональный состав петербургских бизнесменов (членов биржи) на фондовом рынке в 1903 г.

Конфессии	Чел.	%
Православные	153	44,6
Протестанты	114	33,2
Иудеи	68	19,8
Католики	4	1,2
Православные греки	4	1,2
Всего	343	100,0

Таблица 8

Конфессиональный состав управления петербургским фондовым рынком в 1870–1903 гг.

Конфессии	1903 г., управление биржи		1870–1903 гг., представители	
	чел.	%	чел.	%
Православные	37	37,4	25	30,9
Протестанты	36	36,4	35	43,2
Иудеи	14	14,1	11	13,6
Католики	1	1,0	1	1,2
Православные греки	11	11,1	9	11,1
Всего	99	100,0	81	100,0

Источник: Тимофеев А.Г. История Петербургской биржи. СПб., 1903.

Интересен также этнический состав коммерческих советов, почетные члены которых назначались Российским правительством, почти все они были предпринимателями. Среди них было много иностранцев — с российским паспортом или без. Коммерческие советы выступали в роли консультирующего органа.

Коммерческие советы в России: назначения 1860—1910 гг.

Этническая принадлежность	1860-е гг.		1870-е гг.		1880-е гг.		1890-е гг.		1900-е гг.		1910-е гг.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	36	80,1	70	77,8	47	66,2	69	60,5	109	54,5	77	74,0
Немцы	1	2,2	10	11,1	13	18,3	19	16,7	53	26,5	15	14,4
Евреи	4	8,9	8	8,9	7	9,9	14	12,3	29	14,5	8	7,6
Греки	2	4,4	1	1,1	2	2,8	3	2,6	1	0,5	—	—
Французы	1	2,2	1	1,1	2	2,8	2	1,8	3	1,5	—	—
Британцы	1	2,2					1	0,9	2	1,0	1	1,0
Армяне							3	2,6	1	0,5	1	1,0
Шведы							2	1,8	—	—	1	1,0
Татары							1	0,9	2	1,0	1	1,0
Всего	45	100,0	90	100,0	71	100,0	114	100,0	200	100,0	104	100,0

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 26. Д. 416. Л. 26, 30–38.

Таблица 10
Этнический состав Коммерческого совета при Министерстве торговли и промышленности в 1906—1916 гг.

Этническая принадлежность	1906 г.		1908 г.		1910 г.		1912 г.		1914 г.		1916 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	19	70,4	21	60,0	17	48,6	20	62,5	25	58,1	24	68,5
Немцы	6	22,2	10	28,6	10	28,6	7	21,9	14	32,6	7	20,0
Британцы	—	—	—	—	4	11,4	—	—	1	2,33	1	2,9
Евреи	1	3,7	1	2,86	3	8,6	3	9,4	1	2,33	2	5,7
Шведы	1	3,7	1	2,86	1	2,8	1	3,1	1	2,33		
Армяне	—	—	1	2,86	—	—	—	—	—	—		
Французы			1	2,86			1	3,1	—		1	2,9
Бельгийцы							—		1	2,33		
Всего	27	100,0	35	100,0	35	100,0	32	100,0	43	100,0	35	100,0

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 126. Л. 5 об.—6 об., 24—25, 27—28, 47—48, 102—102 об., 148 об.—149.

Присутствие иностранных предпринимателей⁸ колебалось. Региональные Коммерческие советы не вошли в исследование. 30–50% составляли члены иностранного происхождения, несмотря на их различный уровень адаптации. С 1880-х гг. эта доля сильно возросла в связи с ростом иностранных инвестиций и даже в годы Первой мировой войны оставалась на уровне 35%.

Здесь численный перевес имели немцы. Они составляли с 1880-х гг. от 20 до 30% всех членов и составили от 70 до 80% всех иностранных представителей Коммерческого совета.

3. Крупные немецкие предприятия (1750–1914 гг.)

3.1. Сохранение этнической, культурной и социальной составляющих

До Первой мировой войны крупные немецкие предприятия в Санкт-Петербурге занимали первое место в международном бизнесе⁹. В 1869 г. немцы составляли почти 7% населения Санкт-Петербурга. В 1910 г. их численность снизилась до 2,5%. Однако в деловых кругах в 1869 г. пропорция составляла 15,4% и 12% в 1897 г.¹⁰ Если посмотреть на товарооборот 1840-х гг., то видно, что кроме немцев за ведущую роль на российском рынке боролись также и английские бизнесмены. В 1795 г. 19% немецких и 13% британских компаний лидировали в российской торговле. Впоследствии число увеличилось в пользу немецких предпринимателей. В 1816 г. пропорция немцев к англичанам составляла 60% к 34%, в 1830 г. 43% к 20% и в 1840 г. 67% к 15% соответственно. В 1863 г. существовало лишь 20 крупных британских компаний: этнические немецкие компании стали преобладать среди иностранных предприятий Санкт-Петербурга. В 1845 г. и в 1857 г. у немцев было безусловное доминирующее положение¹¹.

В 1816 г. у англичан было 27% бизнесменов и 37% участия в экспортной торговле. У немцев 47% предприятий и 42% товарооборота. На каждого британского бизнесмена приходилось больше капитала. Российская пропорция в товарообороте была значительно ниже — 10–20% предприятий первоначально составляли только 2% торговли, затем 7% в 1845 г. и почти 13% в 1857 г.

Таблица 11
Участие национальных групп в экспортном товарообороте в Санкт-Петербурге в 1816–1857 гг.

Этническая принадлежность	1816 г.		1825 г.		1835 г.		1845 г.		1857 г.	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
Немцы	79,1	41,7	70,2	35,0	123,8	47,2	44,3	51,7	67,2	57,9
Русские	3,9	2,0	1,5	0,8	18,8	7,2	5,8	6,8	14,7	12,8
Англичане	69,9	36,8	98,5	49,1	87,4	33,3	24,9	29,1	20,2	17,6
Французы	4,8	2,5	8,1	4,0	8,5	3,2	4,6	5,4	1,5	1,3
Евреи	1,9	1,0	4,2	2,1	2	0,8	0,3	0,4	2,3	2
Другие	30,2	16,0	18,1	9,0	21,7	8,3	5,8	6,6	9	8,4
Всего	189,8	100,0	200,6	100,0	262,2	100,0	85,7	100,0	114,9	100,0

Источники: Обзор внешней торговли России. СПб., 1814–1849; здесь: 1816. СПб., 1817. С. 116–121; 1825. СПб., 1826. С. 61–68; 1835. СПб., 1836. С. 114–122; 1845. СПб., 1846. С. 162–175; 1857. СПб., 1858.

В 1897 г. немецкое господство было очевидно¹². Сильные английские компании стали перемещаться в банковское дело, например компания Thompson & Bonar. Присутствие немецких бизнесменов продолжало расти, однако все меньше иностранных предпринимателей принимали активное участие в русской торговле. Семьи Штиглиц (еврейского происхождения), Прен, Х. Розен, Молво (первоначально гугенот), В. Брандт, Маас, Шредер, Блессиг, Ганф, Шир, Мейер и Брюкснер, Саймон и Якоби, Фрерихс и Кноп, «Штукен & Шпис», а также «Гей и К^о» в разные времена принимали участие в петербургской экспортной торговле.

Большинство этих предпринимателей приехали из ганзейских городов Гамбург, Любек, Бремен, которые имели крепкие торговые связи с Россией. В основном немецкие оптовые торговцы принадлежали к реформистской церкви. Но по-прежнему они составляли не более чем 10–15% от всех протестантов других национальностей. В первой половине XIX в. протестанты-реформисты отличались, прежде всего, более строгим образом жизни: простота в быту, работа, ответственность и терпимость. Особенно они заботились о гармонии в семье. Они очень поддерживали свою реформистскую церковь. В лютеранской церкви дела обстояли примерно также. У представленного в меньшей степени немецкого католического сообщества были связи с его единоверцами различной этнической принадлежности, например с французами и поляками. Однако они были менее значительным сегментом среди крупных бизнесменов.

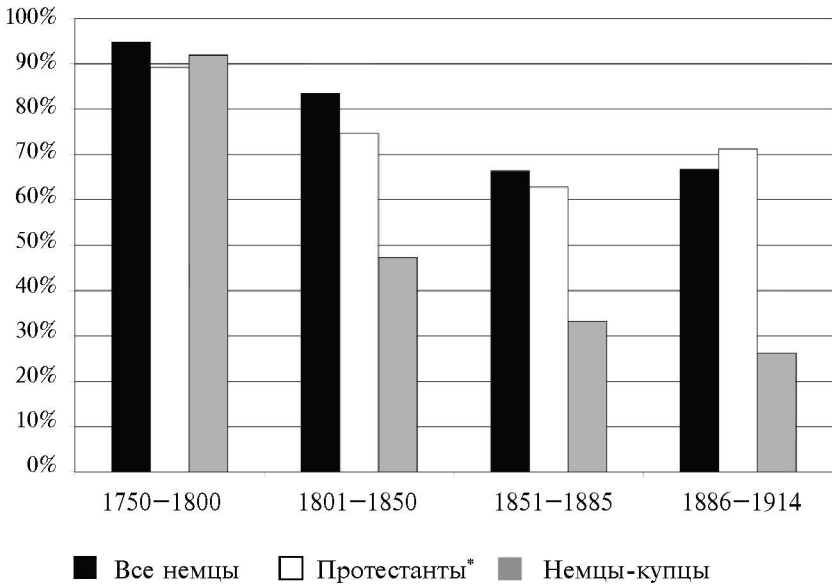
Браки семей Бахерахт, Блессиг, К. Брандт, Брюкснер, Фехлеизен, Громме, Гротен, Гютшов, Ганф, Гауф, Кемпе, Старк, Крон, Капгер, Маас, Мейбом, Молво, Понфик, Ралл, Штиглиц, Шлиман, Шлюссер, Шредер и Зюрхозен создают базу для исследования этнического, конфессионально-культурного и профессионального единства немецкой коммерческой диаспоры. Все вышеупомянутые семьи имели значительное финансовое состояние. Блессиги, Брандты, Гютшovy, Маасы (с 1830 г. в Одессе) и Шлюссеры довольно долгое время сохраняли свои позиции. Иудеи Капгеры и Штиглицы поменяли вероисповедание и стали лютеранами. Этот анализ стал возможным благодаря материалам семейного архива семьи Амбургег. Некоторые семьи, по понятным причинам, предоставляют меньше материала, чем другие, но и исходя и из этих данных можно сделать определенные выводы. В сумме за период с 1750 по 1914 г. где-то 10–20 семей имели более 350 брачных союзов. Этнический фактор, род занятий и культурные факторы отражают стабильность и единство диаспоры. Различия в культуре носят только религиозный характер.

Браки: отражение этнического, конфессионального и профессионального состава немецких петербургских купцов с 1750 по 1914 г.

	1750—1800 гг.		1800—1850 гг.		1851—1885 гг.		1886—1914 гг.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Всего семей	11		19		17		16	
Всего человек	37	100,0	116	100,0	120	100,0	61	100,0
Род занятий:								
торговцы	34	91,9	55	47,4	40	33,3	16	26,2
духовенство	1	2,7	—		1	0,8		
чиновники	1	2,7	7	6,0	17	14,2	8	13,1
бюрократы			3	2,6	4	3,3	2	3,3
дипломаты			3	2,6	2	1,7		
юристы					1	0,8		
профессора			3	2,6	2	1,7		
учителя					2	1,7	2	3,3
инженеры					1	0,8	2	3,3
художники			2	1,7				
врачи			3	2,6	3	2,5	5	8,2
неизвестно	1	2,7	40	34,5	47	39,2	26	42,6

	1750–1800 гг.		1800–1850 гг.		1851–1885 гг.		1886–1914 гг.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Этническая принадлежность								
Всего человек	37	100,0	91	100,0	121	100,0	59	100,0
В том числе:								
немцы	33	89,2	68	74,7	80	66,1	42	71,2
французы	1	2,7	6	6,6	4	3,3		
голландцы	1	2,7						
русские	1	2,7	6	6,6	22	18,2	15	25,4
англичане	1	2,7	7	7,7	9	7,5	1	1,7
шведы			3	3,3	3	2,5	1	1,7
поляки					1	0,8		
итальянцы			1	1,1	1	0,8		
евреи								
греки					1	0,8		
Конфессиональная принадлежность:								
лютеране	24	64,9	66	68,8	68	60,2	35	64,8
реформисты	11	29,8	14	14,6	7	6,2	1	1,9
англиканцы	1	2,7	9	9,4	7	6,2	1	1,9
православные			5	5,1	22	19,5	16	29,6
католики			2	2,1	9	8,0	1	1,9
иудеи								

**Этническая устойчивость брачных союзов
в немецкой купеческой диаспоре, 1750–1914 гг.**

* Включая англикан.

Источники: OEI Regensburg: Amburger-Archiv; Stammfolgen: Bacheracht, Blessig, Brandt C., Bruexner, Fehleisen, Gromme, Grooten, Gützschow, Hanf, Hauff, Kempe, Kraft, Krohn, Kapherr, Mahs, Meybohm, Mollwo, Ponfick, Rall, Stieglitz, Schliemann, Schlüsser, Schröder, Zurhosen; Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества и других званий, акционерах и паевых обществах и торговых домах, получивших сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1-го и 2-го разрядов по торговым предприятиям, 2-го и 3-го на личные промысловые занятия на ... год. СПб., 1865–1894; Böhm V. Wolkowo lutherischer Friedhof in St. Petersburg. Т. 1–4. СПб., 1999–2005; Rechenschaftsbericht der Kirche der deutsch-reformirten Gemeinde in St. Petersburg 1865. СПб., 1866; 1867. СПб., 1868; 1871. СПб., 1872. S. 12, 16, 76, 91; 1891. СПб., 1892; 1895. СПб., 1896, S. 102–104, 128, 146, 150; 1901, СПб., 1902. S. 12, 14, 63; Busch E. A. Personenliste der evangelisch-lutherischen Kirche in Russland. СПб., 1875. S. 88; Rechenschaftsbericht der Kirchenvorstands der evangelischen Kirche St. Petri zu St. Petersburg aus dem Jahre 1863 nebst Bilanz des gesamten Kirchen-Vermögens aus dem Jahr 1863. СПб., 1864. S. 30–34.

3.2. Этнические тенденции

В целом диаспора могла сохранять стабильность даже при снижении количества внутриэтнических браков. До 1800 г. доля немецких браков составляла почти 90%, затем к 1850 г. количество их упало до 65%, после чего цифра стабилизировалась примерно на 70%. В начале XIX столетия снижение обуславливалось повышением количества браков с британскими семьями. В это время Великобритания была одним из главных торговых партнеров Петербурга, и немцы рассматривали браки с ними как возможность для благоприятного сотрудничества. Число таких браков выросло с 3% (1750–1800 гг.) до 15% (1800–1850 гг.). Между 1900–1914 гг. количество снова заметно снизилось до 1% и смогло подняться лишь приблизительно до 5%.

Значительно возросло количество брачных союзов с русскими и другими славянскими семьями. Первоначально же было отмечено лишь несколько процентов браков. В 1850 г. — 7%, в 1880 г. — 11% (9 браков), и в период с 1880 по 1914 гг. — 21% (16 браков). Это связано с постепенно увеличивающейся ролью российских бизнесменов и также с развитием межнациональных знакомств. Так, немецкий купец Георг Шпис (представитель упомянутой выше компании «Штукен & Шпис») писал: «До 1870 г. российские торговцы были мало знакомы с иностранцами. Немцы, в свою очередь, также не имели привычки знакомиться с русскими»¹³. Связи с другими этническими группами были вовсе незначительными. В середине XIX в. состоялось 6–7 таких свадебных церемоний (5%). Однако среди них были эльзасские семьи.

3.3. Религия

Здесь наблюдается схожая картина. Первоначально протестанты сохраняли единство. 65% лютеран и 30% прихожан реформистской церкви выбирали супруга или супругу своих религиозных убеждений. Позже цифра снизилась сначала приблизительно до 78%, затем до 71–73% (в 1900–1914 гг.). Браки с адептами англиканской церкви выросли до 8%. Соответственно вышеупомянутым данным к 1850 г. браки с представителями русского православия лидируют и составляют 20%, но все же русские предпочтительней женились на русских же.

3.4. Профессиональная солидарность

В этой области наблюдаются самые значительные изменения. В период с 1750 по 1800 г. предприниматели поддержи-

вали свою исключительность. 92% партнеров, чьи семьи были соединены браком, состояли в одной и той же профессиональной гильдии. Позже процент упал до 73%. Браки с членами благородных семей и семей чиновников увеличились с 3 до 12%. Дополнительно увеличилось количество браков с представителями неопределенных занятий, в значительной степени из-за того, что род занятий у женщин было трудно определить. Деловая пропорция заметно снизилась к 1880 г. до 41%, а к 1914 г. до 36%. Количество браков с представителями благородных фамилий и семей чиновников возросло до 15%. Сильно выросло число связей с представителями других профессий, таких как адвокаты, профессора, учителя и художники: к 1880 г. до 39%, а к 1914 г. до 52%. Во второй половине XIX в. шел процесс эмансипации, младшие поколения отказывались придерживаться семейных традиций и твердо соблюдать принципы диаспоры. Это видно на примере немногочисленной диаспоры греков в Марселе.

В первой половине XIX в. бизнес-диаспоры сочетались в браке с представителями семей из деловых кругов (86%). В 1860-е гг. показатель снизился до 63%, а в 1890 г. упал до 48%¹⁴.

Стали появляться рантье и художники. С 1890 г. появляются все более разнообразные брачные союзы.

4. Изменение этнической принадлежности в стране проживания

4.1. Новая «культура миграции»

Долгое проживание иностранца за границей служит толчком к приобретению им новых культурных черт на фоне ослабления культурных традиций родной страны путем влияния этнической культуры страны проживания.

Многие иностранные предприниматели, которые довольно долго прожили в России, либо постепенно приспосабливались к местной культуре, либо избегали ее. Поскольку они были бизнесменами за границей, в данном случае в России, другие иностранцы, живущие здесь, перенимали их образ поведения, который впоследствии приобрел космополитические черты. Эта новая культура стала развиваться, она не приводила к общему росту культурного уровня, но укрепляла связь с новой местной культурой и с культурой других меньшинств, создавая новый

культурный слой. Этот процесс шел шаг за шагом: «интеграция была медленным постепенным каждодневным процессом адаптации».

Это культурное развитие было заметно на примере уже давно живших в России семей, таких как Брандт, Амбургер, Блессиг, Гилл, Фелейзен, Гютшов и Маас, и становилось все более и более явным ко второй половине XIX столетия.

К началу XX в. появилась новая национально-культурная специфика, которая питалась от нескольких культур. Оригинальная немецкая культура, частично измененная русским языком и другими международными влияниями, внесла в нее мультикультурный характер. Сильное влияние оказал международный бизнес, который они вели с торговыми партнерами всего мира. Новый культурный тип возник через смесь немецких и новых российских культурных традиций, с одной стороны, и через космополитическое влияние, с другой. Показателем изменения в культуре может служить то, что третье поколение выбрало своим языком язык страны проживания, хотя оно по-прежнему превосходно владело родным национальным языком. Кроме того, новое поколение выбирало для своих детей имена, характерные для страны проживания. Благодаря местным школам и школьной системе оно впитывало патриотизм к новой стране, притупляя патриотический интерес к своим родным странам.

4.2. Космополитизм

Другим фактором, который повлиял на немцев и на другие национальности, был космополитизм. Это было идейное движение, которое стало возможным благодаря постоянным межнациональным торговым связям. Направляющей идеей движения была идея либерализма. Все члены данного условного сообщества знали несколько языков. Мужчины, постоянно занимавшиеся бизнесом, часто совершали деловые поездки и, следовательно, жили в разных уголках мира. Женщины и дети путешествовали в частном порядке по Европе.

На формирование космополитических взглядов сильно повлияла работа с зарубежными странами или проживание в них. Зарубежье влияло на манеру поведения предпринимателей и вынудило их играть по своим правилам. Немецкий купец, работавший в Петербурге, импортировавший сахар-сырец с Кубы в Российскую империю, вынужден был так или иначе сотрудничать с тремя странами: с Испанией (Кубой), с Англией и с Россией. Деньги, необходимые для финансирования, он, глав-

ным образом, заимствовал в Лондоне — возможно, у немецкого или у еврейского банкира. В Петербурге и Одессе можно было встретить много космополитов, среди которых были не только немцы, но также греки, евреи, англичане, французы и русские. Известно, что губернатор Новороссии в Одессе граф М.С. Воронцов был человеком космополитических взглядов. Российские бизнесмены, которые были заняты в международном бизнесе и культуре, также стали придерживаться интернациональных идей.

Хотя предприниматели и имели склонность к консерватизму, они были лояльны к той стране, где работали, и выступали против национализма исходя из коммерческих соображений. Очень важным был момент беспрепятственного прохождения границы, из-за чего многие предприниматели были готовы принимать местные правила ведения дел. До 1914 г. смена гражданства была обычным делом. Грубо говоря, смена немецкого гражданства на русское едва ли была более существенным, чем, скажем, смена саксонского гражданства на прусское. Однако ситуация кардинально поменялась в начале XX в. Шпис писал: «...Только после того как вспыхнула война 1914 г., поднялась волна возмущения против всего немецкого. Мой друг настаивал, чтобы я сделал себе российское гражданство (*Untertanenschaft*), чтобы защититься от интернирования. Я, естественно, отказался»¹⁵. Космополитическое поведение отличает открытость к другому образу мышления, к другой культуре и почти безразличие по отношению к гражданству и государственным границам. Космополитизм — антоним культурно-этнического единства. Что касается крупных бизнесменов, то тут все просто, потому что почти все диаспоры были под влиянием этого течения. Англичане и евреи обладали самым сильным коммунальным сознанием, немцы же базировались скорее на религиозном единении. Диаспоры не соревновались в отдельных областях бизнеса. Несмотря на это, англичане имели сильные позиции в торговле льном, коноплей и в экспорте материалов для кораблей. Немцы преуспели в импорте машин из-за растущего спроса на их немецкое производство. Если соизмерять капиталы, сделанные на экспорте, то в первой половине XIX столетия лидерство закреплено за англичанами, которые идут впереди немцев и греков, достигших высокого товарооборота благодаря Одессе. Наравне с торговлей в банковском деле стало появляться все больше и больше еврейских предпринимателей, на фоне сокращения их присутствия в промышленности. Причиной стали юридические ограничения. Только купцы 1-й гильдии из еврейских поселе-

ний на западе и юге Российской империи и весьма зажиточные иностранные еврейские предприниматели могли переехать в российскую столицу.

5. Немецкие и английские купцы Санкт-Петербурга. Сравнение

В XIX в. немцы и англичане были самыми активными среди иностранных купцов Санкт-Петербурга. Британцы¹⁶ стали занимать ведущие позиции уже в XVIII в. Это положение они сохраняли за собой, несмотря на небольшую численность купцов, вплоть до первой половины XIX столетия, когда по общему обороту немцы вышли вперед. Дальше мы рассмотрим причины этих тенденций. Самыми успешными иностранными предпринимателями были немцы и британцы преимущественно протестантской веры. В чем же причина британского господства до 1850 г. и почему дальше вперед выходят немцы?

Представители бизнеса из Великобритании доминировали в XVIII в., а также в начале XIX столетия по причине того, что Англия была ключевой всемирной торговой нацией и покупала, особенно в XVIII в. и в начале XIX в., много необходимого сырья в России, например древесину, судостроительные материалы и сало. Ее торговые агенты жили и работали довольно долгое время в заокеанских торгово-экономических регионах, таких как Америка, Южная Африка или Индия. Британские купеческие семьи заботились о том, чтобы ее члены переезжали в важную для их бизнеса страну, как правило, только на время. Многие из этих представителей являлись владельцами крупных капиталов. В своей деятельности они заручались поддержкой родственников и правительства: торговля с Россией, например, была выгодна для британской коммерческой системы и важна для ее экономики. Российский внешний рынок, который был важен для поставки сырья и экспорта товаров из Англии, был гораздо выгоднее при присутствии там собственных представителей. Хотя русское правительство во многом помогало инвестициями, тем не менее британские предприниматели были независимыми и работали в собственных интересах и интересах британских торговых домов. В Петербурге общество британских купцов носило название «Petersburg Factory»¹⁷. Торнтон, Лодер, Вишау, Андерсон, Кэтли, В. Миллер и т. д. были самыми известными петербургскими британскими купцами¹⁸.

У немецких предпринимателей в России также существовали крупные торговые дома, но в XVIII в. они находились в меньшинстве. Большинство составляли мелкие и средние дома. Многие из них могли развиваться только в России. Помощь родного государства была слабой.

Таблица 14

Сферы занятости выходцев из британских и немецких предпринимательских семей (1897 г.)

	Британцы		Немцы	
	чел.	%	чел.	%
Промышленность	364	25	10 626	28
Свободные профессии	297	20	3474	9
Банки/Торговля	145	10	2889	8
Рантье	223	15	4695	12
Вместе	1029	70	21 684	57
Другие	422	30	16 148	43
В целом	1451	100	37 832	100

Источник: Mahnke-Dévlín J. Britische Migration nach Russland im 19. Jahrhundert: Integration, Kultur, Alltagsleben, Wiesbaden, 2005. S. 94.

Из таблицы 14 видно, что 70% британцев и 57% немцев работали в России в схожих профессиях. В Москве, между прочим, расчеты отличались от чисел Дж. Манке-Девлин: 87% англичан и 65% немцев. Подобная тенденция наблюдалась в экономическом и в социальном развитии, однако здесь обнаруживаются более значительные различия. Важным фактором было то, что число немецких предпринимателей превосходило число английских. В 1869 г. расчеты представителей бизнеса по Санкт-Петербургу были следующими: 66,7% русских, 24,4% немцев и 6,7% англичан¹⁹. По собственным расчетам русской стороны, участие отечественных купцов достигало почти 42%, немецких 37% и британских 8%.

При сравнительном анализе бракосочетаний получаются следующие параллели: мигранты из английского королевства заключали брачные союзы в большей степени с партнерами своей страны, затем шли немцы и русские.

Таблица 15

**Национальность партнеров в брачных союзах
с англичанами согласно архиву Амбургера**

Англичане	186 чел.	39,6%
Немцы	145 чел.	30,9%
Русские	125 чел.	26,6%
Французы	10 чел.	2,1%
Итальянцы	4 чел.	0,8%
В целом	470 чел.	100%

Источник: Mahnke-Dévlín J. Britische Migration... S. 78.

Таблица 16

**Национальность партнеров в брачных союзах
с немцами согласно архиву Амбургера**

Немцы	223 чел.	72,4%
Русские	44 чел.	14,3%
Англичане	18 чел.	5,8%
Французы	11 чел.	3,6%
Другие	12 чел.	3,9%
В целом	308 чел.	100,0%

Источник: собственные расчеты на материалах из архива Амбургера.

Примечательно, что в пределах диаспоры в тот же самый период немцы сочетались браком значительно чаще. Тот факт, что немецкая диаспора была крупнее английской, объясняет разницу английского и немецкого поведения. Похоже, что одновременное послабление правил на совместимые браки как в этническом, так и в конфессиональном плане началось с 1850 г.²⁰ Согласно анализам петербургских церковных книг, отношение браков между англиканцами и смешанными браками составляло 433 : 341 (55,7% : 44,3%): тенденция, которая совпадает с этническим развитием. У немцев, согласно этим книгам, смешанные браки случались еще реже (72% : 28%).

Для британской элиты были характерны брачные союзы с представителями семей правящего класса Российской империи, т. е. с аристократами, высокопоставленными лицами и чиновниками. У немцев также были популярны браки с вер-

хушкой российского общества. Девушки из менее состоятельных семей также не рассматривали перспективу возвращения на родину, пока существовали более выгодные «русские» браки. При вступлении в брак интерес для английской аристократии представляли немецко-балтийские аристократы — лютеранские протестанты, имевшие отношение к дворянской и чиновничьей элите Российской империи. Примечателен тот факт, что именно немецкие крупнейшие семьи, такие как Блессиг и В. Брандт, больше англифицировались, а не наоборот.

Браки, заключенные с русскими партнерами, вели к интенсивной ассимиляции славянской культурой, так как их дети принимали православие.

У немцев знание русского языка росло с каждым новым поколением. То же самое, но в меньшей степени, и у англичан: второе и третье поколения были двуязычными. Известный британский текстильный предприниматель Уильям Коатс, который пребывал в России в 1865 г., имел противоположное представление на этот счет: «Люди должны выучить английский язык, если они хотят со мной разговаривать»²¹. Очевидно, что существовала влиятельная группа британцев, которая противилась ассимиляции: «Относительно однородная группа лиц была достаточно мала, чтобы быть видимой, но ее вполне хватало, чтобы предлагать достаточный выбор социальных контактов», — отмечает Манк-Девлин.

Вот заметка о путешествии, сделанная Колем в 1845 г. о поведении английских купцов: «У них здесь собственная церковь, живут они отдельно от других наций, однако своих русских покровителей не уважают, ведут жизнь для самих себя, ездят в английских каретах, ходят по Неве на охоту на медведей, как по Гангу на охоту на тигра, не снимают шляпу перед императором и в целом ведут себя надменно, так как знают свою крайнюю необходимость и чувствуют за спиной английский флот. Проявляют сарказм по поводу всего, что видят. Тем не менее российское правительство и простой русский народ уважают их, так как англичане изначально высоко себя поставили. Живут они преимущественно в роскошных домах, на английской набережной, названной так в их честь»²². Продолжая характеристику некоторых членов английской элиты, он писал: «Некоторые англичане, которые работали в России, ходили на немцев в своем поиске легкой жизни: это были, прежде всего, молодые люди... активные и дерзкие, которые были готовы бросить обязательства и стабильную жизнь в Великобритании. Многие из них были успешны и умели пользоваться этим на славу...»²³ Уильям

Б. Стивени писал о своем пребывании в Петербурге в начале XX в.: «Освобожденный от тяжелого существования, борьбы за жизнь, которая слишком часто убивает в лондонцах всякий энтузиазм, закончив работу, они ведут себя в лучших традициях своей расы, так же как другие англичане в колониях».

Иностранцы видели много других положительных моментов в проживании в России: это и недорогая жизнь по сравнению с родиной, и возможность самореализоваться, а также спорт и великолепная русская природа, находящаяся поблизости от Петербурга мест.

Тем не менее существовали преграды, которые затрудняли интеграцию британцев в Российскую империю в отличие от немцев. Сохранение своего гражданства давало британцам большие преимущества, так как британское правительство гарантировало соотечественникам защиту за границей. В период с 1854 по 1897 г. от 70 и до 90% британцев в России имели гражданство Великобритании. У немцев этот показатель был значительно ниже (примерно 30% в 1880-е гг.)²⁴. То же относится к французам в России. Немцы, которые иммигрировали до 1871 г., не имели какой-либо существенной помощи со стороны своего государства, поэтому их паспорт не пользовался особым уважением.

Зажиточные британские семьи часто посылали своих детей в школы и университеты Великобритании, а не в русские учреждения. На базе маленькой общины также не возникала никакая значимая региональная культура. Несколько английских газет, которые были основаны в Петербурге, не сыскали большого успеха. Британцы предпочитали газеты, печатавшиеся в Великобритании, которые можно было найти в Петербурге. Также связь с англиканской церковью затрудняла ассимиляцию. Церковь подчинялась британскому посольству и пользовалась иммунитетом. Это являлось еще одним фактором, который связывал общину с ее родиной. За границей церковь для многих являлась культурным центром. Кроме того, российское государство все больше сокращало привилегии церкви, что негативно сказывалось на отношении к принимающей стране²⁵.

В целом количество ассимилированных британцев было низким, что видно из опроса во время переписи населения: большинство родным языком называли английский, а не русский. Большинство немцев выбрали русский язык. Британцы приспособивались меньше, нежели немцы, несмотря на открытые бракосочетания с русскими.

Спад экономического значения британцев в середине XIX в. по сравнению с немецкими предпринимателями частично был связан все с тем же. Недостаточное знание языка являлось важным фактором, который практически сводил на нет все перспективы. Сыграло свою роль и небольшое число британских предпринимателей. В разных регионах немцы находили земляков, с которыми они быстро могли найти общий язык для сотрудничества. Немецкие предприниматели или молодые немецкие торговые агенты, которые инвестировали в Россию, имели возможность сотрудничать с большим ресурсом коллег-соотечественников, живших и работавших в стране. Кроме того, немцы демонстрировали большую мобильность, что, впрочем, было характерно и для британцев. Значит ли это, что британские предприниматели или менеджеры с туманного Альбиона были менее способными, чем немцы?

Это должно быть частью гораздо большего эмпирического исследования. Имеется положительный пример семьи Вишау, которая много лет занималась предпринимательской деятельностью и чьи члены разнообразно действовали в торговле, банковском деле и индустрии как предприниматели и менеджеры, а также охотно жили в России; или пример МакГилла — менеджера текстильного дома Людвиг Кнопа²⁶. Но есть и другие свидетельства: «По причине моих лондонских инвестиционных дел я общался со многими членами британской колонии, среди которых я находил очень милых и чудесных людей, но они были такими же чудесными и в своем невежестве относительно нефти, хотя и руководили нефтяными предприятиями. Конечно, в то время эта индустрия была еще очень молода, и из-за этого ощущался недостаток в специалистах по нефти. Но удивительно, какое легкомыслие проявляли английские кредиторы, которые приобретали ряд хороших предприятий Бакинской нефтепромышленности в середине 1890-х гг. и направляли в руководство лучших своих соотечественников, основываясь лишь на том, что те были приличными людьми и британцами»²⁷, — пишет немецкий нефтяник Георг Шпис.

Также банкир Мориц Баринг писал, критикуя британских купцов: «Один русский сказал мне, что Россия — большая загадка для Великобритании, страна “X”, и что из-за невежества со стороны англичан их торговля значительно пострадала, в то время как Германия, коммивояжеры которой не жалеют ни времени, ни сил на изучение России, ее языка и ее таможи, выигрывают вдвое»²⁸.

В отличие от представителей Великобритании, счета немцы отправляли на русском языке, что тоже давало им вполне конкретные преимущества в России. Шарль Мусgrave, член Лондонской торговой палаты, тоже сетует на то, что Германия более основательно исследует Россию и способна посылать в эту страну многочисленных дипломированных предпринимателей и коммивояжеров²⁹. В 1916 г. МакКинзи писал, с некоторыми преувеличениями, о причинах коммерческих успехов Германии в России, вызванных условиями войны: «В отличие от англичан, немцы обладают либо в высшей степени специфическим талантом, либо систематическим, корпоративным чувством предпринимательства плюс тщательно подготовленной организацией мелких деталей. Таким образом, они имеют огромное преимущество над человеком, который доверяет исключительно индивидуальным способностям». И дальше пишет: «Когда они прибывают на место, они тут же добывают полезную информацию, консультируясь с хорошо осведомленным руководством консульств и проживающими здесь соотечественниками. Они расцениваются как партнеры, а не как конкуренты... Новые приезжие, которые сначала очень стеснены в своих возможностях, часто находят места в фирмах у “своих” и приобретают там дополнительные знания в контексте местных условий»³⁰. Особенно он подчеркивает особенности методов инвестирования: «На самом деле немецкого капитала под немецким флагом в России не так уж и много, но его можно найти повсюду в виде инвестиций в российские предприятия. Это обстоятельство позволило немцам обогнать англичан в торговле в России... В отличие от британской системы, они импортируют свой капитал не безлично, а с представителями и агентами, плотная сеть которых покрывает всю страну и максимально служит немецким национальным интересам»³¹.

МакКинзи критикует своих коллег-соотечественников, работающих в России, и советует расширять кругозор и изучать русский язык, чтобы конкурировать с немецким коммерческим превосходством: «Преыдушие участники... были честными, весьма уважаемыми людьми консервативных взглядов. Они оставались преданными традиционным методам своих предков, и им незачем было брать уроки у предприимчивых немецких конкурентов. Старая система была достаточно хороша... Большинство из них (новое поколение. — В.С.) училось в английских школах, где они увлекались спортивными состязаниями и

выбирали более роскошный способ проживания, чем у их отцов и дедов. Им нужны специальные качества для того, чтобы противодействовать немецким методам конкуренции, таким как поиски подземных ходов и разрушение корней британского коммерческого процветания в Петрограде»³².

Он также советует своим коллегам обратить особенное внимание на монополизацию немецких товаров и их качество: «Этот экстраординарный немецкий контроль рынка — та особенность, на которую не может не обратить внимание путешественник и которую он надолго запомнит». Он пишет, что даже в Сибири 99% препаратов в аптеках являются товарами немецкого происхождения. Притом все хорошего качества, что сыграло немаловажную роль для их успеха. «Ненавидя Германию, что для него [Крижанича — одного русского предпринимателя в Сибири] было неоспоримо, он с удовольствием покупал немецкие товары, а не свои, так как их качество не подлежало сомнению»³³. В Великобритании существовало лишь несколько русских лингвистических центров³⁴. Кроме того, британские банки не выдавали долгосрочные кредиты, как немецкие финансовые учреждения.

Местные ограничения в Петербурге, Прибалтике и в значительной мере в Москве также сказывались негативно. Особенно негативно сказывалось то, что англичан почти не было в процветающем черноморском регионе.

Россия стала терять принципиальное значение для Британской империи: «Преимущество немецких предпринимателей над британскими торговцами не может считаться доказательством неудачи британского предпринимательства, так как в отличие от немецких деловых коллег английские фирмы легко могли переехать в любые области Британской империи, где перспективы становились ощутимее, а юридическая система была благоприятней»³⁵.

Участие немецких предпринимателей было хорошо заметно на международной арене, которое происходило при поддержке иностранных инвестиций: они работали в нескольких европейских странах и в Южной Америке, хотя прилично уступали на этом рынке английским коллегам. Инвестиционная политика Великобритании стала меняться с середины XIX в. Российский бизнес продолжал входить в сферу интересов «неформальной Английской империи», где не имела силы, не господствовала никакая британская или императорская юрисдикция, как в ста-

рых и новых колониях³⁶: в Индии, Северной Америке, Австралии, Китае и Африке и прочих экономически выгодных областях по всему миру. Россия относительно теряла значение для Лондона³⁷. В начале XIX столетия Россия поставляла большую часть древесины, железа и джута. С середины XIX в. Канада приняла роль основного импортера леса, сало стало прибывать все больше через Австралию и Канаду, импорт железа терял позиции из-за английского собственного производства, а джут стал использоваться все больше для внутренних нужд России. Древесина теряла значение из-за строительства пароходов³⁸. Только зерно и конопля оставались еще пока важным торговым сырьем из России.

Серия затруднений, связанная с получением виз и с пребыванием англичан в России, обострила ситуацию. Павел I отменил все привилегии, которые были частично восстановлены лишь при Александре I в новом торговом договоре 1813 г. «Английское правительство больше не видело острой необходимости добиваться для своих купцов новых привилегий, так как инновации в судостроении, новые источники поставок и новые рынки сбыта ослабили зависимость от российского рынка»³⁹.

Хорошим примером является много лет успешно просуществовавшая в России греко-английская компания экспорта зерна «Ралли». В середине XIX в. ее основные силы в торговле зерном были перенаправлены в британскую Индию, особенно большого успеха компания добилась в мировой торговле джутом и текстилем.

Поэтому британская общественность стала меньше вкладывать средств в русский бизнес, переключившись на азиатский и американский рынки.

Иммиграция предпринимателей в Россию переживала застой вопреки отмене запрета на эмиграцию англичан и облегченные условия переезда, предоставленные реформами 1850–1860 гг. Инвестиции в русскую промышленность осуществляли преимущественно известные предпринимательские семьи, такие как Кэтли, Хуббард или Торнтон. Разумеется, техники, менеджеры и квалифицированные рабочие прибывали как для работы на английских фабриках, так и из-за растущих с 1890 г. инвестиций в горнодобывающую и нефтяную промышленность. Имелись определенные стимулы в виде англо-русского договора 1907 г. Тем не менее из 4 млрд фунтов стерлингов всех заграничных капиталовложений Великобритании только 110 млн (2,9%) выпало на долю России.

Британские инвестиции за границей. 1913 г.

Регион	Млн фунтов стерлингов	Всего %
Империя в целом	1780	47,3
Отдельно:		
Канада	514,9	13,7
Австралия и Новая Зеландия	416,4	11,1
Южная Африка	370,2	9,8
Индия и Цейлон	378,8	10,1
Другие	99,7	2,6
Америка в целом	1561,2	41,5
Отдельно:		
США	754,6	20,1
Аргентина	319,6	8,5
Бразилия	148	3,9
Китай	43,9	1,2
Европа в целом	218,6	5,8
Отдельно:		
Россия	110,1	2,9
Другие	498,6	13,2
Итого	3763,3	100,0

Источник: Feis H. The World's Banker 1870–1914. London, 1930. P. 23.

Большая часть инвестиций уходила в колонии, Северную и Южную Америку и лишь 200 млн в Европу⁴⁰. Кроме того, инвестиции 1913 г. выросли по сравнению со второй половиной XIX в., так как вырос уровень вложений в нефтепромышленность.

Английская внешняя торговля с Россией по сравнению с 1870 гг. упала примерно на 20%. Многие виды сырья, которые до этого экспортировались из России, такие как жир и конопля, также стали обеспечиваться другими странами.

Немецкие инвестиции за границей. 1914 г.

Регион	Млн марок	Млн £	%
Европа:	11 300 000	555 000	50,7
Австро-Венгрия	3 000 000	147 000	13,5
Россия	1 800 000	88 000	8,1
Балканы	1 700 000	84 000	7,6
Турция	1 800 000	88 000	8,1
Франция и Великобритания	1 300 000	64 300	5,8
Испания, Португалия	1 700 000	84 000	7,6
Заокеанские страны:	11 000 000	538 700	49,3
Африка, вкл. колонии	2 000 000	98 000	9,0
Азия	1 000 000	49 000	4,5
США и Канада	3 700 000	181 000	16,6
Лат. Америка	3 800 000	186 000	17,0
Другие	500 000	24 700	2,2
Итого	22 300 000	1 093 700	100,0

Источник: Feis H. The World's Banker 1870–1914. London, 1930. P. 74.

Примерно 90 млн фунтов стерлингов, конечно, меньше британских 110 млн фунтов стерлингов, тем не менее цифра могла бы быть и больше числа Фейса, так не учитывается еще большое участие немецкого капитала от находящихся в России предприятий плюс косвенные инвестиции. Эти суммы также не принимаются во внимание и для соответствующих британских фирм, однако их было гораздо меньше.

Без учета неофициальных инвестиций участие немецких инвестиций в России составляло почти 8% против 3% Великобритании. Немецкий интерес к Российской империи однозначно превосходил британский и способствовал тогда сохранению немецкого превосходства.

Все-таки нельзя не отметить, что многие британские предприниматели, работавшие в России, необязательно занимались

торговлей между Россией и Великобританией. Многие работали для себя в качестве российской компании или вели дела для других иностранных фирм, как МакГилл для немецкого торгового дома Кноп. Тем не менее спад отражался на присутствии британских предпринимателей.

Итоги

Мы установили две формы развития крупных немецких предпринимателей Санкт-Петербурга. До третьего поколения немецкая коммерческая диаспора традиционно оставалась в пределах своей собственной этническо-конфессиональной области. Однако уже становятся заметны изменения в занятости. Начиная с четвертого поколения во второй половине XIX в. многие оставили бизнес. Большинство детей третьего или четвертого поколений были образованными и, кроме бизнеса, могли выбирать другие интересные им сферы деятельности. Начиная со второго поколения, приблизительно в 1800–1850 гг., возросло количество брачных союзов с другими этническими группами. На одну четверть сократилось число браков в пределах немецкой диаспоры. Это произошло в то время, когда началось важное сотрудничество с британскими бизнесменами. О культурном же обмене говорить пока еще было рано. Религиозная ассимиляция была также затруднена, хотя немецкое протестантство и религия англиканского вероисповедания были подобны. Все изменилось во время следующего поколения, когда началась пора взаимоотношений с российскими партнерами и другими представителями других славянских национальностей. Этот процесс объяснял одну четверть всех браков с немцами. В то время стала зарождаться новая смешанная культура, которая не могла тогда прижиться полностью ни на старом месте, ни на новом. Новое поколение не принадлежало ни родному дому, ни обществу страны проживания. Это было новое этническое меньшинство. В случае немецкой диаспоры в Санкт-Петербурге произошло сохранение немецкого культурного элемента наряду с дополнением к нему удивительных черт обоих языков и традиций Российской империи. Но, безусловно, были и космополитические черты. Однако диаспора стабилизировала пропорцию связей с другими этническими группами начиная со второй половины XIX столетия. Пропорция браков с другими народами равнялась приблизительно одной четверти, но до Первой мировой войны наблюдалось увеличение по этим показателям. С одной

стороны, это указывает на готовность быть открытым другим культурам, с другой — к постоянному добавлению новых элементов к аспектам его собственной национально-культурной специфики.

Примечания

¹ Thompson S. *The Organization and Financing of Russian Foreign Trade before 1914*. PhD. London, 1992. P. 245; Томпстон С.П. *Российская внешняя торговля XIX — начала XX в.: организация и финансирование*. М., 2008. С. 209.

² См.: Amburger E. *Die deutsche Kaufmannschaft St. Petersburgs um 1800*, *Herold für Geschlechter-, Wappen- und Siegelkunde* 2 (1941). Н. 2; Барышников М.Н. *Иностранные предприниматели в Петербурге во второй половине XIX — начале XX века*. СПб., 2006; Сапоров В. *Торговля при порте. Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия*. Т. 2, 6. СПб., 2008. С. 949–952; *Многонациональный Петербург: История. Религии. Народы*. СПб., 2002.

³ *Diaspora Entrepreneurial Networks. Four Century of History* / Ed. by I. Baghdiantz McCabe, G. Harlaftis, I.P. Minoglou. Oxford; New York, 2005. P. XVIII–XX; Weiter dazu: Cohen A. *Cultural Strategies in the Organization of Trading Diasporas: The Development of Indigenous Trade and Market in West Africa, L'Evolution du commerce en Afrique de L'Quest* / Ed. by C. Meillassoux. 1971; Weiter: Curtin P. *Cross-cultural Trade in World History*. Cambridge, 1984; Markovits C. *The Global World of Indian Merchants: Traders of Sind from Bukhara to Panama*. Cambridge, 2000; Bade K. *Deutsche im Ausland, Fremde in Deutschland: Migration in Geschichte und Gegenwart*. München, 1992; *Lexikon Migration Europa* / Ed. K. Bade, P.C. Emmer, L. Lucassen u. a. München, 2007; Panayi P. *Ethnic Minorities in Ninteenth and Twenty Century Germany: Jews, Gypsies, Poles, Turks and others*. 2000; Dahlmann D., Ackermann V. *Migration in Geschichte und Gegenwart*. Essen, 2007; Manning P. *Migration in World History*. New York, 2005; Idem. *Migration in Modern World History 1500–2000*. 2001; *Migration in History* / Ed. by M. Rodriguez (Studies in Comparative History). Rochester, 2007.

⁴ Mandilara A. *The Greek Business Community in Marseille, 1816–1900: Individual and Network Strategies*. Doc. diss. Florenz. 1998. P. 13.

⁵ Цит. по: Mandilara A. *Op. cit.* P. 182.

⁶ Надо заметить, что с 1865 г. источниковая база изменилась: статистика сейчас включает представителей промышленных банков и бирж.

⁷ Тимофеев А.Г. *История Петербургской биржи. История биржевого законодательства, устройства и деятельности учреждений Санкт-Петербургской биржи, 1703–1903*. СПб., 1903. Прил. 2. С. 27–34.

⁸ Происхождение иностранных предпринимателей, которые были включены в исследование коммерческих советов, отличаются. Многие

из них уже давно жили в России, а некоторые приехали несколько лет назад.

⁹ Pohl H. *Aufbruch der Weltwirtschaft. Geschichte der Weltwirtschaft von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg* (Wissenschaftliche Paperbacks Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, hg. v. H. Pohl). Stuttgart, 1989. S. 24–25. Исследователи не имеют единого мнения по периодизации. Несколько выступают за 1815–1914, другие — за 1850–1914, третьи — за 1870–1914.

¹⁰ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга второй половины XIX — начала XX века. Л., 1984. С. 24, 36.

¹¹ Menke C.F. Die wirtschaftlichen und politischen Beziehungen der Hansestädten zu Rußland im 18. und frühen 19. Jahrhundert, Göttingen, 1957. S. 130; Thompstone S. *Op. cit.* P. 244–245.

¹² Ischchanian B. Die ausländischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft. Berlin, 1913. S. 76–78.

¹³ Spies G. Erinnerung eines Ausland-Deutschen, Zeitschrift der Familie Spies und Spieß, Beilagebd. 5, hg. u. bearb. v. W. Sartor. SPb., 2002. S. 51.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ AEGS: Rudolf Spiess: Lebens-Erinnerungen 1874–1914, Verosijemie 1915 (неоп. типоскрипт). S. 129–130; Сартор В. Свое и чужое: Приспособляемость и аккультурация немецких предпринимателей в России (по мемуарным источникам) // Немцы в общественной и культурной жизни Москвы, XVI — начало XX века: Материалы Междунар. науч. конф., 15–16 февр. 1999 г. / Под ред. Ю.А. Петрова. М., 1999. С. 12–17, 73–85.

¹⁶ Нужно использовать этническое определение «британцы», потому что среди них были и англичане, и шотландцы, и валлийцы.

¹⁷ Kohl J.G. *Petersburg in Bildern und Skizzen*. 3 Т. Dresden; Leipzig 1846. Т. 2. S. 97.

¹⁸ Mahnke-Dévlín J. *Britische Migration nach Russland im 19. Jahrhundert: Integration, Kultur, Alltagsleben*. Wiesbaden, 2005. Надо заметить, что цифры автора относятся на всю английскую общину, а не только на предпринимателей.

¹⁹ Ibid. S. 59.

²⁰ Ibid. S. 81 (график 8) и S. 10.

²¹ Цит. по: Ibid. S. 82.

²² Kohl J.G. *Op. cit.* Т. 2. S. 97.

²³ Ibid. S. 148.

²⁴ Ibid. S. 89.

²⁵ Ibid. S. 157–159.

²⁶ Zenker A. *Geschäftiges Russland, Erinnerungen eines Bankiers — nach Briefen von 1926*, hg. und komm. v. W. Sartor, Unternehmer in Russland und Europa, hg. v. D. Dahlmann, K. Heller, C. Lebedev, J. Petrov, W. Sartor und S. Thompstone. Т. 1. SPb., 2004. S. 88.

²⁷ Spies G. *Op. cit.* S. 256–257.

²⁸ Цит. по: Томпстон С.Р. Указ соч. С. 249. (Baring M. With the Russians in Manchuria. London, 1905. P. 203–204.)

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 17, 20.

³² Там же. С. XVI.

³³ Lethbridge A. The New Russia. London, 1915. P. 249, 251.

³⁴ Ibid. P. 252.

³⁵ Томпстон С.Р. Указ. соч. С. 13; см.: Platt D.C.M. Latin America and British Trade: 1806–1914. London, 1972.

³⁶ Lynn M. British policy, and Informal Empire in the Mid-Nineteenth Century, Oxford History of the British Empire. 3: The Nineteenth Century / Ed. W. Roger, Louis, OUP 1999. P. 120.

³⁷ Mahnke-Dévlín J. Op. cit. S. 30.

³⁸ Томпстон С.Р. Указ. соч. С. 13; Platt D.C.M. Op. cit.

³⁹ Томпстон С.Р. Указ. соч. С. 14; Сартор В. Международные фирмы в Российской империи, 1800–1917 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2005. М., 2005. С. 4.

⁴⁰ Feis H. The World's Banker 1870–1914 An Account of European Foreign Investment and the Connection of World Finance with Diplomacy before the War. London, 1930; Hallgarten G.W.F. Imperialismus vor 1914. München, 1951. T. 1. S. 64.

*К. Хеллер**

Немецкий дух и русский менталитет в литературном и деловом мире России до 1917 г.

Новые и старые предрассудки в отношении купцов в России

В постсоветские времена в России снова пробудился интерес к истории собственной буржуазии, которую большевики еще в 1917 г. объявили лишенной будущего. Повышенным вниманием стало пользоваться купечество — частные предприниматели дореволюционного периода. Купцы, будучи представителями буржуазии, оказались смертельными врагами для большевиков. В конце концов, даже само существование советско-коммунистической общественно-экономической системы пытались оправдать необходимостью предотвратить возвращение этого эгоистичного «классового врага» пролетариата. Именно этот частный интерес, связанный со стремлением к получению прибыли, начал снова входить в моду в России после развала Советского Союза в 1991 г. и привел к появлению тех олигархов, дорогу которым проложили Егор Гайдар и Анатолий Чубайс своей «приватизацией по-русски»¹ в период президентства Ельцина.

Но не только «грабительский капитализм» с его концентрацией огромного капитала в руках немногочисленных богачей вызвал недовольство российской общественности. В основном скептическим было также и отношение к свободной рыночной экономике, а деятельность ее действующих лиц осуждалась как аморальная — ведь мнение, что все купцы т. е. коммерсанты по своей сути всегда обманщики, в России имеет давнюю традицию.

* Хеллер Клаус — профессор истории (Гиссенский университет, ФРГ).

Перевод с немецкого языка автора под редакцией Ю.А. Петрова.

В России XIX в. с ее базарами и кустарными ремеслами общественность предавала анафеме в первую очередь кулаков, евреев-коммерсантов², т. е. всех тех торговых посредников (перекупщиков, переторговщиков, перевозчиков), которые, согласно общему предубеждению, жили в основном за счет обмана³. Так же как и всех других традиционно занимавшихся торговым посредничеством, в частности евреев, живших в черте оседлости, их обвиняли в разрушении традиционного мирного сосуществования между помещиками и крестьянами⁴.

Для Глеба Успенского (1843–1902) поэтому «сельское кулачество» является «не случайным, не занесенным, а внутренним явлением, не пятном, которое можно стереть, а органическим недугом». Предвестники набиравшего повсюду силу денежного хозяйства, они были первыми высокоодаренными представителями того «безнравственного капитала», который повинен в разрушении старого мира крестьянских ценностей с присущими ему принципами солидарности. Ведь именно кулаки обусловили разделение старой деревенской общины на богатых и бедных. Иван Тургенев (1818–1883) в своем письме Александру Герцену, написанном в декабре 1867 г., уже называет кулачество «буржуазией», пусть даже пока еще в «дубленной овчине»⁵.

Сущность крестьян-перекупщиков была в их способности содействовать заключению сделок и получать за это дополнительные кредиты. Однако именно это обязательное для развития современной капиталистической экономики в России получение процентов, сомнительных как с точки зрения морали, так и религии, продолжало оставаться проблемой для русского общества. Полностью освободиться от этого распространенного в обществе предубеждения до 1917 г. не удалось даже имевшим непосредственное отношение к ним богатым московским фабрикантам.

В среде русских фабрикантов существовало нечто вроде таблицы о рангах. По словам Владимира Рябушинского, который сам был родом из богатой купеческой семьи (фабриканта-текстильщика и банкира), это была «неписаная иерархия московского купечества», в верхней части которой стояли фабриканты, за ними следовали торговцы, а в самом конце списка — те, кто давал деньги в долг под проценты, дисконтировал векселя и вообще заставлял свои деньги работать, т. е. «процентщики». Аналогичное суждение встречаем в воспоминаниях другого богатого московского фабриканта-текстильщика Льва Рабенка. Тогдашнего «маклера», независимо от его состояния, Рабенец помещал на самую нижнюю ступень общественного

престижа. На вершине иерархии Рабенека стояли «владельцы фабрик и заводов», «самыми могущественными, самыми важными и самыми богатыми» среди которых были «фабриканты-производители хлопчатобумажных тканей», к которым он и сам когда-то принадлежал⁶.

Таким образом, в случае с маклером мы имеем дело с коммерческой деятельностью, которая осуждалась обществом как недостойная — в какой бы форме это ни выражалось, а в чем-то ее соотносили с той деятельностью, которой занимались евреи. Правда, поначалу это предубеждение распространялось не только на традиционный слой торговцев крестьянского происхождения, маклеров и ростовщиков. Едва ли не в той же степени оно затрагивало многочисленных мелких торговцев и ремесленников городских торговых кварталов, в частности в Москве, в Замоскворечье, т. е. тех «аршинников», которые — в их классической форме — особенно часто встречаются в ранних комедиях Александра Островского (1823–1886)⁷. Там все: и мысли, и дела — крутятся вокруг денег. Однако деньги не являются единственной определяющей силой: существенное значение все еще имеет также и крестьянская среда с патриархальными основами ее характера и недостатком образования, которой большинство этих купцов обязано своим происхождением. Николай Добролюбов (1836–1861) метко назвал ее «темным царством»⁸. Между тем славянофилы уже в XIX в. называли этих купцов чистым субстратом типично русского предпринимательства. Правда, это относилось не столько к их недостойной с точки зрения морали деловой практике, сколько к их традиционному образу жизни и особенно к приверженности к старой вере⁹.

Немец как противоположность русского

Совершенно другой, западный тип предпринимателя представлял собой немец, которого в России XIX в. можно было встретить повсюду. Его трудолюбие вызывало у русских уважение, но не всегда — симпатию. Не вызывали сомнений его знания и способности в области торговли и ремесел. Отличавшее немца неукоснительное следование законам положительно выделяло его в пронизанном коррупцией мире. Но именно эта стойкая несговорчивость немца особенно нервировала русских в целом. Русский, прежде всего представитель «интеллигенции», считал эту чуждую ему самому приверженность к законности признаком истинного мещанства. С другой стороны, соблюде-

ние немцем условий договора было для русского большим благом. То, что предлагал немецкий купец, было, как правило, не дешево, и сбить цену было практически невозможно. Но зато немец всегда поставлял товары высшего качества и соблюдал сроки поставок. Это опять же приводило к тому, что производившему более легкомысленное впечатление русскому казалось, будто немец ведет себя высокомерно, даже пренебрежительно по отношению к нему. В изданных Владимиром Далем в 1860-х гг. «Пословицах русского народа» можно найти целый ряд оборотов речи, имеющих отношение к «немцам»: ведь от холода их рассудка застывает русская сердечность. Немец многое может, у него «на все струмент есть», «он хитрый: обезьяну выдумал», но у него «ножки тоненьки, душа коротенька».

То, что при этом имелся в виду в основном немец-делец, находит подтверждение и в русской литературе. В ней нередко упоминается немецкое усердие, любовь к порядку, да и вообще разумное планирование жизни, воспринимаемые как не совместимые с собственной природой русских. В экономическом мире России, по-видимому, повсюду встречались такие ограниченные «Карлхены», у которых «в голове не было ни одной собственной мысли» и разум которых с трудом дотягивал до усвоения десятичных дробей¹⁰.

Для Федора Достоевского (1821–1881) существенное отличие немца от русского состояло в том, что все деяния и помыслы немца направлены на «приобретение капитала». Если это происходило на «немецкой манер», т. е. «честным трудом», то это было особенно чуждо русскому. Капитал в немецких семьях накапливался поколениями: «все пашут как буйволы, а деньги загибают как еврей». В итоге они сколачивают состояние, которое не побоялось бы сравнения с состоянием банкира Ротшильда или банка «Гоппе и К°». И, в общем-то, это все, что в результате приносят «труд, терпение, ум, добросовестность, прочность характера, выдержка, экономность». Дополнить этот ряд можно разве что особенно отталкивающей самоуверенностью, нередко позволявшей себе насмеяться над легкомыслием русских в денежных вопросах¹¹.

Мнение Достоевского отражает представления, распространенные в среде образованных русских в конце XIX в., в соответствии с которым немец является противоположностью русского. У немца были свои характерные достоинства, но именно они были, скорее, чужды русскому. Рациональность духа немца во многом объясняется германской «протестантской культурой», т. е. восходит к тому самому Мартину Люте-

ру, который — в отличие от католицизма и папства — обещал рай не на небесах, а уже на земле. В этом немец со свойственным ему прагматизмом вполне мог преуспеть, будучи человеком «с точными, твердо установленными правилами и понятиями, которые решают все жизненные вопросы и надлежащим образом организуют всю его личную жизнь»¹².

«Имперский немец» и «немецкое засилье» в экономике

Но в дальнейшем речь шла уже не только о немце в России с его хитроумной деловитостью и вообще подчиненным выгоде образом жизни. Все сильнее, особенно после основания Германской империи (1871), становилось давление, оказываемое конкурентами со стороны германской экономики. Россия, стремившаяся к мировому признанию, рассматривала наступление германских промышленных товаров на всех мировых рынках как угрозу для себя. Это вызывало большую озабоченность, тем более что в будущем приходилось опасаться двойной угрозы со стороны немцев — как извне, так и изнутри.

Опасения такого рода казались небеспочвенными. Газета «Швайцер Хандельсблатт», в частности сообщая об учредительном собрании 16 февраля 1899 г. в Берлине «Германо-Российского союза», писала, что в отношении России Берлин преследует цели экспансии своего экспорта на российский рынок. Ведь это не только слабо развитая промышленно, но еще и в первую очередь богатая сырьем страна, а значит, она стоит того, чтобы продолжить ее освоение. Что же касается экспорта германских товаров, то привлекательность России только возрастает оттого, что там можно рассчитывать на поддержку «многочисленных жителей немецкого происхождения»¹³.

Однако в действительности немцы, испокон веку жившие в России, весьма неохотно шли на поддержку экономических интересов Германской империи и ее представителей на местах, да и то, если с самого начала не относились отрицательно к этой идее. Это было понятно, ведь в отношении России у них были свои экономические цели¹⁴. И все же эта лояльность по отношению к новой родине не спасла немцев после вспышки Первой мировой войны ни от преследований, ни от высылки из страны или — по меньшей мере — секвестра их состояния. Даже тех немцев, которые поколениями жили в России, подозревали в том, что они «лишь формально считали себя подданными России»,

а в действительности — в силу «политических убеждений, языка, привычек и религии — их тянуло к своим зарубежным землякам»¹⁵.

Московские промышленники и германский вызов

Но как раз опасность того, что растущее экономическое превосходство «имперских немцев», казалось, хорошо сочеталось с уже имевшимся превосходством «российских немцев» во многих частях страны, причем не только в экономической сфере, побудила заинтересованные круги в России отнестись к немецкой проблеме как особенно угрожающей. Этим отрицательным, даже открыто враждебным отношением ко всему немецкому прониклись, помимо прочих, также и промышленники центральных губерний. Обеспокоенность «немецким засильем» начала проявляться особенно в последние десятилетия XIX в. по поводу заключения германо-российских торговых соглашений. Московский биржевой комитет, в составе которого преобладали богатые фабриканты-текстильщики, выступал — в основном после 1906 г. — против якобы чересчур выгодных для немецкого импорта таможенных тарифов. В целом считалось, что нужно раз и навсегда покончить со слишком сильным немецким влиянием, которое еще больше усиливалось вследствие присутствия многих немцев в составе ответственных за этот вопрос министерств (Министерства иностранных дел, финансов, торговли и промышленности). Ведь существовала реальная опасность подрыва иностранным государством дальнейшего экономического развития России, а вместе с тем и ее имперских амбиций на мировых рынках того времени¹⁶.

Против якобы могущественного влияния Германии в Москве особенно активно протестовали «молодые» купцы под эгидой Павла Рябушинского (1871–1924) и Александра Коновалова (1875–1948)¹⁷. После революционных событий 1905 г. там стремились превратить старое, замкнутое в своем сословии купечество в открытую миру современную буржуазию. Здесь все больше давал себя знать либеральный дух, приправленный хорошей долей русского национализма. Существовавшая давно уже дистанция между московским купечеством и «немецким» Санкт-Петербургом стала вследствие этого постепенно приобретать политический характер. Ведь действующими лицами были те же, кто в 1907 г. откололись от еще лояльно относившейся к царю партии «октябристов», объявив себя «прогрессистами»,

а с 1912 г. выступали непосредственно против всевластия царской бюрократии как оппозиционная партия¹⁸.

Важные ссылки на это возраставшее недовольство якобы экономически могущественной Германией можно найти в первую очередь в издававшейся П. Рябушинским московской ежедневной газете «Утро России». Они подтверждаются сообщениями Вильгельма Кольхааса, бывшего в то время генеральным консулом Германии в Москве, правительству Германской империи¹⁹.

Оправной точкой недовольства Москвы поведением немцев было в первую очередь заключение в 1904 г. дополнительного соглашения к уже существовавшему германско-российскому торговому договору²⁰. Российская сторона подозревала германскую в беззастенчивом использовании затруднительного положения России, обусловленном войной против Японии (1904–1905), с целью добиться наиболее благоприятных ввозных пошлин для германских промышленных товаров. А Москва была заинтересована в сбыте своих товаров, в первую очередь тех, что производили влиятельные фабриканты-текстильщики.

Когда после первого Марокканского кризиса (1906) Россия стала все больше склоняться к сближению с западными державами, у немецкой стороны возникли опасения, что в будущем предпочтение будет отдаваться английским и французским товарам. Однако отношение немецких фирм к их российским партнерам продолжало оставаться в высшей степени положительным. Немецкие фирмы отличались совершенно иной организацией, действовали почти повсюду, а в том, что касается цен, качества и соблюдения сроков поставок, с ними мало кто мог конкурировать. Кроме того, они намного лучше, чем англичане и французы, знали потребности своих клиентов на местах. Благоприятным для германо-российских сделок было также то, что в администрации российских фирм чаще всего сидели немцы еврейского происхождения, с которыми намного удобнее было поддерживать контакты. Еще заметнее этот фактор действовал на уровне специализированного персонала²¹.

И именно эти преимущества немцев были не по нраву московским промышленникам. С одной стороны, им приходилось конкурировать с немецкими и еврейскими хлопчатобумажными предприятиями в польском городе Лодзи²². Осторожно прощупывая почву на иностранных рынках сбыта в южноевропейском (балканском) и среднеазиатском пространстве, они, с другой стороны, сталкивались не только с английской, но и в основном с немецкой конкуренцией, которую в нормальных условиях

невозможно было выдержать ни в ценовом, ни в качественном отношении²³.

Интерес московских промышленников состоял не только в том, чтобы вытеснить конкурентов-немцев путем повышения собственной конкурентоспособности, используя более выгодные для себя таможенные льготы. С освобождением из немецких экономических тисков связывалось развитие чувства собственной национальной ценности. Этот «антагонизм материальных интересов» создал «основу для германофобии», которая должна была сыграть важную роль в формировании собственного национального сознания российской буржуазии²⁴.

В начале Первой мировой войны, как писала газета «Утро России», было понятно, что победа над Германией была возможна только «дорогой ценой». Ведь статистика импорта наглядно демонстрировала, «что промышленная Россия слишком прочно прикована к своему теперешнему врагу — Германии». Если не удастся произвести в собственной стране руками самих русских то, что «даже для военных нужд» поставлялось Германией, то перспективы на будущее рисовались неясными. Уже сейчас везде и всюду ощущался недостаток то одного, то другого продукта. Страна была не в состоянии заменить хотя бы крайне необходимую краску собственной продукцией: все лакокрасочное производство находилось в руках крупных германских химических предприятий, которые давно уже имели свои филиалы в России, и в первую очередь — в Москве²⁵.

Московские промышленники тешили себя надеждой, что после войны они смогут навязывать побежденной Германии свои экономические условия²⁶, однако иллюзорность их надежд обнаружилась уже в первые годы войны после провала наступательных действий России на Западном фронте. Тем не менее победа над Германией, обращавшейся с Россией как с «колонией», рассматривалась как единственная возможность освободиться от этой экономической зависимости и начать собственную индустриализацию²⁷.

Причиной этой особой экономической зависимости России от Германии считалось в первую очередь то, что немцы, в отличие от французов и англичан, не просто давали свой капитал займы под высокие проценты, а использовали любую возможность для создания филиалов своих промышленных концернов на российской территории. «Из Германии эмигрируют не только капиталы, но и люди», а именно с национальным заданием расширить сферу политического и экономического влияния

Германии. «В действительности вложения германского капитала носят завоевательный характер»²⁸.

Борьба московского купечества с германской торговлей

Борьба против «немецкого засилья» не ограничилась словесной риторикой, в Москве началась «настоящая война с немецкой торговлей», и Московское купеческое общество, выразив свое отношение к случившимся там погромам немецких магазинов 9–10 октября 1914 г., показало это. Хотя и было высказано осуждение противозаконных действий черни²⁹, а также сожаление по поводу того, что при погромах случайно пострадали и русские предприниматели, в целом эти события рассматривались, скорее, как сигнал к началу собственной борьбы за освобождение российской торговли из рук германского капитала³⁰. Стало очевидно, что уже не было солидарности с «московскими немцами», с которыми до этого поддерживали тесные контакты и даже дружили семьями.

Была создана «Особая комиссия», которой предстояло начать борьбу за «освобождение российской торговли из кабалы германского капитала». В числе предусмотренных мер значились повсеместный бойкот германских и австрийских товаров и создание возможностей для производства замены «вражеским товарам». Одновременно нужно было любой ценой предотвратить экспорт российского сырья. Для этого планировалось прекращение выдачи торговых лицензий германским и австрийским подданным с 1915 г.³¹

Проведенный комиссией референдум показал, что эти решения получили широкий положительный резонанс во всех концах страны: повсюду протестовали против засилья немцев в промышленности и торговле. Таким образом, речь шла не только о противостоянии стремлениям имперских немцев к гегемонии, но и одновременно об устранении «внутреннего немца», т. е. давно уже живущего в России немецкого предпринимателя.

«Мы собираемся, нет, мы почти уже собрались противопоставить немецкому засилью на экономической почве нашу русскому энергии. Мы хотим заставить русского человека обойтись без внутреннего немца, мы хотим вытеснить неприязненный немецкий элемент из торгово-промышленной области, мы хотим эманципироваться от германской гегемонии в наших русских рынках, мы хотим в полной мере использовать в свою пользу нашу будущую победу над немцем внешним»³².

Таким образом, не должно создаваться впечатление, что борьба против «германского засилья» в торговле и промышленности была следствием только войны. Российское купечество всегда считало своей задачей не только борьбу против «политической монополии поместного дворянства», но и преодоление «искусственно культивированного экономического господства иностранных купцов». Еще в начале XIX в. русское купечество выступало за вытеснение иностранных коммерсантов в места приграничной торговли вообще и за ограничение их занятия оптовой торговлей в частности. Ведь доминирование иностранного купечества в значительной степени замедляло «развитие собственной экономической мощи и собственного капитала» в России³³.

Между тем «засилье» немцев пока оставалось самым серьезным вызовом для московского купечества, поскольку оно распространялось не только на экономику. Видимо, немецкое влияние было «довольно глубоким», так как «повсюду в России немцы играли решающую роль, будь то в сфере управления или политики, народного просвещения, торговли и промышленности и т. д.»³⁴.

Живущие в стране, т. е. внутренние немцы, вызывали у русских еще более «враждебные чувства», чем иностранные: они, «выросшие и разбогатевшие» в его собственном отечестве, «живут за его счет и теперь ведут открытую и тайную борьбу против него, поддерживая наших врагов деньгами». Даже будучи российскими подданными, немцы всегда оставались «верными подданными германского кайзера»³⁵.

Для подкрепления своих требований 1 декабря 1914 г. делегация Московского Купеческого общества посетила Петербург, чтобы дать представление относительно немецкого влияния в стране министру внутренних дел Н.А. Маклакову и министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву.

Российское правительство, так же как и его западные союзники, уже предприняло ряд мер, направленных на устранение вражеского влияния в собственной стране³⁶. Однако московское купечество настаивало на более активных действиях. От Министерства торговли и промышленности оно потребовало незамедлительно аннулировать сроки действия привилегий и патентов, выданных германским и австрийским подданным, а также отменить принадлежавшие им сертификаты на ведение торговли. В первую же очередь предлагалось подвергнуть строжайшему

контролю еще действовавшие в стране «вражеские» акционерные общества, с тем чтобы воспрепятствовать распространению любого влияния германских или австрийских подданных. Конечно, речь шла и о том, чтобы подвергнуть их собственности секвестру³⁷.

Однако москвичи не остановились на этом, потребовали дальнейших преобразований. В соответствии с их требованиями городские купеческие общества имели бы в будущем право самим выбирать своих членов, а не принимать их по решению государственных камеральных палат, как это было до сих пор. Это было обусловлено опасением, что собственное купеческое сословие может вскоре «оказаться в руках иноверцев»: евреи и так уже «составляют почти большинство купцов первой гильдии», а стремление немцев последовать примеру евреев может привести к этому результату³⁸.

Однако переговоры московской делегации с обоими министрами — Маклаковым и Тимашевым — не завершились ожидаемой поддержкой Петербургом планов москвичей в отношении «немецкого засилья» на местах. Делегацию поблагодарили за патриотизм, обещали принять еще более жесткие меры борьбы с немецким влиянием, однако высказались за осторожный подход к секвестрации. Министр Тимашев, в частности, проявил большую сдержанность особенно в отношении предложенной москвичами процедуры приема новых членов в купеческое общество путем кооптации³⁹.

Московское купечество беспокоило пренебрежительное в целом отношение правительства к достижениям российской экономики. Петербург объяснял успехи немцев в торговле не поддержкой со стороны германского государства и банков, как считали московские купцы, а скорее «энергичностью немецкого купца, его личным талантом и способностью приспосабливаться к потребностям рынка». Нельзя сказать, что московское купечество совсем не признавало этих преимуществ немецких предпринимателей, просто нужно было учитывать и то обстоятельство, что в Германии существовали совершенно иные общественные условия для свободного индивидуального развития. Следует упомянуть и хорошее школьное образование. Если бы русский в своем отечестве мог развиваться в соответствии со своими талантами и без постоянной опеки со стороны правительства, то в будущем он вряд ли уступал бы своему немецкому конкуренту в деловых качествах⁴⁰.

Заключительные выводы

Итак, до 1914 г. деловые качества немцев пользовались в России уважением, в том числе и у московского купечества. Однако с того времени, когда возродившаяся Германская империя 1871 г. начинает набирать экономическую мощь, лояльность немцев была поставлена под сомнение. В борьбе против расширявшегося «немецкого засилья» стало крепнуть и собственное буржуазное самосознание московского купечества. Однако их экономический национализм, в котором четко просматривались либеральные черты, в старой и уж тем более в новой России, больше никто не хотел признавать политически. Попытки Рябушинского и Коновалова принять решительное участие в судьбе России после 1917 г. были с самого начала обречены на провал. Но «внутренний немец», понимаемый здесь как «городской немец», после войны, революции и гражданской войны полностью исчез из своей бывшей «родины» России.

Примечания

¹ Чубайс А. Приватизация по-русски. М., 1999.

² Ленский Б. Еврей и кулак // Дело. Сент. 1881. С. 27–60.

³ Heller K. Wer sind eigentlich die Kulaken gewesen? // Gießener Universitätsblätter. 1989. 2. S. 81–83. О кулаке как «крепком крестьянине» см.: Frierson C.A. From «Narod» to «Kulak»: Peasant Images in Russia, 1870–1885. Phil. Diss. Harvard University Cambridge. Mass., 1985.

⁴ Гвоздев Р. (Р.Э. Циммерман). Кулачество-ростовщичество и его общественно-экономическое значение. СПб., 1898. С. 5–34.

⁵ Häusler E. Der Kaufmann in der russischen Literatur. Königsberg/Pr., 1935. S. 34; Heller K. Der Unternehmer als *pater familias* in der russischen Literatur vor 1917 // K. Heller, J. Plamper (eds.). Personality Cults in Stalinism — Personenkulte im Stalinismus. Göttingen, 2004. S. 61–82; Heller K. Auf dem Weg zum Bourgeois? Das «Moskau der Kaufleute» vor 1917 // J. Gebhard, R. Lindner, B. Pietrow-Ennker (eds.). Unternehmer im russischen Reich. Sozialprofil, Symbolwelten, Integrationsstrategien im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Osnabrück 2006. S. 47–53.

⁶ Heller K. Auf dem Weg zum Bourgeois? S. 55.

⁷ Idem. Der Unternehmer als *pater familia*. S. 63–70.

⁸ Добролюбов Н.А. Статьи об Островском. М., 1956; Левандовская А.А., Левандовский А.А. «Темное царство»: Купец-предприниматель и его литературные образы // Отечественная история. 2002. № 1. С. 146–158.

⁹ Heller K. Auf dem Weg zum Bourgeois? S. 63–64.

¹⁰ Boborykin P. Kitai-Gorod. Bd. 1. Leipzig, 1895. S. 32.

¹¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 5. С. 225–226.

¹² Шелгунов Н. Наше «я» и немецкое «я» // Очерки русской жизни. СПб., 1895. С. 412–416; Размышления о России и русских. «Вторая философия» русского человека / Сост. С. Иванов. М., 2006. С. 155–156.

¹³ Schweizerisches Handelsblatt. № 100. 24. März 1899 // Bundesarchiv Berlin. Hauptarchiv des Auswärtigen Amtes. Handelspolitische Abteilung bis 1920. Bd. 7. Russland. R/901/Nr. 132. Bl. 51.

¹⁴ См.: Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992. С. 198–199 и сл.; см. также: Gründungsversammlung Deutsch-Russischer Verein, 16. Febr. 1899 in Berlin (Protokoll) // Bundesarchiv Berlin. Hauptarchiv des Auswärtigen Amtes. Handelspolitische Abteilung bis 1920. Bd. 7. Russland. R/901/Nr. 132. Bl. 38.

¹⁵ Кашкаров В. В двойном подданстве // Утро России. № 194. 1914. 19 авг. С. 1.

¹⁶ Внутренний немец // Утро России. № 292. 1914. 25 нояб. С. 1; Синявский Мих. Инородцы и немцы // Там же. № 314. 1914. 17 дек. С. 2.

¹⁷ Rieber A.J. Merchants & Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. P. 285.

¹⁸ West J.L. The Riabushinskii Circle: Russian Industrialists in Search of a Bourgeoisie // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 32 (1984). S. 358–377; Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002. С. 250–291.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 4047. Оп. 1. Ед. хр. 12.

²⁰ Wulff D. Der russisch-deutsche Handelsvertrag von 1904 // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Bd. 32. 1988. S. 129–145; Дякин В.С. К оценке русско-германского торгового договора 1904 г. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 156–183.

²¹ Vortrag des deutschen Vizekonsuls Dr. Trautmann in St. Petersburg, gehalten im Auswärtigen Amt in Berlin am 11. Dez. 1911. Vertraulich! // Deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen 1906–1914. Dokumente, hrsg. u. eingel. v. H. Lemke. Berlin, 1991. S. 23; Berichte Nr. 3906. V. 20. Okt. 1907; Nr. 1922. V. 30. April 1908 des deutschen Konsuls in Moskau Wilhelm Kohlhaas an den deutschen Reichskanzler // Idem. S. 135, 166.

²² См.: Joffe M. Regional Rivalry and Economic Nationalism: The Central Industrial Region Industrialist' Strategy for the Development of the Russian Economy, 1880s–1914 // Russian History 1 (1984/4). P. 394–410; Шустер У.А. Экономическая борьба Москвы с Лодзью // Исторические записки. 1939. № 5. 1939. С. 188–234.

²³ Лаверычев В.Я. К вопросу об особенностях экспорта тканей из России в конце XIX — начале XX века // Вестник Московского университета. № 6. 1965. С. 58–69; Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987. С. 185–192. О продолжавших быть актуальными проблемах московских текстильных фабрикантов со сбытом

своей продукции см. сообщение германского консула в Москве В. Кольхааса рейхсканцлеру Германии князю фон Бюлову от 30 апреля 1908 г., где отмечалось что имеет место... экономическая ревность русских и особенно московских деловых кругов, которые непременно хотели бы зарезервировать за собой за собой такие регионы, как Центральная Азия, где еще можно что-то заполучить, даже если они еще десятилетиями не смогут задуматься об их освоении» (Deutsch-russische Wirtschaftsbeziehungen 1906–1914. S. 163).

²⁴ Obolenskaja S. Belächelt und bewundert. Deutschland und die Deutschen in den Augen der Russen im 19. Jahrhundert // Katalog der Ausstellung «Unsere Russen — Unsere Deutschen Bilder vom Anderen 1800 bis 2000». Berlin, Schloss Charlottenburg. 8. Dezember 2007 bis 2. März 2008. S. 57.

²⁵ Экономические перспективы России // Утро России. № 216. 1914. 10 сент. С. 1; Штурм немца в Китай-Городе // Там же. № 302. 1914. 5 дек. С. 5.

²⁶ Roosa R.A. Russian Industrialists during World War I: The Interaction of Economics and Politics // Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union / Ed. by Gregory Guroff and Fred V. Carstensen. Princeton; New Jersey, 1983. С. 161.

²⁷ А.М. К вопросу об экономической эманципации от Германии // Утро России. № 236. 1914. 30 сент. С. 1.

²⁸ Германские капиталы за границей // Утро России. № 246. 1914. 10 окт. С. 1.

²⁹ Об антинемецкой кампании в Москве, достигшей своего апогея в погромах 26–29 мая 1915 г., и ее скрытой подоплеке см.: Dönninghaus V. Die Deutschen in der Moskauer Gesellschaft. Symbiose und Konflikte (1494–1941). München, 2002. S. 373–516; Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during the World War I. Cambridge, Mass., London, 2003. P. 31–54.

³⁰ Эти призывы были нацелены в особенности на химическую промышленность, главного поставщика красителей для текстильного производства Москвы, 45% которой в Центральном промышленном районе находились в руках немцев. Поэтому следовало сделать все возможное, чтобы заменить немецкую продукцию русской (Штурм немца в Китай-Городе. С. 5).

³¹ Прекращение немецкой торговли // Утро России. 1914. 15 окт. С. 1; Борьба с немецким засильем в торговле и промышленности // Там же. № 120. 1915. 3 мая. С. 5.

³² Внутренний немец // Утро России. № 292. 1914. 25 нояб. С. 1.

³³ Савинич Б. Московское купечество и борьба за национальный труд // Утро России. № 298. 1914. 1 дек. С. 1.

³⁴ Синявский Мих. Указ. соч. С. 2.

³⁵ Борьба с немецким засильем. Депутация Московского купеческого о[бщест]ва // Утро России. № 299. 1914. 2. дек. С. 3.

³⁶ См. в целом по этой проблеме: Nolde В.Е. Russia in the Economic War. New Haven, 1928. Барон Борис Нольде непосредственно зани-

мался этими вопросами в бытность свою в 1916–1917 гг. директором II департамента российского Министерства иностранных дел.

³⁷ Борьба с немецким засильем. С. 3. См. также: Поткина И.В. Чрезвычайное законодательство и немецкие фирмы в Москве (1914–1917 гг.) // Немецкие предприниматели в Москве: Сборник статей. М., 1999. С. 238–240, 246–258.

³⁸ Борьба с немецким засильем. С. 3.

³⁹ О законодательных мерах против немцев и их фирм в годы войны см.: Поткина И.В. Указ. соч. С. 225–236.

⁴⁰ Содействие и содружество // Утро России. № 94. 1915. 7 марта. С. 1.

История предпринимательства

*П. В. Лизунов**

«Крах конторы Баймакова...»**

В начале декабря 1876 г. в Петербурге обанкротились две известные банкирские конторы — Ф.П. Баймакова и И.К. Лури. По утверждению газеты «Судебный вестник», объявление несостоятельными должниками этих двух банкирских фирм было «наиболее выдающимся событием последнего времени»¹. В Петербурге и раньше случались банкротства отдельных купцов и предприятий, но крахи Баймакова и Лури стали первыми в списке разорившихся банкирских заведений. Эти банкротства произвели сильное впечатление на общество. Особый диссонанс вызвал крах конторы Баймакова. Последняя производила едва ли не самые крупные банковские обороты в столице и пользовалась общим доверием.

Несостоятельность Товарищества на вере Ф.П. Баймакова и К° имела широкий отклик не только среди обывателей, но и в прессе, и литературе. О банкротстве Баймакова много писали, еще больше говорили и долго вспоминали. Своим вниманием не обошли это событие писатели Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Шедрин², Н.С. Лесков, И.С. Аксаков и др.

По слухам, распространяемым в Петербурге, вслед за банкротствами Лури и Баймакова следовало ждать новых подобных катастроф. Это нашло отражение в небольшом стихотворном наброске Ф.М. Достоевского, сочиненном им в декабре 1876 г.³

Крах конторы Баймакова,
Баймакова и Лури,
В лад созрели оба кова,
Два банкротства — будет три!
Будет три, и пять, и восемь,
Будет очень много крахов
И на лето, и под осень...

* Лизунов Павел Владимирович — доктор исторических наук (Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-01-00266а.

«Петербургская газета», сообщая о банкротстве Ф.П. Баймакова, отмечала: «Вот еще один крах, уже не банковский, а банкирский: лопнуло пресловутое товарищество на вере... Нарождение у нас новых банкиров, точно грибов после дождя, обратилось в какую-то язву... Любопытно было бы заглянуть в их биографии!»⁴. Попытаемся это сделать на примере Ф.П. Баймакова.

Начало жизненного пути

Федор Петрович Баймаков родился 2 февраля 1831 г. в купеческой семье. Его дед Иван Семенович Баймаков состоял в петербургском 2-й гильдии купечестве еще с 1803 г. В Метрической книге Вознесенской церкви за 1831 г. записано: «С.-Петербургского купца Петра Ивановича Баймакова и жены его Марии Ивановны сын Федор родился...»⁵ После смерти отца никакого состояния не осталось. Ребенок, оставшийся на попечении матери, был исключен из купеческой гильдии и переведен в посадские⁶.

В 1843 г. Ф. Баймаков, как выдержавший успешно вступительные экзамены, по набранным баллам и жребию был принят в штатные воспитанники Петербургского коммерческого училища, которое он закончил в 1850 г. В соответствии с высочайше утвержденным уставом Коммерческого училища по завершении обучения Баймаков был удостоен звания личного почетного гражданина, а за успехи в освоении наук — коммерции советника⁷.

После окончания учебы Баймаков 3 года прослужил в магазине русских и французских книг купца В.А. Исакова (Невский пр., 26), а затем 7 лет в книжном магазине «Дюфур» (Невский пр., 20). После открытия в 1864 г. Петербургского Частного коммерческого банка он получил должность секретаря правления и личного секретаря директора банка Е.Е. Брандта.

По делам Частного коммерческого банка Баймаков почти ежедневно бывал в Государственном банке, где познакомился с главным бухгалтером Михаилом Ивановичем Жадимеровским (1834–1905). Во время одного из таких посещений в мае 1868 г. Жадимеровский попросил Баймакова дать ему совет об открытии в Петербурге агентства и склада заграничных железнодорожных принадлежностей. Дело это казалось Жадимеровскому весьма выгодным в связи с развивающимся в России железнодорожным строительством. Кроме того, его зять А.А. Марк в то

время занимался учреждением разных акционерных железнодорожных обществ и был близко знаком со многими петербургскими и московскими железнодорожными деятелями. Поэтому он мог доставлять тестю крупные и выгодные заказы⁸.

Баймаков ответил, что если Жадимеровский задумал оставить службу в Государственном банке с целью основать самостоятельное дело, то лучше открыть банкирскую контору. Он рассказал, что слышал от посещающих Частный банк биржевых маклеров о больших заработках, получаемых банкирскими конторами «Лампе и К°», «Лепенау и К°», «Юнкер и К°», оперировавших то время в Петербурге. Баймаков полагал, что Жадимеровский, служа в Государственном банке, основательно освоил банковское дело и бухгалтерию, а в биржевых делах ему поможет зять. Он также признался, что и сам подумывал об основании банкирской конторы, но, к сожалению, до сих пор не свел близкого знакомства ни с солидными биржевиками, так как сам не посещал биржи, ни с крупными промышленниками, поскольку в Частном банке занимал очень скромное положение. К тому же у него не было никакого личного состояния.

Товарищество на вере «Жадимеровский, Баймаков и К°»

Жадимеровский, посоветовавшись с А.А. Марком, который одобрил идею и обещал помочь собрать капитал, предложил Баймакову открыть совместно банкирскую контору. 6 июня 1868 г. между ними был заключен обоюдный нотариальный договор на 5 лет и 4 месяца о Товариществе на вере «Жадимеровский, Баймаков и К°» с капиталом 100 тыс. руб. для производства в Петербурге банкирских операций. Затем 9 ноября того же года они заключили дополнительный договор, в котором решили увеличить капитал до 200 тыс. руб. Новая сумма была распределена на 19 паев по 10 тыс. руб. и 2 полупая по 5 тыс. руб. между двумя товарищами, 17 пайщиками и 2 полупайщиками⁹.

В договоре о правах и обязанностях пайщиков указывалось: 1) они обязывались не требовать внесенный на свой пай капитал обратно ранее срока по договору товарищей; 2) они не имели права передавать другим лицам без согласия остальных пайщиков и товарищей свои паи; 3) они могли избрать из своей среды одного человека для постоянного наблюдения за правильным ведением дела и отчетности; 4) им предоставлялась от фирмы ежегодная выдача 6% на капитал, внесенный ими на паи.

А.А. Марк сумел привлечь в число пайщиков самых разных людей: статского советника С.Д. Башмакова, метрдотеля двора великого князя Николая Николаевича К.И. Мангольда, тайного советника А.Н. Свистунова, барона Г.О. Гинцбурга, биржевых маклеров П.А. Скарамангу, Е.А. Бенардаки, Н.Ю. Миллиоти, Ф.И. Петрокино, А.М. Жадимеровского, тайного советника А.Ф. Гамбургера, Е.П. Корсакова, полковника К.Ф. фон Шульца, Е.П. Дрейера, О.А. Гизетти, барона С.А. Френкеля, А.И. Марк (жена А.А. Марка), полковника А.А. Ростовского, лейб-акушера А.Я. Красовского.

Присяжный поверенный В.М. Соколовский позже охарактеризует состав пайщиков стихами А.С. Пушкина:

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!

И добавит от себя: «Словом, всякого жита по лопате»¹⁰.

Вступая в товарищество, пайщики дали письменное согласие на условия договора, заключенного ранее Баймаковым и Жадимеровским. Они обещали производить свои дела в конторе вновь учрежденной фирмы и рекомендовать ее всем своим знакомым и родственникам. Баймаков должен был привлечь в контору клиентов книжного магазина «Дюфур» и Частного коммерческого банка, знавших его по службе в этих учреждениях¹¹. Капитал 200 тыс. руб. был внесен товарищами и пайщиками полностью к концу 1868 г.

1 января 1869 г. газета «Голос» сообщала, что накануне в доме купца А.А. Глазунова на Невском проспекте в доме 60 произошло открытие нового торгового учреждения под названием Товарищество на вере «Жадимеровский, Баймаков и К°». В присутствии значительного числа приглашенных было совершено молебствие. В газетной хронике отмечалось, что в результате усиления торговли процентными бумагами подобных банкирских контор открыто в Петербурге уже немало¹², «но для публики главное дело не в числе этих контор, а в степени доверия, которым пользуется та или другая контора». В этом отношении, полагала газета, «новое товарищество является в свет с хорошиими задатками успеха»¹³.

В течение первой половины 1869 г. в газетах «Голос», «С.-Петербургские ведомости» публиковались следующие объявления: «Контора товарищества под фирмою Жадимеровский, Баймаков и К°... открыла свои действия со 2 января и производит все дозволенные законом банкирские операции: покупку и продажу процентных бумаг; учет купонов, по которым срок

платежа еще не наступил; уплату срочных купонов от всех российских процентных бумаг. Исполняет поручения по залогу и перезалогу процентных бумаг в существующих в С.-Петербурге кредитных учреждениях; получение платежей по векселям, платежей по коим был произведен в С.-Петербурге; страхование от тиражей погашения билетов 1-го и 2-го внутренних с выигрышами займов. Контора открыта ежедневно от 9¹/₂ часов утра до 6 часов пополудни, кроме воскресных дней»¹⁴.

Банкирская контора начала свои действия в скромных размерах при двух служащих. Ее учреждение совпало с разгаром биржевой спекуляции, в особенности с выигрышными билетами. В марте газета «С.-Петербургские ведомости» сообщала: «Многие совсем потеряли головы и ходят как полоумные; многие нажились, многие рассчитывают нажиться; легкость наживы кружит головы; в банкирских конторах то и дело покупаются билеты выигрышных займов, несмотря на то что поднялись они невероятно высоко... курс 1-го займа обозначен был в газетах по 170 и 171, а у банкиров билеты продавались по 175. Покупатели трепетали, но платили по 175 руб.; трепетали же они частью от вождения быстрой наживы, частью от боязни нового, 3-го займа»¹⁵.

Деятельность конторы «Жадимеровский, Баймаков и К^о» стала быстро разрастаться, поэтому постоянно приходилось увеличивать персонал. С апреля владельцы банкирской конторы стали искать опытного бухгалтера, способного привести в порядок их «бухгалтерский хаос», и в течение нескольких месяцев не могли его найти, несмотря на предлагавшееся значительное вознаграждение. Только в июне они смогли привлечь на должность главного бухгалтера Н.А. Герасимова. В июне 1869 г. обороты банкирской конторы приняли такие громадные размеры, что бухгалтерия отставала от производимых операций на несколько месяцев. «Из-за наплыва дел, — признавался позже Ф.П. Баймаков, — мы перестали видеть ясно положение дел, так что под конец уже не знали, которые из фондов, находившихся в портфеле или заложенных в разных банках и у частных лиц, принадлежат нам, а которые принадлежат клиентам»¹⁶.

Чтобы иметь представление о быстроте развития дела, приведем цифры из кассовой книги конторы. В 1869 г. «кассовое движение по приходу и расходу» доходило в январе до 3 816 130 руб., в феврале — до 6 527 109 руб., в марте — до 9 094 989 руб., в апреле — до 9 281 817 руб., в мае — до 12 546 056 руб., в июне — до 14 683 464 руб., в июле — до 20 318 291 руб., в августе — до 17 051 682 руб., в сентябре — до 16 049 676 руб.,

в октябре — до 14 991 774 руб., в ноябре — до 11 493 155 руб., в декабре — до 13 436 214 руб. Годовое кассовое движение достигало 150 млн руб. С января по июль обороты ежемесячно увеличивались от 3 до 6 млн руб. и достигали в июле 20 млн руб. в месяц. С августа они стали понемногу понижаться, дойдя к ноябрю до 11 млн руб. в месяц¹⁷.

С первого дня открытия банкирской конторы, согласно договору товарищей с пайщиками, Баймаков и Жадимеровский не участвовали в биржевой игре за счет фирмы, избегая самой незначительной спекуляции. Срочные сделки производились только по поручению клиентов с задатком от 5 до 10 руб. на акцию. Выбор клиентов при срочных сделках был первое время весьма строгий. Срочные поручения исполнялись по приказам весьма ограниченного числа лиц. Однако вскоре общее увлечение ценными бумагами, как утверждал Баймаков,хватило и их. Срочные сделки стали совершаться с весьма значительным числом клиентов, так что в декабре 1869 г., в самый разгар биржевого кризиса, «многие из клиентов оказались не заслуживающими доверия и не оправдавшими его». Деньги, полученные от них в задаток, оказались не достаточными «для нормы чрезвычайного падения цен бумаг». Имевшаяся до июня 1869 г. запущенность в бухгалтерии привела к тому, что, сами того не зная, владельцы банкирской конторы имели на руках огромное количество самых разных ценных бумаг и, следовательно, участвовали в биржевой игре.

По ходу дела с января по октябрь 1869 г. товарищи предполагали, что дивиденд за год достигнет 50%, но биржевое понижение поглотило за 2 месяца все, что было приобретено в первые 10 месяцев. Произошедший биржевой погром уничтожил весь основной капитал и оставил на обоих товарищах еще долг в 71 740 руб. Таким образом, товарищество оказалось полным банкротом.

Потеря от принятых срочных бумаг за счет неисправных клиентов достигла 324 233 руб. В результате за 1869 г. оказался дефицит в 271 740 руб., из которых на основании товарищеских условий 200 тыс. руб. на основной капитал пайщиков, а 71 740 руб. легли долгом на товарищей вместе с другим долгом по выданным ими соло-векселям на сумму 403 700 руб. Фактически это было банкротство фирмы. Банкирская контора уцелела только благодаря энергичной помощи пайщиков А.А. Марка, Ф.И. Петрокино, а также сочувствию директора Петербургского Частного банка Е.Е. Брандта¹⁸.

После отчета о действиях фирмы Товарищество на вере «Жадимеровский, Баймаков и К°» общее собрание пайщиков пришло к заключению, «что потери произошли никак не от... упадка дел, но в большинстве случаев от неприятия многими из клиентов товарищества купленных ими через посредство оно́го на срок бумаг и частью от спекуляций... напротив, деятельность товарищества, несмотря на потерю основного капитала и на совершенное затишье в биржевых делах, постоянно развивается и дает значительный доход, который с оживлением дел на Петербургской бирже может еще более увеличиться». Общее собрание единогласно постановило: 1. Списать со счета прибыли и убытка 12 266 руб. и уменьшить, таким образом, на эту сумму цифру дефицита; 2. Дать товариществу возможность выйти из возникших затруднений и покрыть в скором времени дефицит 1869 г.; 3. Увеличить основной капитал еще на 100 тыс. руб. за счет принятия 9 новых пайщиков: П.И. Губонина, К.Ф. фон Мекка, Л.М. Розенталя, А.В. Полежаева, Ф.К. Шульца, И.А. Хруцова, И.Ф. Барнеля, Ф.Е. Нагеля, И.И. Сафонова и 2 полупайщиков В.К. Шульца и Д.П. Шубина; 4. Продлить срок существования товарищества еще на 5 лет, до 1 января 1879 г. 5. Всякие срочные дела воспрещаются. Спекуляция за свой счет может быть только с общего согласия товарищей и контролера, но размеры спекуляции не должны ни в коем случае превышать 300 тыс. руб. складочного капитала¹⁹.

На основании этого договора новыми пайщиками было внесено в кассу товарищества только 95 тыс. руб., поскольку В.К. Шулец отказался от взноса за взятый им полупай 5 тыс. руб.²⁰

С июня 1869 г. из-за резкого сокращения банковских операций отпала надобность в некоторых служащих, но Баймаков с Жадимеровским не решились увольнять их, пока не подыскали им других мест работы. Прямой отказ, полагали они, мог дать повод для распространения нежелательных слухов о фирме и подорвать ее кредит. В начале 1870 г. удалось устроить В.Ф. Киршбаума в Волжско-Камский банк, Яна — в Общество металлических горных заводов, а Делле — в Международный банк на хороших для них условиях²¹.

В 1870 г., несмотря на застой в биржевой деятельности, товарищество пользовалось доверием у публики, число клиентов продолжало увеличиваться. Еще в 1869 г. товарищество приступило к новой банковской операции — страхованию билетов выигрышных займов, что дало прибыль в 1869 г. 23 899 руб., в 1870 г. — 21 570 руб. Уменьшение прибыли объяснялось уве-

личением мест страхования. Если в 1869 г. выигрышные билеты страховали только банкирская контора «Георг Верблонер и К°» и товарищество «Жадимеровский, Баймаков и К°», то в 1870 г. в Петербурге выигрышные билеты страховали уже в 11 местах, не считая Москвы, где в 1869 г. страхование вовсе не производилось. Кроме того, из-за конкуренции произошло уменьшение страховой премии до 10 коп. вместо первоначальных 25 коп. за билет.

Годовое кассовое движение банкирской конторы Жадимеровского и Баймакова за 1870 г. доходило до 114 млн руб., что на 36 млн было меньше, чем в 1869 г. Среднемесячная цифра прихода-расхода составляла 9,5 млн руб., что на 3 млн в месяц было меньше предыдущего года. Некоторые пайщики, напуганные результатами 1870 г., предложили фирме свои паи на продажу. Так поступили Ф.К. фон Шульц, К.И. Мангольд, Е.П. Дрейер, И.И. Сафонов, наследники покойного А.Н. Свистунова²².

Чистая прибыль товарищества «Жадимеровский, Баймаков и К°» за 1871 г. составила 26 526 руб., а за 1872 г. — 19 146 руб.²³ Однако выходящая по отчетам прибыль за 1871 и 1872 гг. была, по существу, мнимой, поскольку она не покрывала дефицита прежних лет. Прибыли не было ни в 1869, ни в 1870, ни в 1871, ни в 1872 гг.²⁴ Экономический кризис, начавшийся в начале сентября 1872 г., продолжался до апреля 1878 г. И 1873 г. принес товариществу убыток в 97 278 руб.²⁵

В отношении между Ф.П. Баймаковым и М.И. Жадимеровским постепенно начали вкрадываться разногласия. Жадимеровский первый нарушил условие основного договора, заключенного им с Баймаковым, по которому было условлено не производить никаких личных операций за свой счет. С декабря 1869 г. Жадимеровский начал совершать постоянные операции, сперва незначительные и вполне гарантированные, а впоследствии все более и более рискованные. К 1 июля 1870 г. он был должен в кассу конторы 18 559 руб., к 1 января 1871 г. — 16 975 руб., к 1 января 1872 г. — 43 178 руб., к 1 января 1873 г. — 218 570 руб., а к 1 января 1874 г. — уже 339 845 руб.²⁶

Баймаков воздерживался от подобных действий. Только в 1870 г. из-за крайней необходимости он взял из кассы конторы займа 1048 руб., которые вернул в том же году. Баймаков не нарушал основного договора, несмотря на свою крайнюю материальную нужду, которую он терпел. На содержание его многочисленной семьи уходило все, что Баймаков зарабатывал. Он получал за свой труд в банкирской конторе сначала 250 руб., потом 500 руб. в месяц. Денег этих не хватало, и Баймаков вос-

полнял их отчасти литературным трудом²⁷. Он сознавался, что публицистическая деятельность ему была более по нраву.

Жена Баймакова не раз пыталась убедить мужа воспользоваться имевшейся у него возможностью и попытаться счастья. На все уговоры жены тот отвечал, что после катастрофы 1869 г. он перестал верить в свое счастье и потому за личный счет спекулировать не станет. Если же ей непременно хочется попытаться свое собственное счастье, то Баймаков обещал достать ей денег, но заявил, что не желает, чтобы она открывала себе счет в конторе на его или свое имя. Баймаков предложил жене открыть счет на свое девичье имя — Ольги Юльевны Сачавец.

Вскоре Баймаков занял у своего знакомого Ф.Е. Нагеля 10 тыс. руб. и 10 мая 1871 г. открыл на имя О.Ю. Сачавец текущий счет и начал операции. Сначала он совершал небольшие и довольно удачные операции, и к 30 октября 1871 г. весь капитал был в обороте. Успех первых месяцев вынудил увеличить операции, но поскольку своих денег было недостаточно, то с января 1872 г. бумаги Сачавец принимались конторой точно так же, как принимались бумаги М.И. Жадимеровского. В результате производившихся операций на 1 января 1873 г. Сачавец оказалась должна 281 471 руб., обеспеченных 450 акциями Рижско-Динабургской железной дороги, 100 акциями Русского для внешней торговли банка, 200 акциями Динабургско-Витебской железной дороги, 1800 рыбинскими акциями, 50 акциями Московско-Рязанской железной дороги, 350 новоторжскими акциями и 100 акциями Международного банка²⁸.

Банкирский дом «Ф.П. Баймаков и К°»

28 декабря 1873 г. М.И. Жадимеровский и Ф.П. Баймаков взамен существовавшего в течение 5 лет договора заключили новый договор о Товариществе на вере банкирский дом «Жадимеровский, Баймаков и К°». Кроме двух полных товарищей в предприятие, как и раньше, входили вкладчики.

Однако вскоре Жадимеровский, обеспечив себе хорошее содержание в Обществе взаимного кредита, почти совсем отстранился от ведения дел в конторе. Он решил совсем выйти из товарищества и дела, оставив все предприятие и все банкирские дела одному Баймакову. Тот согласился принять на себя весь актив и пассив банкирского дома «Жадимеровский, Баймаков и К°», а также ответственность перед пайщиками, вкладчиками и кли-

ентами. Баймаков обязался не иметь никаких претензий к Жадимеровскому по делам и операциям торгового дома.

Баймаков принимал обязательства выплатить стоимость принадлежащего Жадимеровскому пая в 10 тыс. руб. в течение 10 лет, с 1 июня 1874 по 1 июня 1884 г. Жадимеровский обязывался в течение 10 лет не открывать другой банкирской конторы или товарищества полного или на вере под своим именем или под именем своих родственников. В противном случае он был должен выплатить Баймакову 75 тыс. руб.²⁹

14 мая 1874 г. у нотариуса Серебрякова был заключен договор об условиях выхода Жадимеровского. С этого времени Баймаков принимал на себя единоличное управление всеми делами. Банкирский дом менял название на «Баймаков и К°».

Накануне подписания этого договора товарищи заявили пайщикам, что 1873 г. принес им убыток в размере 97 278 руб. Но тех это не особенно смутило, и они потребовали выдать им «*в тот же дебет особого счета прибылей текущего года* процентов на паи, всего 23 686 руб.», которые они и получили³⁰.

Договору 14 мая 1874 г. предшествовал откровенный разговор между полными товарищами. Баймаков предложил Жадимеровскому или выпустить его из дела, или объявить предприятие несостоятельным. Но Жадимеровский предпочел выйти сам и при том на условиях, мало приемлемых, если знать, что у Баймакова не было никаких личных средств. Жадимеровскому, конечно, об этом прекрасно было известно. Он не мог не осознавать, что, пользуясь самоуверенностью Баймакова, он действует в ущерб третьим лицам, доверившим фирме свои капиталы³¹.

После выхода из товарищества Жадимеровского, не желая, чтобы его имя оставалось даже в книгах конторы, и стремясь к тому, чтобы ничего не напоминало о нем, Баймаков переписал с его счета на счет О.Ю. Сачавец все бумаги, которые затем продал. Эта продажа принесла убыток в 94 923 руб., оставшиеся на счете Сачавец.

Баймаков не смог получить с Жадимеровского денег, которые тот должен был конторе. По словам жены Баймакова, муж был очень суеверен и говорил, что все его несчастья происходят оттого, что с ним в компании состоит Жадимеровский и его родня³².

Жена Баймакова полагала, что с уходом Жадимеровского ее муж изменился, стал значительно спокойнее и веселее. Она говорила: «Мы всегда жили тихо, муж был чересчур занят. Выезжать было некогда, и с посторонними людьми мы вовсе не знакомились, потому что не могли принимать к себе, как принимали

другие банкиры. Лошадей завели в последние годы, потому что мужу приходилось много ездить по делам, каждый день, даже по праздникам, и на извозчиков выходило более 100 руб. в месяц. Многие из конторских знакомых приходили к мужу на квартиру за советом и смеялись, что такой банкир ездит на извозчиках»³³. С уходом Жадимеровского Баймаков стал получать двойное жалование — свое и за Жадимеровского — 1 тыс. руб. в месяц³⁴.

Став владельцем банкирской конторы, он не изменил своим привычкам и образу жизни. Из лиц, хорошо знавших Баймакова, никто не заявлял, что он жил роскошно, не по средствам. Это доказывалось и тем, что несостоятельность застала его без всяких личных долгов, а личного имущества у него нашлось всего на 3 тыс. руб. Особенно разорительных страстей за ним не замечалось. Исключение составляла разве что его литературная деятельность. Баймаков много лет сотрудничал с «С.-Петербургскими ведомостями», публикуя статьи на биржевые темы под псевдонимами: О...кин, О-кин, О...н или Ф. Б-овь³⁵. В 1866—1868 гг. он редактировал «Коммерческий календарь», который составил почти единолично, в 1874—1875 гг. издавал еженедельную газету «Финансовое обозрение», в которой и сам много писал.

За время единоличного управления Баймаков скупил все паи. К этому времени умерли С.Д. Башмаков, П.А. Скараманга, К.Э. Мекк и Ф.Е. Нагель.

В 1874 г. банкирский дом Баймакова получил прибыль 59 221 руб., а в 1875 г. — 58 603 руб. (если не считать 75 тыс. руб., потраченных на покупку паев). Общая сумма дефицитов, прогрессивно возрастающая до 1874 г., уменьшилась до 395 196 руб.³⁶ Однако этого было недостаточно. Необходимо было искать выход из сложившегося положения.

За два дня, и даже за день до краха в банкирской конторе Баймакова продолжали принимать вклады на хранение и на текущий счет. Накануне своей несостоятельности, как сообщалось в «Финансовом обозрении», т. е. в четверг 2 декабря, Баймаков присутствовал на бирже и вовсе не подавал вида о критическом положении своих дел, с полным спокойствием производил обороты. После биржи вечером Баймаков отправился к управляющему Государственным банком Е.И. Ламанскому с заявлением, что если банк не даст ему ссуду в 300 тыс. руб., то он будет вынужден прекратить свои финансовые операции и закрыть контору, в которой сосредоточены мелкие сбережения в виде вкладов и документов на хранение 3200 небогатых лиц³⁷. При этом Баймаков не мог предложить никакого материального

обеспечения. Разумеется, что управляющий Государственным банком отказался принять в свой портфель такие безнадежные обязательства, как соло-векселя Баймакова.

Обозреватель «Отечественных записок» писал, что Ф.П. Баймаков «смотрел на себя... не как на биржевого афериста, спекулянта и игрока, а как на благодетеля для людей с маленькими капиталами». Автор публикации также отмечал, что сам Баймаков, не имевший никаких собственных капиталов, «спокойно и светло смотрел в будущее, не верил возможности своего крушения» и даже «не допускал и мысли, чтобы правительство могло попустить рушиться его учреждению»³⁸.

В ночь со 2 на 3 декабря 1876 г. у Баймакова состоялось совещание с приглашенными адвокатами, результатом которого стало его решение объявить себя банкротом. Кто присутствовал на этом совещании, какие были высказаны мнения — неизвестно.

Баймаков, довольно самонадеянно относившийся к самому себе, встретившись с рядом неудач и отказов в помощи, осознав всю безнадежность своего положения, предпочел покончить дело разом.

«Потерянный рай»

В пятницу 3 декабря 1876 г. в Петербурге стало известно, что владелец банкирской конторы Товарищество на вере «Ф.П. Баймаков и К°» утром отправился в Коммерческий суд с письменным заявлением о своей полной несостоятельности. Направляясь в суд, на дверях своего заведения Баймаков вывесил собственноручно написанное объявление: «Контора закрыта вследствие полной невозможности производить дела».

В Коммерческом суде Баймаков свое банкротство объяснил «стечением многих несчастных обстоятельств»³⁹. Он сообщил, что главными кредиторами его банкирской конторы были Государственный банк, Общество взаимного кредита, Русский для внешней торговли банк, Международный банк, Учетный и ссудный банк и до 3 тыс. вкладчиков на текущий счет. Всех лиц, имевших в конторе Баймакова текущие счета, срочные вклады, заложивших в ней свои выигрышные билеты, отдавших их на хранение или комиссию, насчитывалось до 7 тыс. человек. По предварительным оценкам, пассив баланса простирался до 2 млн руб., а актив едва достигал 150 тыс. руб. В дополнение к заявлению Баймаков подал особое разъяснение о причинах упадка, в котором он изложил также историю своей фирмы⁴⁰.

К 12 часам дня у подъезда закрытой конторы Баймакова стали собираться потрясенные неожиданной новостью вкладчики. Одни неистово стучали в двери, требуя вернуть им деньги, другие высчитывали, на какую примерно сумму может простираться этот крах. К 17 часам толпа загрохотала всю лестницу, двор дома и тротуар Невского, так что понадобилась полиция, чтобы навести порядок. Люди не расходились до глубокой ночи. На следующий день толпа снова осаждала прогоревшую банкирскую контору.

В хрониках петербургских газет сообщалось: «Ропот, шум, проклятия и рыдания слышны были перед закрытыми дверями этого для многих “потерянного рая”»⁴¹. Схожая сцена предстает на известной картине художника В.Е. Маковского «Крах банка» (1881), где показаны чувства и переживания людей, потерявших свои сбережения. Перед банкирской конторой Баймакова также были слезы, обмороки, возмущение, гнев, негодование, растерянность, разочарование. Присяжный поверенный В.М. Соколовский, вкладчик банкирской конторы Баймакова и очевидец событий, вспоминал, как одна прижатая толпой к дверям старуха кричала в голос, что скопила 100 руб. себе на гроб, а «Баймаков их проиграл и промотал»⁴².

«Петербургская газета» в сатирических стихах отразила происходящее у банкирской конторы Баймакова следующим образом:

На Невском крик: «держи, уехал,
Исчез, ушел, — о адский ков! —
Вчера не даром Баймаков
В конторе ахал все и эхал:
Ведь знал, что грабит бедняков!»
...Он не ушел и не уехал,
А просто вылетел в трубу.⁴³

Среди потерпевших в основном были мелкие вкладчики, прельстившиеся высокими процентами от 6 до 7½ и даже 8% годовых, обещанными за вклады. Сотни семейств остались почти нищими. По этому поводу рассказывали множество грустных историй. В них, конечно, было много преувеличения, но было немало и подлинных трагедий, объяснявших то озлобление, которое высказывалось против Баймакова.

Среди кредиторов Баймакова возникло предложение ходатайствовать об учреждении по его делам ликвидационной комиссии, подобно комиссии по делам разорившегося в 1875 г. Московского Коммерческого ссудного банка⁴⁴.

Петербургский Коммерческий суд на основании заявления самого Баймакова в тот же день 3 декабря объявил его несостоятельным должником. Постановлением суда на движимое имущество Баймакова немедленно был наложен арест, а на недвижимое — запрещение. Коммерческий суд назначил присяжными попечителями по делам Баймакова петербургских купцов К.И. Грубе и А.Ф. Панькова⁴⁵. Получив извещение о назначении в 7 часов вечера, они отправились в контору Баймакова для описи наличного имущества. Парадный вход в контору был уже опечатан полицией, черный вход охраняли городовые. Внутри помещения находились все служащие конторы. Приемный зал, в котором хранились деньги, был закрыт железной дверью на один внутренний и два висячих замка. Приняв ключи от управляющего банкирской конторой Амбургера и открыв зал, попечители увидели, что наличные деньги хранились в 4 железных сейфах, запертых на три внутренних замка. Часть торговых книг хранилась в шкафах и конторках, часть — в особой комнате, предназначенной для бухгалтерии. Грубе и Паньков забрали все ключи у кассиров Стефаница и Розе, опечатали кассы, все торговые книги и дела. Охрану опечатанного имущества попечители поручили служившим в конторе артельщикам и двум нижним чинам полиции.

На следующий день в разделе хроники «С.-Петербургских ведомостей», владельцем которых был сам Ф.П. Баймаков, появилось сообщение, в котором извещалось, что «приостановка платежей Товариществом на вере “Ф.П. Баймаков и К°” произвела неблагоприятное влияние на настроение биржи. В Москве, вследствие известия об этом, сообщенного по телеграфу, дело дошло чуть не до паники»⁴⁶. Эта информация была помещена на том самом месте, на котором раньше помещались биржевые обзоры самого Баймакова, но на этот раз без его знаменитых инициалов Ф.П. Б-въ. В других изданиях также отмечалось, что несостоятельность Баймакова «произвела подавляющее впечатление на фондовую биржу»⁴⁷. «Биржевые ведомости» полагали, что главная причиной банкротства Баймакова состояла «в падении курсов на процентные бумаги, которых контора имела на значительные суммы»⁴⁸. Особое предпочтение, отмечала газета, владелец банкирской конторы отдавал выигрышным займам и акциям Рыбинско-Бологовской железной дороги, которые скупал в большом количестве, рекомендуя их как самые солидные и доходные из всех российских ценных бумаг.

4 декабря 11 человек кредиторов разорившейся банкирской конторы: майор Арцишевский, кандидат коммерции Максимо-

вич, военный инженер Попов, мещанин Куприянов, коллежский советник Захаров, генерал-лейтенант Скворцов, гвардии штабс-капитан Чарыков, доктор Штоль, титулярные советники Чижевский и Бельский просили подвергнуть Баймакова личному задержанию. Они предоставили кормовые деньги на первый месяц ареста, обязуясь доставлять таковые и в последующем времени⁴⁹.

В тот же день Коммерческий суд распорядился заключить Баймакова под стражу и затребовал от всех кредитных учреждений и лиц, у которых были заложены Баймаковым процентные бумаги, сведения об этих ценностях.

По закону после троекратной публикации последующих друг за другом в «Ведомостях» обеих столиц и в «Сенатских объявлениях» на русском и немецком языках в Петербургский Коммерческий суд стали поступать заявления с претензиями. Сроки для подачи претензий банкирской конторе Баймакова истекали для «наличных займодавцев» 12 января 1877 г., для иногородних 29 апреля 1877 г., для заграничных 29 декабря 1877 г. За это время поступило 2500 претензий⁵⁰.

Движимое имущество, принадлежавшее банкиру в квартире и на даче, было опечатано по распоряжению полиции. Присяжные попечители Грубе и Паньков ограничились проверкой полицейских печатей и приложили дополнительно свои. Опись имущества в городской квартире и на даче Баймакова была произведена 21, 22 и 23 декабря.

4 декабря 1876 г. К.И. Грубе и А.Ф. Паньков в присутствии полиции и служащих банкирской конторы Амбургера, Стефаница и Розе приступили к проверке наличности. В денежной кассе присяжные попечители нашли наличными 74 067 руб. и купонами разных процентных бумаг 1378 руб. В тот же день деньги были внесены в Государственный банк на текущий счет, а купоны — на хранение⁵¹.

В составе имущества, принадлежавшего Баймакову, оказалось приобретенное им (с 30 декабря 1874 г. по 30 декабря 1884 г.) право издания «С.-Петербургских ведомостей», которое он арендовал у Министерства народного просвещения. Присяжные попечители Грубе и Паньков ограничились лишь возбуждением вопроса перед Коммерческим судом о возможности продолжения издания газеты. По их ходатайству временное заведование газетой поручалось особому присяжному попечителю, петербургскому купцу 2-й гильдии Н.Ф. Фадееву.

Писатель-фельетонист В.О. Михневич в сатирической статье о Баймакове писал: «Иже истреби верующих яко три тыся-

щи”, — скажет о нем мартирология банкирских “крахов”. Говорим о трех тысячах уверовавших в г. Баймакова жертвах его достопамятного банкротства... Но — “прах еси и в прах обратишься”. Аэростат фортуны и славы Баймакова как внезапно вздулся, так же внезапно и лопнул...,

И упал он в дальнее море
На неведомый гранит...»⁵²

Конкурсное управление

До января 1877 г. Ф.П. Баймаков содержался по решению Петербургского Коммерческого суда в доме неисправимых должников. Кормовые деньги на его содержание на декабрь месяц внес только один кредитор — майор К.П. Арцишевский. В начале января из-за невнесения кормовых денег по распоряжению смотрителя дома неисправимых должников арестант был освобожден⁵³. В виду отсутствия злостных действий со стороны Баймакова конкурсное управление назначило пособие семье Баймакова в размере 70 руб. в месяц, но после его освобождения отменило выплаты.

19 января 1877 г. состоялось общее собрание кредиторов, на котором были выбраны председатель и 6 кураторов конкурсного управления по делам несостоятельного должника Ф.П. Баймакова. Однако из-за жалобы на нарушения процедуры выборов кураторы Белехов, Ефимов, Латкин и Шульгин были отстранены. При голосовании за них не высказалось абсолютное большинство кредиторов. Конкурсное управление нашло, что новое голосование будет излишним. В результате оно осталось в количестве 3 человек — председателя Б.А. Милютина и двух кураторов В.Н. Языкова и А.Н. Труворова. После утверждения Коммерческим судом избранных членов конкурсного управления и после получения указа об открытии действий конкурса 27 января председатель получил из Коммерческого суда 33 тома дел, из которых 27 содержали претензии к банкирскому дому «Ф.П. Баймаков и К^о». В остальных 6 томах заключалась переписка Коммерческого суда по делу о несостоятельности Баймакова⁵⁴.

Конкурсному управлению не понадобилось принимать каких-то особых мер для розыска собственности Баймакова. Недвижимого имущества он не имел, а личных векселей и долгов посторонним лицам не оказалось. Из городского и дачного имущества половина была выделена жене Баймакова. Имущество

фирмы, заключавшееся в наличных деньгах, бумагах, оставшихся в кассе и заложенных, долгах, основанных на векселях и на личном доверии, и движимом имуществе, все было в наличии. От продажи части имущества, купонов, монет, гербовых марок и процентных бумаг было выручено 365 176 руб.⁵⁵

Конкурсное управление предоставило общему собранию кредиторов, состоявшемуся 1, 2 и 3 марта 1878 г., подробный отчет о своих действиях, а также общий счет имущества и долгов, примерный расчет удовлетворения и свое заключение о причинах упадка дел несостоятельного должника Ф.П. Баймакова.

По признанию членов конкурсного управления, за время единоличного распоряжения банкирской конторой Баймаковым, «книги у него велись *безукоризненно*, что соответствовало его личному *безусловно честному* характеру»⁵⁶.

По мнению конкурсного управления, высказанному в докладе председателя Б.А. Милютина, положение дел Баймакова на 3 декабря 1876 г. было «далеко не столь безнадежным, чтобы объявление несостоятельности представлялось единственным исходом», особенно при сравнении с прежними годами, «когда признаки несостоятельности представлялись гораздо более несомненными». Милютин указывал, что «...отношение пассива к активу... было не столь безотраднo, чтобы лицу, нашедшему в себе смелость принять на себя единоличное ведение дела почти что погибшего, представлялось основание потерять совершенно голову при встретившейся неудаче». В кассе на 3 декабря 1876 г. имелось 90 тыс. руб. наличными, тогда как в предыдущие 1874–1875 гг. в кассе бывало и гораздо меньше денег. Собственных бумаг по биржевым ценам, еще не заложенных, было на 137 тыс. руб., не принимая в расчет неполученные купоны и дивиденды. Но кажущаяся удовлетворительность ситуации на 3 декабря теряла всякое значение, поскольку при 90 тыс. руб. наличной суммы по одним только текущим счетам Баймаков был должен до 1400 тыс. руб. Пассив наличной суммы к текущим счетам был таков, что каждый рубль позаимствованного капитала обеспечивался едва ли 8 копейками.

Сам Ф.П. Баймаков необходимость объявить себя несостоятельным, к осознанию чего он пришел не внезапно, а после целого ряда предпринятых им ходатайств, объяснял Восточным вопросом, отразившимся неблагоприятно на всей финансовой обстановке в стране, потрясением денежного рынка, наконец, недружелюбным отношением к нему ряда учреждений и лиц, на которых он рассчитывал. С последним утверждением Баймакова члены конкурсного управления вполне соглашались. Предвзя-

тое отношение к нему Государственного банка было известно. Не менее враждебно поступил по отношению к нему и Петербургский Учетный и ссудный банк, который потребовал 3 декабря выкупить все заложенные ему Баймаковым бумаги на сумму 116 тыс. руб. Требование Учетного банка, свалившееся как снег на голову, стало непосредственной причиной крушения банкирского дома. Вместе с безуспешностью других попыток оно вынудило Баймакова принять решение об окончании дела⁵⁷.

Баймаков вызывал раздражение и даже неприязнь к себе среди многих финансистов. Это было следствие отчасти его критических публикаций в прессе, отчасти — его собственным поведением по отношению к лицам, от которых он ожидал помощи и против которых он сам не задумываясь поступал не всегда дружелюбно⁵⁸.

Конкурсное управление было уверено, что Баймаков своей несостоятельности намеренно «не подготавливал». Это не соответствовало его характеру, в котором преобладающими чертами были самолюбие, тщеславие и самообольщение. По своему характеру, привычкам, образу жизни он был личностью, совершенно противоположной Жадимеровскому⁵⁹. После объявления себя несостоятельным Баймаков надеялся на «мировую сделку», рассчитывал спастись и основать вновь банкирское дело. Это не было присуще большинству банкротов, желавших поживиться за счет доверчивых людей⁶⁰. Баймаков сохранял уверенность в том, что он сможет возобновить дело и рассчитаться со своими кредиторами рубль за рубль.

По мнению председателя конкурсного управления Б.А. Милютина, несомненным было и то, что «признаков несчастной несостоятельности», предусмотриваемой в законе, не имелось. Несостоятельность не была вызвана нечаянным упадком должников и резким падением курсов процентных бумаг. Однако деятельность Баймакова была несвободна и от некоторой неосторожности. Прежде всего это проявилось в том, что в 1874 г. он решился принять на свою личную ответственность банкирское дело, не имея ни копейки собственного капитала и будучи должным по счету своей жены. При этом дело перешло к нему с дефицитом в 460 тыс. руб.⁶¹

Конкурсное управление заключало, что прямой и непосредственной причиной упадка Баймакова были недостатки системы банкирской деятельности, как она практиковалась в России. Законодательство, серьезно ограничивая право учреждения простых комиссионерских контор и допуская гораздо более свободы для учреждения банкирских заведений, оставляло их

деятельность без всякой регламентации и контроля. Тем самым «закон приносил в жертву массу доверчивых людей, которые прибегали к услугам банкирских контор, одни — под влиянием спекулятивной биржевой горячки, другие же (и они составляют большинство) — в надежде найти возможность более выгодного помещения своих сбережений»⁶².

Переходя от общих причин к частным, председатель конкурсного правления указал, что упадок Баймакова, последовавший в 1876 г., не являлся результатом только его единоличной деятельности. Напротив, Баймаков сделал все, что было в его силах, чтобы поправить унаследованное им по собственному желанию уже «обанкротившееся дело».

Причина упадка, ответственность за которую возложил на себя Баймаков, крылась в 1869 г. и в деятельности пайщиков Товарищества на вере «Жадимеровский, Баймаков и К°». Обладая солидными денежными средствами и громадным авторитетом, они погубили дело в самом начале. Пайщики не нашли в себе мужества, чтобы сразу закончить дело, напротив, продолжали его, совершая одну умышленную ошибку за другой, выбирая из дела последние крохи⁶³.

Конкурсное управление пришло к мнению, что ответственность всецело лежит на пайщиках товарищества. Им ставилось в вину, во-первых, сокрытие еще в 1869 г. фактического банкротства фирмы и продолжение предприятия после гибели основного капитала, во-вторых, получение в последующие за банкротством годы процентов на погибшие окончательно в первые же два года существования товарищества основные на паях капиталы и, в-третьих, присвоение из чужой собственности, в данном случае со счетов клиентов товарищества под видом продажи фирмы как бы для погашения основных ее капиталов фиктивной стоимости своих паев⁶⁴.

По мнению членов конкурсного управления, пайщиков не может оградить от ответственности статья закона, гласящая, что «вкладчик, дающий на веру свой капитал, отвечает только наличным вкладом». Из обстоятельств дела следовало, что все они вышли из фирмы тогда, когда получили обратно свои вклады, а так как дело в момент выхода их было уже несостоятельным и осталось не ликвидированным по их вине, то очевидно, что они должны возратить все то, что им было не положено к получению, т. е. стоимость уничтоженных с первого же года паев на сумму 273 тыс. руб., и все неподлежаще полученные ими на несуществующие в паях капитала проценты на сумму

76 313 руб., а также возместить все убытки, нанесенные клиентам товарищества своими незаконными распоряжениями⁶⁵.

При этом конкурсное управление обращало внимание на то, что некоторые пайщики не соблюдали в точности заключенного ими в 1873 г. с Баймаковым договора, согласно которому выкуп у них паев ранее 10-летнего срока мог быть совершен Баймаковым только добровольно. К подобному выкупу, ослаблявшему операционные средства, Баймаков, как он сам объяснял, был принужден⁶⁶.

Конкурсное управление, изучив все материалы дела, пришло к твердому и категорическому убеждению, что непосредственной причиной несостоятельности Баймакова стал биржевой кризис 1869–1874 г., а также действия пайщиков и Жадимеровского, коими был нанесен действительный ущерб клиентам фирмы и скрыта ее несостоятельность. Ни Жадимеровский, ни пайщики банкирской конторы не могут быть оправданы ни с нравственной, ни с юридической точки зрения. Конкурсное управление полагало, что они должны сами добровольно возместить убытки и возвратить взятые ими деньги. Конкурсное управление предупреждало, что обратится в суд, если в течение 7 дней пайщики добровольно не выполнят этого. На все разосланные письма ответы были получены только от Д.П. Шубина, от одного из наследников Ф.Е. Нагеля и от присяжного поверенного А.А. Герке, действовавшего от имени братьев М.И. и А.И. Жадимеровских, Е.П. Корсаковой и П.И. Губонина⁶⁷. Они признавали требования конкурсного управления неправильными и не подлежащими исполнению, а указания по меньшей мере неуместными⁶⁸.

Что касается бывшего товарища фирмы М.И. Жадимеровского, то конкурсное управление полагало, что по точному смыслу заключенных им с Баймаковым нотариальных договоров он оставался ответственным за все убытки, понесенные фирмой со дня ее основания и до выхода из нее в июне 1874 г., наравне с Баймаковым. Это заключение основывалось на том, что, во-первых, Жадимеровский был не только вкладчиком фирмы, но и полным товарищем Баймакова, во-вторых, если считать его вкладчиком дела, он вышел из него, унося свой вклад — 10 тыс. руб., который, однако, как потерянный, должен был остаться в деле, в-третьих, последний нотариальный договор, заключенный Жадимеровским с Баймаковым 10 мая 1874 г., на основании которого Баймаков, отпуская Жадимеровского из дела, принимал на себя весь актив и пассив фирмы, не освобождал Жадимеровского от ответственности по всем прежним делам

фирмы, поскольку договор этот был заключен, чтобы избежать платежа долгов фирмы и во вред клиентам товарищества.

Жадимеровский не мог оставить фирмы, не уплатив предварительно: а) падающей на его долю половины всех дефицитов суммы с 1863 по 1873 г. включительно в размере 466 148 руб.; б) его собственного долга конторе по спекуляциям, производившимся им за свой собственный счет и страх, в размере 113 605 руб. и в) долгов своих родственников и приятелей на сумму 45 тыс. руб., допущенных Баймаковым только после клятвенного ручательства за них Жадимеровского. Покидая товарищество, М.И. Жадимеровский забрал капитал по паям всей своей родни, за исключением пая своего младшего брата А.И. Жадимеровского, которому 10 тыс. руб. были списаны с его долга конторе. Вопреки пункту 6 договора 1870 г., выбыв из товарищества, М.И. Жадимеровский не уплатил ни копейки из своих многочисленных долгов фирме⁶⁹.

Конкурсное управление считало, что хотя Ф.П. Баймаков и подал мысль об учреждении товарищества, но главным основателем ее был все-таки М.И. Жадимеровский. Он предложил основной акт товарищества, он сформировал само товарищество, пригласив к участию своих родственников и знакомых. В одном из показаний Баймаков откровенно сознавался, что в числе вкладчиков фирмы он не имел ни одного знакомого. За все время ему удалось провести лишь одного своего знакомого — Ф.Е. Нагеля. Более того, по мнению конкурсного управления, предшествующая деятельность Баймакова мало была связана с практическим банкирским промыслом. Он вступил в дело, надеясь на опыт и знания Жадимеровского. Между тем, руководство делами Жадимеровского выразилось в том, что он первый, вопреки основному условию, заключенному с Баймаковым, начал производить личные за свой счет спекулятивные операции и вел их так неудачно, что при выходе из товарищества оставил лично на себе 100 тыс. руб. долга. Наиболее безнадёжные долги числились на родственниках Жадимеровского. Долги эти были допущены им лично, он постоянно успокаивал Баймакова словами, что отвечает за них. Организатором наиболее рискованных и неудачно завершившихся спекуляций был Жадимеровский, причем некоторые из них совершены были в отсутствие Баймакова. Наименее надежные бумаги, оставшиеся после ухода Жадимеровского, например новоторжские акции, стали результатом спекуляций его родственников и знакомых⁷⁰.

По заключению конкурсного управления несостоятельного должника Ф.П. Баймакова он должен быть объявлен «банкротом неосторожным и при том без последствий»⁷¹.

Среди кредиторов Баймакова были лица (например, В.М. Соколовский, Беренс, Готовский и др.), придерживавшиеся противоположных взглядов на причины его банкротства и на размер его собственности. Они настаивали признать Баймакова «злостным банкротом». Тотчас после открытия несостоятельности стали распространяться слухи о целых сундуках, вынесенных из конторы Баймакова накануне, говорили о его скрытых капиталах⁷². Рассказывали о домах в Петербурге, принадлежавших ему, и капиталах, внесенных им в Общество взаимного кредита, и даже железнодорожных вагонах, которыми он спекулировал подобно Б.Г. Струсбергу. Источником этих домыслов было озлобление, которое испытывали пострадавшие кредиторы Баймакова. Конкурсное управление проверило все слухи, но ни один из них не подтвердился.

По закону решение общего собрания принималось простым большинством голосов. В результате голосования было подано 223 записки, из которых 88 за признание Баймакова «несостоятельным несчастным», 35 — «несостоятельным неосторожным с последствиями», 29 — «несостоятельным неосторожным без последствий», 66 — «несостоятельным злостным», 5 записок были исключены как испорченные. Согласно большинству голосов общего собрания кредиторов Баймаков был признан «несостоятельным несчастным».

Свойство несостоятельности окончательно определялось Коммерческим судом на основании данных и заключения конкурсного управления и решения общего собрания кредиторов. Петербургский Коммерческий суд согласился с решением общего собрания. Несостоятельность признавалась несчастной, если произошла не по вине должника, а по обстоятельствам, «вне воли его лежащим». Несчастный несостоятельный должник восстанавливался во всех правах состояния с освобождением от дальнейшей ответственности за долги, предъявленные в конкурс.

Конкурсное управление по делам несостоятельного должника П.Ф. Баймакова просуществовало более 15 лет. В 1888 г. в «Петербургском листке» появилась заметка, в которой сообщалось: «Кто не помнит имевшего 20 лет тому назад краха банкирского дома, расцветшего пышным пустоцветом на Невском под кудреватым названием “Т-во на вере, Жадимеровский, Баймаков и К”... Крах закончился учреждением кон-

курсного правления, которое заплатило кредиторам лопнувшей конторы сначала 25 коп. с рубля их претензий, а в 1878 г. еще по 5 коп. С тех пор прошло 10 лет, и кредиторы забыли уже свои претензии, как вдруг на днях они получили повестки от председателя конкурса А.Н. Труворова, который приглашал их пожаловать к нему 9 марта 1888 г. за получением “дивиденда”. Многие даже не поверили и шли с большим сомнением. Они были сильно удивлены, когда председатель конкурса предложил им получить еще по 7 ½ коп. с рубля претензий и обрадовал заявлением, что эта выдача не последняя. Оказалось, что конкурс разыскал принадлежавшие Баймакову две большие суммы на 80 и 85 тыс. руб.»⁷³.

«Прессе нужны коммерсанты»

Банкротство Баймакова привлекло к себе всеобщее внимание также в связи с тем, что он был владельцем «С.-Петербургских ведомостей», старейшей газеты в России. «В данном случае, — полагала «Петербургская газета», — прискорбно, то что г. Баймаков внушал к себе доверие частью посредством эксплуатации издательского дела. Видя его во главе такой солидной газеты, как “С.-Петербургские ведомости”, многие более доверились их издателю, нежели банкиру»⁷⁴.

Русская периодическая печать в 1860–1870-х гг. относилась к биржевой теме «свысока», считая не совсем приличным много писать о спекулятивной игре, наживе и выгоде. Русская журналистика имела свои «идеалы» и «принципы», которые не позволяли ей перейти некую грань приличия. Сам факт перехода «С.-Петербургских ведомостей» от В.Ф. Корша в собственность Ф.П. Баймакова вызвал у многих возмущение. Литературный критик Н.К. Михайловский писал: «...Дальше идти некуда. Банкирская контора — представительница общих идеалов и возвышенных принципов гражданской деятельности!! Биржа, сделавшись центром общественного движения, берет в свои руки и текущую литературу и делает ее служебным орудием для своих целей»⁷⁵. Михайловский с негодованием уверял, что «...такого развязного, откровенного, циничного зазывания на биржевую игру, какое Ф.П. Баймаков... в газете устроил, русская литература еще не видала»⁷⁶. Критик полагал, что русская журналистика теряет характер доброго старого времени и откровенно превращается в лавочку, фабрику, завод...»⁷⁷.

Образ Ф.П. Баймакова, как предпринимателя нового европейского типа, использовал в своей сатирической поэме «Современники» (1875) Н.А. Некрасов⁷⁸. Поэт, назвав Баймакова «суетливым коммерсантом», вложил в его уста слова:

Не у нас — во всей Европе
Прессой правит капитал,
Был же Генкель, есть же Гоппе...

Свои рассуждения герой Некрасова заключает фразой:

Прессе нужны коммерсанты.

Ф.П. Баймаков приобрел право на издание «С.-Петербургских ведомостей», когда их хотели заполучить издатели и редакторы «Московских ведомостей» М.Н. Катков и П.М. Леонтьев. Чтобы устранить редактора «С.-Петербургских ведомостей» В.Ф. Корша, они, используя свои связи, через министра народного образования графа Д.А. Толстого добились передачи «С.-Петербургских ведомостей» из ведения Академии наук в Министерство народного просвещения. После высочайшего на то согласия граф Толстой уведомил Корша, что тому дозволено редактировать газету только до 1 января 1875 г. Корш был вынужден продать право на издание «С.-Петербургских ведомостей» Баймакову. По утверждению начальника Главного управления по делам печати Е.М. Феокистова, за газету Корш, которого друзья выставляли «мучеником, несчастной жертвой произвола», получил с Баймакова значительную сумму — 50 тыс. руб.⁷⁹

Наблюдение за покупкой права на издание газеты было поручено чиновнику особых поручений при министре народного просвещения Б.М. Маркевичу, имевшему звание камергера и чин действительного статского советника. К тому же он сам был литератором и публиковал свои романы и повести. Как выяснилось позже, Баймаков обещал Маркевичу вносить ему в течение всего срока аренды газеты по 5 тыс. руб. ежегодно⁸⁰. Эта скандальная история вскоре вышла наружу. Маркевич был уличен во взятке, или, как шутили современники, «в братке» с Баймакова. Он был лишен придворного звания и вынужден подать прошение об отставке⁸¹.

Редактировать «С.-Петербургские ведомости» Баймаков пригласил популярного романиста графа Е.А. Салиаса де Турнемира. Однако он продержался в газете только 4 месяца и вынужден был уйти.

Полузабытый сейчас поэт П.К. Мартынов в своем «Словаре-альбоме русских деятелей XIX века» посвятил Ф.П. Баймакову и тем событиям следующие строки:

Банкиром числился и «Коршеву газету»,
С Салиасом во главе, пускал бродить по свету,
Маркевича вовлек в невольный тяжкий грех,
И кончил — нас заставив плакать всех⁸².

По мнению современников, Баймаков, приобретая газету, соблазнился возможностью получения казенных и частных объявлений. Полагали, что Баймаков рассчитывал на то, что публика, узнав о том, что биржевые хроники в «С.-Петербургских ведомостях» пишутся им, «толпой пойдет в его банкирскую контору»⁸³.

Впрочем, Баймаков признавался, что покупал газету в расчете на открывшиеся возможности для него как публициста. Он никогда не скрывал, что литературное поприще ему было более приятно. Став издателем, Баймаков расширил поприще своей деятельности. Самолюбие его было удовлетворено.

Современники неоднократно сравнивали «С.-Петербургские ведомости», издаваемые Ф.П. Баймаковым, и «Биржевые ведомости», редактируемые В.А. Полетикой. При этом особо обращали внимание на то, что обе газеты имеют право именоваться «биржевыми». Но первая по своему статусу «газета политическая и литературная», а по содержанию стремится приблизиться к идеалу экономической газеты, вторая же отделяется от него. Отмечали, что Полетика «искусился литературой и мнит о себе, что он литератор; во всяком случае, он гнушается биржевиков и неоднократно опрокидывался на них всем своим гневом в передовых статьях», а Баймаков, напротив, «нисколько не гнушается биржевиков» и сам пишет красноречивые биржевые хроники. «Кто из этих двух издателей заслуживает названия биржевого, — вопрошал автор статьи, опубликованной в «Финансовом обозрении», — вопрос»⁸⁴.

«Петербургская газета» сопоставляя «Биржевые ведомости» и «С.-Петербургские ведомости» иронизировала:

Хочешь благ и долголетия,
Плутократов почитай,
И Полетики статейки
В дни субботние читай.

Если любишь весть дебаты
О возвышенных вещах,
То читай до одуренья
Баймакова натошак⁸⁵.

В «Петербургской газете» вообще регулярно помещались статьи и сатирические стихи, посвященные Баймакову. Так, в одном из мартовских номеров была опубликована переделанная пушкинская «Русалка», где излагалась история приобретения «С.-Петербургских ведомостей»⁸⁶.

В другом номере «Петербургской газеты» были помещены стихи под названием «Роковые буквы»:

Эти буквы роковыми
Мы считаем по судьбе:
Сам Булгаков связан с ними, —
И не верим мы себе,
Под статьями биржевыми
Видя вновь Фиту и Бе⁸⁷.

После краха Баймакова «Петроградская газета» в ряде номеров опубликовала «современные пословицы» вроде: «Банкиры играют, а вкладчики рыдают», «Сходятся не для радости баймаковской веры товарищи», «Вкладчик дал, банкир взял, да и делу конец» и др.⁸⁸

Сам Баймаков во всех своих показаниях в Коммерческом суде, в конкурсном управлении ставил себе в заслугу как литератору выступления против биржевой спекуляции. Он уверял, что целью всех его биржевых публикаций было предостережение доверчивой публики от всевозможных потерь⁸⁹. Он утверждал, что приобрел «С.-Петербургские ведомости» с намерением «публично проповедовать правду о финансовых делах». Сам Баймаков вспоминал: «Всем лицам, следившим в то время (т. е. в 1869 г.) за биржевыми оборотами, памятны и биржевые хроники Баймакова, в которых он неустанно клеймил и изобличал рыцарей знаменитого Демутова отеля, этого притона спекулятивных предводителей и вожakov». «В течение восьми лет, — продолжал Баймаков, — он действовал на публицистическом поприще, ограждая интересы публики и привлекая к себе в контору все более и более клиентов»⁹⁰.

Однако Баймаков, по-видимому, не задумывался, что своими публикациями восстанавливал против себя всех «орудователей учреждений и спекулятивных махинациями, низших и высших, не осмеливавшихся в течение всего этого времени выступить против него открыто... из боязни большого с его стороны разоблачения их вредной деятельности, но приберегавших свою ненависть до первого удобного случая»⁹¹. В результате он приобрел массу врагов и недоброжелателей, которые ждали удобного случая отомстить.

Баймаков погиб одновременно и как банкир, и как издатель. По убеждению конкурсного управления, покупка «из средств дела», права издания «С.-Петербургских ведомостей» была еще одним неосторожным поступком⁹². Возможно, своим единоличным управлением Баймаков поправил бы дела банкирской конторы и, продержись он до 1877 г., развязка была бы другой.

Сам Баймаков уверял, что в то время, когда он покупал газету, она давала чистой прибыли до 35 тыс. руб. в год. Это подтверждалось цифрами за время заведования «С.-Петербургскими ведомостями» Корша. При нем «С.-Петербургские ведомости» имели 9500 подписчиков. При таких обстоятельствах, объяснял Баймаков, заплатить за газету 100 тыс. руб. представлялось коммерчески выгодным. Однако Баймаков повел хозяйственные дела газеты очень нерасчетливо⁹³. Число подписчиков на 1875 г. упало до 2500 человек, и газета стала приносить убытки. Бывший цензор Петербургского цензурного комитета профессор А.В. Никитенко в своем дневнике за 27 мая 1875 г. писал, что виноват в этом был сам Баймаков: «Всякий человек, встретив на своем пути лужу, обходит ее, а этот прямо влез в нее. Да это и не лужа, а целое болото. Мудрено ли, что он завяз в нем по шею, карабкается и не может никак из него выбраться»⁹⁴.

Жизнь после краха

После разорения Ф.П. Баймаков более 10 лет вел биржевую хронику в ряде периодических изданий: «Новостях», «Новом времени», «Береге», «Северном телеграфном агентстве» и др. Затем он решил снова заняться фондовыми операциями на бирже в качестве агента и с 1887 по 1889 гг. платил купеческую повинность по 1-й гильдии. В 1890 г. Баймаков баллотировался в маклеры Петербургской биржи. В России традиционно маклеров выбирали из разорившихся купцов — «несчастливых несостоятельных» или так называемых «невинно упавших». Им отдавалось предпочтение при прочих равных условиях⁹⁵. После официального избрания Баймаков с 1890 по 1902 г. исполнял должность фондового маклера и выбирал купеческую повинность уже по 2-й гильдии. Он даже был избран помощником биржевого старшины и членом Петербургского биржевого комитета. При этом до начала 1900-х гг. Баймаков продолжал числиться несостоятельным должником⁹⁶.

Умер Ф.П. Баймаков 23 января 1907 г. в возрасте 76 лет и был похоронен на Волковом православном кладбище рядом с матерью.

* * *

Подводя итоги, можно констатировать, что банкирская контора Ф.П. Баймакова, как и почти все остальные петербургские банкирские заведения в последующее время, была тесно связана с фондовой биржей, являясь по сути биржевой и спекулятивной. Основной ее операцией были сделки с ценными бумагами. Они значительно превышали все остальные банкирские операции. Контора Баймакова была учреждена фактически ради финансовых спекуляций на фондовом рынке, что бы по этому поводу ни утверждал ее владелец. Во всяком случае, очень скоро после ее учреждения она занялась исключительно спекулятивными сделками на Петербургской бирже. Главной причиной банкротства Баймакова стали биржевые игра и спекуляция. Крах банкирской конторы Баймакова сопровождался разорением массы клиентов и вкладчиков, доверивших ей свои сбережения. Приманкой, на которую ловилась клиентура, служил высокий процент, доходивший до 8% годовых.

К причинам банкротства Баймакова, да и последующих крахов других банкирских заведений, можно отнести слабый контроль за ними со стороны государства. В российском законодательстве долгое время не было почти никаких постановлений, определяющих круг и характер деятельности банкирских домов, контор и меняльных лавок. С точки зрения законодателя банкирские заведения являлись не кредитными установлениями, а учреждениями, имеющими личный торгово-промышленный характер. «Положения о пошлинах за право торговли и промыслов» обязывали владельцев банкирских домов и контор выбирать только свидетельства купцов 1-й гильдии. В отличие от частных коммерческих банков, они открывались явочным порядком, производили свои операции без уставов, утвержденных правительством, и без обязательства публичной отчетности⁹⁷. Да и процедура открытия банкирского заведения была несложной, достаточно было только подать прошение с просьбой на имя губернатора или градоначальника, прилагая программу предполагаемых банкирских операций и будущий адрес. Лишь череда новых крахов банкирских заведений в 1880-е гг. вызвала серьезное беспокойство правительства и вынудило его приступить к подготовке закона о банкирских заведениях и установлению контроля над ними.

Примечания

¹ Недельная хроника // Судебный вестник. 1876. 22 декабря.

² Так, через 10 лет после банкротства конторы Ф.П. Баймакова, 19 сентября 1886 г., в «Русских ведомостях» был опубликован рассказ М.Е. Салтыкова-Щедрина «Деревенский пожар». В нем одна из героинь, генеральская вдова Анна Андреевна Копейщикова, вспоминает: «Помнишь: крах Баймакова и наш текущий счет... Давал шесть процентов... и что ж!». См.: Салтыков-Щедрин М.Е. Деревенский пожар: (Не то сказка, не то быть) // Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. М., 1988. С. 10.

³ См.: Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. Литературное наследство. Т. 83. М., 1971. С. 629, 659–660; Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 17. С. 23, 33.

⁴ Наши банкирские конторы и баймаковский крах // Петербургская газета. 1876. 5 декабря.

⁵ Справка // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб) Ф. 239. Оп. 1. Д. 1417. Л. 6.

⁶ Прощение в Совет С.-Петербургского Коммерческого училища // ЦГИА СПб. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1417. Л. 2.

⁷ Аттестат // ЦГИА СПб. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1417. Л. 9.

Сын Ф.П. Баймакова Федор (1863–?) также учился в Петербургском Коммерческом училище в 1878–1883 гг. Он был стипендиатом бывшего воспитанника этого же училища, потомственного почетного гражданина Н.С. Шеголева. После окончания учебы и отбывтия воинской повинности Ф.Ф. Баймаков поступил на государственную службу. (См.: ЦГИА СПб. Ф. 239. Оп. 1. Д. 4726. Л. 3.)

⁸ Доклад об основании и действиях фирмы «Товарищество на вере, Жадимеровский, Баймаков и К°» и об отношениях к ним ее пайщиков. // Отчет о действиях конкурсного управления, учрежденного по делам несостоятельного должника Ф.П. Баймакова, торговавшего под фирмою «Товарищество на вере, Ф.П. Баймаков и К°». Второе приложение к отчету. СПб., 1878. С. 1.

⁹ Там же. С. 1–2.

¹⁰ Стенографический отчет общих собраний кредиторов несостоятельного должника Ф.П. Баймакова, происходивших 1, 2 и 3 марта 1878 года // Отчет о действиях конкурсного управления... Четвертое приложение к отчету. С. 22.

¹¹ Доклад об основании и действиях фирмы... С. 3.

¹² В «Коммерческом календаре на 1869 год», издаваемом под редакцией Ф.П. Баймакова, перечислены 13 петербургских банкиров, 14 банкирских контор и 20 меняльных лавок. См.: Коммерческий календарь на 1869 год. СПб., 1869. С. 283–284.

¹³ Петербургская хроника // Голос. 1869. 1 января.

¹⁴ Объявление // С.-Петербургские ведомости. 1869 г. 4, 6 марта и др.

¹⁵ Незнакомец (Суворин А.С.). Недельные очерки и картинки // С.-Петербургские ведомости. 1869. 9 (21) марта.

- ¹⁶ Доклад об основании и действиях фирмы... С. 7.
- ¹⁷ Там же. С. 8.
- ¹⁸ Там же. С. 8–9.
- ¹⁹ Там же. С. 4–5.
- ²⁰ Там же. С. 7.
- ²¹ Там же. С. 13.
- ²² Там же. С. 18.
- ²³ Там же. С. 17, 22.
- ²⁴ Там же. С. 26.
- ²⁵ Там же. С. 25.
- ²⁶ Доклад о значащемся по книгам Баймакова долге Баймакову на сумму 201 969 руб. 90 коп. // Отчет о действиях конкурсного управления... Первое приложение к отчету. С. 12.
- ²⁷ Там же. С. 13.
- ²⁸ Там же. С. 13, 16.
- ²⁹ Доклад об основании и действиях фирмы... Второе приложение к отчету. С. 24–25.
- ³⁰ Там же. С. 25.
- ³¹ Там же. 2. С. 31.
- ³² Там же. С. 17.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. М., 1960. С. 50.
- ³⁶ Доклад об основании и действиях фирмы... С. 26.
- ³⁷ Отечественные записки. 1876. № 12. Внутреннее обозрение. С. 257.
- ³⁸ Там же. С. 256; Елисеев Г.З. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1894. С. 804; Финансовое обозрение и вестник железных дорог и пароходства. 1876. 4 декабря.
- ³⁹ Отчет о действиях конкурсного управления... С. 2.
- ⁴⁰ Там же. С. 2–3.
- ⁴¹ Финансовое обозрение и вестник железных дорог и пароходства. 1876. 4 декабря.
- ⁴² Стенографический отчет общих собраний кредиторов... С. 89.
- ⁴³ Гусь. У подъезда банкирской конторы прогоревшего Баймакова. Петербургская газета 1876. 5 декабря.
- ⁴⁴ См.: Недельная хроника // Судебный вестник. 1876. 22 декабря.
- В Москве со 2 по 25 октября 1876 г. состоялся громкий процесс по делу о несостоятельности Московского Коммерческого ссудного банка. На скамье подсудимых кроме главного виновника — прусского подданного железнодорожного дельца Б.Г. Струсберга — оказались также директор-распорядитель банка П.М. Полянский, члены правления Г.Я. Ляндау, Н.М. Борисовский, К.И. Редер, Ф.М. Граббе и Б.А. Гивартовский. На основании вердикта присяжных суд приговорил виновных к различным срокам лишения свободы. Так, Струсберг был осужден на семилетнее заключение в долговой тюрьме.

⁴⁵ Согласно закону попечители назначались «из числа благонадежных посторонних лиц или присяжных поверенных, указанных кредиторами и изъявивших на то согласие». Попечители являлись хранителями имущества несостоятельного должника до передачи его конкурсу.

⁴⁶ Стенографический отчет общих собраний кредиторов... С. 89, 261.

⁴⁷ Финансовое обозрение и вестник железных дорог и пароходства. 1876. 4, 16 декабря.

⁴⁸ Биржевые ведомости. 1876. 4 декабря.

⁴⁹ Отчет о действиях конкурсного управления... С. 3.

⁵⁰ Там же. С. 3–4, 23.

⁵¹ Там же. С. 5.

⁵² Михневич В.О. Наши знакомые: Фельетонный словарь современников. СПб., 1884. С. 10.

⁵³ Стенографический отчет общих собраний кредиторов... С. 38–39.

⁵⁴ Отчет о действиях конкурсного управления... С. 1–2, 11.

⁵⁵ Там же. С. 50–51.

⁵⁶ Там же. С. 70.

⁵⁷ Стенографический отчет общих собраний кредиторов... С. 40, 72.

⁵⁸ Там же. С. 72.

⁵⁹ Там же. С. 69.

⁶⁰ Там же. С. 72.

⁶¹ Там же. С. 73.

⁶² Там же. С. 77.

⁶³ Там же. С. 78.

⁶⁴ Доклад об основании и действиях фирмы... С. 26.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 27.

⁶⁸ Там же. С. 28–29.

⁶⁹ Доклад об удовлетворении рубль за рубль некоторых требований, предъявленных к несостоятельному должнику Баймакову. Приложение 1 // Отчет о действиях конкурсного управления... С. 14; Доклад об основании и действиях фирмы... С. 30.

⁷⁰ Доклад об основании и действиях фирмы... С. 30–31.

⁷¹ Стенографический отчет общих собраний кредиторов... С. 79.

⁷² Там же. С. 68.

⁷³ Поздние отголоски баймаковского краха // Петербургский листок. 1888. 11 марта.

⁷⁴ Наши банкирские конторы и баймаковский крах // Петербургская газета. 1876. 5 декабря.

⁷⁵ Отечественные записки. 1875. № 7. Отд. II. Внутреннее обозрение. С. 146.

⁷⁶ Там же. № 3. Отд. II. Внутреннее обозрение. С. 164.

⁷⁷ Там же. С. 149.

⁷⁸ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 4. Поэмы 1855–1877 гг. Л., 1982. С. 216, 607.

⁷⁹ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 186.

⁸⁰ Дельвиг А.И. Мои воспоминания. Т. IV. М., 1913. С. 479–480.

⁸¹ Правительственный вестник. 1875. 18 февраля; Никитенко А.В. Дневник. В 3 т. Т. 3. М., 1956. С. 332; Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам: В 2 т. Т. 1. М., 1984. С. 412.

⁸² Мартыянов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX века, в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпитафиях. СПб., 1891. С. 16.

⁸³ Стенографический отчет общих собраний кредиторов... С. 76.

⁸⁴ Сближение и сопоставление // Финансовое обозрение. 1876. 23 декабря.

⁸⁵ Гусь. Добрые советы // Петербургская газета 1876. 11 марта.

⁸⁶ Петербургская газета 1876. 21 марта.

⁸⁷ О.Д. Роковые буквы // Петербургская газета 1876. 24 марта.

⁸⁸ Петербургская газета 1876. 15, 29 декабря.

⁸⁹ Стенографический отчет общих собраний кредиторов... С. 65.

⁹⁰ Там же. С. 76.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 74.

⁹³ Там же. С. 76.

⁹⁴ Никитенко А.В. Дневник. Т. 3. С. 346.

⁹⁵ ПСЗ-2. Т. VI. Отд. 1. Ст. 4255. С. 19–20.

⁹⁶ См.: Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества. СПб., 1887. С. 5; Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества. СПб., 1889. С. 3; Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества. СПб., 1890. С. 148; Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества. СПб., 1897. С. 161; Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества. СПб., 1899. С. 40.

⁹⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 605. Л. 49.

*Л.И. Бородкин, А.В. Дмитриева**

Влияние экономической конъюнктуры на биржевые процессы в России начала XX в.

Двадцатилетний период, предшествовавший Первой мировой войне, характеризовался неустойчивым развитием российского фондового рынка. Бирже традиционно отводится роль индикатора экономической конъюнктуры, поэтому понять ее эволюцию в отрыве от циклов экономического развития не представляется возможным. Действительно ли курсы акций промышленных компаний в начале XX в. были подвержены определяющему влиянию экономических фундаментальных факторов и насколько российский фондовый рынок следовал тенденциям развития реального сектора экономики? Этот вопрос рассматривается в данной работе на примере курсовой динамики акций крупных компаний металлургической и нефтяной отраслей. Сопоставив данные о развитии этих отраслей с динамикой биржевых котировок соответствующих компаний, можно подойти к ответу на поставленный вопрос.

* * *

Обратимся к данным, характеризующим развитие промышленности России с конца XIX в. до Первой мировой войны. Наибольшее внимание мы уделим периоду 1900–1908 гг., поскольку именно в эти годы динамика курсов акций промышленных компаний обнаружила неожиданные эффекты, выявленные нами ранее¹.

В 1893–1894 гг. в России начался небывалый промышленный подъем, продолжавшийся до 1899–1900 гг. Происходило бурное развитие всех отраслей промышленности, но особенно тяжелой,

* Бородкин Леонид Иосифович — доктор исторических наук (Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова); Дмитриева Анна Владимировна — кандидат исторических наук (Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова).

продукция которой за эти годы выросла в два раза. Наибольший рост производства наблюдался в горнодобывающей и металлургической отраслях промышленности, машиностроении: добыча нефти и угля увеличилась более чем в 2,5 раза, производство металлов и продукция машиностроения — в 3 раза. По выплавке чугуна Россия заняла третье место в мире (после США и Германии), а по добыче нефти вышла на первое. Однако в первые годы XX в. Россию потряс экономический кризис, носивший обще-европейский характер. Как отмечал Л.Б. Кафенгауз, в 1903 г. в промышленном производстве страны появились первые признаки новой повышательной волны, но русско-японская война и события революции 1905 г. «оборвали начавшееся оживление и затянули депрессивное состояние промышленности, которое продолжалось до 1908 г. и в некоторых отраслях даже до 1909 г.»². С 1909 г. российская промышленность вступила в «новый капиталистический цикл», который длился вплоть до Первой мировой войны. По мнению Л.Б. Кафенгауза, толчком, который резко улучшил экономическую конъюнктуру, явились высокие урожаи этого пятилетия, имевшие результатом рост емкости внутреннего рынка и образование значительных накопленных. Усилился приток иностранных и внутренних инвестиций в российскую промышленность³. В итоге промышленный рост в России за предвоенное пятилетие составил 41,8% по физическому объему продукции и 55,6% — по стоимости валовой продукции⁴.

Рассмотрим эволюцию двух интересующих нас отраслей в течение полутора предвоенных десятилетий.

Как и для ряда отраслей промышленности, для *металлургии* 1900 г. стал годом наивысшего развития, который завершил экономический подъем 90-х годов XIX в.

Потребление железа в 1899 г. достигло рекордной отметки 218 млн пудов. Затем потребление в России постепенно сокращается, пока не достигает своего минимума в 165,7 млн пудов в 1903 г. Накануне войны, в 1904 г., потребление железа опять оживляется, поднявшись до 195,7 млн пудов. Но потом возобновляется постепенное падение, так что в 1905 г. потреблялось в России уже 179,9 млн пудов, в 1906 — 175,7 млн и в 1907 г. — 163,4 млн пудов — меньше, чем в наихудший 1903 г.,

на 2,3 млн пудов, 1907 годом кончаются заложенные «железного потребления»⁵.

Вслед за 1899 г. последовал и период падения физических объемов многих видов производимой продукции, что сопровождалось падением цен. Согласно «Своду товарных цен» в С.-Петербурге в среднем по трем видам металлургической продукции (чугун, кровельное и фасонное железо) цены к 1903 г. упали до 78% от уровня 1900 г. Естественно, что на 1903 г. приходится наибольшее падение стоимости произведенной продукции на данном хронологическом отрезке — до 70% от уровня 1900 г. Сопоставление с этими показателями динамики прибылей и дивидендов обнаруживает, на первый взгляд, существенное расхождение. Минимум доходности приходится не на 1903 г., а на предыдущий 1902 г.; 1903 г. обнаруживает рост прибылей и, как следствие, дивидендов российских металлургических предприятий. Объяснение этого противоречия видится в следующем. В стоимость произведенной продукции включают обычно все ее виды. Между тем далеко не в равной степени эти продукты пользуются рыночным спросом. Так, известно, что главным объектом торговли в железном деле России являлась продукция прокатных отделов металлургических заводов. В то же время почти весь чугун шел в передел на местах выплавки⁶.

По расчетам И. Гливица, в среднем за 1903–1911 гг. отправлялось на рынок 30% произведенного чугуна. В еще большей степени это характерно для полупродукта (железа и стали), который, по расчетам П.И. Фомина, для 1912 г. вывозился на рынок лишь в объеме 3% от производимого. Готовый же продукт — в объеме 91%. По данным статистического бюро Совета съездов, в 1903 г. на Юге на рынок вывезено 38,0% чугуна, 4,5% полупродукта, 91,3% готового продукта, 100% металлических изделий. В этой связи становится понятным повышение прибылей металлургических предприятий, следовавшее вслед за увеличением в 1903–1904 гг. производства прокатной продукции, а также полупродукта⁷.

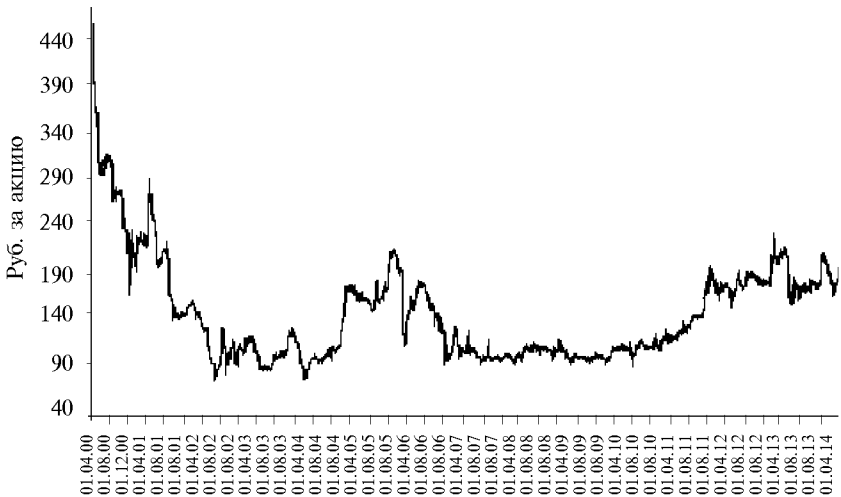
Курсовая динамика металлургических акций в кризисные годы, как следует из рис. 1–3, оказалась не вполне ожидаемой: в середине 1900-х гг., в период застоя, курсы пошли вверх. Интерпретация этого факта требует внимательного рассмотрения процессов, происходивших в это время в данной отрасли.

**Динамика курса 100-рублевой акции
Общества Путиловских заводов. 1900–1914 гг.**

Источник: Биржевые ведомости.

**Динамика курса 100-рублевой акции Общества Брянского
рельсoproкатного и машиностроительного завода. 1900–1914 гг.**

Источник: Биржевые ведомости.

Динамика курса 150-рублевой акции Русского Общества машиностроительных заводов Гартмана. 1900–1914 гг.

Источник: Биржевые ведомости.

Уже в 1903 г. экономический кризис, поразивший народное хозяйство России, пошел на убыль. В 1904 г. стоимость валовой продукции российской промышленности выросла на 7,8%, причем опережающим темпом росла стоимость продукции промышленности отраслей подразделения «А» (12,4%). При этом стоимость продукции черной металлургии выросла на 15,5% (15,2%, по расчетам А.К. Сорокина⁸). 1905 г. прервал этот процесс. Падение производства в черной металлургии и стоимости произведенной продукции продолжалось вплоть до 1906 г. включительно. Минимум суммы прибыли, полученной металлургическими предприятиями, также приходится на 1906 г., как и падение дивидендов. Период неустойчивой конъюнктуры в металлургической промышленности продолжался до 1908 г., после чего начинался экономический подъем, сопровождавшийся усиленным ростом спроса на металл и цен на него. В этом процессе динамика прибыльности опережала темпы роста физических объемов продукции и ее стоимости. Если объем продукции металлургии в ее физическом выражении вырос к 1912–1913 гг. сравнительно с 1908–1909 гг. на 154%, в стоимостном выражении — на 161%, то прибыли возросли на 488%, а дивиденды — на 419%⁹.

В целом динамика прибыльности предприятий российской металлургии достаточно точно отражала движение общеэко-

номической конъюнктуры. Анализ динамики нормы прибыли дает интересные результаты, прежде всего в отношении динамики отраслевого показателя в сравнении с нормой прибыли по промышленности России в целом. В течение рассматриваемого периода норма прибыли в металлургической промышленности была ниже средних величин по промышленности России. При этом средняя норма прибыли по «Продамете» в 1903–1905 гг. была выше, чем в целом по отрасли за счет высокой ее величины у крупнейших фирм. Такое положение вещей не вызывает удивления, поскольку кризис и депрессию перенесли тяжелее именно наиболее капиталоемкие отрасли народного хозяйства России¹⁰. Отмеченные процессы нашли отражение в динамике финансовых показателей деятельности Общества Путиловских заводов — одного из крупнейших металлообрабатывающих предприятий России (см. табл. 1).

Развитие крупнейших предприятий российской металлургии в синтезированном виде представляется следующим образом. В 1900–1901 гг. при концентрации 30% российского производства металлургии на заводах пяти крупнейших обществ (Южно-Русское, Днепровское, Новороссийское, Донецко-Юрьевское, Русско-Бельгийское, Брянского завода) они сосредоточили в своих руках 32% собственных капиталов отрасли. При этом на их долю приходился значительно больший процент прибылей, получаемых предприятиями отрасли — 53%, и дивиденда — 60%¹¹. В целом период экономического кризиса и последовавшей за ним депрессии металлургия перенесла тяжелее ввиду своей изначально большей капиталоемкости, зависимости производства металлургической промышленности от спроса, предъявляемого потребителями металла, который не мог не снизиться в годы неблагоприятной конъюнктуры¹².

Насколько тяжелым было положение отрасли в кризисные годы, видно из специальных ежемесячных докладов редакторов «Вестника финансов» и других периодических изданий Министерства финансов, адресованных министру финансов, о положении железодельательной промышленности. В апреле 1904 г. отмечалось, что возникший в 1903 г. увеличенный спрос на товары отрасли был удовлетворен в том же году и что при значительном превышении «производительной способности» заводов над спросом к концу 1904 г. должна была бы произойти «заминка на железном рынке» независимо от русско-японской войны¹³. Анализируя данные декабрьского статистического выпуска 1903 г., редактор «Вестника финансов» заключает, что имеются налицо «признаки приближения кризиса нашей же-

Динамика финансовых показателей Общества Путиловских заводов в 1900—1913 гг.

Отчетный период: 1 июля — 30 июня; в отчете за 1901 г. отчетный период:

1 июля 1900 г. — 31 декабря 1901 г.; далее отчетный период: 1 января — 31 декабря

№ «Вестника»	Годы	Отчетный год	Основной капитал (руб.)	Валовой доход (руб.)	Валовой расход (руб.)	Прибыль (руб.)	Дивиденд	
							В рублях всего	В рублях на акцию
50	1900	1899—1900	12 000 000 ¹	20 945 921	19 951 936	993 985	540 000	4,50
46	1902	1901	12 000 000	31 463 548	29 856 648	1 606 899	240 000	2
27	1903	1902	12 000 000	20 791 777	19 249 055	1 542 722	360 000	3
24	1904	1903	12 000 000	17 245 083	15 584 419	1 660 663	600 000	5
32	1905	1904	12 000 000	20 713 413	18 741 488	1 971 925	900 000	7,50
25	1906	1905	12 000 000	16 710 379	15 772 082	938 296	480 000	4
30	1907	1906	12 000 000	22 337 711	20 303 921	2 033 789	960 000	8
31	1908	1907	12 000 000	18 147 169	17 414 913	732 256	360 000	3
23	1909	1908	12 000 000	13 222 351	13 164 297	58 054	Не выдавался	
29	1910	1909	12 000 000	12 851 165	12 334 372	516 793	240 000	2
25	1911	1910	12 000 000	15 943 247	14 853 380	1 089 867	510 000	4,25
27	1912	1911	16 000 000 ²	18 826 690	16 797 412	2 029 277	1 000 000	6,25
31	1913	1912	25 000 000 ³	25 805 136	23 464 416	2 340 720	1 292 500	6,25
36	1914	1913	25 000 000	42 988 519	40 113 642	2 874 877	1 562 500	6,25

Примечания:

- 1 Основной капитал общества составляли 12 000 акций номиналом 100 руб.
- 2 Основной капитал общества составляли 16 000 акций номиналом 100 руб.
- 3 Основной капитал общества составляли 25 000 акций номиналом 100 руб.

Источник: Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты торговых и промышленных предприятий, обязанных публичной отчетностью. 1901—1914 г.*

* Названия статей годовой отчетности соответствуют источнику.

лезоделательной промышленности». В марте 1904 г. напряженность производства всех категорий железных товаров не ослабла, а, скорее, существенно возросла. В сентябре 1904 г. редактор с сожалением вынужден был заключить, что «это предсказание, блестяще оправдавшее практическую целесообразность собираемых нами статистических сведений, вполне подтверждается и нашими последними торговыми корреспонденциями о положении дел с железом на разных наших железных рынках»¹⁴.

В августе 1904 г. наблюдалось дальнейшее сокращение производства железа и дальнейшее увеличение запасов всех категорий металла, особенно отчетливо проявившееся в «районах с живым рыночным общением», а потому, по мнению редактора, «должно признать дальнейшее существенное ухудшение нашего железного рынка». Правда, продолжавшееся сокращение производства позволяло автору доклада держаться надежды, высказанной в июльском обзоре лезоделательной промышленности, что «нынешний застой железных дел» не будет столь тяжел, как застой 1900–1902 гг. Кроме Урала, «живущего вне рыночных изменений», остальные районы, по мнению редактора, стремились приспособить размеры производства к размерам текущего спроса. «Борьба на железном рынке» к осени 1904 г. уже достигла значительного напряжения и выразилась в резком понижении цен¹⁵.

По итогам 1904 г. основные выводы аналитика состояли в том, что застой на рынке готового металла коснулся почти всех его видов, не исключая и тех, которые находились под контролем синдикатов. Особенно плохо обстояли дела с балками, вследствие сокращения строительной деятельности в городах. Уменьшение к концу 1904 г. отпуска готового металла на продажу и быстрый рост запасов в этом периоде не обещали благоприятного положения русской металлургической промышленности, несмотря на «усиленную деятельность паровозных и вагонных заводов». По мнению редактора, следовало ожидать сокращения форсированной деятельности этих заводов в недалеком будущем (поскольку после войны железные дороги не должны нуждаться в таком обилии новых паровозов и вагонов), что и произошло приблизительно через год. В докладе высказывается сожаление, что не была снаряжена даже та торговая экспедиция, которая была предложена XXVIII съездом горнопромышленников Юга России в 1903 г. и которая могла бы «проторить путь русскому металлу на заграничные рынки»¹⁶.

Забастовки рабочих отразились на производстве лезоделательных и стальных полупродуктов в империи за февраль

1905 г. весьма значительным сокращением производства, особенно в Польше, а также сокращением заводских запасов, поскольку при запуске заводов после перерывов приходилось для прокатных отделений до получения новых болванок пользоваться прежними запасами¹⁷. В феврале 1905 г. производство готового железа и стали в России было значительно меньшим по объему в сравнении с двумя предыдущими месяцами, хотя оба эти месяца давали металла приблизительно на 10% меньше, чем каждый из месяцев в периоде с июля по ноябрь. Несмотря на весьма резкое (на 2,390 млн пудов, или на 22%) сокращение февральского производства готового металла сравнительно с январским, заводские запасы этого товара в течение февраля заметно (на 883 тыс. пудов, или на 3,4%) возросли. За два первых месяца 1905 г. было произведено железа и стали во всей империи только 19,382 млн пудов, в то время как в 1904 г. за тот же период получено 24,566 млн пудов, т. е. на 5,184 млн пудов, или на 26,7%, больше. Таким образом, начало 1905 г. ознаменовалось заметным ухудшением положения российской железодобывающей промышленности. В отпуске готового металла наблюдалось резкое падение и по отношению к собственному переделу, и по отношению к продаже. Запасы готового металла в конце февраля 1905 г. были приблизительно на 3 млн пудов, или на 12,5%, больше, чем год перед тем¹⁸. Представляя мартовский (1905 г.) выпуск «Свода статистических данных по железодобывающей промышленности», редактор «Вестника финансов» докладывал, что, по статистическим данным за март, нельзя предвидеть улучшения дел с готовыми железом и сталью, а потому и в действительности наблюдаем, что «в начале весны железный рынок находится в весьма угнетенном состоянии, по видимому, не предвещающем скорого улучшения дел, фактически наступившего с июня т. г.»¹⁹. В следующем квартале выделка готового железа и стали, отпуск в собственный передел и отпуск на продажу еще более сократились, а заводской запас торгового металла несколько увеличился. Сокращение производства железных товаров произошло почти исключительно вследствие забастовочного движения на металлургических и металлообрабатывающих заводах. При этом особенно пострадали от рабочего движения польские, северные, южные и приволжские заводы, в то время когда на уральских и подмосковных заводах забастовок рабочих почти не было и железное производство почти не пострадало²⁰.

Подводя итог сказанному, следует констатировать действительно тяжелое состояние металлургической промышленности в годы первого десятилетия XX в., вплоть до 1909 г.

Следует, однако, отметить, что металлообрабатывающая промышленность не всегда находилась в русле тех же тенденций, что и металлургия. Так, в воспоминаниях о Луганском заводе (заводе Гартмана, одном из рассматриваемых нами предприятий) основатель этого крупного паровозостроительного завода дореволюционной России, Густав Гартман отмечает²¹, что «с началом русско-японской войны, которая вызвала усиленный спрос на локомотивы для перевозки войск и их обслуживания в Маньчжурии, завод работал в усиленном режиме и получил возможность доказать свою особую производительность, когда без особых трудностей и напряжения сумел в течение второй половины 1904 г. выполнить заказ на поставку 102 паровозов. Также и в текущем (т. е. в 1905 г. — *Авт.*) году завод выполнил очень крупные заказы, поставляя в среднем 20 паровозов ежемесячно»²². По количеству произведенных паровозов 1905 г. оказался рекордным в истории завода Гартмана.

* * *

Что касается *нефтяной промышленности*, то ее значение определялось важностью не только для внутреннего, но и мирового рынка. Русская нефтяная промышленность была привлекательным объектом для помещения иностранного капитала, что ставило ее в положение «важного фактора международных финансовых комбинаций и необходимого участника мировой политики нефтепромышленности»²³. Крупное положение в ней занимали предприятия братьев Нобель и ротшильдская группа, отчасти — Манташев²⁴.

Данные об уровне производства в нефтедобывающей отрасли и темпах прироста нефтедобычи в России показывают, что в первом десятилетии XX в. положение нефтяных предприятий в целом было далеко не блестящим. Л.Б. Кафенгауз писал, что в 1901 г. в эволюции нефтяной промышленности наступил перелом: она вступила «в полосу длительного и глубокого кризиса»²⁵. Кризис явно затянулся, и в последующие годы производство переживало все еще тяжелые времена; в 1904–1907 гг. уровень производства в нефтедобывающей отрасли был существенно ниже предыдущих лет и добыча нефти значительно сократилась, особенно выделяется в этом ряду падение показателей 1905 г.²⁶ Как

позже отметил «Вестник финансов», «заключение портмутского договора, и притом на таких условиях, на которые трудно было рассчитывать, вызвало надежды на лучшее будущее»²⁷. Однако надежды на лучшее будущее оправдываться не спешили — как известно, донесения с театра военных действий сменились донесениями о забастовках и вооруженных выступлениях рабочих в 1905 г. Особое внимание в свете интереса к состоянию нефтяных ценностей вызывает ситуация в Бакинском районе, где были сосредоточены важнейшие нефтепромыслы.

Если 1905 г. (главным образом, его второе полугодие) был и так крайне тяжел для отечественной торговли и промышленности, для Бакинской губернии он должен быть отнесен к числу исключительно неблагоприятных. Речь идет прежде всего о многократных забастовках рабочих в Баку и в прилегающем к нему промысловом районе, не менее частых забастовках железнодорожных служащих, полуторамесячном перерыве (с середины ноября по конец декабря) в работе почтово-телеграфной связи. Наконец, следует принять во внимание межэтнические столкновения в продолжение всего года, обострившиеся в феврале, августе и октябре и принявшие форму массовых столкновений на улицах, сопровождавшихся пожарами домов в городе, нефтяных вышек на промыслах, разгромами и грабежом магазинов и мастерских²⁸. Баку переживал настоящий экономический кризис: августовский пожар нефтяных вышек и запасов нефти привел к полному бездействию промыслов в течение всего сентября и вызвал необходимость в выдаче нефтепромышленникам весьма значительной правительственной ссуды.

Надежды на то, что отсрочка казенных платежей в связи с выдачей ссуд на восстановление промыслов и обещания представителей государственного банка и частных банков о широком оказании кредита в достаточной мере послужат успокоению торгово-промышленного класса и помогут ему распутаться в «хаосе многообразных отношений», который создался благодаря августовскому погрому, не оправдались. Выдача ссуд затянулась, и до января 1906 г. было выдано всего семнадцати фирмам около 250 тысяч руб., что не внесло существенных изменений в крайне тяжелое положение нефтепромышленников²⁹. Происшедшие в октябре 1905 г. новые беспорядки и последовавшая почтово-телеграфная забастовка, сменившаяся всеобщей политической стачкой, практически остановили все обороты и операции и так резко изменили положение дел к худшему, что

29 декабря 1905 г. Бакинский биржевой комитет признал необходимым возбудить ходатайство перед Министерством торговли и промышленности о введении для города Баку мораториума на 5 месяцев по исполнению вексельных обязательств, сроки которых наступали до 1 апреля 1906 г., тем более что многие «векселедержатели» и «бланконадписатели» по причине октябрьских погромов разъехались в разные места империи и часто было даже неизвестно, где они находятся³⁰.

Все это отразилось в сильной степени на состоянии нефтяной промышленности в 1905 г. Разгромы и пожары бакинских нефтяных промыслов в августе 1905 г., уничтожившие более половины всех производительных скважин, и периодические забастовки, продолжавшиеся на всем Кавказе среди промысловых рабочих, а также беспорядки и террор свели добычу нефти в Баку до минимума. Добыча нефти в сентябре выразилась всего в 2 млн пуд. против 32,3 млн пуд. в первые 20 дней августа³¹. Вообще весь сентябрь практически не заключалось никаких сделок, кроме чисто случайных и совершенно ничтожных по размерам; промыслы и заводы почти бездействовали; в октябре работы частично возобновились, но большинство заводов продолжало бездействовать до конца года. Если запасы нефтяных товаров в Баку на 1 января были в 1903 г. 167,5 млн пуд., в 1904 г. — 114,7 млн пуд., то в 1905 г. они составили всего 99,6 млн пуд. Ежемесячная добыча нефти в годы до разгрома колебалась в пределах от 45 до 60 млн пуд.; в ноябре 1905 г. добыча нефти была 26 млн пуд. и в декабре — 18 млн пуд.³² Если в 1904 г. общая добыча нефти составила 10,8878 млн т, то в 1905 г. она упала до 7,5539 млн т³³.

Нефтяные фирмы вследствие этого разгрома понесли существенные убытки. По оценке Общего Присутствия Казенной Палаты, понижение прибылей по всем нефтепромышленным предприятиям должно было достигнуть приблизительно 33%, и общая сумма прибылей этих предприятий на 1906 г. не могла бы превысить 4 млн руб.; из 90 фирм — 35 фирм с прибылью в 1,59 млн руб., как пострадавшие от погрома, заведомо должны были быть признаны убыточными³⁴. Отмеченные процессы нашли отражение в динамике финансовых показателей деятельности Товарищества нефтяного производства братьев Нобель — крупнейшего предприятия нефтяной отрасли Российской империи (см. табл. 2).

Таблица 2
Динамика финансовых показателей Товарищества нефтяного производства братьев Нобель в 1900—1913 гг.

Отчетный период 1 января — 31 декабря

№ «Вестника»	Годы	Отчетный год	Основной капитал (руб.)	Приход (руб.)	Расход (руб.)	Валовая прибыль (руб.)	Дивиденд	
							в рублях	в %
30	1901	1900	15 000 000 ¹	96 171 040	87 703 814	8 467 225	3 000 000	20
29	1902	1901	15 000 000	87 897 855	82 355 134	5 542 720	2 250 000	15
29	1903	1902	15 000 000	87 546 218	83 607 284	3 938 934	1 500 000	10
24	1904	1903	15 000 000	88 223 174	83 653 811	4 569 362	1 800 000	12
29	1905	1904	15 000 000	106 909 202	102 820 674	4 088 527	1 500 000	10
42	1906	1905	15 000 000	97 983 009	93 079 262	4 903 746	1 800 000	12
46	1907	1906	15 000 000	112 495 306	105 111 407	7 383 899	1 200 000	8
38	1908	1907	15 000 000	128 034 697	120 008 967	8 025 729	3 000 000	20
26	1909	1908	15 000 000	130 684 426	124 062 391	6 622 034	2 250 000	15
27	1910	1909	15 000 000	132 631 706	127 238 018	5 393 687	1 800 000	12
29	1911	1910	15 000 000	117 478 693	111 420 759	6 057 933	1 800 000	12
26	1912	1911	15 000 000	133 262 402	127 830 026	5 432 376	2 100 000	14
34	1913	1912	30 000 000 ²	152 987 631	139 615 016	13 372 615	6 600 000	22
37	1914	1913	30 000 000	169 749 041	151 513 291	18 235 749	7 800 000	26

Примечания:

- 1 Основной капитал общества составляли 20 000 акций номиналом 250 руб. и 2000 паев номиналом 5000 руб.
- 2 Основной капитал общества составляли 80 000 акций номиналом 250 руб. и 2000 паев номиналом 5000 руб.

Источник: Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты торговых и промышленных предприятий, обязанных публичной отчетностью. 1901—1914 гг.*

* Названия статей годовой отчетности соответствуют источнику.

Известно, что при этих тяжелых обстоятельствах рост цен на многие товары позволил возместить до некоторой степени уменьшение прибылей по ряду отраслей. Но, несмотря на положение, при котором истощение запасов и усиливавшийся спрос должны были бы вызвать значительный подъем цен на нефть (и особенно на продукты ее переработки), в ноябре и декабре 1905 г. наблюдалось понижение цен на все нефтяные товары, объясняемое, видимо, общим тревожным настроением и неуверенностью в личной и имущественной безопасности³⁵. Поэтому и средние годовые цены в 1905 г. оказались лишь немного выше, чем в 1904 г.

Курсовая динамика нефтяных акций в кризисные годы, как следует из рис. 4–6, гораздо в меньшей степени, чем динамика цен металлургических акций, характеризуется подъемом в середине 1900 гг. (фактически этот эффект прослеживается только на графике курсовой динамики Бакинского нефтяного общества — см. рис. 5).

Рисунок 4

Динамика курса 5000-руб. паев Товарищества нефтяного производства братьев Нобель. 1900–1914 гг.

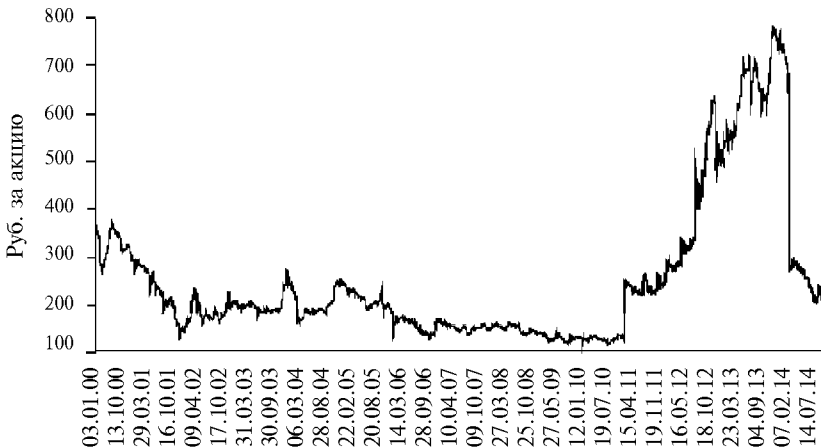
Источник: Биржевые ведомости.

**Динамика курса 100-рублевой акции Бакинского
нефтяного общества. 1900–1914 гг.**

Источник: Биржевые ведомости.

**Динамика курсов акций нефтепромышленного общества
«А.И. Манташев и К». 1900–1914 гг.***

Источник: Биржевые ведомости.

*«Перепад» на графике означает изменение номинала акции: сокращение с 250 до 100 руб.

Оценивая ущерб в результате августовских событий 1905 г., исследователи говорят о невосполнимом уроне, нанесенном отечественной нефтяной промышленности. Вместе с резким падением нефтедобычи Россия уступила свое доминирование на европейском и восточном керосиновых рынках³⁶. Низкий уровень добычи нефти после 1905 г. был одним из главных факторов долговременного топливного дефицита в стране и соответствующего роста цен.

Подводя итоги краткому обзору состояния нефтяной и металлургической промышленности в 1900–1908 гг., можно констатировать, что эти годы были периодом кризиса и депрессии для этих отраслей российской промышленности. Как свидетельствует М.И. Туган-Барановский, «со времени кризиса 1900 г. Запад пережил новый подъем в 1905–1907 гг., между тем как русская промышленность все это время пребывала в состоянии крайнего угнетения»³⁷. И.Ф. Гиндин характеризует это время «полным застоем в металлургической, каменноугольной, цементной и др. отраслях, производящих основной капитал страны»³⁸.

* * *

После долголетнего застоя с 1908 г. начался подъем российской металлургической промышленности. За период 1908–1913 гг. выплавка чугуна возросла на 62,6%. При этом под влиянием быстрорастущего спроса заводы Юга России не успевали удовлетворить все заказы, в результате возродилось производство металлов на Урале, где выплавка чугуна увеличилась на 56,2%³⁹. Выплавка стали и прокат готового металла росли в эти годы еще более высокими темпами (71,9% и 66,7% роста соответственно). И тем не менее спрос на продукцию черной металлургии не был удовлетворен, что привело к значительному росту цен (до 50%)⁴⁰ и росту доходов предприятий отрасли. По оценке Л.Б. Кафенгауза, стоимость производства металлообрабатывающей промышленности выросла за предвоенное пятилетие столь же существенно — на 73,3% (при этом основной рост достигнут в 1911–1913 гг.). В эти годы происходили изменения структуры металлообрабатывающей промышленности: возрос удельный вес трудоемких отраслей, выпускающих машины для производственных целей, сельскохозяйственные машины, электротехническое оборудование⁴¹. Л.Б. Кафенгауз отмечал, что предвоенный подъем отличался значительной интенсивностью и по ряду показателей даже превышал интенсивность подъема 90-х годов; машинное оборудование было обновлено в течение последних

лет перед началом войны, а производственный потенциал предприятий был «выше фактического размера производства»⁴².

Что касается нефтяной промышленности, то компании, добывавшие нефть в Баку, и в период предвоенного подъема не могли (используя слова Л.Б. Кафенгауза) «оправиться от кризиса», так что добыча нефти оставалась на низком уровне, несмотря на очень выгодную рыночную конъюнктуру⁴³. Оставшиеся высокими цены на нефтетопливо привели в 1909–1910 гг. к массовому переходу потребителей на дрова и уголь и снижению цен на нефть. Однако с 1911 г. спрос на все виды топлива стал возрастать, что вызвало и резкий рост цен на нефть (почти вдвое к 1913 г.), но не привело к росту добычи нефти. Уровень добычи бакинской нефти, достигнутый в 1909 г. (8,389 млн т) оказался уже недостижимым в последующие годы, что объясняется не только падением производительности скважин⁴⁴ и разгромами. Немалую роль здесь сыграли и отсталое законодательство о порядке сдачи с торгов нефтеносных земель, и эффекты монополизации нефтепромышленности: нефтяные компании нередко сдерживали рост добычи, извлекая «громадную ренту при медленном росте добычи и быстром росте цен на нефтепродукты»⁴⁵.

Однако в целом предвоенный индустриальный рывок России был весьма впечатляющим; об этом можно судить по целому ряду аналитических материалов того времени. Так, представляют интерес оценки, содержащиеся в ежегодных докладах правления Азовско-Донского коммерческого банка общему собранию акционеров. В докладе, представленном правлением этого банка 26 марта 1913 г.⁴⁶, отмечалось, что в связи с промышленным подъемом продолжала развиваться эмиссионная деятельность столичных банков, увеличивались собственные капиталы существовавших акционерных предприятий, в том числе и самих банков. «Единоличные предприятия превращались в акционерные. Создавались новые». При этом отрасли промышленности, «степенью развития которых определяют обыкновенно промышленный подъем или упадок, а именно металлургическая, железодельательная и механическая, достигли в 1912 году небывалого у нас уровня»; значительно увеличилось число заказов на все виды изделий и материалов, потребных для городского строительства, «начавшегося уже три года тому назад, под влиянием быстрого роста городов», а также и для промышленного строительства, военно-морского судостроения и других отраслей⁴⁷. В аналогичном докладе от 28 марта 1914 г. подчеркивается, что, в отличие от ряда стран Европы, в Рос-

сии заказы на продукцию металлургической промышленности в 1913 г. продолжали расти, и цены на них не только не понижались, но даже повышались. «Предложение все время отстает от спроса. Каменного угля и нефти не хватает по повышенным ценам — для угля и крайне высоким — для нефти. Кирпич, цемент, известь, лес и другие строительные материалы — в огромном спросе»⁴⁸. Оценивая экономическую ситуацию в России 1914 г., правление Азовско-Донского банка на общем собрании акционеров 31 марта 1915 г. отмечало, что 1914 г. начался в стране при «совершенно благоприятных условиях»: промышленность продолжала работать полным ходом при высоких ценах на ее продукцию и прекрасном спросе, денежный рынок, обнаруживший «некоторую напряженность осенью 1913 г., весной 1914 г. опять стал очень свободным», а международный политический горизонт оставался «совершенно безоблачным»⁴⁹.

Разумеется, аналитики одного из ведущих российских банков давали более подробный и сложный анализ экономической ситуации каждого года, но характер их оценок предвоенного развития российской промышленности был неизменно позитивным.

Существенно, что динамика курсов акций рассматриваемых нами предприятий металлургической и нефтяной промышленности соответствовала в целом тенденциям предвоенного индустриального роста.

Перейдем к сопоставлению курсовой динамики и доходности предприятий.

* * *

Анализ биржевой динамики не может обойтись без исследования влияния фундаментальных факторов на курсовую динамику. Изучая роль этих факторов для объяснения характера движения цен акций промышленных компаний, обратимся к показателям их деятельности.

Сведения о дивидендах акционерных компаний и прибылях были взяты из балансов предприятий, публиковавшихся в «Вестнике финансов, торговли и промышленности». Балансы являются основным источником сведений о капиталах акционерных предприятий. «Главным в оценке балансовых данных как источника, — отмечал И.Ф. Гиндин, — является то, что они, как и все стоимостные показатели экономической статистики, изучаются ради широких выводов в обобщенном виде и в движении во времени. Это позволяет с достаточной приближенностью улавливать те основные процессы, которые отражают балансовые показатели»⁵⁰.

Итак, насколько биржа соответствует представлению о финансовом институте, где все операции строятся преимущественно на основании твердого коммерческого расчета, в соответствии с гипотезой эффективного рынка? Если удастся получить убедительные результаты на уровне отдельных крупных компаний, то это будет подтверждением гипотезы о том, что биржевая динамика в значительной степени определялась показателями эффективности функционирования соответствующих предприятий⁵¹.

Начнем с акций Товарищества нефтяного производства братьев Нобель. Данные по котировкам акций и прибылям этого предприятия представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Стоимость акций и прибыль Товарищества
нефтяного производства братьев Нобель (1897–1913 гг.)**

Годы	Среднегодовая стоимость акций (руб.)	Прибыль (тыс. руб.)
1897	7971,87	2515,399
1898	8867,71	3327,695
1899	13186,04	6084,874
1900	12827,08	8467,225
1901	10037,92	5542,720
1902	9924,37	3938,934
1903	9896,87	4569,362
1904	10079,17	4088,527
1905	9693,89	4903,746
1906	9027,60	7383,899
1907	10079,69	8025,729
1908	10846,42	6622,034
1909	11089,58	5393,687
1910	11063,13	6057,933
1911	11544,86	5432,376
1912	13363,54	13372,615
1913	17805,42	18235,749

Источники: *среднегодовая стоимость акций* — Перельман Г.Е. Котировки акций на С.-Петербургской бирже в 1865–1914 гг. Экономическая история. Обзорение. Вып. 11. М., 2005; *прибыль* — табл. 1.

Оценить влияние показателей деятельности предприятия позволяет уравнение регрессии. Исходя из данных табл. 3 построим регрессию средней цены акции на прибыль (в тыс. руб.) для Товарищества нефтяного производства братьев Нобель:

$$\text{NOBEL_PRICE} = C(1) + C(2) \cdot \text{NOBEL_PROFIT}$$

NOBEL_PRICE — среднегодовая цена акции,

NOBEL_PROFIT — прибыль Товарищества.

	Coefficient	Std. Error	t-Statistics	Prob.
C(1)	7552,2	528,6	12,96	0,0000
C(2)	1,46	0,215	6,81	0,0000

Скорректированный $R^2 = 0,74$.

F-критерий = 46,47; P = 0,0000.

Результаты. Наша гипотеза о существовании зависимости между ценой акций и прибылью Товарищества нефтяного производства братьев Нобель подтверждается. Все характеристики уравнения регрессии позволяют говорить об этом. Во-первых, скорректированный коэффициент детерминации, равный 0,74, свидетельствует о том, что 74% дисперсии цены акции объяснено регрессором (прибылью предприятия). Во-вторых, коэффициент при инвестициях статистически значим ($t = 6,81$; $Prob < 0,0001$). И, в-третьих, значение F-статистики равно 46,47, что свидетельствует о хорошем качестве самой модели.

Теперь повторим аналогичные операции для выявления зависимости цены акций общества Путиловских заводов от прибыли компании. Данные по котировкам акций и прибылям этого предприятия представлены в табл. 4.

Таблица 4

**Стоимость акций и прибыль Общества
Путиловских заводов (1897–1913 гг.)**

Годы	Среднегодовая стоимость акций (руб.)	Прибыль (тыс. руб.)
1897	124,97	1136,840
1898	135,28	1134,062
1899	137,70	1249,574
1900	115,67	993,985
1901	78,89	1606,900
1902	69,77	1542,722
1903	88,80	1660,664

Таблица 4 (окончание)

Годы	Среднегодовая стоимость акций (руб.)	Прибыль (тыс. руб.)
1904	103,26	1971,925
1905	121,82	938,297
1906	92,27	2033,790
1907	97,19	732,256
1908	83,57	58,055
1909	94,36	516,793
1910	140,07	1089,867
1911	146,27	2029,278
1912	169,45	2340,721
1913	147,96	2874,877

Источники: *среднегодовая стоимость акций* — Перельман Г.Е. Котировки акций на С.-Петербургской бирже в 1865–1914 гг. Экономическая история. Обозрение. Вып. 11. М., 2005; *прибыль* — табл. 2.

Исходя из данных табл. 4 построим регрессию средней цены акции на прибыль (в тыс. руб.) для общества Путиловских заводов:

$$\text{PUTILOV_PRICE} = C(1) + C(2) \cdot \text{PUTILOV_PROFIT}$$

PUTILOV_PRICE — среднегодовая цена акции,

PUTILOV_PROFIT — прибыль общества.

	Coefficient	Std. Error	t-Statistics	Prob.
C(1)	92,09	15,08	6,11	0,0000
C(2)	0,016	0,0096	1,66	0,117

Скорректированный $R^2 = 0,098$.

F-критерий = 2,74; P = 0,118.

Результаты. Вполне очевиден факт наличия весьма слабой статистической зависимости между стоимостью акций и прибылью компании. Скорректированный коэффициент детерминации свидетельствует о том, что всего 9,8% дисперсии среднегодовой цены акции может быть объяснено динамикой прибыли компании. Коэффициент при регрессоре обладает невысоким уровнем статистической значимости ($t = 1,66$; $Prob = 0,117$), но уравнение регрессии в целом не отличается хорошим, в статистическом смысле этого слова, качеством ($Prob$ (F-statistic) = 0,118).

Итак, мы видим, что для дивидендных бумаг двух различных компаний (относящихся к нефтяной и металлургической отраслям) наблюдаются совершенно разные степени зависимости их стоимости от показателей прибыли компаний. Для Товарищества нефтяного производства братьев Нобель, являющегося по балансу активов самым крупным акционерным предприятием дореволюционной России, прибыль, несомненно, была ключевым фактором, определявшим стоимость ценных бумаг этой компании. Ситуация с обществом Путиловских заводов, представлявшим, в свою очередь, одно из крупнейших предприятий металлической группы, прямо противоположна. Возникает вопрос: почему же показатель прибыли уверенно определяет динамику нефтяной акции и при этом слабо влияет на динамику металлургической бумаги? Очевидно, речь идет о разной степени воздействия на курсовую динамику других факторов, как экзогенных (например, влияние европейских фондовых рынков, устойчивость механизмов финансирования предприятий), так и эндогенных, связанных с биржевыми спекуляциями. Анализ роли этих факторов — тема отдельного исследования.

Примечания

¹ Бородин Л.И., Коновалова А.В. Дивидендные бумаги на Петербургской бирже в 1900-х гг.: влияние русско-японской войны и первой русской революции // Экономическая история: Ежегодник. 2001. М., РОССПЭН, 2002.

² Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994. С. 70.

³ Там же. С. 123–124.

⁴ Там же. С. 167.

⁵ Зак С.С. Промышленный капитализм в России // Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1997. С. 613.

⁶ Сорокин А.К. Прибыли акционерно-паевых предприятий России в условиях монополизации промышленности (1900–1913 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 59–60.

⁷ Гливиц И. Потребление железа в России. СПб., 1913. С. 20, 23. Цит. по: Сорокин А.К. Указ соч. С. 60.

⁸ Сорокин А.К. Указ. соч. С. 60.

⁹ Там же. С. 61.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 79

¹² Там же. С. 62.

¹³ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 564. Оп. 1. 1904–06. Д. 103. Ежемесячные доклады редакторов министру финансов о положении железодельной промышленности. Л. 2об.

¹⁴ Там же. Л. 10.

¹⁵ Там же. Л. 29.

¹⁶ Там же. Ф. 564. Оп. 1. 1904–06. Д. 103. Л. 35.

¹⁷ Там же. Л. 38об.

¹⁸ Там же. Ф. 564. Оп. 1. 1904–06. Д. 103. Л. 39.

¹⁹ Там же. Л. 41.

²⁰ Там же. Л. 43.

²¹ Гартман Г. Записка о возникновении и развитии Русского общества машиностроительного завода Гартмана, Луганск, Екатеринославская губерния, Юг России // Экономическая история: Ежегодник. 2008. М., 2009. С. 466.

²² Для сравнения укажем, что в 1901–1903 гг. в среднем за месяц завод Гартмана производил 8–12 паровозов. Там же.

²³ Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). М., 1997. С. 175.

²⁴ Там же.

²⁵ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 71.

²⁶ Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999. С. 166.

²⁷ Вестник финансов. 1906. № 8.

²⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 41. Л. 121.

²⁹ Там же. Л. 62.

³⁰ Там же. Ф. 23. Оп. 7. Д. 41. Л. 59; Л. 61.

³¹ Там же. Л. 121–121об.

³² Там же. Л. 52.

³³ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 71.

³⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 41. Л. 122.

³⁵ Там же. Л. 121.

³⁶ Хижняков С.С., Осинев В.Г. К вопросу о причинах и характере трагических событий в августе 1905 г. на нефтяных промыслах Апшеронского полуострова // Предвестие эры нефти. М., 2003. С. 282.

³⁷ Туган-Барановский М.И. Народное хозяйство [России в 1913 г.] // Туган-Барановский М.И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. М., 1997. С. 526.

³⁸ Гиндин И.Ф. Указ. соч. С. 86.

³⁹ Кафенгауз Л.Б. Указ. соч. С. 133.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 139–140.

⁴² Там же. С. 141.

⁴³ Там же. С. 124.

⁴⁴ Там же. С. 124–125.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Публикация источников. Россия и мир: экономическая конъюнктура 1911–1914 гг. (Из докладов правления Азово-Донского банка собранию акционеров) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 11. 2005. С. 43.

⁴⁷ Там же. С. 44–45.

⁴⁸ Там же. С. 48.

⁴⁹ Там же. С. 49.

⁵⁰ Гиндин И.Ф. Балансы акционерных предприятий как исторический источник // Малоисследованные источники по истории СССР XIX–XX вв. М., 1964. С. 131.

⁵¹ Первая попытка регрессионного анализа курсовой динамики нефтяных акций начала XX в. дается в работе: Бородкин Л.И., Коновалова А.В., Фильцагин М.Ю. Курсовая динамика нефтяных акций на С.-Петербургской бирже в конце XIX — начале XX вв. Регрессионная модель // Problems of Economic History. Mundus Oeconomicus / Ed. M. Vibikov and E. Lobanova. Moscow. IVI RAN, 2006. P. 133–142.

*П.А. Кюнг**

Бизнес в условиях мобилизационной экономики. 1914–1915 гг.

Начиная с XX в. обеспечение потребностей вооруженных сил в предметах вооружения и довольствия характеризуется тем, что сложность их изготовления и масштабы потребления предполагают их массовое промышленное производство в огромных количествах. Со всей очевидностью это показала Первая мировая война, которая «похоронила веками существовавший способ “питания” войн, утвердив принципиально новый — постоянно существующую в военное и мирное время мощную военную экономику и заблаговременную подготовку к осуществлению экономической мобилизации в ходе войны»¹.

Объективная необходимость экономической мобилизации появилась в результате качественных преобразований всей системы военно-экономических отношений на основе индустриальной экономики, в корне изменившей материально-техническую базу военной мощи, а также новых способов ведения войн и их экономического обеспечения.

Первая мировая война стала своего рода переходным периодом, в процессе которого отрабатывались различные системы текущего обеспечения боевых действий. Перед войной экономическая мобилизация гражданской промышленности как в России, так и в других странах заблаговременно не готовилась. Ни одно государство не могло предвидеть потребности в вооружении, которые обнаружились в ходе боевых действий. Более того, такие предположения были бы однозначно признаны абсурдными². Это позволило послевоенным специалистам говорить о теоретическом банкротстве Генеральных штабов и военных специалистов противоборствующих сторон³.

* Кюнг Павел Алексеевич — кандидат исторических наук (Историко-архивный институт РГГУ).

В данном контексте период Первой мировой войны особенно интересен для отечественных исследователей, а работы, посвященные деятельности российских военно-промышленных комитетов, приобретают особую актуальность, так как позволяют рассмотреть первый опыт взаимодействия государства и общества в деле экономической мобилизации.

Военные ведомства в расчетах необходимого вооружения и снаряжения опирались на опыт войн конца XIX — начала XX в. и стремились создать такие запасы оружия и боеприпасов, которые позволяли бы вести военные действия в течение продолжительного времени, не расширяя производства, а в случае необходимости прибегать к заграничным поставкам. По этой причине, по мнению известного историка Л.Г. Бескровного, военное руководство в России не предпринимало мер по подготовке частной промышленности к участию в военном производстве. Более того, бытовало мнение о том, что снабжение армии не должно ставиться в зависимость от частной промышленности⁴.

Безусловно, частные заводы постоянно выполняли военные заказы. Вообще частная военная промышленность активно стала развиваться с конца XIX в., когда казенные заводы уже не могли удовлетворять в полной мере потребности армии в вооружении и снаряжении. Ее особенностью было то, что частные заводы, как правило, не специализировались на производстве исключительно предметов военного назначения, а производили и гражданскую продукцию.

Так, фирма «Сименс» была постоянным поставщиком электрооборудования для крепостей и военно-морского флота⁵. То же можно сказать и о Путиловских заводах. Однако эти фирмы исполняли, как правило, разовые заказы в рамках своей отрасли — электрооборудование, кабели, орудия и т. д., но они практически не участвовали в планомерном создании мобилизационных резервов⁶ — боеприпасов и снаряжения, и не существовало никаких планов по мобилизации этих заводов в случае большой войны.

К 1914 г. русская армия вполне обеспечивалась производительностью заводов предметами вооружения и боеприпасами для ведения непродолжительной войны. Опора на казенную промышленность не позволяла в короткие сроки расширить производство в том объеме, который потребовала Первая мировая война. Во многом это было связано с просчетами Генерального штаба и других военных ведомств, не предусмотревших масштабы войны и не сделавших выводы из русско-японской войны об увеличении расходов боеприпасов по сравнению с

планируемыми. Впрочем, такие же просчеты допустили и все державы — участники Первой мировой войны, Россия не была исключением. Решающим фактором успеха в войне для всех стран стало умение использовать имеющиеся ресурсы гражданского сектора экономики для расширения производства вооружения в целях обеспечения ведения боевых действий.

Безусловно, темпы мобилизации экономики для воюющих стран были разными и определялись различными факторами⁷. В то время как в Германии регулирование дошло уже до милитаризации (трудовая повинность), в России только обсуждался вопрос об установлении твердых цен на хлеб в зерне при частных сделках. Фактически основные мероприятия по мобилизации промышленности были произведены в Германии в 1914–1915 гг., в России же только в 1916–1917 гг.⁸

«Сейчас у власти стоят люди, которые не в состоянии руководить сложным делом обороны...»

Во всех воюющих странах одним из способов выхода из кризисной ситуации с производством вооружения для армии и флота являлось привлечение общественных сил. Прежде всего — предпринимательских кругов. В России, хотя частные промышленные предприятия и монополистические объединения в довоенный период довольно активно работали на оборону, в начале войны отсутствовала система мобилизации гражданской промышленности, которая позволила бы с наибольшей эффективностью использовать незадействованные производственные мощности. В 1915 г. была предпринята попытка создания такой системы в виде военно-промышленных комитетов и союзов земств и городов. Они появились в результате инициативы широких кругов общества, стремившихся поддержать правительство в деле мобилизации экономических и социальных сил на период войны. Эти организации не имели аналогов в российской истории по своему правовому статусу и широте деятельности. Тем не менее они базировались на основе общественных объединений, сложившихся в предыдущие периоды существования Российской империи.

Уже 5 августа в газете «Утро России» публикуется патриотическая статья Сергея Булгакова «Родина», который пишет о единении русского народа в дни великих испытаний. «Со времен Петровых воздвиглась стена между Царем и народом, которая то утончалась, то снова становилась непроницаема. И вот

на глазах наших она бесшумно разрушилась в несколько дней, даже часов. Ныне, в этот брачный час Царя с народом, почувствовалось, что Царь есть сердце народное, уста народные, совесть народная, возлюбленный и желанный Вождь...»⁹.

Статьями подобного рода заполнялись страницы газет, то и дело проводились манифестации, полные искреннего патриотизма. Уже 30 июля в Москве состоялся Всероссийский съезд представителей губернских земств. На нем было принято решение об учреждении Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. 8–9 августа на съезде представителей городов в Москве был основан Всероссийский союз городов для помощи больным и раненым воинам. Оба этих союза занимались эвакуацией раненых вглубь страны, организацией госпиталей и т. п. Различие их состояло в том, что в первом союзе преобладали октябристы, во втором — кадеты¹⁰.

В деятельности этих организаций отчетливо проявилась характерная черта, свойственная России в течение всей войны, — на порыве патриотизма создаются общественные объединения с одинаковыми функциями, которые открывают свои уездные, губернские, фронтовые и областные комитеты. И только в июле 1915 г. они объединились в центре и на местах, образовав Главный комитет по снабжению армии (Земгор). В его состав вошли главноуполномоченные обоих союзов и по четыре человека из главного комитета.

Благожелательное отношение правительства к подобным начинаниям объяснить непросто. Конечно, необходимость в помощи раненым с началом войны возросла неизмеримо. Но ведь существовали казенные учреждения, госпитали и санитарные поезда, хотя эффективность их работы оценивалась весьма низко. Но подобная оценка исходила от лиц, традиционно оппозиционных правительству. Тем не менее правительство соглашается отдать столь важное, в том числе и в политическом отношении, дело в руки «либералов», поставив во главе создающихся учреждений лиц, считавшихся неблагонадежными, в частности Г.Е. Львова.

Таким образом, на примере Земского и Городского союзов вскрылось любопытное явление. Под предлогом помощи государству в условиях военного времени создаются учреждения, неформально обладающие и представительными функциями. Эти союзы сложно назвать предпринимательскими, хотя буржуазия играла там весомую роль, скорее они были объединены по партийным принципам. Но по сути своей они явились предтечами

уже чисто буржуазных организаций — военно-промышленных комитетов, о которых пойдет речь ниже.

В самом начале войны буржуазия стремилась извлечь из ситуации помимо политической максимальную экономическую выгоду. Речь тогда шла не о военных заказах, на тот момент проблема боеснабжения еще не стояла так остро. В это время силами предпринимательских кругов начинается движение за вытеснение из российской экономики иностранного, прежде всего немецкого капитала, так называемая борьба «с немецким засильем»¹¹. Эти настроения активно поощрялись государством¹².

Уже в первые месяцы войны представители буржуазии, главным образом провинциальной и московской, выступили с требованиями более решительных действий, направленных на полную ликвидацию германских промышленных и особенно торговых предприятий в стране. Серьезную активность в этом отношении проявляла московская буржуазия¹³. 14 сентября состоялось заседание членов металлообрабатывающей группы Общества заводчиков и фабрикантов московского района под председательством Ю.П. Гужона. На нем был поднят вопрос о принятии мер против германского засилья в машиностроении. В первую очередь предлагалось пересмотреть таможенные ставки на германские полуфабрикаты для усиления конкурентоспособности русской промышленности¹⁴. Буквально через несколько дней был брошен призыв о том, что «посредническая эксплуататорская организация германской торговли должна быть разрушена и Россия должна получить свои естественные выходы на мировые рынки»¹⁵.

Представители буржуазии активно выступали за национально ориентированную промышленную политику. На заседании комиссии по пересмотру торговых договоров под председательством В.И. Тимирязева говорилось, что, т. к. в настоящий момент в России практически отсутствует иностранная конкуренция, появляется благоприятная возможность для возникновения новых отраслей промышленности¹⁶.

Пропагандировалась идея, что «сокращение Германии — это не только патриотическая и народная задача, но и задача промышленности и торговли, которые должны мобилизоваться к бою с германской промышленностью за эмансипацию русской»¹⁷.

Первой действительно практической задачей, которую взялись решать предприниматели, стала помощь раненым. В спешном порядке организуются десятки госпиталей. К началу 1915 г.

с этой задачей в основном справились, удалось организовать планомерную помощь раненым солдатам. Но как раз в это время на страницах «Утра России» начинают раздаваться первые робкие на общепатриотичном фоне вопросы. Почему столь важное дело, как помощь раненым, государство выпустило из своих рук? Получается, что оно не способно справиться с этой задачей. Хотя, казалось, именно правительство должно было бы иметь разработанный план мероприятий и заранее подготовить госпитали, врачей, медикаменты.

Само появление таких вопросов на страницах газеты «Утро России» вызывает недоумение. П.П. Рябушинский, как владелец газеты, не мог не знать масштабов государственного финансирования «общественной» помощи раненым. Но именно в это время в тыл начинают просачиваться ужасающие слухи о снарядном и патронном голоде в действующей армии, о неспособности правительства наладить производство боеприпасов своими силами.

Поэтому чрезвычайно резко и громко прозвучала речь П.П. Рябушинского на съезде представителей биржевой торговли, возвратившегося с театра военных действий, где он пробыл 3,5 месяца. В своей речи он выделил ряд проблем, грозивших экономическим и военным кризисом России. Прежде всего он коснулся транспортного вопроса. По его мнению, не должно быть «счета между лицами и ведомствами военными и невоенными», все должно работать в этой области. Пришла пора наладить перевозки грузов внутри страны, так как перебои в снабжении предприятий и населения вызывают инфляцию. «С такими вопросами, как вопрос о вздорожании жизни, приходится серьезно считаться, потому что тут затронута толпа, затронута ее материальное благосостояние. Этот сапог жмет ногу каждого, поэтому на него нельзя не обратить внимание»¹⁸.

П.П. Рябушинский коснулся проблемы отсутствия единого плана в распределении ресурсов между регионами. По его мнению, каждая губерния заботится о своих личных интересах и не принимает во внимание интересы государства в целом. «Нельзя приказанием отменять и изменять экономический закон спроса и предложения. Никакая власть не в состоянии этого сделать». Данной фразой он фактически обвинил правительство и региональные власти в неудачных попытках управления ресурсами и производительными силами, призвав доверять их предпринимателям. Завершил он свою речь фразой: «Министерство промышленности и торговли должно не только считаться с общественными желаниями, но и привлекать общественные силы для

решения насущных вопросов»¹⁹. Его выступление подхлестнуло дискуссию о мобилизации промышленности. Во многих газетах появились статьи о необходимости создания органа, который координировал бы работу промышленности на войну, составлял списки предприятий, рабочей силы, осуществлял прием заказов и распределение их по заводам, надзор над работами и поставку материалов и рабочей силы, доставку на места готовых изделий²⁰.

Действительно, уже к середине 1915 г. тяжелая ситуация с производством военной продукции была очевидна, власть уже не могла собственными силами найти выход из положения, а главное, не была готова волевым решением сделать четкий выбор в пользу единого пути развития военной экономики. Практически одновременно создаются органы государственного регулирования промышленностью — Особые совещания (17 августа 1915 г.), куда широко привлекались и представители общественности, и крупные промышленники, и банкиры, и военно-промышленные комитеты — общественные организации предпринимателей для мобилизации и регулирования промышленности.

Насколько такая мера была оправданна, сейчас сказать сложно. После войны ее участники, занимавшиеся снабжением, по-разному оценивали необходимость создания таких организаций. Так, А.И. Гучков считал причиной неудач 1915 г. исключительно «неотзывчивость» военного министра на нужды армии, а вследствие этого плохое снабжение. И единственным выходом, по его мнению, было привлечение общественности к военному производству и снабжению. Галицийский разгром создал благоприятные условия для участия Земгора в деле боевого снабжения и создания военно-промышленных комитетов. «Среди представителей самой власти находились люди, искренне расположенные к общественным организациям, искавшие в них помощи, которую они изверились получить среди правительственных ведомств... На первых же порах все эти организации встретили горячее сочувствие со стороны самой армии... начиная от главнокомандующего и начальника штаба верховного главнокомандующего, генерала Алексева, и кончая офицерами и солдатами»²¹.

А.И. Гучков чрезвычайно высоко оценил деятельность ВПК. По его мнению, боеснабжение армии пережило коренной перелом с момента их создания, и будь они созданы в самом начале войны, то ее ход был бы совершенно иной²².

А.А. Маниковский, начальник Главного артиллерийского управления в Первую мировую войну, писал, что к 14 января 1915 г. была израсходована лишь треть 3-дюймовых снарядов предвоенного запаса. То есть снарядов на складах и в действующей армии было еще почти на год войны. Причинами же «снарядного голода», он полагает, стало несколько факторов.

Во-первых, неорганизованность доставки и распределения снарядов и патронов по фронтам. Таким образом, получалось, что одни части были обеспечены в избытке, другие не имели достаточного боекомплекта для ведения боевых действий.

Во-вторых, преувеличение расходов. По мнению А.А. Маниковского, командиры, видя проблемы со снабжением, сознательно завышали потребности своих подразделений. Мешало наладить снабжение и отсутствие в Ставке компетентного органа, ведающего вопросами боепитания. Это приводило к тому, что высшее руководство было не в состоянии адекватно оценивать требования к снабжению действующей армии, предъявляемые современной войной²³. За всю войну государственным и общественным органам, занимавшимся снабжением армии, так и не удалось выяснить ее реальные потребности в боепитании. Но, по мнению А.А. Маниковского, это давало возможность списывать все неудачи на отсутствие снарядов²⁴.

Руководитель ГАУ, не понаслышке знакомый с проблемами боеснабжения армии, достаточно резко критиковал общественные инициативы по мобилизации промышленности. Он считал, что промышленность, работавшая на оборону с начала войны (а это в основном крупные заводы, традиционно выполнявшие заказы военного ведомства), вполне справлялись со своей работой. Но их полноценному и эффективному использованию мешала вначале паника из-за неудач на фронте, а после — «вмешательство так называемых “общественных деятелей”, которые, настояв на удалении ряда лиц, повинных, по их мнению, в дефектах снабжения армии боевыми припасами... пришли к решению взять все дело снабжения в свои руки... при этом они использовали созданные Особые совещания как орудия политической борьбы»²⁵.

Сложно доказать, какая из этих точек зрения была более правильная. Хотя создание нескольких параллельных структур общеимперского масштаба с неразграниченными до конца функциями и полномочиями не могло способствовать коренному изменению в производстве вооружения и предметов интендантского снабжения. Так, к концу 1916 г. в стране производилось столько 3-дюймовых снарядов, что фронт их не мог уже

«переварить», поэтому началось сокращение их производства, при этом снаряды для тяжелых орудий производились все еще в недостаточном количестве²⁶.

Вопрос о результатах деятельности военно-промышленных комитетов остается дискуссионным и в настоящее время. Поэтому необходимо провести комплексное исследование деятельности военно-промышленных комитетов, сопоставляя их роль в военной экономике и политике в годы Первой мировой войны.

Еще до государственного утверждения военно-промышленные комитеты начали образовываться на местах. 11 июня 1915 г. при Московском биржевом комитете создается Московский военно-промышленный комитет. На организационном собрании было решено для признания комитета со стороны правительства избрать председателем МВПК П.П. Рябушинского²⁷. Таким образом, предполагалось использовать репутацию Московского биржевого комитета, который по действующему законодательству являлся «официальным совещательным по торговле и промышленности учреждением»²⁸.

Первоначальный рукописный проект создания МВПК сохранился в фонде Московского биржевого комитета²⁹. Согласно ему предполагалось, что в военно-промышленный комитет при Московском биржевом комитете войдут представители от торгово-промышленных организаций, Московской городской думы, Всероссийского союза городов, Всероссийского союза земств, Порайонного комитета, а также представители научно-технической интеллигенции.

Был разработан также и приблизительный перечень учреждений, представленных в комитете:

Московское биржевое общество — 2 лица;

Московское отделение торговли и мануфактур — 1;

Купеческое общество — 2;

Хлопчатобумажное общество — 2;

Общество суконных фабрикантов — 2;

Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района — 2;

Съезд производителей сельскохозяйственных машин — 1;

Костромской комитет — 1;

Общество для содействия развитию и улучшению мануфактурной промышленности — 2;

Егорьевская биржа;

Хлебная биржа;

Мясная биржа;

Московское городское управление;
Союзы земств и городов;
Техническое училище;
Коммерческое училище;
Объединенное бюро технического общества³⁰.

Также был разработан поименный список возможных членов МВПК: от Московского биржевого общества — П.П. Рябушинский, Н.А. Найденов, А.И. Коновалов, Г.А. Крестовников; от Московского городского управления — Московский городской голова и его товарищ, Н.И. Гучков как гласный Московской городской думы; от Земского и Городского союзов князь Львов; от Бюро объединенных технических организаций — Н.Н. Вознесенский, М.М. Чиликин; от Императорского Московского университета — Н.Е. Жуковский и И.А. Каблуков.

В тексте документа упомянуты организации, представители от которых еще не были определены: Московский порайонный комитет, Императорское Московское техническое училище, Московский коммерческий институт, Московское купеческое общество, Общество хлопчатобумажных фабрикантов, Всероссийское общество льнопромышленников, Общество суконных фабрикантов, Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района, Московская скотопромышленная биржа, Московская биржа пищевых продуктов и винная, Бюро съезда русских фабрикантов земледельческих машин и орудий, Общество фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского промышленного района, Ярославская биржа, Нижегородская биржа, представитель кожевенной промышленности, представители химической промышленности, Общество фабрикантов красильных и аппретурных предприятий³¹.

При рассмотрении проекта создания МВПК видно, что основой его деятельности предполагалось сотрудничество и координация деятельности уже существующих представительных организаций промышленности и торговли Московского промышленного района. Хотя в его составе и предусматривалось участие научно-технической интеллигенции и представителей муниципальной власти, в количественном отношении они оказываются в явном меньшинстве.

Собрание выборных МБО утвердило схему организации комитета и ассигновало на его деятельность 25 тыс. руб. В документах не удалось обнаружить точной даты этого заседания, однако оно могло произойти не ранее 8 июня, когда была разработана схема организации, и не позднее 11 июня, когда состоялось первое заседание МВПК.

Наказ комитета был выработан 8 июня 1915 г. на заседании Организационного бюро Московского биржевого комитета³².

На первом заседании МВПК выявилось два взгляда на сущность работы комитета. Часть собравшихся полагала, что комитет должен выступать не только в роли простого исполнителя получаемых от ведомств заказов и распределять их между предприятиями, но должен взять на себя хозяйственную инициативу, самостоятельно давая заказы на изготовление предметов для армии, организуя собственную приемку и сдачу изготовленных изделий и непосредственно доставляя их в армию. Причем некоторыми членами МВПК было высказано мнение, чтобы комитету был открыт правительством надлежащий кредит для расплаты комитета за исполненные по его поручению заказы.

Другие члены комитета присоединились к вышеизложенному как к общей линии поведения, но считали более целесообразным, чтобы основной задачей комитета как общественной организации стала помощь в расширении и углублении осуществляемой государством деятельности по мобилизации экономики. Согласно их мнению, только таким эволюционным путем комитет сможет немедленно приступить к своей работе без больших трений и нежелательных осложнений, действительно объединяя и усиливая, а не рассеивая энергию, направленную на помощь армии³³.

Таким образом, мы видим, что уже в самом начале создания МВПК появилось два, по существу, противоположных взгляда на его место в системе органов военной экономики. По нашему мнению, более правильной была вторая, осторожная позиция. При оценке перспективности первого подхода необходимо учитывать, что армии, а в более широком смысле всей промышленности, поставляющей армии вооружение и снаряжение, необходима была планомерная, организованная работа. В тех же условиях, в которых создавались военно-промышленные комитеты, не могло быть и речи о продуманности, выверенности их действий³⁴. Необходимо также учитывать, что для полноценного включения ВПК в число регулирующих органов необходимо было законодательно и нормативно закрепить их место в общей системе руководства военной экономики, но нишу, которую отводили ВПК сторонники более радикальных решений, занимают Особые совещания.

Тем не менее Наказ МВПК отражает, скорее, радикальный подход к проблеме мобилизации промышленности. В его тексте нет ни одного положения о взаимодействии с правительственными структурами, а сами формулировки положений напоми-

нают, скорее, акт об учреждении чего-то вроде Министерства вооружения с самыми широкими полномочиями. В пользу этого свидетельствуют положения пункта 4: «МВПК осуществляет свою задачу путем:

а) выяснения возможности приспособления промышленных предприятий и технических мастерских и оборудования различных учреждений к изготовлению различных предметов, необходимых по снаряжению, по передвижению и по обмундированию армии и флота;

б) путем согласования общей деятельности отдельных заводов, фабрик и учреждений;

в) путем выработки плана срочного исполнения и установления очереди текущих работ;

г) путем определения и удовлетворения потребности в сырье, топливе, средствах перевозки и необходимой рабочей силе;

д) путем выдачи надлежащих справок».

При этом с юридической точки зрения создаваемый комитет оставался органом при Московском биржевом обществе, а точнее, Московском биржевом комитете — представительной организации московской буржуазии. На наш взгляд, первый Наказ МВПК стал отражением неразберихи в организации мобилизации экономики начала войны.

Из секретного доклада Отделения по охране общественной безопасности и порядка г. Москвы мы можем узнать о позиции П.П. Рябушинского, занятой им на экстренном совещании представителей ВПК московского района, прошедшего 25 августа 1915 г. Там он выступил с речью, в которой заявил, что до сих пор общественные учреждения не несли ответственности за оборону, Земский и Городской союзы ограничивались лишь помощью раненым, но даже эта деятельность затмила работу государственных организаций. Поскольку же комитеты выступили за взятие на себя ответственности по снабжению армии, страна должна знать, что они бессильны сделать что-то при недостаточно внимательном отношении власти. «Поэтому в силу такой общей ответственности мы должны обратить внимание на самое устройство правительственной власти, ибо власть не стоит на высоте своего положения. Сейчас у власти стоят люди, которые не в состоянии руководить сложным делом обороны, и наша задача теперь — давлением на центральную власть добиться от власти исполнительной соответствующего направления... Всякое противодействие нам должно быть заклеено как антинародное»³⁵. Остроты этому выступлению добавляло то, что на заседание была приглашена пресса.

Правительству было непросто бороться с непримиримым главой московского комитета, поскольку МВПК за счет его связи с Биржевым комитетом сосредоточил в своих руках все поставки материалов и изделий текстильной и хлопчатобумажной промышленности, и он с самого начала войны выступил в роли прямого исполнительного органа Интендантского ведомства. Поэтому независимо от передаваемых ЦВПК заказов МВПК стал самостоятельным распределителем военных заказов в своем районе³⁶.

Создание ВПК было закреплено законом от 27 августа 1915 г., который предоставлял комитетам функции содействия правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довольствия путем планового распределения сырья и заказов, своевременного их выполнения, установления цен.

Такое узкое назначение комитетов не удовлетворяло русскую буржуазию, мечтавшую превратить ЦВПК в Министерство снабжения, координирующее работу всей промышленности на оборону, «орган единения с рабочим классом, распределения правительственных заказов»³⁷.

Уже в сентябре 1915 г. в связи с высочайшим утверждением 27 августа Положения о военно-промышленных комитетах разрабатывается новый Наказ, который утверждается на Бюро ЦВПК 9 октября³⁸.

Во вторую редакцию Наказа были внесены существенные изменения по сравнению с предыдущим. Прежде всего, из ст. 1³⁹ исчезло указание на принадлежность МВПК Московскому биржевому обществу. В эту же статью было внесено положение о том, что комитет создается с целью содействия правительственным учреждениям. Было заявлено, что МВПК является общественной организацией, не преследующей коммерческих целей.

Статья 18⁴⁰ прямо указывает на то, что военно-промышленные комитеты стали непосредственно финансироваться государством⁴¹. Важно также определение порядка взаимодействия с правительственными учреждениями (ст. 17) и контроля расходования средств, полученных от государства (ст. 19). Статья 20 устанавливает порядок передачи их имущества в случае ликвидации. Данный нормативный акт был правомочен практически в течение всей деятельности комитета. Его изменение связано с Февральской революцией.

ВПК объединили видных деятелей российской промышленной буржуазии, которые одновременно являлись руководи-

лями местных представительных организаций. Руководителем Центрального ВПК вначале стал председатель Совета съездов представителей промышленности и торговли Н.С. Авдаков, а после его смерти А.И. Гучков. Товарищем председателя был текстильный фабрикант А.И. Коновалов, председателем крупнейшего Московского ВПК стал глава Московского Биржевого комитета П.П. Рябушинский, в состав бюро комитета вошел председатель Московского общества заводчиков и фабрикантов Ю.П. Гужон. Одновременно Гучков, Коновалов и Рябушинский являлись и членами Особого совещания по обороне государства. При этом комитеты поддерживали тесные связи с представителями политических партий, прежде всего кадетской. В Московский комитет входили кадеты П.П. Юренев, Л.Л. Катуар, И.А. Каблуков. В Центральный — Н.Н. Кутлер, Д.С. Зернов и др.

Анализ документов Московского биржевого комитета показывает влияние председателя Государственной думы М.В. Родзянко на организацию общественного представительства в государственных регулирующих органах. По его указанию в Особое совещание по обороне государства от МВПК были представлены А.И. Коновалов и С.Н. Третьяков⁴². П.П. Рябушинский пересылал Михаилу Владимировичу для ознакомления журнал организационного заседания МВПК и списки членов комитета⁴³.

Постоянной была связь и с лидером думской фракции прогрессистов А.И. Коноваловым, которому посылались сводки о деятельности МВПК для его работы в комиссиях Государственной думы⁴⁴.

Таким образом, с самого первого дня образования военно-промышленных комитетов их лидеры устанавливают теснейшее сотрудничество с основными либеральными политическими деятелями царской России и основными экономическими организациями. Более того, они становятся в оппозицию действующей власти.

При каждом удобном случае представители военно-промышленных комитетов старались подчеркнуть свою оппозиционность. Трибуной для выражения недовольства правительству стал второй Всероссийский съезд представителей ВПК, проведенный 26–29 февраля 1916 г. На нем известный экономист и работник МВПК С.Н. Прокопович в своем докладе говорил: «Практика 19 месяцев войны показала, что бюрократические органы управления и отданные в их распоряжение Особые совещания бессильны справиться с расстройством народно-хозяйственной жизни. Мероприятия власти запоздали и не-

целесообразны. Дело борьбы с продовольственным кризисом должно быть отдано общественным организациям, т. к. только они могут установить целесообразность тех или иных мер, внести порядок и организацию»⁴⁵.

Не менее остры были высказывания П.П. Рябушинского: «Ошибочность русской внутренней политики общеизвестна, выразилась она в настоящее время и в глухом противодействии все расширяющейся деятельности ВПК, представляющих теперь из себя стройную и дееспособную организацию, объединившую около себя ряд знающих и опытных общественных работников, поэтому, приветствуя открытие съезда ВПК, позвольте мне пожелать, чтобы съезду удалось выяснить и побороть то печальное противодействие, которое ВПК встречают в своей деятельности со стороны правительственной власти, не умеющей и не хотящей пользоваться общественными силами, дабы иметь возможность развернуть в будущем свою деятельность во всю ширь на пользу нашей дорогой армии и России»⁴⁶.

Естественно, что такая активная общественная деятельность военно-промышленных комитетов становилась объектом постоянного внимания департамента полиции. Документы дел читаются как шпионский роман. Одно из донесений озаглавлено «Добытая агентурой копия секретного доклада члена ЦВПК В.В. Жуковского»⁴⁷. Следует отметить, что содержание доклада не отличалось от публичных выступлений руководителей ВПК. Основные тезисы сводятся к следующему: неспособность правительственных органов руководить военной промышленностью, гонения на ВПК и необходимость активизации их деятельности⁴⁸.

Не менее острый интерес у надзирающих органов вызывала деятельность рабочих групп при ВПК⁴⁹. Основной целью включения рабочих групп (РГ) в военно-промышленные комитеты был поиск компромисса с рабочими, начинавшими активно выражать свое недовольство тяжелым положением в связи с войной. Тем самым промышленники и предприниматели, входившие в комитеты, надеялись на достижение социального мира, по крайней мере, на время войны⁵⁰.

Выборы делегатов в рабочие группы проходили осенью 1915 г. и продемонстрировали нежелание большинства рабочих организаций работать в военно-промышленных комитетах. Большевики же вообще использовали выборы для политической агитации против правительства вообще и комитетов в частности, поэтому организация рабочих групп вылилась в громкую политическую кампанию⁵¹. Тем не менее представители рабочих вошли в ряд

комитетов, в том числе в состав МВПК⁵². К сожалению, сейчас достаточно сложно восстановить мотивацию включения рабочих в состав ВПК, особенно учитывая проведение выборов. Например, московская группа после дебатов так и не получила наказ от выборщиков⁵³, однако, вступая в комитет, она заявила о необходимости созыва всероссийского рабочего съезда. Уже в 1915 г. нетрудно было предположить превращение заседаний этого съезда в революционную трибуну. Военно-промышленные комитеты так и не смогли добиться контроля даже над рабочими, решившими войти в рабочие группы. Как правило, представители рабочих позиционировали себя независимо от руководства комитетов и подчеркивали «классовые противоречия» между ними⁵⁴.

Основной расчет, на наш взгляд, делался на временное совпадение интересов в области установления ответственного правительства и усиления роли Государственной думы в управлении страной. И действительно, в этом вопросе социал-демократы (меньшевики), которые преобладали в рабочих группах, солидаризировались с руководством ВПК. 16 мая 1916 г. в своем обращении в Государственную думу рабочая группа ЦВПК указывала: «Государственная дума должна, по мнению рабочих представителей, решительно встать на путь борьбы за власть и за создание ответственного правительства, опирающегося на организующиеся силы народа. Только это может привести страну к миру на приемлемых для народа условиях»⁵⁵. Но одновременно с этими выступлениями рабочие представители пользовались каждым удобным случаем для подчеркивания, что буржуазия должна заработать доверие пролетариата, что союзничество только временное⁵⁶.

Деятельность военно-промышленных комитетов не могла не раздражать власть, поэтому заготовительные ведомства начинают работать с ВПК как с частными фирмами, предлагая им конкурировать при распределении заказов. 11 мая 1916 г. Совет министров постановил передавать ВПК заказы исключительно для мелких предприятий и кустарей, а с крупными предприятиями ведомства должны были работать напрямую. Особое совещание распространило циркуляр о прекращении выдачи общественным организациям авансов. По сведениям МВД, Земгор и ВПК пытались воздействовать на заготовительные ведомства путем отказа от заказов, в которых те нуждались, мотивируя это нехваткой металлов и оборотных средств, о чем С.А. Смирнов конфиденциально докладывал на совещании МВПК. В августе 1916 г. МВД предупреждало Особое совещание о том,

что для борьбы с позицией военных ведомств А.И. Гучков и кн. Г.Е. Львов предпримут энергичные шаги в печати, среди членов законодательных палат и в Особом совещании к устранению такого настроения в Главных управлениях⁵⁷.

МВД летом 1916 г. внесло в Совет министров предложение по изменению Положения о ВПК. Предполагалось установить над ними жесткий правительственный контроль, наделяющий военную и гражданскую власть средствами для пресечения деятельности комитетов. Однако на заседании Совета министров 18 июня 1916 г. предложение было отклонено⁵⁸.

Реагируя на действия правительства, к началу 1917 г.⁵⁹ ВПК окончательно и бесповоротно уходят в оппозицию.

От Февраля к Октябрю. Взлет и падение ВПК

Период существования военно-промышленных комитетов после Февральской революции заслуживает отдельного рассмотрения. Это вызвано двумя причинами. С одной стороны, в 1917 г. ВПК занимают совершенно иное положение в структуре военной экономики, т. к. их лидеры получили руководящие посты во Временном правительстве. С другой стороны, именно на эти месяцы приходится обвальная спад производства и массовые волнения среди рабочих, поэтому говорить об экономической эффективности работы комитетов после Февральской революции не совсем корректно. В этот период ВПК пытались найти свое место в структуре управления экономикой после окончания войны.

Такая задача была обоснована в программе Московского областного военно-промышленного комитета на 3-м съезде ВПК, состоявшемся 16–19 мая 1917 г.⁶⁰ В ней утверждалось, что военно-промышленные комитеты должны не только подвести итоги практической работы, но и закрепить перед страной ту роль, которую «сыграли» ВПК в политической борьбе накануне революции⁶¹. Указывалось, что комитеты были выдвинуты на первый план «патриотической тяжбы, какую вел народ с царским правительством, предававшим Россию в годину тяжелых военных испытаний».

Фактически МВПК утверждал претензии комитетов на роль ведущей политической силы в стране, заявляя об объединении в них разных социальных групп — промышленников, рабочих и интеллигенции. Базируясь на этом положении и на «успехах»⁶² своей работы, МВПК обосновывал новую роль ВПК в экономике России — участие в демобилизации промышленности.

Такая позиция МВПК была разработана на Московском областном съезде ВПК 17–18 марта 1917 г. На съезде было высказано пожелание придать большую самостоятельность комитетам в организации закупок продовольствия. Прямо говорилось о том, что в продовольственные комитеты должны быть включены представители ВПК и биржевых обществ⁶³. В отношении же дальнейшей деятельности ВПК областной съезд выдвинул гораздо более смелые предложения. Основными задачами ВПК на текущий момент и в будущем объявлялись: содействие в деле обороны страны, разработка плана демобилизации. Самое интересное было несколько завуалировано: «Внесение начал планомерности в развитие производительных сил страны, внесение творческих организующих начал в использование промышленности для нужд государства»⁶⁴.

Этот же тезис был озвучен С.А. Смирновым в еще более жесткой формулировке: «Теперь, при новой власти, комитеты не будут ничем ограничены в своем стремлении довести до предельных размеров работу по заготовке для армии...»⁶⁵

В итоге, на майском съезде эта программа МВПК получила уже всеобщее признание. В докладе «О роли ВПК по окончании войны» предлагались следующие основные функции комитетов на послевоенный период:

1. Отвечать за создание плана мобилизации промышленности.

2. Заниматься учетом производительных сил страны, учетом рабочего персонала, наблюдением за оборудованием заводов в целях сохранения станков и т. д., закупленных в военный период, участвовать в выработке плана снабжения армии на военное время, разрабатывать наиболее дешевые и удобные методы снабжения армии.

3. После войны персонал ВПК будет сокращен, но должна быть создана возможность их быстрого развертывания в случае войны.

4. Заводы ВПК и в мирное время будут производить предметы снабжения армии⁶⁶.

Одновременно прозвучала идея создания Министерства снабжения, куда входили бы представители общественных организаций с правом решающего голоса⁶⁷.

Заведующий Материальным отделом МВПК В.Н. Переверзев предложил создать специальную полномочную парламентскую комиссию с представителями общественных организаций, рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для расследования деятельности государственных органов распределения (в до-

кладе речь шла о металлургической отрасли). Комиссия должна была заниматься расследованиями «хищений» в металлургической промышленности, причем не только в учреждениях, но и в синдикатах⁶⁸.

На 3-м съезде ВПК 16–19 мая 1917 г. также обсуждался вопрос об изменении Положения и Наказа ВПК. На съезде прозвучали предложения, связанные с кардинальным изменением самого характера деятельности ВПК в будущем. Прежде всего, предлагалось включить в круг задач ВПК демобилизацию промышленности, поэтому было предложено исключить из Положения и Наказа пункт о том, что ВПК «учреждаются на время текущей войны». В соответствии с новыми условиями предлагалось привлечь представителей демократических общественных и профессиональных организаций к работе в военно-промышленных комитетах. Ставился также вопрос о полном объединении деятельности Областных и местных комитетов под руководством ЦВПК⁶⁹.

Таким образом, на съезде было положено начало созданию совершенно новой для России организации. Предполагалось создать общественный орган, обладающий полномочиями по регулированию экономики, имеющий свои отделения во всех регионах страны⁷⁰. Эта позиция нашла отражение в проекте Положения о ВПК от 16 октября 1917 г.

Еще более радикальные предложения по изменению Положения о ВПК были высказаны на 1-й Всероссийской конференции служащих и рабочих военно-промышленных комитетов 12 мая 1917 г. В принятой на конференции резолюции указывалось, что военно-промышленные комитеты должны стать государственными учреждениями, построенными на началах представительства торгово-промышленных, рабочих и общественных организаций и правительственных органов. Среди основных задач комитетов, помимо снабжения армии во время войны, ставились: разработка и проведение в жизнь наиболее целесообразного хозяйственного плана демобилизации промышленности, труда, армии и флота; разработка руководящих планов развития производительных сил страны и внесение творчески-организующих начал в использование промышленности для нужд государства. По окончании войны по измененному Положению военно-промышленные комитеты продолжали бы свою деятельность под наименованием «Общественно-промышленные комитеты»⁷¹. К сожалению, документы этой конференции в фонде ЦВПК практически не сохранились, поэтому сложно определить, какое влияние оказала данная резолюция на даль-

нейшую деятельность военно-промышленных комитетов. Тем более, что уже в конце октября 1917 г. перед комитетами встали совершенно другие проблемы.

Схожие вопросы были поставлены и на Соповещании представителей ВПК по демобилизации, состоявшемся 6–7 октября 1917 г. в Москве. Основным тезисом было то, что, т. к. в связи с приближением конца войны ВПК перестанут получать заказы, их богатый опыт необходимо использовать для решения проблемы демобилизации промышленности. Для изучения этого вопроса при МВПК была создана специальная комиссия⁷².

Член юридического отдела МВПК З.М. Зильберберг поставил вопрос о ликвидации самих комитетов и юридическом положении принадлежащих им предприятий, которые по нормативным документам должны быть переданы в казну. Докладчик выразил сомнения в эффективности государственного управления этими предприятиями. По его мнению, ВПК могут передать свои предприятия одной из общественных организаций или создать для этой цели новую, поскольку в Положении не прописан порядок ликвидации. Докладчик предложил создать акционерное общество, пайщиками которого стали бы общественные организации. Однако такой вариант он оставлял на случай непринятия нового положения, по которому комитеты продолжали существовать и после окончания войны. Зильберберг доказывал, что военно-промышленные комитеты должны быть сохранены после окончания войны и функционировать наряду с государственными учреждениями⁷³.

На совещании нашлись и противники такого подхода. Основным их аргументом стало то, что военно-промышленные комитеты были созданы в чрезвычайных обстоятельствах и основы их деятельности противоречат частному торговому обороту и производству. Они могут выступать только пайщиками своих предприятий⁷⁴.

По итогам дискуссии была принята резолюция, по которой комитеты должны были после войны принять деятельное участие в демобилизации промышленности, помогать государству продукцией своих предприятий. В случае же решения правительства о ликвидации комитетов было признано возможным передать принадлежащие им предприятия другим общественным организациям за соответствующий денежный эквивалент⁷⁵.

Таким образом, принятую резолюцию можно квалифицировать как попытку хищения государственного имущества, поскольку предприятия ВПК строились в основном на государственные деньги. И только участие представителей ВПК во

Временном правительстве могло позволить им столь вольно трактовать вопрос о будущем собственности комитетов.

Послание о необходимости пересмотра Положения и Наказа о ВПК от 27 августа 1915 г. было направлено Временному правительству весной 1917 г.⁷⁶ Предлагаемые изменения касались, прежде всего, демократизации военно-промышленных комитетов. В состав постоянных членов предполагалось ввести в равной степени представителей ведущих общественных групп: промышленности, труда (рабочих), земств и городов, науки и техники.

Существенно расширялась деятельность комитетов: помимо содействия правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота, предлагалось предоставить комитетам право снабжения населения необходимыми предметами потребления, сельскохозяйственным инвентарем, снабжения заводов и фабрик оборудованием. Предлагалось привлечь ВПК к демобилизации промышленности в послевоенный период. Изменялись и финансовые основы деятельности комитета — процент допустимого отчисления по заказам увеличивался до двух⁷⁷. При этом в документе сказано, что эти изменения уже введены постановлением Центрального военно-промышленного комитета, но требуют утверждения Временным правительством.

Документ был окончательно одобрен на заседаниях ЦВПК 16–18 октября 1917 г.⁷⁸ Согласно ему к прежним функциям ВПК добавлялись такие, как:

а) содействие в деле разработки и проведения в жизнь плана демобилизации промышленности;

б) содействие в деле восстановления и технического оборудования всех видов транспорта, сельскохозяйственного машиностроения и других отраслей промышленности;

в) содействие в деле осуществления контрольных функций над промышленностью⁷⁹.

Этот документ — последний итоговый нормативный акт, разработанный Центральным военно-промышленным комитетом. В нем отразились политические и экономические достижения предпринимателей, объединенных военно-промышленными комитетами в Первую мировую войну. В нем содержится серьезная заявка на будущую деятельность комитетов после войны. На наш взгляд, ключевым положением документа является то, что комитеты оказывают содействие правительству «в деле осуществления контрольных функций над промышленностью». Таким образом, военно-промышленные комитеты претендовали

на функции, которые в Российской империи имело Министерство торговли и промышленности.

Можно сделать вывод о том, что после Февральской революции военно-промышленными комитетами была сделана попытка «экономико-политического переворота». Руководители комитетов хотели превратить их в постоянно действующие учреждения, осуществляющие контрольные функции над промышленностью. При этом представители крупных монополий оттеснялись от властных структур, их обвиняли, пусть и не во всем несправедливо, в коррупционном сговоре с чиновниками царской России. Таким образом, на них косвенно перекладывали вину за бедственное положение государства.

Одновременно в противовес Совету съездов представителей промышленности и торговли, представлявшему интересы петербургских банкиров и крупнейших промышленных монополий⁸⁰, создается Всероссийский союз торговли и промышленности. Инициаторами его создания стали наиболее яркие лидеры военно-промышленных комитетов — П.П. Рябушинский, С.Н. Третьяков, А.И. Коновалов. Рассмотрение деятельности этого союза выходит за рамки нашего исследования, тем более, что она хотя и тенденциозна, но довольно подробно рассмотрена в статье В.Я. Лаверычева.

Поскольку руководство Союза практически полностью совпадало с руководителями ЦВПК и МВПК, то можно сделать вывод о тесном взаимодействии этих организаций. И если Союз стал политическим органом «национальной» буржуазии, то ВПК, созданные к 1917 г. практически во всех регионах России, могли стать экономическим инструментом их политики.

Так, весной—летом 1917 г. ВПК постепенно занимают лидирующее положение в управлении военной экономикой. Например, 16 марта 1917 г. Металлургический отдел ЦВПК обратился к военному министру А.И. Гучкову с докладной запиской с просьбой передать все проекты построек казенных заводов на предварительное рассмотрение ЦВПК для проверки сметных цифр. В результате по распоряжению А.И. Гучкова в конце марта была образована Особая комиссия по пересмотру казенного строительства под председательством помощника военного министра генерала А.А. Маниковского. В нее вошли представители от ЦВПК и Совета Съездов представителей промышленности и торговли.

Заводы разбили на три группы. В первую вошли уже построенные, во вторую — не начатые и в третью — находящиеся в разных стадиях постройки. Заводы, отнесенные к тре-

твей группе, передали на изучение в Особую комиссию при ЦВПК под председательством товарища председателя комитета Н.Н. Покровского.

Для рассмотрения вопросов распределения материалов и рабочих с заводов, постройка которых была признана нецелесообразной, в июле 1917 г. образована Ликвидационная комиссия, из которой в будущем должен был вырасти демобилизующий орган ЦВПК⁸¹.

Дальнейшая судьба военно-промышленных комитетов отчетливо видна на примере комиссии Н.Н. Покровского. В РГВИА сохранилась докладная записка членов этих комиссий, ее текст хорошо иллюстрирует правовые условия, в которых оказались военно-промышленные комитеты после социалистической революции: «Происшедший в октябре переворот с приходом большевиков сильно отразился на этих двух комиссиях. Многие представители ведомств — члены комиссии были либо арестованы, либо вынуждены уйти в отставку и лишились возможности работать в комиссии. Неоднократные аресты и, в конце концов, уход Маниковского лишили комиссию Покровского оснований для работы, т. к. исчез орган, санкционирующий работу комиссии. Выжидательная позиция ни к чему не привела, работа ведомств не налаживалась. Конец ожиданиям положил арест Покровского.

В виду этого делопроизводство комиссии предлагает ее ликвидировать, о чем просит Бюро ЦВПК»⁸².

В этих условиях в Московском военно-промышленном комитете 16 января 1918 г. был утвержден новый Наказ. Основные его статьи повторяют Положение о военно-промышленных комитетах от 16 октября 1917 г.⁸³ Таким образом, еще сохранялась надежда на то, что военно-промышленные комитеты смогут работать с новой властью.

С этого момента деятельность ВПК и Всероссийского союза торговли и промышленности расходятся, последний развернул активную деятельность по противодействию большевикам⁸⁴. Военно-промышленные комитеты, в связи с тем что их наиболее активные и яркие руководители сосредоточили свою деятельность в Союзе, отходят на второй план. К руководству в них приходят представители рабочих групп.

Экономическая деятельность комитетов сворачивается, например суммы месячных заказов МВПК снижаются с 1,5 млн руб. по 150 тыс. руб.⁸⁵ На заседании Бюро комитета в конце января 1918 г. обсуждался вопрос о противодействии реорганизации комитетов новой властью. Тогда же отмечалось, что

ЦВПК был преобразован в Народно-промышленный комитет насильственным путем⁸⁶. Однако МВПК не мог противостоять большевикам, поэтому он переформируется в Московский народно-промышленный комитет. До начала 1919 г. комитет функционировал в этом виде. Прежний режим работы сохранился благодаря тому, что многие сотрудники управленческого аппарата остались в комитете. К ним относились управляющий делами А.И. Синелобов, главный бухгалтер И.А. Горбачев, заведующий Материальным отделом В.Н. Переверзев.

Постепенно, в течение 1918–1919 гг., Военно-промышленные комитеты⁸⁷, функционировавшие в районах, где утвердилась советская власть, вливаются вместе с персоналом и имуществом в органы ВСНХ⁸⁸. Как правило, туда переводились целые отделы вместе с сотрудниками, а имущество комитета переходило в ведение Центрального ликвидационного комитета при ВСНХ⁸⁹.

Политика или экономика?

Экономическая деятельность ВПК напрямую зависела от количества и объема заказов, передаваемых государственными заготовительными органами, поэтому основным критерием определения эффективности работы комитетов в области мобилизации экономики является соотношение процента переданных комитетам на исполнение заказов от общего количества военных заказов по империи и количества сданных по первым предметов.

Российская и советская историография неоднозначно отвечала на данный вопрос. Так, А.П. Погребинский и П.И. Лященко вычисляли долю ВПК в 2–3% от общей стоимости военных заказов, из которых 50% было исполнено⁹⁰, Н.П. Ерошкин — 17%, из которых было сдано 11%⁹¹.

Таким образом, данный вопрос до сих пор остается нерешенным. Ответ на него позволит нам сделать вывод об эффективности работы ВПК и в конечном итоге об их месте в системе органов мобилизации промышленности Российской империи.

Точные подсчеты исполнения заказов комитетами представляются достаточно затруднительными. Это объясняется целым рядом обстоятельств: основной причиной является неполнота дошедших до нашего времени архивных фондов комитетов, дополнительные сложности создает плохая организация финансовой отчетности комитетов. Мы постараемся рассмотреть вопрос об эффективности работы ВПК, основываясь на изучении деятельности одного из крупнейших комитетов — Московском.

В фонде Особого совещания сохранился документ, отражающий процент заказов, переданных комитетам, по отношению к общему количеству военных заказов (таблица)

Таблица

**Заказы военного ведомства с начала войны
по 1 мая 1916 г.⁹² (в руб.)**

	До начала деятельности ВПК	От начала деятельности ВПК по 1 мая 1916 г.	Заказы, переданные комитетам
Главное артиллерийское управление	1 284 336 286,87	2 316 965 590,08	128 310 317,42
Главное интендантское управление	2 101 827 511,00	1 556 914 970,00	100 772 292,00
Главное военно-санитарное управление	28 628 842,00	20 805 843,00	1 975 143,00
Главное военно-техническое	280 986 360,00	349 880 591,00	30 295 127,00
Всего	3 695 778 999,87	4 244 566 994,08	261 352 879,42
Всего %	96,8%		3,19%

Подобных данных за более поздний период выявлено не было, но сохранившиеся косвенные сведения по заказам комитетов позволяют сделать вполне определенные выводы о «весе» военно-промышленных комитетов в военной экономике Российской империи в исследуемый период.

Дело в том, что с середины 1916 г. мы можем наблюдать уменьшение количества заказов, передаваемых ВПК от военных заготовительных ведомств. При этом многие изделия, которые МВПК предлагал ведомствам (вне их заказов), не принимались даже при условии, если они уже находились на складах, готовые к отправке. Так, 13 мая 1916 г. Крепостному отделу ГВТУ было предложено приобрести три партии мартеновской проволоки от фирмы «Густав Инглинк»⁹³. 19 мая 1916 г. ГВТУ, отвечая на запрос, заявило, что предпочитает заказывать без посредников и комиссионеров непосредственно на заводах, поэтому посредничество МВПК вряд ли может принести пользу, поскольку ГВТУ заказывает на том же весьма ограниченном рынке, что и комитет⁹⁴. В тексте ответного письма содержится и обоснование

отказа: «Из заявления Инглинка и т. п. комиссионеров, заявляющих неслыханные цены, явилось подозрение в правильности действий южных заводов, каковой вопрос ныне выясняется через заводское совещание в связи с подобным предложениями для принятия репрессивных мер против подобных заторжек с частными лицами.

Если предлагаемая г. Иглинком проволока действительно имеется налицо на названных им заводах, то по выяснении сего таковая будет или приобретена непосредственно ГВТУ, или реквизирована»⁹⁵.

В июле 1916 г. ГВТУ сообщило управляющему делами Особого совещания сведения о планируемых заказах для МВПК и продолжении старых, учитывая успешность их исполнения. Анализируя этот документ, следует отметить три основных момента. Первое, ГВТУ сообщало, что часть необходимых предметов, включая обозное имущество и шанцевый инструмент, заказано полностью и в ближайшее время новых заказов не предвидится. Второе, часть заказов на шанцевый инструмент была распределена непосредственно ГВТУ, оставшиеся же заказы МВПК передаваться не будут, т. к. он не распределил все заказы, переданные ему ранее. При этом сдача предметов, как отмечалось, по распределенным заказам производилась крайне медленно. Так, комитетом был произведен заказ на 200 000 ружейных ножниц, сокращенный потом до 170 000. Комитет 15 сентября 1915 г. сообщил, что сроки сдачи и объемы следующие: для сентября — 30 000, с октября по декабрь по 50 000 и в январе — 20 000. Фактически же в течение сентября и октября поступлений ножниц не было совсем, а к маю 1916 г. было сдано всего 96 200. В конце документа было помещено весьма любопытное пояснение, что МВПК может привлекаться к соревнованию за получение заказов наряду с другими фирмами, поставляющими прожекторное обозное имущество, перископы, ляпочную сбрую. Иными словами, ГВТУ воспринимало комитет как обычную посредническую контору. В документе также упоминается, что пунктом 1 высочайше утвержденного 11 мая 1916 г. особого журнала Совета министров от 15 апреля 1916 г. признано желательным поручать общественным организациям главным образом те заказы, которые могут быть распределены между кустарями и мелкими промышленными заведениями. При заготовлениях же на фабриках и заводах, способных непосредственно исполнять заказы Главного военно-технического управления, посредничество этих организаций признано недопустимым⁹⁶.

Главное военно-санитарное управление в июле 1916 г. уведомило Особое совещание, что оно в ближайшее время не предполагает передавать МВПК заказы. При этом было предложено передать МВПК довольно оскорбительный заказ на 390 грабель и 390 вил⁹⁷.

В августе 1916 г. об отсутствии заказов для МВПК и ЦВПК заявили ГАУ и Управление военно-воздушного флота⁹⁸.

Схожие проблемы были и у других региональных комитетов. Нижегородский областной комитет в начале 1917 г. не мог получить новых заказов от заготовительных военных ведомств. Связано это было как со слабостью местной промышленности, так и с тем, что ведомства предпочитали делать заказы напрямую предприятиям, минуя комитет⁹⁹.

Таким образом, процент от общей стоимости военных заказов до начала Февральской революции не мог превысить 3,5. Такой вывод обосновывается документами, демонстрирующими снижение количества заказов, передаваемых ВПК, начиная с конца 1916 г. Однако и они не были исполнены комитетами полностью. Подсчитать точный процент исполнения представляется невозможным в связи с тем, что начиная с начала 1917 г. в связи с общим расстройством экономики начинается аннулирование заказов. По последним ведомостям МВПК проходит их 100%-ое исполнение, однако при их сравнении с более ранними документами можно отметить, что из них были удалены позиции, которые к началу 1917 г. не были начаты или только начали выполняться¹⁰⁰. По официальным данным ЦВПК на 1 января 1917 г., все военно-промышленные комитеты сдали готовой продукции в размере 70% от общего плана, а по данным Особого совещания эта цифра составляет 50%¹⁰¹. На четвертом съезде ВПК было объявлено, что комитеты исполнили 55% заказов в денежном исчислении¹⁰². Процент исполнения по Московскому военно-промышленному комитету можно вычислить, сравнивая данные, опубликованные главным бухгалтером МВПК И.А. Горбачевым, с документами из фонда МВПК. В своей книге он приводит на 1 мая 1918 г. следующие цифры: МВПК принял заказов на 228 956 400 руб., из них он распределил на 147 154 753 руб. и на 70 000 000 передал на исполнение Земскому союзу. Исполнено же было на 119 141 413 руб.¹⁰³ Все цифры приводятся в предельных ценах. Если считать исполнение заказов, распределенных непосредственно МВПК, то получается, что они были выполнены на 80%. Однако точность этих данных вызывает сомнения. Согласно протоколам заседаний Бюро МВПК в октябре 1917 г. было распределено зака-

зов на сумму 148 748 155 руб.¹⁰⁴, а на 31 мая 1918 г. на сумму 151 990 350 руб.¹⁰⁵ Таким образом, процент выполнения в связи с увеличением суммы распределенных несколько снижается. При подсчете этих данных также следует учитывать то, что в связи с инфляцией в апреле 1917 г. начался пересмотр контрактов. Предприятия должны были возбудить ходатайства по заказам, заключенным после 1 апреля 1917 г., и предоставить сведения по их себестоимости¹⁰⁶. Анализируя черновые ведомости исполнения заказов МВПК, можно сделать вывод, что в среднем заказы были выполнены на 60–70%¹⁰⁷. Поэтому примерно 70%-ное исполнение выглядит вполне обоснованным. Изучение же выполнения заказов относительно даты их получения показывает, что далеко не все те, что были приняты в начале деятельности комитета, были готовы в середине 1917 г. Например, механический отдел сдал к 1 апреля 1917 г. заказы, полученные в 1915 г., на 78%, а полученные в 1916 г. — на 67%¹⁰⁸.

Дополнительную характеристику роли ВПК в военной экономике России дает изучение заказов на хлопчатобумажные изделия, проходивших через Московский военно-промышленный комитет. Они, как правило, не учитываются при рассмотрении работы МВПК по одной простой причине. Все заказы передавались для распределения через хлопчатобумажный отдел в Московский биржевой комитет, который фактически продолжал свою довоенную деятельность. Еще до создания МВПК через Биржевой комитет прошло заказов на сумму 108 393 214 руб.¹⁰⁹ За все время войны через отдел, а соответственно через МБК, прошло заказов на 1 400 000 000 руб., в то время как через все военно-промышленные комитеты России было распределено заказов на сумму 600 000 000 руб.¹¹⁰ Для сравнения также можно привести пример фирмы «Сименс», которая получила на 22 февраля 1917 г. заказов на электрооборудование и предметы вооружения (ударные трубки для снарядов и т. д.) на сумму 97 077 338 руб. непосредственно от военных ведомств (ГАУ, ГВТУ и казенных заводов)¹¹¹.

При этом история мобилизации промышленности в России показывает целый ряд удачных примеров налаживания производства военных материалов. Прежде всего это деятельность Комиссии по заготовке взрывчатых веществ В.Н. Ипатьева¹¹². В ходе ее деятельности в России практически с нуля была создана целая отрасль промышленности. Производство взрывчатых веществ возросло с 6,3 тысячи пудов в феврале 1915 г. до 130,8 тысячи пудов в январе 1917 г.¹¹³ Не менее положительные результаты продемонстрировала деятельность так называемой Органи-

зации генерал-майора С.Н. Ванкова по производству снарядов, созданной в начале 1915 г. К концу 1916 г. она кооперировала деятельность более 300 предприятий по всей России¹¹⁴.

Основное отличие этих организаций состояло в том, что они не имели коллегиального руководства. Не зря обе они названы по именам их основателей и руководителей. Обладая чрезвычайными полномочиями, они действовали более эффективно и рационально, чем организации коллегиальные типа ВПК и Особого совещания. Безусловно, это подразумевало и более высокую меру ответственности. Но как показал опыт мировых войн, обстоятельства военного времени создают чрезвычайно жесткие и непредсказуемые условия для работы органов тыла. Поэтому планомерность работы должна сочетаться с готовностью к постоянной импровизации.

В принципе, в идее создания военно-промышленных комитетов был как раз заложен принцип инициативности. Однако его осуществлению мешали три фактора. Прежде всего это излишняя политизированность членов комитетов, которые видели в их создании возможность расширить значение буржуазии в управлении страной. С другой стороны, само правительство не было готово довериться предпринимателям, так это было сделано в Германии или в Англии. Но помимо этого, комитеты объединяли в основном среднюю и мелкую промышленность, которая просто не была в состоянии сыграть весомую роль в индустриальной войне. Поэтому, на наш взгляд, более перспективным было бы привлечение к управлению военной промышленностью представителей крупнейших монополий, как это было сделано в Германии в период Второй мировой войны, что позволило добиться 300%-ного роста производства вопреки постоянным бомбардировкам союзников¹¹⁵.

Вышеприведенные данные позволяют сделать вывод о том, что военно-промышленные комитеты играли незначительную роль в распределении заказов военно-заготовительных ведомств. Безусловно, их деятельность во многом помогала закрывать узкие места в производстве предметов материального довольствия и вооружения для действующей армии. Следует отметить, что их заслуги в деле мобилизации промышленности в годы Первой мировой войны явно не соразмерны с их общественной активностью. Главный бухгалтер МВПК И.А. Горбачев писал: «Деятельность комитетов выходила далеко за пределы, намеченные в Положении, вызывая тем самым общественное одо-

брение... вследствие чего работа комитетов приобретала... общественное значение»¹¹⁶.

Фактически союзы предпринимателей и либералов в течение войны пытаются создать систему управления экономикой, параллельную государственной, одновременно через органы печати дискредитируя правительство как неспособное решать проблемы воюющей страны. Во многом руководство военно-промышленных комитетов сознательно шло на провоцирование правительства своими заигрываниями с рабочими. Одновременно шло налаживание контактов с представителями военной администрации.

Эволюция ВПК могла бы происходить в следующем направлении. Если бы не Октябрьская революция, то в России могла бы сложиться уникальная система управления экономикой, основывающаяся на разделении полномочий между государственным аппаратом и общественными объединениями, которые одновременно были бы и экономическими органами, и политическими объединениями различных партий.

В период между двумя революциями создается первая политическая организация предпринимателей общероссийского масштаба — Всероссийский торгово-промышленный союз, ряд крупнейших предпринимателей входят в правительство. Но в результате этой деятельности миру бизнеса не удалось преодолеть негативное отношение со стороны населения, не была создана база для массовой политической партии, способной достойно выступить на выборах. Применительно к 1917 г. уже можно говорить о всероссийской консолидации бизнеса, однако она сильно запоздала и не смогла сыграть сколько-нибудь серьезную роль в дальнейшей судьбе страны.

Примечания

¹ Пожаров А.И., Гребенник В.В. Теория военной экономики: необходимость новой парадигмы // Военная мысль. № 12. 2004. С. 54.

² Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937. С. 37.

³ Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны. Л., 1928. С. 146.

⁴ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 70.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 349. Оп. 2. Д. 516; Ф. 504. Оп. 10. Д. 448; Ф. 1. Оп. 1. Т. 19. Д. 43879. Л. 1–3; Л. 4–13; Л. 28–30; Л. 31; Л. 34.

⁶ Частные заводы широко привлекались к производству и ремонту орудий и снарядов, но они работали в основном по единичным заказам, и поэтому существовали постоянные проблемы с переходом на серийное производство.

⁷ Дэвид Ллойд Джордж в своей речи, произнесенной 11 июня 1915 г., т. е. через год после начала войны, призывал частные предприятия объединяться для производства боеприпасов, приводя в пример Францию, где «...частные заводы и мастерские, до сих пор делавшие автомобили, верфи, всякого рода промышленные предприятия целые недели и месяцы были заняты исключительно производством снарядов». Дэвид Ллойд Джордж. Речи, произнесенные во время войны. Харвест, 2003. С. 134.

⁸ Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время Мировой войны 1914–1918 гг. М.; Л., 1929. С. 18.

⁹ Утро России. 1914. 5 августа.

¹⁰ Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 83.

¹¹ Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. М., 1968.

¹² Поткина И.В. Чрезвычайное законодательство и немецкие фирмы в Москве (1914–1917) // Немецкие предприниматели в Москве. М., 1999. С. 225–261.

¹³ Доклад комиссии по выяснению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности. М., 1915.

¹⁴ Утро России. 1914. 15 октября.

¹⁵ Там же. 1914. 23 сентября.

¹⁶ Там же. 1914. 21 августа.

¹⁷ Там же. 1914. 4 ноября.

¹⁸ Хочется отметить, что выступление было опубликовано в газетах, и приходится только удивляться, как Павел Рябушинский мог себе позволить в публичной речи так отозваться о народе.

¹⁹ Утро России. 1915. 6 апреля.

²⁰ Там же. 1915. 26 мая.

²¹ Падение царского режима: По материалам ЧСК Временного правительства. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 258–259.

²² Там же. С. 260.

²³ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну 1914–1918 гг. Ч. 2. М., 1922. С. 230.

²⁴ Там же. С. 232.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 142.

²⁷ На тот момент Председателя Московского биржевого комитета.

²⁸ Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 143. Оп. 1. Д. 671. Л. 53–56.

²⁹ Там же. Д. 571. Документ датируется первыми числами июня, т. к. уже 8 июня на его основе Организационным бюро Московского биржевого комитета утверждается Схема организации МВПК.

³⁰ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 571. Л. 34–35. К сожалению, поскольку текст рукописный и написан неразборчиво, не представляется возможным восстановить его полностью. В частности, не удалось идентифицировать ряд организаций, также в тексте не указано количество представителей от нескольких учреждений.

³¹ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 571. Л. 43–44 об.

³² Первоначально он назывался «Схема организации комитета» (ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 571. Л. 48–49 об).

³³ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 571. Л. 56.

³⁴ Сергеева С.Л. пишет: «Комитеты в связи со спешностью дела начали свою деятельность по мобилизации промышленности, не имея ни конкретной программы, ни четкого организационного плана деятельности». Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996. С. 32.

³⁵ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 112. Д. 20. Л. 12–13.

³⁶ РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 115. Л. 26–27.

³⁷ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 265.

³⁸ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 571. Л. 351.

³⁹ Там же. Л. 351–352

⁴⁰ «По заказам, передаваемым через посредство комитета честным предприятиям и фирмам, могут быть отчисляемы на покрытие общих расходов Комитета особые суммы в размере, определяемом самим Комитетом по соглашению с подлежащими предприятиями или фирмами, но, во всяком случае, не свыше одного процента стоимости заказа».

⁴¹ Частные пожертвования были весьма незначительны и не могли бы окупить даже административную структуру комитетов.

⁴² ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 571. Л. 110.

⁴³ Там же. Л. 117.

⁴⁴ Там же. Л. 162–162 об.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 1. Д. 23. Л. 20–21.

⁴⁶ Там же. Л. 8.

⁴⁷ Доклад «Деятельность ЦВПК в Особом совещании по государственной обороне», зачитанный на 2-м всероссийском съезде ВПК в Петрограде на закрытом заседании. 26 февраля 1916 г.

⁴⁸ ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 18. Д. 11. Л. 7–33.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 807. Л. 35; Л. 16–20. Копия «незаконной» переписки рабочей группы ЦВПК.

⁵⁰ Лоскутов С.А. Борьба политических партий в рабочих группах военно-промышленных комитетов в годы Первой мировой войны // Вестник ЧелГУ. 1993. № 1. С. 30.

⁵¹ Подробно о выборах в рабочие группы: Костяев Э.В. Историко-графический сборник: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 18. Саратов, 1999. С. 164–184; Лоскутов С.А. Борьба политических партий в рабочих группах военно-промышленных комитетов в годы Первой мировой войны // Вестник ЧелГУ. 1993. № 1.

⁵² ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–3.

- ⁵³ Там же. Д. 162. Л. 46.
- ⁵⁴ Там же. Л. 47.
- ⁵⁵ Там же. Л. 104–109.
- ⁵⁶ Там же. Л. 76–82.
- ⁵⁷ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 807. Л. 14.
- ⁵⁸ Там же. Л. 97.
- ⁵⁹ Там же. Л. 10–12.
- ⁶⁰ Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета и его отделов по 1 апреля 1917 г. М., 1917. С. III–VII.
- ⁶¹ В докладе роль ВПК в предреволюционной борьбе «несколько» преувеличена.
- ⁶² «Успехах», обосновываемых в отчете о деятельности комитета.
- ⁶³ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 424. Л. 14.
- ⁶⁴ Там же. Л. 28.
- ⁶⁵ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 424. Л. 33.
- ⁶⁶ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 1. Д. 29. Л. 85–85 об.
- ⁶⁷ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 335. Л. 4.
- ⁶⁸ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 1. Д. 29. Л. 70–71.
- ⁶⁹ Там же. Л. 1.
- ⁷⁰ К 1916 г. существовало, помимо ЦВПК, 33 областных комитета и 193 местных (губернских и уездных). Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996. С. 116–128.
- ⁷¹ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 1. Д. 29. Л. 9–18.
- ⁷² Там же. Оп. 11. Д. 14. Л. 81–82.
- ⁷³ Там же. Л. 89.
- ⁷⁴ Там же. Л. 103.
- ⁷⁵ Там же. Л. 109–113.
- ⁷⁶ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
- ⁷⁷ Там же. Л. 32.
- ⁷⁸ Там же. Л. 87–87об.
- ⁷⁹ Там же. Л. 87.
- ⁸⁰ Лаверычев В.Я. Всероссийский союз торговли и промышленности // Исторические записки. Т. 70. М., 1960. С. 35.
- ⁸¹ РГВИА. Ф. 13251. Оп. 40. Д. 71. Л. 95 об.–96.
- ⁸² Там же. Л. 96.
- ⁸³ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 2. Л. 17–20; Ф. 143. Оп. 1. Д. 575. Л. 2–4.
- ⁸⁴ Лаверычев В.Я. Всероссийский союз торговли и промышленности // Исторические записки. Т. 70. М., 1960. С. 57–59.
- ⁸⁵ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 16. Л. 87–95.
- ⁸⁶ Там же. Л. 197.
- ⁸⁷ К этому времени они уже назывались народно-промышленными комитетами, что было закреплено на 4-м съезде военно-промышленных комитетов в марте 1918 г.
- ⁸⁸ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 335. Л. 177–183.
- ⁸⁹ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 102. Л. 24, 43; ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 334. Л. 61.

⁹⁰ Погребинский А.П. Военно-промышленные комитеты // Исторические записки. 1941. № 11–12; Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1948. С. 607.

⁹¹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 266.

⁹² РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 242. Л. 86.

⁹³ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 345. Л. 64.

⁹⁴ Там же. Л. 65.

⁹⁵ Там же. Л. 67.

⁹⁶ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 345. Л. 80–81.

⁹⁷ Там же. Л. 77.

⁹⁸ Там же. Л. 97.

⁹⁹ Голубин Р.В. Военно-промышленные комитеты Нижегородской губернии: организация и хозяйственно-экономическая деятельность в годы Первой мировой войны. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Нижний Новгород, 2003. С. 125.

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 47. Л. 110–119.

¹⁰¹ Сергеева С.Л. Военно-промышленные комитеты в годы Первой мировой войны. М., 1996. С. 61.

¹⁰² Горбачев И.А. Хозяйство и финансы военно-промышленных комитетов. М., 1919. С. 23.

¹⁰³ Там же. С. 24.

¹⁰⁴ ЦИАМ. Ф. 1082. Оп. 1. Д. 16. Л. 183.

¹⁰⁵ Там же. Д. 440. Л. 7.

¹⁰⁶ Там же. Д. 14. Л. 159.

¹⁰⁷ РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 47. Л. 110–119.

¹⁰⁸ Деятельность МОВПК и его отделов по 1 апреля 1917 г. М., 1917. С. 100–108.

¹⁰⁹ ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 571. Л. 51об.

¹¹⁰ Горбачев И.А. Хозяйство и финансы военно-промышленных комитетов. М., 1919. С. 23–24.

¹¹¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 537.

¹¹² Трофимова Е.В. В.Н. Ипатьев и деятельность Химического комитета при ГАУ по повышению обороноспособности России в годы Первой мировой войны // Из истории России. XX век. М., 1998; Ипатьев В.Н. Работа химической промышленности на оборону во время войны. Пг., 1920; Трофимова Е.В. Производство взрывчатых веществ в годы Первой мировой войны // Отечественная история. 2002. № 2.

¹¹³ Трофимова Е.В. Производство взрывчатых веществ в годы Первой мировой войны // Отечественная история. 2002. № 2. С. 151.

¹¹⁴ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. М., 1986. С. 104; История организации уполномоченного Главного артиллерийского Управления генерала С.Н. Ванкова по производству снарядов по французскому образцу. 1915–1918 гг. М., 1918.

¹¹⁵ Как ковался германский меч. Промышленный потенциал Третьего рейха. М., 2006. С. 365.

¹¹⁶ Горбачев И.А. Указ. соч. С. 15.

Аграрная история

*И.А. Кузнецов**

Основоположники «сельскохозяйственной экономики» в России (середина — вторая половина XIX в.)

История аграрно-экономической мысли в равной степени принадлежит у нас как истории экономических учений, так и историографии. Во втором случае аграрно-экономическая теория традиционно играет роль методологического базиса аграрно-исторических исследований. По этой причине наша литература ближе всего знакома с марксистским (ленинским) направлением аграрной мысли. С конца 1980-х гг. идет освоение идей организационно-производственной школы («школы Чаянова»). Сегодня содержание работ этой школы хорошо известно, основные из них переизданы, биографии ее главных представителей написаны, однако история возникновения идей этой школы, вопросы о ее истоках и предшественниках до сих пор остаются малоизученными. Тот, кто обратится к нашей литературе с целью получить связное представление об истории аграрно-экономической науки в России до Чаянова, будет разочарован. Помимо краткого очерка самого А.В. Чаянова (1927 г.), помещавшего родословную своего направления в широкий контекст всей русской сельскохозяйственной науки¹, можно указать лишь раннюю работу Н.П. Макарова (1920) и соответствующие разделы книги А.А. Никонова (1995), которые с точки зрения данной темы все же имеют характер предварительных историографических набросков². К сожалению, кажется, сегодня потерял интерес к этой теме как со стороны аграрной историографии, так и со стороны экономической науки. Позволю себе в обобщенном виде изложить некоторые результаты собственных разысканий и наблюдений по истории возникновения российской школы

* Кузнецов Игорь Анатольевич — кандидат исторических наук (Научно-исследовательский институт социальных систем (ЗАО «НИИСС»), Москва).

«сельскохозяйственной экономии», как до революции было принято именовать экономику сельского хозяйства.

Термин «сельскохозяйственная экономия» восходит к основоположнику европейского сельскохозяйственного образования А. Тэру (1752–1828), точнее русскому переводчику его знаменитого труда «Основания рационального сельского хозяйства» С.А. Маслову, который таким образом перевел оборот «*Oekonomik der Landwirthschaft*» («экономия сельского хозяйства»). «Экономия» трактовалась Тэером как «наука о соотношениях хозяйства, заведении оно и управлении»³. До Тэера (с 1727 г.) в германских университетах эта дисциплина преподавалась под названием домоводства, входя составной частью в блок так называемых камеральных наук⁴. Камеральными назывались предметы, необходимые для чиновников, управляющих государственным имуществом и полицией. Тээр впервые вывел сельскохозяйственную экономию из круга камеральных наук и дал ей системное изложение. Ей он придавал исключительное значение, как альфе и омеге своей науки, с нее начиналось его учение о рациональном сельском хозяйстве и ею же заканчивалось.

Становление сельскохозяйственной экономии в России происходило в стенах трех аграрных вузов: Горького земледельческого института, Петровской земледельческой и лесной академии и Новоалександровского института сельского хозяйства и лесоводства. В данной статье я ограничусь вопросами преемственности преподавания сельскохозяйственной экономии и формирования ее теоретических основ в период с 1842 по 1894 г. — с момента начала преподавания экономических дисциплин в аграрных вузах до момента закрытия Петровской академии. Поскольку в XX в. имена первых профессоров сельскохозяйственной экономии оказались забыты, большое внимание я уделяю биографическому аспекту.

При скудости биографической литературы важным ориентиром в работе явились «Записки по истории сельскохозяйственной экономии» А.Ф. Фортунатова, которые в виде неоконченной рукописи хранятся в ЦИАМ⁵. В 1923 г. Чайнов обратился к своему учителю с просьбой «поделиться некоторыми сведениями о русских деятелях по сельскохозяйственной экономии», причем «держась поближе к запасу личных воспоминаний»⁶. Однако «Записки» вышли мало похожими на мемуары, они представляют собой краткие библиографические заметки об аграрниках 1860–1870-х гг. Биографические справки сгруппированы в 11 разделов в следующей последовательности: профес-

сора Петровской академии, Московского университета, петербургских вузов, Казанского и Харьковского, затем Киевского и Одесского университетов, выдающиеся представители средних сельскохозяйственных школ, редакторы периодических изданий, «администраторы», земские статистики, «деятели практического сельского хозяйства», наконец «революционные экономисты». В замысле А.Ф. Фортунатова, судя по предисловию, была крупная работа, охватывающая «полустолетие от 1865 г. до 1914 г., т. е. от основания Петровской академии до мировой войны». К рукописи приложена таблица с именами всех, о ком он собирался писать: 8 страниц, разделенных на 32 клетки, в каждой — фамилия и цифра (от I до V), обозначающая, по-видимому, одно из пяти десятилетий, к которому относится начало деятельности этого человека, — всего 256 имен⁷. «Сельскохозяйственную экономию» А.Ф. Фортунатов понимал широко, включая сюда и «географию и статистику сельского хозяйства», и «сельскохозяйственное правоведение», и «историю сельского хозяйства», поэтому в его персоналий попали и некоторые агрономы, и юристы, и даже знаменитые историки Соловьев и Ключевский. Завершить этот труд помешали болезнь и смерть ученого. В фондах ЦИАМ содержится также ряд других материалов, важных для данной темы⁸.

* * *

Прототип курса сельскохозяйственной экономики начал преподаваться с 1842 г. для учащихся высшего разряда Горьгорецкой земледельческой школы, открытой в местечке Горки Могилевской губернии. В программе он значился как «Домоустройство (наука об управлении и беседы)»⁹. Однако ни пособий, ни программы этого курса до нас не дошло. В его названии заметна некоторая неправильность, логичнее было бы: наука и беседы об управлении. Под домоустройством или домоводством в ту эпоху понималось ведение помещичьего, земледельческого хозяйства, включая и экономику, и быт усадьбы. Согласно «Терминологическому словарю сельского хозяйства» 1843 г., предметом домоводства считалось: «1) вотчинное управление; 2) счетоводство; 3) отчетность; 4) сбыт; 5) бережливость; 6) домоустройство; 7) общественная и частная запасность и заведение сельского кредита или доверия»¹⁰. После преобразования в 1848 г. высшего разряда школы в Горьгорецкий земледельческий институт (ГЗИ) этот предмет назывался уже «Организацией хозяйства». Примечательно, что И.А. Стебут, окончивший институт в 1854 г., в своих воспоминаниях называет его

еще на старьй лад «домоводством», добавляя в скобках позднейшее название «сельскохозяйственная экономия» как равнозначное¹¹. Кроме того, в учебном плане ГЗИ, по крайней мере, в середине 1850-х гг., были еще 3 дисциплины, имеющие отношение к экономике: «Кадастр и люстрация», «Сельскохозяйственная статистика в России» и «Сельскохозяйственная бухгалтерия»¹². Наконец, в учебном плане 1859 г. исчезли отдельные курсы «Организации» и «Бухгалтерии», вместо которых появился курс «Устройство хозяйства, счетоводство и управление имением»¹³. Профессорской кафедры, т. е. штатной преподавательской должности, для этих наук не предусматривалось. Сменявшие друг друга курсы «Домоуправления», «Организации» и «Устройства хозяйства...» с 1842 г. преподавал профессор земледелия Богдан Андреевич (Иоганн-Готлиб) Целлинский. С него и начинал свою историю сельскохозяйственной экономии А.Ф. Фортунатов¹⁴.

О самом Б.А. Целлинском (11.11.1812 — 1883) известно не слишком много. Латышский крестьянин по происхождению, он окончил Дерптский университет (1834), затем обучался в Альткунстгофском «практическом учебном заведении сельского хозяйства» профессора Шмальца¹⁵. За 5 лет существования этого заведения его успели окончить 42 человека; Б.А. Целлинский был в первом наборе. А.Ф. Фортунатов в «Записках» не без гордости отмечает: «Через Шмальца он [Целлинский] приходится учеником-внуком Тэеру. Стебут был правнуком, а мы — праправнуки Тэеру»¹⁶. В 1837–1838 гг. Б.А. Целлинский продолжил образование в Тарандской агрономической академии (Саксония). По возвращении из-за границы состоял чиновником при ученом комитете Министерства государственных имуществ. В 1841 г. в Дерпте он защитил магистерскую диссертацию «Анализ нового основного налогового кадастра в Саксонии» (на немецком языке) и стал вторым в России магистром по сельскохозяйственным наукам (магистром философии)¹⁷. В том же году он был назначен старшим профессором Горыгорецкой земледельческой школы, а с 1848 г. — профессором кафедры земледелия ГЗИ. По совместительству Б.А. Целлинский долгое время занимал также должность инспектора классов (декана) института¹⁸. По воспоминаниям А.Ф. Фортунатова, «Стебут тепло о нем отзывался, отмечая особенно его дар слова и руководство сельского хозяйства для духовных семинарий»¹⁹. Очевидно, Фортунатов имеет в виду устные отзывы, слышанные им от И.А. Стебута лично. Сам И.А. Стебут в своих мемуарных записках писал так: «Откровенно говоря, преподавание здесь

(в ГЗИ. — *И.К.*) не удовлетворяло меня, впрочем, я пользовался доброжелательным вниманием моих наставников. Из них, несомненно, самым талантливым был Б.А. Целлинский, преподававший земледелие и домоводство (сельскохозяйственную экономию), но, — добавляет он далее, — это был человек, не имевший достаточно твердых убеждений и несколько небрежно относившийся к преподаванию»²⁰. В связи с этим неоднозначным отзывом надо отметить, что отношения учителя и ученика были осложнены конфликтом по поводу распределения курсов. В 1860 г. преподавание сельскохозяйственной экономики было отделено от курса земледелия, и преподавателем предполагалось назначить И.А. Стебута. Однако тот, готовившийся за границей к кафедре земледелия, решительно воспротивился, писал в Министерство государственных имуществ и добился в итоге, что Целлинский передал ему курс земледелия, оставив курс «Устройства хозяйства...» за собой²¹.

Основной задачей ГЗИ была подготовка высококвалифицированных управляющих для помещичьих имений. Курс «Организации» или «Устройства хозяйства» выступал в этой подготовке ключевым, завершающим. Аналогичные курсы преподавались во всех западноевропейских аграрных школах. Однако в странах Запада в это время уже не было крепостного права, господствовали рыночные отношения и крупные хозяйства велись наемным трудом. Задача науки организации заключалась в оптимальном приспособлении конкретного хозяйства к изменчивой рыночной конъюнктуре и постоянно появляющимся агротехническим новшествам. В крепостной России с рутинной технологией земледелия при отсутствии нормальных рыночных отношений, в частности отсутствии свободного найма, категории цены на рабочую силу, свободного оборота земель и др., вся «экономика» помещичьего хозяйства была иной, и переводные иностранные пособия не годились. Достаточно заглянуть в русский перевод тэеровских «Оснований рационального сельского хозяйства» с примечаниями образованнейшего помещика Н.Н. Муравьева, чтобы понять всю сложность приспособления экономической теории к внеэкономическим явлениям действительности²². Что именно и как преподавал Б.А. Целлинский, мы не знаем. Если по курсу земледелия он составил пособие для духовных семинарий, то по экономическим курсам не оставил ничего. Как он сам объяснял для проверяющих инстанций, «в настоящее время в России невозможно догматическое изложение предмета организации хозяйства», и далее: «организация хозяйства — это наука по преимуществу «образительная», развивающая спо-

способность и умение соображать различные хозяйственные отношения, что достигается не догматическим изложением этой дисциплины, а упражнением со студентами по составлению хозяйственных планов и учетов, севооборотов и т. п.»²³. Насколько можно понять, весь курс он преподавал в форме практических занятий, «бесед».

Единственный фрагмент, проливающий свет на экономические взгляды самого Б.А. Целлинского, относится уже к пореформенному времени. Мы находим его в отзыве на сочинение Н.Н. Пузанова «О земледелии и скотоводстве в России», которое было удостоено Малой золотой Демидовской медали 1863 г.²⁴ В этом отзыве Целлинский, помимо прочего, сформулировал 5 различий в экономических условиях между центральной черноземной полосой России и странами Западной Европы (Англии, Франции, Бельгии и Германии). Так, в российском черноземье: 1) «земли много, и она дешева»; 2) «капитала мало, и процент дорог»; 3) «рабочих рук мало, и они дороги, по крайней мере, должны быть дороги, при нормальных экономических отношениях и уже по одной краткости нашего лета»; 4) «рабочая сила животных дешева, в особенности волов, по дешевому содержанию их»; 5) «сбыт сельскохозяйственных произведений крайне затруднен, и местные цены на них дешевы»²⁵. В странах Запада соответственно наоборот. Из этого можно, по крайней мере, заключить, что Б.А. Целлинский вполне осознавал экономическую специфику российского сельского хозяйства. При этом он отстаивал единство принципов науки, которые не имеют национальности, но для успешного своего применения требуют учета конкретных условий хозяйства в каждой данной стране. Далее в своем разборе он останавливался на агрономических вопросах и к намеченному экономическому аспекту не возвращался.

Помимо сельскохозяйственной экономии в ГЗИ преподавалась и политическая экономия. Будучи составителем учебных планов ГЗИ, Б.А. Целлинский вообще стремился включить в них максимально широкий круг предметов, но политэкономии он придавал особенное значение. Выступая в 1844 г. перед первыми выпускниками тогда еще земледельческой школы, он говорил: «Смысл явлений физических дают возможность постигнуть естественные науки, а смысл общественных явлений — политическая экономия»²⁶. В объяснительной записке к первому учебному плану института 1848 г. он указывал, что «русскому агроному необходимо и знание законов гражданских, а также политической экономии, уясняющей значение капита-

лов и труда, условия изменения цен и др.»²⁷. До 1859 г. основы политэкономии входили в состав курса «Энциклопедия камеральных наук», а затем появилась отдельная кафедра «сельскохозяйственной статистики и политической экономии». Первым ее профессором, в должности адъюнкта (1861–1864 гг.), стал Ю.Э. Янсон, получивший впоследствии всероссийскую известность. Таким образом, изначально преподавание политической экономии и сельскохозяйственной экономии было разделено, причем вторая рассматривалась как специальная, по преимуществу агрономическая дисциплина, которую полагалось вести профессору с сельскохозяйственным образованием. Такое положение сохранялось и в дальнейшем во всех аграрных вузах.

В апреле 1863 г. Горки оказались в центре восстания, поддержанного частью студентов-поляков. Город и институт на сутки были захвачены повстанцами. Затем были следствие, суд, закрытие приема в институт и планы его ликвидации. В итоге ГЗИ был переведен в столицу, где на базе Лесного института сформирован Петербургский земледельческий и лесной институт. Б.А. Целлинский благополучно пережил эти потрясения, переехал вместе с институтом в Петербург, получил генеральский чин действительного статского советника, был отмечен званием «заслуженного профессора». В 1866 г., по истечении 25-летнего срока преподавательской службы, вышел в отставку и удалился в свое поместье в Псковской губернии²⁸.

Преемником Целлинского в Петербургском институте стал один из его учеников Алексей Петрович Людоговский (1840 — 11.02.1882), о котором в нашей литературе также мало что известно. А.П. Людоговский происходил из дворян Можайского уезда Московской губернии²⁹. Окончил ГЗИ в 1861 г. Здесь он был в числе первых учеников И.А. Стебута и, по-видимому, пользовался его покровительством. Первой его печатной работой стал студенческий доклад, прочитанный в семинаре Стебута, «О костяном удобрении и способах его применения»³⁰. Актуальной и модной для пореформенных лет теме применения искусственных удобрений затем были посвящены еще несколько его статей. В 1861–1864 гг. А.П. Людоговский преподавал земледелие в Московской земледельческой школе³¹. Есть сведения, что он был направлен туда по инициативе И.А. Стебута, и одним из его учеников там был впоследствии знаменитый почвовед П.А. Костычев³². Однако согласно формулярному списку о службе в эти годы А.П. Людоговский состоял «счетным чиновником московского отряда управления денежных сборов с государственных крестьян»³³. Вероятно, преподавателем он был

по совместительству. В марте 1864 г. А.П. Людоговского переводят в Ковенскую губернию на должность люстратора губернской люстрационной комиссии, но к работе он, вероятно, не приступил, т. к. уже 2 апреля был назначен приват-доцентом ГЗИ. Однако в связи с переводом института он не успел начать работу и здесь. Во всяком случае уже в мае мы находим его снова в Москве: для подготовки к магистерским экзаменам при Московском университете департамент земледелия оформил ему командировку, в ходе которой он должен был ознакомиться с состоянием частных имений Подмосковья, в том числе с хозяйством создаваемой Петровской земледельческой и лесной академии³⁴. Впрочем, с магистерскими экзаменами у Людоговского здесь что-то не сложилось. В 1865–1866 гг. он служит в Петербурге чиновником (помощником редактора) департамента земледелия. В этом качестве он совершил и восьмимесячную заграничную командировку (1866–1867). Он посетил земли Южной и Средней Германии и Бельгию, изучая там земледелие, химию и физиологию растений. Целью поездки была подготовка к занятию кафедры земледелия Петербургского института, и по возвращении А.П. Людоговский действительно занял эту кафедру, освободившуюся после перехода И.А. Стебута в Петровскую академию. По его собственному признанию, он же «за отсутствием специального профессора читал студентам старшего курса и существенную часть сельской экономии»³⁵. Впрочем, оговаривается он, «не в форме и объеме цельного курса». Таким образом, А.П. Людоговский в Петербурге стал преемником и Целлинского, и Стебута, унаследовав и курс земледелия, и по совместительству организацию хозяйства. Однако здесь он преподавал недолго. В 1869 г. он почти на год уехал с экспедицией в Восточную Сибирь для изучения «условий расселения приамурских крестьян». Вернувшись с Амура, А.П. Людоговский получил приглашение перейти в Петровскую академию на должность профессора сельскохозяйственной экономии и принял его. Переезд произошел после защиты заранее подготовленной магистерской диссертации, которая давала ему право на звание профессора³⁶. Защита состоялась в марте 1870 г. на физико-математическом факультете Петербургского университета, где кафедру земледелия занимал А.В. Советов. А.П. Людоговский стал 13-м по счету магистром сельского хозяйства в России.

Петербургский земледельческий и лесной институт прекратил свое существование в 1877 г., преобразовавшись обратно в Лесной. К этому моменту в нем существовала отдельная кафедра «экономии и счетоводства», однако, кто ее занимал, нам не

известно. Признанным центром российской аграрной науки к этому времени уже была Петровка.

* * *

Петровская земледельческая и лесная академия, созданная на базе подмосковного имения Петровско-Разумовское, приняла своих первых слушателей осенью 1865 г. Система обучения в ней первоначально была вольной, без разбивки учащихся на курсы. Слушатели (они даже не назывались студентами) сдавали положенные по учебному плану предметы по мере своей готовности. Основой учебного плана Петровки во многом стал учебный план ГЗИ. В ряде случаев здесь была принята иная терминология; так, вместо «земледелия» и «растениеводства» в Петровской академии значились «общее» и «частное земледелие», вместо «животноводства» — «зоотехния». Название «сельскохозяйственная экономия» появилось в результате обобщения сельскохозяйственных экономических дисциплин, читавшихся в ГЗИ³⁷.

Академия искала достойного кандидата на впервые создаваемую кафедру сельскохозяйственной экономии с 1866 г. Первоначально Совет академии склонялся поручить этот предмет И.А. Стебуту, который в таком случае должен был оставить кафедру земледелия, которую он только что здесь занял. И.А. Стебут твердо отказался³⁸. Открытый конкурс в 1867 г. не дал результатов: ни один из трех объявившихся претендентов — преподавателей провинциальных земледельческих училищ — не удовлетворил требованиям Совета. Лишь в 1869 г., когда некоторые слушатели академии готовились стать первыми выпускниками и откладывать решение вопроса стало уже невозможно, прочитать краткий курс лекций согласился управляющий учебным хозяйством Петровки Михаил Васильевич Неручев (1840—1922), выпускник ГЗИ 1863 г. До поступления на работу в Петровскую академию он несколько лет служил управляющим частными имениями и, следовательно, имел практический опыт организатора хозяйства. Идея совместить кафедру экономии с должностью заведующего учебной фермой принадлежала И.А. Стебуту. Совет академии и Департамент земледелия дали согласие. Первый преподавательский опыт М.В. Неручева был признан удачным, и в следующем году он готовился к чтению уже развернутого курса. Однако, будучи соредактором журнала «Русская летопись», он имел смелость в начале 1870 г. поместить некролог по Герцену, за что был признан политически небла-

гонадежным и отстранен от преподавания³⁹. Кафедра сельскохозяйственной экономики снова оказалась вакантной. Тогда по предложению И.А. Стебута на нее согласился баллотироваться только что вернувшийся с Амура А.П. Людоговский, он и был избран Советом академии экстраординарным профессором в мае 1870 г.

Согласившись на кафедру сельскохозяйственной экономики в Петровке, Людоговский, по-видимому, был далеко не уверен в своих силах: все предыдущие его работы касались сугубой агрономии. Он заявлял Совету академии, что нуждается в дальнейшей подготовке и желал бы иметь свободный год. Однако об этом не могло быть и речи. После избрания его сразу же отправили в 2-месячную командировку по средним и южным губерниям для знакомства с организацией хозяйства. С сентября он приступил к чтению лекций. В первый год, как отметил А.Ф. Фортунатов, на экзамены «являлись далеко не все записавшиеся, но провалов у Людоговского не было»⁴⁰. Его положение в Петровке укрепилось, и наметилась некоторая карьера. В 1871 г. он стал ординарным профессором, замещал И.А. Стебута на кафедре земледелия во время поездки того по России, а во время отсутствия директора академии даже исполнял директорские обязанности⁴¹. В 1872 г. Алексей Петрович женился на Анне Осиповне Марковой, «дочери московской дворянки», а вскоре получил и орден Св. Анны 2 степени⁴². В том же году в Петровской академии был введен новый устав, студенты были разбиты на курсы, установлен регулярный учебный план, и получилось так, что на следующий год из-за отсутствия студентов на его курсе Людоговский оказался свободным от занятий. Он попросил годичную заграничную командировку.

Мотивируя свое ходатайство перед министерством, А.П. Людоговский писал: «Сельскохозяйственная экономика как предмет самостоятельной кафедры излагается в Петровской академии в первый раз, не имея никакой предшествующей традиции, и является, таким образом, первоначальным насаждением будущей школы в целой отрасли сельскохозяйственных знаний. Хотя двухлетний опыт преподавания этого предмета вполне убедил меня в возможности систематического изложения его как самостоятельной группы сельскохозяйственных знаний, хотя мною выработана программа преподавания предмета, которая в главных чертах уже не будет подвергаться изменениям, тем не менее, однако, я желал бы поверить свои взгляды [...], познакомиться с ученой эрудицией некоторых заграничных профессоров, как Рошер, Гансен, Шмоллер и др., показавших плодотворное при-

менение к сельскому хозяйству политэкономии и статистики»⁴³. Из этого заявления уже видно, как далеко ушел Людоговский в разработке своего курса от «домоведения» и «сообразительной» организации хозяйства, которые он в студенческие годы застал в Горьгорецком институте. А.П. Людоговскому разрешили командировку на 10 месяцев. До осени 1873 г. он посетил Австрию и Германию.

По возвращении его ожидало звание статского советника и завершение работы над экономической частью «Настольной книги для русских сельских хозяев» и параллельно над учебником по сельскохозяйственной экономике. «Настольная книга» представляла собой руководство для землевладельцев по правильному ведению хозяйства⁴⁴. Экономический раздел А.П. Людоговского открывал книгу, далее шли разделы по земледелию (И.А. Стебут), скотоводству (И.Н. Чернопятков), технике и технологии (А.А. Фадеев). Аналогичные руководства в западноевропейских странах существовали уже давно, в России же собственное научное земледелие, зоотехния, почвоведение, агрохимия делали только первые шаги. «Пишут, пишут, или лучше сказать, переводят — одна строчка из Шварца, другая из Шмальца — без всякого толку... Ничего своего, все из немцев взято», — негодовал бывший коллега Людоговского по Петербургскому земледельческому институту химик А.Н. Энгельгардт, волей судьбы и полиции сделавшийся в те годы практикующим помещиком⁴⁵. Первое русское руководство также во многом представляло собой компиляцию переводных работ, максимально адаптированных авторами к нашей действительности. Однако оно стало счастливым исключением и завоевало большую популярность у землевладельцев-практиков.

Первый выпуск «Настольной книги» и учебник Людоговского увидели свет почти одновременно в 1875 г.⁴⁶ А.В. Чаянов, а с его легкой руки и последующие историки считают учебник Людоговского отправной точкой российской сельскохозяйственной экономики. Это вполне справедливо, хотя и несколько парадоксально: обычно созданию учебников предшествуют научные сочинения исследовательского характера. Однако собственных российских исследований в области сельскохозяйственной экономики в то время еще не было. Как не было и надежного материала для такого рода исследований — статистики. В первой половине 1870-х гг. земско-статистические исследования только-только кое-где начинались. Становление же систематической государственной статистики сельскохозяйственного производства приходится лишь на 1880-е гг. У автора первого

учебника не было иного пути, кроме как дать сводку европейских знаний по своему предмету, сделав упор на теоретической стороне и рискуя получить в итоге еще один непригодный в российских условиях литературный опус.

Учебник Людоговского, как и сельскохозяйственное образование в целом, был ориентирован на подготовку управляющих крупных частных сельхозпредприятий — поместий или больших фермерских хозяйств. По структуре эта весьма объемистая книга (488 страниц) распадалась на 2 части: теоретическую и практическую, в каждой из которых было по 2 раздела. Первый теоретический раздел — «Политэкономия» — занимал 76 страниц, т. е. 16% объема книги, второй — собственно сельскохозяйственная экономия — был более пространным (135 страниц, 28%). К практической части относились разделы: «Организация хозяйства» (215 страниц, 38%) и «Счетоводство» (87 страниц, 18%). Таким образом, теоретический раздел занимал 44% объема книги.

Политэкономическая часть была краткой. Ее целью было дать очерк законов, управляющих ценами, рентой, процентом, заработной платой. Автор здесь не претендовал на оригинальность, называя среди своих источников курс Д.С. Милля, а также сочинения В.Г.Ф. Рошера, К.Г. Рау и И. Монгольда. (Всего в предисловии Людоговский перечислил 17 фамилий западных авторов, в основном немецких, на которых он опирался в разных частях своего курса.) К этому моменту Милль и Рошер уже были изданы на русском языке⁴⁷. А.Ф. Фортунатов почему-то считал эту часть курса прямо основанной на Рошере, однако сравнение показывает не только отсутствие прямых заимствований, но и вообще весьма малую степень соприкосновения. Текст Людоговского вообще содержит очень мало цитат, представляя собой вполне самостоятельное адаптированное изложение основ классической политэкономии, в котором наиболее ощутимо влияние Д.С. Милля. Классическая политэкономия исходила из наличия права частной собственности, свободного рынка, в том числе рынка труда и конкуренции как естественных предпосылок. Тем самым либерализм оказывался имплицитно присущим Людоговскому. Некоторые исследователи говорили о влиянии на него идей Т. Мальтуса, однако, на чем основано это мнение, совершенно не ясно⁴⁸.

Вторая часть представляла собой теорию сельскохозяйственной экономии. Здесь А.П. Людоговский проявил оригинальность, ибо немецкие авторы не выделяли «сельскохозяйственную экономию» из «организации хозяйства». Эта оригинальность во

многим была вынужденной. Объясняя свое решение, Людоговский указывал на принципиальную разницу экономических условий России и стран Запада: там господствует «денежное хозяйство» (а в наиболее развитой стране — Англии — даже «кредитное»), в России же оно еще «наполовину натуральное». Людоговский, вероятно, понимал определенную неадекватность многих теоретических предпосылок классической политэкономии, изложенных им выше, российским реалиям. В таком случае, прежде чем переходить к изложению принципов организации хозяйства, научная добросовестность автора требовала показать относительность этих принципов, их зависимость от существующих экономических условий. Для этого и понадобилось ввести целый новый теоретический раздел. Задачей своей «сельскохозяйственной экономии» в узком смысле А.П. Людоговский называет «изучение условий, которыми определяется то разнообразие форм сельского хозяйства, которое мы встречаем при сравнении их: 1) в различных местностях и странах и 2) в одной и той же стране, но в различные периоды ее истории. Цель изучения сельскохозяйственной экономии заключается в сообщении хозяину понимания местных и временных условий, определяющих форму сельскохозяйственного производства, понимания, без которого невозможно правильное устройство имения»⁴⁹. Далее в этом разделе А.П. Людоговский развил те элементы общей экономической теории, которые касаются сельского хозяйства. Исторический подход, примененный им здесь, очевидно навеян Рошером.

Ключевым у Людоговского выступает понятие интенсивности хозяйства. Интенсивность понимается как сумма затрат труда и капитала на единицу хозяйственной территории. Интенсивность зависит от ренты, обеспеченности капиталом и рабочей силой и от уровня цен на продукты. Под рентой Людоговский понимает чистый доход землевладельца, не различая абсолютной и дифференциальной рент. Общую историческую закономерность сельскохозяйственной эволюции он видит в повышении уровня ренты и соответственном повышении интенсивности хозяйства. Соответственно этому же им выделяются различные системы хозяйства.

В отличие от А.В. Советова, защищавшего в то время понятие системы земледелия⁵⁰, А.П. Людоговский, опираясь на И.А. Стебута, настаивает на использовании более широкого понятия — системы хозяйства. Система хозяйства понимается как способ соединения трех элементов производства (по классической политэкономии): земли, труда и капитала. Основными

параметрами («внутренними признаками») системы хозяйства он считает: степень интенсивности хозяйства; способ обеспечения плодородия земли; положение скотоводства в хозяйстве и распределение земли между «кормовыми» и «продажными» (т. е. товарными) растениями. По этим признакам выделяются 8 известных в мире и в истории систем хозяйства: 1) пастбищная; 2) переложная; 3) зерновая; 4) улучшенная зерновая; 5) плодосменная; 6) выгонная; 7) травяная; 8) вольная. Системы мыслятся одновременно и как стадии развития мирового сельского хозяйства. В этом смысле Людоговский говорит о «периоде переложной системы», «периоде зерновой системы» и т. д. Стоит пояснить, что в категории переложной системы хозяйства Людоговский объединяет переложную (залежную) и подсечно-огневую системы земледелия. К зерновой он относит 2-, 3-, 4- и 5-ти польные севообороты, однако останавливается подробно лишь на анализе трехполья. Под улучшенной зерновой понимается использование посева кормовых трав. Говоря о плодосмене, он различает многочисленные подвиды этой системы, выделяя их по 2 критериям: по основному продукту (хлеб, продукты животноводства, технические продукты и др.) и по виду удобрения (плодосмен при навозе и плодосмен при искусственных туках). Выгонную и травяную системы Людоговский находит лишь в отдельных редких областях Западной Европы и не включает их в общую линию эволюции хозяйства. Наиболее интересна его трактовка последней, «вольной», системы. Под ней понимается гипотетическая система предельной интенсивности, которая достигается при «полном возврате» питательных веществ, т. е. тогда, когда благодаря широкому применению искусственных удобрений «количество питательных веществ, удаляемых из почвы с продуктом и вносимых в последнюю в удобрении, становится равным». Сельский хозяин на данной стадии развития максимально освобождается от власти природно-климатических условий и ориентируется исключительно на потребности рынка: «С наступлением этого периода хозяйства освобождаются от необходимости подчинять свои формы тому или другому способу обеспечения плодородия почвы и приступают к устройству своих частей в зависимости исключительно от условий рынка»⁵¹. В этом периоде («полного возврата») будет выгодным «постоянное возвышение степени интенсивности системы», т. к. «народонаселение продолжает увеличиваться, цены на продукты земледелия все более и более возвышаются относительно цены труда и капитала, а вместе с тем возрастает и производительность усиленных затрат послед-

них». Для Людоговского этот вывод казался совершенно очевидным. Физический предел производительности почвы «соответствует полной эксплуатации солнечных лучей, падающих на данное пространство». Достижение такого предела означало бы, что достигнутый уровень внесения удобрений, как и уровень получаемого урожая, становился бы постоянной («навски») нормой для данного участка⁵². Таким образом, прогресс в сельском хозяйстве Людоговский связывал исключительно с применением искусственных удобрений, т. е. с агрохимией, что вполне соответствовало уровню науки его времени, когда технический прогресс еще почти не коснулся аграрной сферы.

Автор постулировал, что «все существующие системы хозяйства суть продукт известных определяющих экономических условий». При этом предполагалось, что целью всякого сельхозпредприятия в любых условиях является получение возможно большего предпринимательского дохода. Тогда величина предпринимательского дохода (E) зависит от следующих факторов:

$$E = mD - (rA + nB + pC),$$

где D — урожай; m — цена продуктов;
 A — пространство земли; r — уровень ренты;
 B — количество работы; n — заработная плата;
 C — затраченный капитал; p — «высота роста» (процент).

Отсюда, изменения систем хозяйства обуславливаются сочетанием факторов A , B , C и D в зависимости от изменений величин m , r , n , p . Далее с этой точки зрения Людоговский рассматривает каждую из систем хозяйства, выясняя при помощи данной формулы их экономические особенности и условия рентабельности. Ни в каких известных нам источниках, использованных Людоговским для своего курса, не содержится подобных теоретических построений. Вероятно, они являются вполне самостоятельными.

Не ограничиваясь рассмотрением абстрактных моделей, Людоговский обращал внимание на многообразие и многочисленность факторов, которыми определяется существование той или иной системы в реальной действительности. Так, изложив схему территориального размещения систем хозяйства И. Тюнена, он выделял целых 8 групп условий, отклоняющих действие тюненовского закона. В частности, указывал на «юридические условия» и в качестве таковых приводил в пример «общинное владение землей», при котором, по его убеждению, «невозможно травосеяние и выгонная система вследствие общего права

выгона на поля и чересполосицы; возможна только зерновая трехпольная система, хотя бы у соседних помещиков велась плодосменная система, хотя бы последняя по экономическим отношениям была безусловно выгоднее»⁵³.

Третий раздел, «Организацию хозяйства», по признанию А.П. Людоговского, он позаимствовал из широко известных в то время работ немецко-австрийского экономиста А.-Э. Комерса. Эта часть была самой объемной — 215 страниц. Здесь демонстрировались методы подсчета рентабельности тех или иных элементов хозяйства. В четвертом разделе, «Счетоводстве», наряду с немецкими руководствами автор использовал и собственные наработки. Завершая тему оригинальности учебника, отметим, что при большом объеме заимствований, притом что книга во многом имеет характер компиляции, ее отличает высокая степень авторизованности изложения: оригинальная структура, единый язык и стиль во всех разделах, адаптированные к российской действительности примеры.

Думается, с задачей создать курс сельскохозяйственной экономики А.П. Людоговский справился блестяще. Он не просто познакомил русского читателя с выжимкой из европейской литературы, но действительно поднял науку об организации хозяйства с уровня примитивных «бесед» со студентами на уровень серьезной экономической теории своего времени. Теоретичный, фундаментальный характер придал его учебнику долговечность. Ссылки на него будут встречаться на страницах различных работ по сельскому хозяйству вплоть до начала XX в. Новый учебник сельскохозяйственной экономики (А.Н. Шишкина) появился в России лишь спустя почти 20 лет, и все же курс Людоговского он не заменил. Еще в 1904 г., спустя почти 30 лет, А.Ф. Фортунатов считал этот курс настоятельно заслуживающим нового издания, однако переиздания так и не произошло.

* * *

Вторым центром высшего сельскохозяйственного образования в 1870-е гг. становится Новоалександрийский институт сельского хозяйства и лесоводства. История этого учебного заведения ведет свое начало от земледельческого института, существовавшего еще с 1816 г. в Марымонте (Маримонте) близ Варшавы. Первоначально это была польская школа, которая, несмотря на звание института, имела лишь 2-летний курс обучения и по сути являлась средним, а не высшим учебным заведением. В мае 1862 г. Марымонтский институт был переведен

из-под польской столицы в глухое местечко Пулавы Люблинской губернии, которое тут же было переименовано в посад Новая Александрия. В 1863 г. в связи с польским восстанием институт был временно закрыт и вновь открыт, т. е., в сущности, создан заново, только в 1869 г. С этого момента он получает общероссийское значение. Новоалександрійский институт имел 3-летний курс обучения, и его диплом, в отличие от Петровской академии, не давал права поступления на государственную службу и преподавания в вузах. Отдельной кафедры сельскохозяйственной экономики в Новой Александрии первоначально не было, этот курс, как некогда в ГЗИ, был совмещен с одним из специальных предметов и шел в последнем семестре.

В течение первых двух лет, до 1874 г., сельскохозяйственную экономику там преподавал Александр Александрович Армфельд. «Брокгауз и Ефрон» знает его как «агронома, преимущественно по вопросам скотоводства». (Гораздо больше в литературе можно узнать о его сестре Наталье, известной участнице народнического движения, об их отце — Александре Осиповиче, враче, профессоре Московского университета, об их бабушке — боевом генерале эпохи наполеоновских войн, и об их еще более отдаленных немецко-австрийских предках.)

Преемником А.А. Армфельда стал Александр Николаевич Шишкин (9.11.1845 — 6.05.1899)⁵⁴. А.Н. Шишкин был одним из первых слушателей Петровской академии и самым первым ее выпускником. До поступления в Петровку он успел окончить в Москве Практическую академию коммерческих наук, о которой, как сообщает Фортунатов, «хорошо вспоминал впоследствии». Коммерческая академия представляла собой среднее учебное заведение, где учились преимущественно дети не дворянских сословий; Александр Шишкин принадлежал к сословию потомственных почетных граждан. Затем он некоторое время учился в Московском университете, однако ушел оттуда, чтобы стать слушателем Петровки через 9 дней после ее открытия. Помимо прочих документов он представил туда свидетельство о бедности, которое дало ему право после успешной сдачи соответствующего экзамена на получение стипендии. Его кандидатская (дипломная) работа — «Опыты над культурой льна» — была переведена на немецкий язык. Диплом кандидата сельского хозяйства он получил в академии первым — 30 мая 1870 г.

По предложению И.А. Стебута Совет академии хотел оставить первого выпускника при вузе для подготовки к преподавательской деятельности с соответствующим денежным содержанием.

Единственным возражавшим был профессор И.Н. Чернопятков, письменно доложивший Совету, что Шишкин не заслуживает стипендии из-за слабых знаний, показанных на экзамене по его предмету, зоотехнии, но это мнение было Советом проигнорировано. Однако Министерство государственных имуществ распорядилось несколько иначе, отправив А.Н. Шишкина в полугодовую заграничную командировку для подготовки к преподаванию сельскохозяйственной экономики «в одном из высших учебных заведений». В 1870–1872 гг. он посетил сельскохозяйственные институты и академии при университетах в Берлине, Геттингене, Галле, Гогенгейме и Лейпциге. В Галле и Гогенгейме он слушал лекции по сельскохозяйственной экономике (соответственно профессоров Кюна и Функе), «полит-экономики в приложении к земледелию» (Шмоллера), таксации и бухгалтерии и др., в Лейпциге стажировался у профессора Кнопа, изучая «поглотительную способность почв», параллельно осматривал хозяйства крупных германских землевладельцев, осваивая методы оценки имений. В соответствии с традицией того времени его детальный отчет о командировке был опубликован⁵⁵.

Вернувшись на родину, А.Н. Шишкин не получил никакой кафедры, а был оставлен чиновником департамента земледелия МГИ. Его задействовали в работе «валуевской комиссии» («Комиссии для исследования сельского хозяйства и сельской производительности» под руководством министра государственных имуществ П.А. Валуева). В непрерывных командировках по различным губерниям России А.Н. Шишкин провел еще около полугода лет, собирая материалы для этой комиссии. Некоторые его наблюдения тогда же легли в основу ряда статей⁵⁶. В 1873–1874 гг. он состоял также членом двух комиссий при МГИ: по пересмотру устава средних сельскохозяйственных учебных заведений и по реорганизации земледельческих ферм. Все это дало ему богатый опыт, который он затем смог реализовать в своей преподавательской работе.

В марте 1874 г. А.Н. Шишкин стал доцентом кафедры сельскохозяйственной экономики Новоалександрийского института. По сведениям Фортунатова, он преподавал там два курса — земледелия и сельскохозяйственной экономики, а кроме того, заведовал опытной фермой и руководил ежегодными экскурсиями студентов по окрестным хозяйствам. «Александр Николаевич прожил в Новой Александрии менее 3 лет и потом говаривал, что более 3 лет он не мог бы прожить в этом глухом посаде западной окраины», — писал А.Ф. Фортунатов⁵⁷. Уже в октябре 1875 г.

Шишкин попытался вырваться из провинции. Он участвовал в конкурсе на кафедру земледелия Петровской академии, которая освободилась в связи с уходом И.А. Стебута⁵⁸. Конкурс он тогда проиграл, но это событие имело важное значение в его судьбе и в судьбе нашей сельскохозяйственной экономики, поэтому на нем стоит остановиться подробнее.

Кроме Шишкина на кафедру претендовали А.А. Фадеев, выпускник Петровки, и П.А. Костычев, выпускник Петербургского земледельческого института. Совет академии создал комиссию для изучения печатных трудов кандидатов, одним из трех членов которой был А.П. Людоговский. Большинство членов комиссии, как и Совета академии в целом, склонялись в пользу А.А. Фадеева, которого сам И.А. Стебут желал видеть своим преемником. Фадеев был учеником и свояком Стебута⁵⁹. А.П. Людоговский же решительно выступил в поддержку П.А. Костычева. На заседании Совета 18 октября в своем особом мнении он заявил, что «в течение 15 лет литературной и педагогической деятельности ему ни разу не приходилось встречать столь счастливого соединения в одном лице таланта, знания и трудолюбия, как в г. Костычеве»⁶⁰. Позднее, вспоминая о Людоговском, И.А. Стебут не сдержал своей неприязни, охарактеризовав его как человека «слабохарактерного и честолюбивого»⁶¹. С позиции сегодняшнего дня в этом споре очевидна правота Людоговского, ибо Костычев остался в истории науки более яркой фигурой, чем Фадеев, однако тогда Совет академии при голосовании отдал предпочтение последнему. Впрочем, на этом голосовании, состоявшемся 25 октября, А.П. Людоговский уже не присутствовал. В те дни он перенес инсульт, приведший к правостороннему параличу и потере речи. Ему было всего 36 лет.

В начале 1876 г. Совет академии обратился к проигравшему конкурс А.Н. Шишкину с предложением замещать заболевшего Людоговского, но он отказался, сославшись на то, что не может бросить свой курс в Новой Александрии в середине учебного года. Преподавание сельскохозяйственной экономики было временно поручено управляющему фермой Петровской академии В.З. Марковскому. Виктор Захарович Марковский (1835–1892) был известен прежде всего как замечательный агроном-практик. А.Ф. Фортунатов в своих работах не раз приводил статистику небывалых урожаев, собиравшихся с учебных полей академии в конце XIX в., в качестве примера огромных возможностей скудных подмосковных почв при правильном ведении хозяйства. Сельскохозяйственную экономику Марковскому разреши-

ли преподавать в форме бесед со студентами по организации хозяйства, а экзамены принимать по учебнику и программе Людоговского.

Через год, в октябре 1876 г., врачи информировали Совет, что, хотя состояние А.П. Людоговского после лечения в Кисловодске несколько улучшилось, болезнь его неизлечима и возвращение к работе невозможно. По ходатайству академии Людоговский был официально уволен с назначением пенсии⁶². Когда кафедра сельскохозяйственной экономики сделалась де-юре вакантной, академия по предложению профессоров К.А. Тимирязева и Э.Б. Шёне пригласила на нее А.Н. Шишкина. Он и был избран по конкурсу из четырех претендентов.

Несмотря на то что А.Н. Шишкин преподавал теперь только сельскохозяйственную экономию, его магистерская диссертация была посвящена агрономии: вопросу «об уменьшении вредного воздействия засух на растительность». Ее защита в 1877 г. стала первой магистерской защитой, состоявшейся в стенах Петровки. С этого же года Шишкин стал экстраординарным профессором, а с 1882 г. — ординарным. Вскоре его работе стала мешать болезнь, хроническое воспаление левого легкого. Весь 1883—1884 учебный год Шишкин провел в отпуске, лечась на юге Франции и в Египте. Уезжая, он предполагал, что его курс студенты будут изучать самостоятельно по учебнику Людоговского, а экзамены примет комиссия под председательством И.А. Стебута⁶³. Но Стебут сумел уклониться от сельскохозяйственной экономики и на этот раз. Заменять Шишкина назначили А.Ф. Фортунатова, «аспиранта», только что оставленного при академии. (С 1884 г. Фортунатов был избран доцентом при кафедре Шишкина для чтения курса сельскохозяйственной статистики, который был выделен из курса сельскохозяйственной экономики.)

В 1880-е гг. А.Н. Шишкин был активным участником ряда сельскохозяйственных съездов и выставок, редактором «Известий Петровской академии», однако писал и публиковался мало. В одном из его выступлений тех лет мы, между прочим, впервые встречаем новый вариант названия науки: «сельскохозяйственная экономика» вместо «экономика», при этом старое название он все же сохраняет в скобках⁶⁴.

Работы А.Н. Шишкина вообще отличает легкость стиля и ясность изложения. Однако в содержательном плане его статьи описательны и не слишком глубоки. Характерной особенностью являются неожиданно возникающие в тексте публицистические вставки, раскрывающие научную и общественную позицию автора. Он предстает в них поборником капиталистического раз-

вития сельского хозяйства. Так, завершая очерк хозяйства в Новороссии, он выражает твердую надежду именно на такой исход: «Сельское хозяйство ждет своей очереди, и придет время, время это близко, когда капиталисты набросятся на этот прославленный за малоодоходный промысел с таким же точно азартом, с каким они бросались на постройку железных дорог, учреждение банков и разных акционерных компаний, и дело пойдет, пойдет непременно...»⁶⁵

Самой примечательной его работой 1880-х гг. является, пожалуй, статья «Очерки Поволжья в сельскохозяйственном отношении»⁶⁶. Среди арифметических выкладок с расчетами рентабельности различных систем ведения частновладельческого хозяйства (на примере Спасского уезда Казанской губернии) мы здесь встречаем два весьма эмоциональных замечания принципиального плана. Во-первых, резкую критику помещичьего хозяйства, которое ведется примитивными способами за счет эксплуатации крестьян: «...При помощи поваров, кучеров, лакеев и бравых унтер-офицеров он (помещик. — *И.К.*) ведет самое примитивное рутинное хозяйство: трехпольная система без удобрения, посевы ржи да овса с гречихой, первобытная обработка, краткосрочные крестьянские аренды и испольная система — вот и весь несложный кодекс здешнего хозяина. Все искусство его в том, чтобы получить деньги за аренды с крестьян, зорко смотреть, чтобы не воровали мужики, чтобы ссудить им как можно подороже деньги за отработку, да следить, чтобы обязательства выполнялись. Для этого достаточно расторопного повара, платить деньги настоящему управляющему положительно нет расчета...»⁶⁷

Во-вторых, мы здесь находим либеральную программу поднятия «народного», в смысле крестьянского, благосостояния: «В последнее время у нас много говорилось и писалось о том, что нужно сделать для поднятия народного благосостояния; одни желали бы насадить участковое землевладение, другие стоят за общину, третьи панацею от всех зол усматривают в земледельческой артели, четвертые в поднятии интенсивности культуры на крестьянских наделах с помощью искусственных туков, пятые в ограничении переделов и семейных разделов, шестые в обязательном введении построек из огнеупорных материалов и пр. Как ни различны эти и другие, им подобные, меры, все они, кроме односторонности, отличаются одним, общим им всем, недостатком — желанием опекать, желанием привить народу те или другие готовые формы, и потому все они несостоятельны, ибо формы жизни, какой бы то ни было — эко-

номической, политической или этической — не выдумываются и искусственно не насаждаются, а вызываются и создаются самой жизнью. Формы эти не стоят особняком, а сплетены самым тесным образом со всем содержимым жизни данного народа в данной местности и в данное время. Совсем другое следует сказать о тех мерах, которые направлены против существующих и самим народом же сознанных препятствий, мешающих развитию сил и уменьшающих производительность труда. К числу таких мер принадлежат, например: свобода передвижений, кредит, образование, уважение к личности, разумная и честная администрация, скорый и правый суд, защита от разорения вследствие взыскания недоимок и частных долгов (нечто подобное тому, что существует в Соединенных Штатах) и т. п.»⁶⁸. Последняя не очень ясная ссылка на опыт США, вероятно, была навеяна дипломной работой его ученика А.Ф. Фортунатова о земледелии в Америке, появившейся в печати в том же году. В целом же здесь перед нами ясно сформулированное либеральное кредо автора, видевшего целью аграрной политики не опеку, а устранение препятствий для самостоятельного развития хозяйства, причем именно крестьянского хозяйства. В этом вопросе у А.Н. Шишкина и в те годы, и позже было мало единомышленников.

По свидетельству близко общавшегося с ним Фортунатова, собственные взгляды которого были далеки от либерализма: «Терпимость к чужим мнениям была высоким достоинством (Шишкина. — *И.К.*) и делала возможными разговоры в такой области, которая с другим собеседником заставила бы оборвать разговор или перевести его на почву неинтересных нейтральностей»⁶⁹. Вообще главной чертой личности своего учителя Фортунатов называл «благожелательность к людям»⁷⁰.

Сохранившиеся свидетельства двух бывших студентов Шишкина сходятся в высокой оценке его качеств как преподавателя. А.Ф. Фортунатов называет Шишкина «выдающимся лектором»: «Ни то обстоятельство, что он читал сидя, ни то, что он пользовался конспектом, не мешали чрезвычайно живому впечатлению слушателей от его речи: речь его всегда была очень образна, постоянно перемежалась вопросами (которые он сам себе задавал), диапазон был широкий, интонация очень разнообразна. Хотя Шишкин читал обыкновенно последние лекции, т. е. утомленным слушателям, но это не отражалось на числе посетителей, и его слушали всегда очень охотно»⁷¹. Примечательно также, что хотя впоследствии сам А.Ф. Фортунатов, перечисляя тех, кого считал своими учителями, А.Н. Шишкина обычно не вспоминал, но студенческие конспекты его лекций

хранил всю жизнь⁷². В.Г. Бажаев, учившийся позже, в конце 1880-х гг., вспоминал: «Лектор он был выдающихся достоинств: читал как-то особенно веско, с выразительными интонациями, время от времени низко наклоняясь (по близорукости) к лежащим перед ним заметкам. Иногда он облакал свое изложение в оригинальную форму, прибегая к картинным уподоблениям. Вспоминаю его лекцию, посвященную сельскохозяйственному счетоводству, когда он отдельные счета уподоблял периодически слетававшимся и разлетававшимся духам»⁷³. Тот же мемуарист, однако, замечает и другое: «К сожалению, в последние годы А.Н., по-видимому, перестал следить за литературой и из года в год читал один и тот же шаблонный курс сельскохозяйственной экономии», и как обобщение: «А.Н. Шишкин принадлежал к многочисленной категории даровитых русских людей, безжалостно зарывавших данный им талант»⁷⁴. Что именно здесь имеется в виду, остается только догадываться.

В 1890 г. правительство решило закрыть Петровскую сельскохозяйственную академию. Прием был прекращен, но имеющимся студентам дали закончить обучение. Последний выпуск состоялся в 1893 г. Причиной ликвидации были, прежде всего, радикальные оппозиционные настроения, распространенные среди студентов. Вторым, не столь явным, но не менее значимым мотивом было разочарование правительства в эффективности работы сельскохозяйственных вузов вообще (одновременно готовился к закрытию и Новоалександрьевский институт). Созданные для подготовки кадров управляющих частновладельческих «экономий», эти учебные заведения не смогли остановить процесс их разорения, непрерывно шедший после 1861 г. Не помогли тут ни новейшие достижения химии и биологии, ни усовершенствованные орудия, ни теория «сельскохозяйственной экономии». Существовали проекты создания на базе ликвидированной академии различных учреждений: кавалерийского училища, женского института, института опытной агрономии без преподавания. Все же в итоге, под впечатлением событий страшного голода 1891–1892 гг., в «верхах» победило мнение о необходимости сохранить высшее аграрное образование в России. В 1894 г. на месте Петровки был открыт Московский сельскохозяйственный институт (МСХИ), который несколько отличался от предшественницы уставом и программой.

Последние годы существования Петровки были омрачены для А.Н. Шишкина потерей супруги⁷⁵. Но здесь же произошло и знаменательное событие его жизни — возведение в дворянское достоинство. Потомственное дворянство он получил в 1892 г.

после награждения орденом Владимира 3 степени⁷⁶. А.Н. Шишкин проработал в Петровке до момента ее юридической ликвидации 31 января 1894 г., но в штат МСХИ не вошел. Выйдя в отставку, еще более 2 лет он прожил в Москве. За это время он написал свой курс сельскохозяйственной экономии, основанный на читавшихся лекциях. Курс был издан в 2 частях в 1894 и 1896 гг. (посмертно переиздан без изменений в одном томе в 1908 г.)⁷⁷.

Курс Шишкина во многом повторял структуру курса Людоговского. Первый раздел — основы политической экономии. Второй раздел — «Сельскохозяйственная экономия» — распался на 2 части: теоретическую часть — «Учение об элементах и условиях сельскохозяйственного производства» и прикладную, занимавшую весь второй том, — «Организация, администрация хозяйства в имениях и контроль». Бухгалтерия и счетоводство относились здесь к разделу контроля. Политэкономические взгляды Шишкина базировались на той же классической, либеральной по своему существу политэкономии. В согласии с классической традицией под «элементами сельскохозяйственного производства» он понимал землю, труд и капитал. Каждому из этих элементов был посвящен отдельный раздел.

В предисловии А.Н. Шишкин сформулировал принципиальное для себя положение: «В то время, как математика, физика, химия, биология и другие науки могут быть излагаемы на всех языках совершенно одинаково, руководство к сельскохозяйственной экономии, не рискуя раствориться в общие фразы, так излагаемо быть не может. Оно непременно должно быть написано применительно к тем условиям (социальным и естественно-историческим), которые существуют в данное время и в данной стране. Вот почему руководство немецкое не может служить руководством русскому хозяину, и наоборот»⁷⁸. Упоминая далее о труде Людоговского, он подчеркнул, что «русским руководством» назвать его не может, и отметил, что «изложено оно в очень обобщенной форме». В свою очередь А.Ф. Фортунатов, видимо, имея в виду это замечание, так отозвался потом о пособии самого Шишкина: «На наш взгляд, автору удалось сделать свое руководство русским, главным образом благодаря обширным примечаниям, содержание которых в значительной мере заимствовано из русской хозяйственной жизни»⁷⁹.

Действительно, бросающееся в глаза отличие этой книги от труда Людоговского состоит в том, что она насыщена разнообразным эмпирическим материалом, примерами из практики и статистическими сведениями. А.Н. Шишкин предстает здесь

выдающимся эрудитом, знатоком российского и заграничного сельского хозяйства своего века. Второе важное отличие — это повышенное внимание к вопросам рынка: деятельности банков, кредиту, проценту, движению цен на землю и сельхозпродукцию, внешней и внутренней торговле. За этими особенностями книги, несомненно, стоит прогресс, который произошел в России с середины 1870-х до середины 1890-х гг. как в области эмпирического изучения сельского хозяйства, так и в сфере развития рыночных отношений. Как и курс Людоговского, учебник Шишкина ориентирован на подготовку менеджеров крупных имений. Крестьянское хозяйство находится на периферии его внимания. Тем не менее, в книге отразилось критическое отношение к господствующей в России передельной общине и отсталым трехпольным севооборотам: «В силу того что община мешает людям сильным и умным проявить в распоряжении землею всю ту энергию, на которую они способны, и сельскохозяйственная культура в стране не может прогрессировать столь быстро, как в тех странах, народ в которых *прошел через школу* (курсив автора. — *И.К.*) частного землевладения»⁸⁰. Возможно, именно этот аспект и сделал актуальным переиздание учебника в годы столыпинской реформы.

Курс Шишкина издавался как учебное пособие не для вузов, а для средних сельскохозяйственных учебных заведений. Может быть, отчасти этим объясняется такая любопытная деталь, как использование автором в дидактических целях образов Священного писания: уже на первых 18 страницах Библия цитируется трижды⁸¹.

В 1895 г. А.Н. Шишкин последний раз участвовал в работе очередного сельскохозяйственного съезда, на котором руководил секцией «товариществ и союзов»⁸². С 1896 г. Александр Николаевич отошел от научных занятий и, как сообщает А.Ф. Фортунатов, «приступил к осуществлению своей давнишней мечты — к устройству собственного небольшого хозяйства вблизи Харькова» (близ станции Люботин); «нам писали из этой местности, что А.Н. пользовался там любовью соседей, которым он подавал много добрых советов». Там же, на своем хуторе, он и погиб 6 мая 1899 г. «ужасной смертью, от рогов собственного быка»⁸³.

А.Н. Шишкин обогатил науку не столько своими трудами, сколько учениками. Самыми выдающимися из них были А.И. Скворцов (1848–1914), в течение тридцати лет возглавлявший кафедру сельскохозяйственной экономики Новоалександрийского института, и А.Ф. Фортунатов (1856–1925), продолживший с

начала XX в. традицию преподавания аграрно-экономических дисциплин в МСХИ — Тимирязевской академии.

Закрытием Петровки и выходом в свет учебника Шишкина завершается первый этап становления российской сельскохозяйственной экономики. На протяжении этого периода происходила адаптация положений классической политэкономии и различных зарубежных учебных курсов к нуждам русского сельскохозяйственного образования в контексте потребностей организации крупных помещичьих имений на рыночных началах. Первые русские курсы сельскохозяйственной экономики А.П. Людоговского и А.Н. Шишкина были проникнуты идеями либерализма, перенятыми из западной политэкономии в качестве теоретического базиса. Созданная ими академическая сельскохозяйственная экономика дистанцировалась от актуальных вопросов общественной мысли своего времени. Распространение социалистических учений, интерес к крестьянской общине, к результатам реформы 1861 года и положению крестьянства оставались вне ее предмета и почти не попадали в поле зрения. Работы А.И. Скворцова и А.Ф. Фортунатова открывают уже новый период — период становления в России оригинальных аграрно-экономических и статистических исследований, — содержание которого выходит за рамки данной статьи.

Примечания

¹ Чайнов А.В. Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века // Крцимовский Р. Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве в Западной Европе. М., 1927.

² Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. М., 1920; Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995.

³ Тэер А. Основания рационального сельского хозяйства. Ч. 1. М., 1830. С. 1.

⁴ Фортунатов А.Ф. Конспект по сельскохозяйственной экономике и статистике. М., 1904. С. 227.

⁵ Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 642. Д. 515. Объем «Записок» — 38 маленьких страничек (формата А-6), испещренных мелким почерком с сокращениями.

⁶ Там же. Л. 1, 2.

⁷ Там же. Л. 40–47.

⁸ Фонды № 228 (Московский сельскохозяйственный институт), № 642 (Фортунатов), № 2244 (Чупров).

⁹ Цитович С.Г. Горыгорецкий земледельческий институт (1836–1864) — первая в России высшая сельскохозяйственная школа. Горки, 1960. С. 76.

¹⁰ Цит. по: Фортунатов А.Ф. Конспект... С. 233.

¹¹ Непубликованная «Автобиография» И.А. Стебута обильно цитируется в кн. Л.Л. Балашева «Иван Александрович Стебут» (М., 1966) без ссылок на ее местонахождение. См.: Балашев Л.Л. Указ. соч. С. 30.

¹² Там же. С. 132. Люстрация — описание государственных имений с оценкой доходов крестьян от земель и промыслов, проводившееся в ходе реформы государственной деревни П.Д. Киселева в западных губерниях с целью регламентации крестьянских повинностей. Аналогичные мероприятия в великорусских губерниях носили название кадастра.

¹³ Там же. С. 183.

¹⁴ ЦИАМ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 515. Л. 4, 28.

¹⁵ Об Альтустофском институте см.: Цитович С.Г. Указ. соч. С. 30–32; Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России. М., 2002. С. 171. Выпускники Дерптского университета, прошедшие школу Шмальца, впоследствии составили костяк первоначального преподавательского состава ГЗИ.

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 642. Д. 515. Л. 4. В рукописи Фортунатова ошибка памяти — неверно написана фамилия Шмальца: «Швейцер», затем исправлено на «Шмальцер».

¹⁷ Первую магистерскую диссертацию по сельскому хозяйству защитил С.М. Усов (1839), занимавший кафедру земледелия Петербургского университета (1836–1859). Так как до 1848 г. кафедры земледелия университетов входили в структуру философских факультетов, защитившие диссертации по сельскому хозяйству получали степень магистра философии, после — магистров и докторов сельского хозяйства, а с 1889 г. — сельскохозяйственных наук.

¹⁸ Соответствует современной должности проректора по учебной работе.

¹⁹ Целлинский Б.А. Руководство для преподавания земледелия в духовных семинариях. СПб., 1860.

²⁰ Балашев Л.Л. Указ. соч. С. 30.

²¹ Там же. С. 38.

²² Так, отметив разделение А. Тэром капитала на основной и оборотный, Муравьев писал: «Из сего легко усмотреть можно, как удобно у них управлять хозяйством; ибо всякий день видно: соответствовала ли работа употребленным на нее расходам, и в случае излишества или недостатка работников, можно излишних отпустить, а при недостатке — нанять, чего здесь, кроме как в соседстве столицы, сделать нельзя; ибо сии два капитала составляют у нас из самих крестьян, которых мгновенно ни прибавить, ни убавить, ни переменить нельзя, и то, что у иностранцев исчисляется израсходованными деньгами, мы должны исчислять количеством работы, крестьянами произведенной».

(Тэер А. Основания рационального сельского хозяйства. Ч. 1. М., 1830. С. XVIII).

²³ Цит. по: Цитович С.Г. Указ. соч. С. 133.

²⁴ Целлинский Б.А. Разбор сочинения г. Пузанова «О земледелии и скотоводстве в России» // Присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. Т. 32. СПб., 1863. С. 22, 136–173.

²⁵ Там же. С. 140.

²⁶ Цит. по: Воробей Н.В., Корнев П.Я. Горыгорецкий земледельческий институт и развитие сельского хозяйства и сельскохозяйственной экономической мысли в Белоруссии в 40–60-х гг. XIX в. // Труды Белорусской сельскохозяйственной академии. Т. 33. Горки, 1960. С. 137.

²⁷ Цитович С.Г. Указ. соч. С. 75.

²⁸ В Энциклопедии Брокгауза и Ефрона отставка Б.А. Целлинского ошибочно датирована 1886 г., «Записки» Фортунатова повторяют эту ошибку. С.Г. Цитович без ссылок на источник приводит 1886 г. как год смерти Целлинского. Приведенные мной даты его жизни взяты из «Русского биографического словаря» (в 25 т. М., 1896–1918. Т. «Фабер — Цявловский». С. 476).

²⁹ О его происхождении сообщает А.Ф. Фортунатов: ЦИАМ. Ф. 642. Д. 515. Л. 7. См. также Д. 514. Л. 33–33 об.

³⁰ Людоговский А.П. О костяном удобрении и способах его применения // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1862. Т. 3–4.

³¹ Краткий исторический очерк Московской земледельческой школы. М., 1895. С. 102.

³² ЦИАМ. Ф. 642. Д. 515. Л. 7; Цитович С.Г. Указ. соч. С. 194.

³³ ЦИАМ. Ф. 228. Оп. 2. Д. 135. Л. 86–88.

³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

³⁵ Там же. Ф. 228. Оп. 2. Д. 287. Л. 93–95.

³⁶ Людоговский А.П. Подсолнечник. Принятие, распределение и движение минеральных питательных веществ в связи с образованием органического вещества. СПб., 1869. В отличие от других наук для профессоров по сельскохозяйственным наукам докторская диссертация была не обязательной.

³⁷ См.: Цитович С.Г. Указ. соч. С. 238.

³⁸ Мотивы он изложил в двух записках, адресованных Совету академии: ЦИАМ. Ф. 228. Оп. 2. Д. 287. Л. 4, 29–30.

³⁹ ЦИАМ. Ф. 642. Д. 515. Л. 5. Вместе с ним был уволен и второй соредактор — профессор политэкономии М.П. Щепкин. Благодаря своей последующей деятельности М.В. Неручев вошел в историю как крупный ученый-агроном и популяризатор науки.

⁴⁰ ЦИАМ. Ф. 642. Д. 515. Л. 8.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Ф. 228. Оп. 2. Д. 135. Л. 11, 22.

⁴³ Там же. Л. 25.

⁴⁴ Настольная книга для русских сельских хозяев / Сост. А.П. Людоговским, И.А. Стебуттом, И.Н. Чернопятовым и А.А. Фадеевым,

членами комитета сельскохозяйственной консультации, состоящего при Императорском московском обществе сельского хозяйства. Т. 1. Вып. 1–2. СПб., 1875–1876.

⁴⁵ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1960. С. 101.

⁴⁶ Людоговский А.П. Основы сельскохозяйственной экономики и сельскохозяйственного счетоводства. Опыт руководства для практических хозяев, земледельческих и реальных училищ и в пособие при занятиях студентов высших учебных заведений. СПб., 1875.

⁴⁷ Милль Д.С. Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии / Пер. Н.Г. Чернышевского. Т. 1–2. СПб., 1865; Рошер В.Г. Начала народного хозяйства / Пер. И. Бабста. М., 1860–1862; Он же. Наука о народном хозяйстве в отношении к земледелию и другим отраслям первоначальной промышленности / Пер. М. Щепкина, Э. Циммермана. М., 1869–1870.

⁴⁸ Никонов А.А. Указ. соч. С. 69.

⁴⁹ Людоговский А.П. Указ. соч. С. 77.

⁵⁰ Советов А.В. О системах земледелия // Он же. Избранные сочинения. М., 1950. С. 241–420.

⁵¹ Людоговский А.П. Указ. соч. С. 165.

⁵² Там же. С. 166.

⁵³ Там же. С. 171.

⁵⁴ Даты жизни уточнены мной по архивным документам: ЦИАМ. Ф. 228. Оп. 2. Д. 254. Л. 146 об., 148; Оп. 3. Д. 6724. Л. 15. А.Ф. Фортунатов в некрологе и своих записках ошибочно указывал, что Шишкин родился в 1847 г. (рукопись некролога для журнала «Хозяин» см.: ЦИАМ. Ф. 642. Д. 509). В «Брокгаузе и Ефроне» в статье о Шишкине (Т. 78. С. 607) указан только год смерти, причем неверно (1898).

⁵⁵ Шишкин А.Н. Отчет о занятиях за границею // Сельское хозяйство и лесоводство. 1872. Январь. С. 71–95; Февраль. С. 137–156; Март. С. 269–291; Апрель. С. 405–442.

⁵⁶ Шишкин А.Н. Сельскохозяйственный очерк Новороссии // Сельское хозяйство и лесоводство. Ч. СХІІІ. 1873. Август. С. 265–315; Он же. Сельскохозяйственные очерки центральной черноземной полосы России // Там же. Ч. СХІV. 1873. Сентябрь. С. 53–88.

⁵⁷ Фортунатов А.Ф. Памяти А.Н. Шишкина // Хозяин. 1899. Стлб. 910.

⁵⁸ Через год И.А. Стебут вернулся в Петровку в качестве «преподавателя по найму», затем академия заключала с ним ежегодные контракты.

⁵⁹ Фадеев Анатолий Александрович (1849–1915), выпускник Петровской академии (1872), профессор академии в 1876–87 гг. И.А. Стебут и А.А. Фадеев были женаты на сестрах — дочерях известного агронома Б.А. Михельсона.

⁶⁰ Журнал заседаний совета Петровской земледельческой и лесной академии за 1875–1876 уч. год. М., 1877. С. 70. П.А. Костычев побывал учеником Людоговского дважды: в Московской земледельческой

школе в 1861–1864 гг. и в Петербургском земледельческом институте в 1867–1868 гг.

⁶¹ Цит. по: Балашев Л.Л. Указ. соч. С. 65.

⁶² ЦИАМ. Ф. 228. Оп. 1. Д. 2. Л. 80. Алексей Петрович скончался на руках у своей жены 11 февраля 1882 г. в Москве и похоронен на кладбище Алексеевского монастыря.

⁶³ ЦИАМ. Ф. 228. Оп. 2. Д. 254. Л. 64.

⁶⁴ Шишкин А.Н. Очерк истории развития сельскохозяйственной науки и практики в текущем столетии. М., 1888. С. 1.

⁶⁵ Его же. Сельскохозяйственный очерк Новороссии... С. 315.

⁶⁶ Его же. Очерки Поволжья в сельскохозяйственном отношении // Известия Петровской земледельческой и лесной академии. 1882. Вып. 2. С. 81–109.

⁶⁷ Там же. 92–93.

⁶⁸ Там же. С. 91–92.

⁶⁹ ЦИАМ. Ф. 642. Д. 509. Л. 18.

⁷⁰ Там же. Д. 515. Л. 13–14.

⁷¹ Там же. Ф. 642. Д. 509. Л. 11об.

⁷² Фортунатов называл своими учителями 8 человек: К.А. Тимирязева, Г.Г. Густавсона, И.А. Стебута, К.Э. Линдемана (Петровская академия), С.П. Боткина, П.Ф. Лесгафта (Петербург), А.И. Чупрова и В.И. Герье (Московский университет). Конспекты лекций Шишкина см.: ЦИАМ. Ф. 642. Д. 113.

⁷³ ЦИАМ. Ф. 642. Д. 518. Л. 10.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Жена А.Н. Шишкина с 1874 г. гражданка Франции Мария-Екатерина Мишель (Екатерина Яковлевна) умерла в 1890 г.

⁷⁶ ЦИАМ. Ф. 228. Оп. 2. Д. 254. Л. 134, 141.

⁷⁷ Шишкин А.Н. Сельскохозяйственная экономия. 2-е изд. СПб., 1908.

⁷⁸ Там же. С. IX.

⁷⁹ ЦИАМ. Ф. 642. Д. 509. Л. 22.

⁸⁰ Шишкин А.Н. Сельскохозяйственная экономия. Ч. 1. С. 111.

⁸¹ Впрочем, Шишкину, вероятно, было присуще серьезное отношение к религии: так, после смерти жены он совершил паломничество в Палестину (ЦИАМ. Ф. 228. Оп. 2. Д. 254. Л. 115).

⁸² Там же. Ф. 642. Д. 515. Л. 14.

⁸³ Там же. Д. 509. Л. 23.

Аграрные преобразования 60-х гг. XIX в.: возможности и методы решения земельного вопроса (по материалам губерний Верхнего Поволжья)

Аграрные преобразования, проведенные в 60-х гг. XIX в., являются основным элементом «Великих реформ», кардинально изменивших Россию. Одной из главных задач, стоявших перед правительством Александра II, было решение земельного вопроса так, чтобы и «волки были сыты и овцы целы». Задачи безболезненного перераспределения собственности всегда трудноразрешимы. В связи с этим возникают следующие аспекты проблемы: насколько сильно была изменена система землевладения и как далеко пошла власть по пути преобразований для достижения социально-экономического компромисса в России. Данная работа посвящена исследованию этих вопросов на материалах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний, составлявших регион Верхнего Поволжья.

В ходе реализации реформ 1861, 1863 и 1866 гг. положение помещичьих, удельных и государственных крестьян изменилось коренным образом. Причем изменению подвергся не только их юридический статус, но и материальное положение, что выразилось главным образом в размере земельного надела.

Основной группой крестьянства в Верхнем Поволжье были помещичьи крестьяне. По данным 10-й ревизии, на их долю приходилось во Владимирской губернии 62,3% всего крестьянского населения мужского пола, в Костромской — 64,6%, в Ярославской — 67,9%¹.

Рассмотрим изменения, происшедшие в крестьянском землепользовании в ходе отмены крепостного права. Согласно Положениям 19 февраля 1861 г., в начале размежевания помещика с крестьянами в каждом имении составлялась уставная грамота

* Александров Николай Михайлович — кандидат исторических наук (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова).

и на ее основе помещик «полюбовно» с крестьянами разрешал вопрос о размерах наделов и повинностей. При несогласии сторон применялись установленные Положениями нормы.

Размер высших душевых наделов в губерниях Верхнего Поволжья, установленный местным положением о поземельном устройстве крестьян, колебался от 3,5 десятины в ряде мест Владимирской и Ярославской губерний до 6 десятин в восточной части Костромской губернии.

Положения 19 февраля 1861 г. устанавливали нормы не только высших, но и низших крестьянских наделов (размер низшего надела составлял $\frac{1}{3}$ от высшего) и гарантировали помещику сохранение $\frac{1}{3}$ части общей площади земли имения, даже если при этом крестьянский надел оказывался ниже установленной нормы. Подобные ограничения не могли не привести в целом ряде местностей к сокращению крестьянских наделов.

В исторической литературе давно принято считать, что в целом по России в результате реформы 1861 г. крестьяне лишились $\frac{1}{5}$ предоставлявшегося им при крепостном праве надела. Эта цифра приводится как достоверный факт во всей современной учебной литературе². Между тем она получена за счет простого сопоставления данных статистического обследования землевладения 1877–1878 гг. с данными Редакционных комиссий.

Сведения о размерах землепользования крестьян до реформы 1861 г. и после ее проведения указывались еще в дореволюционных работах³. Исследователи не раз пытались проверить данные об изменении крестьянского землепользования в ходе реформы 1861 г. Первые попытки такой проверки проводились еще в самом начале XX в. Так, на основе изучения уставных грамот Саратовской губернии В. Серебряков пришел к выводу, что сведения о дореформенном землепользовании крестьян губернии в материалах Редакционных комиссий меньше фактических. Отсюда и неверное исчисление размера земли, отрезанной от крестьянских наделов⁴. Дело в том, что данные Редакционных комиссий составлялись на основе сведений, полученных от помещиков, а те нередко старались показать крестьянский надел меньшим, чем это было на самом деле.

Изучение результатов реформы на основе анализа уставных грамот было продолжено в середине 20-х гг. XX в. уже советскими историками. Инициаторами стали профессор Ярославского педагогического института И.И. Полосин и В.И. Бочкарев, организовавшие обработку грамот ярославскими студентами. Аналогичная работа проводилась под их же руководством студентами Тверского педагогического института и Нижегородского

университета. Однако ее результаты, к сожалению, по большей части не были опубликованы. В свет вышло лишь несколько небольших статей, в том числе статья Н.П. Синотова о проведении аграрных преобразований в одной из волостей Ярославской губернии⁵.

Вновь активно реформа 1861 г. стала изучаться в 50-х гг. XX в. во многом благодаря П.А. Зайончковскому и его ученикам. В ходе этой работы были созданы две фундаментальные монографии⁶.

В дальнейшем эта тема не раз привлекала исследователей ряда регионов. В результате выяснилось, что действительно данные Редакционных комиссий не всегда точно отражают размеры дореформенных крестьянских наделов. Таким образом, официальные сведения об отрезках требуют значительной корректировки⁷.

Изучению хода реформы 1861 г. во Владимирской и Костромской губерниях посвящены специальные работы⁸. К сожалению, пионеры в изучении данной темы — ярославские ученые — не продолжили работу Н.П. Синотова и целостного исследования реформы 1861 г. в Ярославской губернии так и не создано. Существующее исследование Л.Б. Генкина только вскользь затрагивает проблему изменения крестьянского землепользования в результате проведения реформы⁹. В.Г. Зимина на основе анализа уставных грамот установила, что отрезанная от крестьянских наделов земля составила 15,7% общей земельной площади, находившейся в пользовании владимирских крестьян до реформы 1861 г. Следовательно, автор показала, что произошло сокращение земельного участка. В конечном счете средний душевой надел у помещичьих крестьян стал равен 3,6 десятины, тогда как до реформы он составлял 4,2 десятины¹⁰.

Необходимо отметить, что не следует абсолютизировать данные уставных грамот. Исследователи неоднократно указывали, что данный источник, особенно в той части, где описана дореформенная ситуация, всегда содержал значительные погрешности в показателях¹¹. Так, при изучении уставных грамот северо-западных губерний России было установлено, что только для 60% новгородских крестьян информация о дореформенном землепользовании приведена достаточно верно. Причем уточнить дореформенные показатели, как считает С.Г. Кашенко, на основании сопоставления уставных грамот, выкупных актов и сопутствующих им документов удается очень редко, так как одна и та же формулировка обычно повторяется по всем материалам¹².

Поуездные данные об изменении размера крестьянского землепользования во Владимирской и Костромской губерниях приведены в таблице 1.

Наивысший процент отрезки составляют в Судогодском, Александровском, Меленковском и Переславском уездах; наименьший — в Гороховецком, Покровском и Муромском. Как указывает В.Г. Зими́на, наибольший процент отрезков происходил в тех уездах, где были наименее развиты капиталистические отношения и преобладали барщинная или смешанная форма эксплуатации; наименьший же процент отрезков — в уездах, где преобладал оброк. Интересно отметить, что, изучая уставные грамоты соседней с Владимирской Московской губернии, Б.Г. Литвак пришел к диаметрально противоположным выводам. Он утверждает, что в оброчных имениях отрезки были больше, нежели в барщинных. Подобное противоречие, по мнению П.А. Зайончковского, «свидетельствует лишь о том, что форма эксплуатации не оказывала решающего влияния на величину отрезываемых земель»¹³. С.Г. Кащенко на основании изучения хода реформы в Новгородской, Санкт-Петербургской и Псковской губерниях так же, как и Б.Г. Литвак, считает, что в ходе реформы оброчные крестьяне потеряли больше земли, чем барщинные¹⁴. По его мнению, это связано с тем, что до реформы 1861 г. в каждой из трех губерний средние размеры наделов оброчных превышали наделы крестьян, исполнявших барщину. В то же время С.Г. Кащенко отмечает, что сравнения, «проведенные на уездных уровнях, показывают, что в “земледельческих” уездах наделы оброчных крестьян явно превосходят наделы барщинных крестьян, в уездах же “промысловых”, с более значительным развитием неzemледельческих промыслов, где оброчным крестьянам доводилось меньше заниматься земледелием, наблюдается обратная картина»¹⁵. Все это еще раз доказывает, что чем детальнее происходит изучение российской деревни, тем более сложными и неоднородными оказываются происходившие в ней процессы.

В вышеназванной работе В.Г. Зиминой дается подробный анализ хода реформы в двух уездах Владимирской губернии: Юрьевском, принадлежавшем к числу непромышленных уездов, и Покровском — одном из наиболее развитых в индустриальном отношении. Уровень индустриализации отразился и на форме эксплуатации помещичьих крестьян. В Покровском уезде по сравнению с Юрьевским количество барщинных крестьян было значительно меньше, а оброк, наоборот, был развит несколько больше. В результате реализации реформы в Юрьевском уезде

64,5% всех крестьян получили наделы, равные высшей норме или превышающие ее, в Покровском — 66,4%. По этому показателю уезды мало отличались между собой. В основном причиной отрезки земли в обоих уездах было уменьшение надела до высшей нормы. В Юрьевском и Покровском уездах она составляла 4–4,5 десятины на ревизскую душу.

По отношению к различным группам имений процент отрезанных земель в обоих уездах был неодинаков. Наибольший процент был в мелкопоместных имениях, а наименьший — в крупнопоместных¹⁶.

Таблица 1

**Изменения в размерах наделов помещичьих крестьян
Верхнего Поволжья в результате проведения реформы 1861 г.**

Уезд, губерния	Сокращение надельной земли в %	Земли до реформы на душу (дес.)	Земли после реформы на душу (дес.)
Александровский	24	4,4	3,4
Владимирский	11	3,4	3,0
Вязниковский	12	4,0	3,6
Гороховецкий	7	4,9	4,6
Ковровский	18	4,5	3,9
Меленковский	22	3,8	3,1
Муромский	10	3,3	3,0
Переславский	20	5,0	4,0
Покровский	9	4,2	3,8
Судогодский	29	5,8	4,1
Суздальский	15	4,4	3,7
Шуйский	16	3,7	3,3
Юрьевский	17	4,4	3,7
По Владимирской губернии	16	4,2	3,6
Буйский	28	6,3	4,5
Варнавинский	33	8,9	5,6
Ветлужский	27	8,1	5,9
Галичский	31	7,2	4,5
Кинешемский	38	6,3	3,9
Кологривский	43	10,1	5,9

Таблица 1 (окончание)

Уезд, губерния	Сокращение надельной земли в %	Земли до реформы на душу (дес.)	Земли после реформы на душу (дес.)
Костромской	31	5,7	4,0
Макарьевский	31	7,5	5,2
Нерехтский	14	4,5	3,9
Солигаличский	41	9,9	5,8
Чухломской	45	10,4	5,8
Юрьеveckий	26	4,8	3,5
По Костромской губернии, всего	32	6,9	4,8

Источники: Зимина В.Г. Крестьянская реформа 1861 года во Владимирской губернии. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1956. С. 340; Горланов Л.Р. Отмена крепостного права в Костромской губернии. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 348.

В Костромской губернии в результате проведения реформы 1861 г. общая площадь крестьянского землепользования сократилась на 32%. По этому показателю она опережала все губернии центральной России. Из 44 губерний европейской части страны только в 7 доля отрезков была больше, чем в Костромской губернии. Лидировала Саратовская губерния, где в ходе реформы крестьяне потеряли 42,4% надельной земли¹⁷.

Интересно отметить, что до изучения историками уставных грамот считалось, что костромские крестьяне потеряли только 5,4% надельной земли¹⁸. Это — официальные данные. Фактическое сокращение оказалось в 6 раз большим. Дело в том, что костромские помещики констатировали, что накануне отмены крепостного права в наделах костромских крестьян находилось в общей сложности 1,5 млн десятин земли. В то время как по уставным грамотам значилось 1,8 млн десятин. Таким образом, в общей сложности костромские помещики в анкетах показали на 300 тыс. десятин меньше, чем было ее в действительности. В результате Редакционные комиссии назначили такие нормы высших наделов, которые были значительно ниже тех средних наделов, которыми крестьяне пользовались до реформы. В связи с этим вся основная масса земли в губернии (99,7%) была отрезана из-за того, что дореформенные наделы крестьян превышали установленные Положениями высшие нормы¹⁹.

В результате сокращения общей площади крестьянского землепользования средний душевой надел в губернии уменьшился, по расчетам Л.Р. Горланова, с 6,9 десятины до 4,8 десятины. Это несмотря на то что основная масса крестьян (77%) получила высший надел²⁰. Если до реформы 1861 г., по мнению исследователя, «для большинства помещичьих крестьян в губернии не существовало потребности увеличения общей площади надела»²¹, то после отмены крепостного права ситуация изменилась.

Наибольшее сокращение земельных наделов было у крестьян Чухломского, Кологривского, Солигаличского уездов, а наименьшее — у крестьян Нерехтского, Юрьевецкого и Ветлужского уездов. Таким образом, более сильное сокращение, как правило, имело место там, где до реформы у крестьян были значительные площади наделной земли. Слабее сокращение происходило в тех местностях, в которых крестьяне и до реформы пользовались небольшими наделами.

Относительно связи между величиной сокращения надела и формой эксплуатации крестьян накануне реформы 1861 г. выводы Л.Г. Горланова таковы: в целом по Костромской губернии доля отрезанных земель у барщинных крестьян была несколько больше, чем у оброчных. Это связано с тем, что накануне отмены крепостного права наименьшие наделы имели крестьяне оброчной формы эксплуатации, наибольшие — крестьяне барщинные. Положения же вводили единую норму высших наделов для всех категорий крестьян²². Если же рассматривать процесс сокращения крестьянского землепользования не только в зависимости от формы эксплуатации крестьян, но и по размерам помещичьих имений, в которых они проживали, то картина будет более сложной. Так, у оброчных крестьян в мелкопоместных имениях сокращение надела было большим, чем у барщинных, а у крестьян в среднепоместных и крупнопоместных имениях наоборот²³.

На основании изучения уставных грамот Л.Р. Горланов пришел к заключению, что из всех категорий имений наибольшему сокращению крестьянское землепользование подверглось в мелкопоместных имениях, а наименьшему — в крупнопоместных. Среднее место между ними заняли среднепоместные имения. Это также объясняется особенностями дореформенного землепользования крестьян в разных категориях имений: наибольшие по величине наделы накануне отмены крепостного права были у крестьян мелкопоместных имений, наименьшие — у крестьян крупнопоместных. Поскольку нормы высших наделов принима-

лись одинаковыми для всех категорий имений, то, естественно, наибольшее количество земель было отрезано в наделах мелкопоместных имений, наименьшее — в наделах крестьян крупнопоместных имений²⁴. Это еще раз указывает на прямопропорциональную зависимость величины отрезков от размеров крестьянского землепользования накануне реформы 1861 г.

По официальным данным, в ходе реализации реформы 1861 г. наделы ярославских крестьян сократились на 7,1%²⁵.

Подводя итог рассмотрению вопроса об изменении землепользования помещичьих крестьян в ходе реформы 1861 г., можно сделать следующие выводы: сведения об изменении крестьянских наделов на губернском и уездном уровнях свидетельствуют, что в промышленных, более плотно заселенных местностях, как правило, отрезки были меньше, чем в отдаленных «глухих» районах. В малонаселенных уездах Верхнего Поволжья значительное количество крестьян до реформы имели наделы, превышающие высшую норму, установленную Положением. В ходе реализации реформы крестьянская надельная система в Верхнем Поволжье была сильно деформирована. Причем основная причина изменений обуславливалась системой «высших» размеров наделов, установленной местным Положением, т. к. основная масса крестьян региона получила землю в соответствии с нормой высшего надела.

При таком подходе к проблеме наделения земель после реформы наибольшие наделы получили крестьяне тех уездов, в которых были наибольшие высшие размеры участков. Сходная картина наблюдалась и в других регионах страны²⁶. Сокращение крестьянских наделов было фактически заложено в систему «высших» наделов, которые были значительно меньше реально существовавших. Каким бы ни был этот «высший» надел, он почти всегда оказывался меньше того участка земли, которым крестьянин пользовался до реформы, что и приводило к отрезке земли. Причем в ходе подготовки реформы 1861 г. разработчики ее в некоторых случаях пошли на сокращение ранее предложенных норм «высшего» надела в местностях, где плотность населения была небольшой и крестьяне до реформы не испытывали недостатка в земле. Так было, например, в Кологривском и Ветлужском уездах Костромской губернии²⁷.

После реформы произошло выравнивание крестьянских наделов под размер «высшего» для данной местности и, как следствие, общее сокращение отличий в размерах участков в целом по региону. Во Владимирской губернии до реформы средний

душевой надел в самом «богатом» землей уезде в 1,8 раза превосходил таковой в «самом» бедном уезде, а после реформы разрыв сократился до 1,5 раза. В более неоднородной по своему социально-экономическому развитию Костромской губернии до реформы размер среднего душевого надела в разных уездах отличался в 2,3 раза, а после реформы — только в 1,7 раза. Таким же, как и в Костромской губернии, было различие среднего пореформенного душевого надела в Ярославской губернии. Данный факт указывает на то, что в ходе подготовки и проведения реформы ее разработчики слабо учитывали хозяйственное своеобразие различных местностей. Они решили сократить различия в размерах землепользования крестьян в разных местностях одного региона. Такое выравнивание наделов не могло не отразиться на организации деятельности крестьянского хозяйства, которая складывалась на протяжении длительного времени и имела свои местные особенности. По мнению некоторых исследователей, именно нивелировка наделов, сильно ударившая по крестьянскому двору, была более важным последствием реформы 1861 г., чем величина «отрезки» и даже величина повинностей и выкупных платежей²⁸.

Реформа 1861 г. во многом определила пути дальнейшего развития деревни Верхнего Поволжья. Деформация и сокращение наделов вызвали обращение крестьян к аренде и покупке помещичьих земель. Следует отметить, что в результате реформы 1861 г. часто разрушалась вся существовавшая прежде система землепользования в деревне. Находившаяся в непосредственном пользовании крепостных земля, особенно в нечерноземной полосе, отнюдь не являлась единственным источником их жизнеобеспечения. Право использования крестьянами с разрешения помещиков или несанкционированно занедельных лесов, лугов, пастбищ, пустошей при крепостном праве являлось неотъемлемым элементом в общей системе устойчивого крестьянского хозяйства. В пореформенный период это стало невозможно.

Вслед за помещичьими крестьянами преобразования затронули и удельных крестьян. В России в распоряжении Департамента уделов накануне реформ 60-х гг. XIX в. находилось более 9 млн десятин земли, на которых проживали свыше 2 млн крепостных крестьян обоого пола. Удельные имения были размещены в 27 губерниях, причем наибольшее количество сельского населения находилось в восточных колонизирующихся районах Поволжья и Приуралья. В других районах страны недвижимая собственность императорской семьи была представлена зна-

чительно слабее. Так, в Верхнем Поволжье удельные имения имелись в 11 (из 13) уездах Владимирской губернии и 7 (из 12) уездах Костромской губернии²⁹. Согласно 10-й ревизии (1858), доля удельных крестьян во Владимирской губернии составила 6,8% от всего крепостного населения мужского пола, а в Костромской несколько больше — 14,4%³⁰. В Ярославской губернии Департамент земельной недвижимости не имел, а следовательно, не располагал такой категорией крестьянства.

Социально-экономическое переустройство помещичьей деревни обусловило изменения и в удельной деревне. Реформа 1863 г. должна была стать продолжением реформы 1861 г., причем личную свободу удельные крестьяне получили еще раньше. Крепостное право для этой группы сельских жителей отменялось царскими указами от 20 июня 1858 г. и 26 августа 1859 г.³¹ По ним «личностные и имущественные права», предоставленные «свободным сельским сословиям», распространялись на удельных крестьян. Однако их административное и экономическое положение было нормировано позднее, уже после опубликования Положений 19 февраля 1861 г. Разрешая земельный вопрос, правительство стремилось унифицировать не только управление всеми разрядами крестьян — помещичьими, удельными и государственными, но также и их хозяйственное положение, избегая крупных различий в экономических правах разных категорий крестьянства. 26 июня 1863 г. Александр II утвердил «Положение о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных», по которому вводился обязательный выкуп надельной земли³². Временнообязанное состояние для удельных крестьян исключалось.

В статье 23 Положения 26 июня 1863 г., определявшей размеры поземельного владения удельных крестьян, указывалось, что в наделы отводится не вся земля, которой они пользовались до реформы, а только та часть, которая числилась по табели поземельного сбора. Нередко в распоряжении крестьян находились большие участки земли, чем значилось по табели. Это позволяло провести отрезку крестьянской земли при условии, если ее общее количество, числившееся по табели, не было меньше норм наделов, определенных местными Положениями 19 февраля 1861 г. В ряде случаев предусматривалось увеличение наделов.

В таблице 2 приводятся данные о размерах участков крестьян удельного ведомства в Верхнем Поволжье до и после реформы 26 июня 1863 г.

**Изменения в размерах наделов удельных крестьян
Верхнего Поволжья в результате проведения реформы 1863 г.**

Губерния	Сокращение (-), увеличение (+) надельной земли в %	Земли до реформы на душу (дес.)	Земли после реформы на душу (дес.)
Владимирская	-6,5	4,6	4,3
Костромская	+7,0	4,5	4,8

Источник: Богатикова Г.И. Реформа 26 июня 1863 года в удельной деревне // Исторические записки. 1958. Т. 63. С. 97, 106.

Из таблицы видно, что реформа, проведенная в удельной деревне, по-разному отразилась на землепользовании крестьян Владимирской и Костромской губерний. Если во Владимирской губернии в ходе реализации реформы 1863 г. произошло сокращение крестьянских наделов на 6,6%, то в Костромской, наоборот, их увеличение на 7,0%. Согласно расчетам Г.И. Богатиковой, в целом по стране освобождение крестьян удельного ведомства, как и помещичьих, сопровождалось сокращением наделов в результате отрезков земли, находившейся в их пользовании до реформы. По 20 губерниям землепользование удельных крестьян после реформы уменьшилось в среднем на 3,5 %³³. В итоге средний надел на ревизскую душу уменьшился с 4,94 до 4,78 десятин³⁴. Интересно следующее обстоятельство: в одной губернии (Астраханской) в ходе реализации реформы землепользование количественно не изменилось, в 14 губерниях произошло сокращение крестьянских земель, а в 5 губерниях наделы были увеличены. При этом следует иметь в виду, что в 1865 г. из Оренбургской губернии была выделена Уфимская губерния, а значит, в ходе реализации реформы численность административно-территориальных образований, в которых произошло сокращение крестьянского землепользования, возросло с 13 до 14³⁵. Увеличение земельных участков произошло в северных лесных губерниях страны. Дореформенные наделы здесь были в большинстве случаев меньше норм, установленных Положениями 19 февраля 1861 г. для бывших владельческих крестьян. Это заставило Департамент уделов пойти на некоторое увеличение крестьянских наделов. Согласно ст. 28 и 30 Положения 26 июня 1863 г., в местностях с переложным лесным

или смолокурным лесным хозяйством прирезка земли должна была производиться за счет «дровяных лесов и кустарных зарослей». Таким образом, правительство стремилось по возможности не нарушить сложившуюся у крестьян систему хозяйства.

В результате отрезки земли у удельных крестьян Владимирской губернии и прирезки ее в Костромской губернии средний душевой надел костромских крестьян стал превышать средний надел владимирцев. До реформы все было наоборот. В таблице 4 представлены сведения о пореформенных наделах крестьян разных категорий. Из данных таблицы видно, что, несмотря на отрезку земли, средний надел владимирских удельных крестьян был больше, чем у помещицких. В Костромской губернии даже после прирезки земли средний надел удельных крестьян оказался меньше, чем у помещицких. Причины, по которым правительству не удалось обеспечить их землей на уровне помещицких, будут подробно рассмотрены ниже.

Одновременно с подготовкой реформы 19 февраля 1861 г. правительство приступило к решению вопроса о ликвидации сословия государственных крестьян. По данным 10-й ревизии, доля государственных крестьян мужского пола среди всех категорий крестьян составляла 32,1% в Ярославской губернии, 30,9% — во Владимирской и 21,0% — в Костромской³⁶. Государственные крестьяне составляли вторую по численности группу сельского населения во всех губерниях региона.

Государственные крестьяне, жившие на казенной земле и платившие оброк государству, считались «свободными сельскими обывателями» и обладали гражданскими правами, т. е. по сути не являлись крепостными. Законом 18 января 1866 г. управление ими передавалось в ведение «общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений», определенных Положениями 19 февраля 1861 г.³⁷

24 ноября 1866 г. был утвержден закон «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях»³⁸. Он закреплял за ними существующие наделы, но не свыше 8 десятин на ревизскую душу в малоземельных уездах и 15 десятин в многоземельных. Земля эта оставалась лишь в пользовании, хотя формально государственные крестьяне объявлялись «собственниками» наделов. Их размеры в каждом сельском обществе определялись владенной записью. За пользование землей крестьяне обязаны были платить ежегодно так называемую го-

сударственную оброчную подать. Величина ее для 9 губерний, в том числе и Ярославской, соответствовала существовавшим ранее оброчным платежам. В остальных 27 губерниях, в том числе Владимирской и Костромской, где в отличие от первой группы губерний еще не была произведена оценка земли, оброчная подать составлялась из существовавших ранее оброчных платежей и добавочного сбора, который устанавливался с 1 января 1867 г.³⁹ Объем оброчной подати не подлежал изменению в течение 20 лет. Закон от 24 ноября 1866 г. не вводил для государственных крестьян обязательного выкупа казенных наделов. Это было сделано только спустя два десятилетия на основании закона от 12 июня 1886 г. Тогда же, в середине 60-х гг., сельским обществам и владельцам подворных участков разрешалось в добровольном порядке выкупать оброчную подать, капитализированную из 6%.

Составление владенных записей согласно закону поручалось чиновникам Министерства государственных имуществ. Сроки их оформления и выдачи устанавливались в зависимости от состояния работ по межеванию. Так, для 14 губерний, в том числе Ярославской, где межевые работы были закончены ко времени принятия закона от 26 ноября 1866 г., срок выдачи записей устанавливался в два года. Для губерний, где они еще не были закончены, сроки увеличивались. Выдачу владенных записей в Костромской губернии планировалось завершить через 4 года, а во Владимирской — через 6 лет.

В литературе справедливо утвердилось мнение, что наделение земель в государственной деревне происходило на более выгодных для крестьян условиях, чем в помещичьей и удельной⁴⁰. Однако это не означает, что в ходе реформы землепользование государственных крестьян не подверглось изменению. Академик Н.М. Дружинин, специально занимавшийся этим вопросом, провел сравнение дореформенного и пореформенного землепользования в государственной деревне. Для этого он сопоставил данные владенных записей с размерами наделной земли в 1858 г. В результате получилось, что в целом по стране наделное землевладение государственных крестьян в результате реализации реформы 1866 г. уменьшилось⁴¹. Данные расчетов Н.М. Дружинина о землепользовании государственных крестьян по губерниям Верхнего Поволжья до и после реформы 1866 г. приведены в таблице 3.

**Наделное землевладение государственных
крестьян в Верхнем Поволжье**

Губерния	1858 г.	По владенным записям	Изменения во владенных записях	
	Десятин удобной земли и леса	Десятин удобной земли и леса	Десятин удобной земли и леса	В %
Владимирская	823 052	721 624	-101 378	-12,3
Костромская	647 071	562 619	-84 452	-13,1
Ярославская	519 991	385 478	-134 513	-25,9

Источник: Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе: 1861–1880 гг. М., 1978. С. 109.

Из таблицы видно, что в ходе реформы государственные крестьяне во всех губерниях региона потеряли значительную часть земель. Какое-то несоответствие земельных площадей могло быть из-за разницы в методах учета угодий в разные годы. Так, по мнению правительственных чиновников, в ряде губерний страны, в том числе Костромской и Владимирской, кадастровые и межевые работы, произведенные в 40-х и 50-х гг. XIX в. «не всегда отличались точностью»⁴². Но самое большое сокращение наделов было не в них, а в Ярославской губернии. В ней крестьяне лишились $\frac{1}{4}$ общей площади используемых до реформы земель. Сокращение площадей происходило не только из-за превышения у некоторых крестьян нормы в 8 десятин на ревизскую душу, но и нередко из-за нежелания государственных крестьян брать участки по причине их отдаленности от селений. Как правило, подобный отказ происходил в тех местностях, где были сильно распространены различные промыслы, особенно отхожие⁴³. Уменьшение в ходе реформы наделной площади у государственных крестьян характерно для всего Центрально-промышленного района⁴⁴. Здесь в 60–70-х гг. XIX в. наряду с деревенскими промыслами интенсивно развивалась фабричная промышленность; много крестьян уходило на заработки в столицы. Сельское же хозяйство региона в этот период находилось в упадке из-за своей малой рентабельности. В связи с этим крестьяне, чтобы уменьшить расходы по выплате оброчной подати,

нередко отказывались от своего права на удержание за собою всего существующего надела.

По-видимому, распространение такого явления, как отказ от части надела, у государственных крестьян Ярославской губернии и привело к значительному сокращению в ней крестьянского землевладения. Известно, что она по уровню развития отхожих промыслов выделялась даже среди губерний Центрально-промышленного района. В начале пореформенного периода по этому показателю она уступала лишь Московской губернии. Уход из деревни значительной части мужчин сокращал возможности крестьянского двора по обработке земли, и крестьяне вынуждены были отказываться от части надела. Сокращение надела в местностях, где его размеры не превышали установленной правительством нормы, происходил по воле самих государственных крестьян. Следовательно, утвердившееся в советской исторической литературе мнение о грабительском характере всех земельных реформ 60-х гг. XIX в., как и мнение о том, что все крестьяне были сильно «привязаны» к земле, не всегда точно отражает происходившие в деревне преобразования и настроение селян.

Из вышеизложенного материала видно, что в результате аграрных преобразований 60-х гг. XIX в. в землепользовании крестьян Верхнего Поволжья произошли существенные изменения. Итоги реформ в области распределения земли хорошо прослеживаются на основании данных Первой поземельной переписи 1877–1878 гг., достоверность которой очень высока⁴⁵. Перепись уточнила количество надельной земли, полученной крестьянами всех разрядов после всевозможных перемен в ходе проведения реформ (отрезок, прирезок, размежеваний и т. п.). Данные поземельной переписи в целом подтвердили расчеты исследователей, полученные в результате обработки уставных грамот о размерах пореформенных крестьянских наделов у бывших помещичьих крестьян Владимирской и Костромской губерний. Расхождения весьма незначительны. Наличие же подробных сведений о наделах, полученных в результате реформ, не только помещичьих, но и удельных, и государственных крестьян по всем уездам Верхнего Поволжья позволяет провести сравнение земельного обеспечения крестьян разных разрядов. Данные о пореформенных наделах крестьян всех категорий приведены в таблице 4.

Таблица 4

Наделное землевладение крестьян Верхнего Поволжья в 1877 г.

Уезд	Душевой надел (десятин)		
	бывших помещичьих крестьян	бывших удельных крестьян	бывших государственных крестьян
Владимирская губерния			
Александровский	3,4	4,6	6,0
Владимирский	3,0	—	3,7
Вязниковский	3,5	4,2	5,8
Гороховецкий	4,4	3,3	6,2
Ковровский	3,9	3,9	5,6
Меленковский	3,3	5,5	7,9
Муромский	2,9	3,3	3,7
Переславский	4,0	1,5	6,3
Покровский	3,8	—	5,2
Судогодский	4,2	4,7	6,2
Суздальский	3,8	3,8	4,2
Шуйский	3,2	3,1	5,0
Юрьевский	3,7	6,6	4,8
По Владимирской губернии	3,6	4,3	5,1
Костромская губерния			
Буйский	4,5	—	4,1
Варнавинский	5,8	6,5	5,4
Ветлужский	6,1	6,2	9,9
Галичский	4,8	3,5	5,7
Кинешемский	4,0	3,8	4,4
Кологривский	6,4	—	8,2
Костромской	4,2	4,5	5,0
Макарьевский	5,5	5,4	7,0
Нерехтский	3,7	—	4,4
Солигаличский	5,9	—	5,7
Чухломской	5,9	—	8,6
Юрьевецкий	3,8	3,5	4,5
По Костромской губернии	4,9	4,7	6,1

Таблица 4 (окончание)

Уезд	Душевой надел (десятин)		
	бывших помещичьих крестьян	бывших удельных крестьян	бывших государственных крестьян
Ярославская губерния			
Даниловский	3,7	—	4,4
Любимский	4,1	—	4,5
Мологский	3,9	—	3,6
Мышкинский	3,5	—	4,1
Пошехонский	5,3	—	5,7
Р.-Борисоглебский	3,7	—	5,0
Ростовский	3,1	—	4,1
Рыбинский	3,7	—	4,8
Угличский	3,7	—	4,1
Ярославский	3,2	—	3,9
По Ярославской губернии	3,8	—	4,3
По Европейской России	3,4	4,8	5,9

Источники: Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. II. СПб., 1881. С. 80–112, 114–152, 194–230; Поземельная собственность Европейской России 1877–1878 гг. СПб., 1886. С. 42–43.

Из приведенных в таблице 4 сведений следует, что земельная обеспеченность бывших помещичьих крестьян в регионе была далеко не одинаковой. В ходе реализации реформы 1861 г. крестьяне получили в среднем на одну душу мужского пола 3,6 десятины земли во Владимирской губернии, 3,8 десятины — в Ярославской и 4,9 десятины — в Костромской. В Европейской России средний надел бывших помещичьих крестьян составлял 3,4 десятины на душу. Таким образом, если во Владимирской и Ярославской губерниях средний крестьянский надел мало отличался от среднего крестьянского надела в целом по стране, то в Костромской губернии средний крестьянский надел значительно превышал как средний надел в целом по России, так и наделы бывших помещичьих крестьян других губерний региона. В Костромской губернии, несмотря на то что в результате реформы крестьяне потеряли $\frac{1}{3}$ находившейся в их пользовании

земли, в среднем надел был почти в полтора раза больше, чем во Владимирской и Ярославской губерниях. В то же время необходимо отметить, что если в последних нет четко прослеживаемой зависимости между расположением уезда и величиной пореформенного надела у бывших помещичьих крестьян, то в Костромской губернии эта связь четко прослеживается. Самые большие участки получили крестьяне слабо заселенных «лесных» уездов на северо-востоке губернии, а самые малые — в плотно населенных «фабричных» уездах на юго-западе.

Бывшие удельные крестьяне после реформы 1863 г. располагали в среднем 4,3 десятины земли во Владимирской и 4,7 в Костромской губерниях. По России указанная категория крестьян имела душевой надел размером в 4,8 десятины. В данном случае наблюдается прямо противоположная картина по сравнению с бывшими помещичьими крестьянами: средний надел в губерниях Верхнего Поволжья оказался меньше, чем в целом по стране. Это связано с местоположением землевладения удельного ведомства. Значительные площади, принадлежащие Департаменту, как указывалось выше, находились в малонаселенных районах Приуралья, Севера, Нижнего Поволжья, где крестьяне получили в ходе реформы удельной деревни значительно больше земли, чем в Центрально-промышленном районе. Данным обстоятельством объясняется и тот факт, что если в целом по стране средний надел бывших удельных крестьян превышал средний душевой надел бывших помещичьих крестьян, то в ряде уездов Верхнего Поволжья земельные участки бывших удельных крестьян были меньше участков бывших помещичьих. Соотношение душевых наделов разных категорий крестьян представлено в таблице 5.

Таблица 5

Соотношение размеров душевых наделов крестьян различных категорий в губерниях Верхнего Поволжья

Уезд, губерния	Надел помещичьих крестьян (принят за 100%)	Надел удельных крестьян в % к наделу помещичьих кр-н	Надел государственных крестьян в % к наделу помещичьих кр-н
Александровский	100	135,3	176,5
Владимирский	100	—	123,3
Вязниковский	100	120,0	165,7
Гороховецкий	100	75,0	140,9

Таблица 5 (продолжение)

Уезд, губерния	Надел помещичьих крестьян (принят за 100%)	Надел удельных крестьян в % к наделу помещичьих кр-н	Надел государственных крестьян в % к наделу помещичьих кр-н
Ковровский	100	100,0	143,6
Меленковский	100	166,7	239,4
Муромский	100	113,8	127,6
Переславский	100	37,5	157,5
Покровский	100	—	136,8
Судогодский	100	111,9	147,6
Суздальский	100	100,0	110,5
Шуйский	100	96,9	156,3
Юрьевский	100	178,4	129,7
Владимирская губерния	100	119,4	141,7
Буйский	100	—	91,1
Варнавинский	100	112,1	93,1
Ветлужский	100	101,6	162,3
Галичский	100	72,9	118,8
Кинешемский	100	95,0	110,0
Кологривский	100	—	128,1
Костромской	100	107,1	119,0
Макарьевский	100	98,2	127,3
Нерехтский	100	—	118,9
Солигаличский	100	—	96,6
Чухломской	100	—	145,8
Юрьевоцкий	100	92,1	118,4
Костромская губерния	100	95,9	124,5
Даниловский	100	—	118,9
Любимский	100	—	109,8
Мологский	100	—	92,3
Мышкинский	100	—	117,1
Пошехонский	100	—	107,5

Таблица 5 (окончание)

Уезд, губерния	Надел помещичьих крестьян (принят за 100%)	Надел удельных крестьян в % к наделу помещичьих кр-н	Надел государственных крестьян в % к наделу помещичьих кр-н
Р.-Борисоглебский	100	—	135,1
Ростовский	100	—	132,3
Рыбинский	100	—	129,7
Угличский	100	—	110,8
Ярославский	100	—	121,9
Ярославская губерния	100	—	113,2
Европейская Россия	100	141,2	173,5

Источники: Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. II. СПб., 1881. С. 80–112, 114–152, 194–230; Поземельная собственность Европейской России 1877–1878 гг. СПб., 1886. С. 42–43.

Из данных таблиц 4 и 5 видно, что средний душевой надел удельных крестьян уступал по размеру наделу помещичьих крестьян в Гороховецком, Шуйском, Переславском уездах Владимирской губернии и в Галичском, Кинешемском, Макарьевском и Юрьевецком уездах Костромской губернии. Более того, в связи с тем что в 4 из 7 уездов пореформенный земельный участок в бывшей удельной деревне оказался меньше, чем в помещичьей, средний надел удельных крестьян в целом по губернии оказался на 0,2 десятины, или 4,1%, меньше, чем у помещичьих. Причем в Гороховецком уезде он составлял только $\frac{3}{4}$ от надела помещичьих, а в Переславском меньше $\frac{2}{5}$.

Следует отметить и тот факт, что в ряде уездов наблюдалось отступление и от другой общероссийской «нормы»: превышение размеров надела удельных крестьян над наделом государственных крестьян. Так было в Юрьевском уезде Владимирской губернии и Варнавинском уезде Костромской губернии.

Необходимо отметить, что если различие по величине средних по губернии участков бывших удельных крестьян Владимирской и Костромской губерний было значительно меньше, чем у бывших помещичьих, то внутри губерний их земельное обеспечение в разных местностях сильно отличалось. Например,

во Владимирской губернии самый большой душевой надел получили удельные крестьяне Юрьевского уезда (6,6 дес.), а самый маленький — Переславского уезда (1,5 дес.). Таким образом, площадь первого почти в четыре с половиной раза превышала площадь второго. В Костромской губернии такой разницы в величине земельных наделов не наблюдалось. У бывших удельных крестьян этой губернии, так же как и у бывших помещичьих крестьян, самые большие наделы были в северо-восточных уездах. Наименьшие наделы получили крестьяне трех смежных уездов, расположенных в центральной и южной частях губернии: Галичском, Кинешемском и Юрьевецком.

Из таблицы 4 видно, что средний душевой надел государственных крестьян составлял 4,3 десятины в Ярославской губернии, 5,1 десятины — во Владимирской и 6,1 десятины — в Костромской. В целом по России государственные крестьяне в ходе реализации реформы 1866 г. получили по 5,9 десятины земли. Следовательно, только в Костромской губернии размер душевого надела государственных крестьян превышал средний надел по стране. Как правило, наибольшие участки получили государственные крестьяне в уездах, экономически слаборазвитых, с невысокой плотностью населения, являвшихся окраинами региона, особенно в северо-восточной его части. В центральных, наиболее плотно населенных и экономически более сильных уездах Верхнего Поволжья, наделы были меньше. В то же время наделное землепользование государственных крестьян в отличие от удельных было, во-первых, распространено во всех уездах Верхнего Поволжья; во-вторых, было относительно равномерно, т. е. величина среднего надела государственных крестьян в различных уездах не столь разительно отличалась, как величина среднего надела удельных крестьян. В связи с этим вызывает интерес сравнение величины наделов у бывших государственных и бывших помещичьих крестьян в одной и той же местности. В целом по России, как следует из данных таблицы 5, надел государственных крестьян в 1,7 раза превышал надел помещичьих. В Верхнем Поволжье различие в земельном обеспечении этих двух разрядов крестьян менее выражено. Во Владимирской губернии средний душевой надел государственных крестьян в 1,4 раза превосходил надел помещичьих. В Костромской и Ярославской губернии разница в соотношении величины участка была еще меньше — 1,2 и 1,1 раза соответственно. Если рассматривать это соотношение по уездам, то вырисовывается следующая картина. В ряде уездов Владимирской губернии надел государственных крестьян значительно

превосходил надел помещичьих. Так, в Вязниковском уезде это превышение составляло 1,7 раза, в Александровском — 1,8 раза, а в Меленковском — 2,4 раза. В губернии не было уезда, где помещичьи крестьяне получили бы больше земли, чем государственные. В Костромской губернии максимальное превышение душевого надела государственных крестьян над помещичьими было в Ветлужском уезде и составляло 1,6 раза. В то же время в трех уездах душевой надел государственных крестьян составлял 0,9 надела помещичьих крестьян (Буйский, Варнавинский, Солигаличский уезды). В Ярославской губернии наибольшая разница между наделом в бывшей государственной и бывшей помещичьей деревне наблюдалась в Романово-Борисоглебском уезде. Здесь душевой надел у государственных крестьян в 1,4 раза превышал надел помещичьих крестьян. В то же время в Мологском уезде государственные крестьяне имели душевой надел, равный 0,9 надела помещичьих крестьян. Возникают вопросы: чем была вызвана такая неоднородность в обеспечении землей крестьян разных местностей и разрядов и насколько возможно было при проведении реформ увеличение крестьянских наделов.

Источником для исследования обозначенных вопросов могут служить материалы Поземельной переписи 1877–1878 гг., которые позволяют выявить соотношение между величиной земельного фонда у разных групп собственников (помещиков, Департамента уделов, казны) и размером предоставленного крестьянам душевого надела. Разумеется, необходимо учитывать, что с момента наделения крестьян землей до времени проведения переписи в распределении земельного фонда произошли изменения. Главным образом они коснулись землевладения дворян, активно продававших землю после реформы 1861 г.

В то же время первый пик сокращения площади дворянских земель в целом по России пришелся на 1878–1882 гг., когда, как считают исследователи, дворяне, наименее склонные хозяйствовать на земле, решили от нее избавиться после улаживания земельных отношений со своими бывшими крепостными. Ко времени проведения переписи выкупные сделки были заключены только на $\frac{4}{5}$ от их общего количества⁴⁶. Проанализируем итоги пореформенного распределения земли на примере трех губерний Верхнего Поволжья: Владимирской, Костромской и Ярославской. Прежде всего рассмотрим положение в бывшей помещичьей деревне. Важно установить, как распределился земельный фонд между помещиками и крестьянами в ходе про-

ведения крестьянской реформы. Для этого суммируем площадь дворянского землевладения и крестьянского наделного землевладения в 1877 г. и примем ее за 100%. На долю помещиков придется 41,7% земли во Владимирской губернии, 45,9% — в Ярославской и 59,9% — в Костромской⁴⁷.

Эти данные свидетельствуют о том, что даже спустя более четверти века с момента проведения реформы 1861 г., в течение которой произошло значительное сокращение помещичьих земель в результате их распродажи, во Владимирской и Ярославской губерниях дворянское землевладение по площади лишь немного уступало наделному. В Костромской губернии земельные владения дворянства были еще больше и в 1,5 раза превосходили площадь наделных земель. В то же время, как указывалось выше, самый меньший размер душевого надела был у крестьян Владимирской губернии (3,6 десятины), а самый большой — у костромских крестьян (4,9 десятины).

Из соотношения помещичьих и крестьянских земель в губерниях Верхнего Поволжья следует, что, во-первых, размер душевых наделов во время проведения реформы мог быть значительно увеличен. Во-вторых, он был прямо пропорционален величине помещичьей земельной собственности. Выходит, что в тех местах, где крестьяне получили наибольший земельный участок, там за помещиками осталось больше земли, чем в местностях с меньшими душевыми наделами. Если рассмотреть эту проблему не на уровне губерний, а на уровне уездов, то картина будет выглядеть сложнее. Так, во Владимирской губернии самый большой душевой надел получили крестьяне Гороховецкого уезда, а самый маленький — Муромского. В то время как в Гороховецком уезде дворянские земли составляли 30,3% общей площади помещичьих и крестьянских наделных земель, а в Муромском — 37,1%. Если же взять средний показатель по трем уездам этой губернии с самым большим душевым наделом и с самым маленьким, то картина будет следующая: в Гороховецком, Судогоцком и Переславском уездах в 1877 г. дворянские земли составляли 47,3% площади крестьянских наделных и помещичьих земель, в Муромском, Владимирском и Шуйском уездах — 32,2%, что подтверждает прямую зависимость величины надела от размера дворянского землевладения. Противоречие этому положению на примере отдельных уездов, по-видимому, объясняется тем, что первоначальное соотношение между помещичьими и крестьянскими владениями ко времени

первой земельной переписи было нарушено из-за особенностей процесса мобилизации земли после 1861 г.

В Костромской губернии самые большие наделы были у крестьян Кологривского уезда, самые маленькие — у нерехтских крестьян. Причем кологривские дворяне сохранили за собой значительно больше земли, чем нерехтские. Так, в 1877 г. на их долю приходилось 71,8% общей площади дворянских и наделных земель, а нерехтских — только 20,2%.

В Ярославской губернии также прослеживается прямая зависимость величины надела от размера помещичьей земельной собственности. Так, в Пошехонском уезде, где наделы были наибольшими в губернии, дворяне имели в 1877 г. почти столько же земли, сколько было в наделах у крестьян (49,5% от общей площади помещичьей и крестьянской земли); в Ростовском же уезде с наименьшими душевыми наделами дворянские земли были почти в полтора раза меньше наделных (41,2%).

Согласно переписи 1877 г., во Владимирской губернии после проведения реформы 1863 г. за Уделом осталось 44,7% земли, а в Костромской еще больше — 60,6%, т. е. в обеих губерниях земельный фонд вроде бы позволял значительно увеличить средний душевой надел удельных крестьян. Однако если рассмотреть это явление не на губернском, а на уровне уездов, то вырисовывается намного более сложная картина. В отдельных уездах доля отошедшей к крестьянам земли сильно отличалась. Как правило, душевые наделы были выше в тех уездах, где удельной земли было больше и Удел сохранил и после реформы значительную часть своей земли. Так, в Юрьевском уезде Владимирской губернии, где душевой надел был самым большим в регионе среди этой категории крестьянства, в ходе реформы 1863 г. удельное ведомство оставило за собой 82,1% земли. В то время как в Шуйском уезде той же губернии, где размер душевого надела был незначителен, крестьянам в ходе реформы отошла почти вся земля Удела. За последним осталось лишь 3 десятины земли. В Гороховецком уезде — одном из трех уездов Владимирской губернии, где душевые наделы удельных крестьян были меньше, чем у помещичьих, — Удел сохранил за собой только 22,0% земли.

Сходная картина наблюдалась и в Костромской губернии. На востоке губернии в Ветлужском и Варнавинском уездах, где средние душевые наделы крестьян были самыми большими в регионе и превышали 6 десятин земли, у Удела после

реформы осталось соответственно 79,9% и 73,9% земельной собственности.

В Костромской губернии в четырех уездах из семи, населенных крестьянами удельного ведомства, наделы последних были меньше, чем помещичьих. Среди них был и Галичский уезд, где крестьяне получили от Удела наименьшее количество земли в губернии. В то же время размер душевого надела в данной местности и не мог быть увеличен, так как за Уделом после реформы осталось всего 57 десятин земли (2,7%).

Получение в ряде уездов Верхнего Поволжья удельными крестьянами душевых наделов меньших, чем помещичьи (как известно, в целом по России наблюдалась противоположная картина), было связано с местоположением землевладения удельного ведомства. Значительные площади принадлежащих Уделу земель находились в малонаселенных районах Приуралья, Севера, Нижнего Поволжья, где крестьяне получили в ходе реформы удельной деревни значительно больше земли, чем в Центрально-промышленном районе⁴⁸.

Необходимо отметить, что уезды с незначительным населением удельных крестьян иногда представляют собой исключение из общего правила: чем больше был земельный фонд Удела, тем меньше земли получили крестьяне в ходе реформы. Так, в Переславском уезде Владимирской губернии крестьяне получили в надел по 1,5 десятины. Это был наименьший размер душевого надела среди всех категорий крестьян. В то время как после проведения реформы в данном уезде за удельным ведомством осталось 91,2% земли. По-видимому, это связано с тем, что не вся земля, принадлежавшая Уделу в пределах отдельного уезда, находилась рядом с поселениями крестьян. Поэтому она не могла быть использована в качестве надельной. Кроме того, удельные земли часто представляли собой не сельскохозяйственные угодья, а лес или вырубки, которые не могли заменить крестьянину пашню и луга.

Вообще необходимо подчеркнуть, что в местностях, где тот или иной вид землевладения был представлен незначительно, отдельное явление могло сильно изменить средний показатель. Так, в Переславском уезде насчитывалось всего 400 ревизских душ удельных крестьян, объединенных в шести общинах. Одна из общин, включавшая более половины всех удельных крестьян уезда (240 ревизских душ), получила в надел только 12 десятин земли (по 0,05 десятины на душу). Крестьяне остальных общин

получили в надел от 3 до 6 десятин земли на ревизскую душу, что, хотя и не полностью отвечало их запросам, позволяло заниматься сельским хозяйством.

После реформы 1866 г. во Владимирской губернии в государственной собственности осталось 22,3% казенных земель, в Яро-славской — 28,3% (фактически процент земель, оставшихся за казной в Ярославской губернии, был меньше, т. к. в государственные земли по переписи 1877 г. в 6 из 10 уездов были «включены также участки, находящиеся в общем или спорном владении Казны и частных лиц», и в большинстве случаев пространство их не было указано отдельно)⁴⁹; в Костромской — 72,0%. Таким образом, в Костромской губернии наделение крестьян землей в отличие от Владимирской и Ярославской губернии не привело к сильному сокращению земельного фонда казенных земель.

При более детальном рассмотрении на уровне уездов вырисовывается следующая картина: во Владимирской губернии в целом подтверждается правило, что крестьянский надел был больше там, где доля Казны после наделения крестьян землей была значительней. В Меленковском уезде, где крестьянские наделы были наибольшими в губернии, у Казны осталось 35,6% земель, а в Муромском с наименьшим крестьянским наделом — только 5,4%.

В Костромской губернии в целом ситуация была схожей. В Ветлужском уезде, где средний душевой надел у государственных крестьян был наивысшим, Казна сохранила за собой 80,7% земель, тогда как в Нерехтском и Юрьеveckом уездах, занимавших 12-е и 10-е место по размеру душевых наделов из 12, государство фактически лишилось своей земельной собственности (его доля составляла соответственно 1,2% и 3,8%). В то же время были и исключения из общего правила. Так, в «фабричном» Кинешемском уезде, занимавшем предпоследнее место по величине душевого надела, за Казной осталось 47,8% земли. Причем пашни у казенного ведомства практически не было. По-видимому, это были площади, занятые лесом и не всегда находившиеся рядом с крестьянскими поселениями.

В Ярославской губернии, в силу того что по большинству уездов нет точных сведений о размерах государственных земель из-за споров о праве на землю между Казной и частными лицами, выявить взаимосвязь между величиной крестьянских наделов и общей площадью казенных земель довольно сложно.

Итак, исследование распределения земли в ходе проведения реформ в помещичьей, удельной и государственной деревне показало, что данная проблема чрезвычайно сложна и требует детального изучения на уровне отдельных местностей. Этот процесс имел общую закономерность: где больше земли сохранил за собой бывший владелец, там размеры крестьянских наделов были наибольшими.

Проводя земельные реформы, правительство стремилось к созданию единого «нового поземельного, административного и общественного устройства» для всех категорий крестьян. «Слияние всех сельских обывателей в один класс», по мнению разработчиков реформы, должно было сделать более легким управление крестьянством⁵⁰, создать относительно равные условия для дальнейшего развития крестьян разных категорий.

Осуществляя политику выравнивания наделов, правительство пошло на их значительное сокращение, особенно в помещичьей деревне. От нивелировки пострадали как бывшие помещичьи, так и бывшие удельные и государственные крестьяне. Политика «усреднения» крестьянских наделов более всего ударила по тем местностям, где дореформенные крестьянские наделы превышали высшую надельную норму.

Выравнивание наделов не могло не сказаться отрицательно на крестьянском хозяйстве, т. к. в результате нарушалась сложившаяся за многие годы система землепользования.

Общая площадь «отрезков», на первый взгляд, указывает, что земельные наделы не только помещичьих, но и удельных и государственных крестьян могли быть увеличены. Более детальное изучение распределения земельного фонда показывает, что на местах при проведении реформы в удельной и государственной деревне, в отличие от деревни помещичьей, имевшиеся земельные ресурсы часто были использованы полностью. К крестьянам отошли все прилегающие к их поселениям земли. Но даже это не помогло обеспечить их достаточным количеством земли. В таких случаях правительство больше ничего не могло сделать для улучшения земельной обеспеченности крестьян этих категорий.

Реформа 1861 г. (когда напрямую затрагивались интересы дворян) могла быть проведена более радикально. Запас помещичьих земель позволял сделать это: за помещиками были сохранены значительные земли, вследствие чего и крестьянские наделы могли быть увеличены.

Господствовавшая в советской историографии огульная критика всех земельных реформ 60-х гг. XIX в., на наш взгляд, неправомерна. Необходима более объективная оценка проводимых правительством Александра II аграрных преобразований.

Примечания

¹ См.: Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах СПб., 1881. С.14.

² См.: История России XIX — начала XX в. Учебник для исторических факультетов университетов / Под ред. В.А. Федорова. М., 1998. С. 247.

³ Анисимов В.И. Наделы // Великая Реформа. Т. V. М., 1911. С. 92–93.

⁴ См.: Серебряков В. Землевладение в Саратовской губернии и степень обеспеченности крестьян землей // Материалы о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Саратов, 1903.

⁵ Синотов Н.П. Аграрная реформа 19 февраля 1861 года в Ярославской губернии (Бурмакинская волость Ярославского уезда) // Труды Ярославского педагогического института. Т. III. Вып. 4. Ярославль, 1929. С. 83–110. Подробно историография реформы 1861 г. изложена в работах: Зайончковский П.А. Советская историография реформы 1861 г. // Вопросы истории. 1961. № 2. С. 85–104; Литвак Б.Г. Советская историография реформы 19 февраля 1861 года // История СССР. 1960. С. 99–120.

⁶ Зайончковский П.А. 1) Отмена крепостного права в России. М., 1954; 2) Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958.

⁷ См.: Тарасюк Д.А. Поземельная собственность пореформенной России. М., 1981. С. 91–92.

⁸ Зимина В.Г. Крестьянская реформа 1861 года во Владимирской губернии. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1956; Горланов Л.Р. Отмена крепостного права в Костромской губернии. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1972.

⁹ См.: Генкин Л.Б. Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губернии перед реформой и во время реформы. Т. I. // Ученые записки Ярославского пединститута. Вып. XII (XXII). Ярославль, 1947.

¹⁰ Зимина В.Г. Указ. соч. С. 335.

¹¹ См.: Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880. М., 1978. С. 49–50.

¹² Кащенко С.Г. Некоторые вопросы методики изучения реализации реформы 19 февраля 1861 г. в исследованиях П.А. Зайончковского // Отечественная история. 2004. № 4. С. 86.

¹³ Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 191.

¹⁴ См.: Кащенко С.Г. Реформа 19 февраля 1861 г. на Северо-Западе России. М., 1995. С. 107, 140–141, 149.

- ¹⁵ Там же. С. 170–171.
- ¹⁶ См.: Зими́на В.Г. Указ. соч. С. 345–366.
- ¹⁷ Тарасюк Д.А. Поземельная собственность пореформенной России. Источниковедческое исследование по переписи 1877–1878 гг. М., 1981. С. 128.
- ¹⁸ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. С. 252; Тарасюк Д.А. Указ. соч. С. 92.
- ¹⁹ Горланов Л.Р. Отмена крепостного права в Костромской губернии... С. 294.
- ²⁰ Там же. С. 351.
- ²¹ Горланов Л.Р. Помещи́чы крестьяне Костромской губернии накануне реформы 1861 г. // Из истории Костромского края: Сборник научных трудов КГПИ и ЯГПИ. Вып. 33. Ярославль, 1972. С. 119.
- ²² Горланов Л.Р. Отмена крепостного права в Костромской губернии... С. 301, 349–350.
- ²³ Там же. С. 168.
- ²⁴ Там же. С. 300.
- ²⁵ Тарасюк Д.А. Указ. соч. С. 128.
- ²⁶ См.: Кашенко С.Г. Реформа 19 февраля 1861 г. на Северо-Западе России... С. 157.
- ²⁷ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. II. СПб., 1881. С. XXX.
- ²⁸ Кашенко С.Г. Некоторые вопросы методики изучения реализации реформы 19 февраля 1861 г. в исследованиях П.А. Зайончковского // Отечественная история. 2004. № 4. С. 89–90.
- ²⁹ Статистика поземельной собственности населенных мест Европейской России. Вып. II. СПб., 1881. С. LI–LII.
- ³⁰ Янсон Ю. Указ. соч. С. 14.
- ³¹ Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. XXXIII. Отд. I. № 33326; Т. XXXIV. Отд. I. № 34831.
- ³² Там же. Т. XXXVIII. Отд. I. № 39792.
- ³³ Богатикова Г.И. Реформа 26 июня 1863 года в удельной деревне // Исторические записки. 1958. Т. 63. С. 97.
- ³⁴ Там же. С. 106.
- ³⁵ Там же. С. 97.
- ³⁶ Янсон Ю. Указ. соч. С. 14.
- ³⁷ Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. XII. Отд. I. № 42899.
- ³⁸ Там же. Т. XLI. Отд. II. № 43888.
- ³⁹ Там же. Т. XLI. Отд. II. Приложение к № 43888.
- ⁴⁰ См.: Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России... С. 291.
- ⁴¹ См.: Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе: 1861–1880 гг. М., 1978. С. 109–111.
- ⁴² Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. II. Отд. II. СПб., 1888. С. 187.

⁴³ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России... С. 279.

⁴⁴ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе... С. 109.

⁴⁵ См.: Тарасюк Д.А. Поземельная собственность пореформенной России. Источниковедческое исследование по переписи 1877–1878 гг. М., 1981.

⁴⁶ См.: Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 50.

⁴⁷ Здесь и далее подсчеты сделаны по материалам источника: Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. II. СПб., 1881. С. 80–112; 114–152; 194–230.

⁴⁸ См.: Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе... С. 116–117.

⁴⁹ Статистика поземельной собственности. Вып. II. С. 80–81.

⁵⁰ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ... С. 172–173.

*В.М. Рынков**

Сельскохозяйственное производство в Сибири в 1917 — начале 1920-х гг.: опыт анализа статистических данных

Известно, что под влиянием революции и Гражданской войны Россия пережила один из глубочайших в своей истории экономических кризисов. Наибольший спад произошел в сфере промышленного производства и транспортных перевозок. Меньше оказалось сокращение выпуска сельскохозяйственной продукции. Будучи страной преимущественно аграрной, Россия смогла достаточно быстро восстановить свою экономику. Возможность опереться на сельское хозяйство здесь сыграла не последнюю роль.

Вместе с тем анатомия этого экономического кризиса пока далеко не очевидна. В советское время его главным двигателем большинство исследователей считали Гражданскую войну. Военные действия и частая смена политических режимов, быстрые изменения курса аграрной политики вносили серьезную дестабилизацию. При этом подчеркивался урон, нанесенный сельскому хозяйству «антинародным» правлением противников советской власти. В последние годы, однако, главным фактором принято считать разрушительную политику большевиков по отношению к крестьянству, генеральная линия которой оставалась неизменной и только углублялась на протяжении 1918–1920 гг. Изменение этой политики в начале 1921 г. стало фактором, переломившим кризис. Гораздо меньше внимания традиционно уделяли роли климатических факторов, объективным тенденциям в развитии севооборотов. Тем не менее сильная «метеозависимость» российского сельского хозяйства в предшествующие десятилетия не оставляет никаких сомнений. Она и в последующие годы оставалась высокой. Применительно к аграрному кризису начала коллективизации обсуждение проблемы соотно-

* Рынков Вадим Маркович — кандидат исторических наук (Институт истории Сибирского отделения РАН).

шения политических, метеорологических и экономических факторов породило дискуссию среди историков благодаря публикации результатов исследования С.Г. Уиткрофта и Р.У. Дэвиса¹. В последнее десятилетие в историографии немало сделано для изучения природы аграрных кризисов конца 1920-х гг., начала 1930-х гг., 1946–1947 гг., начала 1960-х гг. Тезисом о возможности рукотворного голода уже никого не удивишь. Но при этом большинство исследований проводилось в масштабах России/СССР или его европейской части.

Вот почему так важен взгляд на динамику кризисных явлений по другую сторону Уральских гор. Региональные территориальные рамки данного исследования позволяют сопоставить тенденции изменений в сельскохозяйственном производстве, а сопоставление с общероссийскими процессами — более четко определить роль политических, экономических, технологических и погодных факторов. Для этого потребуются межрегиональные и общероссийские сопоставления. Однако главный упор будет сделан на анализ региональных статистических данных. Известная статистика будет сопоставлена с цифрами, впервые вводимыми в научный оборот.

Для анализа состояния сельского хозяйства сибирского региона в период 1917 — начала 1920-х гг. традиционно используется наиболее полный и надежный источник — сельскохозяйственные переписи 1917, 1920, 1926 гг. Решение поставленных задач требует более расширенных хронологических рамок, чтобы выявить зарождение и затухание кризиса, разнотемповость его составляющих. Очевидно, что принципиальное значение имеет не отраженная в переписях динамика состояния сельскохозяйственного производства по годам. Если ситуация в сельском хозяйстве сибирского региона после Гражданской войны подкреплена статистическими данными, хотя и не такими точными, как сельскохозяйственные переписи, то положение в 1918–1919 гг. в специальных исследованиях остается полем для умозрительных спекуляций. В советское время прочно утвердилась интерпретация, основанная на сопоставлении материалов сельскохозяйственных переписей и анализе политической ситуации. В соответствии с этой концепцией 1917 г. был наиболее удачным для зернового производства региона. В это время выросли посевные площади, и при благоприятных погодных условиях удалось снять обильный урожай. Об урожаях 1918–1919 гг. обычно умалчивали, ссылаясь на отсутствие данных, и указывали на сокращение размера посевных площадей. Последнее связывали с реакционной аграрной политикой

контрреволюции, взявшей курс на реставрацию частного и казенного землевладения и, следовательно, изъятие части земли у крестьян. Кроме того, существенно повлияло отсутствие рынков сбыта сельскохозяйственной продукции в условиях войны и разрыва транспортных коммуникаций. Советские исследователи подчеркивали негативное влияние на сельское хозяйство белого террора и военных действий против партизан, сопротивлявшихся колчаковщине. Ю.В. Журов обосновал этот тезис на статистических материалах Енисейской губернии². Восстановление советской власти привело к увеличению посевных площадей почти до уровня 1917 г., а по другим оценкам, превзошло его. Но неурожаи последующих 1921 и 1922 гг. обрушились на крестьянство, не успевшее оправиться от разрушительного наследия «белых». Это стечение обстоятельств и вызвало глубочайший кризис, усиленный изъятиями хлеба по продразверстке. Восстановительные процессы в сибирской деревне протекали примерно так же, как и в других регионах, и завершились, по разным оценкам, в 1924–1926 гг.³

Главным действующим лицом в аграрной экономике в эти годы оставалось крестьянское хозяйство. Динамика основных показателей его развития представлена в таблице 1. Они подсчитаны в сопоставимых территориальных рамках Сибирского края.

Таблица 1

Развитие крестьянского хозяйства на территории Сибирского края в 1916–1926 гг.

Год	Число хозяйств (тыс.)	На одно хозяйство приходится							
		чел.	посева (га)	лошадей	в т. ч. рабочих	крупного рогатого скота	в т. ч. коров	овец и коз	свиней
1916	1014,2	6,00	6,40	4,16	3,09	5,76	2,86	6,42	2,23
1917	1035,0	5,99	6,92	3,72	2,80	5,00	2,52	5,88	2,02
1920	1185,2	5,62	6,18	3,33	2,46	3,73	2,08	4,38	1,60
1921	1179,4	5,72	5,04	3,30	2,35	3,48	1,71	3,88	1,31
1922	1169,6	5,69	3,81	2,92	2,18	3,12	1,58	4,01	0,82
1923	1193,9	5,72	4,51	2,51	1,94	3,10	1,62	5,10	0,73
1924	1258,4	5,68	4,50	2,68	2,03	3,76	1,83	6,44	1,23
1925	1304,1	5,51	4,52	2,62	1,94	4,00	1,86	6,50	1,47
1926	1348,9	5,47	4,20	2,67	1,89	4,34	1,99	7,34	1,57

Источник: Ильных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х — начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 41.

Наиболее значимой тенденцией на протяжении 1917–1920 гг. стало увеличение количества крестьянских хозяйств при некотором ухудшении их обеспеченности посевом и скотом на одно хозяйство. После 1920 г. при сокращении численности крестьянских хозяйств одновременно происходило дальнейшее и очень интенсивное уменьшение посевов как в целом на одно хозяйство, так и на душу населения. Особенно сильному сокращению подверглось мужское крестьянское население, убыль которого началась еще в антибольшевистский период под влиянием мобилизаций и вооруженной борьбы в тылу. Потери от боевых действий регулярной Белой армии и отрядов самообороны против партизан советские органы оценили следующим образом: разрушены 56 тыс. крестьянских хозяйств, сожжено около 20 тыс. жилых и хозяйственных построек, угнано более 40 тыс. голов скота, разграблено и сожжено 1,5 млн пуд. продовольствия и семян, 1,5 млн пуд. сена⁴. Эти цифры представлялись настолько важными для понимания дальнейших экономических процессов, что воспроизводились почти в каждой публикации, затрагивавшей аграрную экономику Сибири времен нэпа. Ю.В. Журов привел статистику по Енисейской деревне. Из нее следует, что сокращение посевов и валовых сборов зерна, численности скота на одно крестьянское хозяйство наблюдалось уже в 1918–1919 гг. Эти цифры говорили об очевидности влияния Гражданской войны на крестьянские дворохозяйства. Но наиболее пострадало, если верить сельскохозяйственным переписям, алтайское крестьянство. Число крестьянских хозяйств за три года после начала революции сократилось в губернии на 15%, работоспособное мужское население в деревне уменьшилось на 20%. При этом среднее крестьянское хозяйство засевало на 18,9% меньше⁵. Достаточно сравнить эти показатели с общими данными по Сибири (см. таблицу 1), чтобы понять, что хозяйство жителей одного из наиболее развитых в аграрном отношении региона пережило наибольшие потери. В 1919 г. Алтай погрузился в затяжную партизанскую войну. Естественно, все эти последствия советская пропаганда приписывала сознательному грабежу колчаковских карателей, а не результатам взаимного уничтожения противоборствующих группировок.

Сокращению размеров крестьянского хозяйства способствовала не только крестьянская война против «белых», но и постановленная советская практика перераспределения наделных земель. В ее проведении явно сказывался социально-политический реваншизм. Участники партизанских формирований, часто являвшиеся малоземельными переселенцами, просили выделить им

дополнительные земли из казачьих или старожильческих наделов деревень, сохранявших в прошлом верность колчаковскому режиму⁶.

Однако дальнейшее ухудшение базовых показателей состояния крестьянского хозяйства в 1921 и 1922 гг., а по обеспеченности скотом и 1923 г. списать на контрреволюцию никак нельзя. Важно, что в последующие годы численность хозяйств росла опережающими темпами. Восстанавливалась общая численность скота и посевная площадь, но не мощность отдельно взятых хозяйств. Совершенно очевидно, что революция, Гражданская война и деятельность антибольшевистских правительств не оказали такого депрессивного влияния на крестьянскую экономику, как советская аграрная политика. Причем для Сибири это проявилось особенно очевидно не в годы «военного коммунизма», а именно в период нэпа.

Восстановление крестьянской семейной экономики происходило по разным районам неравномерно (см. таблицу 2). Алтайское крестьянское хозяйство, испытавшее наибольшие потрясения в начале 1920-х гг., проявило и более высокие темпы восстановления, опережая в этом процессе другие регионы. Важны не только географические отличия, но и динамика изменений в разных имущественных группах. Сразу оговоримся, что имущественное расслоение крестьянства в исследованиях 1920–1980-х гг. сильно преувеличивалось. Если мы учтем не только размеры хозяйств, но и их людность, то это существенно нивелирует картину социальной дифференциации деревни. Значительная доля «бедняков» и «кулаков» в те годы объяснялась размером крестьянской семьи и соотношением в ней доли работников и иждивенцев⁷. Тщательно отслеживая данную проблему, статистики начала 1920-х гг. пришли к заключению, что наименьшее сокращение претерпели хозяйства потребительского типа. Достаточно устойчивыми оказались хозяйства средних размеров. Максимальное сокращение наблюдалось в группе многопосевных дворов. Сократилось именно товарное земледелие⁸. К тому же в ходе аграрных преобразований 1917–1918 и 1920 гг. были ликвидированы почти все крупные хозяйства некрестьянского типа, производившие продукцию на продажу⁹. Скорость нарастания экономических показателей в середине 1920-х гг. была обратно пропорциональна имущественной мощи. Преодолев кризис, крестьянское хозяйство Сибири, как и всей страны, стало более ориентировано на потребление. Рыночная доля производства не была восстановлена.

Эволюция основных элементов крестьянского хозяйства Сибирского края с 1920 по 1925 г.
(по данным гнездовых сельскохозяйственных переписей, %)

Год	Число наличных хозяйств	Посевы в поле и на усадьбе	Число лошадей	КРС	Свиней и подсвинок	На одно хозяйство приходится душ обоого пола	% промышленников к населению в рабочем возрасте
1920	100	100	100	100	100	5,67	4,1
1921	98,8	74,4	85,2	70,7	46,2	5,67	3,0
1922	90,5	35,7	66,4	56,4	18,0	5,58	2,4
1923	88,5	44,8	62,2	74,2	23,6	5,40	2,5
1924	91,3	54,0	64,7	93,2	43,9	5,32	13,1
1925	94,2	59,3	71,3	110,0	51,5	5,33	9,0
1920	100	100	100	100	100	5,84	3,8
1921	95,0	62,6	77,6	61,3	35,8	5,77	4,3
1922	99,7	38,1	70,4	59,3	22,8	5,76	3,6
1923	103,4	49,6	59,4	58,0	24,1	5,61	4,4
1924	109,9	58,7	65,9	77,5	47,5	5,61	25,8
1925	117,6	72,2	74,9	102,5	71,1	5,49	29,2

Год	Число наличных хозяйств	Посевы в поле и на усадебе	Число лошадей	КРС	Свиней и подсвинков	На одно хозяйство приходится душ обоого пола	% промышл- ленников к населению в рабочем возрасте
1920	100	100	100	100	100	5,48	7,6
1921	—	—	—	—	—	—	—
1922	94,2	28,5	71,5	75,2	27,0	5,56	6,4
1923	98,7	50,7	75,9	88,7	38,2	5,41	8,4
1924	103,5	57,7	83,2	105,5	69,3	5,38	23,5
1925	106,3	60,9	93,6	120,6	90,2	5,39	19,9
Итого по Сибирскому краю	100	100	100	100	100	5,66	5,1
1921	—	—	—	—	—	5,72	3,6
1922	95,1	34,5	69,3	62,1	21,5	5,63	4,0
1923	98,0	48,0	65,0	73,1	26,8	5,47	5,0
1924	103,2	56,5	70,2	91,7	50,4	5,43	23,4
1925	107,5	64,0	78,8	110,5	76,4	5,40	19,3

Источник: Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Сельское хозяйство. Вып. 1: Сельское хозяйство. Новосибирск, 1927. С. 172–173, 182–183.

В целом, это общероссийская тенденция. В Сибири прослеживалась любопытная особенность в развитии арендных отношений. В отличие от европейской части страны, в Сибири в первой половине 1920-х гг. землю в аренду сдавали преимущественно мелкие крестьянские хозяйства («бедняки» в общепринятой советской терминологии), а снимали — крупные хозяйства¹⁰. Советский историк Л.И. Боженко сделал вывод о том, что перераспределение земли между двумя крайними полюсами деревни усиливало социальную дифференциацию. Но его тезис о том, что «кулак», как правило, арендовал землю очень выгодно, а «бедняк» вынужден был отдавать землю на кабальных условиях, малоубедительны. Конечно, следует сделать прямо противоположный вывод о том, что аренда выравнивала имущественное неравенство. Но, на наш взгляд, важнее другое обстоятельство. Существующая система землевладения не просто сдерживала возможности развития крупных крестьянских хозяйств. Она приводила к тому, что мелкие слабосильные хозяйства получали возможность взимать ренту с более мощных.

В условиях убыли мужского населения возросла необходимость в найме. Но возможности для этого в 1920–1922 гг. сильно сократились. Это связано и с преследованиями хозяйственников как кулацких, и с тем, что советская власть проводила политику сокращения числа беспосевных хозяйств, владельцы которых потенциально являлись наемными работниками. Так, если в Томской губернии в 1917 г. было нанято 11 169 мужчин и 3580 женщин, то в 1920 г. — соответственно 5575 и 2875¹¹. В последующие годы наем рабочей силы так и продолжал играть весьма слабую роль в аграрной экономике региона. Возможно, что эти цифры несколько преуменьшены, т. к. часть трудовых отношений в советской деревне начала 1920-х гг. оказалась загнана в подполье. Но даже официальное разрешение найма работников в 1925 г. привело к росту хозяйств, использующих наемный труд с 1–2,2% до 3–4%, хотя до революции его применяли достаточно широко. По данным 1917 г. в разных районах Сибири к найму прибегали от 18,6 до 31,3% хозяйств¹². Следовательно, и эта возможность реабилитации крупного хозяйства резко сузилась.

Столь же неблагоприятная для крупных хозяйств ситуация наблюдалась в сфере распределения инвентаря. Несопоставимость данных за период революции и Гражданской войны, с одной стороны, и начала 1920-х гг., с другой, заставляет рассматривать их по отдельности. Падение обеспеченности сель-

ского хозяйства инвентарем за первые три года от начала революции показано в таблице 3.

Таблица 3

Сельскохозяйственный инвентарь Алтайской и Томской губерний в 1917 и 1920 гг. (шт.)*

	Сеялки		Жнейки		Молотилки	
	1917 г.	1920 г.	1917 г.	1920 г.	1917 г.	1920 г.
Алтайская губ.	14 836	2133	65 513	33 922	28 558	20 350
Томская губ.	4118	929	23 597	19 395	21 543	23 147

* Сравнение по другим административным единицам затруднено в силу их интенсивного изменения.

Источники: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. М., 1921. Т. 5. Вып. 1. С. 64; Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года (по районам и губерниям). М., 1926. С. 8–9, 80–81.

Приведенные в ней данные следует сопоставить с динамикой посевных площадей в эти годы. Убыль сложной сельскохозяйственной техники была катастрофическая. Но в среднем количество инвентаря в Алтайской губернии, главной житнице Сибири, в 1917–1920 гг. уменьшилось на 12–15%. Но при этом посевные площади сократились только на 5,4%. Причем если перепись фиксировала наибольшее сокращение сложного и дорогого инвентаря, то выборочные опросы крестьянских хозяйств в 1920 г. свидетельствовали о максимальном дефиците самых примитивных орудий производства — кос, серпов, плугов. Это говорило о том, что еще использовавшееся оборудование подверглось огромному износу¹³. Без компенсации в последующие годы трудно было рассчитывать на способность крестьянства восстановить посевные площади. Между тем количество примитивного инвентаря в последующие годы продолжало сокращаться. Однако нет никаких оснований полагать, что от этого страдала малообеспеченная часть деревни. Выбывающий инвентарь отчасти компенсировался сложными дорогими машинами. Но примечательно, что в первой половине 1920-х гг. обеспеченность таким инвентарем росла прежде всего у мелких и средних хозяйств, а у крупных крестьянских хозяйств она заметно сократилась (таблица 4). Это дополнительно подрывало товарный потенциал сибирского крестьянства.

Изменение обеспеченности крестьянских хозяйств Сибирского края сложным инвентарем в зависимости от величины посева в 1920 и 1925 гг. (%)

Виды инвентаря	До 3 дес.		От 3 до 10 дес.		Свыше 10 дес.	
	1920 г.	1925 г.	1920 г.	1925 г.	1920 г.	1925 г.
Плуги	20,4	36,3	56,9	56,7	22,7	7,0
Сеялки	6,9	6,0	22,1	50,0	70,0	44,0
Косилки	10,4	16,0	53,0	70,8	36,6	13,2
Жнейки	3,0	10,5	42,6	70,9	54,4	18,6
Молотилки	7,0	10,6	47,0	70,3	46,0	19,1

Источник: Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. 1921–1925. Томск, 1978. С. 52.

Ситуация в крестьянском хозяйстве говорит о многом. Экономика отрасли пока почти целиком определилась совокупностью крестьянских дворохозяйств и хотя сильно зависела от действий государства, но определялась пока экономическим поведением самого крестьянского социума. Даже не переходя к анализу темпов изменения валовых показателей аграрного производства, можно обнаружить, что их возвращение к докризисному уровню не могло означать качественного восстановления экономики. В ходе кризиса иной стала доля потребления и инвестиций в совокупном сельскохозяйственном производстве. Это цена кризиса, причем цена именно политическая.

Этот вывод позволяет перейти к изучению основных отраслей аграрной экономики. Для понимания ситуации в зерновой отрасли есть все основания ограничиться анализом показателей по четырем основным культурам хлебов, возделываемым в восточных регионах России (таблица 5). Данный подход будет отражать доминирующую тенденцию и позволит получить сопоставимые данные, тогда как посевы и урожаи других зерновых культур не всегда обеспечены статистическими сведениями. Удельный вес посевов проса, гречки и картофеля, а также незерновых культур был невелик, хотя следует учесть годовые колебания их доли.

Таблица 5

**Удельный вес различных сельскохозяйственных культур в общей
площади посевов Сибири в 1913–1926 гг. (%)**

Культура	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Пшеница	49,0	51,1	50,6	49,6	51,2	41,2	35,1	40,9	48,1	52,5
Рожь	13,5	12,5	11,0	10,4	12,4	16,7	20,0	22,6	20,1	14,2
Овес	27,2	25,4	26,8	30,6	21,0	19,1	18,4	18,2	18,3	23,4
Ячмень	4,4	4,1	3,7	3,6	3,7	3,1	3,2	2,4	2,1	2,3
Другие зерновые культуры	2,5	2,8	2,7	1,2	4,3	12,4	16,6	9	5,3	2,1
Незерновые культуры	4,4	4,1	5,1	4,6	7,4	7,5	6,7	6,9	6,1	5,5

Источник: Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. Новосибирск, 2007. С. 145, 150.

Таким образом, пшеница являлась повсеместно основной продовольственной культурой, овес — главной фуражной. Их урожайность во многом определяла общее положение зернового хозяйства. Из приводимых данных видно, что ни Первая мировая, ни Гражданская войны не оказали влияния на структуру посевов. Между 1917 и 1920 гг. ситуация едва ли претерпевала существенные колебания. Следовательно, отсутствие сведений за 1918 и 1919 гг. не является невосполнимой потерей. Кроме того, заметно, что в начале 1920 г. структура посевных площадей испытала сильные потрясения и восстановилась только к 1926 г.

Погодовая динамика площади посевов в разных источниках указывается различная. Это объясняется тем, что с середины 1920-х гг. стали публиковаться данные с поправочными коэффициентами на недоучет. В.А. Ильиных, сведения которого приводятся ниже (таблица 6), полагает, что, хотя правильность этих коэффициентов не бесспорна, они в целом выправляют серьезные огрехи советской статистики первых лет, компенсируют сокрытие крестьянами истинных размеров своих посевов с целью ухода от налогов.

Динамика посевных площадей в Сибири в 1913–1926 гг.

Год	Без поправок		С поправками		
	тыс. дес.	% к 1920 г.	тыс. дес.	% к 1920 г.	Величина поправки, %
1917	5961,0	102,1	6557,1	97,7	10,0
1920	5835,7	100	6711,0	100	15,0
1921	4347,9	74,5	5434,9	81,0	25,0
1922	2973,8	51,0	4080,1	60,8	37,2
1923	3956,7	67,8	4941,9	73,6	32,2
1924	4116,6	70,5	5186,9	77,3	24,9
1925	4288,9	73,5	6786,0	89,0	39,9
1926	5510,7	94,4	7112,9	101,1	23,1

Источник: Ильиных В.А. Динамика посевных площадей в Сибири в 1917–1929 гг.: реконструкции // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 30.

Но введение этих коэффициентов, решая одни проблемы учета, выдвигает на повестку другие. Новые данные плохо стыкуются с дореволюционной статистикой. Они ведут к преуменьшению посевных площадей предшествующих лет (включая 1917 г.), которые тоже высчитывались с поправками на недоучет, причем в рамках разных систем сбора первичных данных и методик вычисления. Представляется не лишним основания взгляд на поправочные коэффициенты второй половины 1920-х гг. как на один из способов статистической фальсификации, о чем говорит произвольная и меняющаяся год от года величина поправки. Их введение сглаживало впечатление о масштабах упадка начала 1920-х гг. и усиливало иллюзию крупных успехов советского сельского хозяйства. Но и отказ от поправок — не выход, т. к. отрицать сокрытие крестьянами данных посевных площадей, особенно в Сибири, нет никаких оснований. Следовательно, имеющаяся в статистических справочниках и историографии информация о динамике посевных площадей остается субъективной и нуждается в дальнейшем критическом анализе.

Перспективным представляется сопоставление обобщенных сведений с материалами текущей статистики. Следует помнить, что географическое наполнение региональных показателей в разное время менялось. До революции нередко под Сибирью

понимали все, что располагалось за Уралом. В годы Гражданской войны часто в общие данные включали и значительную часть Степного края. После восстановления советской власти обычно показатели приводились для Сибирского края (Омская, Томская, Алтайская, Енисейская, Иркутская и Якутская губернии). Некоторые источники сообщают только об урожайности в каждой отдельно взятой административной единице. Следовательно, для анализа таких данных необходимо иметь представление о доле каждого региона в производстве зерновых (таблица 7). Это позволит четко представить, насколько репрезентативны данные по отдельным районам Сибири.

Таблица 7

Доля посевных площадей Сибири, Дальнего Востока и Степного края в 1917 г.

Административная единица	Посевная площадь (дес.)	Доля (%) по Сибири	Доля (%) по Сибири и Дальнему Востоку	Доля (%) по Сибири, Дальнему Востоку и Степному краю
Алтайская	2 714 277,3	36	33	27
Енисейская*	706 683,5	10	9	7
Забайкальская	547 683,1	8	7	5
Иркутская	410 405,2	6	5	4
Тобольская	1 722 379,5	24	21	17
Томская*	1 180 420,9	16	15	11
Итого по Сибири	7 281 849,5	100	90	71
Амурская	513 751,6		6	5
Приморская*	294 337,3		4	3
Якутская	33 784,6		0,004**	0,003**
Итого по Сибири и Дальнему Востоку	8 123 723		100	79
Акмолинская	1 523 307,1			15
Семипалатинская	189 668,1			2
Семиреченская	482 290,4			4
Итого по Сибири, Дальнему Востоку и Степному краю	10 318 988			100

* Только хозяйства крестьянского типа.

** В общем подсчете не учитывается.

Источник: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной... С. 70, 82.

Благодаря широко распространенным земельным захватам в 1917 г. площади посевов увеличились примерно на 10%¹⁴. Известный тезис советских историков о сокращении посевных площадей после падения советской власти не находит подтверждения в статистических источниках. В 1918 г., по оценкам добровольных сельских корреспондентов по Томской и Алтайской губерниям, произошло дальнейшее увеличение посевных площадей на 12% и 21% соответственно по сравнению с прошлогодними объемами посевов¹⁵. По Акмолинской губернии увеличение составило 9%¹⁶. Обобщенных сведений по другим губерниям не выявлено, и сделать сравнение по годовой динамике общего объема пашни невозможно ввиду несопоставимости источников. Однако можно провести погубернский анализ изменения площади посевов основных зерновых культур (таблица 8):

Посевные площади пшеницы увеличились на 2,3%, ржи — на 7,5%, овса на — 18,4%, ячменя — на 22%. Следует учесть, что в тогдашнем социальном хаосе при ослабленном контроле администрации над крестьянством, вероятнее всего, мы имеем статистический недоучет, чем завышение показателей. По четырем основным зерновым, составляющим 92–94% всей засеваемой площади, посевы возросли в среднем на 8%. Несложно представить общую динамику посевных площадей за два года. Закономерно, что в наибольшей степени увеличились размеры запашки под кормовые культуры. В условиях невозможности сбывать излишки продовольственных хлебов крестьянство нацеливалось на развитие животноводства.

Менее достоверна информация о посевных площадях в 1919 г. По сведениям Конторы сельскохозяйственных складов в том году намечилось их сокращение в Тобольской и Забайкальской губерниях. Что касается последнего региона, то здесь прослеживалось лишь углубление тенденции, наметившейся еще в предыдущем году. Но Забайкалье не имело большого значения в производстве продовольственных хлебов и не определяло ситуацию в регионе. Зато источник сообщил о дальнейшем увеличении посевных площадей в Томской и Алтайской губерниях, а это в совокупности около половины всех посевных площадей Сибири. В остальных местах размер пашни оставался относительно стабильным¹⁷. Оговоримся, что здесь мы пользуемся не статистическим источником, а лишь приблизительным прогнозом, сделанным до сбора урожая. Точные сведения о посевных площадях в Иркутской и Алтайской губерниях в 1919 г. приводит в своей докторской диссертации Ю.В. Журов¹⁸. Размеры по-

Площади посевов основных зерновых культур в 1917–1918 гг. (дес.)

Губернии и области	Пшеница		Рожь		Овес		Ячмень	
	1917 г.	1918 г.	1917 г.	1918 г.	1917 г.	1918 г.	1917 г.	1918 г.
Алтайская*	1 651 485	2 045 080	24 853	33 960	752 847	990 489	58 724	94 220
Енисейская*	212 630	215 562	241 712	245 621	171 814	173 569	23 800	23 941
Забайкальская	79 734	79 638	223 210	223 064	88 523	88 358	16 075	16 046
Иркутская	660 959	63 576	211 208	192 066	77 727	68 983	29 125	27 927
Тобольская**	820 570	820 570	148 481	148 481	635 492	635 493	54 828	54 828
Томская*	502 188	746 460	178 261	263 803	384 454	608 186	38 874	68 147
Акмолинская	1 085 266	1 086 004	10 541	10 526	305 565	305 506	75 081	75 115
Семипалатинская	328 384	387 025	5685	5320	71 233	107 946	17 888	24 225
Итого	5 341 216	5 443 915	1 043 951	1 122 841	2 487 655	2 978 530	314 395	384 449

* Для 1917 г. в источнике указаны только хозяйства крестьянского типа.

** Очевидно, что для Тобольской губернии на 1918 г. составители применили механическое перенесение данных из Хозяйственной и поземельной переписи 1917 г.

Источники: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной... С. 68, 80; ГА НО. Ф. Д-146. Оп. 1. Д. 389. Л. 1–4.

севов основных хлебов в 1919 г. существенно превосходили посевы 1917 г., в частности по Алтаю — на 22,1%. Но в сравнении с 1918 г. колебания по отдельным культурам могли быть как в сторону увеличения, так и в сторону сокращения (таблица 9).

Анализ аграрной политики Временного сибирского и Российского правительств не входит в задачу настоящего исследования. Но оговоримся, что во второй половине 1918 — 1919 гг. случаев изъятия из обработки возделанных земель не выявлено. Напротив, местные земельные органы обычно предоставляли право на снятие урожая даже с незаконно захваченных земель тем, кто произвел посев. Крестьянство все активнее осваивало угодья, полученные в ходе смутных событий 1917 и первой половины 1918 г.¹⁹ В партизанских же районах и вовсе не было никакого контроля. Поэтому дальнейшее увеличение посевов в последующие полтора года следует признать вполне логичным следствием развития ситуации в деревне. Сопоставление посевных площадей 1917 и 1920 гг. в границах Сибирского края позволяло говорить советским исследователям об их росте в 1920 г. Действительно, статистика показывает прирост 2%²⁰. Но вышеприведенные сведения говорят в пользу другой динамики. В 1920 г. произошло их сокращение, и весьма существенное по сравнению с предшествующим периодом. Это обстоятельство особенно оттеняет резкое падение посевов в 1921—1922 гг. и свидетельствует о том, что началось оно еще в предыдущем году, с восстановлением советской власти.

Второй, еще более значимый показатель, — урожайность зерновых, которая и определяет объем валовых сборов. В первой четверти XX в. она находилась в зависимости от метеорологических условий и, как правило, не испытывала влияния политических событий. Но мы не должны сбрасывать со счетов то обстоятельство, что военные действия в деревне не позволили убрать часть урожая. Если 1918 г. был относительно спокойным и редкие вооруженные столкновения не могли оказать ощутимого влияния на количество убранный хлеба, то в 1919 г. отступление Белой армии и массовое партизанское движение пришлись именно на осенние месяцы. Методика измерения урожайности, однако, не позволяет учесть этот фактор. Подсчитывалась корневая урожайность, а не средний объем убранный с полей хлеба.

Историки обладают как минимум двумя свидетельствами об урожайности зерновых в Сибири в 1918—1919 гг. — данными Н.П. Огановского и С.Г. Гензеля. Источники информации об их авторах не раскрыты. С.Г. Гензель предлагает динамиче-

Таблица 9

**Площади посевов основных зерновых культур в Алтайской и Иркутской губерниях
в 1919 г. по данным Ю.В. Журова в сопоставлении с 1918 г.**

Губерния	Рожь		Пшеница		Овес		Ячмень	
	дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес.	%
Алтайская	39 931	+17,5	2 037 592	-0,04	933 144	-5,8	80 700	-14,3
Иркутская	196 300	+2,0	63 150	+0,4	69 000	0	28 300	+0,01

Источники: Журов Ю.В. Крестьянство Сибири в годы гражданской войны. Дисс. ... докт. ист. наук. Красноярск, 1974. С. 445–446. Подсчитано нами на основании сведений из таблицы 8.

ские ряды годовых изменений урожайности за 20 лет подряд. Он отметил, что за период 1913–1915 гг. воспользовался данными переселенческого управления, которые по дореволюционному опыту сопоставлений разных методик сбора материала свидетельствуют о наибольшей точности. С 1920 г. организация сельскохозяйственной статистики пережила глубокий кризис, и крестьяне, стремясь укрыться от продразверстки, преуменьшали количество собираемого хлеба. Поэтому он использовал поправочный коэффициент. Автор не пояснил в своих комментариях, как получены сведения за 1916–1919 гг. и какие коэффициенты он использовал для обработки показателей последующих лет. С.Г. Гензель приводит поездную статистику и ее сводку для территории Сибирского края, Н.П. Огановский дает погубернские данные. Причем он учел все изменения административно-территориального деления. Поэтому свести их воедино и сопоставить не представляется возможным (см. таблицы 10.1, 10.2)²¹.

Таблица 10.1

Урожай основных зерновых культур в 1917–1921 гг. на территории Сибирского края по данным Н.П. Огановского

Губерния	Год	Озимая рожь	Яровая пшеница	Овес	Ячмень
Тобольская	1917	67,0	73,0	77,0	75,0
Тюменская	1918	41,0	43,2	45,6	43,4
	1919	35,4	36,0	41,8	36,0
	1920	33,2	33,6	41,6	39,6
	1921	45,2	22,5	22,8	27,7
Омская	1918	42,2	35,5	36,4	33,2
	1919	39,7	51,4	69,3	66,4
	1920	17,0	19,0	14,6	–
	1921	25,1	45,6	40,1	32,0
Томская	1917	60,0	60,0	78,0	62,0
	1918	58,0	64,0	70,0	58,0
	1919	58,0	80,0	87,0	79,0
	1920	68,6	40,9	57,4	44,0
	1921	53,2	52,1	68,2	43,1
Алтайская	1917	–	–	–	–
	1918	60,0	48,0	49,0	46,0
	1919	51,6	48,1	50,5	52,0
	1920	37,0	32,0	38,0	40,0
	1921	54,3	51,1	63,5	57,8

Таблица 10.1 (окончание)

Губерния	Год	Озимая рожь	Яровая пшеница	Овес	Ячмень
Енисейская	1917	59,0	52,0	62,0	59,0
	1918	45,0	58,0	66,0	54,0
	1919	45,0	52,0	58,0	46,0
	1920	43,2	32,8	35,2	28,5
	1921	37,4	45,8	42,2	38,1
Иркутская	1917	48,0	41,0	49,0	49,0
	1918	43,0	53,0	58,0	93,0
	1919	48,0	60,0	68,0	63,0
	1920	65,0	36,9	66,0	59,0
	1921	47,4	45,0	40,8	45,0
Акмолинская	1917	43,0	54,0	53,0	47,0
	1918	29,9	24,4	20,9	23,0
	1919	42,5	56,1	59,7	59,6
	1920	22,3	11,4	10,6	9,0
	1921	—	36,5	34,6	35,4
Семипалатин- ская	1917	43,0	54,0	64,0	56,0
	1918	45,0	43,6	50,5	44,8
	1919	47,1	72,3	69,2	63,7
	1920	—	24,0	22,0	22,0
	1921	—	61,8	53,8	19,8

Источник: Сельское хозяйство России в XX веке: Стат. сб. М., 1923. С. 154.

Таблица 10.2

**Урожай основных зерновых культур в 1916–1925 гг. на территории
Сибирского края по данным С.Г. Гензеля**

Культура	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Рожь озимая	47	49	49	50	52	37	46	54	56	46
Рожь яровая	52	46	51	59	41	30	44	41	53	43
Пшеница яровая	41	45	47	53	26	25	35	36	44	52
Овес	50	60	54	59	35	30	45	44	51	57
Ячмень	45	49	43	61	31	26	44	38	48	47

Источник: Гензель С. Движение урожаев с одной казенной десятины в Сибирском крае с 1896 по 1925 г. // Статистический бюллетень. Новосибирск, 1927. С. 89.

Засуха и недород имели место в Восточной Сибири. Данное обстоятельство нашло отражение и в региональной текущей статистике, которой воспользовался Ю.В. Журов, необоснованно распространивший ситуацию в этом регионе на всю сибирскую территорию. Напротив, урожайность зерновых в 1919 г. осталась примерно на уровне прошлого года, хотя колебания в ту или другую сторону в зависимости от местных условий имели место. Наиболее оптимистические оценки положения в 1919 г. нашли отражение в опубликованных С.Г. Гензелем в 1927 г. материалах, оставшихся не востребованными советской историографией. Используя его данные, можно вывести коэффициент изменения урожайности пшеницы, считая год начала революции как базовый (см. таблицу 10.3).

Таблица 10.3

Коэффициент изменения урожайности пшеницы в 1917–1926 гг.

1917 г.	1	1922 г.	0,777
1918 г.	1,044	1923 г.	0,8
1919 г.	1,178	1924 г.	0,978
1920 г.	0,578	1925 г.	1,155
1921 г.	0,555	1926 г.	0,98*

* Данные за 1926, отсутствующие в публикации С.Г. Гензеля, взяты в: Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005. С. 273.

Этот динамический ряд хорошо отражает циклическое воздействие климатического фактора, которое не следует ни уменьшать, ни преувеличивать.

Сведения Н.П. Огановского также показывают более высокий урожай основных зерновых в 1919 г., чем в предыдущем. Он примерно соответствовал урожаю 1917 г. Остается открытым вопрос о том, какую долю урожая не удалось собрать в результате развертывания партизанской войны и боевых действий Красной и Белой армий на территории Сибири.

В дореволюционные годы прослеживалась зависимость колебаний посевных площадей от урожайности предшествующего года. Важно, что резкие колебания урожаев вели к куда более плавным изменениям размеров обрабатываемых полей. Неуро-

жай в 1900 и 1901 гг. привел к сокращению посевов на 15%. Хотя в эти годы было собрано пшеницы с десятины лишь 31% и 63% от сборов 1899 г.²² В последующие годы колебания урожайности зерновых были не так сильны, и они сопровождались неуклонным ростом площади посевов, т. к. происходили на фоне интенсивного прироста сельского населения за счет межрайонной миграции и расширения рыночных связей²³. В 1914 г., который был урожайным, Сибирь произвела 546 млн пудов зерновых, из которых 315 млн пудов — продовольственного хлеба. В последующие годы более низкие урожаи позволили собрать 272 млн пудов в 1915 г. и 334 млн пудов в 1916 г. (из них 155 и 196 млн пудов продовольственного хлеба соответственно)²⁴. Другие данные приводит В.Г. Тюкавкин (1914 — 366,6 млн пудов, 1915 — 186,1 млн пудов, 1916 — 379,0 млн пудов)²⁵. Оба исследователя указывают на резкое сокращение количества собранного хлеба в 1915 г. Это привело к сокращению посевных площадей на 2,5% в 1915 г. и еще на 0,5% в 1916 г. Итак, при неблагоприятных рыночных условиях неурожай могли существенно сократить площади посевов, при благоприятных — испытать незначительное уменьшение.

В 1917 г. объем валовых сборов определялся в 621 млн пудов. По данным В.Г. Тюкавкина, он, однако, составил 599 млн пудов, а по сведениям, приведенным Л.М. Горюшкиным, 387 млн пудов²⁶. Но такие пессимистические оценки представляются малоосновательными. Вероятно, разночтения встречающихся в историографии данных связаны с учетом в них разных географических рамок и не одинакового набора возделываемых культур. В нашем распоряжении имеются сведения о валовом сборе четырех основных зерновых культур на 1918 г. Они включают данные по 10 губерниям и областям востока России. Источник указывает 485 млн пудов зерновых²⁷. Есть все основания предполагать, что с учетом других зерновых культур сборы должны были составить около 500 млн пудов. Доля Дальнего Востока в этих показателях — не более 6–7%. Эти сведения согласуются скорее с умеренными оценками урожайности Н.П. Огановского, чем с данными С.Г. Гензеля. Информация о хороших условиях созревания хлебов и росте посевных площадей дает основание предполагать, что результаты уборки урожая в 1918 г. и 1919 г. позволяли получить не меньшие валовые сборы, чем в 1917 г. Ведь урожаи этих лет были не хуже, чем в наилучшем

до революции 1914 г., а посевные площади возросли примерно на 15–20% по сравнению с этим годом. Но сведений о реальных сборах хлебов в этом году не выявлено. По-видимому, достоверных статистических источников, позволяющих судить, насколько уборке помешала вооруженная борьба, просто не существовало.

Резкое ухудшение показателей зернового производства в 1921–1922 гг. достаточно хорошо отражено в опубликованной статистике. В 1920 г. было собрано 245 млн пудов, в 1921 г. — 179,3 млн пудов, в 1922 г. — 153 млн пудов, в 1923 г. — 204,5 млн пудов, в 1924 г. — 257,4 млн пудов, в 1925 г. — 337,2 млн пудов и в 1926 г. — 397,9 млн пудов²⁸. Посевные площади сократились в 1921 г. до 80% (5434,9 тыс. дес.), а на следующий год до 60% (4080,1 тыс. дес.) от уровня 1920 г. (6711 тыс. дес.). Такой беспрецедентный упадок зернового хозяйства нельзя отнести за счет погодных условий. Отметим, что восстановление посевных площадей в Сибири происходило очень медленно. Уровень 1917 г. был превзойден только к 1927 г. Но, по-видимому, лишь накануне коллективизации в Сибири стали засеивать столько же, сколько в два послереволюционных года. Это тоже весьма показательно. Ведь до революции площадь посевов восстанавливалась уже на второй год после неурожая.

Конечно, существенным фактором являлось наступление нескольких подряд неурожайных лет (1920–1923 гг.). Но это обстоятельство само по себе не могло привести к такому обвальному сокращению площадей посевов. Очевидно, что решающим фактором оказалась продовольственная политика. При этом важно, что удельный вес посевов продовольственных культур в годы кризиса сокращался медленнее, чем кормовых. Крестьяне ликвидировали прежде всего товарную часть своего хозяйства, делая его в большей степени потребительским. Это вполне естественное экономическое поведение в условиях глубокого и затяжного экономического кризиса. Важно зафиксировать, что этот процесс начался не в период существования антибольшевистских правительств, когда, казалось бы, сибирские жители были лишены европейских рынков сбыта своей аграрной продукции. Он проявился позже.

Влияние революционных событий, Гражданской войны и государственной аграрной политики на животноводство возможно понять, если учесть тенденции развития этой отрасли в предшествующие годы (таблица 11). Точка отсчета здесь имеет большое значение. С 1912 г. поголовье скота в Сибири стабильно росло, и к 1916 г. оно увеличилось (в переводе на крупный рогатый скот) с 12 632 тыс. до 18 794 тыс. голов²⁹. Следовательно, за предреволюционное пятилетие произошел его рост на 48,7%. Хотя необходимо учесть стремительное увеличение сельского населения, которое несколько сглаживает подушевое выражение темпов прироста поголовья. В географическом распределении животноводческого хозяйства прослеживалась тенденция, обратная ситуации в полеводстве: чем реже население, тем больше оно содержало скота³⁰. Районами наибольшего развития животноводства являлись зоны проживания коренных народов Юга Сибири и Казахстана.

Из приведенной в таблице 11 информации следует, что, во-первых, падение поголовья скота началось уже в 1917 г., во-вторых, в промежутке между 1917 г. и 1920 г. животноводство понесло более ощутимый урон, чем полеводство. Следовательно, кризисные явления в этой отрасли стали проявляться уже под влиянием Первой мировой войны.

В историографии имеется как минимум два примера подсчета степени сокращения поголовья. И.В. Яровой сравнивает показатели 1917 г. и последующих лет. Н.Я. Гушин берет за точку отсчета 1913 г., что позволило ему сделать вывод о восстановлении животноводческой отрасли к 1924–1926 гг., а сама убыль скота в наименее благоприятные годы выглядит в его калькуляции не столь критичной. Но, пожалуй, правильное всего сравнить ситуацию с 1916 г., который не только был ближайшим к началу революции, но и является точкой наивысшего развития животноводства Сибири. Использование разных коэффициентов, как показывают данные таблицы 12, позволяло получать разные датировки восстановительных процессов в животноводческой отрасли. Хотя очевидно, что и к 1926 г. они еще не завершились.

Поголовье скота в Сибири в 1913—1926 гг. (тыс. голов)

	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Лошади	3654,1	4218,6	3849,9	3948,5	3889,8	3418,3	3001,2	3368,4	3408,4	3600,6
В т. ч. рабочие	нет св.	3132,5	2898,6	2911,5	2778,2	2551,0	2316,7	2552,2	2530,0	2545,7
Молодняк	нет св.	662,1	455,3	633,4	687,0	553,0	469,1	470,6	50,1	622,6
Жеребята	нет св.	424,0	496,0	403,6	424,6	314,3	215,4	345,6	373,4	432,3
Крупный рогатый скот в т. ч.:	4435,9	5839,8	5177,5	4423,1	4108,6	3650,7	3697,9	4728,1	5208,9	5857,7
Коровы	2215,4	2900,2	2615,0	2466,5	2020,6	1848,3	1943,6	2301,5	2419,9	2684,0
Волы рабочие	нет св.	50,0	34,6	14,8	16,2	11,6	11,1	17,3	42,5	67,1
Быки	нет св.	161,9	96,8	56,0	46,1	39,1	29,1	64,0	97,2	103,4
Молодняк старше года	нет св.	1360,6	1129,8	813,4	958,3	771,0	729,1	1033,0	1260,3	1379,3
Телята	нет св.	1338,8	1283,3	1064,1	1059,3	975,4	985,1	1312,2	1389,1	1623,8
Овцы, в т. ч.:	4743,8	6358,0	5980,6	5130,0	4510,7	4626,0	6042,1	8012,8	8367,4	9765,0
Взрослые	нет св.	4279,2	4073,0	4318,4	3112,7	2959,5	3551,5	4599,0	4819,3	5342,7
Ягнята	нет св.	2078,8	1907,6	811,6	1389,0	12 666,6	2490,6	3413,8	3548,2	4433,3
Козы	нет св.	148,5	103,9	59,5	60,5	63,8	50,3	95,5	107,5	133,7
Свиньи, в т. ч.:	1764,2	2262,8	2092,6	1896,3	1556,8	956,2	879,5	1545,0	1985,2	2111,8
Подсвинки	нет св.	344,8	370,8	514,5	382,2	234,7	186,7	375,9	476,6	405,3
Поросята	нет св.	1001,5	87,5	651,8	697,5	436,0	434,4	710,3	836,8	1073,7
Прочий скот	нет св.	13,0	10,4	4,0	0,6	1,2	0,2	3,3	1,5	5,2

Источник: Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири... С. 158, 162.

**Темпы прироста и уменьшения поголовья скота в Сибири
в 1917—1926 гг. (%)**

	К 1913 г.					К 1916 г.					К 1917 г.			
	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1926 г.	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1926 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1926 г.
Лошади	+5,6	+8,2	+6,8	-6,3	-2,5	-8,8	-6,5	-7,8	-19,0	-14,7	+2,1	+1,0	-12,1	-6,6
Крупный рогатый скот	+16,9	-0,3	-7,3	-17,6	+32	-11,4	-24,3	-29,7	-37,5	+0,3	-14,1	-21,5	-26,4	+32,4
Овцы	+26,2	+8,2	-4,8	-2,5	+205	-6,0	19,3	-29,3	27,5	+53,5	-13,8	-24,8	-34,1	+63,3
Свиньи	+18	+7,2	-17,5	-45,8	+19,7	-7,5	-16,2	-31,2	-67,5	-6,7	-11,5	-34,1	-51,1	0
Всего скота	+17,8	+5,8	-3,3	-12,7	+57,3	-8,6	-18,0	-25,0	-32,3	+14,4	-10,1	-19,4	-28,9	+39,8

Примечания: И. Яровой использовал данные, несколько отличающиеся от данных Н.Я. Гушина, опирающегося на издание: Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 40—43; И. Яровой использует в подсчетах общую численность овец и коз (подсчет прироста к 1916 г. и данных за 1926. — *Авт.*).

Источники: Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму: (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926—1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 67; Яровой И. Обзор сельского хозяйства Сибири. Животноводство // Жизнь Сибири. 1922. № 3. С. 3.

В годы Первой мировой войны поголовье лошадей сильно возросло, несмотря на выбытие работников в связи с мобилизацией. Это объясняется возможностью найма рабочей силы для уборки урожая, спросом на лошадей со стороны военного ведомства. Гражданская война не сразу привела к сокращению поголовья, т. к. прежние тенденции некоторое время сохранялись. Осенью 1918 — весной 1919 г. были предприняты платные мобилизации лошадей, скупка их военным ведомством. Министерство земледелия Российского правительства оказывало помощь в восстановлении конных заводов. Убыль поголовья лошадей в 1920—1922 гг. была меньше, чем других животных. И.В. Яровой объясняет это тем, что крестьяне стали употреблять их мясо в пищу. Поэтому лошадь для сибирского населения в эти годы была не только тягловым скотом, но и мясным. Возможно, это было и так, но окончание Гражданской войны, рост партизанского движения и отступление Белой армии в конце 1919 — начале 1920 г., а затем начало продразверстки явились неблагоприятными факторами, приведшими в конце концов к сокращению поголовья этих животных.

Иной была динамика численности крупного рогатого скота. Молочное хозяйство Сибири после введения государственной монополии на скупку масла в 1915 г. оказалось в неблагоприятной ситуации. На масло была установлена нерентабельная закупочная цена. В дальнейшем она становилась все более разорительной, и уже к 1917 г. маслодельная отрасль в Сибири находилась в упадке. Представители молочной кооперации сообщали, что хозяевам выгоднее забивать молочных коров на мясо, чем сдавать молоко на маслозавод. С восстановлением советской власти скупка масла почти прекратилась. Между тем цены на говядину оставались достаточно высокими, и до 1920 г. крестьянин сохранил возможность продавать ее на рынке. Кроме того, мясо употреблялось внутри хозяйств. Это и привело к резкому сокращению молочного стада. Если общее поголовье крупного рогатого скота и коров сократилось почти пропорционально (на 38 и 37%), то молодняк уменьшался опережающими темпами — на 43,6%. Следовательно, крестьяне не видели перспективы расширения поголовья стада. Вероятнее всего, мясо молодых животных они использовали в продовольственных целях или на продажу по рыночным ценам. Все это подрывало возможность восстановления поголовья в ближайшие годы. На воздействие региональных факторов, связанных с неблагоприятной ситуацией в маслодельной промышленности, указывает и тот факт, что при сокращении поголовья скота в европей-

ской части России доля молочных животных в стаде оставалась стабильной. В Сибири она уменьшилась. Сибирский крестьянин легче расставался с молочным скотом³¹. Даже к 1926 г., когда общая численность крупного рогатого скота восстановилась, молочное стадо оставалось на уровне 92,5% от поголовья 1916 г. Еще более существенно обвальное падение поголовья рабочих волов и быков-производителей. За 1916–1922 гг. их численность сократилась в 4,6 и в 4,2 раза соответственно. Даже на фоне общего стремительного сокращения численности животных доля племенных быков уменьшилась с 2,8 до 1%. Это позволяет сделать вывод о том, что племенное животноводство в регионе было практически уничтожено³². Резкое увеличение численности молодняка, племенных и рабочих животных в середине 1920-х гг. говорит, однако, об интенсивной нормализации положения. Можно говорить о своеобразном эффекте мультипликатора, приводящем к более резкому колебанию численности молодняка в сторону сокращения и увеличения на нисходящей и восходящей стадии кризисного цикла.

Наибольшую убыль испытало мясное скотоводство. Одна из основных причин — активные закупки мяса для армии и дефицит кормов. Начиная с 1917 г. источники поступления мяса в регион извне сократились. Значительное количество мясной продукции до революции закупалось в Степном крае. После восстания 1916 г. и массового падежа скота в начале 1918 г. его численность у казахов-кочевников резко упала. В сопоставимых границах можно проследить динамику упадка скотоводческого хозяйства кочевого населения Семипалатинской области (таблица 13).

Таблица 13

**Поголовье скота в Семипалатинской области
в 1917 и 1920 гг. (тыс. голов)**

	Крупный рогатый скот		Овцы	
	1917 г.	1920 г.	1917 г.	1920 г.
Всего	1041,7	798,5	3290,0	1234,0
Кочевники	768,7	355,5	3051,6	855,1
Оседлое население	273	443	238,4	378,9

Источники: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной... С. 78–79; Групповые итоги сельскохозяйственной переписи... С. 66–69.

Эти данные красноречиво говорят о том, что казахское население степей не могло поставлять мясо в прежних количествах, да и вообще едва ли не голодало. Другой источник закупки мясной продукции — Монголия — стал давать значительно меньшие объемы в связи с транспортным кризисом, свертыванием работы Монгольской экспедиции и падением курса рубля, который в эти годы оказался вытеснен в Монголии китайской валютой. Все это привело к усиленному забою крестьянского мясного скота в Сибири.

В советской историографии обычно крайне идеологизованно представляли иерархию причин сокращения поголовья скота в Сибири в 1917–1920 гг. Так, И.П. Трошин, Н.Я. Гущин и З.И. Белая к важнейшим из них относят последствия колчаковщины и белобандитского движения начала 1920-х гг. Последняя отмечает помимо этого наплыв беженцев из голодающих губерний и массовые эпизоотии³³. В соответствии с общесоветской периодизацией эти авторы относили 1921 г. к восстановительному периоду. Очевидно, что точная динамика процессов в этом случае «упрятывалась». С 1916 по 1920 г. падение поголовья скота происходило умеренными темпами. Резкая убыль стада наблюдалась в 1921–1922 гг., когда «свалить» ее на белогвардейцев было уже нельзя. И.П. Трошин называет еще одну объективную причину — неурожай начала 1920-х гг. привели к сильному сокращению кормовой базы, более стремительному, чем сборы продовольственных хлебов. В результате скот систематически голодал, был велик падеж ценнейших племенных животных, забой на мясо не восполнялся приростом поголовья. Недостаток растительной пищи в регионе компенсировался за счет мясной.

Современники событий четко осознавали, что одна из ключевых причин кризиса животноводства — это продразверстка. В 1920 г. на Сибирь была наложена разверстка в 6 207 000 пуд. мяса, 830 000 овчин, 220 000 пуд. шерсти, 1 226 000 шт. кож. Причем по Омской губ. разверстка была выполнена на 96%, по Алтайской — на 90%, Семипалатинской — на 83%, по Томской губ. на 55%, а всего по Сибири — на 84%³⁴. И.В. Яровой проводит сопоставление общего поголовья стада и количества скота, сданного по продразверстке. Он отмечает, что численность всех животных, кроме лошадей, в 1921 г. убывала примерно в том же количестве, в котором оно было изъято в ходе разверсточной кампании³⁵. В 1922 г. стали действовать уже другие причины, но разверстка мяса продолжала заметно сказываться на состоянии животноводства. Удовлетворение текущих потреб-

ностей населения в мясе происходило за счет сокращения прироста поголовья. Это видно из данных таблицы 14.

Таблица 14

**Убыль скота в сравнении с поставками по продразверстке
(тыс. голов)³⁶**

Годы	Сокращение поголовья	Продразверстка
1919/1920	1755,7	1472
1920/1921	1623,8	1546
1921/1922	1663,6	540

Но есть и еще одна причина падения численности сельскохозяйственных животных. Животноводство в регионе было тесно связано с полеводством. Сокращение валовых сборов хлебов в 1920–1922 гг. сопровождалось изменением соотношения разных культур. Двукратному сокращению подверглись посевы овса — основного фуражного хлеба, значительно больше, чем посевы продовольственных культур. Именно по этой причине происходила и убыль стада до тех размеров, которые позволяли прокормить его. Данный тезис легко подтвердить ситуацией в свиноводстве — чисто мясной отрасли. В 1921 г. была ликвидирована четверть поголовья этих животных. А их общая убыль превысила половину, превзойдя убыль всех других видов животных. Между тем содержание свиней требовало наибольших объемов хлебов. Таким образом, крестьянство встало перед дилеммой — «свиньи или хлеб». Животные были вырезаны, и это подтверждает, что у крестьян в 1921–1922 гг. имелись серьезные проблемы со сдачей продразверстки и заготовкой семян. Они начали жертвовать мясным скотом ради сокращения дефицита хлеба в своем хозяйстве. Конечно, необходимо помнить о возможном недоучете поголовья скота в переписях начала 1920-х гг., которые проводились весьма спешно. Но в отличие от недоучета посевных площадей, которые попытались восполнить путем введения поправочных коэффициентов, в отношении статистики животноводческой отрасли такие корректировки не применялись.

Можно отметить быстрый рост поголовья овец. Здесь уже в 1921 г. начинается стремительное наращивание молодняка. Овцы требовали меньше кормов, чем другой скот. Это позволило советским историкам говорить, что в отдельных отраслях животноводства восстановительные процессы начались сразу после возвращения советской власти. Следует отметить, что числен-

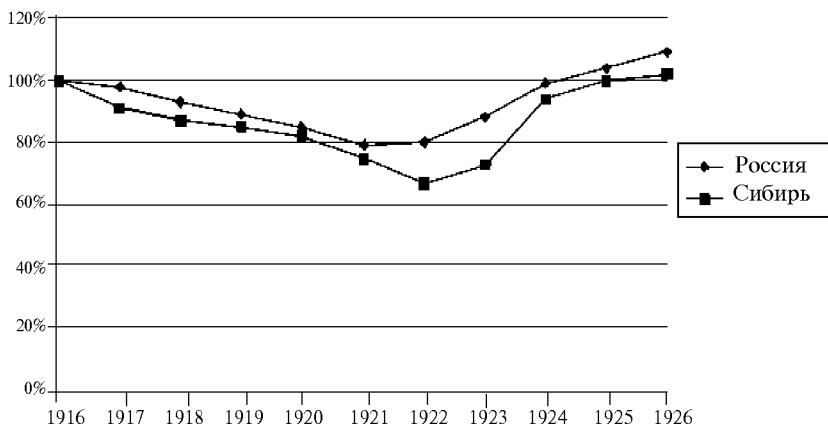
ность прироста молодых животных неспроста обгоняла общие темпы восстановления овечьего стада. Крестьяне продолжали забивать на мясо молодых ягнят, но за счет этого обеспечивали приток мяса на свои столы и на рынки региона. В силу этих обстоятельств динамика овцеводческой отрасли оказалась асинхронна другим отраслям животноводства, и кризис оказал на нее совершенно иное воздействие. В целом следует отметить, что аграрный кризис в животноводстве оказался также тесно связан именно с политикой советской власти, но проявил он себя в меньшей степени, чем в растениеводстве. Кроме того, целый ряд причин кризиса не являлся прямым, а стали лишь отражением кризиса в сфере растениеводства.

* * *

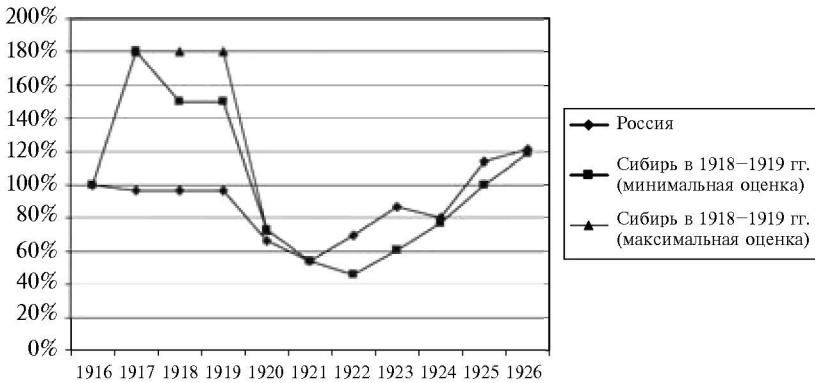
Наиболее ярким свидетельством региональной специфики кризиса будет являться сопоставление динамики производственных показателей по стране в целом и в масштабах региона. Общероссийские индексы приведены А.В. Полетаевым и И.М. Савельевой. Но в силу несопоставимости их подсчетов с региональными показателями нам придется произвести собственные вычисления, опираясь на приведенные А.В. Полетаевым в другой публикации показатели и уже использованную нами в настоящей статье сибирскую статистику³⁷. Оговоримся, что изменения валовых показателей по животноводству не приводятся, т. к. в региональной статистике не выявлено сведений, которые можно признать корректными.

Рисунок 1

Численность крупного рогатого скота в 1916–1926 гг.

Сбор зерновых в 1916–1926 гг. (с учетом минимальных и максимальных оценок за 1918–1919 гг.)

Масштабная Гражданская война не отразилась негативно на зерновом хозяйстве региона. Напротив, его поступательному развитию способствовали как благоприятные погодные условия, так и политика сменявших друг друга до 1920 г. режимов, которая в основном сводилась к тому, чтобы предоставить крестьянский социум самому себе. В краткосрочной перспективе это привело к экономическому подъему. Даже разрыв хозяйственных связей, затруднивший сбыт продукции и поставки сельскохозяйственной техники в регион, не дестабилизировал ситуацию. Напротив, на фоне высоких урожаев зерновых, сопровождавших первое революционное трехлетие, происходило дальнейшее расширение посевных площадей. Именно 1918–1919 гг. стали пиком развития зернового производства в сибирском регионе. Сельским хозяйством был накоплен значительный потенциал, который должен был позволить пережить череду неурожайных лет. Интересно сопоставление с общероссийскими тенденциями. В европейской части страны на протяжении 1918–1920 гг. происходил неуклонный спад производства зерновых, примерно на 20% за три года. Пиком кризиса стал 1921 г., а в 1922 г. наблюдаются уже восстановительные процессы. В Сибири динамика была иная. Период, начавшийся в Сибири после разгрома колчаковского режима, отмечен резким ухудшением состояния зернового хозяйства. Причем негативное влияние погодных условий усугубилось продовольственной политикой большевиков. Следует учесть региональную специфику

перехода к нэпу: в Сибири в первый год новый курс оставался декларативным. Но дальнейшие процессы свидетельствуют, что воздействие государства на сельское хозяйство в регионе принципиально не изменилось по сравнению с политикой «военного коммунизма» даже тогда, когда нэп был уже в разгаре. Глубину спада зернового хозяйства в эти годы исследователи традиционно преуменьшали. Это было связано с тем, что подсчеты производились, отталкиваясь от 1917 г. либо от 1920 г. в качестве базового. В действительности пик развития зернового хозяйства региона пришелся на 1918–1919 гг., которые и должны стать точкой отсчета при выяснении дальнейшей динамики производственных показателей. Этим же рубежом следует руководствоваться при определении хронологии восстановительных процессов. Тогда станет понятно, что в 1926 г. докризисные рубежи преодолены не были. Но точно указать на точку восстановления объемов зернового производства невозможно ввиду отсутствия достоверных статистических сведений о стадии наивысшего подъема. В животноводстве наблюдалась совершенно иная динамика кризисных явлений. Спад производства продукции обнаруживается задолго до кризиса зернового хозяйства, и до 1920 г. обе отрасли развивались как будто в противофазе. Однако глубина этих процессов позволяет говорить скорее об умеренной рецессии. Это вновь подтверждает парадоксальный вывод, что воздействие Гражданской войны было не фатально губительным, а, напротив, проявилось весьма слабо. Напротив, в 1921–1923 гг. животноводство испытало разрушительное воздействие кризиса зернового производства.

К 1926 г. можно говорить лишь о преодолении кризиса в целом, но не о полном восстановлении аграрного производства Сибири. В одну и ту же реку нельзя войти дважды. Это было уже другое сельское хозяйство. Кризис привел его к реструктуризации, сделал более замкнутым на удовлетворении собственных нужд. Отдавая дань влиянию государственной политики, отметим, что здесь проявлялся и объективный процесс. В течение кризиса, когда сельскохозяйственное производство идет на спад, неизбежно доминирует нисходящая социально-экономическая мобильность; наиболее товарные в прошлом отрасли безжалостно урезаются самими производителями. Поэтому на них воздействует эффект мультипликатора, и их производство сокращается сильнее, чем общий его валовой объем, а в какие-то моменты может даже увеличиваться, компенсируя падение доходов в других частях хозяйства. Это необходимо учитывать, если мы хотим понять, почему за общей динамикой

скрывались подчас разнонаправленные тенденции. Как это часто бывает, государственная политика (субъективный фактор), природные явления и логика законов экономического кризиса (объективные факторы) действовали в едином русле. Вычислять доли этого воздействия — занятие неблагодарное. Но одно совершенно очевидно — государство углубило кризис и затормозило восстановление аграрной экономики. В Сибири его влияние проявилось с опозданием, с иной динамикой и большей амплитудой.

Примечания

¹ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1998. № 6. С. 94–132.

² Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск, 1972. С. 35–39.

³ Белая З.И. Восстановление и развитие сельскохозяйственного производства в Сибири (1920–1927 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1982; Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период. 1921–1925 гг. (Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). Томск, 1978; Горюшкин Л.М. Сельское хозяйство Сибири в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. Новосибирск, 1966. С. 46–69; Гушин Н.Я. Развитие сельскохозяйственного производства в Сибири (1920–1927 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977. С. 70–106.

⁴ Соколов В. Сибирское наследство // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. Омск, 1920. С. 57.

⁵ Подсчитано по: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. М., 1921. Т. 5. Вып. 1. С. 64–67; Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года (по губерниям и районам). М., 1926. С. 2–3, 6–7.

⁶ Шишкин В.И. К вопросу об аграрной политике Советской власти в Сибири в 1920 году // Социально-экономическое и политическое развитие сибирской деревни в советский период. Новосибирск, 1974. С. 22.

⁷ Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство Сибири (конец 1890-х — начало 1940-х гг.): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–55.

⁸ Яровой И. Обзор сельского хозяйства Сибири. Полевое хозяйство // Жизнь Сибири. 1922. № 2. С. 83; Окушко Б.В. Крестьянское сельское хозяйство Приенисейского края и типы его организационного строения в 1917–1922 годах. Опыт исследования. Ч. 1. Вып. 1: Внешние

и внутренние характеристики элементов организации хозяйства. Красноярск, 1924. С. 61–72.

⁹ Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск, 2008. С. 50–51.

¹⁰ Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период... С. 61, 161.

¹¹ Погубернские итоги... С. 64; Групповые итоги... С. 75.

¹² Боженко Л.И. Сибирская деревня... С. 65–66; Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967. С. 124.

¹³ Дм. М[ерхалев]. Сельское хозяйство Сибири в 1920 г. // Красная Сибирь. 1921. № 1. С. 56.

¹⁴ Сельское хозяйство России в XX веке: Стат. сб. М., 1923. С. 113.

¹⁵ Статистико-экономический бюллетень. Томск, 1919. № 14–16. С. 123.

¹⁶ Известия Министерства земледелия. Омск, 1919. № 1. С. 22.

¹⁷ Русь. Омск, 1919. 9 авг.

¹⁸ Сверить данные Ю.В. Журова с источником его информации сейчас не представляется возможным. Указанная им архивная легенда не соответствует современной нумерации. Тщательное изучение дел использованного советским историком архивного фонда Сибирского статистического управления также не привело к положительным результатам.

¹⁹ Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории. Новосибирск, 2008. С. 56–68; Рынков В.М. Восстановление землевладельческих прав в Сибири во второй половине 1918 — первой половине 1919 г.: законодательство и практика // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2.

²⁰ Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920 гг. Новосибирск, 2007. С. 144.

²¹ Выявленные нами архивные экземпляры сведений об урожае хлебов с казенной десятины за 1915–1921 гг., очевидно, использованные С.Г. Гензелем для подготовки публикации. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГА НО). Ф. Р-1328. Оп. 1. Д. 181. Л. 35–45), имеют и погубернские сводки. Но они очень неполны, разные их варианты изобилуют разночтениями друг с другом и с опубликованными данными. Вероятно, это предварительные сводки, достоверность которых требует дополнительной проверки.

²² Гензель С. Движение урожаев с одной казенной десятины в Сибирском крае с 1896 по 1925 гг. // Статистический бюллетень. Новосибирск, 1927. С. 91.

²³ Пронин В.И. Сибирь в составе всероссийского и мирового рынков в начале XX века (1897–1917 гг.). Новосибирск, 1999. С. 48–81.

²⁴ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967. С. 376.

²⁵ Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 308.

²⁶ Горюшкин Л.М. Сельское хозяйство Сибири в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Сибирь в период строительства социализма. Новосибирск, 1966. С. 48.

²⁷ ГА НО. Ф. Д-146. Оп. 1. Д. 389. Л. 1–4.

²⁸ Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях НЭПа: 1921–1928 гг. Новосибирск, 2005. С. 273.

²⁹ Пронин В.И. Скотоводство в Сибири в XIX — начале XX в.: (К статистике вопроса) // Из истории Алтая. Томск, 1976. С. 115.

³⁰ Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. С. 57, 61.

³¹ Дм. М[ерхалев]. Сельское хозяйство Сибири в 1920 г. ... С. 64.

³² Трошин И.П. История развития скотоводства в Западной Сибири. Новосибирск, 1969. С. 118.

³³ Там же. С. 119; Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму: (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 58–59; Белая З.И. Сибирское животноводство в 1920–1927 гг. // Социально-экономическое и политическое развитие сибирской деревни в советский период. Новосибирск, 1974. С. 37–38.

³⁴ Итоги продовольственной кампании по Сибири // Жизнь красной Сибири. 1921. № 1–2. С. 12–13.

³⁵ Яровой И. Обзор сельского хозяйства Сибири. Животноводство // Жизнь Сибири. 1922. № 3. С. 4.

³⁶ Там же. С. 2, 5. За 1919/1920 (подсчет. — *Авт.*) на основании данных И. Ярового о выполнении разверстки в пудах и по его же методике.

³⁷ Полетаев А.В., Савельева И.М. Сравнительный анализ двух системных кризисов в Российской истории (1920-е и 1990-е гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2000. М., 2001, С. 98–135; Полетаев А.В. Экономические кризисы в России в XX веке: (Статистическое исследование) // Истоки. Вып. 3. М., 1998. С. 233.

*Е.Н. Данилова**

Установка на создание образцовых хозяйств в доколхозной деревне и эксперименты по ее реализации

Время после октябрьских событий и первая половина 1920-х гг. — период интенсивных поисков большевиками путей преобразования отсталого российского сельского хозяйства и перевода его на путь модернизации.

Привлекая многочисленное крестьянство на свою сторону, большевики наделили его землей, прекрасно осознавая, что распыленное мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство не сможет стать базой для последующих социалистических преобразований. Очевидно изначальное устремление большевиков к организации крупных коллективных хозяйств. Во многих первых документах советской власти, работах и выступлениях В.И. Ленина высказывалась мысль о необходимости перехода от мелкого индивидуального крестьянского хозяйства к коллективным организациям и общественной обработке земли. В Постановлении ВЦИК от 1 марта 1919 г. говорилось, что «на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на проходящие и отживающие»¹.

Среди части пришедших к власти руководителей существовало убеждение, что можно будет перевести деревню на новый путь развития за 3–4 года. Но достаточно быстро реальность показала, что развернуть российскую деревню в сторону полного обобществления средств производства и создания крупных государственных «фабрик зерна» за короткие сроки не удастся.

Доколхозная деревня оказалась масштабным полем для экспериментов новой власти. Практика 1920-х гг. дает богатый материал для исторических размышлений. В.И. Ленин называл революцию и первые послереволюционные годы «эпохой не-

* Данилова Елена Николаевна — кандидат исторических наук (Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова).

престанных исканий»². Не имея первоначально определенной последовательной стратегии и тактики в преобразовании деревни, большевики пытались путем эксперимента определить наиболее эффективные варианты осуществления своей идеи, используя при этом конкретный исторический опыт отдельных социальных и национальных групп сельского населения страны. Очевидно, определенная логика в подобных намерениях была. Но подобный путь требовал неспешности, большого терпения, немалых материальных затрат и времени.

Немаловажная роль в осуществлении задачи перехода крестьянства к коллективным формам труда и жизни в рассматриваемые годы отводилась попыткам создания в деревне образцовых хозяйств, опыт которых должен был со временем убедить крестьян в преимуществах коллективного типа хозяйства и способствовать добровольному переходу к их созданию.

Цель данной статьи — проанализировать отношение большевиков к идее создания коллективных образцовых хозяйств в деревне в период до начала сплошной коллективизации; выявить методы и реальные пути осуществления этого замысла.

* * *

В.И. Ленин был явным противником дробления крупных дореволюционных хозяйств, представленных главным образом помещичьими имениями. Уже в «Апрельских тезисах» он в качестве программной установки сформулировал положение о создании крупных образцовых хозяйств (размером от 100 до 300 десятин земли) на базе бывших помещичьих имений, работающих «под контролем батрацких депутатов и на общественный счет»³. Ленин утверждал, что мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства «не в состоянии избавить человечество от нищеты масс... надо думать о переходе к крупному хозяйству на общественный счет и бороться за него тотчас, уча массы и учаь у масс практически целесообразным мерам такого перехода»⁴.

Хотя в большей части первых документов советской власти содержится установка на создание крупных государственных коллективных хозяйств — «национализированных хлебных фабрик», по выражению Н.И. Бухарина, — они создавались не в массовом порядке и не в масштабе всей страны, а первоначально в форме образцово-показательных хозяйств. «Совхозы должны стать образцовой формой хозяйства во всех отношениях», — утверждал Н. Богданов⁵.

В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», вошедшей в текст Конституции 1918 г., провозглашается, что «образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием»⁶. В Декрете «О земле» содержится положение о том, что «земельные участки с высококультурными хозяйствами — сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. п. — не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин»⁷. В следующем основополагающем документе по аграрному вопросу — «Основном законе о социализации земли» (9 февраля 1918 г.) в ст. 11, пункт «д» провозглашалось «развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству»⁸. При этом предусматривалось «устройство сельскохозяйственных образцовых ферм и показательных полей» на бывших монастырских, казенных, удельных, кабинетских и помещичьих землях⁹.

Практическая реализация этих установок наблюдалась с первых месяцев после революции. Новое правительство поощряло создание государственных сельскохозяйственных предприятий — совхозов, которые рассматривались как «очаги социализма в деревне»¹⁰. В октябре 1920 г. во время беседы в Кремле с английским писателем Г. Уэльсом В.И. Ленин с гордостью упоминал, что в новой России уже «кое-где существует крупное сельскохозяйственное производство, там, где позволяют условия, правительство уже взяло в руки крупные поместья, в которых работают не крестьяне, а рабочие». Понимая, что крестьянство в целом вряд ли охотно воспримет подобные перемены в их жизни, В.И. Ленин уточнял: «Такая практика может расширяться, внедряясь сначала в одной губернии, потом в другой. Крестьяне других губерний — неграмотные и эгоистичные не будут знать, что происходит, пока не придет их черед... Может быть, трудно перестроить крестьянство в целом, но с отдельными группами крестьян (очевидно, имеются в виду бедняцко-батрацкие слои крестьянства — сельский пролетариат. — *Е.Д.*) справиться очень легко»¹¹. В этом высказывании любопытны несколько моментов: оценка Лениным крестьянства (неграмотные и эгоистичные), представление, что работающие в государственных хозяйствах — это уже не крестьяне, а рабочие, хотя они занимаются земледельческим трудом, и характер создания совхозов — «внедрение», а не добровольная организация.

История первых совхозов изучена довольно хорошо. Одним из наиболее авторитетных авторов по этой проблематике является И.Е. Зеленин¹². Известно, что совхозы не получили широкой поддержки среди крестьянства. Их число в стране было достаточно скромным (в 1918 г. — 3100, в 1919 г. — 3500, в 1920 г. — 4400)¹³, состав — малочислен, в среднем 21 рабочий на совхоз, по данным 1920 г.¹⁴ Они не пользовались большой популярностью у крестьян. Надежды большевиков на интенсивный труд совхозных рабочих — в прошлом бедняков и батраков — не оправдались. По-настоящему образцовыми становились единицы.

К тому же в постановлении ВЦИК о совхозах от 14 февраля 1919 г. в ст. 46 говорилось следующее: «Никто из рабочих и служащих не имеет права заводить в хозяйствах собственных животных, птиц и огороды»¹⁵. Руководитель совхоза назначался. В ряде совхозов к руководству привлекались бывшие управляющие или владельцы имений, что воспринималось крестьянами как попытка восстановить помещичьи хозяйства, а их снова превратить в батраков. Во многих совхозах назначенные Наркомземом руководители (совхозы и коммуны находились в непосредственном подчинении НКЗ. — *Е.Д.*) не имели опыта ведения общественного хозяйства, и они быстро приходили в упадок. Исследовательница Н.В. Большакова, работавшая с материалами по земельному вопросу Покровского уезда Владимирской губернии, приводит в своей книге крайне негативные оценки инспектора Блянка, проверявшего в апреле 1919 г. ряд совхозов и коммун Владимирской губернии. Он, например, писал о совхозе «Красная сторожка» (бывшее имение братьев Штукки): «Халатное отношение к инвентарю, поломанные машины, корм валяется везде, вообще не имеют понятия о ведении рацхозяйства. Страшная грязь, неумение, халатная злая воля. Имение могло бы дать тысячи пудов продовольствия. Там можно было бы развести широкое молочное хозяйство, сыроварню»¹⁶. Из анонимной докладной записки работников другого коллектива при имении Соснино выясняется, что в хозяйстве «свиньи дохнут с голода, на лошадей страшно смотреть. Председатель соблюдает только себя и свою наложницу и на все замечания отвечает: “Я здесь хозяин”»¹⁷. Подобных хозяйств по всей стране было немало.

Крестьяне в своей основной массе относились равнодушно к данному эксперименту большевиков, не спешили переходить на совхозные формы, продолжая практиковать прежний, в основном индивидуальный, тип хозяйства. «Абсолютное большинство

созданных в 1918 г. советских хозяйств, — делает вывод И.Е. Зеленин, — были чрезвычайно слабыми предприятиями»¹⁸.

По воспоминаниям близкого соратника вождя В.Д. Бонч-Бруевича, В.И. Ленина беспокоило, «что сведения о совхозах нехороши»¹⁹. Даже совхоз, созданный в июне 1918 г. в Горках (Ленинских) на базе бывших помещичьих имений Воскресенское и Архангельское терял рабочих (они уезжали). В октябре 1918 г. с согласия Ленина вместо совхоза организовали коммуны им. В.И. Ленина, которая, несмотря на поддержку вождя, развалилась к лету 1919 г.²⁰ В годы Гражданской войны подавляющая часть государственных советских хозяйств была разорена и опустошена, техника уничтожена, материальных и финансовых ресурсов на их восстановление у власти тогда не было.

В качестве образцовых власть пыталась использовать и так называемые «приписные» (пролетарские) земельные советские хозяйства. Их образование началось с осени 1918 г. «Приписными» они назывались потому, что отдавались крупным промышленным предприятиям и объединениям, государственным учреждениям, военному ведомству, городским коммунальным, здравницам. В развитие постановления «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», о котором упоминалось выше, 19 февраля 1919 г. был принят Декрет о приписных хозяйствах. В нем особо подчеркивалось, что подобный тип советских хозяйств создается «в целях сближения промышленного труда с сельскохозяйственным»²¹. В п. 2 и 5 инструкции «О приписных советских хозяйствах» особо оговаривалось: «Государственные советские хозяйства представляют собой не только непосредственно производственные, но и показательные предприятия... Как показательные предприятия они должны служить образцом для окружающего сельскохозяйственного населения... поощряя земледельцев, единолично обрабатывающих свои земли, переходить к товарищеской форме ведения хозяйства»²².

Уже в 1919 г. таких совхозов насчитывалось 516, в конце 1920 г., по сведениям В.В. Осинского, 2100²³. В ноябре 1921 г. был издан декрет СНК, подписанный В.И. Лениным, предусматривавший усиление и широкое развитие сети «приписных» хозяйств²⁴. За развитие «пролетарского» земледелия высказались участники IX Всероссийского съезда Советов (декабрь 1921 г.). И.Е. Зеленин упоминает, что часто в заявлениях рабочих о предоставлении предприятию земель содержалось обязательство «показывать пример окружающему населению в обработке земли»²⁵. Подтверждением намерений власти использовать

«приписные» хозяйства в качестве образцовых свидетельствует и факт организации осенью 1921 г. в Москве выставки достижений их деятельности и высказывания В.И. Ленина об образцовой работе ряда из них²⁶.

Благополучными и образцовыми, очевидно, были прежде всего совхозы, находившиеся непосредственно в подчинении Наркомзема (таких, наиболее крупных, по сведениям Э. Кара, на февраль 1919 г. насчитывалось не более 35)²⁷ или приписанные к высшим государственным учреждениям. Им уделялось более пристальное внимание со стороны властей. В качестве примера можно привести совхоз «Горки ВЦИК» вблизи Ленинских Горок и совхоз «Лесные поляны» в селе Мальце-Бродово, которым до 1930 г. руководил В.Д. Бонч-Бруевич после снятия его с должности управляющего делами Совета народных комиссаров (см. об этом совхозе ниже).

Но в целом приписные хозяйства так же, как и государственные совхозы, вряд ли могли стать показательными для крестьянства и способствовать их переходу к новым обобществленным формам жизнедеятельности. Деятельность «приписных» совхозов на деле и вопреки сформулированным в Декрете основным задачам все же сводилась главным образом к обеспечению продуктами питания рабочих предприятий и служащих учреждений, что особенно актуально было в годы Гражданской войны. Исследователи отмечают, что местные крестьяне чаще относились к пролетарским совхозам враждебно, обвиняя их в «неумелом хозяйничании», которое приводило к истощению земли и износу техники. «Приписные» совхозы в экономическом и организационном отношении были еще более слабыми предприятиями, чем государственные совхозы, превратившись по сути в подсобные хозяйства предприятий и учреждений. В 1924 г. по настоянию заведующего сельскохозяйственной инспекцией ЦКК–РКИ С.Г. Саид-Галиева они были исключены из сети государственных совхозов.

* * *

Еще один путь создания коллективных образцово-показательных хозяйств — организация коммун — высшей формы обобществления средств производства, распределения прибавочного продукта, трудовой деятельности и коллективного образа жизни. Коммуны, где все всё делают сообща, — идеал большевиков. Они стали возникать сразу же после революции, поначалу в нечерноземных губерниях России, в Поволжье и Си-

бири, чаще вблизи промышленных центров. На июнь 1918 г. по всей стране Народный комиссариат по земельным делам (далее — Наркомзем) зафиксировал 500 сельскохозяйственных коммун. Но, уточняет исследователь советских коммун В.В. Гришаев, в Наркомзем сведения были представлены по 233 коллективам²⁸. Как правило, это были численно небольшие коллективы, в среднем по 20–30 человек. Крупные коммуны с сотнями членов — скорее исключение. Наркомзем уделял пристальное внимание организации и деятельности коммун, рассматривая их в качестве образцовых для доколхозной деревни, усиленно пропагандировал среди крестьянства эту форму организации труда. Рекордный год для коммун — 1921, когда по преимуществу в потребляющих губерниях насчитывалось 3040 коммун²⁹. По данным В.В. Гришаева, удельный вес коммун среди других типов коллективных хозяйств (включая товарищества и артели) был невелик, составляя 12,6%³⁰. Газета «Правда» в сентябре 1920 г. констатировала: «Мужик не шел в коммуны и с сомнением относился к совхозу как к производственной единице»³¹.

В годы нэпа В.В. Гришаев фиксирует существенное снижение числа коммун и их удельного веса, объясняя эту тенденцию главным образом «двойственностью» природы крестьянина-коммунара и негибкой политикой руководителей коммун. Но, утверждает автор, «несмотря на свою малочисленность, коммуны играли значительную роль в хозяйственной и общественно-политической жизни деревни того времени как инициаторы и организаторы многих нововведений в сельскохозяйственном производстве и культурной жизни населения». И далее автор заключает: «К середине 1920-х гг. стало отчетливее вырисовываться их влияние как опытно-показательных хозяйств в деле переустройства сельского хозяйства на социалистических началах»³². Таков стереотип историографии 1970-х гг. относительно значимости коммун и их хозяйственного опыта, который требует безусловного пересмотра. В те годы оценки историков в силу определенных идеологических установок не могли быть иными. Однако тот же автор в своей монографии приводит многочисленные конкретные факты открытого недовольства жизнью в коммунах, принуждением к вступлению в них и др. негативными моментами, фиксирует значительное снижение (более чем в 2 раза) их численности в период нэпа³³.

Все-таки в целом коммуны как образец коллективных хозяйств оставались малопривлекательными для крестьянства. И когда в условиях новой экономической политики сельские жители получили реальную возможность выбора хозяйственных

форм, подавляющее их число избрали индивидуальное (а не обобщественное) хозяйство.

* * *

Уже упоминалось, что Гражданская война на какое-то время снизила интенсивность экспериментальных поисков большевиков. С началом новой экономической политики и определенным подъемом индивидуального крестьянского хозяйства внимание власти к поискам привлекательной для крестьян модели коллективных образцово-показательных хозяйств вновь усиливается.

После окончания Гражданской войны очень короткое время начального периода нэпа в качестве таковых рассматривались так называемые «крепкие», «культурные», «улучшенные трудовые» крестьянские хозяйства. Под ними понимались хозяйства, где проведено коренное улучшение земельных угодий, с многопольными севооборотами, с возделыванием промышленных культур (сахарная свекла, табак и пр.)³⁴. Это были, как правило, хозяйства материально обеспеченных крестьян, могущих применять интенсивные методы.

Ряд законодательных актов первой половины 1920-х гг. был направлен на сохранение и укрепление трудовых крепких крестьянских хозяйств. Так, в Декрете ВЦИК и СНК «Об увеличении размера землепользования в трудовых хозяйствах» (1920 г.), подписанном В.И. Лениным и М.И. Калининым, оговаривалась необходимость особо поддержать «культурные» крестьянские хозяйства страны. Документ предусматривал сохранение в крепких трудовых хозяйствах того количества земли, которое находилось в их фактическом пользовании, «хотя бы, — отмечалось в Декрете, — это количество земли было выше установленных для данного района норм наделения землей»³⁵. В постановлении IX Всероссийского съезда Советов (декабрь 1921 г.) говорилось об «охране и поощрении хозяйств, переходивших к более усовершенствованным и сложным способам ведения хозяйства (травосеянию, семеноводству, улучшенному животноводству и т. д.)»³⁶, стремившихся к кооперации³⁷.

На III съезде Советов СССР (май 1925 г.) с докладом о развитии сельского хозяйства выступил Л.Б. Каменев. В резолюции по докладу «О мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства», в частности, отмечалось: «Признать необходимым поддержку трудового крестьянского хозяйства, поскольку оно является проводником улучшенных способов ведения хозяйства»³⁸. Правительственные решения первой по-

ловины 1920-х гг. имели особое значение для некоторых национальных и этноконфессиональных меньшинств (например, немцев, финнов, латышей, эстонцев, меннонитов и др.), хозяйства которых по большей части считались крепкими и образцовыми для других групп крестьянского населения еще до революционных и военных событий начала XX в. Исследователи отмечают, что для этих групп населения были характерны высокая степень кооперации и разнообразные формы взаимопомощи при ведении хозяйства, и это облегчало их вхождение в новую экономическую политику. Например, неоднократно в документах той поры обращалось внимание на высокорентабельные хозяйства такой этноконфессиональной группы, как меннониты. Уже в 1920 г. уполномоченный от меннонитов Башкирской республики в Объяснительной записке в Наркомат по земельным делам (далее — Наркомзем) просит официально признать их хозяйства «образцовыми»³⁹. В сентябре 1921 г. в постановлении Президиума ВЦИК отмечено: «Предложить Наркомзему обратить особое внимание на культурное хозяйство меннонитов и принять меры к их поддержке»⁴⁰. В 1923 г. один из авторов писал о меннонитах Поволжья: «По культурности меннонитское население... значительно выше окружающего их немецко-колонистского и русского населения»⁴¹. В докладе комиссии Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), работавшей в Армавирском уезде в 1925–1926 гг. по жалобам меннонитов и других крестьян, отмечалось: «Резко бросается в глаза мощность хозяйств кубано-меннонитских обществ по инвентарю, по посеву, по приемам обработки земли. Эта группа стоит во много раз выше остальных объединений»⁴². Комиссия официально признала положительное влияние меннонитских хозяйств на местное население.

Чтобы сохранить подобное положение вещей, власть должна была бы максимально учитывать особенности поземельного устройства и образа жизни таких (в какой-то степени образцовых) групп населения, чего в реальности не происходило. Прослеживается стремление уравнивать всех крестьян в поземельном отношении и даже навязать им один и тот же тип ведения земледельческого хозяйства, что противоречило интересам подобных общностей, меняло традиционный уклад их жизни. Руководствуясь прежде всего принципами классовой борьбы, стремлением к унификации образа жизни крестьянства, власть (особенно на местном уровне) довольно скоро начинает игнорировать и нарушать этническую и религиозную специфику культурных (трудовых) хозяйств.

Эксперимент по созданию образцовых хозяйств из высокопроизводительных крепких трудовых крестьянских коллективов (в том числе национальных и этноконфессиональных меньшинств) был свернут достаточно быстро. Общие идеологические установки и устремления большевиков на том этапе возобладали над здравым смыслом и реальностью. Многие политики того времени полагали, что поддержка индивидуальных зажиточных крестьянских хозяйств на государственном уровне приведет к опасному усилению и росту кулацкого (эксплуататорского, по их мнению) элемента в деревне и не будет способствовать продвижению к социализму.

* * *

В качестве образцово-показательных коллективов в годы новой экономической политики отдавалось предпочтение не улучшенным трудовым крестьянским хозяйствам, а по-прежнему коммунам. Особый интерес в эти годы для советских чиновников представляли трудовые коммуны из иммигрантов и реэмигрантов (из США, Канады, Германии, Чехословакии, стран Латинской Америки и т. д.)⁴³. Осенью 1922 г. В.И. Ленин писал о желательности организации в стране до 200 подобных коммун с 800—1000 тракторами. «Если это дело удастся, — писал он, — то в каждом уезде мы будем иметь хотя бы одно показательное сельское хозяйство с американской техникой, чему я придаю огромное значение»⁴⁴.

В одной из многочисленных инструкций Постоянной комиссии ЦО по сельскохозяйственной и промышленной иммиграции (далее — КОМСТО) поясняется, что имеется в виду под показательностью. В ней особо подчеркивается: «В обжитых районах иммигрантам ставится задача организации показательных хозяйств, которые бы заменяли бы собою государственные показательные хозяйства. Показательность должна иметь место в отношении приемов обработки земли, введения правильных севооборотов и ценных технических культур, организации животноводства, промыслов по переработке продуктов сельского хозяйства и наиболее производительных форм организации труда и т. д.»⁴⁵.

В.И. Ленин постоянно интересовался организацией и работой иностранных коммун. В октябре 1922 г. в письме, направленном руководителям Американского Центрального бюро Общества технической помощи, занимавшимся непосредственно

отправкой будущих коммунаров в Советскую Россию, он писал: «Позвольте мне еще раз поблагодарить вас от имени Республики и отметить, что никакая другая форма помощи не является такой своевременной и важной для нас, как эта предпринятая вашим обществом в связи с введением тракторных хозяйств. Это доставляет мне особое удовлетворение, чтобы приветствовать ваши усилия, которые вы стали предпринимать в организации 200 сельскохозяйственных коммун»⁴⁶.

Почему власти, воплощая в жизнь идею образцово-показательных хозяйств, предпочитали привлекать трудовую иммиграцию? Это, видимо, можно объяснить прежде всего достаточно высокой материальной обеспеченностью подобных коллективов (они должны были приезжать с собственным наличным капиталом, новейшей сельскохозяйственной техникой и орудиями труда, закупленными в стране выезда), приобретенным в эмиграции хозяйственным опытом (хотя на практике некоторые коммуны, состоявшие из рабочих, такого опыта не имели вовсе). Одним из обязательных условий приема трудовых иммигрантов, выдвинутых властью, была организация на предоставляемых землях коллективных хозяйств в форме коммуны. Сдаваемые государством иммигрантам в аренду земли были, как правило, бывшими помещичьими имениями с организованными в них совхозами, разорившимися в годы войны. Таким образом, власть, используя трудовую иммиграцию, собиралась внедрять и пропагандировать новые обобщественные формы труда и быта.

О том, какое значение придавалось советскими чиновниками организации образцовых коммун из иммигрантов, свидетельствует факт проведения в 1924 г. в г. Харькове первого специального съезда их представителей. Сотрудник Наркомзема Миртов, выступая на этом съезде, сказал: «Иммигрантские коммуны, несомненно, являются очагами новой жизни и общечеловеческой культуры. Поэтому надо приветствовать переселение всякого иммигранта и всячески облегчать его устройство на новом месте в СССР»⁴⁷. На том же съезде он высказал следующую мысль: «Мы на вас смотрим не только как на людей, умеющих вести хозяйство новыми приемами, но как на людей, несущих с собой новый быт, новые навыки»⁴⁸. Таким образом, власть делала особую ставку на иммигрантские коммуны в деле преобразования российской деревни⁴⁹.

6 мая 1926 г. Наркомзем издал особый циркуляр «О содействии развитию и укреплению иммигрантских коммун». В нем, в частности, говорилось: «В целях пропаганды интенсивного и рационального ведения сельского хозяйства среди населения путем показательных и наглядных примеров коллективного труда принять все меры к развитию деятельности иммигрантских коммун и целесообразному использованию привезенных ими сельскохозяйственных машин и орудий и наличного капитала»⁵⁰. Таким образом, в середине 1920-х гг. предполагалось расширение использования опыта иммигрантских коммун. Но после ликвидации в ноябре 1926 г. КОМСТО это направление в деятельности земельных органов постепенно замирает.

Эксперимент с созданием в советской деревне образцовых хозяйств из приглашенных иностранных коллективов в целом также оказался неудачным, хотя в историографии конца 1960-х начала 1970-х гг. его оценки были сугубо положительными. Так, Г.Я. Тарле — автор одного из наиболее интересных исследований по иммигрантским коммунам, — подводя итог их деятельности в СССР, писала: «Последующая судьба иммигрантских сельскохозяйственных коммун подтвердила их практическую ценность. Они органически вошли в систему народного хозяйства. Сельскохозяйственные коммуны, перешедшие впоследствии на устав артелей или преобразованные в совхозы, остались на долгие годы передовыми по уровню ведения хозяйства»⁵¹.

Такой вывод справедлив для нескольких уцелевших иностранных коллективов в результате преобразований конца 1920-х — начала 1930-х гг., в частности для коммуны им. В.И. Ленина Кирсановского уезда Тамбовской области, которая особенно часто упоминается в литературе в качестве «образцово-показательной». Она была провозглашена таковой Президиумом ВЦИК РСФСР 11 ноября 1922 г. еще при жизни В.И. Ленина и по его ходатайству, не проработав в России и полутора лет. Очевидно, подобное ускоренное признание данной коммуны «образцовой» в большей степени было продиктовано пропагандистскими соображениями, чем действительными достижениями к 1922 г. данного коллектива. Эту бывшую коммуну из реэмигрантов, ставшую показательным колхозом, любили показывать различным иностранным делегациям. В 1934 г., например, ее посетил английский писатель Бернارد Шоу.

На самом деле вместо предполагаемых 200 иммигрантских коммун с 1922 по 1926 гг. удалось образовать 35, главным образом в обжитых районах страны (ЦНР, на Украине, в Поволжье, в Сибири). Из них действительно крепкими и образцово-показательными стали не более 5–7 коммун, что для огромной крестьянской страны, какой являлась Россия, было явно недостаточно. Попытка с помощью подобных коллективов способствовать переходу крестьян на коллективные формы труда и быта окончилась очевидной неудачей.

* * *

Еще один любопытный эксперимент власти связан с идеей создания образцово-показательных для крестьянства коллективных хозяйств из сектантских общин. Были предложения (даже от представителей церкви) строить коммунизм через религиозную общину. Так, иеромонах Илиодор (в миру С.М. Труфанов), мечтавший возглавить церковную революцию (как он писал, «против попов-мракобесов»), в июне 1921 г. направил В.И. Ленину письмо, в котором, в частности, утверждал: «Вести русскую массу к политическому коммунизму нужно через религиозную общину. Другими путями идти будет слишком болезненно». И далее в своем письме задавал Ленину вопрос: «Признаете ли Вы какое-либо значение за церковной революцией в деле достижения русских народных идеалов социалистической революции?»⁵² Но изначально резко негативное отношение к церкви и атеистические устремления большевиков не позволяли им всерьез рассматривать подобные предложения.

Сектанты же — крестьяне — труженики с давними коллективными традициями представлялись некоторым из них (в частности управляющему делами Совнаркома и одновременно известному исследователю сектантства В.Д. Бонч-Бруевичу, М.И. Калинину, А.В. Луначарскому и др.) подходящей социальной группой для подобного эксперимента. Начиная с 1921 г. власть оказывала коллективам ряда сект поддержку, разрешила реэмиграцию некоторым религиозным меньшинствам, предоставила им земли для налаживания хозяйственной деятельности.

Определенной предтечей широкого использования сектантских общин в деле хозяйственного строительства нового общества можно считать эксперимент по созданию первого советского хозяйства «Лесные поляны» в с. Мальце-Бродово на р. Клязьме Пушкинского района Московской губернии, о котором упоми-

налось выше. По воспоминаниям В.Д. Бонч-Бруевича, разговор об устройстве здесь на землях бывших имений образцового советского хозяйства возник во время их совместной лесной прогулки с В.И. Лениным 30 августа 1919 г. Владимир Ильич с большим интересом выслушал предложение своего спутника об устройстве на свободных землях «нашего советского хозяйства, где не было бы никакого наследия прошлого... где есть чему поучиться... где мы применим все наши законы о труде, лучшую агротехнику, заведем племенное животноводство, свиноводство и вообще все то, что должно быть в правильно организованном образцовом государственном хозяйстве, расположенном недалеко от Москвы»⁵³. В.И. Ленин предложил Бонч-Бруевичу заняться реализацией предложенного проекта.

Одобрив план создания нового хозяйства, утвердив выдачу кредита из средств Совнаркома в 25 тыс. руб. «на обзаведение», В.И. Ленин предоставил Бонч-Бруевичу полную самостоятельность в решении кадровых вопросов. В качестве главной рабочей силы в новое советское хозяйство были приглашены члены сектантской общины «Новое время» — чемреки во главе с их лидером Павлом Легкобытовым⁵⁴, который стал главным финансистом (кассиром) совхоза. После вынужденного ухода с должности управляющего делами Совнаркома в 1920 г. Бонч-Бруевич возглавил совхоз «Лесные поляны».

Бонч-Бруевич, как специалист по российскому сектантству, хорошо знал особенности хозяйственного быта и общественного устройства чемреков. «Приехали они в совхоз, — сообщал он в письме В.И. Ленину от 2 августа 1921 г., — с величайшей радостью... Работают изумительно хорошо... У них решительно все общее: от столовой, детского общежития до общего гардероба и белья... Они совершенно признают всю... программу нашей партии, почему охотно... вступают в коммунистические ячейки»⁵⁵. В общине чемреков обобщалось не только производство и финансы, но и распределение. У них, сообщал Бонч-Бруевич, «свободная братская община с коллективным производством, общественной кассой, с равным распределением продуктов между всеми членами». А. Эткинд называет в своей работе совхоз «Лесные поляны» моделью будущей коллективизации русской деревни⁵⁶.

Совхоз «Лесные поляны» считался образцовым, работал успешно, специализируясь на поставках молочных продуктов и

овошей в Москву, главным образом обеспечивая ими кремлевских чиновников, больницы и детские учреждения⁵⁷.

В начале 1920-х гг. эксперимент по заселению распадающихся совхозов сектантами расширяется. В августе 1921 г. четыре государственных ведомства — Наркомат юстиции (НКЮ), Наркомат по земельным делам (НКЗ), Наркомат по национальным делам (НКН) и Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) — приняли общее постановление. В нем, в частности, говорилось, что некоторые сектантские общины духобор, молокан и новоизраильтян (их называют в документе «крестьянские коммунистические организации») «совершенно безболезненно усваивают общегражданские советские законы и уставы, органически вливаясь как сельскохозяйственные, промышленные ячейки в советское строительство, несмотря на то что их коммунистические устремления и облеклись в силу исторических условий в религиозную форму»⁵⁸. По мнению авторов этого постановления, сектантские коллективы должны были служить «практическим примером осуществимости и всесторонней выгоды коммунизма для трудящихся»⁵⁹.

В обращении НКЗ «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей», опубликованном в газете «Известия» в октябре 1921 г., выражалась надежда, что, получив в России землю, «собравшись в крупные общины со всех концов света, сектанты выполнят свой долг перед Родиной и... ответят примерным трудолюбием, постановкой образцовых хозяйств, поднятием уровня сельскохозяйственного производства на должную большую высоту», станут «участниками в творчестве новых форм жизни» (курсив мой. — Е.Д.)⁶⁰.

В последние годы благодаря исследованиям М.Ю. Крапивина, О.Ю. Редькиной установлено, что в первой половине 1920-х гг. подобных религиозных (в том числе сектантских) общин, сотрудничавших с советской властью, только в европейской части страны насчитывалось не менее 300⁶¹. Приблизительно треть из общин состояла из иммигрантов и реэмигрантов (из Турции, Канады, США, Уругвая и пр.). На Северном Кавказе в Сальских степях был образован целый сектантский массив. Духовным христианам было предоставлено право выбора форм организации производственных коллективов (т. е. не обязательно коммуна, как было с прибывавшими иностранными иммигрантами, или советское хозяйство, как «Лесные поляны»). Несмотря на скорые значительные успехи сектантских коллективов

в экономической сфере, они не оправдали возлагавшихся на них властью надежд стать образцово-показательными и в других сферах жизни. Общины жили довольно замкнуто, пресекая любые попытки вмешательства государства в их внутреннюю жизнь.

Период использования сектантов в качестве союзника по восстановлению хозяйства страны и преобразованию деревни на коллективистских началах оказался очень недолгим. Несмотря на очевидные экономические успехи приглашенных в Советскую Россию в начале 1920-х гг. сектантских хозяйств, политические соображения, изменившееся отношение власти к сектантству как явлению во второй половине 1920-х гг., «революция сверху» 1929 г., переход к стратегии полной коллективизации страны оказались для этой группы населения трагическими.

Еще в мае 1927 г. антирелигиозная комиссия принимает решение об усилении работы по разложению сектантства⁶². 3 апреля 1929 г. вышло постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях». Этот документ устанавливал жесткую регламентацию их деятельности и внутренней жизни, контроль со стороны государственных органов, предусматривал лишение религиозных объединений статуса юридического лица, запрет на контакты со своими единоверцами из других регионов, на создание собственных производственных объединений и кооперативов и пр.⁶³ При этом пресекались любые попытки очередной эмиграции сектантского населения, немногим из сектантов удалось вновь выехать из России. Чтобы выжить и уцелеть, оставалось одно — вступить в колхозы⁶⁴.

* * *

Итак, первое послереволюционное десятилетие — время активного поиска большевиками путей преобразования российской деревни. В мае 1924 г. на XIII съезде РКП(б) М.И. Калинин справедливо замечал: «Нигде в истории нет настолько богатого опыта, нет такого огромного напряжения *в поисках форм для коллективной работы и для коллективного сожительства* (курсив мой. — Е.Д.), как у нас. Все прежние опыты Оуэна⁶⁵ кажутся микроскопическими и смешными перед грандиозной работой, которая проделана нашими коммунарами»⁶⁶. Большевикам, однако, не удалось осуществить первоначальный замысел — преобразовать крестьянское хозяйство, перевести его на путь обобществления с помощью различного типа образцово-показательных

коллективных хозяйств. Уже во второй половине 1920-х гг., приняв в качестве главной стратегической линии создание единого унифицированного по всей стране вида крестьянского хозяйства — сельскохозяйственных артелей (колхозов), власть от поиска и осуществления экспериментов перешла к политике массовой коллективизации. А это означало ускоренное принудительное преобразование деревни и формирование колхозного крестьянства — крестьянства нового типа.

Примечания

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР (далее — СУ). 1919. № 4. Ст. 43. С. 55.

² Уэллс Г. Собр. соч.: В 15 т. М., 1964. Т. 15. С. 366.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 31. С. 113–118.

⁴ Там же. С.242 .

⁵ Биценко А. Хрестоматия-справочник по истории коллективного земледелия в СССР за годы 1918–1924. М., 1925. С. 300.

⁶ Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории советской конституции. М., 1987. С. 240.

⁷ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 18.

⁸ Там же. С. 409.

⁹ Там же.

¹⁰ Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР: Краткий исторический очерк (1917–1975). М., 1975. С. 10.

¹¹ Уэллс Г. Россия во мгле // Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 368.

¹² Зеленин И.Е. Совхозы в первое десятилетие советской власти. 1917–1927. М., 1972; Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Указ. соч.

¹³ Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Большевицкая революция 1917–1923. Т. 1–2. М., 1990. С. 527.

¹⁴ Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Указ. соч. С. 25.

¹⁵ СУ. 1919. № 4. Ст. 43. С. 60.

¹⁶ Большакова Н.В. Земельный вопрос в Аргуновской волости Покровского уезда Владимирской губернии. 1917–1927. М., 2007. С. 92.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Зеленин И.Е. Указ. соч. С.166.

¹⁹ Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. М., 1963. Т. III. Воспоминания о В.И. Ленине. 1917–1924. С. 329.

²⁰ Там же.

²¹ СУ. 1919. № 9. Ст. 87. С. 134.

²² Там же. № 24. Ст. 277. С. 406.

²³ Осинский В.В. Восстановление крестьянского хозяйства в России и наши задачи: Пособие для сельскохозяйственных работников применительно к постановлениям VIII и IX съездов Советов М., 1922. С. 43.

- ²⁴ СУ. 1921. № 76. Ст. 623. С. 1029.
- ²⁵ Зеленин И.Е. Указ. соч. С. 161.
- ²⁶ Там же. С. 167.
- ²⁷ Карр Э. Указ. соч. С. 528.
- ²⁸ Гришаев В.В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929. М., 1976. С. 18–19.
- ²⁹ Там же. С. 100.
- ³⁰ Там же. С. 103.
- ³¹ Биценко А. Указ. соч. С. 365.
- ³² Гришаев В.В. Указ. соч. С. 128.
- ³³ Там же. С. 93.
- ³⁴ СУ. 1920. № 52. Ст. 226. С. 338.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. 1922. 20 февраля. № 4. Отд. 2. Ст. 41. С. 51.
- ³⁷ Там же. 18 июля. № 36. Ст. 426. С. 816.
- ³⁸ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1925. № 35. Ст. 35. С. 548.
- ³⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 3260. Оп. 5. Д. 17. Л. 4.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф. 423. Оп. 1. Д. 3. Л. 76.
- ⁴¹ Зюрюкин В.Ю. Меннониты Кеппентальского района области немцев Поволжья в бытовом и хозяйственном отношении. Исследования и материалы. Покровск. 1923. С. 34.
- ⁴² ГА РФ. Ф. 423. Оп. 1. Д. 5. Л. 191–192.
- ⁴³ Подробнее см.: Данилова Е.Н. Иммиграционная политика и создание трудовых коммун из иммигрантов и реэмигрантов в СССР в 1920-е годы // Вестник Московского университета. Серия. 8. История. 2002. № 1. С. 3–20.
- ⁴⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 233.
- ⁴⁵ ГА РФ. Ф. 364. Оп. 8. Д. 6. Л. 86.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 12 (на рус. яз.). Л. 281 (пер. на англ. яз.).
- ⁴⁷ Там же. Оп. 8. Д. 27. Л. 77.
- ⁴⁸ Там же. Д. 5. Л. 88.
- ⁴⁹ Подробнее см.: Данилова Е.Н. Указ. соч.
- ⁵⁰ Переселенческое дело: Сборник декретов и распоряжений по переселению. М., 1927. С. 311.
- ⁵¹ Тарле Г.Я. Друзья страны Советов: участие зарубежных трудящихся в восстановлении сельского хозяйства. 1920–1925 гг. М., 1968. С. 204.
- ⁵² Отечественные архивы. 2005. № 4. С. 119.
- ⁵³ Бонч-Бруевич В.Д. Указ. соч. С. 330.
- ⁵⁴ В советской литературе умалчивалось, что в одном из наиболее успешных образцовых хозяйств «Лесные поляны» работали сектанты.
- ⁵⁵ Цит. по: Эткинд А. Хлыст. Сектанты, литература и революция. М., 1998. С. 669.
- ⁵⁶ Там же. С. 699.

⁵⁷ Совхоз «Лесные поляны» до 1930 г. возглавлял В.Д. Бонч-Бруевич.

⁵⁸ СУ. 1921. № Ст. 414. С. 714.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Известия. 1921. 19 октября.

⁶¹ Редькина О.Ю. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917–1930-е годы: на материалах Европейской части РСФСР. Волгоград, 2004. С. 669, 675.

⁶² Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью. М., 1995. Кн. 1. С. 217.

⁶³ СУ. 1929. № 35. Ст. 353. С. 474–483.

⁶⁴ Подробнее см.: Данилова Е.Н., Антонова Н.В. Трудовая иммиграция и реэмиграция духовных христиан в Советскую Россию в 1920-е годы // Вестник Московского университета. Серия. 8. История. 2009. № 3. С. 14–31.

⁶⁵ Оуэн Р. – социалист-утопист английского происхождения, пытался в первой половине XIX в. путем эксперимента доказать возможность мирного перехода к социалистическому обществу, которое он понимал как федерацию самоуправляющихся социалистических трудовых общин – коммун.

⁶⁶ Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 438.

Трудовые отношения

*С.Р. Глазунов**

Наказание рабочих за участие в стачках в России в конце XIX — начале XX в.: юридическая и пенитенциарная практики

Введение

На фоне угасания внимания к изучению массового рабочего движения в дореволюционной России, произошедшего в 1990-х гг. в связи с конъюнктурными изменениями, сменой научных приоритетов и методологических подходов в постсоветской исторической науке¹, на современном этапе возникает потребность на основе тщательного и объективного изучения источников, с учетом достижений историко-антропологического и институционального подходов к социально-экономической истории заполнить многочисленные лакуны, существующие в истории рабочих. Одна из крупных исследовательских проблем, требующих применения новых подходов, связана с массовым стачечным движением рабочих в период дореволюционной индустриализации России. В течение нескольких десятилетий обращение к источникам по истории стачек нередко имело целью проиллюстрировать «классовую борьбу пролетариата»² или раскрыть сущность «антирабочей политики царизма»³.

Анализ эволюции российского законодательства о стачках (имевших до Первой русской революции преимущественно *экономический* характер) и рассмотрение его применения на практике в конце XIX — начале XX в., являющееся целью данной статьи, специально при изучении «рабочей» тематики не проводились.

В настоящее время, когда активно изучается социально-исторический опыт дореволюционной России и интерес к повседневной жизни рабочих постепенно возрастает, думается,

* Глазунов Сергей Радиславович — кандидат исторических наук (Владимирский государственный гуманитарный университет).

что история законодательства о стачках и анализ его реализации имеет особую актуальность. Кроме того, раскрываемая в статье тема помогает глубже понять социальную политику самодержавной власти по отношению к рабочим, борющимся за улучшение своего материального положения и за расширение своих прав, выявить основные звенья механизма, каравшего их за организацию стачек и участие в них. Представляется также небезынтересным выяснить, каким было наказание забастовщиков и как оно влияло на традиционный уклад жизни рабочих России в конце XIX — начале XX в.

Наряду с общероссийскими законами и министерскими циркулярами центральных органов власти в статье используется широкий круг материалов, осуществлявших документальное обслуживание местных органов власти — донесения губернаторов и начальников губернских жандармских управлений, старших фабричных инспекторов, прокуроров окружных палат, а также разного рода доклады и рапорты рядовых представителей губернской власти. Эта делопроизводственная документация, представляющая интерес для предмета данной статьи, сосредоточена в государственных архивах Владимирской и Рязанской областей, главным образом в фондах Канцелярии рязанского губернатора (ф. 5), Канцелярии владимирского губернатора (ф. 14), Старшего фабричного инспектора Владимирской губернии (ф. 266) и прокурора Владимирского окружного суда (ф. 107). Весь этот широко информативный и достаточно объективный комплекс документов с элементами предварительного анализа описываемых событий раскрывает конкретные действия и специфику деятельности властных структур, участвовавших в погашении конфликтов и стачек на разных их этапах, позволяет выявить весь спектр наказаний, применявшихся в отношении рабочих за участие в забастовках. В статье рассматриваются примеры экономических стачек ранней стадии стачечного движения (до 1905 г.).

* * *

В отечественной исторической литературе — дореволюционной, советской и современной — термины «стачка» и «забастовка» обычно употребляются как синонимы. Некоторые исследователи пытались установить различие между значениями этих слов. Более точному значению слова «стачка» (стакнуться, сговориться, сойтись на чем-нибудь, договориться, условиться), по мнению дореволюционного правоведа Н.Н. Полянского, со-

ответствовал термин «коалиция» (сходиться). Понятие же «забастовка» означало прекращение работы. При таком значении употребления этих слов в русском языке было бы два самостоятельных термина для передачи значения иностранных слов Coalition, Verabredung, Combination, обозначающих термин «коалиция», с одной стороны, и Greve, Arbeitseinstellung, Strike, соответствующих понятию «забастовка», с другой. Под стачкой, таким образом, подразумевается соединение или соглашение, имеющее своей прямой целью достижение более благоприятных условий труда или вознаграждения за труд, забастовка же — одна из форм коалиционной деятельности, имеющая целью улучшение условий труда или вознаграждения за труд, т. е. интересов рабочих⁴.

Развернутое определение понятия «забастовка» было дано немецким исследователем трудового права А. Клеебергом в статье «Вклад в пересмотр понятий забастовка, локаут и бойкот», опубликованной в «Ежегоднике для законодательства, управления и народного хозяйства» в Лейпциге в 1904 г. «Забастовка, — пишет он, — есть боевое, принудительное, рассчитанное на силу средство, состоящее в прекращении работы относительно большим числом экономически несамостоятельных лиц, извлекающих доход из своего занятия и притом принадлежащих к одной и той же профессии, сословию или классу, или к какой-либо профессиональной сословной или классовой группе, чтобы таким образом осуществить какие-либо экономические, социальные или политические требования в интересах непосредственно участвующих в забастовке или других лиц, также извлекающих доход из своего занятия»⁵.

Фабричный ревизор В.Е. Варзар в своем статистическом исследовании, проведенном по поручению Министерства торговли и промышленности, под стачкой подразумевал «каждый случай волнений и беспорядков на фабриках, когда эти случаи сопровождались одновременным самовольным прекращением работ рабочими всего заведения или отдельными группами рабочих с предъявлением каких-либо желаний и требований к фабричному управлению»⁶.

И.И. Янжул, крупный ученый-экономист, яркий представитель фабричных инспекторов «первого призыва», стачкой или забастовкой называл «сговор или соглашение рабочих временно прекратить свою работу с целью улучшения условий своего труда, или в смысле сокращения его времени, или увеличения его вознаграждения, или иного способа более благоприятных условий работы»⁷.

До 1905 г. российские законы против стачек распространялись только на рабочих фабрично-заводской промышленности. Сельских рабочих, устраивавших забастовки, судебная власть подвергала наказанию индивидуально каждого участника за нарушение общественной тишины и спокойствия, за угрозы причинить насильственные действия, лишить жизни, учинить поджог, за самоуправство и употребление насилия или за повреждение чужого имущества. По фабрично-трудоу законодательству дореволюционной России стачкой считалось «прекращение работ на фабрике или заводе с целью принуждения фабрикантов или заводчиков к повышению заработной платы или изменению других условий найма до истечения срока последнего»⁸.

Стачки рабочих в российском законодательстве

Первая статья, запрещающая стачки рабочих, появилась в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных», изданном 15 августа 1845 г. Новый закон усиливал меру наказания за волнения рабочих на промышленных предприятиях (ст. 1791) и впервые устанавливал вину за стачку. Ст. 1792 гласила: «За стачку между работниками какого-либо завода, фабрики или мануфактуры прекратить работы прежде истечения установленного с содержателями сих заведений времени для того, чтобы принудить хозяев к возвышению получаемой им платы, виновные подвергаются аресту: зачинщики на время от трех недель до трех месяцев, а прочие — от семи дней до трех недель»⁹.

Содержание этой статьи было заимствовано из иностранного законодательства, а в комментариях комиссии, составившей проект, было сказано, что довольно умеренное наказание за ее нарушение объяснялось тем, что предполагалось мирное течение стачки. За «буйство» во время забастовки рабочие привлекались по статье 1791, предусматривавшей достаточно суровое наказание вплоть до каторжных работ¹⁰.

Закон 15 августа 1845 г. также включал статьи против незаконных действий предпринимателей по отношению к рабочим, которые могли привести к стачкам. В этом случае ст. 1794 Уложения предусматривала для них довольно строгое наказание: «Если содержатели фабрик, заводов и мануфактур прежде истечения, установленного с работниками сих заведений времени, самовольно понизят плату своих работников или же будут заставлять их вместо следующей им платы деньгами получать

ее товарами, хлебом или другими какими-либо предметами, то они за сие подвергаются: денежному взысканию от ста до трехсот рублей, лишению некоторых особенных, на основании ст. 53 сего Уложения, прав и преимуществ и заключению в смиренном доме на время от двух до трех лет»¹¹.

Стачки появляются в условиях развития капитализма и вырастают на базе противоречия труда и капитала. Введение уголовного наказания за стачки рабочих и за действия предпринимателей, которые могли привести к тем же стачкам, указывало на важность нарождавшейся проблемы и стремление правительства урегулировать этот вопрос законодательным путем.

В рамках подготовки крупномасштабных реформ 1860–1870-х гг. в 1859 г. при Министерстве финансов была учреждена комиссия под председательством А.Ф. Штакельберга, перед которой была поставлена задача разработки проекта устава о промышленности. В результате был подготовлен либеральный законопроект¹², по которому дела о стачках подлежали решению промышленных судов, состоявших из рабочих и предпринимателей в равном представительстве. За участие в забастовке наказание для рабочих устанавливалось по действующему законодательству, за введение локаута владельцы обязывались возместить рабочим все убытки, понесенные последними в результате этих действий¹³.

Накопление теоретического опыта не привело к конкретным решениям ввиду отсутствия в то время в России достаточно серьезных рабочих выступлений¹⁴. Предложения комиссии оказались не учитывающими недостаточную зрелость рабочего класса и технико-экономическую отсталость многих предприятий¹⁵.

В 1870–1880-е гг. по стране прокатилось несколько мощных забастовок. Крупные стачки на Невской бумагопрядильне (май 1870 г.), Кренгольмской мануфактуре (август 1872 г.), Никольской мануфактуре в Орехово-Зуеве (январь 1885 г.) обратили на себя пристальное внимание властей. С этого времени стачки становятся в России регулярным явлением.

С изданием нового фабрично-трудового законодательства было признано необходимым не только сохранить, но и усилить наказание за участие в стачках. Закон 3 июня 1886 г. «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции»¹⁶ вводил в уголовное право ряд новых статей о стачках.

«За прекращение работ на фабрике или заводе по стачке между собою рабочих, с целью принуждения фабрикантов или завод-

чиков к возвышению заработной платы или изменению других условий найма до истечения срока последнего, — говорилось в ст. 2 отд. III закона 3 июня 1886 г., — виновные подвергаются: подстрекавшие к началу или продолжению стачки к заключению в тюрьму на срок от четырех до восьми месяцев, а прочие участники — от двух до четырех месяцев. Участники стачки, прекратившие таковую и приступившие к работам по первому требованию полицейской власти, от наказания освобождаются».

В ст. 3 того же раздела было указано: «Участники стачки, причинившие повреждение или уничтожение заводского и фабричного имущества или имущества лиц, служащих на заводе или фабрике, буде содеянное ими не составляет более тяжкого преступления, подвергаются: подстрекавшие к сим действиям или распоряжавшиеся толпою — тюремному заключению на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, а прочие участники — тюремному заключению от четырех до восьми месяцев».

«Участники стачки, принудившие других рабочих посредством насилия или угроз прекратить работу или не возобновлять прекращенную, буде учиненное ими насилие не составляет более тяжкого преступления, — гласила ст. 4, — подвергаются: подстрекавшие к сим действиям или распоряжавшиеся толпою — тюремному заключению на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, а прочие участники — тюремному заключению на время от четырех до восьми месяцев».

Закон 3 июня 1886 г. также предусматривал наказания для предпринимателей, если забастовки на фабриках и заводах, сопровождавшиеся серьезными беспорядками, начинались по их вине. «За совершение незаконных действий, предусмотренных в статьях 1359 и 1359 (1) Уложения о наказаниях¹⁷, в третий раз или хотя бы в первый и второй раз, но когда эти действия вызвали на фабрике или заводе волнение, сопровождавшееся нарушением общественной тишины и порядка, и повлекли принятие чрезвычайных мер для подавления беспорядков» ст. 1 отд. III закона 3 июня 1886 г. подвергала заведующих фабрик и заводов аресту на срок до трех месяцев и навсегда лишала их права управлять промышленными заведениями.

В условиях все большего распространения забастовок в России, когда они все чаще перерастали в беспорядки, сопровождавшиеся погромами фабрик и разграблением имущества фабрикантов, правительство посчитало, что мера наказания, предусмотренная законом за участие в стачках, больше не является для рабочих сдерживающим фактором. По мнению ко-

миссии под председательством В.К. Плеве, разработавшей в 1885 г. проект закона 3 июня 1886 г., в условиях того времени «стачки требовали более чем когда-либо, серьезной кары закона»¹⁸. Эта рекомендация была одобрена Государственным советом. В итоге закон 3 июня 1886 г. предусматривал более строгие, чем ранее, меры наказания за стачки, а Уложение о наказаниях было дополнено четырьмя статьями (1358 (1), 1358 (2), 1358 (3), 1359 (2)). Дела о стачках из мировой юстиции, которой они ранее были подсудны на общих основаниях, теперь были переданы в окружные суды.

Издавая новый закон о стачках, законодатель стоял на полицейско-охранительных позициях. Стачки воспринимались как нарушение общественного порядка и законом запрещались. Основная тяжесть наказания ложилась на рабочих, т. к. от них, по мнению властей, исходила главная угроза беспорядков и общественного спокойствия в стране. Вместе с тем, определенная ответственность за «провоцирование» стачек возлагалась на предпринимателей, и они были вынуждены считаться с новым законом, сдерживавшим в какой-то мере их произвол на фабриках и заводах.

На Западе рабочие имели право на создание профсоюзов и проведение стачек. Вопросы создания рабочих союзов и предоставления свободы экономических забастовок всегда волновали передовые умы представителей официальных и общественных кругов России. В материалах правительственных комиссий, в русской либеральной публицистике высказывались предложения предоставить рабочим некоторую свободу стачек и свободу организаций.

Восьмая глава «О промышленном суде» проекта Устава¹⁹, разработанного в комиссии Штакельберга, предоставляла право решать дела о стачках и локаутах выборным судебным органам. В 1880-х гг. комиссия по составлению нового уголовного уложения предлагала отменить уголовное наказание за стачки²⁰.

Либеральный публицист И.И. Янжул, автор небольшой работы о забастовках, вышедшей в 1906 г.²¹, был принципиальным сторонником допустимости лишь таких экономических забастовок, которые касались только отношений рабочих и предпринимателей и не причиняли вреда третьим лицам, а также «общественной и государственной пользе». Политические забастовки всех категорий рабочих и служащих, стачки чиновников на государственной и общественной службе Янжул считал государственным преступлением и требовал за них уголовно-го наказания и гражданской ответственности перед народом²².

По мнению ученого-практика, стачки должны были быть заменены мирным соглашением противоборствующих сторон. Симпатии Янжула были на стороне примирительных камер, созданных по примеру других стран, в частности Новой Зеландии, где стачки, не прошедшие через горнило этих органов, законом категорически запрещались²³.

В 1897 г. Государственный совет считал свободу стачек не отвечающей условиями того времени²⁴. В «либеральном» Министерстве финансов первый проект закона о свободе стачек появился в 1898 г.

Финансовое ведомство предлагало отменить уголовные наказания за самовольный уход отдельного рабочего с фабрики и разрешить мирную стачку, не сопровождающуюся насилием и нарушением общественного порядка. В записке Министерства финансов от 23 июня 1898 г. за № 356 проводилась мысль С.Ю. Витте, что стачки на фабриках и заводах «могут быть двоякого рода». Одни, возникающие на почве договорных отношений, естественны, они «всегда были и всегда будут». Разрешение связанных с ними конфликтов должно быть вверено техническому органу в лице фабричных инспекторов. Против другого рода стачек, вызванных преступной пропагандой, «должны быть приняты самые действительные и энергичные меры»²⁵.

В условиях забастовочного движения в 1897–1898 гг., связанного с введением в действие закона о сокращении рабочего времени 2 июня 1897 г., в тиши кабинетов финансового ведомства зреет мысль о пересмотре отношения к стачкам рабочих. Однако правительство, по-прежнему считая стачку явлением антиобщественным, с которым необходимо бороться только силой, даже не обсуждало проекта, разработанного Министерством финансов.

В 1902 г. Министерство финансов, возвращаясь к вопросу о свободе стачек, составило записку «О пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме и о желательности установления организации рабочих в целях самопомощи». Ее содержание было опубликовано в Женеве Заграничной лигой русской революционной социал-демократии в брошюре под названием «Самодержавие и стачки. Записка министерства финансов о разрешении стачек»²⁶. Эту же записку Министерства финансов с предисловием П.Б. Струве издала в 1902 г. в Штутгарте редакция журнала «Освобождение» в первом выпуске «Материалов по рабочему вопросу» под названием «Русский закон и рабочий»²⁷.

Авторы записки предложили пересмотреть действовавшие законы о стачках на основе ряда нижеследующих положений²⁸. Несоблюдение условий договора о найме не могло преследоваться уголовно. Нарушение материальной стороны трудового договора подлежало ведению общего гражданского суда. Несоблюдение формальной стороны закона об отношениях рабочих и предпринимателей должно находиться в ведении суда административного (присутствий по фабричным и горнозаводским делам). Уголовному наказанию подлежали лишь насилия и угрозы, проявленные кем-либо по отношению к личности или имуществу другого. Ответственность как гражданская, так и уголовная должна была быть одинаковой для работодателей и для рабочих. Все дела, возбужденные по обвинениям в насилии и угрозах, подлежали решению общих судебных установлений в обычном порядке уголовного судопроизводства. Прекращение работы промышленного предприятия не должно считаться нарушением общественного порядка.

Таким образом, Министерство финансов предлагало разрешить в законодательном порядке проведение мирных экономических стачек рабочих.

П.Б. Струве, оценивая характер нового законопроекта о стачках, в предисловии издания редакции «Освобождения» увидел в записке Министерства финансов выражение «государственного смысла»: «Не классовые интересы фабрикантов, а интересы управления в лице фабричной инспекции, поставленной лицом к лицу с растущим и усложняющимся рабочим движением, вынудили подумать об отмене наказания за стачки»²⁹.

Марксистские историки вслед за В.И. Лениным считали, что новый проект о стачках, являясь реакцией промышленной буржуазии на административный призыв полиции в фабрично-заводских делах, был выдвинут в интересах фабрикантов, но представлял собой несомненную уступку силе рабочих³⁰.

История происхождения министерской записки явилась результатом неудержимого роста стачечного движения в России за последнее десятилетие XIX столетия, роста, при котором фабричной инспекции не могла не представиться совершенно ясной несостоятельность существовавшей уголовно-полицейской репрессии против стачечников. На рубеже XIX–XX вв. Министерство финансов отходит от откровенно охранительных позиций и усваивает либеральный взгляд на стачки. В то же время Министерство внутренних дел во главе с В.К. Плеве, находившимся в апогее своего величия, проповедовало полицейско-попечительские меры борьбы с забастовками, и в новом уголов-

ном Уложении, изданном 22 марта 1903 г., все статьи о стачках были сохранены.

С началом Первой русской революции в январе 1905 г. в правительстве возобновилась активность шагов по принятию нового закона о стачках. 19 января министр финансов В.Н. Кокковцов представил Николаю II записку о рабочем вопросе³¹. По вопросу о стачках записка повторяла основные положения, разработанные Министерством финансов еще в 1902 г., и содержала предложение об отмене уголовного наказания за участие в мирных забастовках.

События развивались стремительно. Комитет министров, рассматривавший записку Кокковцова на двух своих заседаниях 28 и 31 января 1905 г., поручил министру финансов представить проект об изменении действовавшего законодательства о стачках и забастовках при условии их возникновения исключительно на экономической почве и без нарушения общественного порядка и спокойствия. Вскоре был разработан проект закона «Об изменении карательных статей закона, касающихся стачек и досрочных расторжений договоров о найме». В записке к этому документу указывалось, что рабочее движение опрокинуло карательные статьи против стачек, ибо «осуществление разрешения дел судебным порядком становится невозможным и карательные законы о стачках превращаются в мертвую букву, только колеблющую авторитет неприменяемого и бессильного закона»³².

15 апреля 1905 г. Министерство внутренних дел по соглашению с Министерством финансов отменило действие циркуляра от 12 августа 1897 г. о преследовании за стачки и забастовки. 4 августа 1905 г. правительство утвердило Положение Комитета министров о временном приостановлении уголовного преследования по делам о стачках и самовольном оставлении работ. В условиях нарастания революционных событий 24 ноября 1905 г. Совет министров, а 28 ноября 1905 г. Государственный совет на своем чрезвычайном общем собрании пришли к единому мнению, что «стачка есть само по себе явление, органически связанное с экономическими условиями промышленной жизни, возможное везде, где имеет применение наемный труд. К тому же стачки, возникшие на чисто экономической почве и проникнутые исключительно экономическими целями, не поддаются подавлению и пресечению мерами уголовного воздействия, как это доказывается опытом всех стран, пытавшихся бороться с указанным явлением путем уголовной репрессии»³³.

2 декабря 1905 г. последовал высочайший указ Сенату «О временных правилах о наказуемости участия в забастовках в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных, и об обеспечении судьбы тех служащих, кои, не принимая участия в забастовках, пострадали от учиненного над ними насилия»³⁴.

По мнению представителя либеральной прессы О. Бужанского, закон 2 декабря 1905 г., введивший новые начала, изменил политику правительства по рабочему вопросу³⁵. И.И. Шельмагин придавал новым правилам частный характер и видел в них стремление правительства предупредить надвигающуюся третью железнодорожную забастовку. «Потому, — пишет советский историк, — он (указ 2 декабря) был издан с такой быстротой, что уже 3 декабря 1905 г. появился в собрании узаконений и распоряжений правительства. Его содержание срочно телеграфом было передано по всем дорогам и всем железнодорожным управлениям»³⁶.

Во втором разделе закона 2 декабря 1905 г. говорилось: «Статьи 1358 и 1358 (1) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных — отменить, сохранив в силе прочие постановления о стачках сего Уложения».

Закон 2 декабря 1905 г. поощрял тех рабочих, кто противодействовал или не участвовал в стачке. Законодатель счел «справедливым озаботиться обеспечением судьбы тех служащих и их семей, кои, не принимая участия в забастовках, пострадали при исполнении долга от учиненного над ними насилия». Ст. 1 отд. III нового закона гарантировала пострадавшим в случае причинения им повреждения здоровья пособие в размере годового оклада или действительного заработка, ст. 2 в случае постоянной утраты трудоспособности — пенсию в таком же размере, ст. 3 в случае смерти — пенсию членам семьи в соответствии с окладом умершего.

Временные правила в дополнение действовавших законов устанавливали суровые наказания за стачки на государственных и общественных предприятиях, а также в правительственных учреждениях, если забастовки на них представляли «существенную опасность для спокойствия и порядка», «наносили ущерб самым жизненным интересам страны и угрожали губительными последствиями ее населению». По ст. 2 отд. I нового закона рабочие и служащие таких предприятий, участвовавшие в стачках и «виновные в умышленном повреждении имущества, принадлежавшего таким предприятиям или служащим в них лицам»,

наказывались «заключением в тюрьме на время от четырех месяцев до одного года и четырех месяцев».

Такому же наказанию подвергались рабочие и служащие вышеперечисленных предприятий, призывавшие (ст. 1 отд. I) или принуждавшие (ст. 5 отд. I) к забастовке, а также лица, «пользовавшиеся правами государственной службы» (ст. 3 отд. I).

Особо строгое наказание грозило подстрекателям и организаторам стачек, состоявшим в рядах партий и союзов. Ст. 6 отд. I «виновных в участии в сообществе», направлявшем свою деятельность к возбуждению рабочих и служащих к стачке, карала «заключением в крепости на время от одного до четырех лет, с лишением по статье 50 Уложения о наказаниях некоторых особенных, лично по состоянию присвоенных, прав и преимуществ».

Указ от 2 декабря 1905 г. впоследствии вошел в Уложение о наказаниях по продолжению 1906 г. под статьями 1359 (3) — 1359 (8). Согласно закону 2 декабря 1905 г. дела о забастовках велись окружными судами в общем порядке судопроизводства, т. е. без участия присяжных заседателей.

Правила 2 декабря 1905 г. отменяли уголовное преследование за участие в экономических стачках, носивших мирный характер. Предоставив рабочим право коллективной защиты их интересов новым законом о стачках, правительство в политике по рабочему вопросу ознаменовало переход с откровенно полицейско-охранительных на умеренно-либеральные позиции.

Уголовное наказание рабочих за стачки

До своей отмены статьи 1358 и 1358 (1) Уложения о наказаниях активно применялись властями для наказания забастовщиков. В сборниках «Рабочее движение в России»³⁷ приведено достаточно много документов с примерами судебных расправ с рабочими за стачки. Богатый материал о наказаниях забастовщиков за десятилетие с 1895 по 1905 гг. собран в десяти сборниках нового массового источника «Рабочее движение в России. 1895 — февраль 1917 гг.»³⁸.

Одна из самых крупных и наиболее типичных забастовок, которые не сопровождались фабричными погромами и серьезными уличными беспорядками и каких были сотни по всей России, произошла на хлопчатобумажных фабриках С.Ю. Нечаева-Мальцова «Гусь», представлявших единое целое в «Мальцовском торгово-промышленном товариществе» в рабочем поселке Гусь-

Хрустальный во Владимирской губернии в начале 1898 г. Последствия забастовки, продолжавшейся в течение почти двух недель — с 23 февраля по 5 марта, — стали судьбоносными для нескольких десятков рабочих и членов их семей, круто изменив обычный порядок их фабричной жизни.

Фактическая сторона дела, вполне восстанавливаемая по документам, сохранившимся в Государственном архиве Владимирской области³⁹ (ГА ВО), представляется в следующем виде. События в Гусе стали запоздалой реакцией на закон 2 июня 1897 г. Наблюдавшиеся во Владимирской губернии в конце 1897 — начале 1898 г. волнения и забастовки, сопровождаемые переходом на сокращенный рабочий день и повышением заработной платы, вызвали у рабочих Гусевской фабрики состояние социального возбуждения и стремление улучшить условия своего труда. Рабочие обратились в управление Гусевской конторы с просьбой повысить расценки на выполняемые ими работы.

Приехав из Москвы в Гусь 21 февраля, главнуправляющий «Мальцовского торгово-промышленного товарищества» С.И. Щегляев пообещал рабочим сделать ряд уступок. Казалось, что рабочие вполне остались довольны сделанными им обещаниями и спокойно разошлись по домам. Однако 23 февраля во время работы распространился слух, что обещания, данные Щегляевым, не будут выполнены, т. к. администрацией фабрики не были вовремя вывешены соответствующие объявления. Фабричная контора не успела составить новые расценки, и участковый фабричный инспектор Л.А. Сахарнов просил рабочих не верить вздорным слухам и становиться на работу. Несмотря на уговоры инспектора, волнение стало нарастать, наконец, рабочие, договорившись между собой не работать, пока не удовлетворят их требования, стали покидать станки и уходить с фабрики. К 6 часам вечера фабрика встала, забастовало около 4000 рабочих.

Не возымели должного эффекта на забастовщиков также действия старшего фабричного инспектора Владимирской губернии В.Ф. Свицкого и меленковского уездного исправника В.Я. Розанова, прибывших на фабрику соответственного 24 и 25 февраля. Тем временем рабочие на собранные деньги отправили в Москву великому князю Сергею Александровичу телеграмму с жалобой на действия фабричной администрации и инспекции.

Кульминацией забастовки стало 28 февраля. В этот день утром к дому, где остановился вице-губернатор, приехавший с войсками для ликвидации «беспорядков», пришла огромная толпа рабочих с требованием немедленно освободить аресто-

ванных накануне по его приказу их товарищей. В противном случае рабочие угрожали применить силу. Чтобы реализовать угрозу, толпа направилась к пожарному депо, где содержались арестованные, но на площади была встречена войсками. Не предпринимая никаких активных действий, трехтысячная толпа стачечников сплошной массой стояла напротив солдат до 7 часов вечера, а затем спокойно разошлась по домам.

Власть была напугана произошедшими накануне волнениями рабочих. Дополнительно потребовалась присылка казаков из Москвы, с прибытием которых прошла новая волна арестов. По делу о стачке было начато судебное следствие. Жандармы приступили к расследованию в порядке «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», изданного 14 августа 1881 г. Рабочим, не ставшим на работу в понедельник 2 марта, вице-губернатор объявил принудительный расчет. Забастовщикам была прекращена выдача продуктов в кредит из фабричной лавки. В последующие дни их упорство было сломлено, и возбуждение постепенно спало. 4 марта на работу вышло 230 чел., 5 марта — около 2000 чел., 6 марта Гусевская фабрика работала при полном комплекте рабочих.

Такова была основная канва событий.

Волнения рабочих 28 февраля помешали начавшемуся судебному расследованию, и только 2 марта следователь официально установил факт наличия стачки. В ходе рассмотрения дела он пришел к заключению, что 23 февраля 1898 г. в 4 часа дня «ткацкая фабрика на Гусю г. Нечаева-Мальцова прекратила работы вследствие забастовки рабочих»⁴⁰.

Всего к судебному следствию в качестве «руководителей» и «подстрекателей» было привлечено 25 рабочих⁴¹, но в отношении двоих из них уголовное преследование было прекращено за недостатком улик⁴².

Обвинительный акт, составленный товарищем прокурора Н.П. Муратовым 28 апреля 1898 г., был предложен Владимирскому окружному суду (далее — ВОС) 30 апреля 1898 г.⁴³ Обвиняемым вменялись преступления, предусмотренные ст. 1358 (1) и 1358(3) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Двадцать три человека обвинялись в том, «что 23 февраля 1898 г. в с. Гусь Меленковского уезда, состоя рабочими на ткацкой и прядильной фабрике Нечаева-Мальцова, по стачке между собой с целью принудить администрацию фабрики возвысить заработную плату прекратили работу до срока найма, истекавшего 4 марта, и, несмотря на неоднократные требования полицей-

ской власти, к работам не приступали, причем из них Торкин (он же Казарин), Овчинников (он же Пробкин), Ловчев, Лебедев, Блохин, Павел Лушин, Мочалов, Ремин, Разин и Березкин во время непосредственно предшествующее и следовавшее за прекращением работ, уговорами и другими мерами, имевшими цель поселить в рабочих уверенность благоприятного разрешения заявленных ими претензий, подстрекали их к начатию и продолжению стачки, а Рыжов и Лабазников, будучи участниками означенной стачки, посредством насилия и угроз принуждали рабочих не возобновлять прекращенную работу»⁴⁴.

Судебное заседание ВОС под председательством председателя суда Л.И. Навроцкого, в составе членов суда В.П. Чабовского, Н.В. Соколовского и городского судьи А.А. Гвоздева при участии товарища прокурора Н.П. Муратова и секретаря А.А. Эрнэ проходило без участия присяжных заседателей 19–20 сентября 1898 г. в г. Меленки⁴⁵.

Суд признал в действиях всех 23 подсудимых признаки преступления, предусмотренные ст. 1358 (1) Уложения о наказаниях, и обвинение их в этом преступлении посчитал вполне доказанным. Тринадцать из осужденных рабочих — Ловчев, Шеханов, Г. Авдеев, Ремин, Блохин, Лебедев, П. Лушин, Мочалов, Торкин, Березкин, Разин, Овчинников и Рыжов — обвинялись в подстрекательстве. Обвинение рабочих Рыжова и Лабазникова в принуждении других рабочих посредством насилия и угроз не возобновлять прекращенную работу не подтвердилось, т. к. путем допроса свидетелей это не было установлено. За отсутствием каких-либо обстоятельств, смягчающих виновность подсудимых, суд полагал справедливым назначить наказания, соответствующие обычной норме: подстрекателям — по 2-й степени ст. 38 Уложения о наказаниях, а участникам стачки — по 3-й степени той же статьи. Торкину, Зотову, Мельникову, Лабазникову и Кабанову, как наиболее выделявшимся во время стачки, суд постановил назначить наказание в самой высшей мере, а всем остальным в средней мере. Ремину, Г. Авдееву, Лабазникову и Кабанову ввиду их несовершеннолетия согласно ст. 140 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных наказание было понижено на одну степень. Ремину и Г. Авдееву наказание было назначено по 3-й степени ст. 38 Уложения о наказаниях, а Лабазникову и Кабанову — по 1-й степени ст. 39 Уложения о наказаниях, для первых двух в средней мере, для последних двух в высшей мере наказания.

По всем этим соображениям ВОС приговорил подсудимых к различным срокам тюремного заключения от трех до восьми

месяцев: Торкина — на восемь месяцев, Овчинникова, Шеханова, Мочалова, П. Лушина, Лебедева, Блохина, Березкина, Разина, Рыжова и Ловчева — на шесть, Зотова и Мельникова — на четыре, Г. Авдеева, Ремина, М. Лушина, Т. Авдеева, Крошкина, Пыркова, Куклина и Сипсинова — на три месяца. Кабанов и Лабазников подвергались аресту при полиции на три месяца⁴⁶.

Считая приговор окружного суда несправедливым и незаконным, поверенные подсудимых ходатайствовали о его отмене и о признании подсудимых по суду оправданными. По совету своих защитников на решение ВОС осужденные рабочие 20 октября 1898 г. подали апелляционную жалобу в Московскую судебную палату (МСП)⁴⁷.

Слушание дела по апелляционной жалобе на приговор Владимирского окружного суда состоялось 23 января 1899 г. в публичном заседании МСП под председательством члена палаты Б.Б. Яна в составе членов палаты И.П. Зорина и Н.Г. Регекампа при участии товарища прокурора Н.М. Ковалевского и помощника секретаря М.В. Сахарова⁴⁸.

МСП отменила приговор ВОС от 20 сентября 1898 г., пересмотрев вынесенные им меры наказания в сторону ослабления. Судебное преследование в отношении уголовной ответственности обвиняемого Сипсинова было прекращено на основании п. 1 ст. 16 Устава уголовного судопроизводства по факту его смерти⁴⁹. Подсудимый Зотов был оправдан. Подсудимые Мельников, Павел и Матвей Лушины, Тимофей Авдеев, Крошкин, Пырков, Куклин, Ловчев, Шеханов, Блохин, Лебедев, Мочалов, Торкин, Березкин, Разин, Овчинников и Рыжов заключались в тюрьму на два месяца каждый, а Глеб Авдеев, Кабанов, Лабазников и Ремин подвергались аресту при полиции на три недели каждый⁵⁰.

Поверенный Н.Ф. Блохина П.Н. Малянтович подал на приговор Московской судебной палаты кассационную жалобу в Сенат⁵¹, который разделил доводы защиты, и, ввиду того что срок найма не был установлен, уголовное обвинение было прекращено «по первой и первой»⁵² без передачи другому составу присутствия. Старший председатель Московской палаты А.Н. Попов, узнав об этом решении, сам предложил защитникам восстановить остальным подсудимым срок для принесения жалобы и по телеграфу распорядился немедленно всех освободить из тюрьмы⁵³.

14 июня 1899 г. ВОС в отношении всех проходивших по делу о стачке на Гусевской фабрике рабочих окончательно от-

менил все меры судебного воздействия, включая особый надзор полиции⁵⁴.

Указом Правительствующего Сената от 30 сентября 1899 г. за № 7144 производство по делу о рабочих Гусевской фабрики, обвиняемых по ст. 1358 (1) и 1358 (3) Уложения о наказаниях, было прекращено, а приговор Московской судебной палаты от 23 января 1899 г. был отменен⁵⁵.

13 октября 1899 г. этот указ последовал из МСП в ВОС⁵⁶. 20 октября 1899 г. в распорядительном заседании по 1-му уголовному отделению Владимирский окружной суд постановил: «Указ Московской судебной палаты принять к сведению, объявить Ловчеву и другим о совершенном прекращении дела, сообщить прокурору Владимирского окружного суда, что приговор в отношении Ловчева и других, обвиняемых в стачке на Гусевских фабриках, не подлежит исполнению за прекращением Сенатом дела по ст. 1 Устава уголовного судопроизводства и ст. 1 Уложения о наказаниях. Судебные по сему делу издержки обратить на казну и выдать всем лицам, внесшим залогом по сему делу, за прекращением дела»⁵⁷.

Результатом судебного дела о стачке на Гусевской фабрике, длившегося полтора года, в конечном итоге стало полное оправдание Сенатом всех 23 рабочих-забастовщиков, осужденных ВОС и МСП, но при этом 8 подсудимых в полной мере и еще 6 — частично уже успели понести наказание, присужденное им общими судебными местами.

Оправдание забастовщиков даже по самой безобидной статье антистаачечного законодательства (ст. 1358 (1) Уложения о наказаниях) было редким явлением и происходило, главным образом, благодаря энергии молодых талантливых и честолюбивых адвокатов из Москвы и Петербурга. Гусевским рабочим в этом смысле «повезло», потому что их интересы в суде поначалу согласился отстаивать знаменитый Ф.Н. Плевако⁵⁸, проводивший защиту участников нашумевшей Морозовской стачки. Правда, сам он приехать на процесс в Меленки на этот раз не смог, но прислал своих молодых помощников, впоследствии ставших преуспевающими адвокатами и известными политиками, а именно — присяжных поверенных В.Ф. Макеева, П.Н. Мальянтова и В.А. Маклакова⁵⁹.

Естественно, это были единичные случаи, когда забастовщики благодаря счастливой случайности могли воспользоваться столь компетентной и авторитетной защитой, в то время как подобные судебные процессы обычно проходили без защиты, на которую у рабочих не было денег.

Гораздо меньше проблем было у властей при определении состава преступления для наказания рабочих за стачки, которые сопровождались разгромом производственных корпусов, поломкой станков и другого промышленного оборудования, порчей или уничтожением личного имущества фабрикантов и их служащих.

В январе 1887 г. на одном из крупных льняных производств Владимирской губернии — Ярцевской фабрике Товарищества В.Ф. Демидова, расположенной в двух верстах от г. Вязники, — произошли серьезные беспорядки⁶⁰, явившиеся следствием издания закона 3 июня 1886 г. События развивались следующим образом. Владимирское губернское по фабричным делам присутствие, исполняя требование нового закона, утвердило новый образец расчетной книжки, обязательный при найме рабочих, и разослало всем фабрикантам Владимирской губернии, вменив им в обязанность раздать их каждому фабричному рабочему не позднее 31 декабря текущего года. Рабочие Ярцевской фабрики по своей неграмотности не захотели принять эти расчетные книжки, посчитав произведенные в них изменения для себя невыгодными, новый закон подложным, и пожелали остаться на прежних условиях.

14 января рабочие льнопрядильни, собравшись толпой около 200 чел., учинили погром фабрики: разбили стекла и выломали рамы, поломали газовые рожки, порвали пряжу, повредили механизмы и порезали приводные ремни, расхитили слесарные инструменты, избili двух служащих конторы, разорвали и разбросали по полу все конторские книги, хранившиеся там несколько лет. В 10 часов вечера уездный исправник вызвал две роты солдат, и к 12 часам ночи порядок был восстановлен. Большинство рабочих разошлись по домам. Из 2600 чел., работавших 14 января, в фабричных казармах осталось только 650 чел. Утром 15 января на фабрику прибыли губернатор, фабричный инспектор и судебные власти, вечером — командированные из Владимира два батальона Великолуцкого полка. Ремонт здания фабрики и налаживание станков продолжалось две недели, и работа была возобновлена с 29 января.

Предварительное следствие обнаружило «зачинщиков» и «руководителей» стачки, а также всех участников беспорядков, принимавших участие в повреждении фабричного имущества. Судебным следователем было выяснено, что еще за несколько дней до начала забастовки между рабочими начали ходить слухи, что новый закон (3 июня 1886 г.), объявленный в расчетных книжках, фальшивый, и поэтому их принимать не следует.

В распространении этих слухов деятельное участие принимал работавший прядильщиком на фабрике мешанин Г.А. Мухинский. Ему, как человеку грамотному, доверяли многие рабочие, среди которых о нем сложилось мнение как об «адвокате», знающем все законы. Он, главным образом, и убедил рабочих не принимать новых расчетных книжек. При погроме в толпе выделялся Ф. Григорьев, который собрал вокруг себя боевой отряд из 200 рабочих⁶¹. Среди наиболее ярых подстрекателей оказался Н.О. Гулящев, который был привлечен по делу о Морозовской стачке и участвовал уже в третьей забастовке⁶².

Предварительным следствием были допрошены 77 свидетелей. В качестве обвиняемых в стачке, сопровождавшейся насилием и повреждением фабричного имущества, к суду были привлечены 23 рабочих⁶³. Все обвиняемые отрицали свою вину. Суд установил, что единственной причиной к стачке было нежелание рабочих подчиняться новому закону 3 июня 1886 г. Смысл этого закона зачинщики стачки извратили перед другими рабочими, распуская слухи о его фальшивости, и тем самым произвели волнения и те беспорядки, последствием которых стало прекращение работ на фабрике в течение двух недель. Признавая улики, выявленные следствием, достаточными к обвинению всех привлеченных по настоящему делу в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотренном п. 3, 4 отд. III Правил 3 июня 1886 г. и на основании п. 1, 3 ст. 771 Устава уголовного судопроизводства, ст. 38, 39, 129, 134 и 135 Уложения о наказаниях, прокурор Владимирского окружного суда передал дело Владимирскому окружному суду без участия присяжных заседателей.

Судебное заседание ВОС под председательством товарища прокурора В.Р. Власенко, в составе членов суда С.И. Веселовского и В.С. Андреева, при прокуроре П.С. Топоркове и секретаре Алкринском проходило без участия присяжных заседателей 26–27 марта 1887 г. в г. Вязники. Окружной суд приговорил рабочих, принимавших участие в забастовке на Ярцевской фабрике, к различным срокам тюремного заключения от одного месяца до одного года и четырех месяцев. Один рабочий был судом оправдан⁶⁴.

На приговор ВОС присяжный поверенный Гладков, защищавший рабочих на процессе, подал в Московскую судебную палату апелляционную жалобу, в которой ходатайствовал об отмене приговора суда. Он настаивал на том, что в действиях подсудимых не заключалось деяния, предусмотренного законом о стачках. По его мнению, рабочие в своих требованиях не принуждали фабрикантов к повышению заработной платы

или изменению других условий найма до истечения срока договора. Они, заключив договор о найме с правлением фабрики с 10 октября по Пасху 1887 г., отказались принимать новые условия 14 января 1887 г. и хотели продолжать работать на ранее принятых договоренностях. По мнению защитника, деяния подсудимых могли быть подведены под понятие буйства, нарушения общественной тишины и драки, а не под понятие стачки. Однако МСП, признав жалобу не заслуживающей уважения, приговор Владимирского окружного суда оставила в силе. Суд объяснил, что рабочие Ярцевской фабрики не имели никакого основания при введении новых правил считать свой договор, заключенный с 1 октября 1887 г., нарушенным и должны были принять беспрекословно новые правила, устанавливавшие по замыслу законодателя лучшие гарантии для спокойствия общества и государства⁶⁵.

Забастовка, прекращенная по первому требованию фабричной инспекции или полиции, нарушением закона не считалась. Рабочие, начавшие забастовку и прекратившие ее по первому требованию полиции, согласно ст. 1358 (1) Уложения от наказания за стачку освобождались. Материалы из донесений фабричных инспекторов и уездных исправников свидетельствуют, что нередко фабричной инспекции и полиции по отдельности или совместными усилиями удавалось уговорить рабочих, организовавших стачку, возобновить прерванную работу.

15 сентября 1897 г. в 11 часов рабочие на фабрике купца Порфирия Кучина в с. Колобово Ковровского уезда Владимирской губернии по взаимному между собой соглашению прекратили работу, а уже 18 сентября по просьбе властей ее возобновили. В этот же день ковровский уездный исправник и исполняющий обязанности старшего фабричного инспектора Владимирской губернии по этому поводу составили протокол⁶⁶, в котором, признавая остановку работ с 15 по 17 сентября стачкой, указали, что рабочие, возобновившие работы, в силу примечания к ст. 1358 (1) от наказания освобождаются. Все рабочие, пришедшие на фабрику 18 сентября, ввиду их «смирного» поведения во время забастовки и выполнения требования полиции полностью избежали какой-либо ответственности за свои действия по стачке. Десять ткачей, отказавшихся по требованию фабричного инспектора и полиции от работы до окончания срока найма и попросившие расчета, а также 17 рабочих, не явившихся на работу без уважительных причин до 18 сентября, были признаны виновными в самостоятельном отказе от работ. Их расчетные книжки с записями о нежелании работать, а получить расчет

вместе с протоколом были переданы фабричной инспекции на предмет возбуждения законного их преследования по ст. 51 (4) Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

1 сентября 1897 г. Шуйский уездный исправник Яковлев в донесении губернатору сообщал о стачке, начавшейся на фабрике купца М. Лазарева в Якиманской волости Шуйского уезда. Перед началом новой смены ткач Д. Соколов был замечен в подстрекательстве рабочих к стачке. Он с хлыстом в руке выгонял женщин из фабричного корпуса. Фабричный инспектор Митрофанов разъяснил рабочим меру наказания за стачку, и после того как он предъявил требование возобновить работу, рабочие согласились прекратить забастовку. Соколов был срочно рассчитан с фабрики и водворен по месту жительства в деревню Суворки Быковской волости Ковровского уезда. В результате уездный исправник телеграммой рапортовал губернатору: «Стачка рабочих фабрики Лазарева прекращена увещаниями. Зачинщик рассчитан и выслан на родину»⁶⁷.

Ковровский уездный полицейский исправник Безобразов 11 сентября 1897 г. сообщал губернатору: «8 сентября на фабрике Товарищества братьев Горбуновых в с. Колобове мужчины-ткачи в составе 240 чел. явились в контору и просили хозяина в связи с переходом на 18-часовую работу в две смены увеличить расценки на 30%, хозяин соглашался поднять цены только на 25%. В 12 часов на фабрику прибыл фабричный инспектор Митрофанов, который уговорил рабочих стать на работу, а по окончании смены обещал выслушать их заявление. При разговоре с владельцем после смены последний прибавил еще 3%, т. е. всего 28%. Ткачи изъявили согласие и разошлись по домам»⁶⁸. Инцидент был исчерпан, наказания за стачку не последовало.

Под влиянием быстрого роста фабричного производства в 1890-х гг. суды оказались заваленными делами о стачках по ст. 1358 Уложения о наказаниях, которые в публике стали называть «общественными». Это были социальные явления, причина которых состояла не в чьей-то «индивидуальной» виновности. Однако власти пытались рассматривать их как чьи-то личные преступления и привлекать отдельных рабочих к уголовной ответственности.

Административное наказание забастовщиков

В стачках обычно участвовали сотни и даже тысячи рабочих. Судебные следователи, как правило, не привлекали к уголовной ответственности поголовно всех участников забастовки — у них

для этого не было даже физической возможности. Им бы потребовалось несколько лет только для того, чтобы допросить всех обвиняемых. Из-за трудностей, с которыми было сопряжено привлечение к суду громадного числа участников стачек, против забастовщиков стали применять меры административного воздействия. Наиболее распространенным средством борьбы со стачками была высылка рабочих под надзор полиции в отдаленные губернии или «на родину», к которой местные власти стали прибегать особенно часто после высочайшего утверждения 14 августа 1881 г. «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»⁶⁹.

Пятый раздел (ст. 32–36) закона устанавливал «Правила об административной высылке». Местные административные органы власти имели право выслать частных лиц административным порядком в какую-либо определенную местность Европейской или Азиатской России «с обязательством безотлучного пребывания в течение назначенного срока», который устанавливался в размере от одного года до пяти лет. Губернаторы и градоначальники, убедившись в необходимости высылки какого-либо частного лица, делали об этом представление министру внутренних дел с подробным объяснением причин к принятию этой меры и своими предложениями о сроке высылки. Решение о высылке принималось Особым совещанием, которое специально учреждалось для этой цели при Министерстве внутренних дел под председательством одного из товарищей министра и четырех членов — двух от Министерства внутренних дел и двух от Министерства юстиции. Постановление совещания утверждалось министром внутренних дел.

Начальникам губернской полиции и начальникам губернского жандармского управления предоставлялось право подвергать подозреваемых в совершении государственных преступлений или в причастности к ним, а также в принадлежности противозаконным обществам «предварительному аресту на срок не более семи дней и проводить у таких лиц обыски и изъятия». По распоряжению министра внутренних дел предварительный арест лиц, предназначенных к высылке, мог быть продлен до окончания расследования.

Дела по «Положению об охране» решались помимо суда. Для этой административной репрессии было создано характерное название — «переписка». Обвиняемый не находился под следствием, не предавался суду, а только привлекался к «переписке», о которой он порой даже не догадывался. Она происходила без

его прямого участия, и результатом ее становилась высылка в отдаленные губернии под особый надзор полиции.

Административная высылка широко использовалась местной властью для борьбы с забастовками. Во время стачки на Никольской мануфактуре Морозова в 1885 г. министр внутренних дел Д.А. Толстой телеграфировал владимирскому губернатору И.М. Судиенко: «Имейте в виду, что при упорстве рабочих весьма полезно последовательно отделять уроженцев других губерний и уездов и немедленно отправлять их на родину. Мера эта принесла пользу во время недавних беспорядков рабочих в Московской губернии». Это указание администрация выполнила «неукоснительно». За участие в стачке было предано суду по двум процессам 52 человека, а в административном порядке выслано 606 рабочих⁷⁰ по 10 различным губерниям, 58 уездам и 253 волостям⁷¹.

«Положение об охране» 14 августа 1881 г. было ангажировано властью из арсенала средств борьбы с «красным» террором, организованным в конце 1870-х — начале 1880-х гг. экстремистскими группами революционного народничества, для борьбы со стачками рабочих. Оперативное разрешение дел по «Положению об охране» приводило к быстрой изоляции организаторов и руководителей стачки от основной массы рабочих и скорому успокоению фабричного населения.

Коронная власть так «полюбила» «Положение об охране», что, по меткому выражению В.И. Ленина, оно стало «одним из самых устойчивых основных законов Российской империи»⁷². Это отразилось в ряде секретных циркуляров Министерства внутренних дел и Министерства финансов фабричной инспекции и полиции.

В целях предупреждения забастовок рабочих по случаю празднования 1 мая полицейские чины и фабричные инспектора получили от своих департаментов секретные циркуляры от 5 апреля 1897 г. за № 3425⁷³ и от 8 апреля 1897 г. за № 9677⁷⁴ соответственно. Этими документами им предписывалось усилить наблюдение за рабочими, принять меры к прекращению на фабриках и заводах замеченной агитации, а при возникновении стачек подавлять их в самом начале. Особенно настойчиво стражи порядка обязаны были препятствовать распространению среди рабочих антиправительственной пропаганды, немедленно обыскивать и арестовывать замеченных агитаторов, выслать виновных в порядке, принятом «Положением об охране». В случае упорства забастовщиков полиция по соглашению с фабричной инспекцией должна была всех забастовавших рабочих,

получивших или не получивших расчет, немедленно высылать по этапу на родину или в места приписки и туда же направлять их паспорта и деньги под расчет.

Циркуляры предписывали местным властям применять против забастовщиков меры репрессивного воздействия, предусмотренные «Положением об охране». Полиция получила от Министерства внутренних дел секретные инструкции, как действовать против забастовщиков, и фабричная инспекция в соответствии с секретными распоряжениями финансового ведомства обязана была ей в этом помогать. Таких инструкций не знал ни один из западноевропейских инспекторов.

В условиях нарастания забастовочного движения под влиянием деятельности «тайных революционных сообществ, именующих себя “Союзом борьбы за освобождение рабочего класса”», Министерство внутренних дел направило губернаторам одиозный секретный циркуляр от 12 августа 1897 г. за № 7587⁷⁵.

В этом документе Департамент полиции предлагал начальникам губерний объединить усилия всех местных чиновников «для полного согласования деятельности правительственных властей во всех случаях проявления каких-либо признаков волнений в рабочей среде».

При возникновении стачки местные власти совместными усилиями должны были рабочих, отказавшихся продолжать работу по заключенному трудовому договору, рассчитать и выслать на родину, а упорствующих в забастовке — «удалить по этапу».

Всех рабочих, оказавших в какой-либо форме сопротивление распоряжениям администрации, а также замеченных в подстрекательстве других рабочих к сопротивлению или противодействию полиции, предписывалось подвергать аресту и входить в Министерство внутренних дел с ходатайством об удалении из данного района, независимо от их происхождения. Предлагалось также объявлять на фабриках, что всякий рабочий, замеченный в насильственных действиях по отношению к другим рабочим с целью воспрепятствовать стать на работу, будет подвергнут аресту и высылке под надзор полиции в одну из отделенных губерний.

«Всякого рода зачинщики и подстрекатели» независимо от привлечения их к судебной ответственности должны были содержаться под стражей на основании «Положения об охране». «Переписка» об арестованных передавалась начальнику жандармского управления или его помощнику на местах для производства расследования.

Все дела о стачках и забастовках министр внутренних дел настоятельно рекомендовал расследовать в «порядке Положения об охране». Глава внутреннего ведомства опасался, что виновные в забастовке рабочие избегут наказания ввиду того, что судебное преследование часто было невозможно в силу отсутствия всех признаков преступления, предусмотренных ст. 1358 Уложения о наказаниях, а также ввиду того, что статьи закона не обязывали судебного следователя подвергать обвиняемых содержанию под стражей.

Начальники губерний секретно передавали содержание министерского циркуляра полицейским уездным исправникам и полицеймейстерам⁷⁶. Предлагалось провести особые совещания «из лиц административной и судебной власти для урегулирования положения рабочих на фабриках и заводах и выяснения мер, способствующих к предупреждению и пресечению стачек»⁷⁷.

Губернаторы в целом с одобрением отнеслись к изданию циркуляра министра внутренних дел от 12 августа 1897 г. Владимирский губернатор обратил особое внимание на важность рассмотрения дел о стачках рабочих в «порядке Положения о государственной охране». Во «Всеподданнейшем отчете о состоянии Владимирской губернии за 1898 г.» он отметил, что судебное преследование во многих таких случаях оказывается невозможно и виновные не несут никакой ответственности, укрепляя в себе уверенность безнаказанности всякого незаконного образа действия. Налагаемое в административном порядке наказание — высылка из пределов губернии под особый надзор полиции — имела, по его мнению, гораздо более устрашающее действие, чем судебный приговор в виде кратковременного тюремного заключения или ареста при полиции⁷⁸.

Департамент торговли и мануфактур сообщил о циркуляре от 12 августа 1897 г. старшим инспекторам с грифом «совершенно секретно», и участковым инспекторам этот документ показывался по секрету. Они должны были действовать, не выходя из пределов этих указаний⁷⁹.

Те же самые инструкции были даны в секретном циркуляре министра юстиции Муравьева от 20 декабря 1897 г. Министерство юстиции по соглашению с Министерством внутренних дел считало целесообразным при стачках и волнениях рабочих, «не заключающих в себе несомненных проявлений социалистической пропаганды или твердо установленных признаков определенного общеуголовного преступления», как правило, прибегать к «Положению об охране»⁸⁰.

Либеральная общественность того времени назвала циркуляр от 12 августа 1897 г. «чудовищным». И.Х. Озеров, профессор Московского университета по кафедре финансового права, писал в начале XX в.: «Люди, имеющие для продажи только одну рабочую силу, с соблюдением всех законных сроков соглашаются между собой не работать ниже известных условий, и их министерство предписывает удалять на родину или места приписки»⁸¹.

Циркуляр министра внутренних дел, подписанный им 12 августа 1897 г., несомненно, имел откровенно полицейский характер. Наказание за стачки предлагалось производить репрессивными мерами на основе чрезвычайных законов, без суда и следствия.

Широкие полномочия местных полицейских чинов в целесообразности применения к бастующим рабочим «Положения об охране» в дальнейшем подтверждались циркулярами Департамента полиции от 5 апреля 1898 г., от 8 апреля 1899 г. за № 619⁸², от 29 февраля 1900 г. за № 453⁸³, от 14 октября 1900 г. за № 1093⁸⁴, от 9 апреля 1901 г. за № 1200⁸⁵ и др.

Во всеподданнейшем отчете одного из губернаторов за 1899 г. в том месте, где сообщалось, что вовремя принятые полицейские меры по аресту нескольких зачинщиков и высылки их с места забастовки в административном порядке позволило быстро прекратить беспорядки и предотвратить опасный ход дальнейших событий, Николай II собственноручно начертил: «И впредь действовать без послабления». Этот факт высочайшего одобрения циркуляром с грифом «совершенно конфиденциально» от 3 июля 1900 г. за № 3798⁸⁶, подписанным товарищем министра внутренних дел князем Святополком-Мирским, был доведен до сведения всех губернаторов, градоначальников и обер-полицеймейстеров, а секретными распоряжениями последних — до уездных исправников и полицеймейстеров⁸⁷.

Местные власти в борьбе против забастовщиков постоянно использовали экстренные меры устрашения в виде ареста, предусмотренные «Положением об охране». Во время забастовки на фабрике «Товарищества мануфактур Морозова Викула с сыновьями» в м. Никольском Покровского уезда в октябре 1897 г. к следствию было привлечено более 100 чел. и около 60 «зачинщиков» и «подстрекателей» — арестовано⁸⁸.

Судебный следователь Владимирского окружного суда по важнейшим делам, проводивший расследование по обвинению рабочих за участие в беспорядках по ст. 269 (1) Уложения о наказаниях, исходя из характера их действий и степе-

ни виновности счел возможным изменить меру пресечения 22 рабочим, освободив их из-под стражи под особый надзор полиции. Действия следователя вызвали серьезное возражение вице-губернатора князя Урусова, командированного начальником губернии для восстановления порядка, который, имея в виду предписание секретного циркуляра Министерства внутренних дел о том, что освобождение из-под стражи для полного успокоения умов представляется весьма часто вредным, распорядился «подвергнуть всех означенных лиц под стражу и отправить этапным порядком во Владимирскую тюрьму»⁸⁹.

Вице-губернатор в своем донесении о стачке от 16 октября 1897 г. сообщал губернатору, что «только таким путем возможно будет устранить опасность повторения новых беспорядков, т. к. судебный следователь может не признать нужным подвергнуть некоторых обвиняемых содержанию под стражей»⁹⁰.

Ситуация повторилась, когда в конце декабря 1897 г. во время массовой забастовки рабочих с общим числом участников более 13 тыс. чел., охватившей несколько фабрик г. Иваново-Вознесенска, по постановлению помощника начальника Владимирского губернского жандармского управления ротмистра Тимофеева было арестовано 54 человека. После проведенного расследования жандармы посчитали возможным освободить 29 рабочих, но их действия были оспорены вице-губернатором, который настоял на привлечении к обвинению как можно большего количества рабочих. В результате оказанного давления 35 рабочих, арестованных за подстрекательство к забастовке, были подвергнуты административному наказанию в «порядке Положения об охране»⁹¹.

Меры, принятые в отношении этих лиц, владимирский губернатор признавал «крайне необходимыми». «Желательно, — писал он, — чтобы по этому делу понесли наказания возможно большее число лиц, т. к. только страх наказания удержит рабочих от дальнейших беспорядков, повторение коих в Иваново-Вознесенске в скором времени, по моим сведениям, является делом весьма возможным»⁹².

Своими действиями в соответствии с «Положением об охране» власти пытались внушить рабочим, что наказание за участие в забастовках последует в любом случае, если даже суд вынесет им оправдательный приговор, как это произошло в 1898 г. в Гусь-Хрустальном на фабриках Ю.С. Нечаева-Мальцова. Решение Сената о полном прекращении уголовного преследования гусевских рабочих для жандармов означало приведение в действие административного наказания, установленного задолго до

окончания судебного процесса, т. к. дела о стачках, решавшиеся административным путем, имели более упрощенную процедуру прохождения по соответствующим инстанциям и рассматривались гораздо быстрее, чем судебные. По постановлению Особого совещания, утвержденного министром внутренних дел 4 июня 1898 г.⁹³, шестнадцать участников забастовки были подчинены гласному надзору полиции и подлежали высылке: двенадцать — на место жительства в непромышленные губернии, четверо — на родину.

Фабричная инспекция, призванная играть важную роль в мирном урегулировании трудовых конфликтов между рабочими и предпринимателями, вынуждена была действовать в русле антизабастовочной политики правительства. С изданием секретных министерских циркуляров фабричные инспектора получили такие указания, которые существенным образом изменяли характер их действий во время забастовок и во многом даже противоречили прямым требованиям фабрично-трудоу законодательства и предписаниям должностных инструкций чинам инспекции.

В 1899 г. участковый фабричный инспектор в г. Иваново-Вознесенске Владимирской губернии П.Я. Митрофанов объяснил рабочим, что, отказываясь от работы во время действия трудового договора, они поступают незаконно, но если они прекратят работу после окончания срока найма, то в этом случае закон будет на их стороне. Эти, казалось бы, вполне логичные и «законные» рассуждения участкового инспектора были признаны начальством неправильными. На действия Митрофанова сразу же последовало жесткое разъяснение старшего фабричного инспектора В.Ф. Свирского о том, что по смыслу российского фабрично-трудоу законодательства и издаваемых в его развитие циркуляров любой самовольный отказ от работы с целью повышения заработной платы считался нарушением закона. В.Ф. Свирский считал, что своими действиями П.Я. Митрофанов рисковал потерять всякое доверие в глазах рабочих, потому что в любом случае им грозило наказание. Бросая работу до окончания трудового договора, они могли подвергнуться административному и судебному наказанию, после окончания договора — только административному. Во избежание дальнейших недоразумений, по мнению старшего фабричного инспектора, следовало объяснить забастовщикам, что в случае отказа хозяина увеличить заработную плату каждый из рабочих, посчитавший ее для себя невыгодной, имел законное право получить пол-

ный расчет и поступить на любую другую фабрику, где платили больше. Отказ же от работы — действие всегда наказуемое⁹⁴.

Следуя секретным циркулярам МФ, фабричная инспекция должна была внушать забастовщикам мысль об обязательном соблюдении договора о найме и разъяснять им строгость наказаний за противозаконные действия.

Таким образом, против забастовщиков применялось не столько уголовно-судебное наказание, сколько полицейско-административные меры в виде арестов по постановлению полицейских властей, высылки и т. п. Российское правительство не могло спокойно взирать на экономическую борьбу рабочих и предпринимателей, потому что на почве этой борьбы среди рабочих распространялись воззрения, опасные в политическом отношении. Властям импонировали быстрота, упрощенный механизм наказания и наглядный пример в назидание всем остальным рабочим преподнесенного забастовщикам «урока».

«Сопутствующая» пенитенциарная практика в отношении забастовщиков

Наряду со специальными законами о стачках и «Положением об охране» власть для наказания забастовщиков использовала ряд других статей «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» и «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями».

Когда между рабочими невозможно было установить взаимного соглашения по стачке, каждого из них согласно ст. 1 отд. IV закона 3 июня 1886 г.⁹⁵ могли наказать «за самовольный отказ от работы до истечения срока найма». В связи с этим в 1886 г. «Устав о наказаниях» был дополнен соответствующей статьей 51(4), которая гласила: «За самовольный отказ от работы до истечения срока найма или же при найме на срок неопределенный без предупреждения хозяина за две недели виновный в том фабричный или заводской рабочий подвергается аресту не свыше одного месяца»⁹⁶.

До 1894 г. дела о привлечении рабочих к ответственности за самовольный отказ от работы возбуждались фабрикантами, которые и являлись обвинителями по этому рода делам. 30 октября 1894 г. последовало разъяснение Сената⁹⁷, по которому право преследования рабочих в случаях самовольного отказа их от работы стало принадлежать исключительно фабричной инспекции. Фабричные инспектора были обязаны в каждом от-

дельном случае удостовериться в том, был ли отказ рабочего от работ самовольным или же рабочий имел законные основания к расторжению договора. В последнем случае рабочий к суду не привлекался. Также судебной ответственности не подвергались рабочие, которые самовольно прекратили работы и затем по предложению фабричной администрации или фабричной инспекции согласились ее возобновить.

Старший фабричный инспектор Свирский и ковровский уездный исправник Безобразов 17 сентября 1897 г. телеграфировали владимирскому губернатору: «Триста ткачей требуют с Покрова 18-часовой работы. Забастовали. Увещевания возобновить работы безуспешны. Рабочие спокойны, на завтра объявлен расчет через волости. Замеченных полагаем привлечь по ст. 51 суда земских начальников»⁹⁸. Губернатор советовал: «Если стачка установлена, руководствуйтесь ст. 1358 Уложения, относительно зачинщиков руководствуйтесь циркуляром»⁹⁹. На это последовал ответ: «Работы возобновлены, из 306 человек работают 279. Не явившиеся рассчитанные рабочие через волости привлекутся за самовольный отказ от работ. Наличие стачки не усматривается, подстрекателей — нет»¹⁰⁰. После заговора с фабричным инспектором и уездным исправником большая часть забастовщиков вернулась к своим станкам и таким образом избежала ответственности за стачку. Десять человек, отказавшихся от работы и потребовавших расчета до окончания срока найма, а также семнадцать рабочих, не явившихся на работу без уважительных причин, до 18 сентября, в соответствии с составленным протоколом были привлечены фабричной инспекцией к обвинению по ст. 51 (4)¹⁰¹.

В связи с введением в действие закона о сокращении рабочего времени 2 июня 1897 г. начиная с октября 1897 г. среди текстильщиков Владимирской, Московской и Костромской губерний прошла волна забастовок. С 23 декабря по 3 января в Иваново-Вознесенске стачка охватила 15 ткацких, прядильных и ситцевых предприятий и около 14 тыс. рабочих¹⁰².

Из рапорта иваново-вознесенского полицеймейстера Декаполитова губернатору от 17 января 1898 г.¹⁰³ стало известно, что прокурор ВОС в своем предложении от 10 января 1898 г., возвратив акт дознания о забастовках рабочих на фабриках Иваново-Вознесенска, не признал наличия стачки как преступления, предусмотренного ст. 1358 и последующими статьями Уложения о наказаниях. Действия рабочих окружной прокурор квалифицировал как самовольный отказ от работы до истечения

срока найма, который и мог быть рассматриваем как проступок, предусмотренный ст. 51 (4) Устава о наказаниях.

Вопрос о применении ст. 51 (4) во время забастовок обсуждался на совещании старших инспекторов Московского фабричного округа, проходившем в Москве 21–22 октября 1899 г. под председательством окружного инспектора А.С. Астафьева. В обсуждении этого вопроса приняли участие старшие фабричные инспектора И.Н. Горбунов, В.И. Дейша, Н.Н. Мартынов, С.И. Паевский, В.Ф. Свирский, В.Н. Станчинский и С.П. Чижов. По мнению старших фабричных инспекторов, участковые инспектора исходя из местных условий и частных обстоятельств должны были по своему усмотрению решить вопрос о целесообразности привлечения рабочих, участвовавших в забастовке, к ответственности по ст. 51 (4) Устава о наказаниях¹⁰⁴.

Нередко стачки и волнения рабочих сопровождались повреждением или уничтожением фабричного имущества. Для этих случаев в законе 1886 г. была предусмотрена ст. 2 отд. IV: «За умышленное повреждение или истребление находящихся на фабрике или заводе сложных и ценных орудий производства виновный в том рабочий, если действие его не составляло более тяжкого преступления, подвергается аресту до трех месяцев. Если же последствием такого повреждения или истребления будет приостановка работ на фабрике, то виновный подвергается заключению в тюрьму на срок от 3-х месяцев до одного года»¹⁰⁵. После этого соответствующая ст. 153 (2) появилась в Уставе о наказаниях¹⁰⁶.

Многие стачки сопровождались уличными беспорядками, «буйством» и нарушением общественной тишины. В этих случаях виновных в забастовке привлекали еще и по ст. 38 Устава о наказаниях, которая гласила: «За ссоры, драки, кулачный бой или другого рода буйство в публичных местах и вообще за нарушение тишины, если в этих нарушениях будет участвовать целая толпа и необходимо будет прекратить беспорядки силой, виновные подвергаются аресту не свыше трех месяцев или денежному взысканию не свыше 300 рублей»¹⁰⁷.

По Морозовской стачке 1885 г. следственными органами было подготовлено два судебных процесса. По первому из них — о стачке и уличных беспорядках, проходившему 7 и 8 февраля 1886 г. во Владимирском окружном суде без участия присяжных заседателей, было привлечено 20 рабочих. Рабочих судили по ст. 1358 Уложения о наказаниях и по ст. 37¹⁰⁸, 38 Устава о наказаниях. Из 20 обвиняемых суд оправдал лишь двоих, остальные

получили разные сроки ареста при полиции от десяти дней до трех месяцев¹⁰⁹.

Иногда к забастовщикам невозможно было на законных основаниях применить ст. 1358, и тогда они привлекались к уголовной ответственности только по ст. 38. Так, рассмотрев произведенное по его поручению полицейское дознание о происшедших 18 апреля 1889 г. на фабриках в г. Шуе беспорядках по поводу массовых сокращений, прокурор окружного суда П.С. Товарков пришел к заключению, что ткачи, оставившие работу на предприятиях Небурчилова и Павлова, не могут подлежать ответственности за стачку. Прокурор объяснял, что, во-первых, оставление работ произошло по распоряжению хозяев, а не по желанию рабочих и, во-вторых, рабочие, поступившие на фабрику только накануне этого дня, имели право отказаться от работы в течение первых семи дней. Это льготное для рабочих правило было установлено постановлением Владимирского губернского по фабричным делам присутствия. На основе изложенного Товарков пришел к заключению, что «подстрекатели толпы, дозволившие себе буйство, своими действиями вызвали чрезвычайную меру, именно призыв войска для усмирения их, за что и подлежали уголовной ответственности по ст. 38 Устава о наказаниях. Поэтому прокурор ВОС передал полицейское дознание об участии в беспорядках 22 ткачей для дальнейшего производства мировому судье¹¹⁰.

Точно так же 19 апреля 1889 г. в г. Коврове рабочие на фабрике Треумова потребовали изменения условий найма в первый день своего поступления на фабрику. Признаков стачки не было обнаружено, и власти привлекли виновных за «нарушение общественной тишины», выразившееся в битье стекол в фабричном корпусе и доме фабриканта¹¹¹.

Начальник Владимирского жандармского управления Н.И. Воронов 2 мая 1889 г. доносил в Департамент полиции, что в г. Шуе по ст. 38 Устава о наказаниях было привлечено 24 чел. Они были приговорены к аресту: «один на 3 мес., один на 2,5 мес., семь на 2 мес., а остальные пятнадцать человек на 1,5 мес.». «В г. Коврове и Иваново-Вознесенске по той же статье привлечены в первом два, во втором — одиннадцать рабочих»¹¹².

Помощник начальника жандармского управления в Шуйском и Ковровском уездах ротмистр Виноградов в донесении о ходе забастовки на фабрике Треумова от 19 мая 1899 г. за № 314 сообщал своему начальнику генералу Воронову: «Между тем, вечером того же дня толпа рабочих предприняла попытку проникнуть на фабрику. Когда же конные урядники принялись

ее разгонять, из толпы в них стали бросать камни и одному из урядников Генисаретскому камнем попали в шею. Некоторые рабочие, замеченные полицией при этом занятии, были задержаны и переданы мировому судье по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 38 Устава о наказаниях»¹¹³.

Были случаи, когда рабочие оказывали сопротивление воинским караулам, выставляемым войсками во время забастовок, и особенно конвойным командам, сопровождавшим арестованных рабочих в места заключения под стражу. Так, по второму судебному процессу по Морозовской стачке 1885 г. — о сопротивлении властям и грабеже — привлекались 33 рабочих, которым были предъявлены обвинения по ст. 286 (1), 308, 1621 и 1637 Уложения о наказаниях. Ст. 286 (1)¹¹⁴ обвиняла забастовщиков в нападении на военный караул, ст. 308 — в подговоре толпы к нападению на военный караул с целью освобождения арестованных и в исполнении этого действия. Часть рабочих обвинялись по ст. 1621 за «умышленное разрушение или повреждение чужих строений»¹¹⁵ и по ст. 1637 за грабеж и похищение чужого имущества, в частности за умышленное разрушение квартир директора фабрики Лотарева и фабричного мастера Шорина, харчевой лавки, розничного магазина, хлебопекарни и других фабричных зданий и разграбление хранившегося там имущества¹¹⁶.

Дело рассматривалось 23–27 мая 1886 г. Владимирским окружным судом с участием присяжных заседателей, и все подсудимые в силу большого общественного резонанса, вызванного этим процессом, были признаны по суду оправданными¹¹⁷.

К участникам стачек, сопровождавшихся беспорядками, применялась также ст. 269 (1) Уложения о наказаниях: «Виновный в участии в публичном скопище, учинившем соединенными силами насилие над личностью, похищение или повреждение чужого имущества, или вторжение в чужое жилище, или покушение на сии преступления вследствие побуждений, проистекших из вражды религиозной, племенной или сословной или *из экономических отношений* (курсив наш — С.Г.), подвергается лишению всех прав состояния, отдаче в арестантские исправительные отделения, заключению в тюрьме до одного года и четырех месяцев и ссылке в каторжную работу до восьми лет»¹¹⁸.

Редакция этой статьи весьма прозрачно намекала на возможность ее применения против стачек, т. к. они проистекали из экономических отношений, в особенности столкновений капиталистов и рабочих. По объяснению составителей Уголовного уложения, «похищение, или истребление, либо повреждение

чужого имущества — это нападение на постройки, разрушение или повреждение окон, дверей, здания, иногда разнесение целого здания до основания, уничтожение разного рода складов; в тех случаях, когда толпа вторгается в дом, — разрушение и истребление находящихся там движимостей, порча стен и вообще всей обстановки, потребление имущества на местах и даже унос или захват его»¹¹⁹. Набор этих действий был постоянным спутником забастовок, которые сопровождались серьезными беспорядками.

Крупные беспорядки возникли в ходе забастовки на фабрике «Товарищества мануфактур Морозова Викула с сыновьями» в м. Никольском Покровского уезда в октябре 1897 г. По заявлению фабричной администрации, ущерб от учиненных беспорядков, не считая простоя фабрики, составил 82 800 руб.¹²⁰

6 октября около 4 часов вечера толпа отправилась к дому, где жил директор фабрики англичанин Я.В. Чарнок. Рабочие с большим ожесточением произвели разрушение в доме, вскрыли сейф с деньгами и похитили у директора более 12 тыс. руб. наличными. Разгромив все в доме, они забрались в подвал и начали пить хранившееся там вино и водку. Разграбив дом, толпа подожгла его, в результате чего сгорело еще несколько соседних зданий, где жили служащие фабрики¹²¹.

За участие в этих беспорядках 29 участников стачки были заключены под стражу в качестве обвиняемых по ст. 269 (1) Уложения о наказаниях¹²². «За поджог с умыслом обитаемого здания» они также обвинялись и по ст. 1606 Уложения¹²³.

19 из 29 рабочих, привлеченных к следствию по этому делу, были осуждены Московской судебной палатой по статьям 269 (1) и 1606 Уложения о наказаниях на различные сроки тюремного заключения от 3 месяцев до 1,5 лет¹²⁴.

П.Б. Струве назвал ст. 269 (1) террористической. Она, по его словам, вообще являлась «одной из самых возмутительных статей русского уголовного закона», т. к. чрезвычайно несправедливо было вменять людям в вину участие в толпе, руководимой «побуждениями, проистекшими... из экономических отношений», т. е. в огромном большинстве случаев действовавшей под гнетом нужды¹²⁵.

Ст. 269 (1) была издана в голодный год правительством, опасавшимся бунтов доведенного до отчаяния крестьянского населения, и со временем стала использоваться властями для борьбы с забастовщиками. Эта статья избавляла суд от установления индивидуальной виновности рабочих, участвовавших в каких-

либо противозаконных действиях масс, и значительно упрощала их уголовное преследование.

В судебной практике, хотя и очень редко, встречались дела о стачках, во время которых происходили убийства управляющих или директоров фабрик. Забастовщики волею случая становились участниками страшного преступления и осуждались по статьям за убийство.

Такое печальное событие произошло в мае 1895 г. на фабрике «Товарищества мануфактур А. Каретниковой с сыном» в м. Тейково Шуйского уезда Владимирской губернии. Причиной забастовки, как выяснил старший фабричный инспектор А.С. Астафьев, послужило снижение заработков ткачей и «высокомерное», по мнению рабочих, отношение к трудящимся со стороны директора фабрики, англичанина И.И. Крошо, который был «бесконтрольным руководителем вверенного ему дела»¹²⁶.

В обвинительном акте по делу о беспорядках на Тейковской фабрике Каретниковых, составленном помощником прокурора ВОС 20 октября 1895 г.¹²⁷, было сказано: «Подсудимые, состоя рабочими на фабрике братьев Каретниковых, под влиянием раздражения против директора прядильного и ткацкого отделений фабрики англичанина И.И. Крошо, вызванного увеличением штрафов за недостатки в работе и нарушении фабричной дисциплины и вследствие ненависти против того же Крошо как иностранца, 5 мая 1895 соединенными силами произвели беспорядки в фабричном дворе, напали на дом, в коем помещалась квартира Иосифа Крошо, выбили камнями стекла этого дома, вторгнулись в него и находившееся там имущество как самого Крошо, так и его прислуги частью истребили, а частью расхитили, учинив при этом насилие над личностью Крошо, который в период таких беспорядков оказался убитым»¹²⁸.

Сорок три рабочих обвинялись по ст. 269 (1) за участие в беспорядках на фабрике Каретниковых, сопровождавшихся разгромом квартиры директора и расхищением его имущества. По ст. 1643 «за грабеж и насилие без угроз» были привлечены четыре женщины, которые присвоили себе имущество из разграбленной квартиры директора. Пять человек, которые не участвовали в краже имущества Крошо, привлекались по ст. 172, за «укрывательство похищенного». Четверо мужчин обвинялись в «убийстве без прямого на оное намерения», предусмотренном ст. 1459 Уложения о наказаниях¹²⁹.

За участие в стачке рабочие могли быть наказаны по статьям 262–266 Уложения о наказаниях как за «сопротивление

распоряжениям правительства и неповиновение установленным от оною властям», которое каралось каторжными работами на большие сроки¹³⁰.

За стачку в 1872 г. на Кренгольмской мануфактуре шестеро рабочих были осуждены на каторжные работы, в том числе трое — в рудники на 8 лет; один заключен в крепость на 8 лет; один — в крепость на 6 лет и один — на заводы на 4 года. К тюремному заключению на различные сроки было приговорено 14 человек, на арестантские роты 3 человека¹³¹.

Рабочих, принимавших участие в забастовках, прокуратура в некоторых случаях привлекала к ответственности по ч. I ст. 125 Уголовного уложения. Их судили за участие в сообществе, поставившем целью своей деятельности возбуждение к неповиновению или противодействию закону, обязательному постановлению или законному распоряжению властей. В обвинительном акте по делу комитета Николаевской железной дороги участники забастовки обвинялись в нарушении «установленного правительственной властью движения поездов и временном прекращении установленной правительством деятельности железной дороги»¹³².

Участники забастовок привлекались к ответственности также по ст. 126, а иногда и по ст. 102 Уголовного уложения. В обвинительных актах и приговорах палат забастовочные комитеты вырастали в сообщества, поставившие целью своей деятельности ниспровержение существовавшего общественного строя посредством всеобщей забастовки (ст. 126) или насильственное изменение существовавшего образа правления посредством опять-таки всеобщей забастовки (ст. 102)¹³³.

По ст. 102, 125 и 126 Уголовного уложения дела были подсудны судебным палатам в усиленном составе, при особом порядке предварительного следствия и при стеснении в выборе защитника и производились порядком, установленным в отношении так называемых государственных преступников¹³⁴.

Примеров судебных расправ с рабочими за стачки и волнения в конце XIX — начале XX в. можно привести значительно больше. Для этих судебных процессов характерным было то, что наряду с законами о стачках использовался целый ряд других различных статей Уложения о наказаниях или Устава о наказаниях, по которым в большинстве случаев рабочие осуждались на различные сроки тюремного заключения.

Судебные процессы по делам рабочих, участвовавших в стачках, не были очень частыми. Тем не менее, по подсчетам А.Ф. Вовчика, только в 1900—1901 гг. за участие в стачках и

волнениях к суду привлекались 246 рабочих. За тот же период только по 9 стачкам, проходившим в 1898–1901 г., было осуждено 119 человек¹³⁵. Гораздо больше дел по стачкам решалось в административном порядке. Данные того же исследователя свидетельствуют, что за 7 лет, с января 1896 г. по ноябрь 1901 г., Особым совещанием было рассмотрено 282 дела о «фабричных беспорядках», по которым к обвинению было привлечено 2926 рабочих, и 2463 из них понесли наказание¹³⁶. Полковник, а затем генерал-майор Н.И. Воронов, более десяти лет возглавлявший Владимирское губернское жандармское управление, вспоминал в своих «Записках», что во время одной забастовки судебными властями привлекалось до 80 рабочих, в «порядке Положения об охране» число привлеченных доходило до 150 чел.¹³⁷

Кроме административной высылки и судебной расправы над рабочими, принимавшими участие в стачках, самодержавие часто прибегало к другим методам наказания. Вплоть до начала XX столетия «зачинщиков» выступлений пороли розгами. Документы, собранные А.Ф. Вовчиком, говорят том, что не только на окраинах, но и в крупных промышленных центрах применялись эти способы усмирения рабочих¹³⁸.

Почти в каждой забастовке власти применяли против рабочих предусмотренный секретным циркуляром от 12 августа 1897 г. принудительный расчет, который служил к какой-то мере, хотя и незначительным, но все-таки определенным наказанием за стачку. В результате рабочие лишались гарантированного, как им казалось, права на фабричный заработок, говоря при этом: «Мы испокон веков работаем на фабрике»¹³⁹. Если рабочим не удавалось наняться вновь на фабрику в ближайшее время, то это было для них серьезным испытанием.

В той или другой форме работодатели практиковали у себя систему «черных списков» рабочих, неугодных им по какой-то причине. Нередки были случаи, когда администрация промышленных заведений, уволив рабочего за какой-либо проступок, оповещала все другие фабрики и заводы данной местности о том, чтобы такого-то рабочего не принимали на работу. Правление товарищества В.О. Демидова после беспорядков на фабрике в ноябре 1897 г. составило список из 15 рабочих, которых не рекомендовалось принимать на работу с нового срока найма будущего года¹⁴⁰.

После забастовки и беспорядков на Тейковской фабрике Каретниковых старший фабричный инспектор 7 сентября 1895 г. послал новому директору прядильного и ткацких отделений

Е.Н. Трунину список рабочих, состоящий из 12 человек, участвовавших в беспорядках 5 мая 1895 г., которых запрещалось принимать на фабрики¹⁴¹.

По сообщению помощника начальника Владимирского губернского жандармского управления¹⁴², новый управляющий Гусевской конторы «Мальцовского торгово-промышленного товарищества» К.С. Красильников после забастовки 1898 г. не хотел принимать на свою фабрику никого из тех рабочих, которые были замечены в беспорядках. Под предлогом участия в забастовке фабричная контора не возобновляла трудовые договоры на следующий срок неудобным ей по каким-то причинам рабочим, оставляя их семьи без средств к существованию. Такое «наказание» за участие в забастовке потенциально мог понести каждый рабочий гусевских фабрик.

На некоторых фабриках и заводах между предпринимателями заключались соглашения о приеме рабочих, служивших ранее у кого-либо из них, только по рекомендательным запискам. На одном из таких предприятий рабочий убил одного из владельцев за отказ выдать ему такую разрешительную записку¹⁴³.

Таким образом, власти для наказания забастовщиков использовали целый арсенал весьма ощутимых мер судебно-административного воздействия.

Заключение

С развитием капитализма долгое время во всем мире право рабочих на забастовки воспринималось как посягательство на свободу промышленности. Со второй четверти XIX в. в большинстве развитых европейских стран и США забастовки постепенно приобретают легальность. Однако в начале XX в. ряде демократических стран (Новой Зеландии, Западной Австралии, в Швейцарии (Женевском кантоне)) стачки снова стали противозаконными. Отмена права на проведение забастовок компенсировалась там последовательным проведением системы обязательного разрешения споров и конфликтов между рабочими и предпринимателями примирительными камерами или третейским судом¹⁴⁴.

В России рабочее движение как часть объективного процесса трансформации общества появляется в последней четверти XIX в. Правительство вынуждено было признать закономерность этого явления как побочного эффекта индустриального

развития, притом в такой острой форме, которой являлась забастовка. В 1886 г. законодатель усилил уголовное наказание за стачки. Уголовно-правовая сторона стачек заслонила от самодержавия гражданско-правовую сторону того же явления. Специальных гражданско-правовых законов, непосредственно предусматривающих разрешение трудовых конфликтов, в России не было. При применении к стачке положений трудового права возникали многочисленные затруднения. Рабочие не могли совместно прекратить работу на фабрике или заводе, не опасаясь попасть за это в тюрьму. В годы Первой российской революции правительство признало основные начала гражданского права в отношениях между рабочими и предпринимателями. Отменив 2 декабря 1905 г. ст. 1358 и 1358 (1) Уложения о наказаниях, законодатель тем самым выразил свое согласие с ранее высказываемым Министерством финансов взглядом, что забастовка — это естественное явление, тесно связанное с тогдашними экономическими условиями общественной жизни.

Вместе с тем коронная власть всегда была склонна видеть в массовых забастовках рабочих, хотя бы с чисто экономическими требованиями, угрозу для общественного порядка и управления, придавая им оттенок политического преступления. Дела о стачках, если они не были осложнены «общим преступным деянием», под которым понимались правонарушения по ряду статей уголовного законодательства, разрешались административным порядком по «Положению об охране» 14 августа 1881 г. Полицейская репрессия в виде административной высылки, какой характер носило наказание «в порядке Положения об охране», была довольно эффективным средством борьбы с забастовками. Обращение к «Положению об охране» стало «аксиомой» в политике властей против стачек. Отменив уголовное наказание за стачки, правительство не переставало расправляться с забастовщиками полицейскими средствами.

В России роль государственного начала в реформе трудового права была традиционно значительна. Однако история антизабастовочного законодательства, носившего полицейско-охранительный характер, показывает просчеты государственной политики, которые не позволили вовремя реагировать на вопросы, поставленные быстрым развитием страны, особенно в социальной сфере. Темп модернизации зависел от самодержавной государственной системы с ее ограничениями в правовом законодательстве.

Примечания

¹ Пушкарева И.М. Возвращение к забытой теме: массовое рабочее движение в начале XX века // Отечественная история. 2007. № 3. С. 101.

² Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1936; Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. М., 1966; Трофимов А.С. Пролетариат России и его борьба против царизма. 1861–1904 гг.

³ Шельмагин И.И. Фабрично-трудовое законодательство в России (2 пол. XIX в.). М., 1947; Его же. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. М., 1952; Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1885–1904). Львов, 1964; Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917). М., 1972.

⁴ Полянский Н.Н. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб., 1907. С. 4, 80.

⁵ Цит. по: Полянский Н.Н. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб., 1907. С. 79–80.

⁶ Варзар В.Е. Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895–1904 года. СПб., 1905. С. 3.

⁷ Янжул И.И. Забастовки или стачки рабочих и чиновников, их значение, критика и возможность их замены. СПб., 1906. С. 8.

⁸ ПСЗ-3. Т. VI. № 3769.

⁹ ПСЗ-2. Т. XX. № 19283.

¹⁰ Туган-Барановский М.Н. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М., 1997. С. 213.

¹¹ ПСЗ-2. Т. XX. № 19283.

¹² Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Ч. III. СПб., 1864. С. 157–216.

¹³ Там же. С. 214.

¹⁴ Вовчик А.Ф. Указ. соч. С. 159–160.

¹⁵ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 117.

¹⁶ ПСЗ-3. Т. VI. № 3769.

¹⁷ Эти статьи предусматривали для предпринимателей наказание в виде штрафов до 300 руб. и компенсацию рабочим за убытки, понесенные ими вследствие их незаконного увольнения, понижения заработной платы до окончания трудового договора или выплаты заработной платы вне денежного эквивалента (не деньгами, а товарами, продуктами, купонами и т. п.).

¹⁸ Цит. по: Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. СПб., 1904. С. 264.

¹⁹ Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Ч. III. С. 185–211.

²⁰ Шельмагин И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. М., 1952. С.168.

- ²¹ Янжул И.И. Забастовки или стачки рабочих и чиновников, их значение, критика и возможность их замены. СПб., 1906.
- ²² Там же. С. 17, 31–32.
- ²³ Там же. С. 41–42.
- ²⁴ Шелымагин И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. С. 166–167; Вовчик А.Ф. Указ. соч. С. 89.
- ²⁵ Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906. С. 189–190.
- ²⁶ См. подробнее: Ленин В.И. Проект нового закона о стачках // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 399–408; Шелымагин И.И. Законодательство... С. 167–169; Вовчик А.Ф. Указ. соч. С. 88–93.
- ²⁷ Материалы по рабочему вопросу. Выпуск первый. Русский закон и рабочий. Stuttgart, 1902.
- ²⁸ Там же. С. 20.
- ²⁹ Там же. С. III.
- ³⁰ Ленин В.И. Указ. соч. С. 407; Шелымагин И.И. Законодательство... М., 1952. С. 169; Вовчик А.Ф. Указ. соч. С. 93.
- ³¹ См. подробнее: Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906. С. 184–193.
- ³² См. подробнее: Шелымагин И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. С. 169–170.
- ³³ Там же. С. 171.
- ³⁴ ПСЗ-3. Т. XXV. № 26987.
- ³⁵ Шелымагин И.И. Законодательство... С. 173; Бужанский О. Законопроекты о рабочих союзах и стачках в России // Право. 1905. № 37.
- ³⁶ Шелымагин И.И. Законодательство... С. 173.
- ³⁷ Рабочее движение в России в XIX в.: Сб. документов и материалов: В 4 т. М., 1950–1963. Т. 1. 1800–1860. 1951; Т. 2. Ч. 1. 1861–1874. 1950; Т. 2. Ч. 2. 1875–1884; Т. 3, Ч. 1. 1885–1889. 1952. 911; Т. 3. Ч. 2. 1890–1894; Т. 4. Ч. 1. 1895–1897. 1961; Т. 4. Ч. 2. 1898–1900. 1963; Рабочее движение в 1901–1904 гг.: Сборник документов. Л., 1975.
- ³⁸ Рабочее движение в России 1895 — февраль 1917 г.: Хроника. Вып. I–X. М.; СПб., 1992–2007.
- ³⁹ Государственный архив Владимирской области (далее — ГА ВО). Ф. 266. Оп. 1. Д. 815; Ф. 14. Оп. 5. Д. 1133; Ф. 108. Оп. 1. Д. 530; Ф. 704. Оп. 1. Д. 239; Ф. 107. Оп. 4. Д. 559 и др.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 530. Л. 49–51.
- ⁴¹ Там же. Л. 214.
- ⁴² Там же. Д. 531. Л. 16–17.
- ⁴³ Там же. Л. 2–11.
- ⁴⁴ Там же. Л. 10 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 332–333.
- ⁴⁶ Там же. Л. 351.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1135. Л. 31.
- ⁴⁸ Там же. Л. 455–457.
- ⁴⁹ Там же. Л. 64.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 531. Л. 457.

- ⁵¹ Там же. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1135. Л. 83 об.
- ⁵² Эта сокращенная формула (первая статья Уложения о наказаниях и первая — Устава уголовного судопроизводства) употреблялась тогда, когда в инкриминированных действиях не было состава преступления.
- ⁵³ Маклаков В.А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880—1917. М., 2006. С. 226.
- ⁵⁴ ГА ВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 531. Л. 478.
- ⁵⁵ Там же. Л. 520.
- ⁵⁶ Там же. Л. 520.
- ⁵⁷ Там же. Л. 520 об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 177 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 46.
- ⁶⁰ Там же. Д. 400. Т. 1—2.
- ⁶¹ Там же. Т. 1. Л. 277.
- ⁶² Там же. Л. 296.
- ⁶³ Там же. Л. 2—7.
- ⁶⁴ Там же. Л. 221.
- ⁶⁵ Там же. Л. 401—404.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1085. Л. 40.
- ⁶⁷ Там же. Л. 6, 10.
- ⁶⁸ Там же. Л. 20.
- ⁶⁹ ПСЗ-3. Т. I. № 350.
- ⁷⁰ Рабочее движение в России в XIX в. М., 1952. Т. III. Ч. 1. С. 134.
- ⁷¹ Лаверычев В.А., Соловьева А.М. Боевой почин российского пролетариата: к 100-летию Морозовской стачки 1885 г. М., 1985. С. 147.
- ⁷² Ленин В.И. ПСС. Т. 9. С. 331.
- ⁷³ Государственный архив Рязанской области (далее — ГА РО). Ф. 5. Оп. 4. Д. 2928. Л. 5.
- ⁷⁴ ГА ВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 2208. Л. 37.
- ⁷⁵ Там же. Д. 2258. Л. 38—39; ГА РО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2929. Л. 1—2.
- ⁷⁶ ГА ВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 718. Л. 52; ГА РО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2929. Л. 1.
- ⁷⁷ ГА РО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2929. Л. 3.
- ⁷⁸ ГА ВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1697. Л. 4 об.—5.
- ⁷⁹ Гвоздев С. Записки фабричного инспектора. М., 1911. С. 207.
- ⁸⁰ Вовчик А.Ф. Указ. соч. С. 56—57.
- ⁸¹ Озеров И.Х. Указ. соч. С. 33.
- ⁸² ГА РО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2929. Л. 8; ГА ВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1067. Л. 21.
- ⁸³ ГА РО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2929. Л. 15; ГА ВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1067. Л. 53.
- ⁸⁴ ГА РО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2929. Л. 63.
- ⁸⁵ Там же. Л. 67; ГА ВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1067. Л. 96.
- ⁸⁶ ГА РО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2929. Л. 57.
- ⁸⁷ Там же. Л. 58.
- ⁸⁸ ГА ВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1088. Л. 44—51.

- ⁸⁹ Там же. Л. 100.
- ⁹⁰ Там же. Л. 49.
- ⁹¹ Там же. Д. 1087. Л. 1, 53, 100,
- ⁹² Там же. Л. 202.
- ⁹³ Там же. Оп. 5. Д. 1133. Л. 150.
- ⁹⁴ Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 43. Л. 74.
- ⁹⁵ ПСЗ-3. Т. VI. № 3769.
- ⁹⁶ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 г. С дополнениями по продолжению 1895 г. с приложением мотивов извлечений из решений кассационных департаментов Сената. СПб., 1900. С. 150.
- ⁹⁷ ГА РО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 2929. Л. 47 об.
- ⁹⁸ ГА ВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1085. Л. 23.
- ⁹⁹ Там же. Л. 24.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 27.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 40.
- ¹⁰² Рабочее движение в России 1895 — февраль 1917 гг. Хроника. Вып. III. 1897 год. М.; СПб., 1995. С. 117–140
- ¹⁰³ ГА ВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1087. Л. 146.
- ¹⁰⁴ Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 976. Л. 4–8.
- ¹⁰⁵ ПСЗ-3. Т. VI. № 3769.
- ¹⁰⁶ Устав о наказаниях. С. 300.
- ¹⁰⁷ ПСЗ-2. Т. XXXIX. № 41478; Устав о наказаниях. С. 126.
- ¹⁰⁸ По ст. 37 Устава о наказаниях виновных судили на распространение слухов, возбуждающих беспокойство в умах и «напрасное причинение общей тревоги ударом в набат».
- ¹⁰⁹ Морозовская стачка. 1885. М., 1925. С. 169–208.
- ¹¹⁰ Рабочее движение в России в XIX в. Т. III. Ч. 1. С. 662–663.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же. С. 670.
- ¹¹³ ГА ВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 255. Л. 44.
- ¹¹⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1910. С. 342.
- ¹¹⁵ Там же. С. 932.
- ¹¹⁶ Морозовская стачка. 1885. С. 227–227.
- ¹¹⁷ Там же. С. 209–229.
- ¹¹⁸ Уложение о наказаниях. С. 317–318.
- ¹¹⁹ Полянский Н.Н. Русское уголовное законодательство о стачках. М., 1912. С. 115.
- ¹²⁰ ГА ВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1088. Л. 44–51.
- ¹²¹ Там же. Ф. 107. Оп. 3. Д. 10. Л. 5–16.
- ¹²² Там же. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1088. Л. 99; ГА ВО. Ф. 107. Оп. 3. Д. 10.
- Л. 51.
- ¹²³ Уложение о наказаниях. С. 919.
- ¹²⁴ ГА ВО. Ф. 107. Оп. 3. Д. 10. Л. 164, 179, 234.
- ¹²⁵ Материалы по рабочему вопросу. С. V.

- ¹²⁶ ГА ВО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 93. Л. 38 об; ГА ВО. Ф. 107. Оп. 4. Д. 482. Л. 52–66.
- ¹²⁷ Там же. Ф. 107. Оп. 4. Д. 482. Л. 52–66.
- ¹²⁸ Там же. Л. 65.
- ¹²⁹ Там же. Л. 52–66.
- ¹³⁰ Уложение о наказаниях. С. 313–316.
- ¹³¹ Рабочее движение в России в XIX в. М., 1950. Т. II. Ч. 1. С. 350.
- ¹³² Шелымагин И.И. Законодательство... С. 175.
- ¹³³ Там же. С. 175.
- ¹³⁴ Там же. С. 176.
- ¹³⁵ Вовчик А.Ф. Указ. соч. С. 261.
- ¹³⁶ Там же. С. 263.
- ¹³⁷ Воронов Н.И. Записки Николая Ираклиевича Воронова. О событиях во Владимирской губернии. Владимир, 1907. С. 22.
- ¹³⁸ Там же. С. 256.
- ¹³⁹ ГА ВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1135. Л. 34.
- ¹⁴⁰ Там же. Оп. 4. Д. 1085. Л. 102.
- ¹⁴¹ Там же. Ф. 266. Оп. 1. Д. 66. Л. 10.
- ¹⁴² Там же. Ф. 704. Оп. 1. Д. 289. Л. 113.
- ¹⁴³ Озеров И.Х. Указ. соч. С. 93.
- ¹⁴⁴ Полянский Н.Н. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб., 1907. С. 133–134; Янжул И.И. Указ. соч. С. 41–42.

Мобилизационная экономика

*А.М. Демидов**

Перебазирование объектов промышленности СССР в первые годы Великой Отечественной войны и органы госбезопасности

Важнейшей составной частью обеспечения экономической безопасности СССР в первые годы Великой Отечественной войны являлось перебазирование промышленных объектов Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии и ряда российских областей в Поволжье, на Урал, в Сибирь, в союзные республики, удаленные от районов боевых действий. Ключевым элементом этого перебазирования были мероприятия по эвакуации. Данную проблему высшие руководители страны в лице И.В. Сталина и других членов Политбюро ВКП(б) осознали в течение первых же суток после германской агрессии и 24 июня 1941 г. создали Совет по эвакуации при СНК СССР. Ответственность за эвакуацию промышленных объектов возложили на наркоматы и директоров заводов¹, однако приступать к демонтажу оборудования можно было лишь по указанию или с согласия Совета по эвакуации.

В данной работе рассмотрены проблемы, с которыми пришлось столкнуться руководству страны в процессе реализации беспрецедентной по масштабам задачи перебазирования в восточные районы СССР тысяч промышленных объектов в 1941–1942 гг. Исследование этих проблем потребовало активного привлечения архивных материалов из фондов ряда федеральных архивов, а также региональных архивов ФСБ.

В течение первой военной недели Сталин пять раз вызывал к себе наркома государственной безопасности Меркулова и ставил задачи, в том числе по вопросам эвакуации. При этом особые требования были предъявлены к личному составу прифронтовых органов Наркомата государственной безопасности (НКГБ) СССР. Дело в том, что во многих местностях, кото-

* Демидов Александр Михайлович — доктор исторических наук.

рым угрожала оккупация противником, фиксировалось отсутствие организованности и дисциплины среди местных партийных, советских и хозяйственных руководителей. Например, из Управления политической пропаганды Юго-Западного фронта докладывали, что в прифронтовых районах местные руководители проявляют растерянность и поддаются панике. Некоторые из них уехали со своими семьями или бежали задолго до начала эвакуации. Вместо того чтобы спасти государственные материальные ценности, вывозили личные вещи. Они оставили вверенные им районы на произвол судьбы и бежали, самим этим фактом провоцируя панику среди населения с тяжелыми последствиями. В частности, в документе приведен следующий факт: в г. Проскурове Каменец-Подольской области Украинской ССР после панического отъезда местных руководителей была преждевременно взорвана электростанция и разрушен водопровод, вследствие чего отошедшие в город части Красной Армии оказались без воды и электроэнергии².

Случалось, не успевали вывезти или уничтожить документы и архивы, которые для германских спецслужб представляли большую ценность. Ряд таких фактов зафиксирован в донесениях с мест. В г. Кромы Орловской области немцы захватили оставленные в райисполкоме документы и фотографии коммунистов. В ряде районов Тульской области часть материалов учреждений, организаций, предприятий и даже архивы райотделений Наркомата внутренних дел (НКВД) попали в руки врага³. Все эти документы были немцами тщательно изучены и использованы в интересах разведки, контрразведки, тайной полиции и органов пропаганды, как это было с партийным архивом Смоленского областного комитета ВКП(б), часть которого в качестве трофея оказалась у немцев, а в конце войны — у американцев⁴.

Несанкционированный отъезд в тыл местных руководителей Сталин расценивал как преждевременную ликвидацию советской власти и потребовал навести порядок. Органы госбезопасности начали наводить порядок со своих подразделений, решительно пресекая даже малейшие проявления растерянности и малодушия среди личного состава. Паникеры и трусы подлежали аресту. Никто ни в коем случае не мог покинуть свой пост без специального разрешения вышестоящего начальника. В директиве НКГБ СССР № 168 от 1 июля 1941 г. «О задачах органов госбезопасности в условиях военного времени» говорилось: «В случае вынужденного отхода частей Красной Армии работники органов НКГБ обязаны до последней минуты оставаться на своих боевых постах в городах и селах, борясь с врагом всеми

возможными способами до последней капли крови»⁵. Эвакуироваться разрешалось только с последними частями Красной Армии. Самовольный отъезд, не вызванный крайней необходимостью, квалифицировался как невыполнение своего долга перед Родиной. Так, 4 июля 1941 г. в совместной директиве НКВД и НКГБ № 239/182 наркомы Берия и Меркулов приказали: «В случае обнаружения в эшелонах сотрудников НКВД—НКГБ без соответствующих документов, удостоверяющих их право нахождения в эшелоне, арестовывать, проводить расследование через органы Особой инспекции о причинах ухода из прифронтовой полосы и с санкции НКГБ СССР предавать их суду Военного Трибунала»⁶. Угрозы ареста и предания суду не были пустым обещанием: уже 10 июля 1941 г. заместитель наркома госбезопасности Серов подписал приказ НКГБ № 00268 «О привлечении к ответственности бывших сотрудников органов НКГБ» в отношении первых шести обвиняемых, которые, как сказано в документе, «во время военных действий проявили недопустимую для чекиста трусость и, бросив исполнение служебных обязанностей, выехали в тыл».

Соответствующие санкции стали распространяться и на местных руководителей. Вопрос об их недостойном поведении предварительно обсуждался на заседаниях бюро обкомов ВКП(б). Так, бюро Ленинградского обкома ВКП(б) 4 августа 1941 г. рассмотрело вопрос «Об ошибках руководителей партийных и советских организаций Батецкого и Кингисеппского районов», которые своим поведением дискредитировали органы власти, порождали у населения неуверенность и вызывали панику. Большую жесткость партийные санкции приобрели в областях, оказавшихся на южном направлении наступления вермахта. Например, 15 августа 1941 г. бюро Днепропетровского обкома КП(б) Украины рассмотрело вопрос «О дезертирстве руководителей Щорского района со своих постов». Особо было подчеркнуто, что даже на второй день после их самовольной эвакуации вражеские войска в районе так и не появились. Решение было принято в духе времени: из партии исключить, предать суду. В целом Днепропетровским обкомом партии к 30 августа 1941 г. за трусость и дезертирство было исключено из партии 50 человек, по состоянию на 5 сентября количество исключенных составило 111, а на 4 октября 1941 г. — 172 человека⁷. Такая жесткая позиция руководителей Днепропетровской области объясняется сложностью обстановки и огромным масштабом задач по эвакуации. С июля 1941 г. начались налеты немецкой авиации на областной центр, в августе приступили к

эвакуации промышленного оборудования и населения. Из Днепропетровской области было отправлено на восток 99 тыс. вагонов различных грузов, в том числе 20 тыс. вагонов с оборудованием, 4,5 тыс. — с металлом, 17 тыс. — с зерном. Из Херсона через Днепропетровск осуществлялась эвакуация из Молдавии, Одесской и Николаевской областей. Днепропетровский речной порт в июле принял пароходы со 100 тыс. пассажиров. Речники переправили на левый берег Днепра свыше 250 тыс. человек, 2,5 тыс. автомашин, свыше 630 тыс. голов скота. С 19 августа 1941 г. начался артиллерийский обстрел Днепропетровска, с 20 августа — бои на правом берегу города. 25 августа Красная армия оставила областной центр, взорвав мосты через Днепр, но войска 6-й армии продолжали оборонять левобережье в районе Нижнеднепровска до конца сентября 1941 г. Огромный объем эвакуационных работ требовал строгого порядка, высокой исполнительской дисциплины и организованности.

Большой проблемой стал выбор срока начала эвакуации военных заводов. Если к их вывозу приступить рано, значит оставить Красную армию без важной оборонной продукции, каждая единица которой была на счету, да еще попасть под обвинение в панических и эвакуационных настроениях, в преувеличении силы немецких войск. Если запоздать — возрастал риск лишиться материальных ценностей, которые, доставшись врагу, увеличат его военный и экономический потенциал. В этом случае ответственность за срыв эвакуации могла оказаться еще выше. Золотая середина виделась в том, чтобы объекты оборонных отраслей промышленности, полностью выполнив свои задачи, могли быть вывезены на новые места дислокации.

Однако зачастую точно определить оптимальные сроки и решительно дать команду о начале эвакуации того или иного объекта военной экономики было некому. Совет по эвакуации для принятия столь важных решений не располагал достоверной информацией о ситуации в прифронтовых регионах. В первые недели войны из-за отсутствия надежной связи даже Генеральный штаб, обязанный три раза в сутки представлять в Ставку Верховного Главнокомандования оперативные сводки, не располагал достоверной информацией не только о противнике, но и достаточно подробными данными о положении своих войск⁸. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие решения об эвакуации оформлялись постановлениями не Совета по эвакуации, а более высоких инстанций: Государственного комитета обороны (ГКО) или ЦК ВКП(б). С одной стороны, это указывает на особую значимость для обороны страны тех

объектов, которые подлежали эвакуации: авиационные и танкостроительные заводы, заводы Наркомата вооружения и т. п.⁹ С другой стороны, это может свидетельствовать также и о том, что высшее руководство страны получало относительно больший объем оперативной информации и, опираясь на нее, могло принять более правильное решение с учетом военной обстановки. Совет по эвакуации такими информационными возможностями не обладал, поэтому выполнял организаторские функции, а решения об эвакуации объектов принимались высшим руководством страны. Местным руководителям оперативно и — главное — объективно оценить ситуацию также было непросто. Особенно в первые военные недели, когда отсутствовало не только взаимодействие, но и связь с военными советами фронтов. Как представляется, разная степень полноты и объективности информации о реальной обстановке на фронте — одна из причин разных подходов в центре и на местах к определению сроков начала эвакуации. Но были и другие причины. Например, стремление директоров заблаговременно запросить разрешение на эвакуацию, желание подстраховаться и получить очень необходимый резерв времени — все это можно признать естественным.

Однако получить такую санкцию было крайне трудно. Так, органы государственной безопасности информировали ГКО о беспечности руководства Наркомата тяжелого машиностроения в вопросах эвакуации своих предприятий¹⁰. Один из примеров, приведенных в документе, свидетельствует о плохой организации работ на Таганрогском заводе «Красный котельщик». Директор завода Козин в сентябре 1941 г. неоднократно обращался в наркомат за разрешением эвакуировать оборудование, послал несколько телеграмм на имя начальника Главкотлотурбопрома Степанова с просьбой разрешить вывезти хотя бы уникальное оборудование, об этом же просил лично наркома тяжелого машиностроения Казакова, но каждый раз получал ответ подождать некоторое время. Когда же началась эвакуация завода, то железная дорога вместо запланированных 1200 вагонов подала только 290, т. е. в 4 раза меньше. 17 октября 1941 г. Таганрог был оставлен, и в результате ценное оборудование и много металла вывезти не смогли: свыше 1000 тонн броневого листов для производства танков, мощные гидравлические прессы и около 100 уникальных импортных станков, крайне необходимых для танкостроительного производства. Станки и прессы успели уничтожить, металл же и броня достались врагу. Расследование показало, что импортное оборудование и прессы накануне

эвакуации уже не использовались и могли быть демонтированы без ущерба для производства еще до решения ГКО об эвакуации завода. Но отдать такое распоряжение никто не осмелился: ни руководство наркомата, ни директор завода. Дело не только в боязни ответственности, не столько в беспечности и благодущии. Приведенный пример иллюстрирует, что руководители предприятий, наркоматов и даже Совета по эвакуации не имели достаточной самостоятельности в вопросах эвакуации важных объектов военных отраслей промышленности. В отношении всего остального предоставлялась широкая возможность действовать самостоятельно. На это указывает фрагмент выступления Сталина по радио 3 июля 1941 г., касающийся эвакуации: «При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться»¹¹.

Казалось бы, предельно четкие указания вождя на местах тем не менее трактовались неоднозначно. В архиве ФСБ России хранится докладная записка на имя председателя ГКО Сталина и члена ГКО Берия. Ее автор, управляющий Укрконсервтрестом некто Андреев, с 30 июня по 4 июля 1941 г. находился в г. Киеве и «имел возможность наблюдать явно противоречащие явления Вашему призыву к нашему советскому народу от 3 июля 1941 г.»¹² Что же Андреев увидел такое, побудившее его обратиться к самому Сталину? Оказывается, под предлогом эвакуации детей, женщин и стариков преждевременно вывозились государственные учреждения. Массово-политическая и разъяснительная работа по этому поводу не велась, и это породило «исключительно паническое состояние» как в самом Киеве, так и в области. Из западных областей Украины в столицу республики прибыло до 700 автомашин «с личным скарбом» ответственных работников, и это усилило панические настроения, хотя линия фронта находилась в 200–300 км от города. В районе станции Жмеринка автору докладной записки пришлось наблюдать исключительную нераспорядительность железнодорожной администрации и военных командиров, вследствие чего образовались «пробки». По распоряжению районных партийных органов пытались немедленно уничтожить все трактора и ком-

байны, хлеб, который находился в стадии уборки, — укатать катками, скот, кроме лошадей, — раздать колхозникам, распустить правления колхозов. Что делать дальше, установки не дали. Как докладывал Андреев, некоторые колхозники отказались от выполнения таких указаний, мотивируя, что «т. Сталин в своей речи указал действовать по-другому»: уничтожать все это нужно, когда местности явно грозит опасность оккупации. В ответ представитель района потребовал молот, которым начал выводить из строя трактора и комбайны. Аналогичные проявления Андреев наблюдал и на территории Винницкой области, и в Одессе. «Обо всем изложенном, — информировал Андреев, — мною был поставлен в известность первый секретарь обкома КП(б)У Одессы т. Колыбанов, который заявил, читал ли я речь т. Сталина и воззвание Украинского правительства и что раз это все делается, значит так надо»¹³.

Слово вождя значило очень много, и, конечно же, выступление Сталина по радио было воспринято как руководство к действию, как директива¹⁴. Однако получалось так, что каждый трактовал содержание сталинской речи по-своему, в зависимости от своих понятий и интересов. Для некоторых было бы гораздо проще побыстрее уничтожить все материальные ценности и двигаться на восток. Проблему самостоятельности в вопросах эвакуации сам Сталин после своего выступления по радио скорректировал быстро: никакой самодеятельности. Так, даже члена Военного совета Юго-Западного направления Хрущева уже 10 июля 1941 г. пришлось поправлять: «Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина, где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной Армии. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 километров от противника, независимо от состояния фронта»¹⁵. Такое мероприятие, пояснил Сталин, может деморализовать население, вызвать недовольство советской властью, расстроить тыл Красной Армии и создать как в армии, так и среди населения «настроения обязательного отхода» вместо решимости давать отпор врагу. Члены ГКО считали, что на Юго-Западном направлении уводить все взрослое мужское население, рабочий скот, трактора, комбайны и двигаться своим ходом на восток можно лишь только в случае приближения фронта на 70 км. При этом, надо полагать, во внимание были приняты темпы наступления вермахта.

Кроме того, многие военные и политические руководители всех рангов были убеждены, что населенный пункт более упорно обороняется, если имеет хотя бы какой-то минимум промышленного производства для обеспечения боевых действий, для ремонта и восстановления боевой техники и т. д.¹⁶ Например, в Ленинграде выпуск танков Т-26 прекратился в декабре 1940 г., однако в июле–августе 1941 г. было достроено около сотни танков Т-26 из имевшегося запаса корпусов, и эти машины приняли участие в обороне города. Поэтому объяснимо стремление как можно дольше не эвакуировать какую-то часть военно-промышленного производства. Соответствующие указания посылались на места. Например, Воронежский областной комитет ВКП(б) 1 ноября 1941 г., рассмотрев вопрос «Об остановке производства на некоторых предприятиях в Воронеже и области», констатировал, что некоторые директора самовольно, под видом подготовки своих предприятий к эвакуации, свернули или вовсе остановили производство, уволили рабочих. Все это вместо того, чтобы работать на полную мощность и увеличивать выпуск продукции для фронта. Обком ВКП(б) осудил подобные действия руководителей предприятий как антигосударственные и потребовал ни под каким предлогом не уменьшать производство, а, наоборот, форсировать выпуск продукции, мобилизуя на это рабочих и инженерно-технических работников¹⁷.

Сроки на демонтаж оборудования и эвакуацию в целом, как правило, устанавливались предельно сжатые. Так, во исполнение постановления ГКО от 8 октября 1941 г. № 741сс на эвакуацию из Москвы заводов авиационной промышленности № 31 (в Тбилиси), № 301 (в Новосибирск), № 207 (в Молотов) отводилось 10 суток. Первую очередь завода № 1 (производство истребителей МиГ-3) предстояло эвакуировать в г. Куйбышев также в 10-дневный срок, но при этом объем производства самолетов в октябре было необходимо сохранить. На эвакуацию второй очереди завода № 1 (производство штурмовиков Ил-2) отвели более длительный срок — до 1 декабря 1941 г., но обязали одновременно с эвакуацией изготовить в октябре 40 и в ноябре 20 самолетов. Аналогичное решение было принято в отношении моторостроительного завода № 24. Его полную эвакуацию в г. Куйбышев нужно было завершить до 5 декабря 1941 г., обеспечив одновременно ежедневный выпуск 40 авиационных моторов до 15 октября и с 15 октября по 1 декабря 1941 г. — 20 моторов. Так же, несмотря на решение об эвакуации воронежского авиационного завода № 18, принятое 10 октября 1941 г., ГКО обязал обеспечить выпуск штурмовиков Ил-2 на прежнем ме-

сте в течение недели по 14 самолетов в сутки и с 17 октября до 1 декабря 1941 г. — по семь¹⁸.

Дефицит вагонов и времени на демонтаж и погрузку оборудования приводил к нарушениям элементарных правил его транспортировки. Это явилось причиной ряда крушений поездов с человеческими жертвами и большим материальным ущербом народному хозяйству. Расследования показали, что наиболее распространенными нарушениями были: значительное превышение допустимого веса груза — вагоны ломались под его тяжестью, а также небрежное крепление многотонного груза, который на ходу падал на полотно дороги. Следствие по таким фактам крушений было делом несложным: имелся номер платформы, номер накладной на отправку, а в накладной значился ответственный за погрузку. Тщательное расследование органами госбезопасности проводилось быстро, и материалы направлялись военному прокурору для привлечения виновных к уголовной ответственности¹⁹. Кроме указанных, были и другие нарушения перевозки оборудования: отсутствие антикоррозийной смазки, защиты от осадков открытых платформ и т. п. Они также наносили большой материальный ущерб. Все это показывает, что далеко не все руководители оказались способными надлежащим образом организовать эвакуацию в предельно сжатые сроки. В документах того времени зафиксированы факты действительной беспечности, растерянности и «бестолковщины»²⁰. Это отчасти объясняется отсутствием четких директивных указаний о действиях в конкретной ситуации конкретного населенного пункта.

Планов эвакуации, как часто отмечалось в материалах того времени, на местах не было. Хотя лучше было бы говорить о необходимости иметь планы, переработанные или составленные заново с учетом реалий военного времени. С началом войны прежние документы морально устарели. Например, планом и порядком эвакуации части населения Москвы в военное время, утвержденным 6 мая 1941 г. председателем комиссии по эвакуации В.П. Прониным (он же председатель исполкома Моссовета), предусматривалось эвакуировать лишь четвертую часть населения столицы: 78% детей (в возрасте от четырех лет и школьников) и только 5,2% взрослых. Среди эвакуируемых доля детей должна была составить 85% и 15% — взрослых граждан²¹, главным образом сопровождающих и обеспечивающих детей лиц. Документ ярко иллюстрирует отсутствие тогда даже каких-либо предположений катастрофических для СССР военных потерь. Вполне очевидно, что такой план эвакуации совершенно

не годился. Как вспоминал бывший заместитель наркома путей сообщения и начальник Грузового управления Наркомата путей сообщения (НКПС) Н.Ф. Дубровин, «конкретными, заблаговременно разработанными эвакуационными планами на случай неблагоприятного хода военных действий мы не располагали. Положение осложнялось тем, что многие предприятия прифронтовых районов до последней возможности должны были давать продукцию для обеспечения нужд обороны. Наряду с этим нужно было своевременно подготовить оборудование промышленных объектов к демонтажу и эвакуации, которую приходилось часто осуществлять под артиллерийским обстрелом и вражескими бомбардировками. Между тем необходимого опыта планирования и проведения столь экстренного перемещения производительных сил из западных районов страны на восток у нас не было. Помню, как по заданию директивных органов мы специально разыскивали в архивах и библиотеках Москвы, в том числе в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина, хотя бы отрывочные сведения об эвакуации во время Первой мировой войны, но найти почти ничего не удалось. Опыт приобретался в ходе военных действий»²².

Но дело не только в отсутствии подробных директив. Выполнение мероприятий по эвакуации очень часто оказывалось под угрозой из-за отсутствия в достаточном количестве подвижного железнодорожного состава. 7 сентября 1941 г. органы государственной безопасности информировали ГКО, ЦК ВКП(б) и НКПС о том, что в областях Украинской ССР, прилегающих к Южной железной дороге, вследствие недостатка порожних вагонов скопилось большое количество народно-хозяйственных грузов, подлежащих вывозу в тыл, в том числе около 1 млн тонн зерновых. Чтобы вывезти зерно, которое хранилось на пунктах «Заготзерно» и на базах управления государственных резервов, требовалось около 51 тыс. вагонов: для Харьковской области — 11 тыс., Полтавской — около 6 тыс., для Днепропетровской и Запорожской областей — 29 тыс., Сумской — 4500 и Черниговской области — 500 вагонов. Кроме того, в названные области поступало зерно нового урожая, для вывоза которого требовалось до 2000 вагонов ежедневно.

В Харькове также имелось большое количество продукции, подлежащей вывозу в тыл. В частности, на базе № 36 Харьковского территориального управления государственных резервов хранилось около 600 тонн свинца, свыше 500 тонн катодной меди, 9000 тонн сахарного песка, 2000 тонн бумаги, 301 тонна пищевых концентратов, 147 тонн цинка, 44 тонны олова и дру-

гих товаров — всего более 12 тыс. тонн. На 1-м государственном канатном заводе скопилось около 200 вагонов разных канатов. На базе Харьковской конторы «Главторгцветмета» оставалось свыше 500 тонн цветных металлов. Большое количество оборонной продукции находилось на заводах № 308, «Хлоратор», «Механолит», «Свет шахтера» и на других объектах. По состоянию на 5 сентября 1941 г. на Южной железной дороге было учтено 4505 порожних вагонов, однако из них крытых вагонов имелось только 1462, остальные — цистерны, платформы, ледники, не пригодные для перевозки эвакуируемых. Имевшихся порожних вагонов явно не хватало даже для удовлетворения потребности военного командования, составлявшей около 6 тыс. вагонов в сутки²³. Таким образом, вывоз огромного количества материальных ценностей находился под угрозой срыва. Требовалось срочно усилить питание Южной железной дороги порожними вагонами.

Аналогичное положение фиксировалось и на других железных дорогах²⁴. Руководители ряда наркоматов и ведомств, исчерпав свои возможности в получении порожняка, вынуждены были обращаться непосредственно в органы государственной безопасности. Например, в ноябре 1941 г. забил тревогу заместитель наркома вооружения В. Костыгов. Он информировал НКВД о том, что утвержденный СНК СССР план эвакуации заводов наркомата сорван, так как НКПС подал под погрузку лишь 11% вагонов от требуемого количества. «Прошу оказать помощь и обязать НКПС выполнить правительственное решение»²⁵, — изложил суть своего обращения заместитель наркома. Следует отметить, что адресат был выбран правильно. Дело в том, что Берия как член ГКО контролировал производство вооружения и минометов и на подобные обращения реагировал очень оперативно²⁶.

Проблема порожних вагонов стала серьезной уже в первые военные недели. Как вынужденная мера стала практиковаться досрочная разгрузка эшелонов в пути следования. Отражением особо острой ситуации является постановление Совета по эвакуации № СЭ-49сс от 26 июля 1941 г., согласно которому Ярославский, Горьковский, Рязанский и Тульский исполкомы были обязаны «организовать быструю выгрузку эвакуируемых из вагонов, задерживая вагоны под выгрузкой не более одного (! — А.Д.) часа»²⁷. Несмотря на такие чрезвычайные меры, данная проблема носила долгосрочный характер. Об этом, в частности, говорит принятое СНК СССР и ЦК ВКП(б) решение о выгрузке вагонов на Горьковской железной дороге, которое в октябре

1941 г. рассмотрело бюро Горьковского обкома ВКП(б). Было подсчитано, что ежедневная разгрузка не превышает 2350 вагонов из поступающих более 6 тыс. вагонов, т. е. около 40%. Остаток неразгруженных вагонов накапливался и, все более увеличиваясь, грозил закупорить пути железной дороги, и без того работавшей в перенапряженном режиме. «Предупредить руководителей промышленных предприятий, — говорится в решении бюро, — что за срыв выгрузки вагонов они будут привлечены к самой суровой ответственности, как за тяжчайшее преступление перед Родиной»²⁸. Таким образом, начальник местного Управления НКВД Рясной, который был членом бюро областного комитета ВКП(б), получил руководство к действию.

Хотя следует подчеркнуть, что органы государственной безопасности и без этого контролировали обстановку и старались не допустить ее ухудшения. В тех условиях требовалось действовать весьма оперативно. Тогда же, в октябре 1941 г., начальник Управления НКВД по Сталинградской области А.И. Воронин информировал заместителя наркома внутренних дел Кобулова о том, что в Сталинград только за последние дни прибыло около 1000 вагонов с оборудованием эвакуированных заводов. Разгрузить удалось всего 300 вагонов, остальной груз было негде складировать. Воронин не только констатировал, но и прогнозировал обстановку: «Так как Ростов будет эвакуироваться тоже на Сталинград, то такое скопление в Сталинграде неразгруженных вагонов может сорвать эвакуацию Ростовских заводов»²⁹. В связи с этим Воронин просил срочно принять меры, чтобы своевременно переадресовать эшелоны.

Неразгруженные вагоны, железнодорожные составы и эшелоны мало того что сдерживали оборот вагонов, они существенно снижали пропускную способность железных дорог. А это напрямую угрожало военной и экономической безопасности страны, ее обороноспособности в целом. Поэтому при обнаружении таких фактов органы государственной безопасности незамедлительно предпринимали меры, чтобы ликвидировать, как говорилось в информации для начальника Генштаба Шапошникова, «склады на колесах» из простаивающих неразгруженных вагонов³⁰. И наркоматы, и ведомства, и военные — все вели учет наличия выделенных им вагонов и их продвижения. Органы государственной безопасности наряду с Наркоматом путей сообщения скрупулезно вели такой учет в целом по стране³¹. Периодически на железных дорогах проводилась перепись всех вагонов с эвакуантами. Фиксировался номер каждого вагона, станция отправления, станция назначения и принадлежность

груза к предприятиям и наркоматам. Такие переписи, например, осуществили 14 и 25 июля, 25 августа, 5 и 30 сентября, 5 и 10 октября, 15, 17 и 27 ноября, 12 декабря 1941 г.³² Можно сказать, что в тех условиях учитывался буквально каждый вагон, особенно порожний, который не так-то просто было заполучить. И это не преувеличение. Заместитель начальника Экономического управления НКВД Родионов и начальник Транспортного управления (ТУ) НКВД Синегубов поштучно собирали вагоны для эвакуации из Москвы одного из научно-исследовательских институтов. В другом случае, чтобы вывезти архив кинофонда СССР, пришлось лично подключиться руководящим работникам органов госбезопасности: не только начальнику Управления НКВД по Москве и Московской области Журавлеву, но и заместителю наркома внутренних дел Кобулову. Сколько же для архива требовалось вагонов? Оказывается, всего 5 штук³³. Сотрудникам органов государственной безопасности ставилась задача искать резервы. И они их находили. 3 сентября 1941 года начальник ТУ НКВД Синегубов доложил Кобулову и привел многочисленные факты использования не по назначению порожних вагонов на Южной железной дороге, на той самой, которая задыхалась от недостатка порожняка, о чем говорилось выше. Так, вместо предоставления под государственные грузы, вагоны использовались для эвакуации членов семей ответственных работников железной дороги и командного состава Харьковского гарнизона. Только после вмешательства Транспортного отдела НКВД Южной дороги удалось высадить пассажиров «из незаконно предоставленных им вагонов». Тем не менее обратить вагоны по назначению оказалось непросто: забирали у членов этих семей одни вагоны, а они занимали другие. Поэтому процедуру высадки повторяли неоднократно. По изложенным фактам Кобулову пришлось немедленно информировать секретаря ЦК ВКП(б), председателя Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) Андреева, а также Шапошникова и Кагановича³⁴.

В кризисной ситуации того времени со всей очевидностью обнаружилось низкие деловые и личные качества ряда руководителей, озабоченных собственными интересами в ущерб государственному. Вскрывались многочисленные факты такого поведения. По линии органов государственной безопасности систематически поступала информация о том, что руководящие работники как на местах так и в центре задолго до эвакуации отправляли в тыл подчиненных с поручениями создать условия и обеспечить прием на жительство семей — своих и лиц из ближайшего окружения. Под видом заводского оборудования

перевозили личные вещи и продукты питания. Использовали в этих целях не только железнодорожный, но и воздушный транспорт. Все это в ущерб государственным интересам. 1 сентября 1941 г. НКВД СССР для председателя Совета по эвакуации Шверника обобщил материалы по Главному управлению гражданского воздушного флота (ГУГВФ). Выяснилось, что за два месяца войны в ущерб перевозке оборонных грузов на самолетах гражданской авиации отправили в тыл 460 членов семей работников Аэрофлота и около 15 тонн личных вещей. Иногда такие перевозки оформлялись как специальные рейсы, в действительности самолеты были полностью загружены личными вещами руководящих работников. Приводился ряд примеров. Самолет ПС-84, рассчитанный на перевозку 21 пассажира, согласно документам отправился в спецрейс, а на самом деле на нем отправили вглубь страны жену заместителя начальника эксплуатационного управления ГВФ Захарова. Самолет был полностью загружен его вещами. На другой ПС-84 погрузили около 300 кг сахара, бочонок масла, посадили жену начальника отдела ГВФ Гаспарьяна с собачкой и тоже отправили в «спецрейс». На таком же самолете жену начальника Московского управления ГВФ Тимашева «со множеством узлов» перевезли в Пензу. Там был заранее снаряжен самолет «Сталь-3», который доставил ее в конечный пункт маршрута — в деревню, совершив посадку на колхозном поле. В Свердловск на самолете ПС-84 прилетела семья начальника центральной поликлиники аэропорта Хаймовича, их багаж весил 905 килограммов: два мешка сахара, мешок крупы, мешок сухарей и др. В Омск доставили жену заместителя начальника Главного управления ГВФ Картушева, которая затем потребовала перевезти ее в Казань³⁵.

Подобные факты злоупотреблений служебным положением становились известными трудящимся и служили катализатором негативных проявлений, которые приобретали политическую окраску. Стихийные митинги против таких руководителей, случалось, заканчивались драками, побоями должностных лиц³⁶, иногда превращались в массовые беспорядки. А это — уже прямая угроза срыва мероприятий по эвакуации. В таких условиях требовались оперативные и решительные действия органов государственной безопасности. Для контроля и оказания помощи на места командировались руководящие работники НКВД.

Одним из получивших задание по организации деятельности органов государственной безопасности в прифронтовых областях Украинской ССР был заместитель наркома внутренних дел Серов. 26 сентября 1941 г. он доложил Берия об оперативной

обстановке и результатах своего пребывания в Харькове. Его подробный отчет отражает основные направления и содержание работы уполномоченного центра. Тезисы его отчета заключаются в следующем:

- настроение основных масс рабочих положительное;
- руководители и сотрудники местных органов НКВД, милиции, пожарной охраны проявляют растерянность и неорганизованность. Серов потребовал выполнения ведомственных приказов о применении суровых мер к трусам и паникерам из числа сотрудников НКВД;

- установлены 1100 человек антисоветски настроенных лиц, которые ожидают прихода немцев, ведут пораженческую агитацию. 500 человек из них намечено к аресту, часть уже арестована;

- система противовоздушной обороны и службы воздушного наблюдения, оповещения и связи совершенно не организована: воздушная тревога в городе объявлялась, когда самолеты противника уже отбомбились. Авиационные налеты на город начались в августе 1941 г., но только 25 сентября назначен заместитель начальника местной ПВО;

- имеются перебои в снабжении продуктами, между тем продукты в городе есть. Цены выросли. Есть спекуляция. Колхозники не хотят продавать продукты за деньги и требуют промтовары;

- имеются случаи воспрепятствования эвакуации колхозного и совхозного скота. По всем этим фактам проводятся оперативные мероприятия;

- в Харьковской области установлено около 100 семейств немцев. Серов распорядился подготовить их выселение. В правильности данного решения заместитель наркома не был уверен и просил на этот счет указаний;

- эвакуация населения проводилась неумело, в результате имеется недовольство. Контрреволюционные элементы используют его, распространяют слухи, что эвакуируют семейства только руководящих лиц, а население оставляют на месте;

- советские органы и администрация предприятий не проводят достаточной разъяснительной работы: о порядке эвакуации фабрик и заводов, по вопросам удовлетворения рабочих зарплатой, о количестве рабочих, остающихся на заводах, и т. д. Это вызывает нездоровые настроения. Имели место забастовки, невыходы на работу, хищения продукции своих заводов, требования выплаты зарплаты ежедневно. По всем этим фактам Серов дал указание принять оперативные меры, проинформи-

ровал Центральный Комитет КП(б) Украины для принятия дополнительных мер³⁷.

Из Харькова подлежало эвакуации 35 важнейших предприятий, для которых требовалось более 13 тыс. вагонов. Как уже говорилось, Южная железная дорога систематически не выполняла график подачи порожних вагонов. Но оказалось, что и поданные вагоны простаивают. По плану эвакуации первой очереди должны были отправить 9228 вагонов с оборудованием. За период с 19 по 30 сентября 1941 г. смогли погрузить только 4558 вагонов, т. е. около половины запланированного. В это же время (по состоянию на 30 сентября) простаивало 829 порожних или не загруженных полностью вагонов. Из-за неподготовленности оборудования к погрузке, из-за отсутствия механизации погрузочных работ и главным образом из-за нераспорядительности и растерянности руководителей вагоны под погрузкой стояли длительное время. Вместо 5 часов по норме на погрузку одного вагона в отдельные дни затрачивалось в среднем до 82 часов — более чем в 16 раз!

По оценке руководителей органов государственной безопасности, которая оперативно была доведена до Андреева, Кагановича и Шверника³⁸, совершенно неудовлетворительно проходила эвакуация заводов № 296 и 450 Харьковского турбогенераторного завода и Харьковского тракторного завода. Для турбогенераторного завода начиная с 21 сентября железная дорога ежедневно предоставляла от 83 до 130 порожних вагонов. Однако директор завода Бобырев приступил к демонтажу оборудования только 24 сентября и по 29 сентября не погрузил ни одного вагона. Тракторный завод вместо 1500 вагонов погрузил 970 при наличии на заводе 169 порожних вагонов. Органам госбезопасности пришлось выявлять наиболее злостных нарушителей графиков погрузочных работ. Срыв сроков эвакуации квалифицировали как саботаж. Были арестованы и привлечены к уголовной ответственности бригадир слесарей завода № 296 Чувилкин, начальник вспомогательного цеха тракторного завода Самусенко, бригадир транспортного отдела этого же завода Волошенко, шоферы Манров и Купцов, а также руководитель транспортного отдела завода № 450 Игнатенко. Кроме того, как доложил Кобулову заместитель наркома внутренних дел Украинской ССР Савченко, в связи с демонтажом оборудования и эвакуацией других промышленных предприятий Харьковской области также имели место «отдельные антисоветские саботажнические выступления». По всем этим фактам было арестовано 140 человек³⁹.

Крайне негативная реакция на эвакуацию оборудования и подготовку к уничтожению шахт была у горняков Ворошиловградской области. Тот же Савченко информировал Берия, что арестовано и осуждено 87 шахтеров — наиболее активных участников антисоветских выступлений. 67 из них (77%) как зачинщики были приговорены к высшей мере наказания (!). Всего за антисоветскую деятельность во время демонтажа и эвакуации промышленных предприятий Ворошиловградской области арестовали 122 человека⁴⁰. Савченко в своей докладной записке не изложил подробностей событий, но высокий процент приговоренных к высшей мере наказания может говорить об активности и силе противостояния шахтеров властям.

Негативные проявления в связи с эвакуацией были распространенным явлением и поэтому требуют объяснения причин. Чтобы быть более объективным, следует учесть, что эвакуировать всех желающих не было возможности, особенно в первые месяцы войны. Тогда вместе с оборудованием и вслед ему в тыл отправляли, кроме руководящего административного состава предприятий, только специалистов и наиболее квалифицированных рабочих с семьями. Что могли делать в городе остальные после эвакуации заводов и государственных учреждений, оставшись без работы, следовательно, и без гарантированных средств к существованию? Особенно бесперспективным было положение горняков, так как в шахтерских поселках другой работы практически не было — только на шахтах. А они подлежали уничтожению. Чтобы выжить, оставалось или вместе с семьями покидать обжитые места и перемещаться в сельскую местность, или хотя бы частично сохранить рабочие места в расчете, что труд будет востребован и германскими оккупантами. Появлялись лица, агитирующие против эвакуации, которые убеждали граждан, что и «под немцем» жить можно, ссылались на оккупационный режим Первой мировой войны. На своевременное выявление таких лиц нацеливался агентурный аппарат органов государственной безопасности⁴¹. Получалось двойственное положение: с одной стороны, эвакуировать могли не всех желающих, а с другой — власти пресекали разговоры о нецелесообразности покидать свои дома.

Однако по мере приближения германских войск количество желающих перебраться в безопасные регионы страны возрастало. Сами немцы добивались того же, пока не рухнули надежды на успешную «молниеносную войну», пока германская военная экономика еще не нуждалась в вывозе рабочей силы из оккупированных территорий СССР. Во время войны официальная

позиция высшего руководства Германии по данному вопросу отразилась в приказе ставки немецкого верховного командования от 7 октября 1941 г. в отношении населения Ленинграда: «Все лица, пытающиеся покинуть город в направлении наших линий, должны быть отогнаны огнем... Следует приветствовать оставление небольших незащищенных брешей, через которые население города может просачиваться во внутренние районы страны. Это относится также и ко всем остальным городам: перед их захватом они должны быть уничтожены огнем артиллерии и воздушными налетами с тем, чтобы побудить их население к бегству. Не допускается, чтобы немецкие солдаты рисковали своей жизнью для спасения русских городов от огня или чтобы они кормили население этих городов за счет средств немецкой родины. Хаос в России будет тем больше, наше управление и эксплуатация оккупированных областей будет тем легче, чем больше населения советских русских городов уйдет во внутренние районы России»⁴². Излишне подробно говорить, что эти требования командованием вооруженных сил Германии неукоснительно выполнялись. Города и населенные пункты вначале подвергались авиационным ударам, когда германские войска были еще сравнительно далеко. При этом обстановка среди местного населения в целом оставалась нормальной. Однако с началом массированных артиллерийских обстрелов возрастали жертвы среди гражданского населения, и многие стремились уйти от опасности, уехать в тыл. Но сделать это было непросто, покинуть города можно было лишь по специальным пропускам, которые выдавали далеко не всем. Перед административными зданиями собирались толпы людей, которые требовали (зачастую безуспешно) отправить их в безопасное место. Напряжение возрастало. Органы агитации и пропаганды работали неэффективно. Среди населения, которое не имело достоверной информации о реальной обстановке и не получало необходимых разъяснений, появлялись различного рода слухи, возбуждавшие тревожные настроения и панику. Более того, неумелая и некомпетентная работа официальных пропагандистов в ряде случаев наносила больше вреда, чем пользы. Маршал К.К. Рокоссовский в своих воспоминаниях отметил, что «...местная печать (областная, республиканская) и даже в некоторой степени центральная, сообщая о диверсантах, переодетых в форму милиционеров, пограничников, сотрудников НКВД, командиров и т. п., якобы наводнивших страну, и призывая к бдительности, одновременно способствовала распространению ложных слухов и панике»⁴³.

С первых же дней войны как на фронте, так и в прифронтовой полосе, в ближнем тылу ложные слухи и паника приобрели повышенную социальную опасность и подлежали решительному пресечению. В территориальные органы государственной безопасности поступила директива НКГБ СССР № 148 от 26 июня 1941 г. «Об аресте и предании суду военного трибунала распространителей панических слухов, пытающихся дезорганизовать тыл». Вслед за ней — другая: «О мероприятиях по пресечению распространения среди населения провокационных слухов в связи с военной обстановкой» № 152 от 28 июня 1941 г. Беспощадную борьбу с дезорганизаторами тыла, паникерами, распространителями слухов должны были вести не только органы государственной безопасности, но и все партийные и советские организации прифронтовых областей. Эта задача была перед ними поставлена в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. Сталин в своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. потребовал предавать этих лиц суду военного трибунала. 6 июля 1941 г. появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». По приговору военного трибунала виновные карались тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет. Материалы военного времени показывают, что упрощенное понимание причин появления и циркулирования негативных слухов вело к применению преимущественно карательных методов их предупреждения. Силловые действия, как оказалось, были малоэффективными: очередная волна слухов неизбежно появлялась всякий раз, когда отсутствовала объективная информация о жизненно важных для населения событиях. Так, например, было в период серьезных поражений Красной армии летом 1942 г. и второй волны эвакуации⁴⁴.

Летом 1941 г. поступающая с мест информация об упущениях в работе партийных, советских и хозяйственных органов, казалось бы, позволяла сделать надлежащие выводы и не допустить повторения в других городах. Но стиль работы этих органов был одинаков, и предотвратить серьезные негативные происшествия, связанные с эвакуацией, не удавалось. В этом отношении Москва не была исключением. Как показывают опубликованные и ныне широко известные документы и материалы военного времени⁴⁵, обстановка в столице в целом оставалась нормальной до 16 октября 1941 г., когда она резко осложнилась. Произошли массовые беспорядки не только в городе, но и в Подмоскowie. Ряд серьезных инцидентов произошел в

Балашихинском районе, где толпа местных жителей в количестве 200 человек напала на автоколонну, обезоружила сопровождавших и повредила 6 легковых автомашин, скатив их в овраг. Расследование контролировал лично Меркулов, видимо, потому, что среди поврежденных была спецмашина секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева, следовавшая в г. Горький. Предварительным разбирательством было установлено, что толпа состояла из рабочих завода № 219. Беспорядки в поселке этого завода спровоцировали неправильные действия администрации завода, которая не выплатила зарплату, сославшись на нехватку денег. Положение усугубил помощник директора завода по найму и увольнению Рыгин, загрузивший служебную автомашину большим количеством продуктов питания и пытавшийся выехать с заводской территории. Однако рабочими завода он был задержан и избит. Через два дня начальник Управления НКВД по Москве и Московской области Журавлев доложил, что Рыгин и пять организаторов беспорядков арестованы, ведется следствие⁴⁶. Чрезвычайные происшествия 16 октября 1941 г. произошли также на Краснохолмском комбинате и на фабрике «Рот Фронт» в Кировском районе Москвы, на обувной фабрике «Буревестник» в Сокольническом районе, на мотоциклетном заводе в Пролетарском районе, на заводе «Моспласткож», на заводах № 8 и 58 в Мытищинском районе.

В большинстве случаев одной из основных причин беспорядков была невыплата увольняемым рабочим зарплаты и двухнедельного пособия. В ряде случаев задержки с выплатой объяснялись нехваткой денежных знаков в отделениях Госбанка, но были также и факты бегства кассиров с вверенными им деньгами⁴⁷. В ожидании денег сотни и даже тысячи рабочих скапливались возле проходных, иногда силой прорывались на территорию своих предприятий и цехов. Узнав, что некоторые из производственных зданий уже были подготовлены к уничтожению на случай оставления столицы, требовали их разминировать. Если проникнуть на территорию предприятий не удавалось, рабочие вооружались лопатами, молотками и подручными средствами, блокировали проходные и ворота, никого не выпуская, пока не получают деньги. Массовыми проявлениями были разбазаривание и хищения продукции, междоусобные драки при ее дележе, взломы складов со спиртом⁴⁸, коллективные пьянки, которые сопровождались «групповой контрреволюционной агитацией погромного характера» с призывами уничтожать евреев, избивать коммунистов. В одних случаях порядок удавалось восстановить, проведя разъяснительную работу, к которой под-

ключались сотрудники органов государственной безопасности, в других — приходилось прибегать к силовым методам подавления с использованием работников милиции, красноармейцев, бойцов истребительных батальонов, немедленно проводить аресты и предавать зачинщиков суду. Однако эти меры не давали желаемых результатов: восстанавливали порядок в одном месте Москвы — аналогичные проявления возникали в другом. Переломить ситуацию не удавалось, напряженная обстановка в столице сохранялась и на следующий день 17 октября 1941 г. К этому времени руководящие работники ряда заводов, некоторых райкомов ВКП(б) и советских органов покинули Москву. По тем же причинам, что и накануне, беспорядки имели место на заводе электротермического оборудования в Таганском районе, на шарикоподшипниковом заводе № 2 в Ленинском районе, на заводе № 67 им. Тимошенко в Сталинском районе, на автозаводе им. Сталина с участием 1500 рабочих, среди учащихся ремесленного училища этого же завода, на заводе № 156 Наркомата авиационной промышленности, на заводе № 69 Наркомата вооружения (НКВ).

Другой факт интересен тем, что участниками происшествия были заместитель наркома вооружения Ванников и заместитель наркома внутренних дел Серов, а рассказал о нем бывший начальник контрразведывательного отдела Управления НКВД по Москве и Московской области С.М. Федосеев. В его воспоминаниях это описано так: «Серьезный инцидент произошел на Мытищинском заводе № 6 Наркомата вооружения СССР. Завод этот по праву считался ведущим в отрасли и в силу своей значимости входил в первую десятку предприятий оборонной промышленности, фигурировавших в утвержденном ГКО списке. Его эвакуацией вглубь страны руководил Борис Львович Ванников. Уникальное оборудование завода, бережно укрытое в контейнерах, в октябре 1941 г. в связи с близостью к Москве фронта должно было быть отправлено на восток. Но случилось так, что заводская администрация, поддавшись панике, решила одновременно с отправкой оборудования в тот же день эвакуировать свой семейства со всем их скарбом, мобилизовав для этого весь легковой транспорт предприятия. Все это происходило на глазах значительной части рабочих, вызвало их озлобление и послужило причиной стихийно возникшего митинга. Некоторые выступавшие на нем призывали не допустить закрытия завода и даже требовали остановить эвакуацию, чтобы «не остаться без дела». Страсти еще больше разгорелись, когда кто-то из толпы выкрикнул, что завод вот-вот взлетит на воздух.

Митингующие избрали из своей среды пятерку лиц, коей поручили произвести обследование территории завода и при обнаружении взрывчатки обезвредить ее. Пятерка потребовала, чтобы ее сопровождал прибывший на место происшествия заместитель наркома внутренних дел СССР И.А. Серов. Тому ничего не оставалось, как только присоединиться (объяснялось это, очевидно, не только тем, что по своему характеру Серов был решительным человеком, но и тем, что Ванников дал ему понять, что обнаружить следы взрывчатки вряд ли удастся).

Так, собственно, и произошло, хотя до этого инцидента на территорию завода была подвезена и с помощью военных специалистов заложена взрывчатка в достаточно солидных дозах. О случившемся Серов, судя по всему, доложил наверху. В ту же ночь последовал приказ местным органам НКВД немедленно арестовать зачинщиков и предать суду Военного трибунала. Было арестовано около 15 человек. Всех их через несколько дней расстреляли. Реабилитация последовала лишь после 1953 г.⁴⁹

Оценивая деятельность государственных органов по перебазированию объектов экономики из прифронтовых регионов СССР, следует отметить, что в результате принятых мер, в реализации которых сотрудники госбезопасности принимали непосредственное участие, в течение июля—декабря 1941 г. было эвакуировано 2593 промышленных предприятия, в том числе 1523 крупных. Из них 93 предприятия черной металлургии, 150 машиностроительных заводов, 40 заводов электротехнической промышленности, 50 предприятий лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, 200 фабрик и заводов легкой, 250 пищевой и 150 предприятий текстильной промышленности. Из общего числа эвакуированных в восточные районы СССР предприятий на Урал было перевезено 667, в Западную Сибирь — 244, в Восточную Сибирь — 78, в Среднюю Азию и Казахстан — 308 и в район Поволжья — 226 предприятий⁵⁰. Перевозка эвакуированного оборудования была связана с большими трудностями — понадобилось около 1,5 млн железнодорожных вагонов. Между тем только в июле 1941 г. авиация врага произвела 1470 налетов на железнодорожные объекты, то есть в среднем ежедневно подвергались налетам 50 различных железнодорожных узлов и станций.

* * *

Летом 1942 г. немецким войскам вновь удалось далеко продвинуться вглубь нашей страны. После неудачного военного наступления войск Красной армии под Харьковом немцы

захватили инициативу, начали новое наступление и вышли к Волге и в район Северного Кавказа. Гитлеровцы стремились захватить грозненскую и бакинскую нефть. В этот период из районов Дона, Кубани и Северного Кавказа было эвакуировано на восток страны еще несколько десятков металлургических, машиностроительных и других предприятий. По сравнению с 1941 г. масштабы эвакуации были значительно меньше, работа на местах проводилась более организованно. Вследствие этого отсутствовала такая, как в 1941 г., необходимость активного использования органов госбезопасности в решении задач по эвакуации.

Архивные материалы показывают, что выполнение «Военнохозяйственного плана на IV квартал 1941 г. и на 1942 г.» осуществлялось в исключительно трудных условиях. Ввиду тяжелого, порой даже критического положения на фронтах этот план приходилось существенно корректировать постановлениями ГКО или СНК СССР в сторону увеличения производственных заданий, исходя из непредвиденных ранее боевых потерь и растущих потребностей Красной армии. Порой это делалось без учета реальных возможностей конкретных военных заводов. Не исключено, что реальный производственный потенциал ряда заводов не принимался во внимание умышленно. Главным было запустить механизм жесткого контроля над выполнением заданий ГКО и правительства с использованием органов наркомата госконтроля, государственной безопасности, прокуратуры и суда, чтобы побудить командиров производства изыскивать и максимально эффективно использовать внутренние резервы для расширения производства остро необходимой фронту продукции. В механизме государственного управления существовала практика ежедневных отчетов о производстве наиболее важных видов военной продукции. Органы государственной безопасности осуществляли контроль суточных графиков работы наиболее важных заводов и предприятий, выявляли причины срыва производства и официально информировали о них ГКО, ЦК ВКП(б), СНК СССР, руководителей наркоматов и ведомств, а также секретарей местных партийных органов.

Предельно жестко контролировалась работа по восстановлению эвакуированных заводов и вывод их на максимальную производственную мощность. Виновным в срыве выполнения заданий высших инстанций по материальному обеспечению Красной армии грозило суровое наказание. Под обвинение в контрреволюционном саботаже нередко попадали те командиры производства, которые, получив напряженные задания, не бро-

сали сразу все силы на их выполнение, не переводили рабочих на казарменное положение, а вместо этого старались избежать произвольно завышенных плановых заданий, не обеспеченных сырьем, материалами, без достаточного количества рабочих соответствующей квалификации и необходимого оборудования. Если руководители заводов пытались опереться на инженерные расчеты и обосновать перед вышестоящими инстанциями нереальность спущенных сверху производственных планов, то вероятность быть репрессированным по указанию или инициативе этих же инстанций значительно возрастала.

Показательным в этом отношении является выступление на VII пленуме Саратовского обкома ВКП(б) 29 января 1942 г. начальника местного Управления НКВД Викторова. Он заявил, что основная причина невыполнения производственных программ заключается в том, что хозяйственные руководители самоустраиваются от решения проблем, пускают работу заводов на самотек, и она проходит неорганизованно, бессистемно. Не менее важной причиной Викторов назвал также отсутствие должного контроля и требовательности к хозяйственникам со стороны партийных организаций, партийного руководства и в первую очередь секретарей обкома и горкома ВКП(б). Свои слова начальник УНКВД проиллюстрировал собравшимся информацией о неудовлетворительном ведении работ по восстановлению эвакуированного завода литер «С» Наркомата химической промышленности. По словам Викторова, главный инженер и некоторые другие руководители завода оказались подверженными пораженческому настроению: находясь в совершенно безопасном месте за 700 км от фронта, сомневались в целесообразности монтировать завод в Саратове, так как считали, что с приближением линии фронта придется вновь перебазироваться, и поэтому лучше сразу эвакуироваться подальше вглубь страны. Эта позиция сказывалась отрицательно, и вместо мобилизации рабочих на восстановление и пуск завода эти руководители разложили коллектив, ссылаясь на всевозможные объективные причины. «За подобную работу, — сообщил Викторов, — мы вынуждены были арестовать этого главного инженера и его соучастников и предать суду как саботажников. После этого завод очень быстро восстановили и пустили»⁵¹. Таким образом, с одной стороны, причины неудовлетворительного выполнения производственных заданий крылись в слабой организации работ, а с другой — аресты и предание должностных лиц суду за контрреволюционный саботаж способствовали быстрому реше-

нию экономических задач. На основании таких результатов росла уверенность в правильности избранного метода репрессий.

С первых дней войны в особо трудное положение попала промышленность боеприпасов. Большая часть ее предприятий располагалась на юге страны, в центральных регионах и в Ленинградской области, и уже в самом начале войны их пришлось эвакуировать. В целом к концу 1941 г. из строя вышло более 300 изготовлявших боеприпасы предприятий, производственные мощности которых от общих мощностей составляли: по корпусам 76-мм снарядов — 36%, по 122-мм гаубичным снарядам — 57%, по корпусам 122-мм пушечных снарядов — 83%. Месячный выпуск этих предприятий составлял более 8 млн корпусов снарядов, около 3 млн корпусов мин, 2 млн корпусов авиабомб, более 5 млн гильз, около 8 млн взрывателей, свыше 2,5 млн ручных гранат. Кроме того, в связи с эвакуацией было выведено из производства около $\frac{2}{3}$ мощностей по выпуску порохов. Положение усугубилось потерей значительных мобилизационных запасов боеприпасов, хранившихся в 50–120 км от западной государственной границы. В результате за несколько месяцев войны боеприпасы основных артиллерийских калибров оказались почти полностью израсходованы. Уже в октябре 1941 г. пришлось установить жесткие лимиты расхода боеприпасов, превышать которые без разрешения Ставки ВГК запрещалось. Одновременно предпринимались меры по расширению их производства, и к концу 1941 г. на изготовление боеприпасов перевели 382 предприятия 34 наркоматов. Однако промышленность выпустила только 26 млн артиллерийских снарядов, т. е. задание ГКО было выполнено лишь на 54%⁵². В связи с этим нарком боеприпасов И.П. Сергеев лишился своей должности, а вскоре выяснилось, что и его преемник П.Н. Горемыкин не обладает необходимыми деловыми качествами. В феврале 1942 г. его заменили Б.Л. Ванниковым.

Именно в этот период по делу «Вредители» были взяты в разработку, а затем арестованы и обвинены во вредительстве заместители наркома боеприпасов Клюев и Бушмелев, а также главный инженер 1-го Главного управления НКБ Трофимов. Основанием для заведения дела послужили данные о неправильном руководстве пороховым и снаряжательным производствами, что приводило к систематическому срыву выполнения заданий ГКО по выпуску боеприпасов. Кроме того, было установлено, что названные лица допускали высказывания, которые квалифицировались как пораженческие, антисоветские и клеветнические по отношению к руководителям партии и прави-

тельства. В ходе следствия обвиняемые дали показания, что являлись участниками антисоветской организации и занимались вредительством в области производства боеприпасов: умышленно тормозили наращивание мощностей по изготовлению взрывчатых веществ, не принимали своевременных мер по обеспечению заводов корпусами снарядов и давали заводам нереальные (завышенные) производственные планы⁵³.

С приходом нового наркома Ванникова арестовали еще ряд ведущих специалистов наркомата боеприпасов. Среди них оказался главный металлург 4-го Главного управления НКБ Друтман, обвиненный во вредительстве, направленном на срыв выполнения производственной программы по изготовлению корпусов снарядов и на увеличение брака продукции. Материалы следствия зафиксировали, что Друтман во враждебных целях умышленно не принимал мер к ликвидации имевших место на ряде заводов нарушений технологии термической обработки корпусов снарядов и к изменению технических условий по их приемке. Вследствие этого снизился экономический эффект от применения нового метода изготовления снарядов и увеличился брак. Особым Совещанием Друтман был приговорен к 15 годам лишения свободы⁵⁴.

В те годы, чтобы мобилизовать рабочих на напряженный труд по выполнению повышенных плановых заданий, использовались многие формы партийно-политической работы. Широко практиковалось проведение в цехах митингов, на которых после пламенных речей принимались обязательства не покидать своих рабочих мест, пока «сталинское задание» не будет выполнено полностью. Эксплуатируя патриотизм, многие командиры производства произвольно увеличивали рабочий день⁵⁵ и порой доводили рабочих до полного физического истощения. Иллюстрацией этому может служить информация начальника Управления НКВД по Куйбышевской области комиссара госбезопасности 3-го ранга Огольцова от 24 апреля 1943 г. «О самовольном удлинении рабочего дня на заводе № 18 НКАП», направленная секретарю местного обкома ВКП(б) Жаворонкову⁵⁶. Речь в документе идет об установившейся практике многодневных сверхурочных работ, в результате чего «рабочий день» в ряде цехов составлял 35–40 часов с двухчасовым перерывом на сон. Это привело к тому, что лишённые отдыха рабочие, занятые на сборке самолетов, были не в силах выполнять элементарные монтажные операции. Как отмечалось в документе, слесарь 6-го разряда Гурин не мог затянуть гайку, не говоря о выполнении более трудоемкой работы. В таком же состоянии находи-

лись слесари Афонин, Феокистов и др. Не случайно именно в эти дни количество дефектов машин, предъявленных военной приемке, возросло в четыре раза. Собственно говоря, это обстоятельство и побудило заняться выявлением причин брака.

Говоря об увеличении брака, следует особо подчеркнуть, что проблема качества промышленной продукции существовала и в предвоенные годы. В частности, о наличии этой проблемы свидетельствует факт принятия Президиумом Верховного Совета СССР 10 июля 1940 г. Указа «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями». Данная проблема значительно обострилась с форсированием темпов военного производства. Это форсирование стало насущной потребностью с самого начала Великой Отечественной войны в связи с тяжелейшими боевыми потерями. Только в первые две недели войны ежесуточные потери Красной армии в среднем составляли почти 700 танков, 235 самолетов и около 1110 орудий и минометов. В первые 18 суток войны Красная армия лишилась свыше 11 700 танков, 3985 самолетов, около 18 800 орудий и минометов⁵⁷. Жизненно важной задачей стало восполнение этих потерь.

Резкое увеличение производства продукции для фронта сопровождалось возрастанием количества недоброкачественной продукции. Высшие руководители страны это понимали и поначалу сознательно шли на допущение брака, так как боевые потери Красной армии требовалось восполнить в кратчайшие сроки. Известный конструктор артиллерийского вооружения В.Г. Грабин много лет спустя в своих мемуарах воспроизвел слова, сказанные ему Сталиным по телефону 10 августа 1941 г.: «Очень прошу Вас, сделайте все необходимое и дайте поскорее как можно больше пушек. Если для этого потребуется пойти на снижение качества, идите и на это»⁵⁸. Услышанное ошеломило конструктора и привело его в замешательство. Причины своей реакции на сталинские слова Грабин не пояснил, однако можно предположить, что ему было прекрасно известно содержание действующего Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г., согласно которому выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и выпуск продукции с нарушением стандартов являлся государственным преступлением, приравненным к вредительству, и карался тюремным заключением сроком от пяти до восьми лет⁵⁹. Устное указание Сталина, данное Грабину, входило в явное противоречие с названным Указом, который никто не отменял.

Аналогичные указания по резкому увеличению выпуска вооружения и другой военной продукции тогда были даны Сталиным и другим командирам производства и оборонных отраслей промышленности⁶⁰. Подобные указания ставили производителей в сложное положение перед выбором: или выпустить продукцию высокого качества, сорвать в связи с этим задание ГКО и пойти под суд за саботаж, или бросить все силы на изготовление возможно большего количества продукции за счет снижения — в определенных пределах — ее качества с риском наказания по Указу от 10 июля 1940 г. Важно, что второй вариант в 1941 г. устраивал вышестоящие инстанции. Вследствие этого вероятность привлечения к уголовной ответственности за выпуск брака была значительно меньше, поэтому развитие промышленного производства пошло тогда в данном направлении.

В октябре—ноябре 1941 г. ГКО установил такой план выпуска военной продукции, о котором в мирное время не было даже помыслов: по сравнению с 1940 г. производство самолетов требовалось увеличить в два раза, танков — в 9 раз, артиллерийских орудий — в 18 раз⁶¹. Контроль над выполнением заданий ГКО устанавливался жесткий, с привлечением органов государственной безопасности, нередко без учета реальных возможностей и вопреки очевидной несостоятельности плановых заданий. Вследствие такого положения дел широко распространились очковтирательство, различного рода махинации по умышленному сокрытию производственного брака, так как выполнение производственной программы по количеству отодвигало на второй план качество работы. Командиры производства гораздо больше боялись ответственности за срыв ежедневного графика выпуска военной продукции и всеми мерами, нередко преступая закон, стремились выполнить задания ГКО. Руководители предприятий в ряде случаев вступали в сговор с начальниками цехов, отделов технического контроля и даже с представителями военной приемки для сокрытия брака, значительно снижавшего боевые качества военной продукции. Аппараты ОТК зачастую умышленно комплектовались лицами с низкой квалификацией и даже технически вовсе не грамотными, которые под давлением администрации легко соглашались на выпуск явно бракованной продукции. Такие работники практически занимались лишь оформлением документации, необходимой для отправки продукции на фронт. В связи с этим возникала проблема подчиненности ОТК на заводах. «Добиться того, чтобы главный инженер не командовал техническим контролем, — требовал в докладной записке о неудовлетворительной организации ра-

боты на авиационном моторостроительном заводе № 24 главный конструктор авиадвигателей А.А. Микулин. — Подчинение контроля главному инженеру возможно лишь при том случае, если совесть главного инженера выше его производственной логики»⁶². Однако в реальной жизни восторжествовала именно производственная логика, ориентированная на количественные показатели. В совокупности с принципом «любой ценой выполнить производственную программу» она объективно вела к серьезным злоупотреблениям и преступлениям, в которые втягивали даже представителей военной приемки.

Пока фронт не получил некоторой передышки, качество боевой техники и вооружения военных также волновало менее, чем количество. Но уже в первые месяцы 1942 г. из воинских частей пошел поток рекламаций. Когда по отдельным видам военной продукции положение стало нетерпимым, выяснилась и новая позиция Сталина. Авиаконструктор А.С. Яковлев в своих воспоминаниях рассказал о страшном сталинском гневе, вызванном информацией о массовых заводских дефектах обшивки истребителей, вскрытых лишь на фронтовых аэродромах: «Враг не нанес бы нам большего ущерба, не придумал бы ничего худшего. Это работа на Гитлера!.. Вы знаете, какую услугу оказали Гитлеру?! Вы гитлеровцы»⁶³. В предотвращении производственного брака с учетом создавшегося положения были использованы органы государственной безопасности. Им ставилась задача активно выявлять среди бракоделов лиц, которые «под видом производственного брака ведут вредительскую работу».

Материалы периодических проверок органами госбезопасности эвакуированных объектов промышленности, их охраны и пропускного режима вскрывали серьезные недостатки в этой работе. Например, широко распространенным явлением были грубые нарушения своих служебных обязанностей личным составом военизированной и вахтерской охраны, утрата бдительности при несении службы. Территориальными органами госбезопасности принимались решительные меры по улучшению качественного состава стрелков-охранников, устранению вскрытых недостатков, однако в целом положение оставалось практически на том же весьма низком уровне. Вопросам режима многие руководители предприятий порой уделяли настолько мало внимания, что его практически не было вовсе. Нередко при массовом поступлении «рабочей силы» на заводах не успевали должным образом оформить пропуска, и люди ходили на работу по спискам без предъявления документов, удостоверяющих личность. В условиях, когда каждые рабочие руки были на

счета, на работу зачастую принимали людей не только вопреки отказу им в допуске органами госбезопасности, но и вообще не имеющих никаких документов. Только в течение 1942 г. на заводе им. Кирова и им. Колющенко в г. Челябинске было принято без паспортов и прописки 9478 человек, на заводы № 24 и № 1 в г. Куйбышеве — 1100 и 800 человек соответственно. Интересы обеспечения фронта военной продукцией, необходимость выполнения планов любой ценой заставляли использовать непосредственно на режимном производстве не только личный состав расформированных в 1942 г. строительных батальонов и рабочих колонн, но и труд заключенных, передвижение которых по заводу не всегда удавалось регулировать в точном соответствии с инструкциями.

Отношение подобных руководителей к вопросам режима наиболее ярко выразил директор завода № 33 Солдатов на объединенном пленуме Молотовского областного и городского комитетов партии в декабре 1941 г.: «Мы сейчас работаем над вопросом ужесточения всего режима работы завода. Завод был проходным двором, рабочих выпускали из завода все, кому не лень. Люди больше думали о картошке, чем о работе. Сейчас категорически запретили выходить с завода без личного разрешения директора завода, а ночью — без личного разрешения дежурного по заводу. Если раньше с завода уходило по одной тысяче человек, то в последнее время с завода выходит не больше пятнадцати»⁶⁴. Для этого командира производства режимные меры служили более важной с его точки зрения задаче — не допустить ухода рабочих с вверенного ему завода в течение производственной смены. По результатам проверок, проведенных несколько месяцев спустя после начала войны, стали появляться выводы, что система охраны того или иного объекта «не обеспечивает безопасности от проникновения» посторонних лиц. «Проникнуть может каждый желающий»⁶⁵, — этими словами без преувеличения можно оценить эффективность режимных мер на весьма многих особо важных объектах промышленности. Такое положение могло сложиться лишь в условиях, когда реальная подрывная деятельность противника в глубоком тылу не ощущалась, а потому и не осознавалась.

Большое внимание приходилось уделять предотвращению на объектах взрывов, аварий и пожаров. В приказе НКВД № 00248 от 1 февраля 1942 г. «О пожарах в восточных областях Союза ССР» заместитель наркома Круглов обвинил пожарную охрану, которая, по его словам, на военный лад еще не перестроилась. Серьезность положения заставила ужесточить требования и под-

нять их на более высокий уровень: сам Берия 24 апреля 1942 г. подписал приказ № 00817 «Об усилении мероприятий по противопожарной безопасности в народном хозяйстве» и потребовал укрепить пожарную безопасность оборонных предприятий, нефтебаз и железнодорожных узлов. Однако пожары случались, и довольно крупные. Более того, в ряде областей в 1942 г. по сравнению с предыдущим годом увеличилось как количество этих происшествий, так и размер ущерба. В целом, несмотря на усилия территориальных управлений НКВД, положение в лучшую сторону практически не менялось. В ряду наиболее неблагоприятных оставались и особо важные объекты, в частности заводы № 1 и 24 Наркомата авиационной промышленности, изготовлявшие штурмовики «Ил-2». На заводах свыклись с захламленностью цехов древесной стружкой, щепой и другими отходами производства, загроможденностью лесоматериалами. На производственных участках хранилось большое количество лаков, красок и других легковоспламеняющихся жидкостей, на полу стояли лужи смазочных материалов. Из-за скопления в цехах сырья и деталей проходы через дверные проемы, подходы к пожарным кранам и местам хранения огнетушителей были затруднены⁶⁶.

Аналогичные нарушения имели место и на многих других заводах. Наиболее опасными по последствиям были нарушения на предприятиях Наркомата боеприпасов: несоблюдение технологического процесса и правил техники безопасности приводило к пожарам и взрывам с большими человеческими жертвами. Одно из таких происшествий произошло в середине 1942 г. на заводе № 401. Погибло 13 человек. Материальный ущерб составил 400 тыс. рублей. Оборудование основных цехов было уничтожено. Завод полностью вышел из строя. В ходе расследования выяснилось, что в цехе, где возникло загорание, систематически скапливалось большое количество готовой продукции и к моменту пожара только на одном из участков находилось 30 тонн термита вместо допустимых одной—двух тонн. Там же была временная электропроводка, не отвечавшая элементарным требованиям пожарной безопасности. Администрация цеха, пожарный надзор и рабочие неоднократно требовали от руководства завода заменить ее, но мер никаких принято не было. На этом основании должностные лица — главный инженер, главный энергетик и мастер электроотдела — были немедленно арестованы. Одновременно проверили работу райотделения госбезопасности и последовал вывод: пожар мог быть предотвращен, но райотделение УНКВД не имело информации о грубейших

нарушениях техники безопасности. Когда об этом доложили Берия, он приказал арестовать и предать суду за развал работы временно исполнявшего обязанности начальника Миньярского РО УНКВД по Челябинской области сержанта госбезопасности Самарина⁶⁷. Подобным же образом в случае происшествия оценивалась работа оперативного состава начальниками Управлений НКВД.

Однако в реальной ситуации того времени интересы текущего момента заставляли руководителей поступать вопреки предупреждениям органов государственной безопасности о неблагоприятном положении дел, что приводило к тяжелым последствиям. Так, в докладной записке УНКВД по Куйбышевской области в местный обком ВКП(б) начальник Управления майор госбезопасности Блинов совместно с начальником ЭКО капитаном госбезопасности Чередниченко указал на ряд взрывов и пожаров на заводе № 15 Наркомата боеприпасов, происшедших в период с октября 1941 г. по январь 1942 г. Анализ показал, что пожар и несколько взрывов с гибелью 17 рабочих и материальным ущербом более 400 тыс. рублей произошли именно там, где, как указывалось ранее, имели место нарушения технологии и техники безопасности. В августе 1942 г. Управление НКВД по Куйбышевской области вновь направило в обком ВКП(б) спецсообщение о грубых нарушениях технологии на том же заводе № 15. Через несколько месяцев в тот же адрес ушел еще один документ о нарушениях техники безопасности на упомянутом заводе и на заводе № 309 Наркомата боеприпасов, расположенном в непосредственной близости от первого. Отмечалось, что помещения, где начинались взрывчаткой реактивные снаряды М-8 и противотанковые гранаты, не отвечают требованиям инструкций: при наличии четырех тонн взрывчатых веществ расстояние до тротилового производства было в четыре раза ближе допустимого. Из-за отсутствия складов продукция хранилась на территории цехов, которые оказались забиты боеприпасами.

В марте следующего года в обком партии поступило очередное сообщение по этим же заводам: по-прежнему небрежное обращение с взрывчатыми веществами создавало серьезную угрозу безопасности объектов. В том же месяце в партийный орган был направлен еще один документ о нарушениях технологии и выпуске брака на заводе № 309. Сообщалось, что директор Вашнев в течение двух месяцев четыре (!) раза ставился в известность о несоблюдении технологического процесса, но мер никаких не принял. Очередная информация в обком ВКП(б) показывает, что к июлю 1943 г. ничего не изменилось. Директор завода

продолжал игнорировать предупреждения и требования органов противопожарной охраны. Все осталось по-прежнему и после того, как в октябре 1943 г. погиб технолог цеха, который, как впоследствии выяснилось, с грубейшими нарушениями технологии и техники безопасности проводил несанкционированные и «оставшиеся неизвестными» опыты.

Итак, информация из Управления НКВД регулярно поступала в инстанции, а положение в лучшую сторону не менялось. События развивались по своей логике. В конце концов на расположенных по соседству заводах № 15 и 309 сложилась система повседневных больших и малых нарушений технологии, правил техники безопасности и противопожарных предписаний, сроков ремонта изношенного оборудования. Только по двум мастерским завода № 15 в течение года было зарегистрировано 21 отклонение от технологии, по цеху № 7 — 48 нарушений правил техники безопасности. В акте технической комиссии Наркомата боеприпасов по этому заводу зафиксировано 14 002 «противопожарных недочета»⁶⁸.

Вопреки усилиям сотрудников госбезопасности оба объекта упорно шли к трагедии. Она произошла 16 февраля 1944 г. Справка по материалам расследования взрыва на заводе № 15 в г. Чапаевске констатирует: «На оборонных заводах № 15, 309 и в городе убито 63 человека, не найдено 27 человек и ранено 310 человек»⁶⁹. 18 очагов пожаров удалось ликвидировать лишь через пять часов, 65 производственных зданий оказались разрушенными. Ущерб, нанесенный заводу и городу, составил свыше 20 690 800 рублей. Виновниками гибели людей и материальных ценностей были признаны 10 работников завода во главе с директором и главным инженером. Из сотрудников Управления НКГБ на этот раз никто наказан не был. Видимо, спасло обилие ранее направленных докладных записок и спецсообщений по взлетевшим на воздух заводам. Информация в партийные и иные вышестоящие инстанции считалась конечным результатом работы даже в тех случаях, если негативные проявления практически оставались неизменными. При сложившейся тогда ситуации экономическая целесообразность как бы запрограммировала случившуюся катастрофу.

Причины взрывов, пожаров и аварий, как видим, не были связаны с реальной подрывной деятельностью противника, являлись следствием бесхозяйственности, грубейших нарушений правил техники безопасности, преступной халатности или эксплуатации устаревшего и пришедшего в негодность оборудования. Выполняя свои задачи, органы государственной безопас-

ности стремились снизить реальную опасность чрезвычайных происшествий. Вопреки реальности руководство центральных и местных партийных органов и органов НКВД не сомневалось, что агенты германских спецслужб в советском тылу активно действуют. Иные мнения подвергались резкой критике. Решительный и беспощадный отпор получали рассуждения об отсутствии агентов врага на той или иной территории. Отсутствие фактов диверсий, вредительства и террористических актов как аргумент безапелляционно отвергалось. Следуя рекомендациям Берия, работники наркомата внутренних дел зачастую оказывали неприкрытое давление на сотрудников местных Управлений НКВД и ради получения нужных показателей работы требовали решительных действий, которые вступали в противоречие с законом.

Значительное увеличение производства продукции для фронта неизбежно привело к усилению физических и моральных нагрузок трудящихся. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал непреложным законом работы в тылу. Принцип «Достичь цели любой ценой» был возведен в абсолют, зачастую в ущерб жизненно важным интересам граждан, без учета резкого снижения их жизненного уровня. Экономическое положение широких слоев населения существенно ухудшилось вследствие продовольственных затруднений. До 1 февраля 1942 г. в глубокий тыл СССР было перевезено 12,4 млн человек, во время второй волны эвакуации летом 1942 г. — еще 8 млн. Резко возросшее население требовалось обеспечить нормированным снабжением. Но для этого на местах не было в достаточном количестве ни запасов продовольствия, ни источников их пополнения. Сколь-нибудь существенной помощи не смог оказать и колхозный рынок. Местные власти, озабоченные в первую очередь выполнением возросших обязательных поставок сельскохозяйственной продукции государству, активно начали ограничивать вывоз колхозниками продуктов питания на продажу. Под угрозой репрессий в конце 1941 г. ввели категорические запреты торговых сделок между сельским населением и лицами, не проживающими на территории сельского Совета. Как оказалось, потребовалось очень мало времени, чтобы и без того маломощный колхозный рынок оказался почти полностью парализованным. Естественно, цены на продукты питания вне сферы государственной торговли стремительно росли. Например, цены на колхозных рынках в 1943 г. по сравнению с уровнем 1940 г. на продукты растениеводства увеличились в 12,6 раза и на продукты животноводства — в 13,2 раза⁷⁰. Даже

наиболее квалифицированным рабочим продукты с рынка были недоступны. К лету 1942 г. продовольственные затруднения стали ощутимы не только в городах, но и в сельской местности тех областей, где было размещено большое количество эвакуированных. Это являлось дополнительным фактором социальной напряженности.

Положение усугублялось широкомасштабной бесхозяйственностью и хищениями. О тысяче тонн сгнившего при хранении зерна идет речь только в одном спецсообщении УНКВД по Куйбышевской области, направленном в местный обком ВКП(б). Десятки пудов зерна исчезали — порой бесследно — с пунктов заготовки и хранения, сотни тонн хлеба в ряде областей расходились помимо официальных каналов реализации. Перерасход хлеба был тесно связан с преступными махинациями, разбазариванием, так называемым «самоснабжением» должностных лиц и спекуляцией. Все это сокращало и без того скудные запасы продуктов, оставляемых в тылу на собственные нужды после обязательного выполнения государственных поставок. Как результат — перебои снабжения хлебом, произвольное сокращение местными властями хлебных норм в полтора-два раза, что вызывало негативную реакцию в трудовых коллективах. Причинно-следственную связь между заботой о рабочих, их политической позицией и производительностью труда подчеркнул начальник ЭКО УНКВД по Горьковской области Гусев: «Рабочий класс, не получая пайка, дает этому контрреволюционные толкования. И вполне естественно: в этом месяце не дай пайка, в следующем месяце не дай пайка рабочему — это все отражается на выполнении производственного плана и на его политическом настроении»⁷¹.

Даже практически единственный доступный источник физического существования рабочих и служащих — заводская столовая — не был гарантированным. В мае 1942 г. службой политического контроля почтовых отправок Управления НКВД по Свердловской области зафиксировано характерное письмо одного из рабочих г. Невьянска: «Я бываю день сыт, а два дня голоден. Работать больше сил не хватает. Ноги не ходят, стоять не могу. Голова кружится. Не столько работаем, сколько сидим. Не знаю, как я переживу...»⁷². Дело в том, что к заводским столовым прикреплялись лица, к заводам никакого отношения не имеющие, обмеры и обвесы чередовались с исчезновением сотен килограммов мяса, масла, жиров, сахара, хлеба и других продуктов. Поэтому порции произвольно сокращали, и порой часть рабочих возвращалась в цеха, вообще ничего не получив

в столовой. Подобные факты вызывали наиболее острое недовольство трудящихся.

Заметное влияние на их политические настроения оказывало и отсутствие нормальных жилищно-бытовых условий в промышленных городах, население которых после размещения эвакуированных резко увеличилось. Так, к концу 1941 г. в Челябинскую область прибыло 365 159 человек, 80 600 человек остались на жительство в областном центре, население г. Златоуста возросло на 40%. Такое положение было практически во всех промышленных областях Урала и Поволжья. В домах и квартирах местных жителей поместилась сравнительно небольшая часть прибывших, и «за пустой угол или даже кладовую, коридор» цены оказались взвинчены настолько, что платить за постой ни эвакуированные, ни беженцы были не в состоянии. В феврале 1942 г. из Куйбышева в СНК РСФСР докладывали, что большинство прибывших размещены в не приспособленных для жилья помещениях, но платить даже за такие «квартиры» приходилось от 50 до 150 рублей⁷³. Решая сложнейшую жилищную проблему, под жилье срочно приспособляли все, что можно, возводили бараки, сооружали полужемлянки, рыли землянки.

Плохим жилищным условиям, тесноте, скученности сопутствовала бытовая неустроенность. Она заключалась в отсутствии в достаточном количестве постельных принадлежностей, одежды и обуви, топлива, средств личной гигиены, канализации и т. п. К этому следует отметить неудовлетворительную работу бань, прачечных и других предприятий бытового обслуживания, плохое водоснабжение. Грязь, холод и сырость в землянках, отсутствие мусорных ящиков, помойных ям и туалетов, клопы и завшивленность — все это являлось неотъемлемой частью быта. Физическое истощение, предельные нагрузки на работе, антисанитария и тяжелые бытовые условия приводили к повышенной заболеваемости населения, вспышкам дизентерии, эпидемиям сыпного и брюшного тифа. В декабре 1941 г. в Саратове было зарегистрировано 24 случая сыпного тифа, за 26 дней января 1942 г. — 88. В Свердловске в ноябре 1941 г. сыпным тифом заболело 26 человек и 122 в декабре⁷⁴.

Эвакуированным и беженцам, по сравнению с местными жителями, пришлось испытать большие трудности и лишения, которые подавляющее большинство трудящихся переносило мужественно и терпеливо. Проявления недовольства рабочих и служащих были бы абсолютно незначительными, если бы не сказывались некоторые важные факторы. Прежде всего необхо-

димо отметить, что в повседневной работе сотрудники органов государственной безопасности сталкивались с многочисленными фактами бездушного отношения к согражданам со стороны государственных и партийных чиновников. Особенно негативно воспринимались трудящимися действия должностных лиц, формально носившие законный характер. В таких случаях недовольство переносилось с конкретного бюрократа на всю социально-политическую систему. Точное соблюдение законов в труднейших условиях военного времени позволило бы снять политическую окраску недовольства и предотвратить некоторые негативные процессы в трудовых коллективах. Однако далеко не все власть имущие это осознавали. Более того, злоупотребления служебным положением доходили порой до цинизма, что особенно проявлялось при распределении продовольствия и промышленных товаров. Не в силах ограничить незаконное получение продуктов руководящими работниками районного и областного ранга, секретари обкомов ВКП(б) пытались организовать их снабжение через централизованные фонды, обращались по этому поводу в ЦК ВКП(б) и находили там понимание. Появились закрытые распределители для снабжения руководящих работников. Вскоре в обкомы партии из управлений НКВД пошла информация о негативных политических настроениях среди населения, вызванных социальной несправедливостью. Так, в октябре 1941 г. начальник УНКВД по Челябинской области Булкин доложил секретарю ОК ВКП(б) Сапрыкину, что в одном из ларьков-распределителей для советско-партийного актива всем прикрепленным хлеб ежедневно выдавался на 25% больше норм, установленных государством. Дележ продуктов старались делать тайком, при закрытых дверях, но тайна стала достоянием трудящихся, и возникли «политически нездоровые» настроения⁷⁵. Однако вместо устранения причин этих настроений они были узаконены в масштабах страны. «Начальство живет — войны не чувствует... Кругом неправда, и это... очень действует морально: для одних военное время, а для других его нет»⁷⁶, — слова работницы куйбышевского завода вошли в справку УНКВД (на десяти листах машинописного текста с другими подобными высказываниями) о настроениях среди эвакуированных рабочих для секретаря ОК ВКП(б) Никитина.

Несмотря на ужесточение законодательства, должностные преступления носили массовый характер. Территориальные органы государственной безопасности вскрывали многочисленные факты злоупотреблений служебным положением и информировали о них местные комитеты ВКП(б). Семейственность,

пьянство, моральное разложение, грубость, поборы, косвенное и прямое участие в преступных махинациях, хищениях и спекуляции — далеко не исчерпанный перечень, убедительно свидетельствующий, что перерождение номенклатурных кадров, о котором власти впервые решились открыто сказать лишь на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС⁷⁷, произошло задолго до Великой Отечественной войны, а в ее ходе лишь проявилось со всей очевидностью.

Опираясь на множество фактов, можно проследить взаимосвязь: там где переродившиеся номенклатурные кадры возглавляли партийно-государственные органы и общественные организации, там идеологическая работа оказывалась запущенной, производительность труда снижалась, связь с массами утрачивалась. Именно там фиксировались так называемые «антисоветские» действия рабочих и служащих, которые «должного отпора со стороны комсомольцев и некоторых коммунистов не получают, а наоборот, зачастую коммунисты и комсомольцы поддерживают отсталые настроения и разговоры...»⁷⁸. Исходя из объективной оценки оперативной обстановки многие оперативные работники и их начальники считали, что беспощадная борьба с конкретными должностными лицами, извращавшими суть политической работы и злоупотреблявшими служебным положением, является одним из важнейших условий победы над врагом.

Таким образом, приведенный выше анализ архивных материалов показывает, что неудовлетворительная работа партийных, советских и хозяйственных органов в связи с перебазируанием объектов промышленности из прифронтовых областей СССР оборачивалась необходимостью использования органов государственной безопасности. Органы госбезопасности были наделены контрольно-инспекционными и хозяйственно-организаторскими функциями, к исполнению которых они оказались легко приспособлены благодаря обостренному чувству ответственности оперативных работников за порученное дело и строгой дисциплине среди личного состава; наличию разветвленной агентурно-осведомительной сети, позволявшей своевременно вскрывать недостатки и оперативно на них реагировать; тесному взаимодействию с другими органами госбезопасности, партийными органами и органами государственной власти. Органы государственной безопасности оказались практически единственной реальной силой, которая осуществляла государственное принуждение и репрессивными методами компенсировала недостатки в работе партийно-государственного аппарата.

В том качестве, подменяя соответствующих должностных лиц, сотрудники госбезопасности способствовали успешному решению важных задач по сохранению и восстановлению наиболее важной части военно-экономического потенциала СССР.

Примечания

¹ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 8044. Оп. 1. Д. 547. Л. 50.

² Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы / Сост., вступ. ст. и коммент. П.Н. Кнышевского, О.Ю. Васильевой, В.В. Высоцкого, С.А. Соломатина. М., 1992. С. 121–122.

³ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ РФ). Ф. 3. Оп. 8. Д. 140. Л. 25; Там же. Оп. 9. Д. 119. Л. 5.

⁴ Как те, так и другие тщательно изучили эти архивные материалы и активно использовали их, в частности, в подрывной идеологической борьбе против СССР.

⁵ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 г. М., 2000. С. 98.

⁶ Там же. С. 98.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 3106. Л. 2, 4–10, 12–22, 24–31.

⁸ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С. 20. О трудностях и ошибках в оценке обстановки на фронтах на начальном этапе Великой Отечественной войны писали и другие военачальники (См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 264–272; Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. М., 1988. С. 62, 79–80 и др.).

⁹ Например, решение ГКО по эвакуации броневозного стана Мариупольского завода указывает на исключительное значение последнего в производстве военной продукции (Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 8044. Оп. 1. Д. 586. Л. 110–111).

¹⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 11. Л. 113–114.

¹¹ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1946. С. 14.

¹² ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 240. Л. 42.

¹³ Там же. Л. 45–46 (стиль изложения сохранен).

¹⁴ Убедительным подтверждением того, что выступление Сталина по радио 3 июля 1941 г. многими воспринималось именно как руководство к действию, служит обращение военного прокурора Витебского гарнизона военного юриста 3-го ранга Глинки к своему начальнику 5 июля 1941 г.: «Хочу заняться основным вопросом — это проведение в жизнь Директив Государственного Комитета Оборона, высказанных в речи тов. Сталина. Думаю в связи с этим возбудить несколько дел

среди паникеров и дезорганизаторов тыла...» (Скрытая правда войны: 1941 год. С. 115).

¹⁵ Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 207.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1805. Л. 93.

¹⁷ Там же. Д. 461. Л. 114.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 591. Л. 7, 8, 11, 50–51. Аналогичная ситуация сложилась в связи с эвакуацией заводов Наркомата танковой промышленности (См.: Ермолов А.Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 2009. С. 92–114).

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 863. Л. 145, 229.

²⁰ Там же. Д. 61. Л. 105; Скрытая правда войны: 1941 год. С. 173.

²¹ Там же. Д. 166. Л. 76–77.

²² Цит. по: Куманев Г.А. Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941–1945. М., 1988. С. 73–74.

²³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 837. Л. 15–16.

²⁴ Там же. Л. 20; Д. 863. Л. 36–37, 90.

²⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 863. Л. 166.

²⁶ Там же. Д. 11. Л. 1.

²⁷ Центральный государственный архив Нижегородской области (далее — ЦГА НО). Ф. 3074. Оп. 7. Д. 77. Л. 18.

²⁸ Там же. Л. 154.

²⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 62. Л. 3.

³⁰ Там же. Д. 837. Л. 8; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2406. Л. 246.

³¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 863. Л. 29.

³² Куманев Г.А. Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941–1945. С. 75.

³³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 863; Там же. Л. 96; Там же. Д. 943. Л. 49–50.

³⁴ Там же. Д. 837. Л. 9–10.

³⁵ Там же. Л. 4.

³⁶ Там же. Д. 838. Л. 47–48.

³⁷ Там же. Д. 61. Л. 105.

³⁸ Там же. Д. 837. Л. 48–49.

³⁹ Там же. Д. 943. Л. 150.

⁴⁰ Там же. Л. 64.

⁴¹ Архив Управления ФСБ по Самарской области (далее — АУФСБСаО). Арх. № 31019. Л. 72.

⁴² Цит. по: Загорюлько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург»: о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. 3-е изд., доп. М., 1980. С. 63.

⁴³ Рокоссовский К.К. Солдатский долг // Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 56–57.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1772. Л. 146.

⁴⁵ Москва военная. 1941–1945. С. 92, 106–112, 116–119, 122–123.

⁴⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 7. Л. 4; Москва военная. 1941–1945. С. 116–117.

⁴⁷ Там же. Д. 838. Л. 48.

⁴⁸ На Ногинском заводе № 12 группа рабочих в количестве 100 человек настойчиво требовали от дирекции завода выдачи хранившихся на складе 30 тонн спирта. Опасаясь серьезных последствий, директор завода Невструев принял решение спустить спирт в канализацию.

⁴⁹ Москва военная. 1941–1945. С. 92.

⁵⁰ Эшелоны идут на Восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. М., 1966. С. 138, 140.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1596. Л. 177.

⁵² Оружие Победы / И.В. Бах, И.И. Вернидуб, Л.И. Демкина и др.; редкол.: В.Н. Новиков и др.; под общ. ред. В.Н. Новикова. М., 1987. С. 400, 403.

⁵³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1111. Л. 453, 474.

⁵⁴ Там же. Л. 477.

⁵⁵ Один из типичных примеров по материалам военной цензуры: в октябре 1942 г. отправитель письма из Куйбышевской области Садртдинова сообщала: «Здесь очень строго: если норму не выполнишь за 12 часов, приходится работать 18–20 часов, иначе с завода не отпустят» (АУФСБСаО. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 40. Л. 68).

⁵⁶ АУФСБСаО. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 14. Л. 113.

⁵⁷ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин и др.; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 368.

⁵⁸ Грабин В.Г. Оружие победы. М., 1989. С. 520.

⁵⁹ См.: Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956 гг.). М., 1956. С. 393.

⁶⁰ Например, о сталинском указании по производству авиационных пушек конструктора Шпитального см.: Из воспоминаний бывшего работника Наркомата вооружения СССР В. Новикова, август 1941 года // Мировые войны XX века: В 4 кн. / Ин-т всеобщей истории. Кн. 4: Вторая мировая война: Документы и материалы / Отв. ред. М.Ю. Мячков. М., 2002. С. 223; см. также: Оружие Победы. С. 135.

⁶¹ См.: Оружие Победы. С. 50; Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 122.

⁶² Государственный архив Самарской области (далее — ГА СаО). Ф. 2453. Оп. 1. Д. 103. Л. 54.

⁶³ Яковлев А.С. Цель жизни: Записки авиаконструктора. 5-е изд., перераб. и доп. М., 1987. С. 285.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1725. Л. 117; Там же. Оп. 43. Д. 1208. Л. 46.

⁶⁵ ЦГА НО. Ф. 2066. Оп. 7. Д. 18. Л. 28; Архив Управления ФСБ России по Свердловской области (далее — АУФСБСвО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 57–58.

⁶⁶ АУФСБСаО. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 15. Л. 124, 128.

⁶⁷ Приказ НКВД СССР № 001630 от 7 августа 1942 г. «О результатах проверки состояния агентурно-оперативной работы Миньярского райотделения УНКВД по Челябинской области».

⁶⁸ АУФСБСаО. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 14. Л. 44, 59–60; Д. 13. Л. 79; Д. 26. Л. 44.

⁶⁹ Там же. Д. 26. Л. 44.

⁷⁰ См.: Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 129.

⁷¹ Архив Управления ФСБ России по Нижегородской области (далее — АУФСБНО). Ф. 23. Оп. 6. Д. 49. Т. 2. Л. 150.

⁷² АУФСБСвО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123. Л. 22.

⁷³ ГА СаО. Ф. 725. Оп. 6. Д. 85. Л. 77–78; см. также: ЦГА НО. Ф. 3074. Оп. 7. Д. 75. Л. 102.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1596. Л. 41.

⁷⁵ Архив Управления ФСБ России по Челябинской области (далее — АУФСБЧО). Ф. 27. Оп. 1. Д. 6. Л. 21. См. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2076. Л. 49.

⁷⁶ АУФСБСаО. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 40. Л. 49.

⁷⁷ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27–28 января 1987 г. М., 1987. С. 13–14.

⁷⁸ АУФСБЧО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 7. Л. 92.

*И.В. Грибанова**

Труд в особых лагерях ГУЛАГа: Берлаг, 1948–1954 гг.**

Берлаг в лагерной системе Дальстроя

Формирование Берлага, развитие его производственной структуры

Начало организации особых лагерей в СССР было положено постановлением Совмина СССР № 416-159сс от 21.02.1948, которое возлагалось на Министерство внутренних дел (МВД) СССР. 28.02.1948 вышел приказ МВД № 00219 «Об организации особых лагерей МВД» в районах Инты, Норильска, Колымы, в Мордовии и в районе Караганды. В них решено было содержать «осужденных к лишению свободы шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности». Контингент особых лагерей предусматривалось комплектовать первоначально из подпадающих под эту категорию заключенных (без тяжело больных и инвалидов) общих исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), а в дальнейшем по направлению органов Министерства государственной безопасности (МГБ). Охрана таких лагерей возлагалась на конвойные войска МВД. В лагерях предусматривался только строгий режим. Запрещалось содержать вместе с ними осужденных за другие преступления, запрещалось применять к ним сокращение сроков наказания и другие льготы, использовать их предусматри-

* Грибанова Инна Васильевна — магистр истории, заведующая историко-краеведческим залом в пос. Усть-Омчуг Магаданской области.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 09-01-00256а.

валось на тяжелой физической работе. На Колыме было запланировано создать такой лагерь на 30 тысяч заключенных до 1 сентября 1948 г.¹

16.03.1948 появился совместный приказ МВД СССР, МГБ СССР и Генерального Прокурора СССР № 00279/00108/72сс «Об организации особых лагерей и тюрем МВД для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении последних по отбытии наказания в ссылку на поселение под надзор органов МГБ», в соответствии с которым кроме особых лагерей создавались и особые тюрьмы (во Владимире, Александровске и Верхне-Уральске) и предусматривалась ссылка после лагерного срока «в отдаленных районах», последняя мера касалась и тяжелобольных, и инвалидов, досиживающих или уже отсидевших срок в общих лагерях. Отчитываться о своих подопечных начальники лагерей должны были перед Отделом «А» МГБ СССР, Первым спецотделом МВД СССР, ГУЛАГом МВД СССР².

В соответствии с этими директивными документами на территории деятельности Дальстроя был создан особый лагерь (ОЛ) № 5 (Береговой, или Берлаг) МВД СССР. Начальником его был назначен полковник П.С. Бондаренко (с 27.04.1948 по 04.04.1950), его сменил полковник А.Ф. Васильев (по 25.06.1954)³. В середине 1948 г. для охраны контингентов Берлага на Колыму прибыли части 86-й дивизии конвойных войск МВД численностью 1765 чел., в 1950 г. численность подразделений дивизии достигала 3989 чел., а в 1951 г. еще прибыл 434-й полк конвойных войск из состава 77-й дивизии⁴.

Первоначально лагерь был организован как самостоятельный, входящий в систему ГУЛАГа, но с 1 января 1949 г. эта самостоятельность приказом МВД СССР № 754 от 09.12.1948 была ликвидирована, и он вошел в систему Управления ИТЛ (УИТЛ) Дальстроя, но как ОЛ, при этом часть отделов ОЛ была объединена с отделами УИТЛ, а начальник ОЛ стал заместителем начальника ИТЛ Дальстроя. В результате увеличилась отчетность и ухудшилась хозяйственно-финансовая деятельность Берлага. Встал вопрос: либо оставить его ОЛ, либо полностью слить с УИТЛ Дальстроя⁵.

«Эта реорганизация отразилась в худшую сторону работы и была исправлена приказом МВД СССР № 00986 от 24.10.1949 г. В январе 1950 г. согласно приказу МВД СССР № 001089 от 12.11.1949 г. из состава Управления ОЛ был изъят оперативно-чекистский отдел и передан в аппарат Управления МВД на Дальстрое. В августе 1950 г. на основании шифрограммы МВД № 2123 оперчекотдел вновь был

передан в аппарат Управления ОЛ. Такая частая реорганизация вредно отражается на работе аппарата Управления, а оставленная подчиненность в работе отдела кадров Управления ОЛ отделу кадров Управления ИТЛ Дальстроя просто является нездоровой опекой в работе отдела кадров УИТЛ», — писал в докладе за 9 мес. 1950 г. начальник Берлага⁶.

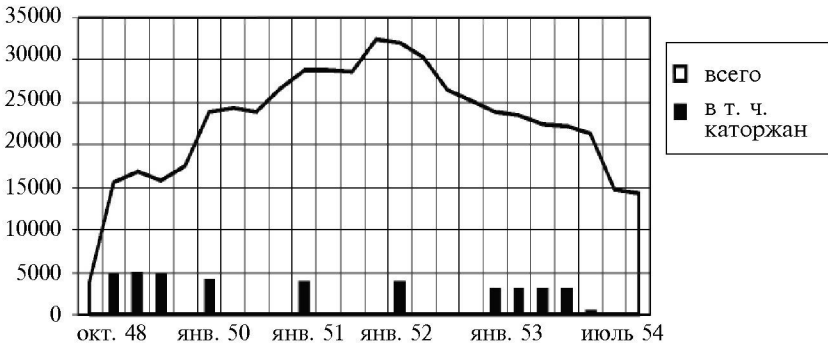
Из этого документа не очень понятно, что значит «исправлена» приказом от 24.10.1949. Судя по другим документам, Берлаг все же входил в систему УИТЛ Дальстроя, но как-то особо. Он отчитывался перед ГУЛАГом отдельно от УИТЛ Дальстроя, а те, в свою очередь, не включали его в свою отчетность.

На 15.12.1948 особый контингент был только в 13 лагерных отделениях (ЛО) в количестве 12 628 человек и еще 3254 чел. ждали своей очереди в транзитно-пересыльном пункте Магадана.

Максимальная численность Берегового лагеря в 32 440 чел. зафиксирована на 01.10.1951⁷, после чего она пошла на убыль (рисунок 1).

Рисунок 1

Численность заключенных Берлага на 1-е число каждого квартала, 1948–1954 гг.

Для составления графика использованы данные: Сталинские стройки ГУЛАГа / Сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М., 2005. С. 537–538. Для составления диаграмм: То же + ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1845. Л. 21; Д. 1848. Л. 2; Д. 2597. Л. 1, 35, 80.

Количество лагерных отделений увеличилось в 1951 г. до 17, состоящих из 41 жилой зоны⁸. Почти каждый лагерный пункт сопровождали так называемые лесные командировки, которые были и постоянными (круглый год), а зимой открывались еще и временные (был задействован избыток рабсилы). Лесные командировки обеспечивали предприятия крепежным лесом, деловой древесиной для строительства и дровами.

Формирование Берлага происходило далеко от «соответствия» приказам и инструкциям. Прежде всего, не выполнялись сроки. Так, в докладе начальника Берлага за 9 мес. 1950 г. сообщалось, что лагерь фактически вступил в организационный период с 01.10.1948, «который, в основном, закончен»⁹, а уже почти конец 1950.

Отобранные для Берлага заключенные из общих лагерей Дальстроя направлялись в его лагерные подразделения. Как это происходило, рассказывала С.Ф. Дмитерко, одна из переведенных в лагерный пункт «Вакханка»: «Сначала мы работали на парниках возле Магадана, охраны не было, режим был сносный. А осенью 1948-го нас посадили на машины и в тайгу. А там дали одежду с номерами, на работу (лес валить) ходили под конвоем и с собаками»¹⁰.

Вместе с особым контингентом в Берлаг, в т. ч. и по нарядам МГБ, попадали и те, кто должен был находиться по статейным признакам в общих лагерях. После различных проверок и уточнений происходили бесконечные рокировки заключенными, зафиксированные в различных документах. Например, в справке из Берлага в ГУЛАГ от 08.01.1950 г. сообщается:

«Береговому лагерю в 4-м квартале 1949 г. передано из Севвостлага 1167 чел. особого контингента. Кроме того, подлежат передаче 2867 чел., в т. ч. из районов Чукотки и Яны 1019 чел., которые могут быть переданы только после открытия навигации. В 1-м квартале может быть передано 1848 чел. Из Берегового лагеря в 4-м квартале в Севвостлаг передано 1724 чел. общего контингента. Еще подлежит передаче в Севвостлаг 1084 чел. До 15.01.1950 будет передано 450 чел. Остальных предполагается использовать в хозяйственной службе Берегового лагеря»¹¹.

В одном из ответов на очередной циркуляр МВД об организации лагеря и. о. Берлага Васильев пишет:

«Прошу обязать начальника Дальстроя генерал-майора Петренко произвести переброску самолетами за счет Дальстроя 864 заключенных с отдаленных лагерных отделений Севвостлага в лагерные отделения Особого лагеря, т. к. для данного вида перевозок заключенных Особый лагерь средствами не располагает»¹².

Такие перемещения были весьма дороги и достаточно бесполезны. Иначе как объяснить, что в справке от 08.01.1950 и в докладной записке начальнику ГУЛАГа Добрынину о ходе организации Берлага сообщается, что в отдаленных лагерях Чукотки и Яны на начало года содержалось 1019 чел. особого контингента и с началом морской навигации их предполагалось вывезти, а в докладе за 9 месяцев того же года говорится уже о 2949 таких

заклученных, содержащихся там же¹³. Похоже, что шел завоз, а не вывоз.

Другая причина, связанная с обменом контингентов, была чисто производственная. В докладной записке от января 1950 г. и. о. начальника Берлага Васильева начальнику ГУЛАГа Добрынину сообщается, что 584 чел., подлежащие передаче из Берлага в общие лагеря, являются ведущими специалистами горнорудных предприятий и по мере подготовки кадров из числа особого контингента они будут заменены¹⁴. С другой стороны, и общие лагеря не спешили передавать своих заключенных в Берлаг по той же самой причине. Очередной акт проверки комиссией ГУЛАГа констатирует, что приказ МВД о передаче контингентов в Берлаг и указания руководства Севвостлага не выполняются по причине игнорирования их начальниками ГПУ, которые задерживают у себя специалистов¹⁵, т. е. налицо явный конфликт интересов производства и карательной системы.

Кроме того, в связи с большим прибытием в конце 1950 г. новых контингентов в Берлаг и недостатком жилой площади особый лагерь вынужден был производить обмен контингентом при соотношении 1 : 1¹⁶. Только к концу 1951 г. Берлаг выполнил указания МВД СССР и полностью освободился от смешанных контингентов заключенных и передал не подлежащих содержанию в особых лагерях в лагеря общего режима УИТЛ Дальстроя¹⁷.

Следует заметить, что в общих лагерях Дальстроя доля «контрреволюционеров» на 01.09.1951 оставалась более 20 тыс. чел.¹⁸ (12% от общей численности), лишь не намного ниже всей численности Берлага. По стране же на середину 1951 г. доля «контрреволюционеров», находящихся в особых лагерях, составляла 40,5%, а в общих лагерях их было 59,5%¹⁹, в т. ч. только по статье за измену Родине в особых лагерях было 43%, а в общих — 57%²⁰. Все это, с одной стороны, стирало грань между особыми лагерями и общими, с другой стороны, ужесточало меру наказания для тех, кто за аналогичное преступление оказался в особом лагере.

Заключенная Л.Я. Драная последние два года своего пятилетнего срока провела в Берлаге, хотя даже формально (ст. 58 п. 12 за недонесение) должна была быть в общем, а реально вообще не подлежала осуждению и много позже была реабилитирована²¹.

Создание особых лагерей представляется абсурдным и с политической, и с экономической точек зрения.

Но указания МВД, как отмечалось выше, Берлаг выполнил, о чем свидетельствуют справки-характеристики всех лагерных подразделений Берлага на 01.03.1952. Все они имели усиленный режим содержания, а все заключенные по характеру преступлений относились к контрреволюционерам²². Однако в аналогичных справках-характеристиках на 01.01.1954 в некоторых лагерных подразделениях отмечались и другие категории заключенных, а именно, в ЛО № 6 (рудник «Каньон») 10% — «уголовно-бандитствующий элемент», причем все судимы в лагере за бандитизм, побег и другие преступления. В двух лагерных пунктах смешанного (мужчины и женщины) ЛО № 18 (Магадан) — 10,5% заключенных по характеру преступлений относились к «уголовно-бандитствующему элементу» и «прочим», т. е. осужденным за общеуголовные преступления²³. Были такие в меньшем количестве и в других ЛО, все они были осуждены вторично в лагере.

Большой проблемой при формировании Особого лагеря № 5 было недостаточное количество жилья и для заключенных, и для охраны. Проект инструкции по содержанию заключенных особых лагерей, которым руководствовались в лагере, предусматривал на каждого по 1,8 кв. м жилой площади и индивидуального спального места на двухъярусных нарах вагонной системы. На деле акты о проверке лаготделений, сделанные в декабре 1949 г., свидетельствуют, что до нормы было далеко: «Во 2-м лагерном пункте ЛО № 8 заключенные живут в бараках таежного типа, с низкими потолками и до того ветхих, что сдерживают их от падения лишь многочисленные подпорки»²⁴. В декабре 1949 г. средняя обеспеченность жилплощадью солдат конвойной службы была 2,4 кв. м/чел. (при норме 4 кв. м/чел.), а в некоторых ЛО она была намного ниже средней, например в ЛО № 4 она составляла 1,18 кв. м/чел., а в ЛО № 5 — 1,4 кв. м/чел.²⁵.

Разные задачи, стоящие перед руководством Дальстроя (выполнение производственных планов) и ГУЛАГом (выполнение режимных требований), нередко приводили к конфликтам. Так, например, начальник конвойных войск МВД СССР генерал-майор Бочков сообщил начальнику ГУЛАГа Добрынину 14.01.1950, что зам. начальника Дальстроя полковник т. Кузнецов потребовал от командира 86-й дивизии конвойных войск МВД принять под охрану ЛО № 3, 14, 15, 18 в составе особого лагеря № 5, а это невозможно, так как в ЛО № 3 (по обслуживанию золотоизвлекательной фабрики им. Берия) «лагерная зона, состоящая из деревянного забора, на $\frac{1}{3}$ разрушена. Внутренней предупредительной зоны нет. Освещение, сигнализация и

связь отсутствуют. Помещений для размещения личного состава войск не подготовлено, ограждений производственных участков нет». В ЛО № 15 (рудник им. Матросова) «лагерная зона не построена, поставлены только столбы. Помещений для размещения личного состава войск нет. Производственные объекты рудника никаких ограждений и освещения не имеют».

Так же характеризовались и два других объекта — прииски «Спокойный» и «Челбанья»²⁶.

Бывший заключенный лагерного отделения рудника им. Матросова А. Пыхтин рассказывал, что, когда их привезли на место, там не было ничего, и первое, что их заставили сделать, — поставить палатки и обнести их забором из колючей проволоки, то и другое делалось одновременно²⁷.

Не хватало не только жилья для заключенных и охраны, не хватало и самой охраны. В докладе начальника Берлага за 9 мес. 1950 г. сообщалось, что численность конвойных войск МВД «не обеспечивает нормальных условий работы лагеря и несения службы боекомплектом». Внутренняя служба лагеря осуществляется надзорсоставом с численностью 46,5% от нормы²⁸. Позже количество конвойных войск увеличилось, а надзорсостав составлял на 01.01.1951 и 1952 гг. уже 95,1% от нормы²⁹.

И жилые, и производственные зоны были плохо освещены. (На 01.10.1950 имелось 15–20% от потребности обеспечения прожекторами и лампами³⁰.) Бывшая заключенная рудника «Бутугычаг» А.В. Дзенькив помнит случаи, когда заключенные в темноте падали в горные выработки и разбивались³¹. Некоторые выработки этого рудника похожи на длинные и узкие, шириной 2–3 м и глубиной примерно 10–30 м, щели, идущие от поверхности земли, так обрабатывали рудные жилы, расположенные близко к поверхности или выходящие на поверхность. Их и днем-то трудно заметить, если не смотреть под ноги.

Специфика особого лагеря требовала строгой изоляции особого контингента от заключенных общих лагерей, и тем более вольнонаемных. На деле акты проверок, которые устраивали представители группы особых лагерей МВД в декабре 1949 г., констатировали: в ЛО № 16 (прииск «Днепровский») «вместе с з/к особого лагеря на производстве работают до 150 чел. в/н состава, большинство из них бывшие з/к и спецпоселенцы, кроме того на фабрике и в службе прииска работают до 60 з/к общего режима ОЛП № 5 исправительно-трудового лагеря, охраняемых конвойными войсками в общей производственной зоне. Охрана заключенных на работе в дневное время конвойными

войсками осуществляется по периметру обозначенной зоны, в оцепление которой входит 23 жилых помещения и магазин, где проживают вольнонаемный состав прииска и сотрудники ЛО»; в ЛО № 12 (пос. Оротукан) «изоляция з/к от в/н на заводе не отвечает требованиям инструкции. Вместе с з/к работают 350 в/н (бывшие заключенные и специалисты)». «Каторжане содержатся и используются на работе совместно с особым контингентом. На производстве особый контингент общается с вольнонаемными»³².

Проверяющие комиссии констатировали недостатки и нарушения, среди которых отмечались, как правило, отказы от работы, побег, подготовки к побегам, связь с населением, сожительство, бандитизм, хулиганство, пьянство, картежные игры и т. п. Руководитель Берлага в своих отчетах сетовал на руководство Дальстроя:

«Это результат того, что до настоящего времени (октябрь 1950 г. — *И.Г.*) на производственных объектах, охраняемых по периметру, проживает и работает контингент, не имеющий к особому лагерю № 5 никакого отношения, как то: заключенные общего режима, освобожденные из лагерей, спецпоселенцы и даже спецконтингент»³³.

В одном из документов ноября 1952 г. упоминается, что 85 производственных объектов особого лагеря ограждения не имели вовсе³⁴. В докладной записке начальника Берлага за 1-й квартал 1953 г. отмечаются все те же нарушения по изоляции особого контингента и невозможность их изжить (совместная работа, жилые дома, конторы, сберкасса в производственной зоне ОЛ), потому что «мер со стороны руководителей предприятий не принимается»³⁵. Так сложилось в Дальстрое, что жили там же, где и работали, а потому почти везде выгороженные жилые лагерные зоны соседствовали с домами вольных и производственными постройками. И никакие инструкции не могли нарушить заведенный порядок.

Одна из нескольких бывших жилых зон рудника «Бутугычаг» называется «Горняк», хотя бывшие заключенные чаще называли эту зону «Сопка». Зона до сих пор сохранилась в виде развалин. На склоне под самой вершиной довольно крутой сопки, где располагались горные выработки рудника, находилась жилая зона лагеря — два барака сложены из гранита (бутового камня), соединенного глиной (глыбы гранита тут же под ногами), третий барак в центре — двухэтажный, низ из гранита, верх деревянный. Остатки ворот со сваренной из железного прута эмблемой Дальстроя (пятыконечной звездой в центре которой буквы ДС).

Вокруг колючая проволока. Сразу под этой небольшой улочкой еще ряд небольших построек, возможно, там жила охрана. Над лагерем, сразу за колючей проволокой, еще был ряд построек, остались фундаменты от маленьких домиков. В одном из них — железная детская кровать и рядом детские качели. Вероятно, здесь жили семейные сотрудники рудника и лагеря. В общем, три ряда этих построек, где в центре — лагерная зона, расположены параллельно склону, где крыши домиков нижнего яруса совпадают с фундаментом следующего яруса. Вокруг этого разделенного колючей проволокой поселения расположены производственные постройки из того же гранита и горные выработки. На вершине сопки (высота 1400 м) метеостанция, которая работала здесь с 1947 г. до конца 1960-х годов. По многолетним наблюдениям метеостанции «Бутугычаг» выявлено, что это одно из самых ветреных мест Магаданской обл., средняя скорость ветра в январе составляет 10,5 м/сек, а максимальная — 50 м/сек. Повторяемость загиший в год составляет 9%, а число дней с метелью составляет 100 дней в году. Средняя температура января: $-31,3^{\circ}\text{C}$), июля $+9,6^{\circ}\text{C}$ ³⁶.

Впечатления от лагеря «Сопка» бывшего заключенного Берлага Г.Н. Эльштейна (Горчакова), прошедшего в этой зоне часть 1949 и 1950 г., упомянуты в его книге, названной как его лагерный номер «Л-1-105»:

«На самой-самой плешине огородили забором два каменных мешка-барака, сбоку еще каменная пристройка-столовая — вот и весь тебе лагерь.

На «Сопке» ничего, кроме камня: никакой растительности, ни кедрового стланика, ни даже лишайника — одни гольцы. Нигде земляной дорожки не обнаружишь. Без подъема или уклона десяти шагов не пройдешь.

По лагерю гуляет только ветер собачий. Дует беспрестанно, вся разница, что другим боком повернется, ведь высота ничем не защищена.

Воды в лагере никакой — ни водопроводной, ни колодезной. Даже грязи никогда не бывает: если дождь или снег тает — все моментально уходит под гору. Основной источник воды — топят снег»³⁷.

Заключенные особых лагерей, как и каторжане, обязаны были носить номера на одежде, только нумерация тех и других имела некоторые различия (у каторжан была буква и одно число, а у особого контингента — буква и два числа), гражданская одежда запрещалась.

Лагерные отделения Берлага на территории Дальстроя преимущественно были сконцентрированы в районах центральной

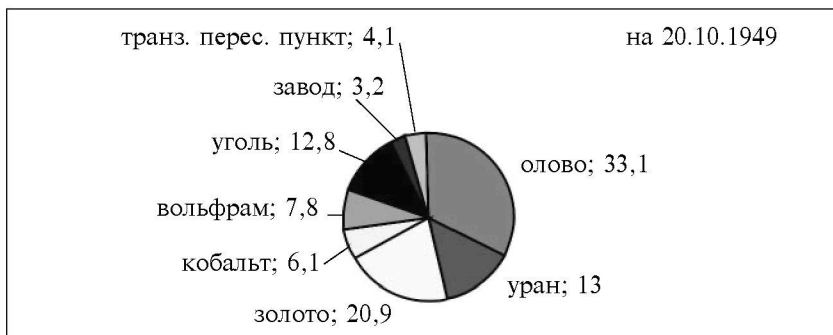
Колымы, одно, самое удаленное от Магадана (1126 км) — в Индигирском ГПУ в Якутии, и 2 в Магадане.

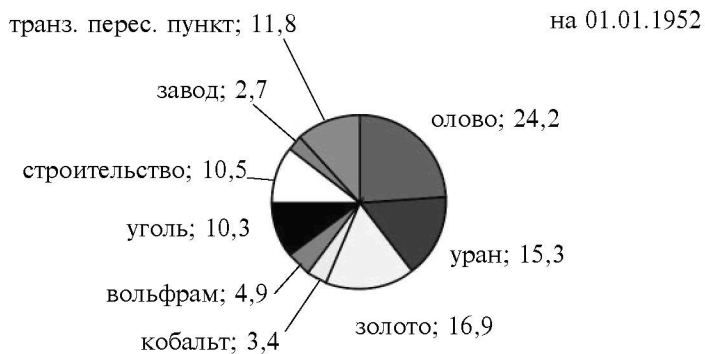
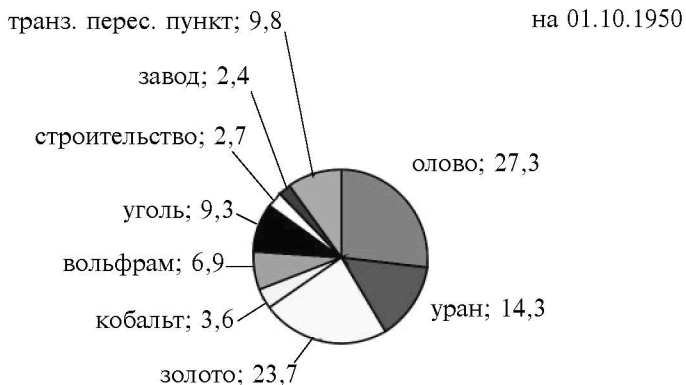
Отделения особого лагеря были дислоцированы на самых тяжелых и опасных предприятиях — рудниках, где добывали олово, золото, кобальт, вольфрам и уран (в среднем до 70% населения Берлага работало там), в Аркагалинском и Эльгенском угольных районах (11%). Рудники и угольные шахты — это работа под землей. Другие заключенные работали на Оротуканском заводе горного оборудования (меньше 3%), на строительстве Аркагалинской электростанции и на промышленных стройках Первого управления п/я № 14 и управления «Колымснаб» в окрестностях Магадана (рисунок 2).

Заключенные Берлага работали на добыче оловянной руды (касситерита) на рудниках «Хениканджа», «Бутугычаг», им. Лазо, прииске «Днепровский»; золота на рудниках им. Белова, им. Матросова, Утинском ЗРК, прииске им. Горького; урана на горнорудном комбинате «Бутугычаг», вольфрама на горнорудном комбинате «Аляскитовый», кобальта на Верхне-Сеймчанском комбинате «Каньон».

Рисунок 2

**Количество заключенных Берлага (в %),
занятых в разных отраслях Дальстроя**

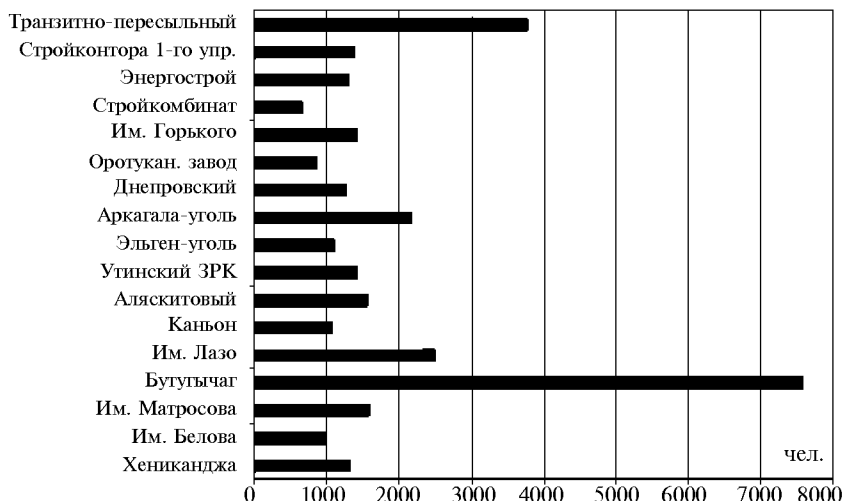
Составлено по данным: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 59, 227; Д. 650. Л. 172–173; Д. 551. Л. 78–138; на 15.12.1948. — Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... Магадан, 2002. С. 137 (есть ссылка на ГА МО. Ф. р-23сс. Оп. 1. Д. 230. Л. 105); на 20.05.1951 г. — Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Морук. М., 2005. С. 406–407. Граница на диаграммах между добычей оловянных и урановых руд, кроме двух последних диаграмм, достаточно условна, так как на руднике «Бутугычаг» добывали и олово, и уран, возможно, небольшое занижение по урану.

Первенство по насыщенности особым контингентом держал «Бутугычаг», где добывали олово и уран (рисунок 3). А вот второе место по численности особого контингента практически постоянно все годы держал транзитно-пересыльный пункт (ЛО) в Магадане. Более 11% общей численности заключенных находились не на производстве, а в «транзитке» «без вывода на работу» и содержались там подолгу, большая часть из них были женщины.

Женщины-заключенные представляли большую проблему для руководства Берлага. По принадлежности к особому контингенту, и даже к каторжанкам, они должны были использоваться на тяжелых и особо тяжелых работах. А в силу специфики предприятий использование только женского труда было практически невозможно. Разрешения же на организацию смешанного труда (вместе с мужчинами) от руководства Министерства не было, вот и держали их на «транзитке», не зная, куда девать. Из докладной начальника Берлага:

«Нерешенным и бесперспективным продолжает оставаться вопрос в части размещения и трудоустройства особого женского контингента, который оказался не только излишней рабсилой, а по существу Дальстрой не имеет в своем хозяйстве профилей для применения женского труда и тем более из числа особых контингентов.

**Размещение заключенных Берлага
по предприятиям на 01.01.1952**

Составлено по данным: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 650. Л. 172–173.

Подземные горнорудные работы в условиях вечной мерзлоты относятся к мужскому тяжелому физическому труду, где женский труд в чистом виде не применим и мало, как показала практика, производителен: другие же менее тяжелые работы — сельскохозяйственные и др. вспомогательные не инвентарные работы — комплектуются женским контингентом общего режима, осужденным за бытовые преступления на малые сроки и расконвоированным. Не имея этих преимуществ, плюс режимные ограничения и отсутствие профилей работы для применения женского труда привело к тому, что до 50% женского контингента продолжают содержаться в транзитном лаг-подразделении на группе «Д» как забалансовый контингент... причём этой категории з/к насчитывается свыше 2500 чел., которых с открытием навигации можно без ущерба деятельности Дальстроя передать на пополнение других особых лагерей»³⁸.

Судя по тому, что совместная работа мужчин и женщин во всех актах проверок отмечалась как нарушение, руководство все же было вынуждено пойти на нарушения. Смешанные лагерные отделения были в Магадане, где заключенные работали на строительных объектах, женщин там было примерно в 2 раза больше, чем мужчин³⁹.

Как ни пытался начальник лагеря избавиться от женщин, «профили работы» нашлись и для них. Лаготделение № 1 было

женским все годы его существования, а это подземные работы на руднике «Хениканджа». Там были мужчины, но очень мало. На 01.03.1952 1217 женщин и 81 мужчина, на 01.01.1954 1123 женщины и 8 мужчин⁴⁰.

И.Г. Логинова, бывшая заключенная этого лагеря рассказывала:

«Мы когда первый раз подъезжали к Хеникандже, то увидели большую колонну людей, которые подходили к горе и все куда-то исчезали. Это всех нас так поразило, почти все мы были с Западной Украины, ничего подобного никогда раньше видеть не приходилось. А на следующий день и мы оказались в этой горе, дырку-то в ней (устье штольни) с машины было не видно. Когда нас подвели к ней, все боялись туда идти, кричали, рыдали, молились, думали, что нас тут хотят похоронить заживо. Пока охрана не начала смеяться и говорить, что работать нас привезли, а не убивать. Стоило, мол, везти вас сюда в такую даль, чтобы убить»⁴¹.

В горнорудном комбинате «Бутугычаг» тоже были женские зоны (Вакханка, Кармен, Детрин). Сначала они входили лагерными пунктами в ЛО № 4. Во 2-м квартале 1952 г. его разделили, образовав еще ЛО № 16, куда вошли женские зоны⁴². Их обитательницы работали на руднике № 2, дробильной и обогащательной фабриках, обслуживали бремсберги (рудоспуски) и узкоколейку по доставке руды из горных выработок на фабрику, работали на лесозаготовках, расчищали перевалы зимой от снега⁴³.

Многовекторность подчиненности особых лагерей создавала массу проблем. Трения по поводу направления в особые лагеря не того контингента, о чем выше упоминалось, между МГБ и ГУЛАГом существовали всегда.

МГБ и МВД несколько лет не могли согласовать вопрос об инструкции по режиму содержания заключенных в особых лагерях, так и работали по проекту инструкции, утвержденной приказом МВД. МГБ требовало жестких мер, а МВД в силу многих причин не могло их исполнить⁴⁴. Другое противоречие было связано с направлением заключенных в ссылку после окончания срока заключения. Делалось это по нарядам отдела «А» МГБ СССР из Москвы, которые постоянно задерживались, и из-за этого заключенные пересаживали в лагере, хотя и ссылка для них была там же, на Колыме, часто даже в том же поселке, где был и лагерь. Начальник Берлага почти ежемесячно в течение 1950–1951 гг. докладывал в вышестоящие инстанции сообщения, подобные такому: «По состоянию на 13 апреля 1951 г. в лагере 102 з/к юридически срок наказания отбыли, а фактиче-

ски содержатся в лагере из-за неполучения нарядов от Отдела «А» МГБ СССР»⁴⁵.

Особые лагеря обходились государству дорого. Так, например, министр внутренних дел СССР Круглов докладывал министру госбезопасности Абакумову и Генеральному прокурору Сафонову в 1949 г., когда было организовано 7 особых лагерей с лимитом содержания в них 145 тысяч заключенных:

«Необходимо считаться с тем, что, кроме высокой стоимости содержания особых лагерей (лагеря на 145 000 з/к стоят в год 680 млн руб., не считая стоимости войсковой охраны), заключенные этих лагерей не могут быть по условиям режима полноценно использованы на работе»⁴⁶.

Округляя численность Берлага в среднем до 25,5 тыс. заключенных, получается, что он должен был обходиться государству ежегодно по 120 млн руб. Расходы на содержание Берлага за первые годы с учетом транзита, но без содержания войсковой охраны и его доходы от использования труда заключенных приведены в таблице 1⁴⁷ (1952 г. дан с учетом расходов на охрану)⁴⁸.

Таблица 1

Год	Средне- списочное число з/к ⁴⁹	Доход (тыс. руб.)	Расход (тыс. руб.)	Рентабель- ность (тыс. руб.)
1948		21 144	47 212	-26 068
1949		138 753	126 336	+12 417
1950	27 384	222 729	150 671	+72 058
1951	30 197	275 800	157 400	+118 400
1952	27 467	263 531	255 053	+8478

Со второй половины 1951 г. войсковая охрана была переведена на общелагерный бюджет, в связи с этим сумма рентабельности изменилась и стала +76 600 тыс. руб.⁵⁰ Исходя из этого получается, что стоимость охраны за полгода составила 41 800 тыс. руб. Учитывая, что 1951 г. был максимальным по количеству заключенных в Берлаге и, вероятно, по количеству охраны тоже, можно предположить, что в 1950 г. доходы лагеря были практически нулевые, а 1949 г. наверняка перейдет в минус. В 1952 г. превышение доходов было уже меньше, наметилась тенденция к сокращению.

После смерти Сталина в лагерной системе СССР прошла большая реорганизация. Особый лагерь № 5 на основании

распоряжения МВД СССР от 09.04.1953 по акту от 06.05.1953 был передан в ведение УМВД по Хабаровскому краю, а в июне 1954 г. ликвидирован. Все его лагерные подразделения были переданы УСВИТЛу⁵¹.

Таким образом, Берлаг как один из особых лагерей являлся частью репрессивной политики по отношению к политическим заключенным и был создан с карательной целью. Подчиненность лагеря Дальстрою, ГУЛАГу и МГБ вызывала конфликт интересов всех сторон, так как задачи в отношении лагеря были разнонаправленными. В итоге приоритетными стали экономические задачи в ущерб остальным (режимным, бытовым, оперативным). Дальстрой использовал заключенных Берлага на самых тяжелых и опасных работах.

Рабочая сила Берлага

Берлаг комплектовался из особо опасных государственных преступников, к которым относились осужденные по политическим мотивам или, как тогда называлось, «за контрреволюционную деятельность». Как отмечалось выше, при формировании лагеря в него попали и не контрреволюционеры, от которых Берлаг окончательно избавился только в 1951 г.

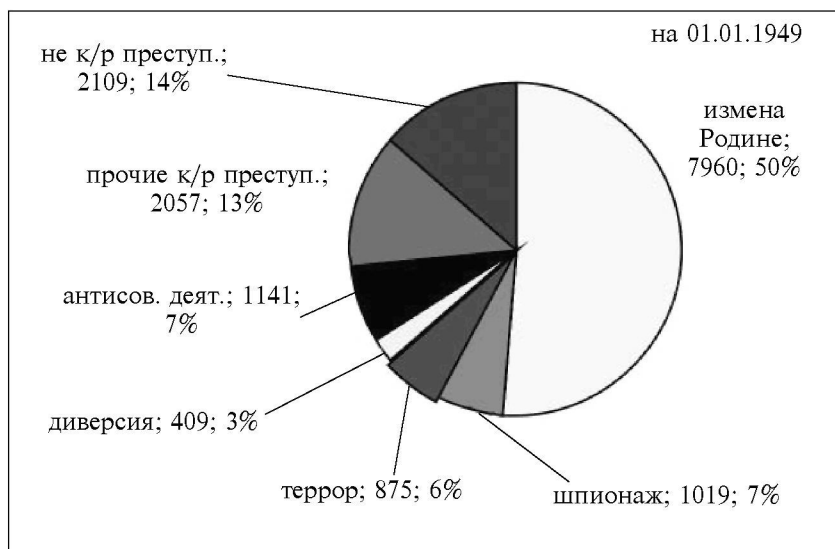
Почти половину заключенных Берлага по составу преступлений составляли националисты, среди них украинские составляли 77,2%, литовские — 13,1%, польские — 3,8%, латышские — 2,3%, эстонские — 1,9%, белорусские — 1,2%. Еще от 14 до 16% составляли те, кто служил в карательных органах оккупантов на ответственных постах или был секретным агентом этих органов. Шпионы, террористы и диверсанты составляли стабильно все годы 16% от общей численности заключенных, а среди шпионов около 67% составляли немецкие шпионы, японские — 10,5%, появились и шпионы бывших союзников США и Англии (вместе 12,5%), а один заключенный являлся шпионом Латинской Америки. Еще 2–3% заключенных были осуждены за участие в зверствах оккупантов. Троцкисты, правые, эсеры и белоэмигранты в общей сложности составляли менее 0,5% от всех заключенных⁵² (рисунок 4).

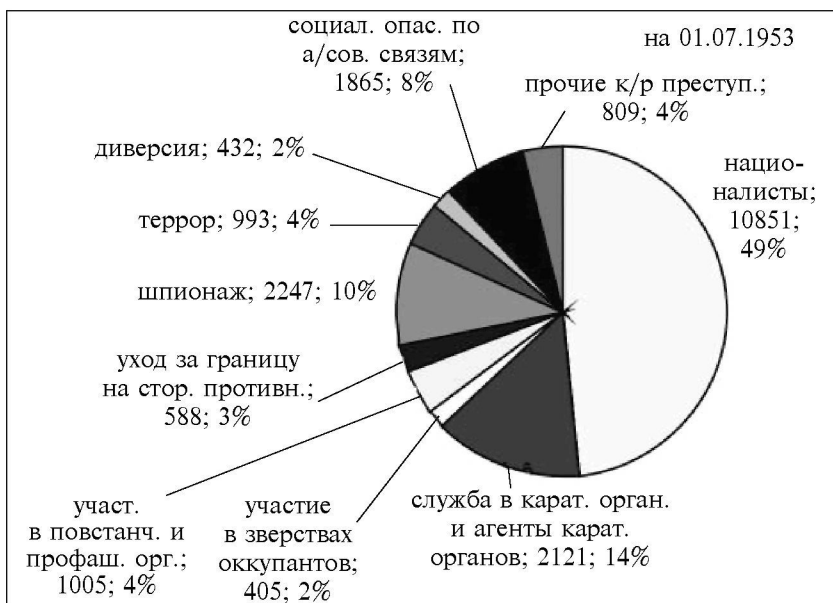
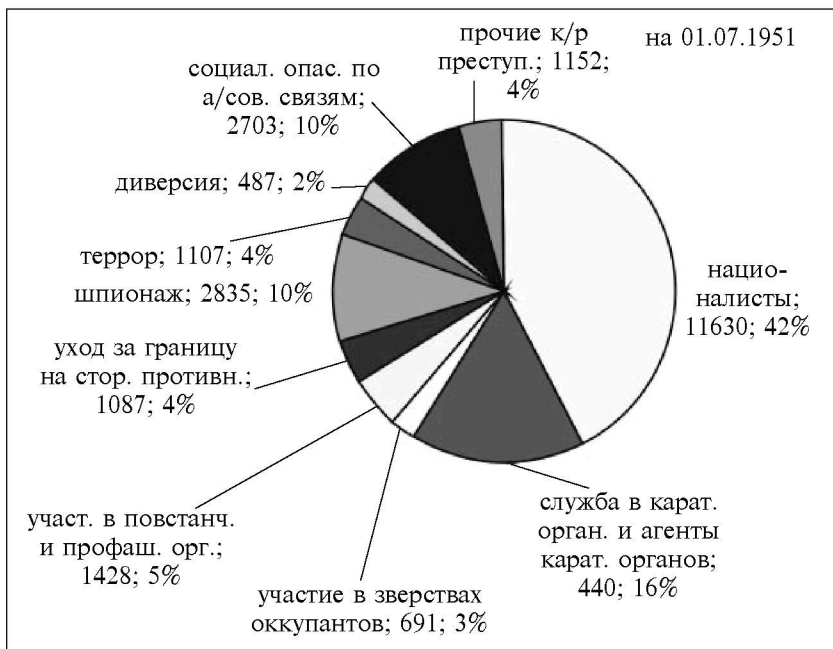
Среди берлаговцев были как действительные преступники, так и мнимые, осужденные несправедливо. Сколько было виновных и невиновных? Полной статистики по реабилитированным пока, к сожалению, нет.

Находились среди заключенных Берлага и осужденные к каторжным работам. На 01.01.1949 их численность составляла 4801 чел., или 30,8% от общего числа⁵³. В последующие годы количество каторжан в Берлаге как в абсолютном, так и в процентном отношении было меньше (в 1950–1953 гг. — 12–15%) (см. рисунок 1), вопреки бытующему в литературе мнению, что чуть ли не все колымские лагеря были каторжными. Следует заметить, что каторжане были также и в лагерях Севвостлага в специальных лагерных пунктах⁵⁴. А всего в колымских лагерях (Берлаг и Севвостлаг) на начало 1951 г. содержалось каторжан 10,4% от общего количества каторжан в лагерях ГУЛАГа⁵⁵. Каторжные работы были введены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. за пособничество врагу в расправах над населением и пленными в годы войны⁵⁶. После образования особых лагерей многие каторжане, бывшие в Дальстрое, кроме не пригодных к работе, оказались в Берлаге. Не подлежащие направлению в особые лагеря и физически здоровые каторжане направлялись в Воркутлаг, Норильлаг и Севвостлаг в специальные лагерные зоны для каторжан⁵⁷.

Рисунок 4

Численность заключенных Берлага по составу преступлений

Составлено по данным: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1845. Л. 21; Д. 387. Л. 139–140; Д. 1385. Л. 219.

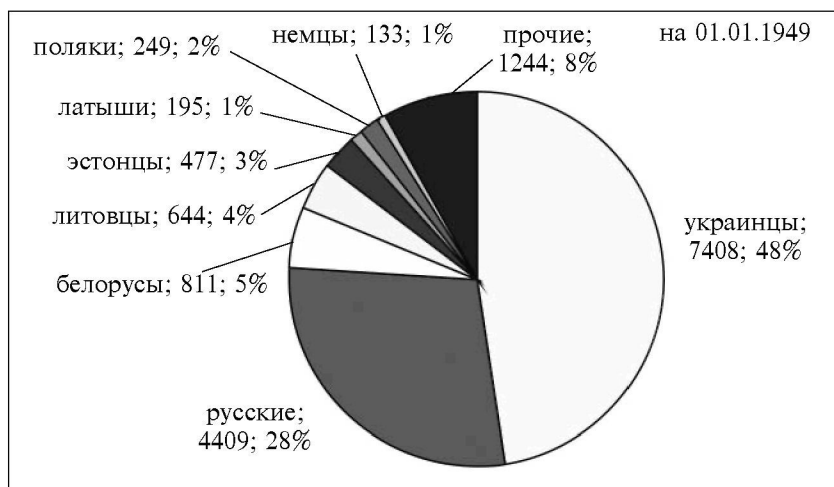
По национальному составу заключенные Берлага распределялись следующим образом (рисунок 5). Половину из них составляли украинцы, в основном из западных районов Украины, так называемые бендеровцы, 8–16% — прибалты (преимущественно литовцы), доля тех и других с течением времени росла, так же как и поляков (с 2 до 4%), а доля русских уменьшалась как в процентном, так и в абсолютном выражении (от 28 до 15%). Это было связано, очевидно, с тем, что среди общего контингента, который первоначально попал в Берлаг, преобладали русские. Доля белорусов составляла 5–4% общей численности. Остальные 8–7% представляли граждане более 30 национальностей.

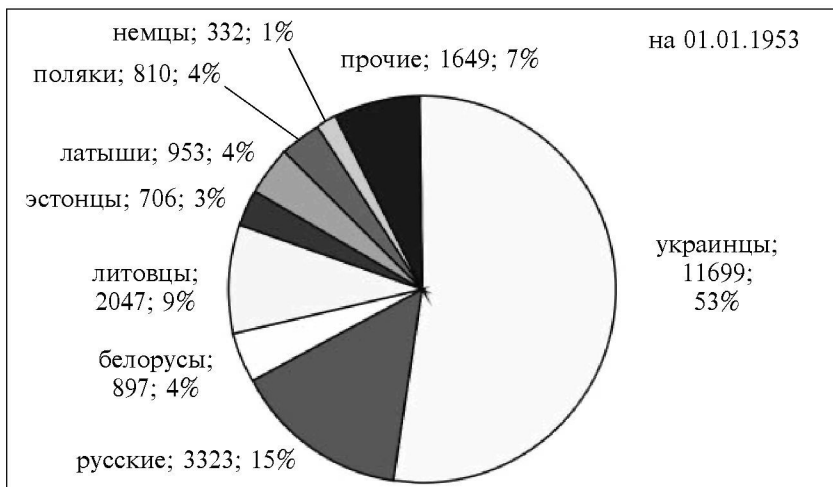
Это вполне согласуется с составом преступлений, приведенным выше, так как именно жители оккупированных территорий, особенно тех, что накануне войны вошли в состав СССР, обвинялись в пособнической или буржуазно-националистической деятельности.

2,7% заключенных Берлага (на 01.07.1953) составляли иноподданные 18 государств и лица без гражданства. Лица без гражданства среди этой категории составляли более 26%, около 19% были граждане Венгрии (но венгров по национальности среди них было чуть больше половины), 12% — граждане Польши, 11% — Кореи, 9% — Германии. Однако поляки и немцы по национальности в подавляющем большинстве были гражданами СССР⁵⁸.

Рисунок 5

Состав заключенных Берлага по национальности

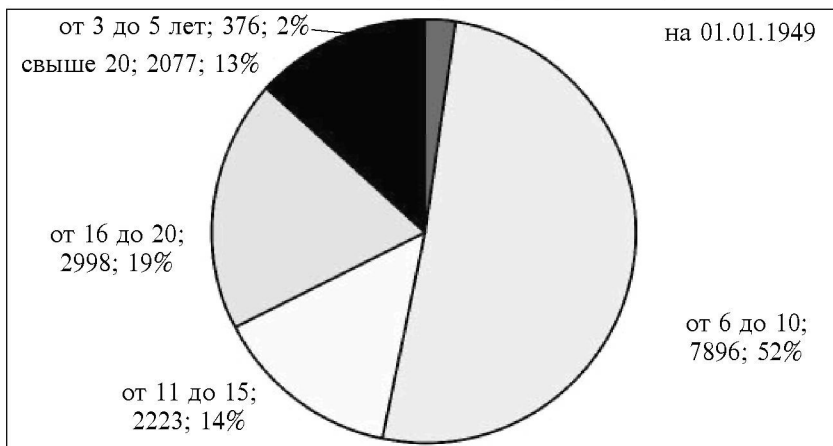

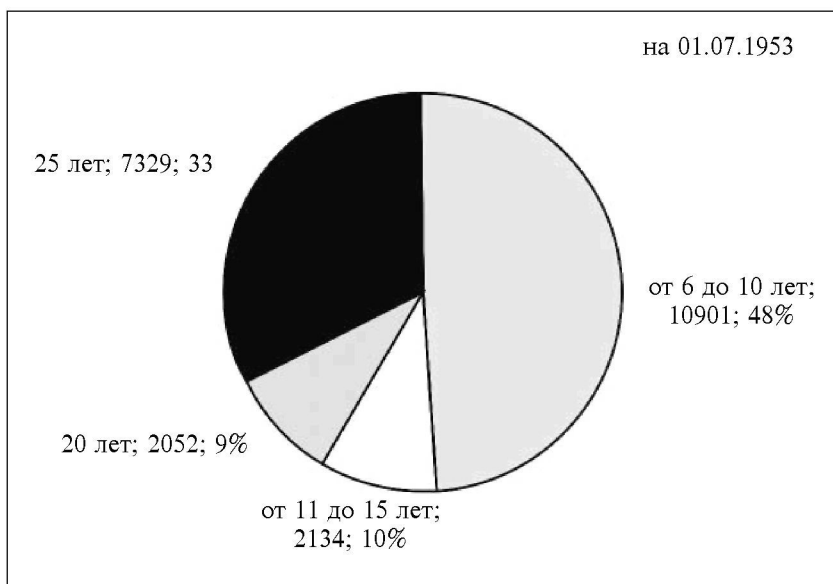
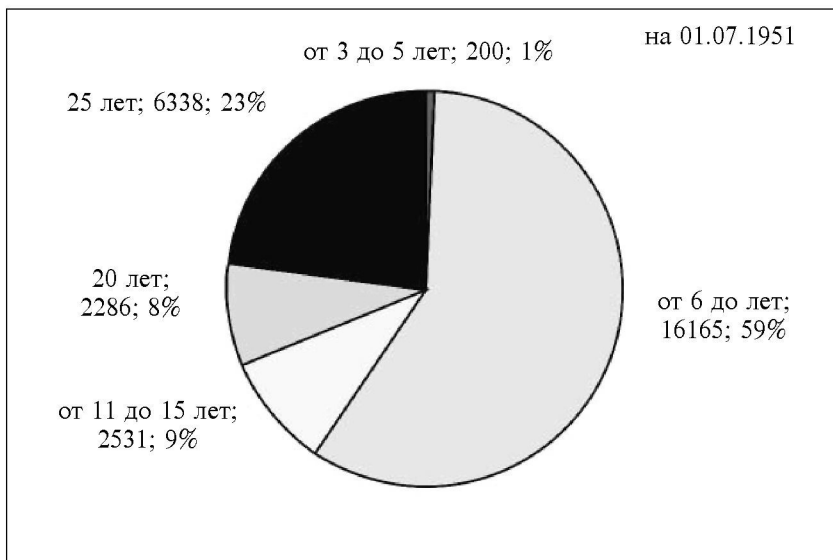
Составлено по данным: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1845. Л. 21; Д. 1385. Л. 219.

Заключенные Берлага имели очень большие сроки наказания (рисунок 6). Срок от 3 до 5 лет имели единицы (2% на начало 1949 г., в 1953 г. таких уже не было), половина имели 6–10 лет, причем преимущественно было 10 (об этом упоминали почти все интервьюируемые автором бывшие заключенные Берлага, живущие в пос. Усть-Омчуг). А удельный вес заключенных со сроками 20–25 лет увеличивался с каждым годом, и в 1953 г. таких было больше 40%.

Рисунок 6

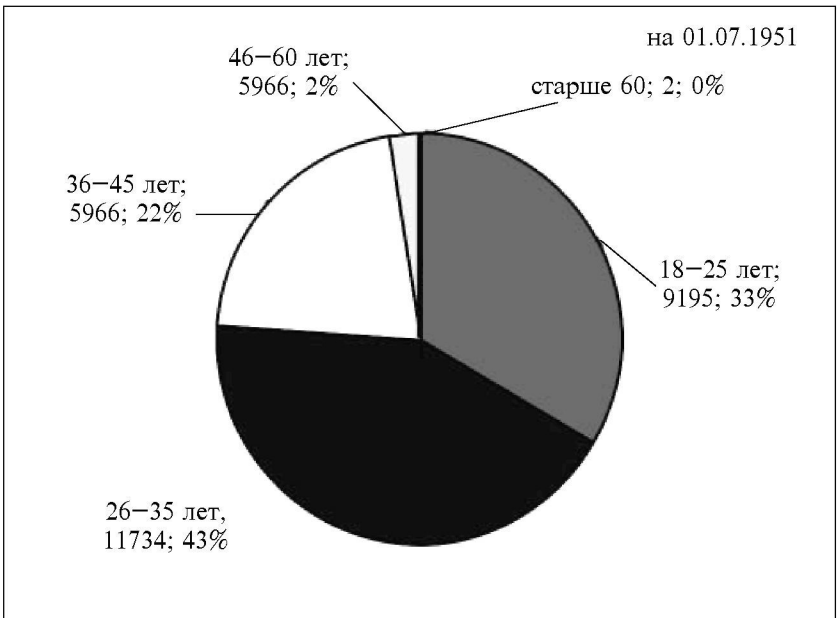
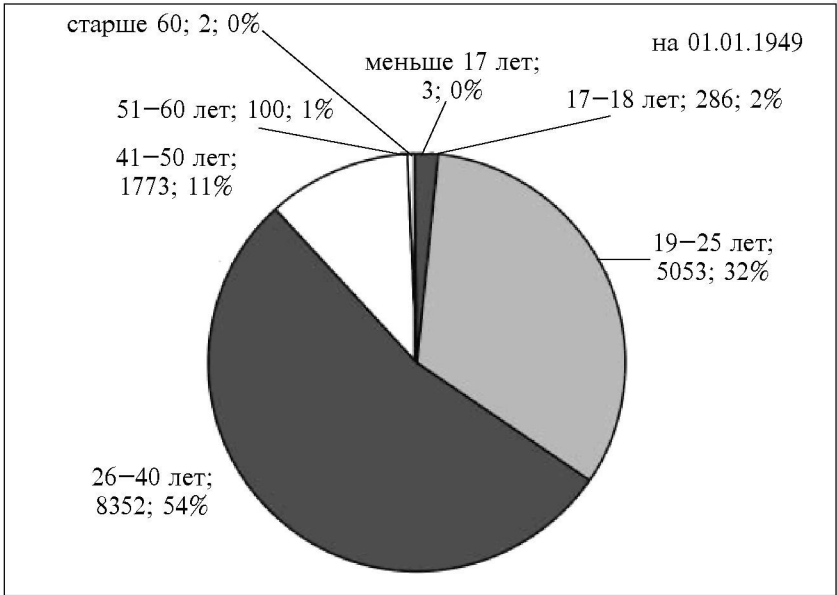
Численность заключенных Берлага по срокам осуждения

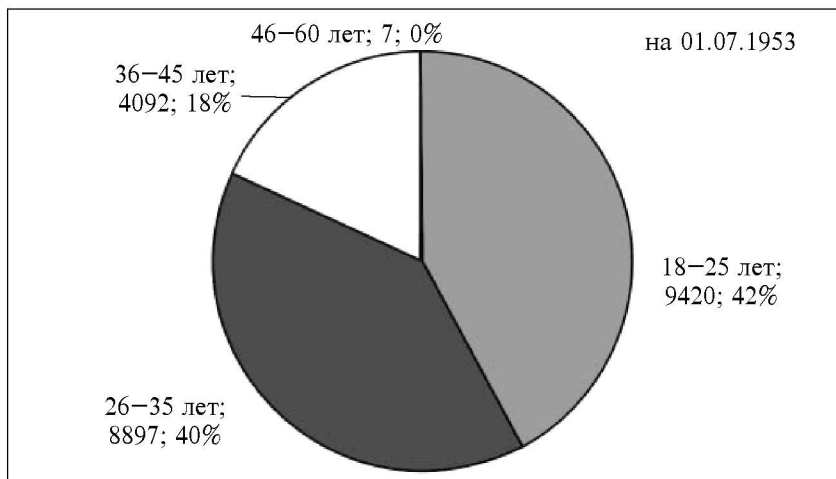

Составлено по данным: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1845. Л. 21; Д. 387. Л. 136–139; Д. 1385. Л. 219.

Численность заключенных Берлага по возрасту

Составлено по данным: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1845. Л. 21; Д. 387. Л. 136–139; Д. 1385. Л. 219.

По возрасту это были молодые люди от 18 до 35 лет (76–82%) (рисунок 7). Старше 60 лет были единицы, мало и только в самом начале деятельности Берлага были и моложе 18 лет. Берлаг пополнялся самой молодой группой (до 25 лет), а остальные группы в процентном отношении уменьшались. Уменьшение шло в основном за счет освобождающихся. Так, за все годы существования Берлага в него было завезено 50 310 заключенных, из них было освобождено за тот же период 12 825 чел. (25,5%), за 1948–1953 гг. умерло 1609 чел. (3,2%) и бежало 22 (0,04%) за указанный период. За 1954 г. данных по умершим и бежавшим нет.⁵⁹

По своему физическому состоянию заключенные делились на три трудовые группы (1-я, 2-я и 3-я), кроме этого была еще подгруппа 3 ин. т. (т. е. годные к индивидуальному труду) и 4-я (инвалиды). Месячные сводные статистические данные о физическом состоянии заключенных ГУЛАГа отмечают до марта 1949 г. постоянное ухудшение физического состояния заключенных Берлага (см. таблицу 2).

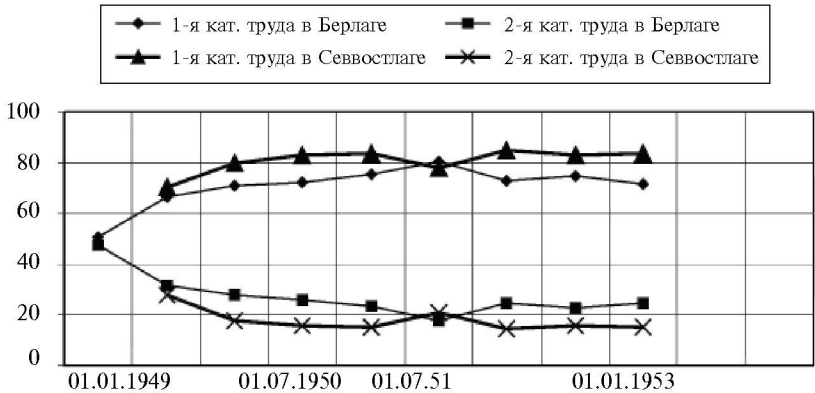
Далее отмечается постоянный рост 1-й категории до августа 1949 г. (на 01.08.1949 — 23,3%, инвалидов — 1,6%)⁶³. В августе 1949 г. категории труда были пересмотрены на следующие группы: 1-я категория (годные к тяжелому труду), 2-я категория (ограниченно годные) и инвалиды⁶⁴. В последующие годы удельный вес 1-й категории превышал 70%, но при этом росла и доля инвалидов (3,8% в 1953 г.) (рисунки 8, 9).

Таблица 2

На дату	1-я кат. %	2-я кат. %	3-я кат. %	3-я ин. т. %	4-я (инв.) %
01.11.1948 ⁶⁰	22,3	39,7	24,3	11,3	1,6
01.01.1949 ⁶¹	16,6	41,9	30,8	9	1,7
01.02.1949 ⁶²	15,6	40,6	32,8	7,8	2,3

Рисунок 8

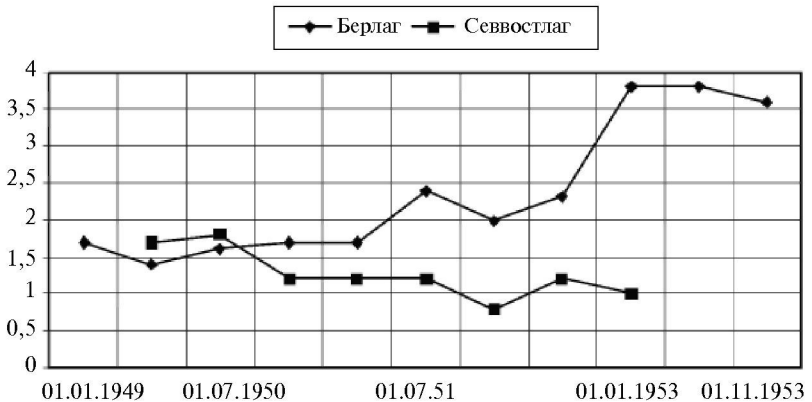
**Физический профиль заключенных (категории труда)
(в % к списочному составу)**

Составлено по данным: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 Д. 1860. Л. 210; Д. 2842. Л. 43; Д. 2856. Л. 4; Д. 2861. Л. 5; Д. 2872. Л. 2; Д. 2879. Л. 3.

Рисунок 9

Удельный вес инвалидов (%) от списочного состава

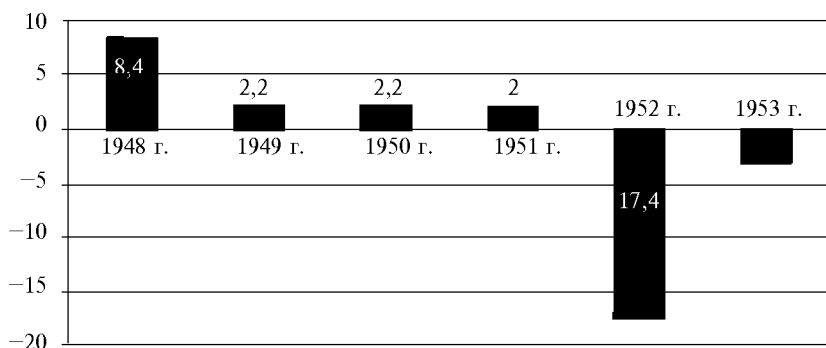

Составлено по данным: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1 Д. 1860. Л. 210; Д. 2842. Л. 43; Д. 2856. Л. 4; Д. 2861. Л. 5; Д. 2872. Л. 2; Д. 2879. Л. 3; Д. 2597. Л. 21, 104.

Можно предположить, что в первый год много было переведенных из общих лагерей Дальстроя, уже утративших здоровье. В последующие годы относительная стабильность 1-й категории труда поддерживалась, во-первых, за счет новых поступлений физически здоровых и молодых людей, количество прибывших в лагерь до 1952 г. превышало количество убывших заключенных. В 1952–1954 гг. из Берлага убывало больше людей, чем в него прибывало, особенно в 1952 г. соотношение убыло/прибыло равно 17,4 (рисунок 10).

Рисунок 10

**Соотношение прибывших (+) в Берлаг
и убывших (–) из него в разные годы (в разы)**

Составлено по данным: Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М., 2005. С. 538.

Во-вторых, возможно, что соотношение категорий поддерживалось искусственно, в целях «сохранения лица». Так, в одном и том же документе (докладная записка о работе Берлага за 1951 г.) на одном листе медико-санитарной службой называется 23,2% заключенных 2-й категории, на другом, где объясняется процент увеличения не выполняющих технические нормы выработки, называется в качестве одной из причин наличие уже свыше 25% заключенных 2-й категории труда. «Естественно, из них какая-то часть работала на подземных физически тяжелых работах без снижения норм на категорийность, в связи с чем эта категория заключенных не выполняла технормы по своим физическим недостаткам»⁶⁵.

Инвалиды с остаточной трудоспособностью использовались в лагерной службе⁶⁶. Однако в 1953 г. их количество уже слишком велико для Берлага, и начальник лагеря просит руковод-

ство Тюремного управления, в подчинение которого перешел Берлаг, о ретэапировании 800 инвалидов с Колымы, ответ был отрицательный⁶⁷.

В сравнении с лагерями Севвостлага видно, что физическое состояние заключенных там в этот же период было значительно лучше (1-й категории более 80%, а инвалидов от списочного состава меньше 1,5%) (см. рисунки 8, 9). Это подтверждает, что строгий режим особого лагеря в одних и тех же климатических условиях быстрее приводил к ухудшению физического состояния заключенных. Это же подтверждают и данные по смертности в Берлаге, особенно в первые годы (уровень смертности самый высокий по сравнению с другими особлагами в стране)⁶⁸. Так, в 4-м кв. 1948 г. смертность в Берлаге составляла 0,37% от списочного состава, в 1-м кв. 1949 г. — 0,34%, в 1-м кв. 1950 г. — 0,1%, в 3-м кв. 1950 г. — 0,08%⁶⁹. Среди причин смертности чаще всего называются алиментарная дистрофия, воспаление легких и производственные травмы. Так, в одном из санитарных документов отмечено, что в 1-м квартале 1949 г. умерло 150 чел., из них 73% в возрасте 20–40 лет, и половина умерших относились к рабочему контингенту⁷⁰.

Женщины составляли почти пятую часть заключенных особого лагеря (в конце 1948 г. — 13,9%, на 01.12.1949 — 17,4%, на 20.05.1951 — 22%, на 01.07.1953 — 20%) и более 19% от общего количества каторжан в 1952–1953 гг. составляли женщины⁷¹. О проблемах с их трудоустройством отмечалось выше.

Большая часть лагерного контингента была привезена с запада страны и преимущественно из сельской местности. А потому специалистов горняцких профессий практически не было, что не могло не сказаться на производительности труда. Не зря при каждом невыполнении норм или планов начальники сетовали на неумелость заключенных из новых этапов⁷².

«Заключенные из новых этапов, ранее никогда не работавшие в горной промышленности, составляли 73%, а среди бурильщиков их было 85%»⁷³ — это о руднике им. Матросова еще доберлаговского периода, но и после смены контингента в нем на особый положение поначалу мало изменилось.

«В числе заключенных, содержащихся в особом лагере № 5, преобладает крестьянская прослойка из Западной Украины и Прибалтики, которые в прошлом занимались сельским хозяйством и не имели представления о подземных горнорудных работах в условиях вечной мерзлоты и низких температур».

По состоянию на 01.07.1950 содержалось специалистов ведущих профессий (таблица входит в цитату. — *Прим. ред.*)⁷⁴:

	Горняки	Строители	Металлисты	Всего
Инженеров	12	57	25	94
Техников	13	65	18	96
Квалиф. рабочих	566	906	971	2443
Всего:	591	1028	1014	2633

Поэтому из-за неумения нередки, наверно, были курьезы на производстве, подобные тому, о котором рассказала И.Г. Логинова:

«Меня заставили рельсы в штольне класть, надо было рельс изогнуть, чтобы сделать поворот. Мужик какой-то дал инструмент, велел его крутить, а сам ушел. Я не знала, что крутить надо было в разных местах рельса, крутила в одном и сломала рельс. Испугалась страшно, ну, думаю, за это расстреляют, сочтут вредительством, молиться начала... обошлось. Потом-то я заправской горнячкой стала, даже бригадира немного заменяла»⁷⁵.

Несмотря на то что ручного труда было много, но многое уже было и механизировано. Нужны были специалисты. Учиться приходилось на месте. Было организовано массово-техническое обучение без отрыва от производства через индивидуальное и бригадное обучение. Берлаг ежеквартально отчитывался — сколько учатся, сколько окончили⁷⁶. Новые профессии в них получили тысячи человек. Из отчета Берлага за 1950 г.:

«За 2-е полугодие обучено заключенных массовым профессиям 4700 чел., в 1-м полугодии, 1654 чел., обучается 230 чел. Выполнение плана технического обучения за год составляет 92%.

В 1-м и 4-м ЛО проведена большая работа по подготовке массовых горных профессий из женщин. Подготовлено много женщин бурильщиков, откатчиков, бурозаправщиков и др. Многие из них значительно перевыполняют технические нормы и стали отличниками производства. Так, бурильщицы-женщины Гавринская, Барсук, Шевчук, Пришляк (4-е ЛО) и др. выполняют технические нормы от 140 до 151%»⁷⁷.

Исходя из анализа состава заключенных Берлага также видно, что первопричиной его создания были политические мотивы. Иначе зачем надо было везти так далеко совершенно не квалифицированную рабочую силу. Выгоднее было бы набирать заключенных где-нибудь в Донбассе, Кузбассе, на Урале, где горные выработки не столь диковинны, как для «западников». Да и внутри Дальстроя с экономической точки зрения не было надобности перемещать массы заключенных из одного лагеря в другой иногда на такую же работу.

Условия содержания заключенных Берлага

После войны состояние всех лагерей Дальстроя было крайне тяжелое. Наблюдался постоянный срыв снабжения всех структур Дальстроя. На этом фоне происходило формирование особого лагеря с бессмысленным перераспределением заключенных по территории из одних лагерных подразделений в другие при хронической нехватке автотранспорта, жилья, продуктов и вещевого довольствия.

Проблема с жильем оставалась все годы существования лагеря. Для особого лагеря согласно распоряжению МВД СССР № 544 от 21.08.1949 жилплощадь на 1 з/к была временно снижена от нормы в 1,8 кв. м до 1,5 кв. м⁷⁸, но не выполнялась и она. Ежегодно вводились в эксплуатацию новые лагерные объекты — бараки для заключенных, казармы для охраны и общежития для надзорсостава, жилые дома для сотрудников лагеря, служебно-штабные, лечебные помещения, коммунально-бытовые объекты, наблюдательные вышки, ограждения и др. объекты. Проводился ежегодно капитальный и текущий ремонт старых помещений. И все равно был дефицит всего, так как рост пополнения нового контингента не успевал за строительством.

Таблица 3

	За 1949 г.	За 9 мес.1950 г.	За 1951 г.
Построено и введено в эксплуатацию силами лагеря разного вида площадей (кв. м) ⁷⁹	12 949	20 518	32 319
В т. ч. жилье для з/к	10 465		5346

	На 01.01.1950	На 01.01.1951	На 01.01.1952
Жилой площади на 1 з/к (кв. м) в среднем по лагерю ⁸⁰	1,18	1,06	1,1
В т. ч. (кв. м)	В 4, 7, 8, 11-м ЛО — 0,8	В 4-м ЛО — 0,82	В 4-м ЛО — 0,9, в транзит. ЛО № 19 — 0,43

Причем для некоторой части заключенных их квадратные метры располагались и зимой тоже в утепленных палатках и землянках и в 1951, и в 1952 гг. и включались в отчетные данные общей площади⁸¹.

Кроме того, строительство сдерживалось из-за недостатка цемента, извести, гвоздей, делового леса, кровельных материалов⁸². В бывшем ЛО № 1 (Хениканджа) автор видела, что дранка под штукатурку на домах крепилась вместо гвоздей острыми деревянными палочками или скобками из нарезанного мягкого металла, а вместо собственно дранки (плоских деревянных полос) использовались ветви кустарников.

Среди хозобслуги лагерных подразделений объявлялись конкурсы на лучший барак, секцию, в свободное время изготавливали жесткий инвентарь — скамейки, вешалки, столы; белили бараки. Премией был табак, вожделенный продукт, которого не хватало⁸³. Кстати сказать, причину промотов вещдоговательства (а их за 1949 г. в Берлаге зафиксировано 2202 на сумму 205 тыс. руб.⁸⁴) руководство лагеря видело «в отсутствии денег у заключенных на покупку табака, которого в пайке дается крайне мало»⁸⁵. В перечне содержимого посылок, присланных заключенным Берлага родственниками за 1949 г., отмечено, что в них было 2,5 т табаку, 20 т продуктов и всего 46 штук постельных принадлежностей⁸⁶. Вероятно, это то, что заключенные просили и в чем был особенный дефицит.

Несмотря на то что содержание Берлага обеспечивалось государством, разумеется, по очень жестким нормам, но и они не очень-то соблюдались. Так, например, расход на содержание 1 человека в день за 11 мес. 1951 г. составлял⁸⁷:

Таблица 4

	По плану (руб.)	Фактически (руб.)
Всего расходов	15,69	14,64
в том числе по ст. 7 Содержание контингента»	9,91	9,65
из них: по питанию	7,03	6,42
по вещдоговательству	2,76	2,55

Недорасход объяснялся отсутствием ассортимента продуктов. Положенные по норме овощи, которых практически не было, как правило, заменяли обойной мукой из расчета — вместо 8 кг овощей давали 1 кг обойной муки⁸⁸.

«Горячей пищей заключенные обеспечиваются 3 раза в день, за исключением части бригад, работающих в шахтах 5, 6 и 3-го ЛО, где не организовано трехразовое питание горячей пищей.

В ассортименте в основном овсяная и ячневая крупы, мясорыбные консервы в т. ч. и в детском питании. Осенью 2–3 мес. бывает кашеная капуста» —

писалось в докладной записке о состоянии работы и деятельности лагеря за 1951 г. и подчеркивалось, что по сравнению с 1950 г. питание улучшилось. В районе близ Магадана было создано подсобное хозяйство, где работали инвалиды⁸⁹. Бывшие заключенные-женщины «Вакханки» действительно помнят эту капусту, которую их иногда посылали сажать, только обычно добавляют, что в их меню эта капуста была из верхних зеленых листьев, белая шла на другие столы. Присутствие консервов как-то не замечалось, супы были на гидрожире, из селедки или рыбьих голов и хвостов горбуши. Зато норма хлеба была хорошая, только из плохой муки и плохого качества⁹⁰.

Во многих лагерных подразделениях вода была из ручьев, а зимой привозная, потому что ручьи зимой вымерзают. Топили снег, который был со вкусом аммонита, так как вблизи жилья были горные выработки, где проводили взрывные работы.

Ритмичность в поставках и недостаточное количество было и с обеспечением заключенных вещевым довольствием. В докладной записке Берлага по состоянию на 01.02.1950 написано, что в обеспечении заключенных имеется одеял 64%, зимних портянок 82%, шапок-ушанок и валенок (или бурок) 98%. В аналогичном документе от января 1952 г. отмечалось, что на 01.11.1951 обеспеченность бушлатами составляла 70%, телогрейками — 75%, шароварами ватными — 55%, зимними портянками — 16%, одеялами — 70%, подошвенным войлоком — 30%. Правда, к началу 1952 г. теплым обмундированием весь контингент был обеспечен, кроме зимних портянок и одеял⁹¹.

«Валенки, которые делает Магаданский промкомбинат с занижением шерсти на 1 пару (вместо 1 кг 900 г — 1 кг 650 г) приходят в негодность через 1–2 мес. (за 10 дней дают усадку на 2–4 номера, поэтому в лагере их распаривают и сажают на правило, чтоб растянуть). Срок их носки по норме 2 года. Две пары рукавиц на год мало, надо 4»⁹².

В бывшей центральной лагерной зоне Бутугычага автор наблюдала большую свалку из полуистлевшей обуви (сапоги, рабочие башмаки), которую носили заключенные. Большинство ее было подшито кусками от автопокрышек и материалом, похожим на пожарный шланг, вероятно, это были старые транспортерные ленты.

То обстоятельство, что усредненные нормы носки теплой одежды и обуви совершенно не подходили ни к условиям работы, ни к условиям жизни на Колыме, ни к увеличенной продолжительности рабочего дня в особом лагере, удручало и руко-

водство Берлага. Это приводило к обморожениям и простудным заболеваниям, что в итоге влияло на выполнение плана.

«Обморожений всех степеней в 1-м квартале 1949 г. было 151 случай; в октябре (это зимний месяц на Колыме. Курсив мой. — *И.Г.*) — 5 случаев, причина — работа в кожаной обуви (1 случай) и брезентовых холодных рукавицах (4 случая)», — докладывал в конце 1949 г. и. о. начальника санотдела⁹³. В своих докладных начальник лагеря полковник Васильев неоднократно просил установить сроки носки валенок и бушлатов на 1 сезон, увеличить норму рукавиц и давать брюки женщинам⁹⁴. Однако, как свидетельствуют документы, все тонуло в бюрократических кабинетах. Зам. начальника ГУЛАГа А. Кобулов направлял выписку из докладной Васильева о сокращении сроков носки вещевого довольствия начальнику Главного управления военного снабжения (ГУВС) МВД СССР Горностаеву на его усмотрение, а тот отвечал:

«...сообщаю, что нормы и сроки носки вещевого имущества для спецконтингента утверждены Постановлением Совета Министров СССР № 667-225с-1952 г. и объявлены приказом МВД СССР № 0313 от 11.02.1952 г. и изменить их ГУВС не может и не вправе»⁹⁵.

Вероятно, вопрос о брюках для женщин решался не в самых высоких кабинетах, т. к. С.Ф. Дмитриерко, работавшая на лесозаготовках для рудника «Бутугычаг» говорила, что им зимой выдавали ватные брюки⁹⁶.

Начиная с марта 1951 г. в результате обмена контингентом из общих лагерей Дальстроя в Берлаг поступило свыше 150 детей, к приему которых лагерь не был подготовлен, но по настоянию начальника УИТЛ был вынужден их принять и разместить в приспособленном бараке 19-го ЛО. Были приняты дети, контактировавшие со скарлатинозными и дизентерийными больными и уже больные дизентерией. В результате в 1951 г. умер 31 ребенок.

Кроме того, дети, рожденные в лагере, находились в Домах младенца в 1-м и 4-м ЛО. «В 1-м и 19-м ЛО до августа 1951 г. совершенно отсутствовали вольнонаемные врачи-педиатры и весь медперсонал указанных Домов младенца составляли исключительно заключенные». По наряду ГУЛАГа в ноябре—декабре 1951 г. 213 детей матерей-заключенных и 51 беременную женщину вывезли с Колымы и отправили в Дома младенца центральных районов. «На 01.01.1952 осталось 58 детей, которые не были этапированы по болезни и лишь меньшая часть по возрастным признакам»⁹⁷. Вот так о детях в официальных документах — «этапированы». «Все дети получали по 400 г. свежего

молока, но совершенно не имели в рационе свежих овощей, мяса свежего, крахмала, фруктов или фруктового сока»⁹⁸.

С.Ф. Дмитерко рассказывала, что, когда увозили детей с Вакханки (ЛО № 4), «мамки» рыдали, бросались на охрану, а одна, после того как на следующий день в сильный мороз ее с работы вели в наручниках, потом «умом тронулась». Хотя были и такие, кто рожал ради того, чтобы на какое-то время оказаться на легкой работе, и потом детьми не интересовались⁹⁹.

Л.Я. Драную однажды (была некоторое время на легкой работе, после того как в штольне на голову упал камень) послали мыть полы в Доме младенца на Хеникандже (ЛО № 1). «Там все ножки кроваток стояли в банках с водой, чтоб клопы с пола не могли забраться, что не мешало им падать с потолка в детские кроватки»¹⁰⁰.

Типовые здания больниц были в пяти из 17 лаготделений, в остальных приспособленные бараки¹⁰¹. На конец 1949 г. не хватало врачей (было 24, по штату требовалось 46), частично это восполняли большим числом среднего медицинского персонала (28 вместо 16)¹⁰². На начало 1952 г. не хватало 12 врачей¹⁰³.

Таким образом, можно констатировать, что заключенные Берлага содержались в условиях худших, чем это даже предусматривалось инструкциями по их содержанию, как в части жилищных норм и условий, так и в обеспечении их вещевым довольствием, питанием и медицинским обслуживанием. Но еще труднее было детям, рожденным в лагере.

Подводя итог первой части статьи, отметим следующее.

Особый лагерь № 5 (Берлаг) был организован по постановлению правительства в 1948 г. для содержания политических преступников и изоляции их от других категорий заключенных. Условия для их содержания предусматривались более строгие, нежели в общих лагерях, а трудовое использование предусматривалось исключительно на самых тяжелых физических работах. На верхней одежде эта категория заключенных носила специальные индивидуальные номера по образцу фашистских концлагерей.

Трудно шло формирование лагеря. Из-за транспортных и дорожных проблем, а также из-за несогласованности действий МГБ и МВД долго шел обмен контингентами внутри Дальстроя. Сезонность морской навигации приводила к длительному пребыванию заключенных в транзитно-пересыльных пунктах. Производственные предприятия Дальстроя противодействовали обмену «своих» заключенных-специалистов. Прибывавших заключенных просто негде было расселять, а средств и материа-

лов на новое строительство не хватало, поэтому скученность в бараках была невероятная, многие и зимой жили в брезентовых палатках, не хватало (особенно в первые годы существования Берлага) продовольствия, одежды и многого другого.

Многое из предписанного постановлением правительства и лагерными инструкциями так и осталось не исполненным. До конца существования Берлага, например не удалось выполнить требования по строгой изоляции заключенных Берлага от других категорий работников Дальстроя. Не хватало и охраны.

По национальному составу среди заключенных Берлага половина была украинцев, шестую часть составляли прибалты, далее шли русские, белорусы, поляки и представители других национальностей.

Половина заключенных были осуждены как националисты, от 14 до 16% — за службу и помощь оккупантам в годы Великой Отечественной войны, еще 2–3% — за участие в зверствах оккупантов, остальные — за антисоветскую деятельность, террор, шпионаж, плен и т. п. От 12 до 15% всех осужденных были приговорены к каторжным работам. Почти пятую часть всех заключенных Берлага составляли женщины.

Большинство лагерников имело сроки заключения 10 лет, со временем росла доля тех, у кого сроки составляли 20–25 лет (в 1953 г. их было более 40%). По возрасту 76–82% заключенных составляли молодые люди до 35 лет.

Лагерные отделения Берлага были сосредоточены в основном на рудных предприятиях и в угольных шахтах центральных районов Колымы и одно в Якутии на расстояниях от Магадана от 300 до 1200 км в разных направлениях. Это были подземные выработки, где был высок производственный травматизм.

Плохие условия содержания заключенных и тяжелые условия работы приводили к быстрому ухудшению физического состояния заключенных. В Берлаге доля заключенных 1-й категории всегда была ниже, а удельный вес инвалидов выше, чем в других лагерях Дальстроя.

Труд заключенных Берлага и его стимулирование

Регулирование трудового процесса и трудовая дисциплина в Берлаге

Особые лагеря сразу при их создании предусматривалось содержать за счет государственного бюджета¹⁰⁴. Однако это не означало «полный пансион». Поступления от использования

труда заключенных должны были вноситься в доход союзного бюджета на возмещение расходов по их содержанию. Начальник ГУЛАГа Добрынин докладывал в марте 1949 г. заместителю министра внутренних дел Чернышову, что постановлением Совета министров СССР от 25.08.1948 № 3116-1264сс на расходы всех особых лагерей в 1948 г. правительством было выделено 271 365 тыс. руб. и за этот же период должно было вернуться в государственный бюджет 82 930 тыс. руб.¹⁰⁵, т. е. 30,5%. Очевидно, в дальнейшем планировалось, что доходы должны превышать расходы. В докладе начальника Берлага о результатах работы лагеря за 9 месяцев 1950 г. и выполнении финансовых показателей сообщалось, что в 1948 и 1949 гг. Берлагу был запланирован убыток по статье «рентабельность», видимо, учитывая процесс организации и становления лагеря. Но в 1950 г. планировался доход более 45 млн руб.¹⁰⁶ Такие издержки, как транзит заключенных с самого начала, а охрана со 2-й половины 1951 г., включались в лагерный бюджет¹⁰⁷.

Первоначально трудовые отношения между лагерем и предприятиями Дальстроя регулировались в соответствии с типовым договором ГУЛАГа, по которому подразделения особого лагеря напрямую заключали договоры с предприятиями на предоставление рабочей силы. С 22 июня 1949 г. в соответствии с распоряжением МВД СССР за № 213 от 12.04.1949 и приказом начальника Дальстроя за № 00166 от 22.06.1949 эти отношения регулировались «Основными условиями на предоставление рабочей силы предприятиям Дальстроя МВД СССР из числа контингентов Особого лагеря № 5 МВД СССР». При УИТЛ Дальстроя был создан отдел контрагентских работ, который под непосредственным руководством начальника Берлага осуществлял контроль над трудовым использованием контингентов Берлага и над правильным производством расчетов за выполненные работы¹⁰⁸.

«Основные условия...» предусматривали:

— лагерь должен предоставлять рабочую силу для производства в соответствии с утвержденной МВД СССР дислокацией. Рабочих, занятых на работах предприятия, должно быть не менее 80% от списочного состава лагеря. Лагерь за свой счет должен осуществлять завоз, вывоз и переброски внутри Дальстроя рабочей силы, а также медобслуживание, продовольственное и вещевое снабжение лагерного контингента (кроме спецодежды);

— предприятие должно предоставлять лагерю оборудованные помещения для размещения заключенных, офицерского и вольнонаемного состава лагеря и охраны, создания необходи-

мых санитарно-бытовых условий и условий по охране и режиму (ограждения, вышки и т. п.). Только при наличии подписанного двухстороннего акта о готовности лагеря к приему людей должен осуществляться их завоз. В противном случае лагерь вправе отказаться от переброски рабочей силы;

— предприятие должно предоставлять для доставки лагерных грузов транспорт, обеспечивать лагерь водой, топливом и электроэнергией, но оплачивать эти услуги обязан лагерь;

— предприятие должно выполнять условия по охране труда и технике безопасности на производстве, снабжать рабочий контингент лагеря спецодеждой и спецобувью по нормам Дальстроя, а также инструментом, механизмами и материалом. За умышленную порчу и потерю инструментов и механизмов при наличии в тот же день составленного акта должен был нести ответственность лагерь, а за поломку на работе — нет. Переброски лагерного контингента внутри предприятия должны осуществляться за счет предприятия;

— расчет предприятия с лагерем должен осуществляться по нормам и расценкам, установленным для вольнонаемных работников за фактически выполненный объем, с применением установленных для работников данного предприятия всех видов льгот, коэффициентов и надбавок к заработной плате, кроме надбавок за работу на Крайнем Севере и вознаграждение за выслугу лет в Дальстрое;

— нормы выработки устанавливались исходя из установленной МВД СССР продолжительности рабочего дня. За сверхурочные часы, отработанные заключенными-сдельщиками свыше 10 час. (не считая перерыва на обед), предприятие должно было оплачивать лагерному подразделению в размерах, установленных для вольнонаемных, т. е. на всех работах, кроме строительных и в лесном хозяйстве, за первые 2 часа 50% повременной ставки соответствующего разряда, а за последующие часы — 100%. На строительных работах и в лесном хозяйстве соответственно 25% и 50%. Особые расценки за сверхурочные работы были на период промсезона — за каждый сверхурочный час (больше 10 час.) предприятие оплачивало лагерю из расчета полуторной часовой ставки присвоенного разряда;

— за работу заключенных в ночное время лагерь должен был получать доплаты от предприятия — $\frac{1}{7}$ тарифа по присвоенному разряду за каждый час работы;

— за простой рабочей силы по вине предприятия и по атмосферным условиям также устанавливались различные расценки, которые предприятие должно было выплачивать лагерю;

– количество выходных дней и продолжительность рабочего дня для лагерного контингента устанавливались приказами МВД СССР, а в период промывочного сезона приказами начальника Дальстроя. По согласованию предприятия с лагерем разрешалось переносить выходные дни на ненастные дни, с тем чтобы количество нерабочих дней не превышало четырех в месяц, а в период промсезона — не более двух в месяц с перенесением остальных выходных дней на зимнее время;

– предприятие на всю сумму заработной платы, включая все виды доплат, должно было начислять лагерю дополнительно 22% в строительстве и 30% в основной деятельности¹⁰⁹.

Однако эти договорные отношения не всегда соблюдались, о чем упоминалось выше и не раз будет упоминаться ниже. Так, например, акты инспекторских смотров различных лагерных отделений, уже после вступления в действие «Основных условий...» свидетельствуют о неподготовленности бытовых помещений (ветхость, скученность, повсеместный недостаток одежды, белья, оконного стекла и электролампочек¹¹⁰) и плохой материальной базы на производстве (в угольных шахтах в связи с плохими подъемниками заключенные оставались под землей даже на обеденный перерыв, а это 11 час., не было спецодежды).

«Работая в забоях угольных шахт, заключенные, не имея спецодежды, пропитываются угольной пылью и разносят таковую по всей территории лагеря, в силу чего постельные принадлежности быстро грязнятся, что их не успевают отстирывать. Необходимых удобств производственной администрацией не создается»¹¹¹.

Зато часто упоминается о дебиторской задолженности предприятий перед лагерем за предоставленную рабочую силу, которая иногда была сопоставима с теми суммами, которые лагерь перечислял в бюджет государства¹¹².

Начальник Дальстроя был единоначальником и над лагерем, и над производством. Производственные планы всегда были приоритетнее лагерных норм и правил. В докладе ГУЛАГу о результатах работы Берлага за 9 мес. 1950 г. начальник лагеря сообщал:

«Не по всем предприятиям начисляется прогрессивка за невыполнение норм выработки заключенными (рудник им. Лазо и Оротуканский завод). Не имея указаний по линии МВД СССР, Дальстрой своей директивой за № 51/07138 от 22.08.1950 дал указания предприятиям начиная со второго квартала удерживать с ранее перечисленных сумм лагерю за ночные и сверхурочные часы работы и пешие переходы. В результате чего по предварительным подсче-

там снижается валовый доход от трудоустройства контингента в сумме 4 млн руб.»¹¹³.

Бытовало мнение о том, что за нарушения, связанные с лагерем, дадут выговор, а если производственный план будет регулярно не выполняться, можно партбилета лишиться, а то и под трибунал «загреть». Свидетельством последнего являются приказы Дальстроя военных лет о предании суду начальников производства за срывы производственных планов¹¹⁴.

В 1953 г. трудовые отношения между Дальстроем (на тот период уже структуре МЦМ) и лагерем подверглись незначительной корректировке. Согласно приказу МВД СССР № 0248 от 07.10.1953 Берлаг и Дальстрой заключали сначала генеральный договор на предоставление рабочей силы предприятиям. Потом на его основе заключались локальные договоры между лагерными отделениями и предприятиями Дальстроя, где работали заключенные ЛО¹¹⁵.

Лагерю, как любому предприятию плановой экономики в СССР, устанавливался ежеквартальный, полугодовой и годовой производственно-финансовый план. Он включал в себя массу различных показателей — по трудовому использованию заключенных, по выработке, по доходам и др.

По трудовому использованию все заключенные делились на 5 групп — «А», «Б», «В», «Г» и «Д». Первые четыре группы составляли трудовой фонд, хотя реально работающими были две: группа «А» — те, кто работал на производстве, основной контингент, который и должен был выполнять установленные планы, и группа «Б» — обслуживающий персонал лагеря.

С экономической точки зрения было выгодно иметь как можно больше **группы «А»**. Однако, учитывая плохие условия содержания заключенных, плохое питание и очень тяжелый труд, а также слабую материальную базу предприятий, плохую организацию труда и низкую квалификацию кадров, нехватку охраны из-за распыленности объектов работы, в реальности не могло обойтись без больных и других неработающих категорий, и это учитывалось при составлении планов. Всегда был предусмотрен определенный процент и на другие группы. В сводках отчетов (из выявленных данных) картина выглядит следующим образом (рисунок 11).

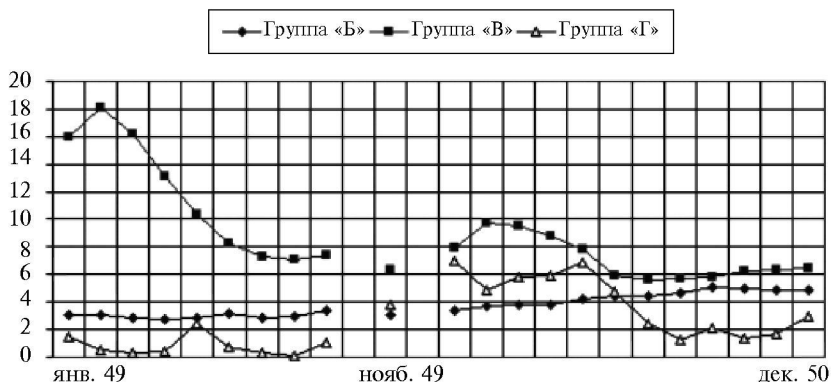
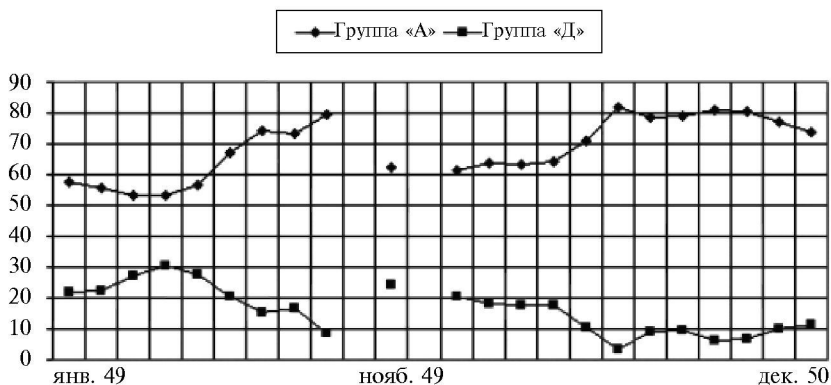
До лета 1949 г. группа «А» едва превышает 50% среднесписочного состава всех заключенных Берлага, летом она растет почти до 80%, зимой 1950 г. уменьшается до $\approx 63\%$, лето—осень снова до 80% и зимой опять уменьшается до 75%. В 1950 г. среднегодовой показатель по группе «А» составил 68,4% средне-

списочного состава, в 1951 г. — 74,7%, а в 1952 г. — 73,5%¹¹⁶, т. е. в целом наблюдался рост числа заключенных, занятых на основном производстве, с некоторыми колебаниями в зависимости от сезонности работ в Дальстрое, а в 1952 г. наметилась тенденция к понижению, хотя и превышала плановую цифру (70,9%).

Группа «Б» — лагерная обслуга, напротив, росла от 3% в 1949 г. до 6,1% в 1952 г.¹¹⁷

Рисунок 11

Трудовое использование заключенных в Берлаге по отношению к списочному составу в 1949–1950 гг. (в %)

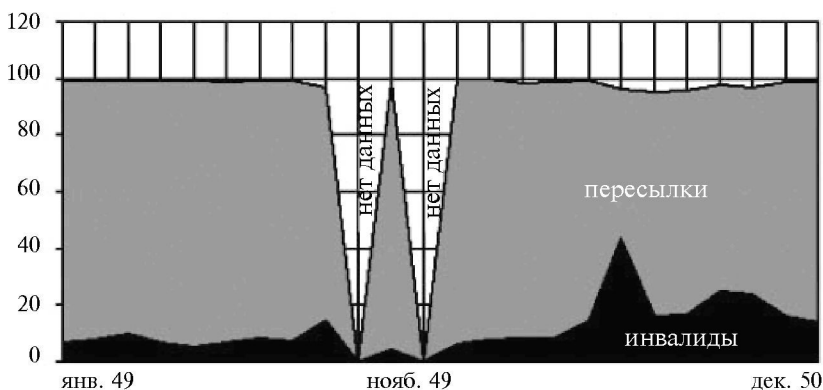

Рассчитано по данным: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1846. Л. 120–124, 154; Д. 1340. Л. 6, 15, 24, 33, 43, 51, 60, 69, 78, 87, 95, 105.

Практически зеркальное отражение группе «А» являет группа «Д», тем самым объясняя причину нестабильности рабочей группы в Берлаге. Группу «Д» составлял забалансовый контингент заключенных. В нее входили инвалиды, подследственные, находящиеся на пересыльных пунктах, на карантине, на формировании этапов (первые 5 дней). Как видно из рисунка 12, «львиную долю» в ней составляли те, кто подолгу находился на пересыльных пунктах без работы, далее шли инвалиды, доля остальных категорий была ничтожна. Такое же положение оставалось и в 1952 г. (20,7% в удельном весе группы составляли инвалиды, 79,3% находились в транзитно-пересыльных зонах¹¹⁸).

Рисунок 12

Удельный вес в группе «Д» Берлага инвалидов и находящихся в пересыльных пунктах в 1949–1950 гг. (в %)

Рассчитано по данным: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1846. Л. 120–124, 154; Д. 1340. Л. 6, 15, 24, 33, 43, 51, 60, 69, 78, 87, 95, 105.

Из докладной записки начальника Берлага за 4-й квартал 1948 г.:

«3135 заключенных особого лагеря из-за непредоставления Дальстроем транспорта с ноября 1948 г. содержались и продолжают содержаться в транзитно-пересыльном пункте в г. Магадане... эта партия будет вывозиться в производственные лагерные подразделения в апреле–мае, когда автотранспорт сможет высвободить часть автомашин под людские перевозки.

Кроме этого в адрес особого лагеря по нарядам ГУЛАГа МВД было направлено 2794 заключенных; эти эшелоны из-за отсутствия морского тоннажа и окончания морской навигации не дошли до места назначения и зазимовали в бухте Ванино, где содержатся в транзитном лагерном отделении Дальстроя»¹¹⁹.

Из справки о недостатках в состоянии и деятельности особлага № 5 начальника оргправового отдела 2-го Управления ГУЛАГа подполковника Лямина от 11.04.1950: «В Магадане в транзитно-пересыльном пункте содержится длительное время 3984 заключенных, в т. ч. 2018 женщин, которые не трудятся из-за отсутствия объектов работ»¹²⁰. Такая же картина была и во все последующие годы существования Берлага.

Отсюда можно сделать вывод, что, во-первых, принцип одних «главное отправить заключенных в лагерь», во-вторых, отсутствие достаточного количества транспорта в самом Дальстрое и сезонные возможности его использования приводили к тому, что производственные планы приходилось выполнять меньшему (чем требовалось) количеству подневольных рабочих, а это вело к перенапряжению и болезням.

Группа «В» — не работающие по болезни, сюда входили освобожденные от работы амбулаторно, коечные больные, содержащиеся в оздоровительных пунктах, беременные и кормящие матери. Преобладали в ней больные, а среди них коечные больные. Эта группа была подвергнута сезонным колебаниям и зимой всегда была больше. Но с течением времени группа «В» все же уменьшалась: в 1949 г. в среднем она составила 11%, в 1950 г. — 7% (см. рисунок 11), в 1951 г. — 6,5%¹²¹, в 1952 г. — 5%¹²². Кроме того, что зимой выше заболеваемость, следует отметить, что, как правило, до начала промывочного сезона в оздоровительных пунктах профилактического отдыха (ОППО) количество заключенных увеличивалось и составляло 20–30% от удельного веса в составе группы «В», а летом было меньше 2%¹²³.

Вообще-то оздоровительные пункты (ОП), созданные в общих лагерях, не распространялись на особые лагеря. Вероятно, не из соображений гуманности, а по причине сохранения рабочей силы руководство Берлага вынуждено было нарушать режимные требования содержания особого контингента и проводить некоторые мероприятия по оздоровлению. В докладной записке начальника Берлага в адрес начальника ГУЛАГа о деятельности лагеря за 4-й квартал 1948 г. сообщается:

«Ввиду отсутствия разрешения ГУЛАГа МВД на организацию ОП мы вынуждены часть нетрудоспособных больных алиментарной дистрофией размещать в так называемых полустационарах, в которых в настоящее время (февраль 1949 г. — *И.Г.*) находится 1116 чел. Поскольку питание этой категории заключенных по нормам ОП организовать нет оснований, восстановление их здоровья и работоспособности происходит весьма медленно»¹²⁴.

В 1949 г. Берлагу Дальстроем «отпущено продуктов для организации дополнительного питания на 800 тыс. руб.»¹²⁵, но за

них Берлаг должен заплатить, а взять деньги он может только с других статей лагеря, на что нужна санкция центрально-финансового отдела (ЦФО) МВД. Ответ начальника ГУЛАГа Добрынина после многочисленных его консультаций в различных отделах МВД был отрицательный¹²⁶. В адрес ГУЛАГа направлялись ходатайства о создании ОП и в особом лагере тоже. Из докладной записки начальника Берлага в адрес начальника ГУЛАГа Добрынина от 09.02.1950:

«Учитывая наличие симптомов алиментарной дистрофии, деградацию физического профиля заключенных, в целях сохранения устойчивого физического состояния и трудового фонда, вторично прошу Вас рассмотреть вопрос о распространении приказа МВД СССР № 0418 от 25.06.1949 на особый контингент, содержащийся в Берлаге»¹²⁷.

В качестве ответа на приведенную записку в архиве ГА РФ есть справка одного из функционеров ГУЛАГа от 03.03.1950 о том, что приказ № 0418 распоряжением МВД СССР № 532 от 17.08.1949 распространен на особые лагеря¹²⁸. Но, видимо, в некоем урезанном виде, в виде не ОП, а ОППО, так как в докладе о работе за 9 мес. 1950 г. вопрос «о распространении приказа полностью» снова поднимается¹²⁹. О том, что зона для «доходяг» была в ЛО на руднике «Бутугычаг», свидетельствовал и бывший заключенный этого лагеря А.В. Жигулин в автобиографической повести «Черные камни»; в этой зоне он сам побывал весной 1952 г. (1–1,5 мес. не заставляли работать и несколько лучше кормили)¹³⁰. Начиная со 2-го полугодия 1952 г. сведения об ОППО исчезают из отчетных документов Берлага.

Плановые нормы на нерабочие группы руководство лагерных подразделений пыталось поддерживать установлением лимитов. Например, в Севвостлаге в 1942 г. совместным приказом начальника производственного подразделения, на котором работали заключенные, и начальника ОЛПа устанавливался лимит на группы «Б» и «В» на каждое более мелкое подразделение ОЛПа, превышать который запрещалось, а за превышение начальники подразделений несли материальную ответственность¹³¹. Лимит существовал и в другие годы и в Берлаге тоже. Об этом свидетельствовала бывшая фронтовая медсестра, а после войны и плена заключенная Берлага М.В. Васильева, которой иногда приходилось работать в лагерных медпунктах и давать освобождения от работы больным заключенным. Освобождение запрещали давать, даже если человек был болен, но лимит (5 человек на 100 з/к) был исчерпан¹³². По-видимому, очень значительная доля этой группы зимой 1949 г. (до 18%) была связана со стационарными больными, когда выдержать лимит не удавалось

из-за очень плохих жилищных и бытовых условий, когда шло становление лагеря, а также особо тяжелым трудом в Берлаге.

В сравнении с Севвостлагом группа «В» в Берлаге была стабильно выше (в среднем на 1,8% в 1950 г.)¹³³ (см. также рисунок 14), а в 1952 г. не работающих по болезни от среднесписочного состава в Севвостлаге было на 0,4% больше, чем в Берлаге¹³⁴.

Группа «Г»:

а) не работающие по вине производства (не предоставлена работа по разным причинам);

б) не работающие по вине лагеря, которые, в свою очередь, делились на не работающих по вине администрации лагеря (не обеспечены конвоем, вещевым довольствием, находящиеся в перебросках, в штрафных изоляторах без вывода на работу) и по вине самих заключенных (отказ от работы).

Максимальный удельный вес в этой группе составляли простои по вине производства, реже и нерегулярно случались простои из-за отсутствия конвоя, доля отказников от работы была хотя и постоянной, но очень незначительной на фоне простоев (рисунок 13).

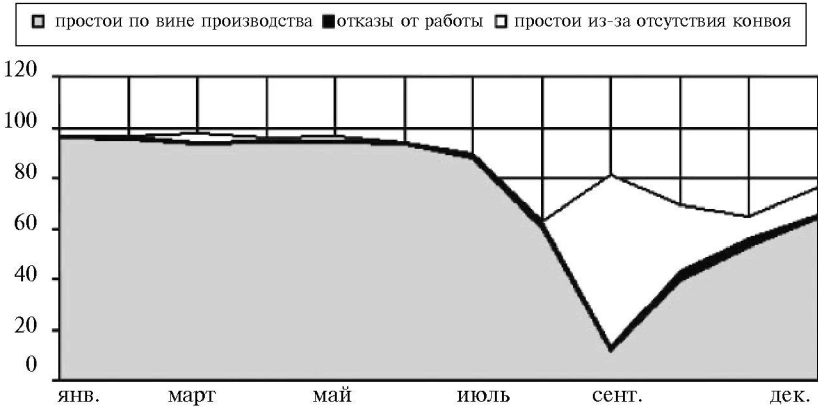
Группа «Г» самая нестабильная, и именно по ней показатели чаще всего превышали плановые цифры. Это превышение руководством Берлага объяснялось так (из докладной записки о работе Берлага в 1951 г.):

«Превышение группы «Г» на 1,1% произошло в основном за счет сезонности работы предприятий Дальстроя, причем практика работы показала, что в разгар промывочного летнего сезона большинство предприятий требуют увеличения числа рабочей силы, не считаясь с утвержденным планом по рабсиле и фонду заработной платы, а как только заканчивается промсезон, требуют сокращения вывода заключенных на производство, вплоть до вывоза в другие лагерные подразделения.

Так было по ЛО № 4, обслуживающему комбинат № 1 Управления п/я № 14, который отказался в начале 4-го квартала от трудоустройства 1200 чел., а также по ЛО № 18, обслуживающему строительную контору того же п/я № 14, которая в начале 4-го квартала отказалась от трудоустройства 220 чел. Этот **постоянно действующий фактор** дает ежегодно увеличение числа не трудоустроенного контингента заключенных, а вместе с этим снижает качественные показатели.

И другой не менее важный фактор, дающий снижение группы «А» — это частые перебои с подачей электроэнергии горнорудным и приисковым предприятиям, которые вынуждены сокращать объемы горных работ, а также сокращать численность заключенных,

Удельный вес в группе «Г» Берлага неработающих по причинам простоев, отсутствия конвоя и отказов от работы в 1950 г. (в %)

Рассчитано по данным: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1340. Л. 6, 15, 24, 33, 43, 51, 60, 69, 78, 87, 95, 105.

в силу этой прямой зависимости происходит перемещение групп, невыполнение плана по трудоиспользованию и другим экономическим показателям»¹³⁵.

Кроме сезонности и перебоев с электроэнергией, в течение всех лет работы лагеря были и другие причины увеличения группы «Г» за счет группы «А», которые зависели только от администраций лагеря и производства. Например, в справке от 11.04.1950 о недостатках в деятельности лагеря начальник оргправового отдела ГУЛАГа Лямин сообщает: «В декабре 1949 г. ежедневно не выводилось на работу 255 человек по причине отсутствия конвоя»¹³⁶. В справке о состоянии трудового использования за 9 мес. 1949 г. начальник лагеря дополнительно называет следующие причины: необеспеченность продовольствием самого удаленного ЛО № 7 в 1-м квартале из-за отсутствия автотранспорта по его доставке, обеспеченность одеждой и обувью на вредных работах была только на 40%, отсутствие достаточного давления воздуха для буровых молотков (ЛО № 2, 4, 5, 7) и смазки для вагонеток, отсутствие веревок для бурильщиков, отсутствие крепежного леса на угольных шахтах (ЛО № 9 и 10), неудовлетворительное освещение (коптелки и факелы), неисправный инструмент, и в то же время отмечается такая причина,

как перенасыщенность фронта работ в ЛО № 4, 7, 13¹³⁷. Аналогичными причинами объясняется превышение группы «Г» над плановой и в 1950 г.¹³⁸ В 1952 г. в среднем за год группа «Г» составляла только 2,2% от списочного состава, а по доле неработающих на 1-м месте в ней были: из-за непредоставления работы 42,5%, на 2-м месте — находящиеся в карцерах и штрафных изоляторах (27,2%), следом шли находящиеся на формировании этапов (19,6%), доля отказников составляла только 1,5%¹³⁹. Для сравнения в Севвостлаге в 1952 г. удельный вес группы «Г» от среднесписочной составлял уже 12,9%¹⁴⁰.

Таким образом, главным фактором в трудовых потерях были не отказчики от работы, а простои по вине предприятий, где работали заключенные Берлага.

Наблюдаются существенные различия в соотношении групп не только во времени, а и в один временной промежуток, но в разных ЛО.

Таблица 5

Трудовой фонд по отношению к списочному составу 3 ЛО¹⁴¹

Группы	ЛО № 11		ЛО № 8		ЛО № 12	
	3-й кв. 1949	4-й кв. 1949	3-й кв. 1949	4-й кв. 1949	ноябрь 1949	декабрь 1949
А	89,3	86,2	78,5	77,6	92,5	92
Б	3,5	3,9	3,3	3,3	4	4,7
В	6,5	7,4	13,7	13,9	2,9	2,6
Г	0,7	0,6	0,5	0,5	нет	0,2
Д	нет	1,9	4,0	4,7	0,6	0,5

Комиссия из группы особых лагерей МВД СССР, по результатам актов которой составлена таблица, объясняет уменьшение группы «А» в 4-м квартале сокращением фронта работ (промысловый сезон закончился), а появление группы «Д» — подготовкой части заключенных к передаче в лагерь общего режима, обменом, о котором говорилось выше.

А вот, с чем связаны столь существенные различия между тремя ЛО, стоит разобраться.

Заклученные ЛО № 12 работают на заводе, значит, в большинстве своем специалисты (токари, слесари, сталевары и т. п.). За 3-й и 4-й кварталы зафиксирован только 1 отказ от работы. Условия содержания хорошие. Нормы не выполняли за 2 последних месяца соответственно 2,7 и 2,6% к числу сельщиков, фактически это несколько человек, а среднее выполнение норм сельщиками составляет за те же месяцы 130,4 и 133,9%. За год умерло 4 чел., что составило 0,07% в среднем за месяц¹⁴². Естественно, что условия работы там были гораздо лучше, чем на руднике или в угольной шахте, поэтому такой работой наверняка дорожили и старались хорошо работать.

Территориально рядом с ЛО № 12 расположено ЛО № 8, но там другая картина. Работа на руднике, живут в ветхих бараках таежного типа с подпорками, чтобы потолок не упал, и очень скученно, недостает 660 спальных мест. Отмечена высокая заболеваемость и смертность. За год умерло 52 чел., что составляет в среднем ежемесячно 0,26%. Высок производственный травматизм. Среднее выполнение норм сельщиками составляло за 3-й кв. 107,3%, а за 2 месяца 4-го квартала — 109%. Процент не выполняющих нормы за тот же период составлял соответственно 18,1 и 10%¹⁴³.

ЛО № 11. Заклученные работают на обогатительной фабрике и на прииске в открытых забоях, отмечается много обморожений и простудных заболеваний. Условия жизни чуть «лучше», чем на Утином (ЛО № 8), здесь на холодном полу спят «только» около 200 человек. Смертность за 4-й квартал 1949 г. — 0,09% в мес.¹⁴⁴ Вывод налицо: какие условия, такая и отдача.

Был еще один показатель, изобретенный бюрократами ГУЛАГа, — это те же группы, только по отношению не к списочному составу, а к трудовому фонду, т. е. к сумме всех групп, но без группы «Д». Они также планировались.

В этом случае показатель вывода на основное производство (группа «А») к трудовому фонду становился гораздо выше (72–87% за тот же период) и стабильнее (см. рисунки 11 и 14). Менялись в сторону увеличения и показатели по другим группам трудового фонда, но это также учитывалось при планировании. Обычно не всегда удавалось выполнение показателей по группе «Г» по причинам, описанным выше.

вине 1950 г. Берлаг отставал по выводу заключенных на основное производство от общих лагерей Севвостлага, то во второй половине того же года он сравнялся по этому показателю ($\approx 86\%$), а вот показатель всех лагерей ГУЛАГа был ниже и Берлага, и Севвостлага (в среднем за 1950 г. — 77%). Показатель Берлага по группе «А» более чем на 16% выше, чем во всех особых лагерях МВД в целом (выявлены данные за 1949 г.)

В два раза меньшее количество заключенных использовалось в лагерной обслуге (группа «Б») дальстроевских лагерей по сравнению как со всеми особыми, так и всеми лагерями ГУЛАГа.

Группа «В» в целом в особых лагерях была ниже и стабильнее, чем в Берлаге, а в сравнении с лагерями ГУЛАГа в 1950 г. показатели Берлага в среднем почти уравнились, но отличались большей нестабильностью. В сравнении же с Севвостлагом она была стабильно больше, но в 1952 г., как отмечалось выше, произошли незначительные изменения — она стала меньше, чем в Севвостлаге.

По группе «Г» в 1949 г. на фоне других особых лагерей, где на тот период не работало до $20\text{--}30\%$ от трудового фонда, Берлаг выглядит просто «отличником» (1%). Хотя и он по этому показателю имел значительные срывы в другие годы, например в начале 1950 г. (см. рисунок 14).

Учитывая, что труд тяжелый, а условия содержания заключенных были далеки от нормы, это должно было отражаться на трудовой дисциплине. Нарушениями лагерной дисциплины, непосредственно связанными с рабочим процессом, были отказы от работы. Стоит оценить, насколько они были велики и их причины.

92 случая отказов от работы в 4-м квартале 1948 г. объясняются в основном недовольством из-за перебоев в снабжении продуктами¹⁴⁵. Отказы от работы в период 1949–1951 гг. находятся в пределах от $0,04\%$ летом до $0,1\%$ зимой от трудового фонда¹⁴⁶. Очень неоднородно количество отказов по ЛО. Так, в первом полугодии 1951 г. в среднем во всех ЛО вместе взятых ежемесячно был 21 отказчик, при этом в ЛО № 11, 12, 13, 18 их не было совсем, в остальных, кроме ЛО № 1, редко. А вот в ЛО № 1 ежемесячно вообще отказывались работать по религиозным соображениям 17 женщин¹⁴⁷.

Из отчета за 1-е полугодие 1951 г. о культурно-воспитательной работе среди заключенных особых лагерей.

«В первом лагерном отделении среди заключенных женщин имеется 17 женщин-сектанток («истинно православных христиан»). Эти 17 женщин категорически отказываются от работы на протяжении

длительного периода и все меры, принимаемые к ним, остаются безрезультатными.

Образец беседы с ними.

- Как Ваша фамилия?
- Истинно православная христианка.
- Как Ваше имя?
- Истинно православная христианка.
- Где Вы родились?
- Бог знает.
- Почему Вы не хотите работать?
- Христос запрещает.
- За отказ от работы Вас могут наказать.
- Как будет Богу угодно.
- Но ведь от безделья Вы заболеете и умрете.
- Приму мученический венец...

Во время групповых бесед с ними они закрывают все как одна глаза, начинают, как по команде, быстро креститься и шептать молитвы...

При входе к ним в помещение (они содержатся отдельно) они встают, поворачиваются лицом к стене, спиной к вошедшему, крестятся и также шепчут молитвы...

В настоящее время на них вновь оформляется материал для представления суду за злостный контрреволюционный саботаж»¹⁴⁸.

Несмотря на то что руководство ЛО № 1 в 3-м квартале 1951 г. было «заменено более сильными работниками», меры антирелигиозной работы с «монашками» были тщетны. О постоянно не работающих («их надо в тюрьму») только уже 10 «монашках» в том же ЛО упоминается и в конце 1952 г.¹⁴⁹

Бывшая заключенная ЛО № 1 И.Г. Логинова рассказывала, что они обычно старались работать хорошо, а простои в процессе работы случались из-за различных поломок механизмов, отсутствия электроэнергии, давления воздуха и т. п., это давало возможность передохнуть, пока что-то чинят. Но иногда напряжение было очень высоким и длительным, сил не хватало. «Я однажды отказалась идти на работу, решила — пусть лучше поголодаю в карцере, но хоть немного отдохну. Посидела пару дней, а потом сама попросилась на работу»¹⁵⁰.

Другим способом устроить себе временный (а то и постоянный) отдых от работы было членовредительство («саморубы») или преднамеренное временное причинение вреда здоровью («мастырки»). Не многие готовы были идти на такое. В архивных документах такое нарушение идет в графе «прочие». Однако в докладной записке начальника Берлага за 1949 г. упомянуто о 14 заключенных, осужденных в лагере военным трибуналом Дальстроя за членовредительство¹⁵¹.

Побег можно рассматривать как форму протеста против тяжелых условий труда и быта, хотя могут быть и иные причины. Посмотрим, как обстояло дело с побегами в Берлаге. За период с 1948 по 1953 г. из Берлага бежало всего 22 человека, при этом максимальное количество приходится на 1949 г. (15 чел.), в 1952 и 1953 г. бежавших не было, за 1954 г. нет данных¹⁵². По другим архивным данным, картина несколько иная, кроме того, там есть сведения не только о совершенных побегах, а также о попытках побегов и выявленных данных о готовившихся побегах. Это расширяет представление о такой форме протеста.

Таблица 6

Побеги в Берлаге¹⁵³

Год	Кол-во побегов/чел.	Задержано	Попыток к побегам/чел.	Выявлено и предупрежденно готовившихся побегов
1948	5/[?]	все, 1 — в янв. 1949 г.		
1949	8/22	все (5 чел. при задер. убито). 6 чел. задержаны в 1950 г.	6/7 (1 убит, 2 ранено и 4 задер.)	289 случаев
1950	5/9	не задерж. 2 чел.		
1951	1/2	все	18/19 (из них 16 убито, 1 тяжело ранен, 2 судимы)	23 случая
1952, 1-е полугод.	нет			16 случаев, в т. ч. 1 групповой
1953, 1-е полугод.	нет		2/2 убиты	

Как видно из приведенной таблицы, максимальное количество как совершенных побегов, так и готовившихся приходится на 1949 год, когда лагерь только формировался и условия бытовые и производственные были наихудшими, к тому же недоставало охраны. Вместе с тем, вопреки распространенному убеждению, в действительности побегов из Берлага было немного, и все они жестоко карались.

Наиболее активной формой протеста считаются восстания, бунты, которые, как известно, имели место в лагерях ГУЛАГа, особенно в 1950-е годы. Анализ выявленных отчетных материалов по Берлагу показывает, что таких активных форм здесь не было, заключенные не выдвигали политических требований антисоветской направленности, хотя и отказы, и побеги администрацией классифицировались именно так.

Как нечто из ряда вон выходящее рассматривалось требование прибывшего в сентябре 1953 г. из Горлага (Норильск) в Берлаг этапа в 1260 человек. Это были участники массового бунта в Горлаге. Зам. начальника 1-го отдела Управления Особлага № 5 сообщал:

«Надо отметить, что указанные заключенные ведут себя вызывающе, выставляя такие требования, как и выдвинутые ими в Горлаге, т. е. восьмичасовой рабочий день, отмена ношения номеров на верхней одежде, разрешение написания 12 писем в год, снятие решеток с окон барачков, оставление барачков открытыми на ночь. Имеются случаи отказа от работы по разным причинам. Часть заключенных Горного лагеря — руководящую верхушку в количестве 80 человек — изолировали в штрафном бараке сроком на 6 месяцев, на 32 из них оформляются постановления о переводе на тюремный режим»¹⁵⁴.

Такого рода требования для Берлага были нехарактерны.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что трудовые отношения между лагерем и предприятиями Дальстроя строились на контрагентских отношениях и регулировались не законом, а ведомственными документами, так называемыми «Основными условиями...». И хотя данный документ предусматривал паритетные отношения, они практически не соблюдались. Единичные и диктат производственных планов сводил на нет это хлипкое регулирование.

Бичом для Берлага, да и других лагерей Дальстроя, были проблемы, связанные с транзитом заключенных. Сложные природно-климатические условия, большие расстояния и разбросанность лагерных подразделений, недостаточная обеспеченность транспортом приводила к тому, что в транзитно-пересыльных пунктах подолгу содержалось большое количество заключенных, которые не использовались на работе. Это приводило к большей эксплуатации работающих заключенных.

Перенапряжение на работе при плохом питании в сложных бытовых и производственных условиях, при ненадлежащей технике безопасности и охране труда приводило к большому количеству заболевших, инвалидностям и смертности. Жест-

кий режим особого лагеря (10-часовой рабочий день, работа под землей, ограничения в части восстановления здоровья для этого контингента) еще больше снижали физические возможности заключенных. Своеобразной лакуной для отдыха являлись многочисленные простои на предприятиях, вызванные их слабой материальной базой (ветхостью оборудования, недостатком электроэнергии и т. п.).

Самой значимой в Берлаге формой протеста против тяжелых условий труда был отказ от работы. Но, как показал анализ архивных документов, вряд ли его можно считать значительным на фоне трудовых потерь из-за простоев по вине производства и невыводов из-за отсутствия конвоя. Хотя по устоявшимся канонам органы МВД и называли отказы от работы антисоветскими выступлениями, на самом деле они носили чаще религиозный характер, либо были вызваны тяжелыми бытовыми и производственными условиями, плохим питанием и обмундированием, либо имели уголовный характер (бандиты и головорезы с несколькими 25-летними сроками при запрете на смертную казнь не спешили перенапрягаться на работе).

Побеги как форма протеста были еще менее значимыми для Берлага, во-первых, в случае неудачи чаще всего беглец получал пулю, во-вторых, выбраться с Колымы было чрезвычайно сложно. Протесты с политическими требованиями также не были характерны для Берлага.

Производительность труда заключенных и трудовая мотивация: принуждение, побуждение, вознаграждение

Фонды Государственного архива РФ содержат много статистических материалов, оценивающих различные показатели трудового процесса в лагере. Средний процент выполнения норм — это единый критерий, и его можно оценивать в динамике. Другие показатели: выработка, процент не выполняющих нормы, количество отказчиков и т. п.; кажется, что и их можно сравнивать во времени. Но при внимательном изучении все оказывается не так однозначно. При единообразии в названии оценочных показателей труда заключенных в разные годы их считали по-разному. Так, выработка дается то в денежном выражении на 1 отработанный человеко-день, то в процентах к плану. Процент не выполняющих нормы в разные годы считался то от числа сельщиков, то от списочного состава, то от трудового фонда, то от числа работающих. В этом случае получаются несопоставимые показатели. Аналогичный подход и по другим показателям. Кроме того, в разных документах есть

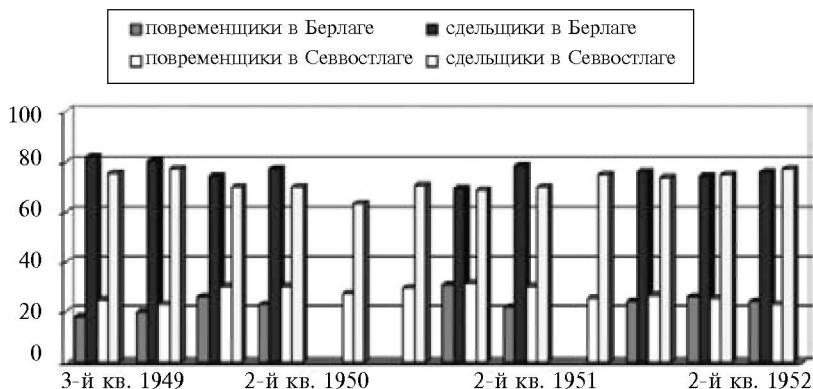
разнотечения одного и того же параметра, а оценить, какой из них верный, не всегда представляется возможным. Все это приводит к лакунам в исследовании, несмотря на обилие имеющихся цифровых данных.

Работа заключенных Берлага на предприятиях, которые они обслуживали, как отмечалось выше, регулировалась договором «Основные условия...», на основании которого предприятия перечисляли лагерю заработок заключенных на тех же условиях, как если бы это были вольнонаемные рабочие. Оплата их труда лагерю производилась на основе сдельных расценок на каждый выполняемый вид работ. Все виды основных работ в Дальстрое были нормированы и связаны с объемом работ. Исключением были работы, не поддающиеся строгому нормированию. Это работа инженерно-технических работников, подсобных рабочих и обслуживающего персонала. Такие работы оплачивались на основе тарифов и повременных расценок.

Большинство лагерников работало на сдельных работах. Доля занятых на повременных и ненормированных работах составляла от 20 до 30% от всех работающих заключенных, при этом в Берлаге удельный вес занятых на повременных работах был в среднем на 4–5% меньше, чем в Севвостлаге, что вполне объяснимо режимными требованиями к контингенту Берлага об их использовании на особо тяжелых работах (рисунок 15).

Рисунок 15

Удельный вес заключенных, занятых на работах с повременной и сдельной оплатой труда (в %)

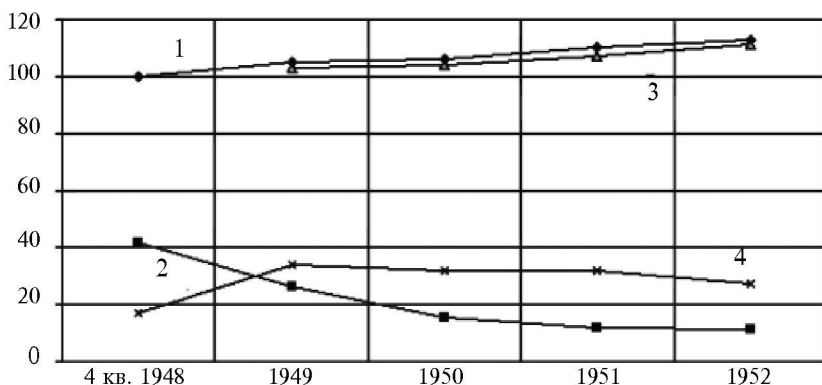
Рассчитано по данным: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1562. Л. 20, 29; Д. 1608. Л. 3, 25; Д. 1637. Л. 2, 39; Д. 1638. Л. 265; Д. 1714. Л. 182, 187; Д. 1557. Л. 71, 74; Д. 1612. Л. 54, 93; Д. 1631. Л. 6–7, 160, 164; Д. 1679. Л. 97, 102.

В первом полугодии 1952 г. это соотношение выравнивалось, даже с небольшим увеличением доли повременщиков в Берлаге, правда, оценить, как надолго, не хватает данных за последние 2 года деятельности лагеря.

Производительность труда была основана на выполнении производственно-технических норм выработки и выражалась в процентах по отношению к плановым цифрам. Как выполнялись нормы сдельщиками Берлага, см. рисунок 16. Только в самом начале своей деятельности (4-й квартал 1948 и 1-й квартал 1949 года) нормы не выполнялись, далее средний процент выполнения норм всегда был выше 100%, причем наблюдался рост с небольшими колебаниями до 114% (данные за последние 1,5 года существования Берлага не выявлены).

Рисунок 16

Средний % выполнения технорм заключенными-сдельщиками (1) и удельный вес не выполняющих технормы от общего числа заключенных-сдельщиков (2) в Берлаге, то же в Севвостлаге (3), (4)

Составлено по данным: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 102, 208; Д. 1562. Л. 8; Д. 650. Л. 179; Д. 1557. Л. 74; Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2757. Л. 9; Д. 2693. Л. 19; Д. 2753. Л. 161.

При этом далеко не все работающие сдельщики выполняли технические нормы. Первый год существования лагеря был особенно тяжелым ввиду его неподготовленности и прочих сложностей, о которых говорилось в предыдущих разделах. Наблюдается как бы зеркальное отражение графиков среднего выполнения норм и процента заключенных, не выполняющих нормы выработки, — от почти 42% не выполняющих в 1948 г.

до 11% — в 1952 г. При сопоставлении этих показателей за тот же период времени с показателями Севвостлага видно, что у «соседей» процент выполнения норм на 2–3% ниже, а удельный вес не выполняющих технические нормы был выше, чем у берлаговцев, и составлял в 1949–1951 гг. больше 30%. Севвостлаг в отчетном докладе о культурно-воспитательной работе среди заключенных за 1950 г. объясняет причины невыполнения технорм ежегодным пересмотром их в сторону увеличения и организационно-техническими неполадками на производстве, «в результате чего полезная работа составляет 60% от баланса рабочего времени»¹⁵⁵, но это было характерно для всех предприятий Дальстроя и для тех, где работал контингент особого лагеря. Вероятно, имел место и такой фактор, как большое количество уголовников-бандитов с большими сроками заключения, привезенных на Колыму в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Начальник Дальстроя И.Ф. Митраков протестовал против такой практики, когда

«нам засылались отказчики, головорезы, которые здесь не работают. Ведь со всех лагерей собирался цвет бандитов и направлялся к нам. Это неправильный подход, нам нужны рабочие люди... Мы просим доложить, что будем настоятельно требовать присылать рабочих людей»¹⁵⁶.

В общих лагерях этой категории заключенных по статейным признакам должно было быть больше, чем в Берлаге.

Росла и выработка (в рублях) на 1 отработанный человеко-день (см. таблицу 7).

Таблица 7

	4-й кв. 1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.
Берлаг ¹⁵⁷	23,46	38,25	38,34 (за 9 мес.)	39,80	41,43
Севвостлаг ¹⁵⁸		37,80	39,78	41,54	41,77

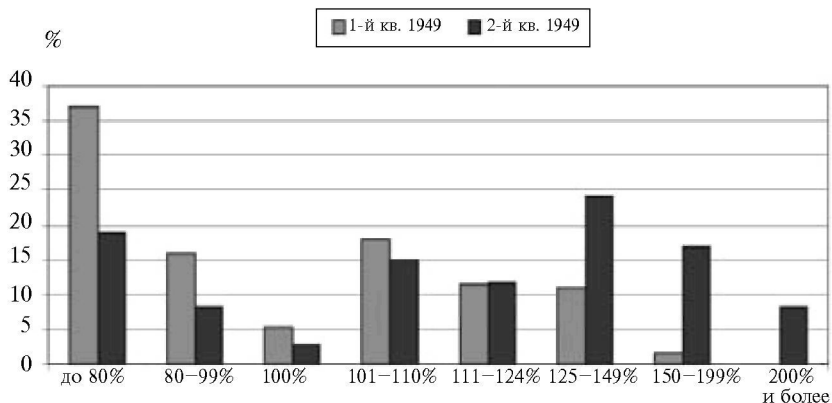
Принято считать, что стимулирование производительного труда включает такие составляющие, как принуждение, побуждение и вознаграждение.

Один из примеров повышения производительности труда с помощью, прежде всего, принуждения дают архивные документы применительно к руднику «Аляскитовый» (ЛО № 7) в 1-м и 2-м кварталах 1949 г. (рисунок 17). В 1-м квартале нормы не выполняли 53% заключенных, работавших на руднике, причем 37% выполняли их меньше чем на 80%, а во 2-м квартале доля

невыполняющих снизилась до 27%. Комиссия, проводившая инспекторскую проверку, констатировала общее снижение физического состояния заключенных (данные проверки отражены в таблице 4).

Рисунок 17

Выполнение норм заключенными рудника «Аляскитовый» (ЛО № 7 Берлага) в 1-м и 2-м кварталах 1949 г.

Составлено по данным: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 288, 289.

Таблица 8

Физический профиль заключенных ЛО № 7¹⁵⁹

	1 категория	2 категория	3 категория	3 кат. инд. труда	4 категория
1-й кв. 1949	14,5	31,7	41,8	4,1	8,2
2-й кв. 1949	9,9	25,6	48,6	4,6	11,1

При этом доля группы «А» (работающих на основном производстве) во втором квартале, несмотря на это, увеличилась с 55,5% до 68,2%¹⁶⁰.

«Повышение количества заключенных, выполняющих и перевыполняющих технические нормы, во 2-м квартале произошло не за счет устранения неполадок производственного процесса и внедрения рационализации, а за счет административного нажима на заключенных, не выполняющих технормы, со стороны лагерной администрации»¹⁶¹.

В результате доля «амбулаторных больных увеличилась с 10,7% в 1-м квартале до 17,6% во 2-м квартале», а смертность

за полгода составила 4,6% к среднесписочному составу, преимущественно от алиментарной дистрофии¹⁶², проще говоря, от голода и непосильной работы. Все это говорит о том, что в данном случае речь шла о прямой эксплуатации заключенных при «недостаточности питания в зимний период времени в силу недовоза продуктов снаббазой»¹⁶³.

Инструкция для особых лагерей предусматривала меры наказания за нарушение режима и трудовой дисциплины. Начальники лагерных подразделений имели право перевести на штрафной режим, а значит, и штрафной паек на срок до 2 месяцев, посадить в карцер на срок до 5 суток, лишать права пользоваться ларьком на срок до 2 месяцев. Начальник Управления лагеря имел право эти сроки увеличить, а также лишить права переписки на 1 год, а в случае злостных нарушений дело передавалось в суд¹⁶⁴. Невыполнение нормы приводило к сокращению пайка, а значит, к еще большей утрате сил, и так по кругу. Поэтому оздоровительные пункты, за создание которых вопреки запрещающей инструкции боролись руководители особых лагерей перед руководством ГУЛАГа и МВД, было желанием сохранить рабочую силу для выполнения производственных планов.

Вся советская экономика, и лагерная не была исключением, использовала моральные стимулы. Идеологема «социалистическое соревнование», мобилизирующая работать интенсивнее, апеллируя к долгу, морали, имела место и в лагере. Только слово «социалистическое» применительно к принудительному лагерному труду заменили трудовым соревнованием, а переходящий вымпел — переходящим щитом. Хотя в отчетах КВО и докладных записках руководства Берлага часто мелькает фраза «по условиям Всесоюзного социалистического соревнования», «все лагерные подразделения приняли на себя социалистические обязательства»¹⁶⁵. Формы морального стимулирования, по сути, были теми же, что и на воле. Сравните:

На воле	В лагере ¹⁶⁶
Социалистическое соревнование	Трудовое соревнование
Грамоты ВЦСПС и МВД СССР	Грамоты Центрального штаба трудового соревнования Управления Особого лагеря № 5
Звание «Мастер социалистического труда»	Звание «Отличник коллективного труда»

На воле	В лагере ¹⁶⁶
Бригады социалистического труда	Отличные производственные бригады (при выполнении производственных норм не ниже 130%); авангардные производственные бригады (выполнение норм не ниже 150%)
Переходящий выпел	Переходящий щит
Ценные подарки	Продуктовые посылки на бригаду стоимостью от 500 до 750 руб.

Лагерная статистика свидетельствует, что количество отличных и авангардных бригад с каждым годом росло, увеличивалось количество заключенных, имеющих звание «Отличник коллективного труда», проводились слеты отличников, на которых передовики делились опытом, выявляли недостатки в организации труда¹⁶⁷. Так, например, в 3-м квартале 1949 г. отличники составляли 3,4% от всех работающих группы «А», в 4-м квартале — 5,2%, а в 1-м, 2-м и 4-м кварталах 1951 г. их доля была соответственно 10,6%, 11,1%, 10,5%¹⁶⁸. На 1 июля 1950 г. отличных бригад по лагерю было 25, на 1 января 1951 г. — 67 отличных и авангардных. В разных лагерных отделениях доля отличников варьировала достаточно широко. Так, например, на 1 января 1951 г. отличников к списочному составу ЛО было в ЛО № 9 — 18%, в ЛО № 6 — 22%, в ЛО № 2 — 23%, в ЛО № 11 — 32,2%, в ЛО № 12 — 51,6%¹⁶⁹. Многое зависело от руководителей предприятий, где работали заключенные. Так, в отчетах отмечалось, что распространение движения скоростных горнопроходческих бригад среди заключенных сдерживается тем, что администрация предприятий не создает для этого условий — часто перебрасывает с места на место и не обеспечивает инструментом или «начальник шахты приходит на работу нетрезвым или вовсе не приходит»¹⁷⁰.

Широко применялись в Берлаге такие формы трудового соревнования, как соревнование за качество продукции, экономию материалов, электроэнергию, сохранность оборудования и механизмов, что приводило к сокращению поломок и простоев агрегатов и механизмов¹⁷¹.

Архивные документы содержат очень много фамилий бригадиров и отдельных заключенных — передовиков производства, которые добивались наиболее высоких успехов. Но едва ли не чаще других упоминается заключенный бригадир скоропро-

ходческой бригады ЛО № 5 бурильщик Рит-Стуковенко (ст. 58 п. 1 «б», срок 10 + 5 п. п.)¹⁷².

Кроме благодарностей в приказе с занесением в личное дело, переходящего щита и званий отличника производства лучшие бригады поощрялись дополнительным питанием, лучшим обмундированием и так называемыми продпосылками за счет предприятия. Для них создавались лучшие бытовые условия — отдельные бараки, «в которых установлены кровати с полным комплектом новых постельных принадлежностей. В бараках вывешены картины, имеются оконные и дверные гардины, половики и т. д. В столовых для отличников отводятся отдельные столы, пища готовится в отдельных котлах», лучшие места на концертах и в кино, книги из библиотеки в первую очередь. Они имели право получать продукты в ларьке за безналичный расчет за свои средства¹⁷³.

Но «за нарушение режима и дисциплины, допущенные отдельными заключенными в отличных и авангардных бригадах, лишается звания вся бригада, что всегда вызывает осуждение нарушителей всеми остальными членами бригады». «За нарушения дисциплины в бараках или секциях все живущие в них лишаются права посещения концертов или кино на определенный срок»¹⁷⁴.

Переходящим Красным Знаменем во Всесоюзном социалистическом соревновании награждались предприятия Дальстроя (структура МВД, но не ГУЛАГа), а поскольку основной состав рабочих на них был лагерный, то опосредованно как бы и они считались награжденными, о чем и сообщали лагерные отчеты как о своих достижениях, что реально так и было. Из отчетов Берлага:

«Большинство предприятий Дальстроя выполнили производственный план. Многие из них выполнили план досрочно: рудник “Бутугычаг”, рудник им. Белова, рудник “Хениканджа”, рудник им. Лазо, Верхне-Сеймчанский ГРК, Утинский ЗРК, Оротуканский завод горного оборудования, Эльгенская электростанция (все предприятия обслуживались ЛО Берлага. — *И.Г.*). Последним двум предприятиям — первому в 4-м квартале в 3-й раз в 1950 г. присуждается переходящее Красное Знамя Главного и Политического Управления Дальстроя и Колымского окружкома профсоюза. Этот завод стал предприятием коллективного стахановского труда, второму — 2-й раз»¹⁷⁵.

Следует заметить, что бывшие заключенные Берлага, вспоминая лагерь, часто с гордостью говорили о производственных успехах своих бригад: «Мы дали проходку больше, чем мужская

бригада», «я всегда имела 1-ю категорию и выполняла нормы», «у нас была очень хорошая бригадир, мы выполняли нормы» и т. п.¹⁷⁶ Некоторые до конца дней хранили лагерные грамоты штаба трудового соревнования¹⁷⁷.

«Заключенный 3-го лагерного отделения (фабрика им. Берия) Шарков 24 часа непрерывно работал на ремонте дробильной машины, пока не закончил ремонт, тем самым предотвратил остановку всей фабрики»¹⁷⁸ — сообщалось в отчете о культурно-воспитательной работе.

А.В. Жигулин, бывший заключенный Берлага, в автобиографической повести «Черные камни» описывает один из эпизодов, произошедших на руднике «Бутугычаг», когда после взрыва забутовался восстающий забой. Восстающий — это слепая горная выработка в шахте или штольне, которая проходится снизу вверх (колодец, вывернутый наизнанку), а «забутовка» — взорванная, но не упавшая вниз горная порода, а зацепившаяся за обломки бревен крепления. Чтобы обвалить забутовку, поднятый на шесте фугас после нескольких попыток не решил проблемы, надо было крепить его к нависшему над головой многотонному отпалу. Даже начальник не имел права в этом случае приказать, только просить. Вот эту очень рискованную проблему вызвался добровольно ликвидировать один из бывших военных моряков Игорь Матрос, имевший лагерный срок 25 лет, но не за свободу (это было не во власти начальника рудника), а за две бутылки спирта, пять банок мясной тушенки, десять пачек махорки, недели отдыха и возможности отправить письмо матери¹⁷⁹. Это были 1950-е годы, уже не самые голодные. Вряд ли спирт и отдых были первопричиной этого поступка. Можно только предполагать: это могла быть попытка реабилитации за проявленную ранее трусость, или склонность к риску, как одно из проявлений посттравматического синдрома, или же героика в символическом пространстве советского государства сыграла свою роль. Нельзя сбрасывать со счетов высокую духовность военного поколения, даже если кто-то из них оказался в лагере. Как нельзя и отрицать того, что имевшим не по одному 25-летнему сроку (были и такие) были совершенно безразличны всякие стимулы для повышения эффективности труда, так как реальных шансов выйти на свободу у них не было.

Приведенные примеры свидетельствуют, что побудительные стимулы оказывали положительный эффект на производительность труда, возможно, и не в той мере, как это хотели видеть работники КВЧ и КВО лагеря. Да и инспекторские проверки

1949 г. отмечали, что «лагерный контингент производит хорошее впечатление. К работе относится добросовестно»¹⁸⁰.

Однако наиболее действенными и значимыми для заключенных были зачеты рабочих дней. Это практика, при которой перевыполнение заключенным нормы выработки приводило к реальному сокращению лагерного срока. И приведенные выше проценты перевыполнений норм, и успехи в трудовом соревновании прежде всего были обязаны действующей системе зачетов.

По постановлению Совета министров СССР от 21.02.1948 запрещалось применение к заключенным в особых лагерях таких льгот, как сокращение сроков. Но согласно постановлению Совета министров СССР № 1723-688сс от 22.05.1948 во всех лагерях Дальстроя были разрешены зачеты для хорошо работающих заключенных¹⁸¹. Совместным приказом МВД и Генеральной Прокуратуры СССР в июле 1948 г. была введена в действие инструкция о зачете рабочих дней для заключенных Дальстроя¹⁸². Таким образом, с самого начала практической работы Берлага (4-й квартал 1948 г.) система зачетов там действовала. Право на зачеты получили и каторжане. Условием на получение зачетов были соответствующее выполнение норм выработки и соблюдение лагерного режима.

Таблица 9

**Сведения о заключенных, получивших зачеты в Берлаге
в 1948–1949 гг. в % от списочного состава лагеря¹⁸³**

4-й кв. 1948 г.	1-й кв. 1949 г.	2-й кв. 1949 г.	3-й кв. 1949 г.	4-й кв. 1949 г.
51,2	53,1	56	66,3	70,2*

* Без учета данных из ЛО № 14 и 16.

Из получивших зачеты в 4-м квартале 1949 г. 61,9% заключенных работали на основном производстве, 28,5% — на подсобно-вспомогательном, 5,1% — в хозобслуге лагеря, 4% работали на механизмах и станках, 0,2% работали на производстве в должностях ИТР, 0,3% получивших зачеты позже были лишены их¹⁸⁴. Отмечалось, что по высшей шкале зачеты получали специалисты, работающие на механизмах и станках, и это стимулировало у других заключенных желание приобрести специальности бурильщика, токаря, компрессорщика и др. Также отмечалось, что «особенно положительное влияние на заключенных оказало то обстоятельство, что на протяжении 1949 г. во всех лагерных отделениях были случаи досрочного освобождения заключенных в связи с применением зачетов рабочих дней»¹⁸⁵. Из письма

домой заключенного П.К. Кожушного: «Здесь, кто работает отлично, за день считают 3 дня, вот и я постараюсь хорошо работать, чтобы в скором времени вернуться домой»¹⁸⁶.

В других особых лагерях зачетов еще не было. Возможно, поэтому, несмотря на тяжелейшие условия первого года существования лагеря, из всех особых лагерей МВД только Берлаг выполнил и даже перевыполнил план выставления рабочей силы на производство в 1949 г. (106,4%). Годовой план доходов выполнил на 114,6%, а среднедневная выработка в лагере составила 116%, за что управление Берлага было отмечено в приказе МВД СССР № 001048 от 17.11.1949¹⁸⁷.

Возможность раньше освободиться привела к тому, что некоторые заключенные стали просить администрацию о переводе их на основное производство, где зачетная шкала была выше. В ЛО № 8 «поступило больше 100 заявлений от заключенных, работающих в хозобслуге и на вспомогательном производстве, о посылке их на основное производство»¹⁸⁸, и аналогичные просьбы были в других подразделениях Берлага.

Росло число заключенных, обучавшихся новым профессиям без отрыва от производства. Их удельный вес в разные периоды колебался в пределах 7–11% от работающих (группы «А»)¹⁸⁹.

Даже воровские «законы» были пересмотрены на воровских сходках. «Честняги» получили право выполнять должности бригадиров производственных бригад. Это давало возможность, не работая самому, получать зачеты за счет работающих в бригаде людей¹⁹⁰.

Нормы были очень высокие, честно получить высокие проценты было сложно, и потому такая ситуация порождала приписки в выполненных нарядах, «туфту». Нормировщиком на одном из участков рудника «Аляскитовый» некоторое время работал з/к К.И. Гусев. Из его воспоминаний:

«Породы — очень крепкие (до класса 10,5). Норма — 21-метровый шпур в смену. Самое большее выработывали 25–30%, остальное — я изобретал, чтобы кормить людей. За 100% полагалось 800 г. хлеба, за 125% — 1100 г. ... Однажды у меня произошел конфликт с одной бригадой. Я попросил поработать получше, т. к. уже не мог вывести им 100%. Посадил бригадира — пиши, что придумаешь, что вы могли сделать. Он не смог написать больше, чем на 50% нормы, в результате — три дня бригада получала пайку по 500 г. Тогда они устроили забастовку (нормировщик неправильно пишет). Начальник труда и зарплаты снял меня с нормировщиков, начальник лагеря поставил бригадиром на глубину 90 м. Оборудование работало отвратительно. Опускали и поднимали рабочих в забой таким образом. Бочка из-под бензина опускается и поднимается на тресе.

В бочке — инструмент, на краях бочки становятся з/к, держатся за трос. Вот и вся подъемная машина»¹⁹¹.

И, несмотря на проводимую борьбу с «туфтой», в ней были заинтересованы все — и заключенные, и лагерь (больше получал за выполненную работу), и предприятие (план по валу выполнялся). Но как велики были приписки, вопрос открытый. Надо сказать, что не на всех видах работ можно было легко применить приписки. Пока «туфта» оценивается только качественно, а требует количественной оценки, хотя сделать ее вряд ли возможно. Известно, как часто эмоциональные оценки, сделанные на основании воспоминаний очевидцев, грешили преувеличениями. Оценить «туфту» на взятых для данного исследования источниках не представляется возможным. Кроме воспоминаний нормировщиков, бригадиров, горных мастеров, для такого рода исследований следует привлекать документы отделов труда и зарплаты (если они вообще подлежали хранению), а также геологические и маркшейдерские документы по отработке отдельных месторождений. Учитывая секретность и разобщенность разных отделов предприятий, там, думается, можно было бы поискать нестыковки количественные.

Зачеты были мощным стимулом работать лучше и поэтому всячески популяризировались в лагерных подразделениях.

«КВЧ ЛО № 8 доводит начисленные зачеты до каждого заключенного на разводах и поверках, своевременно заносит в зачетные книжки новые зачеты с изменением конца срока наказания и вручает их заключенным для ознакомления»¹⁹².

В некоторых жилых зонах лагерных подразделений вывешивались написанные на больших щитах шкалы зачетов, выдержки из инструкции по зачетам, списки тех, кто получил наибольшее количество зачетных дней и досрочно освобожден из лагеря¹⁹³.

В то же время жалобы заключенных и проверки комиссий выявляли и нарушения в деле начисления зачетов. Так в представлении военного прокурора войск МГБ Дальстроя Федорова от 20.01.1953 отмечалось, что в результате несвоевременно оформленных протоколов по зачетам рабочих дней незаконно содержалось в Берлаге от 1 месяца и дольше 8 человек¹⁹⁴.

В соответствии с постановлением правительства и приказом МВД СССР № 00130 от 03.12.1948 для заключенных Дальстроя, кроме Берлага, с 1 января 1949 г. была введена заработная плата. По сравнению с вольнонаемными она была достаточно сильно урезана, но все же в добавление к зачетам это был весьма

значимый стимул для повышения производительности труда. Тут же от руководства Берлага в адрес ГУЛАГа пошли запросы, «распространяется ли это на Берлаг?». Пройдя круг высоких чиновничьих кабинетов Буланова — Добрынина — Чернышова — Круглова — Берии и в обратном порядке, ответ был отрицательный, т. к. «нужно решение правительства»¹⁹⁵. В последующие годы в каждой докладной записке Берлага шли просьбы о распространении действия приказа о зарплате и на особый лагерь, «учитывая проведение в ряде подразделений работ совместно с контингентом ИТЛ и положительный опыт введения зарплаты для заключенных ИТЛ»¹⁹⁶.

Отсутствие такого действенного стимула к работе понимали и руководители предприятий Дальстроя. Так, в пояснительной записке к проекту-плану на 1952 г. рудника им. Матросова отмечалось как недостаток:

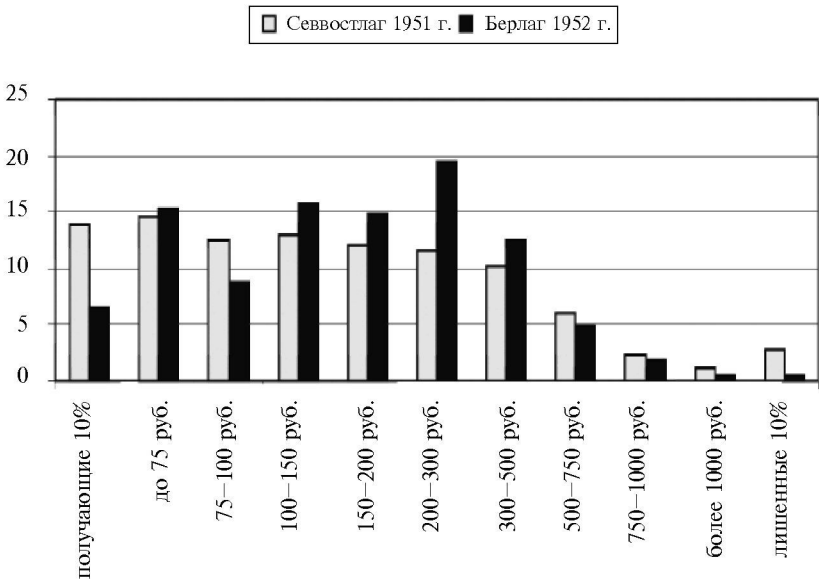
«...Рабочие контингента третьей группы (Береговой лагерь) не только не получают никакой денежной оплаты труда, но даже не знают о размере начисленной им заработной платы, т. к. бухгалтерия обезличенно переводит всю сумму начисленной зарплаты в управление Берегового лагеря»¹⁹⁷.

Только через три года в соответствии с постановлением правительства (№ 4560-2002сс от 12.11.1951) и приказом МВД СССР № 0076 от 29.01.1952 во всех особых лагерях была введена заработная плата.¹⁹⁸ В Берлаге платить ее стали только с 01.04.1952 по ставкам заключенных, согласно тарифным перечням, объявленным по Дальстрою приказом № 0499-1951 г.¹⁹⁹ Сколько начислялось (в руб.) и что оставалось заключенному, можно судить по данным бухгалтерского отчета за 9 мес. (2-й, 3-й, 4-й кварталы) 1952 г. по Берлагу (см. таблицу 10)²⁰⁰.

Таблица 10

Среднемесячная зарплата на 1 работающего по ставке в/н на оплачиваемых работах	884
То же по ставке з/к	481
Соотношение начисленной зарплаты по ставкам з/к к зарплате по ставкам в/н в %	54,4
Среднемесячная зарплата на 1 работающего на внутрилагерных работах, хозобслуге и на штатных должностях в/н состава по ставкам з/к	447
Среднемесячная зарплата на 1 чел. по ставкам з/к	478
После удержаний за питание, вещевое довольствие и пр. на 1 чел. в месяц	203
В % к начисленной	42,5

Соотношение размеров заработной платы заключенных Севвостлага в 1951 г. и Берлага в 1952 г. (9 мес.)

Составлено по данным: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2757. Л. 33; Ф. 2701. Л. 201.

Из рисунка 18 видно, что доля получающих зарплату от 100 до 500 руб. в Берлаге составляла больше 60%, а в Севвостлаге — менее 40%, но зато доля высокооплачиваемых заключенных выше была в Севвостлаге (9,6%) против 6,9% в Берлаге. А вот удельный вес получающих гарантированные 10% и лишенных их больше был в Севвостлаге (16,7%) против 6,9% в Берлаге. Правда, это сравнение не совсем корректное (не в один год, а в смежные 1951 и 1952), но вряд ли заработки в эти годы существенно отличались. Отсюда следует, что заключенные Берлага работали лучше своих соседей из Севвостлага.

Доля рекордистов, имевших заработок от 4 до 6 тыс. руб. в месяц²⁰¹, была невелика. Эта «элита», скорее, служила образцом для подражания для остальных заключенных.

Благодаря зарплате удалось улучшить питание заключенных, а также у некоторых появилась возможность часть заработка посылать своим семьям. Несколько любительских фотографий, сделанных в лагере на руднике «Хениканджа» (бригада заклю-

ченных женщин и несколько мужчин перед штольной) и на руднике «Бутугычаг» (портретные снимки), показывают совсем не изможденных голодом доходяг, а скорее, даже наоборот, вполне упитанных. Оказывается, снимки сделаны в 1953–1954 гг., и, как сообщили изображенные на них люди, «ларьки были и деньги платили»²⁰².

Архивные документы 1952–1953 гг. свидетельствуют, что и в Берлаге в эти годы «значительно активизировалась преступная деятельность уголовно-бандитствующего элемента»²⁰³ (в общих лагерях Дальстроя их деятельность принимала просто угрожающий характер). Ранее уголовники терроризировали добросовестно работающих заключенных и вымогали у администрации хозорганов начисления процентов за счет других заключенных. Теперь же они стали встречать сопротивление со стороны подавляющей массы заключенных, преимущественно украинцев, которых в лагере было много, и вели они себя более сплоченно. На этой почве возникали кровавые разборки. Из показаний з/к Сиротенко по делу убийства з/к Тажмакина: «Мы были слабы, теперь получаем деньги, стали питаться лучше и решили дать бандитам физический отпор, чтоб впредь не обижали заключенных, которые честно трудятся»²⁰⁴.

Итак, принудительный труд прочно укрепился в экономике государства 1930–1950-х гг., причем чем дальше на восток, тем больше был удельный вес заключенных среди строителей социализма. Работа заключенных особого лагеря № 5 регулировалась ведомственным договором, с оплатой от предприятий лагерю, минуя самих заключенных. Зарплату, в среднем в 1,8 раза ниже, чем у вольнонаемных рабочих, заключенные Берлага стали получать только с 1952 г. Большинство заключенных выполняли малоквалифицированную тяжелую работу, которая оплачивалась по сдельным расценкам.

Мотивация к труду базировалась на административном принуждении, когда от выполнения или невыполнения норм зависели здоровье и жизнь заключенного. Но принуждение имело пределы, поэтому руководство вынуждено было использовать и другие стимулы для повышения производительности труда заключенных. Это, прежде всего, зачеты рабочих дней, позволявшие реально сокращать лагерный срок. Имела место и такая присущая советскому строю мера, как моральные стимулы. Появлялась и «лагерная рабочая элита».

Итак, можно констатировать, что организация особых лагерей не достигла поставленных целей. Затратив огромные финансовые средства на разделение политических заключенных от остального лагерного контингента, их изоляция так и не была достигнута. Жесткие меры по содержанию и трудовому использованию особого контингента приводили к более быстрой, чем в общих лагерях, потере трудоспособности. Запрет на сокращение сроков наказания и другие льготы в особых лагерях постепенно и с большим трудом тоже вынуждены были отменять ради стимулирования труда заключенных.

Принудительные работы, основанные на примитивном ручном труде, не могут быть эффективными, а их стимулирование без создания условий для жизни и работы приводит лишь к кратковременному эффекту.

Эффективность от применения принудительного труда на северо-востоке СССР руководителями страны рассматривалась, прежде всего, как возможность быстро решить политико-экономические проблемы с помощью мобильных трудовых ресурсов, концентрации их в отдаленных необжитых местах и, по возможности, с меньшими затратами. Решалась и проблема заселения территории и включения ее в общий народно-хозяйственный комплекс страны. Это был метод индустриализации по-советски. И, надо признать, эта задача была решена и в короткие сроки.

Практика мобилизации в форме принудительного труда, а позже и в форме комсомольских призывов привела к тому, что отдаленная и малонаселенная, но богатая по наличию минерально-сырьевых и биологических ресурсов территория осваивалась хищнически, рывком, без создания инфраструктуры на длительную перспективу, как внутренняя колония с временным населением. Такой способ хозяйствования не способен поддерживать экономическую динамику развития региона, а потому, особенно в кризисные моменты, «откат» был наиболее значительным и болезненным.

Кризис 1990-х гг. тяжело отразился на Магаданской области. Несмотря на огромные сырьевые богатства и устоявшиеся циклы их добычи, в эти годы закрывались прииски, шахты, рудники, ветшали дороги, закрывались поселки, население покидало территорию, с таким трудом освоенную предыдущими поколениями. Вопрос о том, кто и каким способом будет продолжать осваивать эту все еще богатую и пока российскую территорию, актуален.

Примечания

- ¹ ГУЛАГ 1918–1960. Документы / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000. С. 135.
- ² Там же. С. 138–141.
- ³ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. М., 1999. С. 167.
- ⁴ Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... С. 138.
- ⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 135; Д. 1860. Л. 214; Д. 1845. Л. 239.
- ⁶ Там же. Д. 1860. Л. 214.
- ⁷ Сталинские стройки ГУЛАГа. С. 538.
- ⁸ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 551. Л. 8–9. Д. 650. Л. 167.
- ⁹ Там же. Д. 1860. Л. 191.
- ¹⁰ Из интервью автора с Дмитерко С.Ф. Личный архив автора.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 5.
- ¹² Там же. Д. 1848. Л. 39.
- ¹³ Там же. Д. 1860. Л. 5, 96, 191.
- ¹⁴ Там же. Л. 13, 14.
- ¹⁵ Там же. Д. 650. Л. 29–30.
- ¹⁶ Там же. Д. 1860. Л. 14.
- ¹⁷ Там же. Д. 650. Л. 170.
- ¹⁸ Там же. Л. 8.
- ¹⁹ Там же. Д. 387. Л. 139–140.
- ²⁰ Там же. Л. 9–11.
- ²¹ Интервью автора с Л.Я. Драной. Личный архив автора.
- ²² ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 551. Л. 10–77.
- ²³ Там же. Л. 99–100, 127–130.
- ²⁴ Там же. Д. 1860. Л. 37.
- ²⁵ Там же. Л. 55.
- ²⁶ Там же. Л. 9–10.
- ²⁷ Из интервью автора с А. Пыхтиным, записано в октябре 1996 г. в пос. Усть-Омчуг Магаданской обл. Личный архив автора.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 192.
- ²⁹ Там же. Д. 650. Л. 196.
- ³⁰ Там же. Д. 1860. Л. 194. В бывшей лагерной зоне «Вахханка» автор наблюдала в освещении внешней зоны лагеря светильники, сделанные из мисок.
- ³¹ Из интервью автора с А.В. Дзенькив, записано в декабре 1990 г. в пос. Усть-Омчуг Магаданской обл. Личный архив автора.
- ³² ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 29, 41, 46.
- ³³ Там же. Л. 195.
- ³⁴ Там же. Д. 591. Л. 685.
- ³⁵ Там же. Д. 2597. Л. 4.
- ³⁶ Прикладной климатологический справочник Северо-Востока СССР. Магадан, 1960. Север Дальнего Востока. М., 1970. С. 361.

- ³⁷ Цит. по: Г. Горчаков. Л-1-105. Иерусалим, 1995. С. 251–253.
- ³⁸ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 650. Л. 181–182.
- ³⁹ Там же. Д. 551. Л. 68–71, 76–77, 129–132.
- ⁴⁰ Там же. Л. 10–11, 79–80.
- ⁴¹ Из интервью автора с И.Г. Логиновой, записано в январе 2001 г. в пос. Усть-Омчуг Магаданской обл. Личный архив автора.
- ⁴² ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 551. Л. 24–25, 28–29, 121–124; Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2757. Л. 4.
- ⁴³ Из интервью автора с бывшими заключенными «Бутугычага» и «Вахханки» С.Ф. Дмитерко, А.В. Дзенькив, Т.Ф. Смирновой, В.Ф. Си-рога, Н.П. Новиковой, Л.Ф. Перфильевой, записаны в 1990–2001 гг. в пос. Усть-Омчуг Магаданской обл. Личный архив автора.
- ⁴⁴ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 387. Л. 15–16, 46, 48–50.
- ⁴⁵ Там же. Л. 13, 99–104.
- ⁴⁶ Там же. Л. 49.
- ⁴⁷ Там же. Д. 650. Л. 181.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2757. Л. 8–9.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 650. Л. 181.
- ⁵¹ Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока... С. 177.
- ⁵² ГА РФ. Ф. 9414. Оп.1. Д. 387. Л. 139–140; Д. 1385. Л. 6, 58, 94, 133, 166, 190, 219, 252.
- ⁵³ Там же. Д. 1845. Л. 21.
- ⁵⁴ На начало 1947 г. в лагерях Севвостлага доля каторжан составляла 9% от общей численности, на начало 1948 г. — 5,4% (ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1283. Л. 18–19); на 01.09.1951 — 1,7% каторжан (Там же. Д. 650. Л. 8). На 01.06.1952 на каторжном прииске «Ат-Урях» Северного ИТЛ работало 1571 чел. (≈ 1% от общей численности Севвостлага) (Там же. Д. 591. Л. 33–34).
- ⁵⁵ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 378. Л. 2.
- ⁵⁶ ГУЛАГ 1918–1960. Документы / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2000. С. 132.
- ⁵⁷ История сталинского ГУЛАГа. Т. 2. Карательная система: структура и кадры / Отв. ред. и сост. Н.В. Петров. Отв. сост. Н.И. Владимирцев. М., 2004. С. 372.
- ⁵⁸ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1385. Л. 219.
- ⁵⁹ Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. С. 538.
- ⁶⁰ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 81.
- ⁶¹ Там же. Д. 2842. Л. 4.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. Л. 33.
- ⁶⁴ Там же. Задним числом, очевидно, были пересчитаны и данные на начало 1949 г. по новой схеме, т. к. в последующих документах приводится градация на 2 категории.
- ⁶⁵ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 650. Л. 179, 183.
- ⁶⁶ Там же. Д. 1860. Л. 58.

- 67 Там же. Д. 2597. Л. 21.
- 68 Там же. Д. 1845. Л. 21.
- 69 Там же. Д. 1860. Л. 210.
- 70 Там же. Д. 1845. Л. 156. Санитарная справка по Берлагу без названия. В этой справке 1949 г. написано «смертность в 1-м квартале в пределах 0,35–0,39%», а в докладе за 9 мес. 1950 г. (Д. 1860. Л. 210) на этот же период (1 кв. 1949 г.) приводится цифра только 0,34%. Похоже, что отчетные документы корректировались в сторону снижения смертности.
- 71 Там же. Д. 1860. Л. 54; Д. 650. Л. 171; Д. 2597. Л. 1, 35, 80.
- 72 Там же. Д. 650. Л. 182–183; Д. 1638. Л. 235.
- 73 Архивный отдел администрации Тенькинского района Магаданской области. Ф. Р-8. (Техотчет рудника им. Матросова за 1946 г.).
- 74 Цит. по: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 192.
- 75 Из интервью автора с Логиновой И.Г. Личный архив автора.
- 76 ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 650. Л. 193; Д. 1562. Л. 21, 30; Д. 1637. Л. 3, 39–40, 234; Д. 1638. Л. 255, 266; Д. 1714. Л. 184; Д. 1860. Л. 203, 207.
- 77 Там же. Д. 1636. Л. 185.
- 78 Там же. Д. 1860. Л. 100.
- 79 Там же. Д. 1860. Л. 100, 198; Д. 650. Л. 174.
- 80 Там же. Д. 1860. Л. 45; Д. 650. Л. 175.
- 81 Там же. Д. 650. Л. 184; Д. 551. Л. 28–29, 70–73, 76–77.
- 82 Там же. Д. 650. Л. 174, 182–183.
- 83 Там же. Д. 1636. Л. 187; Д. 1637. Л. 33–34.
- 84 Там же. Д. 1860. Л. 206.
- 85 Там же. Л. 100.
- 86 Там же. Л. 104.
- 87 Там же. Д. 650. Л. 180.
- 88 Там же. Л. 181.
- 89 Там же. Л. 184, 195.
- 90 Из интервью автора с С.Ф. Дмитерко, Т. Ф. Смирновой, Новиковой, А.В. Дзенькив. Личный архив автора.
- 91 ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 650. Л. 189; Д. 1860. Л. 101.
- 92 Там же. Д. 650. Л. 190.
- 93 Там же. Д. 1860. Л. 58.
- 94 Там же. Д. 650. Л. 200–201.
- 95 Там же. Л. 205, 207.
- 96 Из интервью автора с С.Ф. Дмитерко. Личный архив автора.
- 97 ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 650. Л. 187 (Цитаты из докладной записки начальника Берлага за 1951 г.).
- 98 Там же.
- 99 Из интервью автора с Дмитерко С.Ф. Личный архив автора.
- 100 Из интервью автора с Драной Л.Я. Личный архив автора.
- 101 ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 650. Л. 188.
- 102 Там же. Д. 1860. Л. 62.
- 103 Там же. Д. 650. Л. 188.

¹⁰⁴ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2002 (Россия. XX век. Документы.) С. 135.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1845. Л. 34.

¹⁰⁶ Там же. Д. 1860. Л.204.

¹⁰⁷ Там же. Д. 650. Л. 181 (Докладная записка о состоянии работы и деятельности Особого лагеря № 5 МВД СССР за 1951 г., адресованная начальнику ГУЛАГа генерал-лейтенанту И.И. Долгих от начальника управления Особого лагеря № 5 полковника Васильева).

¹⁰⁸ Там же. Д. 1848. Л. 2; Д. 1860. Л. 203.

¹⁰⁹ Там же. Д. 1848. Л. 4–13. (Приложение к приказу начальника ГУСДС МВД СССР генерал-майора Петренко).

¹¹⁰ Там же. Д. 1847. Л. 291, 298.

¹¹¹ Там же. Л. 297, 298. Цит. по: Акт инспекторского смотра лагерного отделения № 10 от 22.07.1949.

¹¹² Там же. Д. 1860. Л. 64; Д. 1847. Л. 88.

¹¹³ Там же. Д. 1860. Л. 203.

¹¹⁴ Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ–НКВД СССР в цифрах и документах в 2-х частях. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. Ч. 2 (1941–1945). С. 51, 72, 88, 91, 228.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2597. Л. 153.

¹¹⁶ Там же. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2757. Л. 7 (Годовой бухгалтерский отчет за 1952 г.).

¹¹⁷ Там же и + рисунок 1.

¹¹⁸ Рассчитано по: Там же. Л. 32 (Отчет по трудовому использованию заключенных за 1952 г.).

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 78.

¹²⁰ Там же. Д. 1860. Л.129.

¹²¹ Там же. Д. 650. Л. 178 (Докладная записка о состоянии работы и деятельности Особого лагеря № 5 МВД СССР за 1951 г., адресованная начальнику ГУЛАГа генерал-лейтенанту И.И. Долгих от начальника управления Особого лагеря № 5 полковника Васильева).

¹²² Рассчитано по данным: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2757. Л. 32 (Отчет по трудовому использованию заключенных за 1952 г.).

¹²³ Рассчитано по данным: ГА РФ за 1950 г. и 1-е полугодие 1952 г. Во 2-м полугодии оздоровительных пунктов профилактического отдыха в Берлаге не было по невыясненным причинам: Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1340. Л. 6, 15, 24, 33, 43, 51, 60, 69, 78, 87, 95, 105; Д. 2871. Л. 11, 22, 30.

¹²⁴ Там же. Д. 1847. Л. 81.

¹²⁵ Цит. по: Там же. Д. 1845. Л. 114 (Докладная записка начальника ГУЛАГа Добрынина в адрес министра Круглова).

¹²⁶ Там же. Д. 1847. Л. 102, 112–114.

¹²⁷ Там же. Д. 1860. Л. 109.

¹²⁸ Там же. Л. 111.

¹²⁹ Там же. Л. 218.

- ¹³⁰ Жигулин А.В. Черные камни: Автобиографическая повесть. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 195, 199.
- ¹³¹ Архив (не классифицированный) Федерального государственного дорожно-эксплуатационного предприятия № 251. Пос. Мадаун Магаданской обл. Приказы Комсомольского ДСУ (8-го ДЭУ) за 1942 г.
- ¹³² Грибанова И.В. Превратности судьбы // «Тенька» (газета Тенькинского района Магаданской обл.). 1994. 7 мая.
- ¹³³ Рассчитано по данным: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1340. Л. 6, 15, 24, 33, 43, 51, 60, 69, 78, 87, 95, 105.
- ¹³⁴ Рассчитано по данным: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2753. Л. 157 (Бухгалтерский отчет за 1952 г. по ИТЛ Дальстроя).
- ¹³⁵ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 650. Л. 178, 179.
- ¹³⁶ Там же. Д. 1860. Л. 129.
- ¹³⁷ Там же. Л. 84–86.
- ¹³⁸ Там же. Л. 201.
- ¹³⁹ Рассчитано в % по: Там же. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2757. Л. 32 (Отчет по трудовому использованию за 1952 г.).
- ¹⁴⁰ Там же. Д. 2753. Л. 157.
- ¹⁴¹ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 30, 36, 42.
- ¹⁴² Там же. Л. 41–43.
- ¹⁴³ Там же. Л. 35–37.
- ¹⁴⁴ Там же. Л. 29–31.
- ¹⁴⁵ Там же. Д. 1847. Л. 84.
- ¹⁴⁶ Рассчитано автором по данным: Там же. Д. 1846. Л. 120–124; Д. 1340. Л. 6, 15, 24, 33, 43, 51, 60, 69, 78, 87, 95, 105; Д. 1637. Л. 2, 19, 39.
- ¹⁴⁷ Там же. Д. 1637. Л. 19.
- ¹⁴⁸ Цит. по: Там же. Л. 19–20.
- ¹⁴⁹ Там же. Д. 1638. Л. 235; Д. 1715. Л. 9.
- ¹⁵⁰ Интервью автора с И.Г. Логиновой, записано в январе 2001 г. Личный архив автора.
- ¹⁵¹ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 100.
- ¹⁵² Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М.: МФД: Материк, 2005. С. 538.
- ¹⁵³ К сожалению, в разных документах, где приводятся статистические данные, иногда встречаются разночтения. В вышеприведенных данных Кокурина А.И. и Морукова Ю.Н. есть общая ссылка, что они взяты из данных о движении заключенных без уточняющих ссылок на ГА РФ, поэтому проверить их затруднительно. Приведенные в табл. сведения см.: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 85; Д. 1860. Л. 73, 99; Д. 650. Л. 166; Д. 1638. Л. 245; Д. 1714. Л. 174; Д. 2597. Л. 3, 40.
- ¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1; Д. 2597. Л. 101, 123.
- ¹⁵⁵ Там же. Д. 1612. Л. 76, 78.
- ¹⁵⁶ Цит. по: Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий

(1932–1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН. 2002. С. 181.
(Есть ссылка на ГА МО. Ф. Р-23сс. Оп. 1. Д. 382. Л. 51.)

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1860. Л. 201; Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2757. Л. 9, 32.

¹⁵⁸ Там же. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2693. Л. 20; Д. 2753. Л. 160.

¹⁵⁹ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 287.

¹⁶⁰ Там же. Л. 288.

¹⁶¹ Цит. по: Там же. Л. 289 (Цит. из акта проверки).

¹⁶² Там же. Л. 288–289.

¹⁶³ Цит. по: Там же. Л. 288.

¹⁶⁴ Там же. Д. 2597. Л. 77.

¹⁶⁵ Там же. Д. 1608. Л. 12, 13; Д. 650. Л. 182.

¹⁶⁶ Там же. Д. 1636. Л. 174; Д. 1637. Л. 17–18; Д. 1562. Л. 8.

¹⁶⁷ Там же. Д. 1562. Л. 20, 29; Д. 1637. Л. 2, 39; Д. 1636. Л. 175, 192–193; Д. 1848. Л. 63–64.

¹⁶⁸ Рассчитано по данным: Там же. Д. 1562. Л. 20, 29; Д. 1637. Л. 2, 39; Д. 1636. Л. 192–193.

¹⁶⁹ Там же. Д. 1636. Л. 175.

¹⁷⁰ Там же. Д. 1636. Л. 176; Д. 1562. Л. 10.

¹⁷¹ Там же. Д. 1636. Л. 176; Д. 1608. Л. 12.

¹⁷² Там же. Д. 1562. Л. 9; Д. 1636. Л. 176; Д. 1637. Л. 13; Д. 1608. Л. 14. Бригадир Б.Ю. Рит(т)-Стуковенко, только уже как вольнонаемный, часто упоминается среди передовиков Дальстроя (рудника им. Лазо в 1953–1954 гг., рудника «Утиный» в 1955 г.) (Хроника горнодобывающей промышленности Магаданской области: Часть 1: Горнодобывающая промышленность Дальстроя (1931–1957) / Сост. С.П. Ефимов. Магадан: Кордис, 2002. С. 123, 127–128, 131, 134, 136, 138, 143, 145). Весной 1956 г. эксплуатация рудника «Утиный» прекратилась (Там же. С. 157). И вновь фамилия Б.Ю. Рит(т)-Стуковенко, как создателя первой комплексной бригады на руднике им. Матросова в 1956 г., упоминается в справке Л. Волькиной (Архивный отдел администрации Тенькинского района Магаданской обл. Материалы по руднику им. Матросова. Справка Л. Волькиной от 20.05.1987 г.). Вряд ли это однофамилец, можно предположить, что досрочно, по зачетам, освободившись и оставаясь в ссылке, он переходил или его переводили с предприятия на предприятие, пока в 1956 г. не отменили и ссылку.

¹⁷³ Там же. Д. 1562. Л. 10; Д. 1637. Л. 13–14, 18; Д. 1638. Л. 247.

¹⁷⁴ Цит. по: Там же. Д. 1637. Л. 30.

¹⁷⁵ Цит. по: Там же. Д. 1636. Л. 184.

¹⁷⁶ Из интервью автора с И.Г. Логиновой (январь 2001 г.), С.Ф. Дмитерко (лето 1993 г.), Н.П. Новиковой (март 2001 г.), письма А.Х. Новосад (06.12.2003). Личный архив автора.

¹⁷⁷ Грамоты П.А. Дроздова, В.Г. Валентовича в экспозицию историко-краеведческого зала Тенькинского района Магаданской обл. передали их дети Б.П. Дроздов и О.В. Чудинова.

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1608. Л. 3.

¹⁷⁹ Жигулин А.В. Черные камни: Автобиографическая повесть. М.: Моск. рабочий. С. 199–201. (Позже И. Матрос был убит при попытке к побегу. Там же. С. 233.)

¹⁸⁰ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1848. Л. 58.

¹⁸¹ Там же. Д. 387. Л. 17.

¹⁸² Там же. Оп. 1д. Д. 151. Л. 281.

¹⁸³ Там же. Д. 1860. Л. 67–68; Д. 1562. Л. 23.

¹⁸⁴ Рассчитано по данным: Там же. Д. 1562. Л. 23.

¹⁸⁵ Там же. Л. 24, 25.

¹⁸⁶ Там же. Л. 6.

¹⁸⁷ Там же. Д. 1860. Л. 107–108.

¹⁸⁸ Цит. по: Там же. Д. 1636. Л. 183.

¹⁸⁹ Рассчитано по данным: Там же. Д. 1562. Л. 20–21, 29–30; Д. 1608. Л. 3–4, 25–26; Д. 1637. Л. 3, 40; Д. 1714. Л. 187–188.

¹⁹⁰ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2002. С. 595, 609 (Письмо бывшего заключенного Дальстроя А.М. Дородницына К.Е. Ворошилову о реорганизации системы лагерей. Письмо заключенного О. Жукова К.Е. Ворошилову о реорганизации системы лагерей).

¹⁹¹ Цит. по: Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва). Ф. 1. Оп. 3. Д. 1391. Л. 17.

¹⁹² Цит. по: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1636. Л. 183.

¹⁹³ Там же. Д. 1714. Л. 175.

¹⁹⁴ Там же. Д. 747. Л. 90.

¹⁹⁵ Там же. Д. 1847. Л. 189, 193, 195–196, 201, 225.

¹⁹⁶ Там же. Д. 1847. Л. 264; Д. 1848. Л. 66; Д. 1860. Л. 103.

¹⁹⁷ Архивный отдел администрации Тенькинского района Магаданской обл. Ф. Р-8. Пояснительная записка к проект-плану металлодобывчных работ рудника им. Матросова на 1952 г.

¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 387. Л. 143.

¹⁹⁹ Там же. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2757. Л. 10.

²⁰⁰ Там же. Л. 10–11.

²⁰¹ Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1557. Л. 15.

²⁰² Фото подарены историко-краеведческому залу Тенькинского района Магаданской области бывшими заключенными Берлага А.Х. Новосад, Т.Ф. Смирновой, С.Ф. Дмитерко, В.И. Сирота.

²⁰³ Цит. по: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2597. Л. 77.

²⁰⁴ Там же. Л. 140.

Внешнеэкономические отношения

Развитие лесоэкспорта России и Швеции в XVIII в.

XVIII в. в истории России и Швеции — это время не только активной внешнеполитической борьбы за укрепление и сохранение позиций в Балтийском регионе, но и усиления экономической конкуренции между двумя соседними странами в Европе. Рост продукции металлургического производства в обоих государствах, в первую очередь различных сортов железа, определил основную сферу столкновения экономических интересов России и Швеции на европейском рынке. Однако одновременное проведение политики меркантилизма российскими и шведскими властями обеспечивало подъем и других отраслей хозяйства, продукция которых пользовалась постоянным спросом внутри страны и за рубежом.

Потребности кораблестроения и частые европейские войны стимулировали в XVIII в. рост лесной промышленности и смолокурения. Россия и Швеция обладали богатыми лесными ресурсами и стремились к увеличению численности своего торгового и военного флота. Строительство корабельных верфей, как правило, сопровождалось появлением лесопильных предприятий. Развитие деревообрабатывающей отрасли хозяйства и лесоэкспорта в обоих государствах неизбежно должно было привести к новому столкновению торговых интересов России и Швеции в Европе. Но в XVIII в. оба государства проводили политику, направленную на сохранение лесов для внутреннего употребления, что сдерживало экспорт и позволяло избегать острой конкуренции.

Постоянные ограничения на вывоз леса, включая прямые запрещения, вводились в России после Северной войны начиная с 1736 г., когда нарвским купцам для заграничного отпуска разрешили вырубать не более 150 тыс. деревьев. Экспорт леса и

* Минаева Татьяна Станиславовна — кандидат исторических наук (Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск).

лесной продукции в 1720–1730-х гг. из Нарвы постоянно увеличивался, что могло привести к массовым вырубкам и уничтожению леса в окрестностях города (табл. 1)¹.

Таблица 1

Вывоз бревен и жердей из Нарвы в 1722–1731 гг. (шт.)

Год	Бревна	Жерди
1722	50 489	Нет св.
1728	113 021	164 433
1729	87 329	122 412
1730	128 643	189 358
1731	169 511	248 144

В 1737 г. вышел т. н. указ о «бережении лесов», запрещавший без позволения Адмиралтейств-коллегии рубить лес для заморского отпуска в окрестностях Выборга и Петербурга. С этого момента и до 1782 г. издавались многочисленные указы, касающиеся ограничения или запрещения вывоза леса и лесопильных материалов. Так, в 1740 г. правительство постановило отпускать не более 10 кораблей с лесом из Выборга, в 1750–1751 гг. не разрешался экспорт брусьев и пиломатериалов из Пернова, в 1754 г. запретили выпуск всякого леса из Петербурга, с 1755 г. — из Нарвы и в этом же году ограничили вывоз бревен и досок из Выборга. В 1761 г. отпуск леса из Нарвы был возобновлен, но в размере не более 60 корабельных грузов с брусьями, а не досками. В 1782 г. ненадолго предоставили полную свободу лесному торгу, но уже в 1788 г. строевой лес за границу перестали выпускать. В конце 1798 г. последовал новый указ о прекращении отпуска леса за границу².

В Швеции после 1723 г. не принималось никаких законов, полностью запрещавших экспорт древесины из страны, но были установлены высокие таможенные пошлины. В 1748–1782 гг. действовало ограничение на вывоз балок, которые разрешали отправлять за границу только на отечественных судах и в размере не более $\frac{1}{3}$ от грузоподъемности судна³. В 1744 г. шведские власти ввели запрет на экспорт досок из Стокгольма на иностранных судах, кроме строго определенного количества для защиты бортов судна при перевозке железа (4–8 досок установленного стандарта на каждый ласт, составляющий 2,45 тонны). Подобное разрешение существовало и в России, в 1762 г. нарв-

ские и петербургские купцы получили возможность вывозить на каждые 1000 пудов железа по 100 досок длиной 3–4 сажени и толщиной 2 вершка в качестве подстилки⁴. В 1748 г. правила, действовавшие в Стокгольмском порту, распространились на все государство за исключением Гетеборга. По торговому договору с Великобританией 1666 г. Гетеборг и Плимут были объявлены свободными портами для взаимного товарообмена, и условия этого договора Швеция не хотела нарушать⁵. Следует отметить также, что постановление 1748 г. вообще не касалось британских судов, потому что Швеция опасалась осложнений в экспорте железа и каких-либо ответных мер со стороны Великобритании⁶.

Лес и пиломатериалы отправлялись из России и Швеции во Францию, Испанию, Португалию, Великобританию. Экспорт лесной продукции сравнивать сложно, так как в то время не существовало общих метрических стандартов и размер лесного груза выражался в штуках, дюжинах, ладах, денежных единицах. Даже если рассматривать экспорт только досок, то задача не упрощается. В России в различных таможенных ведомостях толщина досок указывалась в вершках или дюймах, длина — в аршинах, саженьях, футах и достаточно часто записывалось просто общее количество вывезенных досок. Шведские метрические стандарты трех видов досок, во-первых, не совпадали с российскими, а во-вторых, не оставались одинаковыми на протяжении столетия, что привело к предложению исследователя С. Хегберга при изучении шведского экспорта досок удовлетвориться количеством дюжин⁷.

Исходя из вышесказанного для проведения хотя бы простого сопоставления шведского и российского экспорта пиломатериалов приходится ограничиваться количеством штук.

В первой половине XVIII в. Швеция опережала Россию по вывозу досок, уже в 1720-х гг. в среднем из страны экспортировалось более 800 тыс. шт. Данные о российском лесоэкспорте очень скудны, но известно, что из Нарвы, одного из крупнейших российских лесных портов, в 1722 г. было отправлено за границу 40 167 досок, а из Петербурга в 1730-х гг. XVIII в. вывозилось в среднем 10 тыс. шт. в год⁸. Экспорт из России рос быстрыми темпами, что приводило к громадным вырубкам в районе Нарвы и Выборга и заставляло правительство устанавливать ограничения на заготовку, производство и продажу леса⁹.

Экспорт досок во второй половине XVIII в. (тыс. шт.)¹⁰

Годы	Россия	Швеция
1750–1753	755	1150
1764–1765	1700	1730
1787–1792	2800	1956

В середине 1760-х гг. Россия догнала Швецию в экспорте досок, а во второй половине 1780-х — начале 1790-х гг. уже значительно превосходила ее (табл. 2). В 1798 г. только из Петербурга было вывезено 3228 тыс. досок, в то время как из всей Швеции — 2360 тыс. шт. Основным импортером российских пиломатериалов во второй половине XVIII в. являлась Великобритания, которая с середины 1760-х гг. закупала в России гораздо большее количество досок, чем в Швеции. Если в это время Россия отправляла в Великобританию около 700 тыс. досок в год, а Швеция — 400 тыс., то во второй половине 1780–1790-х гг. российский экспорт увеличился до 3000–4000 тыс. шт. и превосходил шведский в 8–10 раз¹¹.

Доля Великобритании в шведском экспорте досок почти на протяжении всего XVIII в. составляла $\frac{1}{4}$, в 1790-х гг. — $\frac{1}{5}$ от общего объема. 30% шведских пиломатериалов, а иногда и более, вывозилось в Южную Европу, в 1790-х гг. из-за ухудшения отношений с Францией вывоз сократился до 25%¹². Существенный урон шведской лесной промышленности был нанесен условиями Абоского мирного договора 1743 г., по которому Фридрихсгам — центр крупного деревообрабатывающего района — отошел к России. Накануне русско-шведской войны из Фридрихсгама ежегодно отпускалось за границу 324 тыс. досок, 57% из них — в Амстердам, после потери данной территории Голландия уже не играла какой-либо значимой роли для шведского экспорта древесины¹³.

Россия выступала традиционным торговым партнером Голландии. Сохранилось мало сведений о составе корабельных грузов, но, опираясь на исследование Дж. Кноппера о развитии коммерческого мореплавания между Голландией и Россией и архивные данные об отечественном лесоэкспорте, можно предположить, что в первой половине XVIII в. основной объем древесины в Голландию экспортировался из Петербурга, Нарвы и Выборга. Так, например, после запрещения вывоза леса из Нарвы в 1755 г. количество судов, отправленных из этого порта в Голландию в 1756 г., сократилось по сравнению с предшествую-

щим годом с 90 до 1. Во второй половине столетия лесную торговлю с Голландией вели прежде всего Нарва, Выборг и Фридрихсгам. В середине 1760-х гг. около $\frac{1}{5}$ экспорта российских досок направлялось в Амстердам и Роттердам, более 60% из них вывозилось из Выборга¹⁴.

В отношениях с южноевропейскими странами российское правительство, с одной стороны, было заинтересовано в развитии торговли, но, с другой стороны, ограничивало экспорт древесины в интересах сохранения лесов для собственных нужд.

В 1770 г. купец Гуллиом Рей из Кадикса просил Коммерц-коллегию дать ему привилегию отправлять в Испанию в течение 20 лет ежегодно 300 грузов брусьев с уменьшением пошлин и досок — беспошлинно. Берг-коллегия выступила против такого большого объема экспорта в связи с необходимостью сохранения леса для собственного металлургического производства, поэтому Г. Рей в ответ на свое прошение получил отказ¹⁵. Испания в 1770-х гг. проявляла особый интерес к развитию торговых отношений с Россией, так как нуждалась в корабельном лесе, смоле, железе, пиломатериалах для развития судостроения. В 1775 г. Архангельск посетил судно из Барселоны. О теплом приеме, который был оказан испанцам на Русском Севере, доложили по возвращении испанскому королю. Карл III выразил благодарность президенту Коммерц-коллегии графу А.Р. Воронцову и составил послание российскому правительству об «этом счастливом начале торговли между Барселоной и Российской империей»¹⁶. На следующий год после визита испанского судна в Архангельск полномочный министр короля Испании граф Лассия выступил с предложением к графу А.Р. Воронцову о развитии торговли без посредников и заключении двухстороннего торгового договора. Испанские условия договора не полностью удовлетворяли российскую сторону, но Коммерц-коллегия в премомерии Коллегии иностранных дел соглашалась с необходимостью укрепления торговых отношений и предлагала подписать договор по окончании срока трактата с Англией (испанцы просили о тех же привилегиях, которые имели английские купцы в России), когда Россия освободится от всяких обязательств англичанам. Интересы России заключались не только в возможности прямых контактов, но и в укреплении своих позиций в Испании в противовес Швеции. Швеция, по сообщениям российского консула в Кадиксе И.Ф. Бранденбурга, в 1770-х гг. поставляла в Испанию ежегодно 6 тысяч бочек смолы, Россия же только 1 тысячу, но лесной товар из России в Испанию посту-

пал в размере 30 грузов, а из Швеции — 10–12, хотя о размерах этих грузов в сообщениях не указывалось¹⁷.

По торговому договору 1787 г. с Португалией России удалось добиться снижения на 50% ввозных пошлин на доски и корабельный лес при условии доставки товара на русских или португальских судах в адрес русских или португальских купцов. К сожалению, о последствиях договора, вышеуказанная статья которого оставалась в силе до 1798 г. (до запрета на выпуск леса из России), сказать сложно, так как неизвестны данные о вывозе русского леса в Португалию.

При всех жестких ограничениях на вывоз леса Россия к концу века превзошла Швецию по производству и вывозу досок. По условиям Ништадтского и Абоского мира Россия получила часть территории шведской Финляндии, занимавшейся производством и экспортом лесопроductии. По подсчетам шведского историка Э. Хекшера, вывоз российских пиломатериалов в 1784–1793 гг. только из Выборга и Фридрихстама составил 72% от шведского экспорта¹⁸. Но важную роль в расширении российской лесной индустрии и торговли сыграли не только присоединенные территории и более обширные лесные запасы, но и политика государства. В Швеции потребности производства металла взяли верх над лесопилением. Лес использовался прежде всего для выплавки железа, хотя владельцы лесопилок уже в 1739 г. получили право на использование для своих нужд государственного или частного леса. В России с целью сбережения лесов в 1748 и 1749 гг. вышли императорский и сенатский указы, в которых рекомендовалось крестьянам, помещикам и купечеству заводить пильные мельницы и употреблять для строительства домов и судостроения пильные доски, так как из одного бревна пильных досок выходило 3–5, а топорных (рубленых) только 1–2¹⁹.

Расширение масштабов строительства, промышленного производства, судостроения и массовое истребление лесов в первой половине XVIII в. возвысили в последующий период в России цены на лес. В Петербурге, например, с 1740-х по 1790-е гг. цена на доски поднялась в 2–3 раза, а на бревна в 6 и более раз в зависимости от их размеров, но объемы экспорта продолжали увеличиваться²⁰.

Устойчивый спрос на пиломатериалы как внутри страны, так и на внешнем рынке и благосклонность правительства побуждали не только купцов, но и дворян заводить лесопильные предприятия. В 1752 г. граф А.П. Шувалов получил право заготавливать лес в Архангельской губернии, отправлять его за

границу и строить пильные мельницы. Лесопромышленная деятельность не принесла ему прибыли, и в 1760 г. А.П. Шувалов уступил свои права английскому купцу В. Гому на 30 лет. Предпринимателю по условиям контракта было разрешено отправлять за границу ежегодно до 200 тыс. досок, 250 тыс. бревен и брусьев, 1000 мачт и некоторое количество другого леса. Для расширения лесной торговли на Онеге В. Гом получил из казны ссуду в 300 тыс. рублей. В 1764 г. он имел три лесопильни, но из-за мелководья морские суда не могли подходить непосредственно к ним, поэтому В. Гому пришлось на Кий-острове оборудовать пристань. Распиленный лес на баржах доставлялся вначале к Кий-острову, где проходила перегрузка на морские суда. За 1764–1779 гг., по подсчетам В.Н. Захарова, В. Гомом было отправлено всего 20% от дозволенного количества досок, 4% бревен и брусьев и 17% мачт²¹. В 1783 г. Онежские лесные промыслы перешли в ведение государства из-за долгов английского предпринимателя²². Контракт, заключенный А.П. Шуваловым и В. Гомом, не соответствовал возможностям заготовителей и экспортеров. Слабая изученность лесных массивов и вытекавшие из этого несоответствия описания территорий, предназначавшихся для промышленной разработки, с реальностью как в России, так и в Швеции часто являлись дополнительным препятствием в развитии лесопиления и лесоэкспорта. Следует отметить, что русский экспорт осложнялся еще и тем, что зависел от прихода иностранных кораблей и стоимости фрахта, а Швеция вывозила лес на собственных судах. Пытаясь решить проблему транспорта, российское правительство обязало в 1764 г. В. Гома иметь 20 собственных судов для ежегодного отпуска леса за границу, но данное распоряжение не могло существенным образом повлиять на ситуацию, связанную с российскими поставками леса за рубеж²³. Несмотря на ряд благоприятных факторов, стимулировавших развитие лесной и деревообрабатывающей промышленности, вывоз леса и пиломатериалов во второй половине века составлял по стоимости всего 5% как русского экспорта, так и шведского. Быстрый качественный и количественный рост лесной индустрии в обоих государствах придется на XIX в., поэтому борьба за европейский рынок в изучаемый период времени еще только начинала разворачиваться.

В числе наиболее значимых товаров лесоэкспорта в XVIII в., как и раньше, находилась смола, традиционный продукт промыслов Швеции и России, которые поэтому выступали в

роли конкурентов в поставках этого товара в Голландию и Великобританию.

Смола в России в начале века была предметом казенного торга. В 1719 г. Петр I казенную монополию формально ликвидировал, но на смолу она сохранялась и в 1720 г., так как продолжал действовать контракт на откуп смолы с голландцем Херманом (в России его звали Еремеем) Мейером²⁴. В 1723—1724 гг. смоляной торг вновь стал казенным в связи с необходимостью государственных выплат Швеции по Ништадтскому мирному договору. Х. Мейер опять взял торговлю смолой на откуп и со своими обязанностями справился достойным образом: казна получила прибыль в 1723 г. в размере 45 тыс. рублей, а в 1724 г. — 40 тыс. рублей. В качестве благодарности Екатерина I продлила срок контракта с Х. Мейером еще на 1 год, поэтому в вольную продажу смола поступила только в 1726 г.²⁵ Введение вольной торговли не привело к увеличению экспорта смолы до такого уровня, чтобы доход от отпускных пошлин возместил убытки казны от ликвидации монополии, поэтому в 1740 г. была восстановлена государственная монополия на смоляной торг в Архангельске²⁶. В это время основные партии смолы покупали английские и голландские купцы. Так, например, в 1743 г. голландцу И. Фодерфлиту было продано в Архангельске 26 704 бочки, в 1744 г. англичанину Э. Бардевику — 30 тыс. бочек, в 1751 г. английский купец Р. Шард заключил контракт на экспорт 30 тыс. бочек смолы ежегодно от Архангельска в течение 5 лет²⁷. Монополия приносила не только доход казне, но была выгодна частным лицам — дворянству и купечеству, выступавшим в качестве откупщиков, так как защищала от конкуренции иностранных торговцев. В 1740—1750-х гг. экспорт смолы уменьшился, и правительство задумалось о пользе сохранения монополии. В 1751—1757 гг. государство получало чистой прибыли от торговли смолой только 4577 рублей в год, поэтому в 1757 г. продажа казенной смолы была отдана на откуп Л.И. Пломану, поверенному английского купца Ренгольта, а с 1760 г. передана графу С.К. Нарышкину²⁸. В монопольный период торговли государство ограничивало откупщикам отпуск смолы за море 30—40 тыс. бочек (1 бочка = 8 пуд.), обеспечивая прежде всего нужды Адмиралтейств-коллегии и проявляя заботу о сохранении лесных ресурсов. В 1760-х гг., когда Архангельский и Петербургский порты уравнили в правах, экспорт смолы приобрел явную тенденцию к росту (табл. 3)²⁹, что особенно стало заметно после 1768 г., когда смоляной торг был объявлен свободным.

Экспорт смолы в XVIII в. (в бочках)

Годы	Швеция	Россия
1720–1729	менее 40 000	35 000
1730–1739	45 000	46 243
1740–1749	64 525	25 244
1750–1759	77 660	не более 30 000
1760–1769	92 525	38 540
1770–1779	96 483	63 744
1780–1789	123 245	82 000
1790–1799	129 050	87 045

Швеция после Ништадтского мира потеряла значительную часть основных районов производства смолы в юго-восточной Финляндии и один из важнейших портов экспорта — Выборг, что привело к снижению заграничного отпуска смолы. В годы Семилетней войны и Североамериканской войны за независимость экспорт вырос в 2,5 раза и составил 100 тыс. бочек в год, во второй половине 1790-х гг. он равнялся в среднем 134 тыс. бочек (1 бочка = 125,6 л)³⁰. Вывоз архангельской смолы, как и шведской, за границу в отдельные годы конца XVIII в. испытывал значительный подъем и составлял в 1794 г. — 139 755 бочек, в 1798 г. — 112 806 бочек и в 1799 г. — 116 270 бочек³¹. Великобритания в это время в 1,5 раза увеличила свой импорт смолы из России и Швеции по сравнению с предыдущим десятилетием в связи с развернувшимися наполеоновскими войнами и борьбой за колонии³².

Английский импорт смолы (в бочках)³³

Годы	Швеция	%	Россия	%
1764–1769	9644	6,6	1871	1,3
1770–1779	23 054	23	16 167	16
1780–1789	36 663	36	37 365	37
1790–1799	53 506	39	47 313	34

До начала Северной войны 85% шведского экспорта смолы приходилось на Великобританию, которая позднее переориентировалась на свои североамериканские колонии. В годы войны за независимость в Северной Америке и после ее окончания британский импорт из Швеции и России снова начал увеличиваться (табл. 4)³⁴.

К концу века до 10% сократился шведский вывоз смолы в Голландию, куда в 1720—1730-х гг. отправлялась половина всего экспортного объема этого товара. В 1731 г. Секретный комитет риксдага принял к рассмотрению вопрос об организации торговли смолой за границей и мерах, которые могли бы способствовать повышению цен на смолу. Проблема в сфере внешней торговли возникла из-за резко увеличившихся поставок американской смолы в Англию, что привело к падению цен на аналогичный шведский товар на английском рынке и сокращению шведского экспорта. Появление больших партий американской смолы в Англии оказало влияние и на цены в Амстердаме. Коммерц-коллегия в соответствии с указанием правительства собрала через своих агентов информацию о деятельности других стран по поддержанию цены на свой товар и выяснила, что Россия некоторое время продавала всю свою смолу в Голландии через посредничество Яна Люпса, который был уроженцем Амстердама, торговал с Россией и оказал помощь правительству Петра I в выплате контрибуции Швеции по условиям Ништадтского мира. За оказанную помощь Я. Люпс получил монополию от царского правительства на продажу ряда русских товаров за границу, в том числе смолы вместе с Х. Мейером. Я. Люпс опасался шведских конкурентов и предложил шведскому правительству через агента Коммерц-коллегии сконцентрировать продажу смолы в руках одного голландского представителя, с которым он мог бы вести переговоры и сообща принять меры по повышению цен. Однако большинство шведских поставщиков смолы высказались против монопольной продажи. В итоге за последующие 5 лет цены на шведскую смолу так упали, что государство потеряло на этом, по подсчетам Коммерц-коллегии, 13 бочек золота. Секретный комитет риксдага, ознакомившись с информацией, принял решение постараться убедить поставщиков смолы в необходимости организовать продажу своего товара в каждом иностранном городе через одного, максимум двух агентов. Члены комитета обсудили, кроме того, высказанное несколько лет назад предложение Я. Люпса и пришли к заключению, что было бы хорошо, если бы правительство через шведского посла при русском дворе убедило российскую сторону вернуться к монопольной продаже смолы в Голландии, тем более что переход к свободной торговле не способствовал повышению цен на русский товар. Русскому двору, как считал Секретный комитет, могла бы понравиться идея объединения усилий двух ведущих производителей смолы в Европе с целью повышения рыночных цен, что принесло бы пользу обеим наци-

ям. Выводы и предложения Секретного комитета о совместной деятельности России и Швеции на голландском рынке являлись весьма дальновидными и перспективными, но осуществить их в действительности не удалось, так как большинство шведских и русских торговцев смолой выражали недовольство монопольной политикой своего правительства³⁵.

Шведская торговля с Голландией стала резко уменьшаться с 1760-х гг. в связи с тем, что голландцы воспользовались отменой всех ограничений торговой деятельности Архангельского порта и увеличили импорт смолы из России через Белое море. В 1764 г. в Голландию из Архангельска было отправлено 50% экспорта смолы, а в 1765–1766 гг. отпуск в голландские порты возрос до 75%³⁶.

Голландцы в первой половине XVIII в. играли ведущую роль в беломорских внешнеэкономических связях. К началу 1780-х гг. доля их торговых операций в Архангельске сократилась до 12,5%, но товарообмен северного российского порта с Амстердамом, Роттердамом и Дордрехтом все еще оставался на высоком уровне и составлял 48% от общего объема. В 1783 г. 52% архангельского экспорта смолы было вывезено именно в Голландию³⁷.

Потеряв для себя голландский рынок, шведы начали более активно вести себя в Южной Европе, в 1770–1790-х гг. они поставляли в этот регион $\frac{1}{3}$ экспортной смолы, прежде всего во Францию.

Несмотря на то что шведский вывоз смолы не уступал архангельскому и во второй половине века, возможно, превзошел в целом российский, в 1764 г. из Выборга было отпущено в Швецию 62 бочки смолы и 13 бочек пека, а в 1783 г. отмечен уникальный случай экспорта смолы в Гетеборг из Архангельска в объеме 7086 пудов³⁸.

Либерализация внешнеторговой политики российского правительства во второй половине XVIII в. и ликвидация государственной монополии на продажу смолы за границу вызвали изменения товарных цен. После предоставления свободы торговли экспортные цены в ходе роста спроса на смолу и падения курса рубля увеличились к концу века в 3 раза, что повлияло и на стоимость русской смолы в Европе³⁹.

Цены на российскую смолу в Великобритании с середины 1760-х до середины 1780-х гг. выросли в 1,5 раза, а в Голландии такое же увеличение цен произошло к середине 1780-х гг. всего за 10 лет. Новый взлет цен пришелся на 1790-е гг. и достиг свое-

го максимума в ходе коалиционных войн против Франции и на фоне инфляционных процессов в обеих странах⁴⁰.

Качество шведской смолы, как правило, было выше русской, стоила она дороже, и цены на нее росли быстрее. Так, например, в Великобритании в 1773–1775 гг. 1 ласт шведской смолы (100 пудов) стоил 162–190 шиллингов, а в 1776–1782 гг. уже 340–380 шиллингов⁴¹.

Шведское правительство беспокоилось о качестве своего товара. В 1756 г. вышел указ о строгом соблюдении размеров бочек для смолы и пека, так как покупатели жаловались, что в купленных ими бочках оказалось меньше смолы, чем положено по нормам. Несмотря на указ, поставщики смолы продолжали использовать нестандартные бочки, что вызвало новый поток жалоб. В 1770 г., отмечая рост злоупотреблений в производстве бочек, правительство Швеции потребовало усилить контроль за их изготовлением и не разрешать продажу неклеимых бочек⁴².

Подобная проблема существовала и в России, где также недобросовестные продавцы старались обмануть своих покупателей. В ноябре 1732 г. появился указ, запрещающий делать фальшивые бочки с утолщенным дном и боковыми стенками⁴³. Императорским указом от 8 января 1733 г. строго предписывалось, чтобы производители смолы не продавали ее в бочках с толстыми стенками из плохо вытесанных досок, что утяжеляло бочку и уменьшало количество в ней смолы. Если же покупатель обнаруживал в приобретенной им партии смолы такие бочки, он мог сообщить об этом в магистрат или ратушу. В этом случае с продавца взыскивали двойную стоимость товара и штраф в пользу администрации города по 1 рублю за каждую фальшивую бочку. Если же виновному было нечем платить, его наказывали «в торговых местах батогами нещадно»⁴⁴.

В конце 1740 г. президент Коммерц-коллегии барон фон Мегден в своем проекте о развитии смоляного торга писал, что причины упадка архангельской торговли заключаются в уменьшении потребностей англичан в европейской смоле и лучшем качестве шведской смолы. Для исправления ситуации, по мнению Мегдена, следовало воспользоваться уменьшением английского вывоза из колоний и поддержать не только беломорский, но и балтийский экспорт, чтобы помешать торговать смолой шведам. Для расширения торговли необходимо следить за качеством смолы, сохранять производство более дешевым, чем в Швеции, и не обременять вывоз таможенными пошлинами. Мегден советовал тайно выяснить максимальные возмож-

ности и стоимость шведского производства смолы, основные направления и размеры экспорта, чтобы не только превзойти шведскую торговлю смолой в европейских странах, но даже ее уничтожить⁴⁵.

Для увеличения вывоза российской смолы необходимо было также усилить контроль над качеством смоляных бочек. Таможенный устав 1755 г. включил в себя положения указа 1733 г. с прежним указанием наказывать продавцов товара в фальшивых бочках «нещадно», чтобы «впредь другие купцы обманывать не дерзали и кредита не теряли»⁴⁶. С 1766 г. по повелению архангельского губернатора Е.А. Головцына крестьяне, промышленлявшие смолокурением, обязывались ставить свои клейма на бочки. В 1767 г. в Архангельском порту были избраны первые браковщики смолы по одному от русского и иностранного купечества. Браковщики по распоряжению губернатора выезжали на места для осмотра бочек, клеймили их или проверяли клейма производителей и уничтожали нестандартные бочки. Крестьянские сотские обязывались выдавать изготовителям и покупателям бочек для браковщиков при Архангельском порте специальные «объявления» с указанием количества бочек, подтверждением их соответствия стандартам и устанавливать на бочках специальные номера. Количество фальшивых бочек после принятия этих мер пошло на убыль. Тем не менее в 1773 г. глава Коммерц-коллегии А.Р. Воронцов получил известия из Лондона и Амстердама о падении спроса на русскую смолу и уменьшении объемов ее продажи по причине качества товара. Отпуск смолы из Архангельска действительно сократился с 56 962 бочек в 1772 г. до 34 131 бочки в 1773 г. Лондонское адмиралтейство в этом году постановило прекратить закупки архангельской смолы, пока не улучшится качество как самого товара, так и бочек и решило увеличить поставки из Швеции. В Голландии также не желали покупать российскую смолу при наличии на рынке шведской или соглашались на условиях значительной уступки в цене, так как многие бочки оказывались такими толстыми, что смолы в них помещалось на $\frac{1}{5}$ меньше обычного. Голландские купцы сообщали, что торг русской смолой приходит в полное «бесславие» и предлагали даже выслать в Петербург одну из фальшивых бочек, если это поможет улучшить качество товара⁴⁷.

Коммерц-коллегия потребовала от архангельского губернатора срочно принять меры. Е.А. Головцын разослал в двинские и важские уезды, где производилась смола, ордер с повторением положений указа 1733 г., а затем с разрешения коллегии на-

правил браковщиков смолы для уничтожения фальшивых, не соответствующих образцам бочек.

Действия архангельской администрации принесли пользу, и в 1776 г. экспорт смолы из Архангельска возрос до 74 884 бочек, а цена на нее поднялась в 3,4 раза⁴⁸.

Продолжая усиливать контроль над качеством смолы, в начале 1778 г. Архангельская губернская канцелярия обратилась к браковщикам от российского и иностранного купечества Ивану Шавуеву, Федору Пугину и Кристиану Бекману со специальным наказом: 1) проверять, чтобы смола была без подмеса и фальши; 2) клеймить бочки и следить, чтобы они весили 8 пудов.

Иностранный браковщик смолы получал плату за исполнение своих обязанностей по договоренности от избравших его купцов, а российские браковщики — по 1 копейке с бочки от отечественных купцов.

Повышенное внимание администрации и деятельность браковщиков еще больше способствовали росту архангельского экспорта, который в 1778 г. составил 114 320 бочек. Комиссия о коммерции, получив сообщение о мерах, предпринятых архангельским губернатором, и их результатах, пришла к выводу о том, что старания Е.А. Головцына достойны похвалы⁴⁹.

Достигнутый уровень экспорта сохранялся достаточно стабильным в последующие годы, так, например, за 1782–1790 гг. из Архангельска было вывезено 700 475 бочек смолы⁵⁰.

С. Хегберг, изучая шведский экспорт смолы, попытался сопоставить его с архангельским вывозом. В распоряжении ученого находилось не так много статистического материала, поэтому он сделал предположение, что в 1765 г., когда торговля смолой была монополизирована, объем вывоза из Архангельска составлял порядка 40 тыс. бочек и не превышал этого размера в ходе первой половины XVIII в. Подсчеты исследователя означали превосходство шведского экспорта смолы над российским вывозом в указанный период. Данные, представленные в таблице 3, частично опровергают выводы шведского исследователя и показывают, что острая конкуренция между Россией и Швецией возникла уже в 1730-х гг., хотя в целом ее итоги в первой половине XVIII столетия складывались в пользу шведского государства. Учитывая возросшие поставки российской смолы на внешний рынок во второй половине века, и в особенности в 1790-х гг., осуществление вывоза продукции лесного промысла не только из Архангельска, но и из Петербурга и Выборга,

можно согласиться с предположением С. Хегберга о том, что к началу XIX в. объемы экспорта смолы из России и Швеции сравнялись⁵¹.

Подводя итоги изучения лесного экспорта России и Швеции в XVIII в., следует отметить, что оба государства в это время обладали богатыми лесными ресурсами. Развитие мореплавания, внешней торговли европейских стран и частые морские войны стимулировали кораблестроение и увеличивали потребности ведущих европейских держав в продукции лесной и деревообрабатывающей промышленности. Устойчивый спрос на пиломатериалы и смолу вызвал рост их производства и экспорта из России и Швеции. Каждая из стран старалась не только удовлетворить запросы таких крупных европейских импортеров, как Великобритания, Голландия, Франция, Испания и Португалия, но и найти возможности для увеличения собственных поставок, несмотря на наличие сильного конкурента. Правительства России и Швеции исходя из государственных интересов время от времени ограничивали, а в России даже иногда полностью запрещали вывоз леса за границу. Данное обстоятельство сдерживало нарастание конкурентной борьбы в торговле пиломатериалами.

Россия обладала большими, чем северный сосед, лесными ресурсами, но Швеция имела явное преимущество в том, что могла вывозить древесину на собственных судах, а Россия нуждалась в посредниках. Зависимость от иностранного флота во внешней торговле являлась одной из причин, которая заставляла российское правительство стремиться к заключению взаимовыгодных договоров с Великобританией, Испанией и Португалией, имеющих крупнотоннажные морские суда, чтобы обеспечить все необходимые условия для расширения собственного экспорта.

В итоге к концу века Россия значительно обогнала Швецию в поставках досок в Великобританию, постоянно наращивая объемы вывоза пиломатериалов, в то время как британский импорт шведских досок в 1760–1790-х гг. практически не менялся в своих размерах. Голландия, оставаясь на протяжении всего столетия в числе главных покупателей российской древесины, к концу изучаемого периода почти полностью перестала закупать шведский лес, ее доля в экспорте этой страны сократилась с 12% в конце 1730-х гг. до 1% в конце 1790-х гг.⁵² Потеряв Голландию, Швеция нашла новых партнеров в Южной Европе и продолжила увеличивать вывоз пиломатериалов за границу.

Сделать какие-либо выводы о ходе российско-шведской конкуренции в южноевропейском регионе сложно, так как для этого не хватает соответствующих российских архивных материалов, в которых могла бы содержаться информация о вывозе лесной продукции в Южную Европу. Тем не менее можно заметить, что Испания и Португалия проявляли заинтересованность в увеличении экспорта леса не только из Швеции, но и из России.

Производство смолы являлось традиционным промыслом России и Швеции, поэтому борьба за рынки сбыта в Европе в XVIII в. оказалась нелегкой для обоих государств. Швеция уверенно наращивала экспорт смолы, хотя в годы Северной войны страна потеряла важные районы ее производства вместе с удобным для экспорта портом Выборгом, и цены на шведскую продукцию превышали стоимость российского товара. Государственная монополия на торговлю смолой и проблемы, связанные с качеством смоляных бочек, мешали росту российских поставок в Европу. Но когда смоляной торг стал свободным, были ликвидированы все ограничения Архангельского порта и приняты меры по улучшению качества товара, российский вывоз смолы за границу начал заметно увеличиваться и, возможно, к началу XIX в. догнал по объему шведский. Россия не смогла вытеснить шведскую смолу с английского рынка, но победила в борьбе за Голландию.

Примечания

¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 397. Оп. 2. Д. 194. Л. 116; Архив С.-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПбИИ РАН). Ф. 36. Оп. 1. Д. 572. Л. 23 об.

² ПСЗ-1. Т. IX. № 7281, 8119; Т. X. № 7652; Т. XIV. № 10248, 10292, 10417, 10517; Т. XVII. № 12461, 12727; Государственный архив Архангельской области (далее — ГА АО). Ф. 58. Оп. 1. Д. 60. Л. 116; Д. 77. Л. 157; Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII века по 1858 г. Ч. 1. С. 150.

³ RA. Kmk A. Registratur 1748. В I:a:123.

⁴ ПСЗ-1. Т. XVII. № 12461; Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. Т. 4. Кн. 4. М., 1786. С. 52.

⁵ Extrakt och uthog uthaff dhet som emellan Kongl: Mayst: aff Sverige, och Kongl: Mayst: aff Store Britannien, Angående Commereirne är affhand-

lat och bewiliat, jämwäl och uthaff höchstbemelte Wår Allernådigaste Konung och Herre för gott befunit allom Wederbörandom uthaff desz Undersåtare uthi Swerige och där under lydande Provincer, til effterretelse att publiceras. Sthlm., 1666. Art. V.

⁶ RA. Kmk A. Skriv.till K. M:t. Vol. 251.

⁷ Högberg S. Utrikeshandel och sjöfart på 1700-talet. Lund, 1969. S. 107.

⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 572. Л. 23 об.; РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 2166. Л. 7 об., 13 об.–14 об., 21 об.–22 об.; RA. Kmk A. Årsb.utrikes handel. Ser. 2.

⁹ РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 2188. Л. 2–10; Ф. 397. Оп. 2. Д. 194. Л. 116–117; ПСЗ-1. Т. VIII. № 5990. С. 758.

¹⁰ РГАДА. Ф. 277. Оп. 3. Д. 626, 629; Ф. 397. Оп. 2. Д. 194. Л. 116–117; ГА АО. Ф. 58. Оп. 16. Д. 18; Оп. 18. Д. 2. Л. 1–45, 47; RA. Kmk A. Årsb.utrikes handel. Ser. 2; Небольсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России. Ч. 1. С. 171; Архангельские губернские ведомости (далее — АГВ). 1876. № 27.

¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 543. Л. 232; ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 8. Д. 8. Л. 53–246; Д. 374. Л. 46 об.–378; Небольсин Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 171; АГВ. 1876. № 27; RA. Kmk A. Årsb. utrikes handel. Ser. 2, 3.

¹² RA. Kmk A Årsb. utrikes handel. Ser. 2, 3.

¹³ Högberg S. Op. cit. S. 129.

¹⁴ РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 194. Л. 116–117; Knoppers. J.V.Th. Dutch trade with Russia from the time of Peter I to Alexander I. V. I. Monreal, 1976. P. 167, 177, 250.

¹⁵ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 205. Л. 1, 69.

¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 543. Л. 20–20 об.

¹⁷ Там же. Л. 58–63 об.

¹⁸ Heckscher E.F. Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa. D. 1. B. 2. Sthlm., 1936. S. 346.

¹⁹ ПСЗ-1. Т. XIII. № 9688.

²⁰ Любомиров П.Г. Из истории лесопильного производства в России в XVII, XVIII и начале XIX в. // Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 244.

²¹ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 201. Л. 8 об. — 9; Захаров В.Н. Предпринимательская деятельность английского купца Вилима Гома в России во второй половине XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 284.

²² Архангельские губернские ведомости (далее — АГВ). 1853. № 39–40.

²³ Чулков М.Д. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. СПб., 1872. С. 257.

²⁴ ПСЗ-1. Т. V. № 3428. С. 734.

²⁵ Там же. Т. XI. № 8302. С. 323; РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 267. Л. 11–13 об.

²⁶ Семенов А. Указ. соч. Ч. 1. С. 236.

²⁷ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 267. Л. 15; Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 572. Л. 109 об.; Демкин А.В. Внешняя торговля России XVII–XVIII вв. Западное и Северо-Западное направления. М., 1995. С. 139.

²⁸ РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 177. Л. 7, 9–10.

²⁹ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 267. Л. 14; Ф. 277. Оп. 3. Д. 626, 629, 631; Ф. 397. Оп. 2. Д. 7. Л. 106 об.; Оп. 2. Д. 177. Л. 16; Богуслав О.А. Заметки о лесной промышленности и о главных лесных рынках в Беломорье // АГВ. 1853. № 41; Взгляд на Беломорскую торговлю в конце XVIII в. // АГВ. 1853. № 12; Выдержки из прошедшего и давнопрошедшего // АГВ. 1876. № 27; Небольсин Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 326; RA. Kmk A. Årsb. utrikes handel. Ser. 2; Heckscher E.F. Op. cit. D. 1. B. 2. Sthlm., 1936. S. 329; Kahan A. The plow, the hammer and the knout. An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago & London, 1985. S. 260–261.

³⁰ RA. Kmk A. Årsb. utrikes handel. Ser. 2.

³¹ Небольсин Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 326; Семенов А. Указ. соч. Ч. 1. С. 236; Козинцева Р.И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. Т. 91. М., 1973. С. 300.

³² Hantala K. European and American tar in the English market during the eighteenth and early nineteenth centuries. Helsinki, 1963. P. 109.

³³ Hantala K. Op. cit. P. 105, 106, 109.

³⁴ ГА АО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 964. Л. 59; Д. 1253. Л. 56, Д. 1372. Л. 52; Högberg S. Op. cit. Lund, 1969. S. 146.

³⁵ Svenska Riksdagsakter jämte andra handlingar som höra till statsförfatningens historia. Andra serien. Tredje delen. AFD I. 1731–1734. Sthlm., 1917. S. 219–221; Hantala K. Op. cit. P. 29.

³⁶ РГАДА. Ф. 277. Оп. 3. Д. 626, 629, 631; RA. Kmk A. Årsb. utrikes handel. Ser. 2.

³⁷ ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 8. Д. 374; Ф. 58. Оп. 16. Д. 18; Оп. 18. Д. 2. Л. 1–45, 47.

³⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Т. 8. Д. 374. Л. 75; РГАДА. Ф. 277. Оп. 3. Д. 626. Л. 257–258.

³⁹ РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 177. Л. 16; Взгляд на Беломорскую торговлю в конце XVIII в. // АГВ. 1853. № 12.

⁴⁰ Kahan A. The plow, the hammer and the knout. An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago & London, 1985. P. 188; Heckscher E.F. Op. cit. D. 1. B. 2. Sthlm., 1936. S. 332.

⁴¹ ПСЗ-1. Т. XI. № 8302. С. 325; Русско-британские торговые отношения в XVIII веке: Сборник документов. М., 1994. С. 25.

⁴² Modee R.G. Utdrag utur alla... utkomne publice handlingar, placater, förordningar, resolutioner och publicationer. V. 9. Sthlm., 1777. S. 416–418.

⁴³ ПСЗ-1. Т. VIII. № 6252.

⁴⁴ Там же. Т. IX. № 6298.

⁴⁵ Там же. Т. XI. № 8302. С. 327–331.

⁴⁶ Там же. Т. XIV. № 10486. Гл. II. Ст. 4.

⁴⁷ ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 6. Д. 12104; Д. 12516. Л. 1; Д. 11322. Л. 10–11; РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 177. Л. 1–1 об., 7 об.–8.

⁴⁸ ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11322. Л. 3–10; РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 177. Л. 1–1 об.; Малахов А. Смолокурный промысел и смольная торговля Архангельской и Вологодской губернии. Архангельск, 1908–1909. С. 39.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 177. Л. 14–14 об., 16–17.

⁵⁰ Взгляд на Беломорскую торговлю в конце XVIII века // АГВ. 1853. № 11–12.

⁵¹ Högberg S. Op. cit. S. 154–155.

⁵² Lindblad J. Th. Sweden's trade with the Dutch Republic 1738–1795. Van Gorcum, Assen. The Netherlands, 1982. P. 70.

*Т.В. Андросова**

СССР и Финляндия в 1920–1930-е гг.: экономика и политика

Наследие прошлого

Финляндия вошла в состав Российской империи в 1809 г. на правах автономного княжества с собственным гражданством, с широкой административной и хозяйственной самостоятельностью, сохранив при этом все старые привилегии (личная свобода, свобода исповедания, экономические свободы)¹. По сути, Финляндия была «государством» в государстве, развивавшимся по отдельному сценарию в соответствии с особыми конституционными и экономическими законами и изначально отделенным от Центра таможенной границей. В 1865 г. финны получили свою денежную единицу².

Действуя под защитой традиционно высоких российских ввозных пошлин при собственных низких тарифах³, финляндские промышленники достаточно быстро постигли все нюансы игры на рынке. Хозяйственные интересы империи со временем потребовали поэтапного сокращения ввоза из Финляндии. Но даже в условиях усиления российского протекционизма к финляндским поставщикам применялся более льготный режим, чем установленный для западных экспортеров. Во второй половине XIX в. финны успешно конкурировали на общероссийском рынке, тесня в том числе местных товаропроизводителей и не позволяя им закрепиться на своем внутреннем рынке⁴.

В конце XIX в. Финляндия заняла место одного из наиболее экономически развитых регионов Российской империи с относительно диверсифицированной промышленной структурой, в которой традиционно ориентированная на запад деревообрабатывающая промышленность соседствовала с стандартизован-

* Андросова Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук (Институт всеобщей истории РАН).

ным в соответствии с российским спросом крупным машинным производством⁵. Превращение финляндской промышленности в слишком сильного конкурента не только в области бумажной, но также металлопромышленности и текстильного производства⁶ оказалось серьезным препятствием на пути политики русификации. Так, проекты по усилению связанности западной окраинной территории с метрополией⁷ путем снятия таможенной границы (1905 г.) и присоединения к России Выборгской губернии (1911 г.) провалились во многом из-за мощного противодействия со стороны российских торгово-промышленных кругов.

В целом экономический интерес Финляндии к российскому рынку был столь силен, что торговые отношения с Центром развивались практически независимо от политической конъюнктуры. Накануне Первой мировой войны спрос со стороны России обеспечивал загрузку более $\frac{2}{3}$ производственных мощностей финляндской бумажной, металлургической, текстильной, стекольной, фарфоровой и кожевенной промышленности. Предприятия металлообработки и машиностроения были в числе основных исполнителей российских военных заказов, которые способствовали росту экспорта в Россию. В 1914 г. он составил 44% всего вывоза. В 1916 г. практически весь экспорт из Финляндии (92,3%) направлялся на восток⁸.

Причины отдаления Финляндии и Советской России

Начало кризису доверия в отношениях Финляндии и России было положено Февральским манифестом 1899 г., хотя его значение, как и всей политики русификации в Финляндии, было в свое время весьма преувеличенным⁹. Отношения с Россией после отделения в декабре 1917 г. рассматривались финнами через призму старых обид, к которым добавились непреодолимые идеологические расхождения. На уровне бытового сознания неприятие большевистской политической доктрины проявлялось как нелюбовь ко всему русскому вообще. Русофобия только усилилась из-за страха утраты национального суверенитета. С течением времени агрессия с востока стала восприниматься как фатальная неизбежность. Опасения на счет восточного соседа были не только следствием пропаганды, но также реакцией на поддержку советским правительством финских коммунистов в их борьбе за власть в Финляндии и на сталинскую национальную

политику, под жернова которой в 1930-е гг. угодили в том числе родственные финнам народы — карелы и ингерманландцы.

Особенно сложно взаимоотношения соседней развивались в 1918–1922 гг., но и впоследствии их отличали взаимная отчужденность и предвзятость, из-за чего поиск точек соприкосновения оказался крайне затруднительным. Недостаточный дипломатический опыт у Советской России и полное отсутствие такового у Финляндии в свою очередь уменьшали и без того мизерные возможности для сближения.

В финляндском обществе, в том числе в дипломатических кругах, с самого начала отсутствовало единство в оценках внешнеполитического и экономического, а также морально-этического аспектов «русского вопроса». Однако в качестве официальной линии закрепились тактика игнорирования любых попыток советского правительства по сближению при полном нежелании признать как факт, что Финляндии достался «большой сосед» со своими претензиями и амбициями.

В 1920–1930-е гг. географический фактор воспринимался Москвой и Хельсинки исключительно в геополитическом смысле, и это было главным упущением. То, что ранее цементировало отношения соседней и что могло бы стимулировать их отношения в новых исторических условиях, экономический интерес, не получило должной подпитки ни от одной из сторон. Подписание договора о ненападении в 1932 г. оказалось недостаточным средством удержания отношений в русле нормальной межгосударственной практики. Печальным итогом такой политики стали зимняя война 1939–1940 гг. и война 1941–1944 гг., которую в Финляндии называют «Войной-продолжением»¹⁰.

Независимая Финляндия в поисках новых рынков

В 1909–1913 гг. вывоз в Россию на 70% состоял из изделий лесного хозяйства и лесной промышленности. В 1919–1921 гг. в условиях повышающейся конъюнктуры на мировых сырьевых рынках финнам удалось полностью переключить бумажный и лесной экспорт с востока на запад¹¹, что способствовало значительному ослаблению экономической зависимости от России. Минимизация ввоза с востока прежде всего зерна имела тот же эффект. В 1906–1913 гг. в России закупали 40% всего импортного хлеба¹². Доля финляндского рынка в российском хлебном экспорте равнялась тогда примерно 2,5–3%. Кроме того, русский хлеб как «иностранной» доставлялся через порты Север-

ной Германии¹³. Трудности с обеспечением поставок зерна из России в 1917–1918 гг. вынудили финнов к поиску новых поставщиков. Хлеб начали ввозить из США, Дании, Нидерландов и Англии. В 1919–1921 гг. Финляндия перестала ввозить из России не только хлеб¹⁴, но и другие продовольственные товары, в том числе сахар-сырец, который до войны закупали в больших количествах и который полностью монополизировал финляндский внутренний рынок. В 1918–1919 гг. на Западе также стали покупать такие традиционные российские товары, как фураж, сырье для ткацкой промышленности, табак и топливо.

В результате свертывания товарооборота с Россией структура финляндского экспорта приобрела явно выраженный односторонний характер. Вплоть до конца 1930-х гг. вывоз на 90–95% состоял из изделий деревообработки и товаров молочной промышленности при одновременном резком сокращении номенклатуры¹⁵. После закрытия границы с Россией в декабре 1917 г. традиционные экспортные отрасли — кожевенно-обувная промышленность и производство изделий из металла — оказались в состоянии затяжного кризиса, поскольку внутренний спрос был достаточным лишь для развития машиностроения. Советская Россия могла бы полностью загрузить своими заказами предприятия большинства отраслей финляндской экономики, но в 1920–1930-е гг. взаимный товарооборот в среднем не превышал 3%, не дотягивая в последние предвоенные годы даже до отметки в 1%¹⁶.

Несмотря на вполне осознаваемую экономическую целесообразность, с установлением деловых контактов с большевиками финны не спешили, стараясь избежать новых финансовых и материальных потерь: указами новой власти иностранная собственность в России была конфискована, национализация банков привела к приостановке выплат по иностранным счетам и подрыву всей системы внешнеторговых расчетов. В 1918 г. гражданские войны в России и Финляндии загнали взаимные торговые отношения в прокрустово ложе приграничной торговли.

Восстановление полномасштабных регулярных торговых отношений с Россией было проблематичным не только ввиду внутривнутриполитической нестабильности и острого дефицита товаров в России. Одним из главных препятствий было неприятие финнами новой системы организации внешнеторговых связей, введенной большевиками в 1918 г. Монополию внешней торговли считали противоестественной, не понимая, как в новых условиях не проиграть российскому госкапитализму. Препрекая советской власти скорый и неизбежный конец, финляндские

коммерсанты сосредоточились для начала на установлении деловых контактов с бывшими российскими территориями. Летом 1918 г. с Украиной заключили соглашение об экспорте бумаги в обмен на сахар и другие сельскохозяйственные товары¹⁷. Но уже через год торговля была свернута: в условиях внутривнутриполитического хаоса транспортировка грузов оказалась слишком рискованным предприятием¹⁸. На короткое время удалось также наладить экспорт бумаги в Грузию, Армению и Азербайджан (через Константинополь), но после прихода к власти большевиков в 1921 г. торговые отношения были прерваны.

Торговые переговоры в Тарту 1920 г.

Восстановлению торговых связей препятствовали т. н. старые экономические споры: Финляндия настаивала на получении компенсации за потерю собственности, рассчитывая также на свою долю от погашения большевиками внешнего долга царской России. Нужно было также что-то решать с российской гражданской и военной собственностью на территории Финляндии. К урегулированию хозяйственных отношений стороны приступили на мирных переговорах в Тарту в 1920 г., на которых Россия выступила с инициативой подписания торгового договора.

Вопрос о государственной собственности был разрешен без особых проблем на принципе status quo: право владения оставшейся на территории Финляндии собственности, принадлежавшей российскому государству, перешло к финляндскому государству, соответственно российское государство стало правопреемником финляндской государственной собственности на территории России. Договорившись о взаимном отказе от долговых обязательств, стороны также воздержались от претензий по поводу возмещения военных издержек. Самым сложным оказался вопрос о покрытии убытков финляндских частных лиц и фирм. В итоге все же консенсус был найден: финнам пообещали выплатить соответствующую компенсацию¹⁹ в случае, если бы таковую получили Англия, Франция и Германия²⁰.

Находясь в тисках экономической блокады и имея возможность транзита только через Таллинн, Россия была крайне заинтересована в обеспечении стабильного товарооборота с Финляндией и в открытии сквозного движения через ее территорию. На переговорах в Тарту российская делегация предложила руководствоваться во взаимных отношениях принципом наи-

большого благоприятствования; с грузов, идущих транзитом, не взимать ни таможенных пошлин, ни транзитных сборов; для обеспечения надежности и безопасности грузоперевозок установить между Россией и Финляндией прямое железнодорожное сообщение. Несмотря на нехватку хлеба в стране, Россия даже была готова подписать особый договор о поставках в Финляндию зерна.

Финны в принципе поддержали идею заключения торгового договора, оставаясь, однако, на диаметрально противоположных позициях в вопросе о его характере и преследуя иные цели. Они категорически отвергли предложение о безусловном благоприятствовании, считая, что такой режим будет выгоден исключительно Советской России. Сбалансировать отношения предлагали на основе принципа взаимности, подчеркивая, что ни одна из договаривающихся сторон не обязана предоставлять другой стороне больших прав, чем те, которыми в действительности будут пользоваться граждане одной страны на территории другой.

Своей главной экономической целью на мирных переговорах Финляндия поставила обеспечение для себя беспошлинного экспорта в Россию, в идеале без перевода отношений на договорную основу. Считая в принципе нереальным заключение с большевиками т. н. традиционного договора, гарантирующего свободу предпринимательства и иной экономической деятельности, максимально возможным для себя финны считали торговое соглашение на условиях взаимных таможенных преференций. Но и на такое соглашение Финляндия была готова пойти лишь в крайнем случае — если бы российская сторона обусловила заключение мира подписанием торгового договора.

В Тарту не только не удалось подписать торговый договор, но даже согласовать его основополагающие принципы. Все свелось к временным правилам взаимной торговли, которые были выработаны под нажимом российской делегации. Кроме того, были согласованы некоторые практические аспекты, касающиеся железнодорожного, морского сообщения и др. По настоянию финляндской делегации рассмотрение собственно вопроса о торговом договоре решено было включить в повестку дня специальных торговых переговоров, начать которые стороны условились незамедлительно после ратификации мирного договора.

Переговоры в Тарту продемонстрировали первостепенную значимость для России геополитического фактора. Финляндии не только уступили территорию Петсамо, что обеспечило ей выход к Северному Ледовитому океану, но также предоставили

право беспошлинно вывозить свои товары на российский рынок. В ответ Финляндия уступила требованиям России о нейтрализации острова Сур-Сари в Финском заливе и о возврате пограничных Ребольской и Поросозерской волостей²¹, также официально сняв свои возражения по поводу монополии внешней торговли²².

Торговая война

Торговля между Советской Россией и Финляндией, начавшись летом 1921 г., была свернута уже в конце года ввиду обострения политических взаимоотношений²³. Воздействовать на западного соседа пытались в том числе при помощи экономической блокады, продолжавшейся до марта 1922 г. Финляндия в ответ максимально ограничила и без того мизерный ввоз зерна из России. Страх оказаться в политической зависимости камуфлировался безуспешными попытками доказать, что вместе с российским хлебом в Финляндию могут проникнуть чума и другие опасные болезни.

Активную роль в этой кампании играло главное медицинское управление Финляндии²⁴. В свою очередь Министерство торговли и промышленности чинило препятствия вывозу в Россию дров и других товаров. Законом от 15 апреля 1921 г. на все главные товары российского импорта (бумагу, дрова, металлоизделия и «жизненные припасы») вводились пошлины, достигавшие в некоторых случаях 25% и более от стоимости товаров. 21 мая 1921 г. был принят закон о предоставлении Государственному совету полномочий по регламентации (вплоть до полного запрета) торговли с Россией, Эстонией и Латвией. На практике этот закон использовался только применительно к связям с Россией и в отношении грузопотоков, идущих через ее территорию.

С 26 июня 1921 г. каждая торговая операция с Советской Россией могла проводиться только с санкции Министерства торговли и промышленности. А чуть раньше 16 июня 1921 г., при выдаче разрешений на вывоз товаров в Россию был установлен строжайший контроль над тем, «чтобы имелись гарантии, что за товар до перевозки его через границу уплачено сполна, а в отношении... товаров, покупаемых Россией в Финляндии, — чтобы российская торговая делегация продала определенное количество иностранной валюты в один из финляндских банков, соответствующее цене товара в финских марках». Кроме того, была предпринята попытка введения своего рода монополии на тор-

говлю с Россией. К сделкам с Россией отныне допускались лишь крупные торговые объединения, причем российскому торгпредству было отказано в праве выбирать своих контрагентов среди «нетрестированных» предприятий и единоличных промышленников и купцов. 7 июля 1921 г. был введен специальный сбор с торговых операций с Россией на содержание финляндской торговой миссии (0,25–1% с суммы сделки независимо от того, была она заключена через финляндскую миссию или нет).

Квалифицировав такой сбор как «добавочный налог на торговлю с Россией» со ссылкой на отсутствие такового «в практике современных суверенных государств», Москва предупреждала, что политика финляндского правительства может «вынудить Россию искать других более выгодных рынков, несмотря на естественную близость Финляндии и традиционные экономические связи». Их активизация требовала соответствующих практических решений, таких как заключение железнодорожной конвенции. Сломить сопротивление финляндской стороны в этом вопросе и наладить бесперегрузочное сообщение удалось только в 1924 г.²⁵

Фактически в Финляндии была введена разрешительная система торговли с Россией. Протестуя против нее, советское правительство призывало к практическому развитию товарообмена и выполнению договоренностей, достигнутых в Тарту. Финнов безуспешно пытались заинтересовать, обещая покупать бумагу и дрова в больших количествах. Но начать торговые переговоры удалось только спустя полгода после того, как в апреле 1921 г. советское правительство заявило о денонсации временных торговых правил, что означало прекращение беспошлинного экспорта из Финляндии. На первом заседании советско-финляндской конференции по подготовке торгового договора 14 декабря 1922 г. стороны подтвердили свое безусловное стремление к его подписанию в ближайшее время²⁶. Однако первый торговый договор между СССР и Финляндией был подписан только в июне 1940 г.

Торговля в плену политических интересов

До 1924 г. инициатором подписания торгового договора выступала Москва. В дальнейшем активным действиям предпочли выжидательную позицию. Емкость финляндского рынка, по мнению советского руководства, была слишком мала, чтобы жертвовать ограниченными экспортными ресурсами на его за-

воевание, хотя, как самый ближайший, он продолжал оставаться самым выгодным западным рынком. Среди тех, кто познавал ситуацию в торговле с Финляндией изнутри, доминировала иная точка зрения. Советское торгпредство в Хельсинки еще в начале 1920-х гг. обращало внимание на геополитический аспект торговли с Финляндией²⁷. В полпредстве об этом задумались гораздо позже, в начале 1930-х гг., в связи с активизацией в стране профашистского Лапуасского движения. В обстановке крайнего антисоветизма предлагали, в частности, максимально загрузить советскими заказами финляндские судостроительные верфи и машиностроительные заводы, а также закупать молочные продукты. Но это был лишь короткий эпизод в торговой политике в отношении Финляндии, которая в 1920–1930-е гг. в большинстве случаев имела характер «неопределенных обещаний»²⁸.

Идея заключения с Советской Россией торгового договора изначально нашла достаточно сильную поддержку в промышленных, коммерческих, а также в дипломатических кругах Финляндии. Уже в начале 1921 г. МИД не советовал медлить с открытием восточной торговли, указывая на панику, охватившую мировые рынки. Наиболее прагматичный взгляд на торговлю с Россией, свободный от каких бы то ни было политических пристрастий, что в целом было большой редкостью для финляндских оценок того времени, отличал экспертов торгового отдела Министерства торговли и промышленности. Среди причин, препятствовавших развитию торгового оборота с восточным соседом, они указывали, в частности, на экономическую нестабильность в России, нехватку у нее платежных средств, а также наличие у большевиков своего «особого» экономического законодательства. Кроме того, возможности России выполнять свои обязательства по платежам и поставкам вызывали определенные сомнения. Однако проблемы считали вполне разрешимыми при содействии и гарантиях со стороны иностранного капитала.

По мнению экспертов в области восточной торговли, в случае получения таковых Финляндия и другие страны-лимитрофы не только могли, но должны были взять на себя главную роль в торговле Европы с Россией. Финляндии следовало не только открыть свою территорию для транзита товаров, идущих в Россию и обратно, но и стать координатором экономических отношений между Западом и Востоком, позволив иностранному капиталу создавать на своей территории различные производства, ориентированные на российский рынок. У Финляндии для этого имелись все возможности — транспортные пути, идущие

щие на восток и на запад, достаточные энергоресурсы, знание российского рынка и т. д.²⁹

Несмотря на интерес к восточной торговле внутри страны и меняющуюся позицию Запада в отношении Советской России³⁰, отношение финляндского правительства оставалось неизменным. В своей тактике оно руководствовалось предложениями трактатного комитета, созданного при подготовке к мирным переговорам в Тарту. В комитете, который работал под руководством банкира А. Норрмена, сомневались в возможности подписания с Россией столь же выгодного торгового договора, как договоры с другими странами. Советскому правительству не доверяли, полагая, что под влиянием политической конъюнктуры оно в любой момент может сократить свои закупки без оглядки на собственную экономическую выгоду и в ущерб интересам партнера³¹. Как сторонники, так и противники торгового договора в еще большей степени опасались оказаться в политической зависимости³².

Недоверие к партнеру не позволило Финляндии в декабре 1923 г. использовать свой шанс. Стремясь к скорейшему урегулированию торговых отношений, Москва тогда пообещала более не настаивать на введении режима безусловного благоприятствования и согласилась с требованием об уплате советским торгпредством налога с коммерческой деятельности. Именно по этим пунктам с финнами никак не удавалось договориться. Прецедент был создан в начале 1924 г., когда СССР заключил торговый договор с Италией, согласно которому в отношениях двух стран вводился режим наибольшего благоприятствования и советское торгпредство в Риме освобождалось от налогов. Этот договор стал типовым при урегулировании торговых отношений между СССР и другими государствами. Весной 1924 г. со ссылкой на договор с Италией советское правительство отозвало ранее сделанные финляндскому правительству предложения, ожидая от Хельсинки конкретных шагов и воздерживаясь от новых инициатив.

Финляндия начала прощупывать почву через своего посланника в Москве А. Хакцеля весной 1925 г. Ответный зондаж в финляндских дипломатических кругах провел советский полпред И. Лоренц. У него состоялись беседы, в частности, с министром иностранных дел Я. Прокопэ и В. Таннером³³, в то время вице-председателем парламентской комиссии по иностранным делам. Первый высказался за скорейшее заключение торгового договора, второй охарактеризовал этот вопрос как «основной вопрос и основной рычаг» развития дальнейших отношений с

СССР, пообещав Лоренцу «максимально надавить, чтобы ускорить работу финляндской стороны»³⁴.

С 1927 г. финны зондировали почву регулярно, причем инициатива заключения торгового договора исходила от МИД, а не от правительства. По мнению финляндского посланника в Москве К. Понтуса-Артти, договор явился бы шагом в «более позитивном направлении» в отношениях с восточным соседом. Полагая, что в будущем Москва могла бы использовать вопрос о торговом договоре для оказания на Финляндию политического давления, он советовал поспешить с его заключением. В Москве были удивлены интересом финнов к возобновлению торговых переговоров, однако пообещали сделать все возможное для достижения «удовлетворительного результата». В НКВД считали, что на подготовку и подписание договора ушло бы не более двух-трех месяцев³⁵.

Усиление в Финляндии антисоветских настроений не позволило тогда перевести этот вопрос в практическую плоскость. Обострение отношений во многом было спровоцировано демпинговой политикой Москвы прежде всего на мировом лесном рынке, на котором СССР сбывал древесину высокого качества по ценам существенно ниже мировых³⁶. В интересах улучшения отношений Москва была готова проводить с финнами общую ценовую политику. Сулившее немалые прибыли предложение, однако, было отвергнуто.

В условиях углубления мирового экономического кризиса стала очевидной «полная зависимость» экономического равновесия в Финляндии от колебаний конъюнктуры «на очень ограниченном рынке лишь нескольких стран». Коммерсанты и промышленники видели решение вопроса в распространении торговых сношений на более широкие рынки, призывая к оживлению товарооборота прежде всего с Советским Союзом и подчеркивая значение географического фактора, «не зависящего от политической конъюнктуры»³⁷.

В отличие от финляндской зависимость советской экономики от внешнего рынка была минимальной. Методично следуя стратегии к самообеспечению, к середине 1930-х гг. СССР смог свести импорт лишь к некоторому количеству сырья и промышленных товаров, преимущественно для нужд армии. К этому времени финляндский импорт из СССР более чем в 2 раза превышал советский импорт из Финляндии. Частично ввоз из Финляндии был замещен собственным производством, частично заказы были переданы в другие страны, политические отношения с которыми были не столь проблематичными.

В октябре 1931 г. посланник в Москве Юрьё-Коскинен в беседах с руководством НКВД пытался узнать, «в какой мере можно было бы вновь активизировать советские закупки и какие возможности имелись для начала торговых переговоров». В ответ ему всякий раз указывали на участившиеся случаи недружественного поведения финнов в отношении СССР, имея в виду бойкот советских товаров в Финляндии. Не отвергая саму идею торгового договора, в Москве для начала хотели убедиться в том, что финны «действительно заинтересованы в развитии торговых отношений с СССР», установив «испытательный срок», по крайней мере, на два-три месяца³⁸.

Юрьё-Коскинен хорошо понимал, что «для достижения хорошего товарного обмена... с Россией были необходимы хорошие политические отношения». Он неоднократно подчеркивал, что «даже в границах советской торговой политики, стремящейся к обеспечению активного торгового баланса, у Финляндии могли быть куда большие возможности для развития своего экспорта», если бы не «медвежьи услуги» финляндской прессы, от которых страдала официальная внешняя политика³⁹.

Не только дипломаты, но также промышленники и парламентарии были всерьез обеспокоены состоянием отношений с СССР⁴⁰. 12 апреля 1935 г. группа сенаторов направила в правительство запрос следующего содержания: «Обратило ли правительство внимание на то, что в последнее время экспорт из Финляндии в СССР сократился, и если да, то какие причины, по мнению правительства, повлияли на это сокращение и на окончательное прекращение вывоза в СССР; какие действия правительство предприняло или намерено предпринять для устранения причин, приведших к столь плачевному результату, если, конечно, их устранение во власти финляндского правительства». Как можно заметить, тон запроса свидетельствовал о крайнем недовольстве и сомнениях в способности властей исправить ситуацию.

Ответ на запрос был подготовлен министром иностранных дел А. Хакцелем. В нем в качестве основной причины сокращения Советским Союзом закупок в Финляндии было указано на обострение политических отношений между странами. Одновременно министр подчеркнул, что «Финляндия и правительство страны всегда осознавали значение связей с восточным соседом» и понимали, «чем мог обернуться для Финляндии разрыв этих отношений»⁴¹. По поводу шагов в сторону исправления ситуации в ответе не было сказано ни слова.

Советское правительство, главным образом, было обеспокоено связями Финляндии с Германией, а также ее сближением с Польшей и Японией. Отказываться от такого внешнеполитического выбора финляндское руководство не собиралось, даже под угрозой обострения отношений с СССР. Такой позиции придерживались и в МИД, полагая, что «Финляндия не может разорвать хорошие отношения с этими странами и в еще меньшей степени готова проводить свою внешнюю политику с оглядкой на СССР». Вместе с тем, считали необходимым приложить все усилия к тому, чтобы без ущерба отношениям с другими странами убедить советское правительство в искренности стремлений Финляндии к нейтралитету⁴². Какими путями надеялись этого добиться, остается загадкой.

В любом случае в финляндском внешнеполитическом ведомстве не оставляли надежд на возобновление торговых переговоров при полном невнимании к этому вопросу со стороны правительства. По этой причине зондаж воспринимали в Москве как не вполне серьезный, не уставая напоминать о том, что «торговля зависит от политической атмосферы»⁴³. Вначале под нормализацией отношений подразумевали решительную борьбу с антисоветизмом. В конце 1930-х гг., руководствуясь интересами обеспечения собственной безопасности, СССР предлагал произвести обмен территориями, будучи готов пойти на некоторые уступки, в том числе подписать с Финляндией торговый договор на особо выгодных для нее условиях⁴⁴.

Начавшиеся в Москве весной 1939 г. торговые переговоры были заранее обречены на провал ввиду абсолютного несоответствия точек зрения. Действуя в соответствии с крайне жесткими инструкциями правительства, финляндская делегация предлагала рассматривать торговые аспекты двусторонних взаимоотношений отдельно от политических. Несмотря на то что в очередной раз финнам указали на прямую связь политики и экономики, в Хельсинки, по непонятным причинам, сочли, что «русские блефуют» и что в итоге те согласятся подписать торговый договор, не выставляя политических условий⁴⁵.

Сближение Москвы и Хельсинки, причем на чисто коммерческой основе, представляется вполне возможным в период с 1920 по 1927 гг. Но для этого помимо дипломатических следовало приложить усилия по обеспечению постоянного роста товарооборота и, главное, развития его структуры с учетом потенциальных возможностей финляндской экономики. В послевоенной политике в Финляндии были учтены ошибки, допущенные в 1920–1930-е гг., с акцентом в дальнейшем на

торгово-экономические методы воздействия. В комбинации с политическими инструментами — Договором 1948 г. и партнерскими отношениями, установленными на уровне высшего политического руководства, — они стали эффективным средством обеспечения обороны на одном из важнейших участков фронта в годы «холодной войны»⁴⁶.

Примечания

¹ Находясь под властью шведской короны на протяжении почти шести веков, Финляндия так и не стала ни политической, ни экономической общностью. В хозяйственном отношении она оставалась сельскохозяйственной периферией с крайне незначительным развитием промышленности. Доля Финляндии в общегосударственном производстве железа не превышала 3% (Schyberson P. Finnish Industry and the Russian Market during the Autonomous Period. VIII suomalais-neuvostoliittolainen yhteiskuntahistorian symposiumi Turussa 2–6.9.1984. Turun historiallinen arkisto, 41. Turku (Turun Historiallinen Yhdistys), 1986. S. 134).

² Финская марка была привязана к российскому рублю вплоть до отделения Финляндии от России в декабре 1917 г.

³ Начиная с 1840-х гг. финляндские ввозные пошлины были существенно ниже российских. Кроме того, с 1869 г. по 1917 г. тарифы на товары европейского производства оставались практически неизменными (Hjerppe R. Finland's Foreign Trade and Trade Policy in the 20th Century. Ministry of Finance Economics Department. Discussion paper № 37. Helsinki. April. 1993. P. 5–6).

⁴ России удалось монополизировать только финляндский хлебный рынок. В 1885–1895 гг. из метрополии ввозилось 96,8% всей импортируемой ржаной и 61% пшеничной муки (Bobovits I. Venäjän ja Suomen taloudelliset suhteet 1800- ja 1900-luvun vaihteessa. Kolmas suomalais-neuvostoliittolainen historiatutkijoiden seminaari Helsinki, 15–21.11.1971. Historiallinen arkisto. Julkaissut. Suomen Historiallinen Seura. 66. Forssa, 1973. S. 50). В 1906–1913 гг. 40% импортного хлеба поступало в Финляндию напрямую из России (Ahvenainen J. Suomen ja Neuvostoliiton kauppasuhteet 1920- ja 1930-luvulla. VIII suomalais-neuvostoliittolainen yhteiskuntahistorian symposiumi Turussa 2–6.9.1984. Turun historiallinen arkisto, 41. Turku (Turun Historiallinen Yhdistys). 1986. S. 171).

⁵ На Запад Финляндия поначалу поставляла продукцию животноводства, не нашедшую достаточного спроса на российском рынке, а с 1880-х гг. — также изделия деревообработки. Главными потребителями финляндской древесины стали Германия и Англия.

⁶ В первом десятилетии XX в. доля бумажной промышленности в экспорте в Россию равнялась примерно 40%, причем на предприятиях Выборгской губернии производилось до 50% всей продукции, выпускаемой бумагоделательными предприятиями Финляндии (Kauppalehti n:o 25/1912; M. Uotinen, Uhatut pitäjät. Viipuri, 1911. S. 99, 100, 107, 155;

Pihkala E. Suomen ja Venäjän-kauppa vuosina 1860–1917. Helsinki, 1970. S. 88–94).

⁷ Усиление типичной для России тенденции к самообеспечению в процессе трансформации экономики от аграрной к аграрно-индустриальной привело к падению спроса, в том числе на товары финляндского производства. С 1860-х гг. и до 1910 г. доля России во внешней торговле Финляндии сократилась с 41 до 31% при одновременном повышении доли Германии и Англии с 18 до 28% и с 13 до 20% соответственно. Сохранение экономического и политического влияния российские власти пытались обеспечить административными мерами (Piskulov J. Suomen ja Venäjän/Neuvostoliiton taloudelliset suhteet 1800- ja 1900-luvuilla. VIII Suomalais-neuvostoliittolainen yhteiskuntahistorian symposiumi Turussa 2–6.9.1984. Turun historiallinen arkisto, 41. S. 190).

⁸ Suomen Ulkoasiainministeriön Arkisto (Архив министерства иностранных дел Финляндии, УМ). F. 58B2. K. 236. «После первого шага». Финский торговый журнал. Хельсинки, 1945.

⁹ Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–1995. М., 1998. С. 15.

¹⁰ См. подробно: Андросова Т.В. Элиты и лидеры в международных отношениях: неиспользованные возможности финляндской восточной внешней политики в 1920–1930-е годы. Элиты и лидеры. Традиционализм и новаторство. М., 2007.

¹¹ Ahvenainen J. Op. cit. S. 78–87.

¹² Ввоз зерна из России в больших объемах надолго затормозил развитие собственного производства, которое удалось поднять до уровня, позволившего практически отказаться от импорта, только к началу 1930-х гг.

¹³ Pihkala E. Suomen Venäjän kauppa vuosina 1860–1917. Bitrag till kännedom av Finlands natur och folk N. 113. Helsinki, 1970. S. 149–151.

¹⁴ Экспорт хлеба из России возобновился в 1922 г.

¹⁵ Suomen taloushistoria. Osa 2. Helsinki, 1982. S. 97, 267.

¹⁶ УМ. F. 58B2. K. 236. «После первого шага».

¹⁷ Ahvenainen J. Paperitehtaista suuryhtiöksi. Kymin Osakeyhtiö vuosina 1918–1939. Kuusankoski, 1972. S. 74–76.

¹⁸ Suomen Paperitehtaiden Yhdistyksen (Finnpapin) arkisto. Helsinki. Finnpapin hallitus. 1919. 27 p:nä syyskuuta.

¹⁹ Стоимость всего движимого и недвижимого имущества, включая стоимость земельной собственности, принадлежавшей гражданам Финляндии в России, составляла примерно 650 млн финских марок.

²⁰ Большевики считали абсурдным платить по «чужим» долгам и не собирались идти на уступки кому бы то ни было в вопросе о национализации. На Генуэзской и Гагской конференциях 1922 г. России удалось отстоять свою точку зрения, и Финляндия, как и другие страны, предъявлявшие советскому правительству свои экономические претензии, осталась ни с чем.

²¹ Ребольская и Поросозерская волости присоединились к Финляндии в 1919 г. по решению жителей этих волостей.

²² UM. F. 58B1 NL. K. 50. Sähkösanoma. No. 151. Tartto. 1920. 5 p:nä elokuuta; Sähkösanoma. No. 215, Tartto. 1920. 17 p:nä elokuuta; Ulkoasiainministerille Kauppasopimuskomitean kirjelmä. 1920. 22 p:nä syyskuuta.

²³ В 1918–1922 гг. Финляндия активно содействовала своим соплеменникам в Восточной Карелии, Ингерманландии, Эстонии и Петсамо в их борьбе против большевиков. Одним из наиболее острых вопросов во взаимоотношениях соседних государств был вопрос о деятельности на территории Финляндии террористических белоэмигрантских организаций.

²⁴ Helsingin Sanomat. 1923. 10 p:nä marraskuuta.

²⁵ Письмо Министерства торговли и промышленности в российское полпредство 26 июня 1921 г. Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ). Ф. 0135. Оп. 4. П. 105. Д. 28. Л. 2–8; Оп. 6. П. 14. Д. 3. Л. 1–9.

²⁶ UM. F. 58B1NL. K. 52. Venäjänkieliset pöytäkirjat 1922–1923.

²⁷ Архив Министерства экономического развития и торговли РФ (МЭРТ РФ). Ф. «Торгпредство СССР в Финляндии». Оп. 1359. Д. 10 (без пагинации). Записка за подписью заведующего хлебным отделом Торгпредства СССР в Финляндии Н.Р. Кастля, 22 июня 1927 г.; Там же. Оп. 4. Д. 1. Л. 1–14. Документ «Обзор деятельности финляндского торгпредства по продаже хлебопродуктов, основы работы и перспективы по хлебоэкспорту в Финляндии».

²⁸ АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 15. П. 131. Д. 1. Л. 30.

²⁹ UM. F. 58B1NL. K. 50. KTM:n P.M. «Suomen ja Venäjän välinen kauppa ja Suomen mahdollisuudet osuuteen maailman Venäjänkaupasta». 1922. 28 p:nä maaliskuuta.

³⁰ Торговый договор, заключенный Англией с Россией в марте 1921 г. и означавший признание действовавшей там монополии внешней торговли de facto, подтолкнул и другие страны к нормализации своих торговых связей с Россией. В 1921 г. Россия вела торговлю уже с 18 странами, имея в 15 из них своих торговых представителей и агентов.

³¹ UM. F. 58B1NL. K. 53. Ulkoasiainministeriölle Kauppasopimuskomitean puheenjohtaja A. Norrménin kirjelmä. 1922. 24 p:nä marraskuuta.

³² Kauppalehti. 1923. 29 p:nä tammikuuta.

³³ В конце декабря 1926 г. Таннер возглавил правительство меньшинства, образованное из представителей СДПФ, с которой отказались сотрудничать буржуазные партии. Учитывая этот факт, трудно было ожидать, что Таннер взялся бы за кардинальное исправление отношений с СССР, поскольку этим только осложнил бы положение СДПФ внутри страны.

³⁴ АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 9. П. 116. Д. 1. Л. 96–102. Доклады И.Л. Лоренца С.И. Аралову № 66 и 68, март 1926 г.

³⁵ UM. F. 58B1NL. K. 54. K. Pontus-Artin keskusteluista ulkoasiainkansankomissariaatin kollegion jäsenen B. Stomonjakovin (8 p:nä joulukuuta 1927) ja ulkoasiainkansankomissaarin G. Tchicherinin (1 p:nä maaliskuuta 1928) kanssa. Ulkoasiainministeriölle Suomen Moskovan-lähetystön kirjelmä

no. 1788. 1927. 8 p:nä joulukuuta; Osastopäällikkö G. Kihlamanille Suomen Moskovan lähettilään kirjelmä no. 276. 1928. 1 p:nä maaliskuuta.

³⁶ В особенности финны были обеспокоены такой ценовой политикой на основном для финляндского лесного экспорта британском рынке. См. по этому вопросу: Autio S. Suunnitelmatalous Neuvosto-Karjalassa 1928–1941. Paikallistason rooli Neuvostoliiton teollistamisessa. Helsinki, 2002. S. 183–187.

³⁷ Ibid. F. 58B2NL. K. 236. «После первого шага».

³⁸ Ibid. F. 58B1NL. K. 54. Suomen Moskovan-lähetystön raportti no. 25. 1931. 18 p:nä lokakuuta.

³⁹ Ibid. A.S. Yrjö — Koskisen kirjelmä Ulkoasiainministerille. 1934. 5 p:nä joulukuuta.

⁴⁰ Особенно активную позицию в вопросе о заключении торгового договора с СССР занимал Промышленный Союз Финляндии во главе с Й. Вильяненом, призывавшим к отказу от какой бы то ни было дискриминации и к взаимности в отношениях с СССР (Ibid. Suomen Teollisuusliitto no. 1010 UM:lle, Valtionneuvostolle. Helsinki. 1934. 6 p:nä heinäkuuta).

⁴¹ Ibid. Muistiot. 1935. 12 p:nä ja 15 p:nä huhtikuuta.

⁴² Ibid. Ulkoasiainministerille (Holsti) A.S. Yrjö — Koskisen kirjelmä. 1936. 7 p:nä marraskuuta.

⁴³ Ibid. Ulkoasiainministeriölle Suomen Moskovan-lähetystön kirjelmä no. 118. 1939. 27 p:nä tammikuuta; salasähke. 1939. 28 p:nä tammikuuta.

⁴⁴ Ibid. F. 12L K. 25. Salasähke. 1939. 13 p:nä maaliskuuta.

⁴⁵ Ibid. F. 58B1NL K. 54. Salasähke. 1939. 6 p:nä maaliskuuta.

⁴⁶ См. по этому вопросу: Андросова Т.В. Советско-финляндские отношения на фоне холодной войны // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 6. М., 2007; Она же. Торговля и политика: послевоенные отношения СССР и Финляндии // Экономическая история: Ежегодник 2007. М., 2008; Androsova T. Economic Interests in Soviet-Finnish Relations. The Flexible Frontier: Change and Continuity in Finnish-Russian Relations. Aleksanteri Series 5/2007; Idem. Kauppapolitiikka Suomen ja Neuvostoliiton suhteissa vuoden 1944 jälkeen // Historiallinen Aikakauskirja. 2002. No. 2. S. 152–158.

*И.М. Ларсен**

С периферии на периферию: экспорт сибирского масла и балтийские порты Российской империи**

В течение двух десятилетий накануне Первой мировой войны Россия пережила невиданный экономический подъем¹. Результатом его явилось стремительное расширение российской внешней торговли. Продукция сельского хозяйства оказалась в числе важнейших статей российского экспорта. Россия являлась крупнейшим мировым экспортером пшеницы, яиц и льна и занимала вторую строчку по вывозу масла, отставая лишь от Дании². Миллионы пудов (1 пуд = 16,38 кг) продукции сельского хозяйства перевозились по рекам и железным дорогам из внутренних и периферийных районов Российской империи, таких как Сибирь, к портам Балтийского моря и отправлялись далее в Западную Европу. Основная часть грузопотока приходилась на сырье. В этом смысле масло, представлявшее собой готовый продукт, являлось, скорее, исключением.

Настоящая статья посвящена теме экспорта масла из Сибири в страны Западной Европы в период 1897–1917 гг. Вначале рассматриваются исторические свидетельства, отчасти носящие анекдотический характер, затем приводится краткий экскурс в историю торговли сибирским маслом и анализ принципов, положенных в основу этой торговли; упор при этом делается на сопоставление экономической стратегии российского Мини-

* Ларсен Инге Марие — научный сотрудник Государственной и университетской библиотеки, г. Орхус, Дания.

** Статья была подготовлена на основе доклада на семинаре «Экономика стран Балтийского региона до Первой мировой войны. Деловые связи и сопоставления» (Хельсинки, 8–9 октября 2009 г.). Автор выражает благодарность Европейской научной ассоциации / ГлобалЕвронет, университету Хельсинки и Фонду Ирвэ Йоханссон за финансовую поддержку семинара и профессору Риите Хьерппе (Университет Хельсинки) за организационную часть.

Перевод с английского языка А.Ю. Петрова.

стерства финансов с теми процессами, которые действительно имели место в сфере торговли сибирским маслом. Статья также касается вопроса об участии датских купцов в торговле сибирским маслом и о роли в этой торговле российских портов, расположенных на Балтийском побережье.

Экспедиция

В мае 1914 г. экспедиция в составе 28 человек отправилась из Сибири в направлении Дании и Великобритании. Участниками экспедиции были сибирские крестьяне, занятые в артельном маслодельном хозяйстве. Одним из вдохновителей экспедиции был Н.В. Чайковский (1850–1926) — русский революционер, англоман, а после 1917 г. выдающийся деятель антибольшевистской оппозиции. За ним стоял «Союз сибирских маслодельных артелей» — артельная экспортная организация, главная контора которой располагалась в г. Курган в Западной Сибири, а отделения — в ряде сибирских и прибалтийских городов; в Лондоне находилось главное заграничное представительство «Союза» с отделениями в Копенгагене, Берлине и Нью-Йорке. Накануне Первой мировой войны 16% всего сибирского масла, экспортируемого в Западную Европу, производилось на маслобойнях, имевших соглашения с «Союзом»³. Объем масла, поставляемого этой организацией за границу, практически равнялся количеству масла (700 тыс. пуд.), экспортируемого крупнейшей частной компанией, занятой в сфере маслоторговли, — датской фирмой «Сибирская компания» (Det Sibiriske Kompagni), при этом ожидалось, что в скором будущем «Союз сибирских маслодельных артелей» должен был обогнать датскую компанию⁴. К 1914 г. доля «Сибирской компании» колебалась в пределах 25–30% от общего итога⁵.

Маршрут экспедиции был тщательно спланирован⁶. Идея двинуться напрямиком из Сибири в Данию показалась сибирским крестьянам слишком смелой, поскольку многие из них ни разу не были дальше своей собственной деревни или уезда. Поэтому было решено начать с обследования образцовых сельскохозяйственных и прочих предприятий Москвы и близлежащих мест, затем посетить прибалтийские сельскохозяйственные организации и предприятия, а уже затем отправиться в Данию и Великобританию. Говоря в целом, сельское и молочное хозяйство в балтийских губерниях было организовано на значительно более современных и технически совершенных началах по сравнению

с общероссийским уровнем сельского хозяйства в целом и молочного хозяйства в частности. Дания рассматривалась в качестве страны с наилучшей организацией мелкого фермерского хозяйства и артельной обработки сельскохозяйственной продукции, тогда как Англия в глазах многих русских представляла собой идеал промышленного и политического развития, а также являлась той страной, где зародились идеи о кооперации.

В Москве участники экспедиции посетили различные предприятия, в том числе современную частную молочную ферму, банк, основанный российскими кооператорами (Московский народный банк), селекционную станцию, а также прослушали лекции о разведении скота и кооперации. Помимо этого они побывали в сельскохозяйственных угодьях к северу от Москвы, где ознакомились с активно проводимыми в то время экспериментами по модернизации общинного землевладения в рамках модели общинного землеустройства⁷.

После Москвы экспедиция отправилась поездом в Ливонскую губернию, где она в очередной раз посетила различные сельскохозяйственные организации, в том числе частные фермерские хозяйства, артельные маслобойни и крупную промышленную маслодельню в Риге, управляемую «немецкими баронами». Последняя была организована по последнему слову техники и произвела на участников экспедиции большое впечатление, но не понравилась им потому, что основывалась на капиталистических принципах.

После Риги экспедиция села на поезд до Виндавы (нынешнего г. Вентспилс). В виндавском порту участники экспедиции осмотрели большую холодильную камеру немецкой судоходной компании «Герхард & Хей» (Gerhard & Hey), где масло «Союза сибирских маслодельных артелей» хранилось перед дальнейшей транспортировкой по морю. Для более тщательной проверки качества ими было отобрано 10% от общего количества бочонков из каждой партии поставленного «Союзом» масла.

Компания «Герхард & Хей» была основана в Лейпциге в 1856 г. как транспортно-экспедиционное агентство. Она имела тесные связи с Лейпцигской ярмаркой. Именно это обстоятельство способствовало тому, что в 1860-х гг. компания открыла операции в России. Вскоре после этого она стала одним из крупнейших посредников в сфере морских перевозок сибирского масла в страны Западной Европы. Компания открыла отделения в Москве (1869), Ревеле (1879), Либаве (1883), Санкт-Петербурге (1886), Одессе (1889), Риге (1897), Виндаве (1902), Ирбите и Витебске (1903). Порт Виндава был привлекателен

тем, что никогда не замерзал и круглогодично оставался открытым для навигации. В 1901 г. компания преобразовала свои российские отделения в общество на российском уставе с главной конторой в Санкт-Петербурге⁸. Около 1908–1909 гг. компания соорудила в порту Виндавы холодильную камеру⁹.

Управляющий отделения «Союза сибирских маслодельных артелей» в Виндаве сообщил участникам российской экспедиции, что с сибирским маслом было связано много проблем. Бочонки часто доставлялись в Виндаву в плохом состоянии. Часть масла была сомнительного качества, порой являвшегося следствием непрофессионализма сибирских маслобоен, но чаще всего происходившим от условий транспортировки, особенно по причине очень долгой перевозки молока при помощи конной тяги из удаленных мест его непосредственного производства до городов или железнодорожных станций. Система охлаждения в старых железнодорожных вагонах была неэффективна. Новые вагоны вполне соответствовали требованиям, но их было слишком мало. В Сибири было достаточное количество станций по производству льда и его своевременной погрузки (часто производившейся дважды в день), однако на территории Европейской России таких станций было всего несколько (порой запасы льда можно было пополнять только через день). Компания «Герхард & Хей» тесно сотрудничала с отделением «Союза сибирских маслодельных артелей» в Лондоне. Лондонское отделение «Союза» осуществляло мониторинг западноевропейских рынков и сообщало компании «Герхард & Хей», куда следовало отправить масло.

По словам управляющего, проблема состояла в отсутствии контроля со стороны государства и контроля качества, аналогичных тем, что существовали в Дании и Финляндии. Возможно, управляющий имел в виду применявшуюся в Дании систему государственного контроля качества масла и маргарина и датскую и финскую системы оценки качества масла в виде маркировок, напечатанных на бочонках, которые гарантировали, что отправлявшееся на экспорт масло было наивысшего качества. Некоторые фирмы практиковали собственный контроль качества, однако, по словам управляющего, торговцы не обращали на это внимания. Какой смысл беспокоиться о качестве масла, когда все его виды и сорта находили сбыт на западноевропейских рынках?

Продолжив движение по намеченному маршруту, участники экспедиции сели на пароход Объединенной датской паро-

ходной компании «Тира» (DFDS «Thyra»), направлявшийся в Копенгаген. «Тира» был построен в 1914 г. и принадлежал датской компании D/S Torm, Copenhagen (нынешней A/S Torm, Copenhagen)¹⁰. Судно было рассчитано на 40 пассажиров. По мнению участников экспедиции, спальные места были удобны, хотя и отапливались слишком сильно. Рацион состоял преимущественно из окорока и картофеля. Поскольку некоторые крестьяне были вегетарианцами или мусульманами, им приходилось требовать, чтобы им готовили омлет или рыбу. Они исправно получали желаемое и остались весьма довольны вояжем. В Дании экспедиция посетила различные артельные предприятия (административные органы, маслодельни, скотобойни, компании по торговле яйцами), Национальный музей, Народный университет для сельской молодежи, частные фермерские хозяйства и т. д. Здесь неуместно вдаваться в дальнейшие детали, связанные с пребыванием группы в Дании и Великобритании, и мне хотелось бы завершить рассказ об этой экспедиции цитатой, взятой из отчета одного из крестьян, принимавшего в ней участие: «Пользу экскурсия принесла очень маленькую — причиной является неподготовленность и полное незнание языка датчан и англичан. Это незнание очень много мешало в Дании, а более всего все смешала вспыхнувшая вскоре по приезде домой война, которая захватила полностью внимание всех и в том числе мое. Мало того, она расколодила мечты, навеянные экскурсией, о всеобщем мире. Но хотя маленькую, а все-таки пользу экскурсия принесла...»¹¹.

Этот небольшой и анекдотический по своему характеру отрывок довольно красноречиво свидетельствует о тех перспективах, которые открывались в развитии маслодельного хозяйства на протяжении нескольких десятилетий перед началом Первой мировой войны, и о значимости периферийных районов Российской империи по отношению друг к другу и для экономики страны в целом. Он также свидетельствует о тесной связи России с мировым рынком, приводившей к тому, что обычные крестьяне предпринимали поездки в Западную Европу. Более того, мы видим, что эти крестьяне смотрели (или привыкли смотреть) на артельные предприятия как некапиталистические по своей сути (интересен тот факт, что применительно к датской модели это было совершенно неверно, так как в Дании воспринимали кооперативное производство как капиталистическое, особенно выгодное для мелких производителей¹²). Последний по счету, но не по значимости вывод, который можно сделать на основе этого отрывка, состоит в очередной констатации того факта, сколь катастрофические последствия вызвала мировая война.

Торговля маслом

Развитие маслоделия проходило в условиях глобализации мировой экономики, которая развернулась с середины XIX в. до начала Первой мировой войны. Россия была серьезным образом вовлечена в этот процесс. Участие в нем России во многом определялось и поощрялось экономической политикой С.Ю. Витте, в 1892–1903 гг. занимавшего пост министра финансов России. Краеугольным камнем политики Витте было улучшение российской транспортной сети и банковской системы, далеко идущие денежные реформы, расширение внешней торговли и поощрение иностранных инвестиций и деловой активности иностранцев в промышленности и торговле России. Последняя мера была нацелена на получение экономикой страны инвестиций и профессиональных знаний, в которых она остро нуждалась¹³. В.И. Ковалевский, директор департамента торговли и мануфактур в 1893–1902 гг. и товарищ министра финансов при С.Ю. Витте в 1901–1902 гг., обладал профессиональными знаниями в области сельского хозяйства в целом и молочного хозяйства в частности и был заинтересован в артелях с политической точки зрения. Именно он определял стратегическую линию в политике Витте по отношению к молочному сельскому хозяйству и разрабатывал отдельные аспекты этой политики¹⁴.

Впервые на мировом рынке масло появилось в конце XIX в. Расширение железнодорожной сети, создание единой системы международных морских перевозок, совершенствование холодильного оборудования и изобретение сепаратора для сливок — все это привело к тому, что объемы производства масла значительно возросли. В результате масло стало предметом крупномасштабной международной торговли. Цены на него снизились, и в промышленно развитых странах оно вошло в число базовых продуктов питания. Во многих регионах (например, в Великобритании и Германии) потребление масла росло столь быстрыми темпами, что возникла необходимость массового ввоза данного продукта из различных стран, производивших его в избытке: Дании, Швеции, Финляндии, Ирландии, США, Аргентины, заморских колоний Великобритании (Австралии, Новой Зеландии, Канады) и России (ее балтийских губерний, европейской части и Сибири). С 1870-х гг. до Первой мировой войны крупнейшим мировым импортером масла являлась Великобритания, которая обгоняла по этому показателю Германию и представляла Эльдorado для каждого, кто желал покупать и продавать масло любого вида или сорта: соленое, несоленое, особо

ароматное, изысканное, обычное, низкокачественное, перво-классное, второклассное, дорогое, дешевое, датское, шведское, финское, ирландское, французское, галисийское, русское, сибирское, австралийское, новозеландское, аргентинское и т. д.

Основной страной происхождения масла на британском рынке была Дания, за ней следовали Россия и Австралия, поставлявшие масло почти в равной пропорции. Начиная с 1904 г. возросло значение германского рынка. К 1913 г. он практически сравнялся по емкости с британским. По ввозу масла на германский рынок наиболее сильные позиции принадлежали России и Голландии, доли которых в структуре германского импорта были почти равны¹⁵. Дания занимала первую строчку среди мировых экспортеров масла, на втором месте в 1902–1914 гг. находилась Россия¹⁶.

В предвоенные десятилетия Балтийское море являлось ареной для оживленной торговли маслом, которая проходила через порты Санкт-Петербурга (Новый порт), Либавы (ныне г. Лиепая), Виндавы (как уже упоминалось, ныне г. Вентспилса), Ревеля (Таллинна), Риги, Гангут, свободный порт Копенгагена и другие порты и осуществлялась при посредничестве пароходных компаний, использовавших пароходы всех европейских стран, включая Россию. Все новые и новые партии датского и шведского, финского и прибалтийского масла, масла из европейской части России (особенно района Вологды и Рыбинска) и из Сибири переправлялись по Балтийскому морю в Копенгаген, Гамбург, Штеттин, Любек, Лондон, Гуль и прочие пункты назначения. Порядок, в котором представлены вышеупомянутые страны-производители масла, отражает тенденцию изменения качества масла и цен на него на мировом рынке. Однако здесь можно встретить и исключения из правил. Первоклассное сибирское масло пользовалось большой популярностью у жителей Лондона и южной части Англии, т. е. среди представителей высшего класса британского общества, причиной чему было его сходство с французским маслом (очень жирным, с небольшим содержанием воды и соли) и его «естественный вкус»¹⁷. Цены на него были выше, чем на второсортное российское масло, а временами практически шли вровень с ценами на датское масло. Датское масло было самым дорогим. Несмотря на дороговизну, оно находило наибольший сбыт у английских шахтеров, живших в районе Манчестера и ценивших яркий желтый цвет и неизменный вкус этого сорта масла¹⁸. Сибирское второсортное масло было очень популярно у британских производителей печенья. Его консистенция наилучшим образом подходила

для изготовления английских пирогов и печенья, незаменимым ингредиентом для которых стал данный сорт масла. В обратном направлении по морю в российские порты, расположенные на прибалтийском побережье, шли сепараторы, откуда они впоследствии развозились по маслобойням, находившимся в различных районах империи. Наибольшее распространение в первое десятилетие производства масла получил сепаратор шведской компании «Альфа-Лаваль» (Alfa-Laval), контрагентом которой в Петербурге являлся Людвиг Нобель. Еще один популярный сепаратор носил название «Перфект» (Perfect) и производился компанией «Бурмайстер & Вайн» (Burmeister & Wain) в Копенгагене. Прочие виды маслобойного оборудования, такие как машины для окраски масла и изготовления бочонков, буквые детали, в основном ввозились в Россию из Дании.

Датские купцы вскоре заняли важное место в торговле маслом на мировом рынке и особенно в Великобритании. С 1880-х гг. они вели операции с датским и шведским (из провинции Скания), германским и финским маслом, маслом из европейской части России, а с конца 1890-х гг. — с сибирским маслом. Датские купцы были в числе первых иностранцев, открывших с 1896 г. свои представительства в Вологодской губернии. Оттуда они двинулись в восточном направлении, в Сибирь, полагая, что тамошние условия открывали гораздо более широкие перспективы для торговли (более богатое и предприимчивое крестьянство, отсутствие крепостничества, наличие всего нескольких крупных землевладельцев, меньшая степень социального расслоения среди сельского населения).

В Сибири экономический подъем нигде не был так очевиден, как в молочном сельском хозяйстве. Экспорт масла в Данию, Великобританию и Германию привлек в регион больше капиталов, чем вывоз любого другого товара или продукции¹⁹. К 1914 г. российский экспорт масла составил 78 тыс. тонн, датского масла — 91 тыс. тонн²⁰. Более 90% вывозившегося из России масла шло из Сибири. Крупномасштабная торговля велась между двумя неравными, на первый взгляд, сторонами — Сибирью и Западной Европой.

Предпринятое российским правительством сооружение Транссибирской магистрали оказало решающее воздействие на развитие сибирского маслодельного производства и экспорт его продукции за рубеж. В сочетании с новым уровнем пароходного сообщения между российскими портами, расположенными на прибалтийском побережье, и Западной Европой это открыло возможность для перевозки огромного количества масла из

Сибири на Запад в течение двух-трех недель и при невиданно низких транспортных издержках.

До 1901 г. основным пунктом назначения для сибирского масла служил Копенгаген. Часть поступавшего сюда масла находила применение в датских пекарнях, часть шла транзитом в Великобританию и в меньшей степени в Германию. Транзитная торговля была стабильной, но вплоть до начала Первой мировой войны держалась на низком уровне. Начиная с 1901–1902 гг. львиная доля сибирского масла, перевозкой которого занимались датские коммерсанты, из прибалтийских портов направлялась напрямиком в Великобританию и Германию. В этот период Англия сместила Данию с позиции крупнейшего импортера российского масла. Шло постепенное расширение германского рынка для привозившегося из Сибири масла. В 1913 г. он почти сравнялся с британским²¹.

Торговля сибирским маслом была сопряжена с рядом трудностей. В большинстве своем эти трудности были связаны с сомнительным качеством масла, как это видно из приведенного выше описания экспедиции, предпринятой группой сибирских крестьян. Однако, что характерно, эти трудности не являлись помехой для ведения торговли. Спрос на масло в Западной Европе был огромен, сибирские крестьяне охотно поставляли молоко для маслобоен, и экспортеры не беспокоились о рисках, связанных с вывозом масла за границу. Несмотря на недостаток качества, производство и экспорт масла из года в год стремительно увеличивались.

Экспортеры в Сибири и импортеры в Западной Европе, однако, часто жаловались по поводу чрезмерно высоких закупочных цен в Сибири²². Согласно мнению Х.П. Херла Хансена (Н.Р. Hjerl Hansen), директора упоминавшейся выше датской «Сибирской компании», и Сэмюэля Тёрнера (Samuel Turner), одного из управляющих британской компании «Уиллер & Райли» (Willer & Riley), основным препятствием для торговли являлась весьма активная конкуренция между покупателями в Сибири, которая сильно вздувала цены. Когда купленное в Сибири по высоким ценам масло прибывало в Лондон 4–5 недель спустя, спрос на него на рынке в тот момент мог быть невелик. Высокие закупочные цены в сочетании с низким качеством масла с большой долей вероятности могли подвергнуть торговлю риску, как это временами и происходило. Покупатели в Сибири не думали о столь далеко идущих последствиях своих действий, будучи всецело поглощены конкурентной борьбой на просторах Сибири²³. Схожим было мнение российских экспертов в обла-

сти молочного сельского хозяйства, но они, кроме того, обычно обвиняли иностранцев в безразличном отношении к интересам местного населения, полагая, что те слишком много думали о количестве и слишком мало о качестве, будучи заинтересованы исключительно в извлечении прибыли²⁴. Преобладание количества над качеством также означало, что многие сибирские маслобойни часто не заботились о качестве масла. Они могли в короткие сроки и по выгодным ценам продать практически любой сорт масла, независимо от его качества. Поставщики молока зачастую также не придавали значения качеству своей продукции. Они были заинтересованы лишь в высоких ценах на нее. Для них участие в молочном сельском хозяйстве было сопряжено с гораздо большим объемом необходимых средств, со стремлением к более высокому уровню жизни, а часто и с совершенствованием методов ведения фермерского хозяйства.

Это указывает на то, что сибирские крестьяне реализовывали свое молоко по достаточно высоким ценам, тогда как владельцы частных или артельных маслобоен по столь же высоким ценам продавали свою продукцию. На рынках сибирское масло составляло важную часть ассортимента торгующих маслом фирм, что значительно повышало норму прибыли от их торговых операций, несмотря на колебания качества и цен.

Однако проблемы, связанные с качеством масла, по-прежнему стояли на повестке дня, так почему же было не ввести контроль качества и маркировочные знаки? Эти меры постоянно обсуждались, но так никогда и не были введены в действие. На то было много причин. Экспортеры, так же как и производители, скептически относились к идее контроля со стороны государства, опасаясь бюрократических проволочек, свойственных российской государственной машине. Все сходились на том, что в такой большой и относительно отсталой стране, каковой являлась Россия, пока было затруднительно ввести единый маркировочный знак на масло.

Молочное хозяйство в Сибири

Первые сибирские маслобойни находились в частных руках и принадлежали как местным купцам, так и выходцам из европейской части России. Довольно скоро производство масла было начато крестьянскими артелями при участии находившихся на государственном содержании специалистов по молочному хозяйству. Ряд частновладельческих маслобоен вел успешную деятельность, однако многие предприятия подобного рода были

небольшими по размеру и не отличались высоким уровнем профессионализма, а их хозяева все силы употребляли исключительно на получение легкой наживы. Как следствие, продукт часто получался низкого качества. В 1902 г. правительство приняло решение поддержать выдвинутое сибиряками предложение о поощрении артельного молочного сельского хозяйства. Был дан зеленый свет для создания специального учреждения по развитию данной отрасли. Государство выплачивало жалованье входившим в состав этого учреждения членам и давало ссуду для открытия новых маслобоен. Учреждение просуществовало шесть лет (1902–1907 гг.) и было единственным в своем роде за всю историю России. Оно получило название «Организация по устройству кооперативных маслодельных товариществ в Западной Сибири». Деятельность организации имела своим следствием рост, местами стремительный, доли кооперативных маслобоен при резком сокращении числа частновладельческих предприятий отрасли. Данная организация по существу явилась предшественником упомянутого выше органа экспортной торговли — «Союза сибирских маслодельных артелей», под эгидой которого в 1914 г. в Данию и Великобританию была отправлена уже упоминавшаяся экспедиция²⁵.

Но почему выбор был сделан в пользу артельного молочного сельского хозяйства? Опыт Финляндии, Швеции и Дании свидетельствовал о том, что крупные маслобойни, организованные на кооперативных началах, были более приспособлены к профессиональной постановке дела и давали масло несравненно более высокого качества, чем мелкие маслобойни, заинтересованные лишь в погоне за прибылью. Масло, выпущенное артельными маслодельнями, более высоко ценилось на мировом рынке, как это было в случае с финским, шведским и датским кооперативным маслом. Предполагалось, что утверждение кооперативного молочного хозяйства в долгосрочной перспективе должно было привести к тому, что экспорт масла будет также основываться на кооперативных принципах. Российские специалисты в области маслоделия были хорошо осведомлены о тенденциях развития молочного сельского хозяйства в других странах, и им было известно о том, что многие датские, шведские и финские артельные хозяйства уже основали свои собственные кооперативные экспортные объединения или собирались это сделать. Кооперативный экспорт сделал бы сибирских производителей масла хозяевами в своей отрасли и передал бы в их руки весь объем получаемой от экспорта прибыли, которая в противном

случае в основном шла в карманы датских и прочих иностранных коммерсантов²⁶.

В народнических кругах кооперация также рассматривалась в качестве средства, которое могло быть использовано для социального и политического развития крестьян и для водворения в их среде некапиталистического и проникнутого духом братства образа жизни²⁷. В этом отношении между русскими кооператорами народнической ориентации (однако не все русские в целом и сибирские в частности кооператоры были народниками) и датскими кооператорами существовало одно интересное отличие. В Дании воззрения сторонников кооперации в гораздо меньшей степени были проникнуты идеологией. Они смотрели на кооперацию как на практический способ компенсировать мелким фермерам малый размер их хозяйства, поскольку кооперативы давали им преимущества крупномасштабных производства и экспорта.

В Сибири размер кооперативного сектора неуклонно возрастал, охватывая 8,6% всех маслодельных хозяйств в 1897 г. и 47% — в 1913 г.²⁸ Резкое увеличение числа кооперативных маслобоен произошло между 1902 и 1908 гг.²⁹

Расширение кооперативного сектора, как это часто случалось, происходило в напряженной атмосфере за счет сокращения количества частновладельческих маслобоен — даже тех из них, которые являлись крупными и профессионально организованными предприятиями. Хозяева частновладельческих маслобоен выражали сильное неудовольствие по поводу вмешательства государства в дела отрасли, в которой они были заняты. Они выступали с жалобами в ходе правительственных заседаний высочайшего уровня, но безуспешно³⁰.

В Дании расширение кооперативного сектора не вызывало подобной напряженности. Главная причина заключалась в том, что хозяева частных маслобоен в Сибири являлись купцами, которые не имели собственных коров и, следовательно, полностью зависели от поставок молока с близлежащих крестьянских хозяйств. Владельцы частных маслобоен в Дании в большинстве своем были зажиточными фермерами или землевладельцами и владели крупными стадами скота. Они добровольно присоединялись к кооперативам, поскольку это было в их собственных интересах³¹. В Сибири же наличие кооперативов угрожало самому существованию частных маслозаводов.

Российское правительство финансировало лишь часть из общего числа маслобоен, так как правительственных ссуд было явно недостаточно, чтобы полностью покрыть существовавший

спрос на кредиты, а само получение кредита выливалось в сложный и длительный процесс по причине замысловатых бюрократических процедур. Большинство маслобоен, появившихся в первое десятилетие экспорта сибирского масла, было основано при участии иностранного капитала.

Иностранцы

Около 1896–1897 гг. экспортеры из Москвы, Петербурга и Западной Европы стали стекаться в Курган и открывать здесь экспортные представительства. Все большее число местных жителей стремилось принять участие в маслобойном деле, однако поиск источников инвестиций оказался проблемой, особенно для крестьян, намеревавшихся открыть кооперативные маслобойни. Как правило, крестьяне не могли предоставить банку гарантий своей платежеспособности, поскольку не обладали правом частной собственности на землю, в силу чего получение ими помощи со стороны банков и других кредитных учреждений было затруднено. Однако позднее выяснилось, что экспортные представительства, принадлежавшие иностранцам, были готовы ссудить деньги любому, кто желал основать маслобойню. Риск был минимален. Ссуды погашались в очень короткий срок, поскольку производство масла было выгодным делом.

Мне не удалось обнаружить точные сведения о доли подданных зарубежных государств в структуре российского экспорта масла — только указания на процентное участие иностранцев в этом секторе российской экономики, периодически встречающиеся в русских, английских и датских источниках. Однако не вызывает сомнения тот факт, что до 1903 г. в данной отрасли российской экспортной торговли первую скрипку играли датчане. Позднее в конкурентную борьбу с датскими подданными включились британские, германские, шведские, а также общероссийские и местные сибирские компании. Как было сказано выше, доля «Союза сибирских маслодельных артелей» в кооперативном экспорте масла составляла 16%³². В Сибири также действовали несколько более мелких кооператоров, работавших на экспорт, поэтому к 1914 г., вероятно, около четверти сибирского экспорта масла велось местными кооперативными организациями (аналогичный показатель для Дании составлял 20%³³). В Сибири существовал и ряд частновладельческих экспортных организаций, а также пара фирм из Москвы и Санкт-Петербурга. Предположительно, на их долю приходилось порядка 30% экс-

портной торговли маслом, а остальные 50–55% экспортных операций контролировались иностранными компаниями³⁴.

Иностранное присутствие, несомненно, компенсировало недостаток знаний в области международной торговли и связей на мировом рынке и, что особенно важно, восполняло недостаток производительного капитала. Иностранные компании, по крайней мере до 1907–1908 г., являлись главными кредиторами местных купцов и фермеров, желавших открыть собственную маслобойню, а также крестьян, чьей целью было создание артели. Даже местные предприятия, враждебно настроенные по отношению ко многим иностранным компаниям, действовавшим в регионе, брали у них деньги в кредит, как это было, например, в случае с «Организацией по устройству кооперативных маслодельных товариществ в Западной Сибири»³⁵. Без иностранных технологий и капитала крупномасштабные производство и экспорт масла были бы невозможны. После 1908 г. кредитные учреждения получили большее распространение, что сделало капиталы более доступными даже для крестьян.

Однако иностранное присутствие, принявшее массовый характер, и ведущее положение иностранцев в данном сегменте экспортного сектора вызывало у многих, особенно у тех, кто выступал в поддержку кооперативного движения, негодование, имевшее в своей основе национальную, региональную и социальную составляющие.

В Дании, между прочим, иностранные компании также играли заметную роль в экспорте датского масла. До начала Первой мировой войны две британские компании, одна из которых была кооперативной, контролировали 50% вывоза масла из Дании, включая 60% экспорта, шедшего в Великобританию³⁶.

Политика российского правительства

С исторической точки зрения становление России в качестве крупного игрока на мировом рынке явилось исключительным явлением. Что касается внешней торговли, Россия на протяжении многих столетий находилась практически в полной изоляции. Одна из причин этого заключалась в характерных для России географических условиях (огромная территория, большие расстояния, суровый климат и т. д.); в качестве другой причины выступала самодержавная экономическая политика правителей России, бросавшая крестьян, купцов и прочих предпринимателей страны на произвол судьбы.

В общем и целом, изоляция означала, что в России не сложились традиции внешнеторговой деятельности и культуры. А это, в свою очередь, подразумевало, что в 1880-е гг. России было непросто достичь отправной точки в своем экономическом развитии по причине сильной нехватки знаний в области внешней торговли, зарубежных рынков и международных рыночных связей, недостатка промышленной продукции, которая могла быть востребована на зарубежных рынках, а также недостаточного количества производительного капитала, который можно было бы использовать для основания или расширения промышленного производства и поощрения экспорта.

В 1892 г. Министерство финансов, вскоре после назначения С.Ю. Витте его главой, разработало программу для промышленности и торговли. Согласно этой программе, министерство стремилось в максимальном объеме и с наибольшей эффективностью поддержать развитие обрабатывающей промышленности с тем, чтобы последняя оказалась в состоянии удовлетворить спрос со стороны отечественных потребителей и успешно конкурировать с иностранными товарами на внутреннем и мировом рынках. В программе подчеркивалась важность создания тысяч мелких предприятий, производящих потребительские товары, поскольку без этого благополучие страны было бы невозможно. Достижение этой цели предполагало наличие трех условий: протекционистской таможенно-тарифной системы, выгодных торговых соглашений с другими государствами и разумных тарифов на перевозку товаров внутри страны. Последняя мера, безусловно, имела особенное значение для столь географически протяженной страны, как Россия, где транспортные расходы часто превышали издержки производства. В числе других важных мероприятий называлось принятие новых законов, которые способствовали бы дальнейшему экономическому развитию. Однако обычно проведение в жизнь новых законов в России являлось весьма длительной процедурой. Следовательно, еще до обнародования новых законов правительство должно было оказывать поддержку старым и особенно новым отраслям промышленности иными средствами — как морального, так и материального порядка. Правительство также намеревалось содействовать образованию организаций, которые выражали бы интересы отдельных промышленных и торговых групп, поощрять открытие выставок и установить контроль качества продукции, а также желало увеличить число торговых агентов России за границей³⁷.

Из программы следовало, что внешняя торговля России находилась не в удовлетворительном состоянии. Констатировалось отсутствие глубоко укоренившейся культуры внешней торговли, в основе которой должны были бы лежать твердые знания и опыт. Время существования компаний, занимавшихся внешней торговлей, часто было непродолжительным. За редким исключением российская внешняя торговля характеризовалась быстротечностью и поверхностностью, ей была свойственна избыточная доля спекулятивности и авантюризма³⁸.

В программе не были упомянуты прочие меры первостепенной важности, к числу которых принадлежали, например, денежная реформа Витте, сделавшая возможным обмен рубля на валюту иностранных государств, и активное содействие прямому участию иностранцев в финансах, промышленности и торговле России.

В программе также не затрагивались проблемы сельского хозяйства. Одна из причин этого заключалась в убежденности Витте в том, что процесс изменений и позитивных сдвигов в области сельскохозяйственного производства мог происходить лишь очень медленным темпом — гораздо более медленным, чем в промышленном секторе³⁹; другая причина состояла в том, что министр финансов опасался сельскохозяйственного лобби, представленного крупными землевладельцами, и старался не привлекать их внимания и не возбуждать подозрений.

Производство масла в Сибири и торговля им, казалось, развивались в том самом направлении, которое совпадало с поставленными Витте целями и предпринимаемыми им мерами по повышению уровня индустриального развития России и ее конкурентоспособности на мировом рынке. Об этом свидетельствовало железнодорожное строительство, регулирование таможенно-тарифной системы, привлечение иностранцев с целью наверстывания нехватки знаний и капиталов и образование тысяч мелких и средних предприятий. Правительство также оказывало содействие в разрешении проблем, часто возникавших при транспортировке товаров, предлагало государственные ссуды на строительство маслобоен, а также выплачивало жалование агрономам и технологам маслобойного производства⁴⁰.

Маслодельная отрасль развивалась очень динамично. Возможно, Витте был не прав, полагая, что сельское хозяйство развивается медленнее промышленности. На самом деле в Сибири — в маслобойном производстве, а также, вероятно, в сельскохозяйственном секторе данного региона в целом — имел ме-

сто обратный процесс, но этот интересный вопрос требует более пристального рассмотрения.

Одним из средств, предусмотренных Витте для поощрения промышленного развития, являлась особенная забота со стороны государства по отношению к подающим надежды предприятиям. Мы уже останавливали внимание на том, как Витте вмешивался в маслобойное производство Сибири, способствуя расширению сектора кооперативных маслобоен. Ниже будет рассмотрен еще один пример государственного вмешательства в целях поддержания перспективной на тот момент отрасли.

Порты, пароходные компании и конкуренция между экспортерами

В ранний период российской торговли маслом транспортировка этого продукта по железной дороге из Сибири в балтийские порты России занимала от двух до пяти недель, а при неудачном стечении обстоятельств — до восьми недель, но вскоре время перевозки сократилось до 1–2 недель. Транспортировка по морю до конечного пункта назначения занимала 4–5 дней.

В первое время важнейшим портом в торговле маслом являлся Ревель (ныне Таллин). В 1900 г. 53% российского экспортного масла шло через Ревель. Другими важными портами были Рига и Санкт-Петербург⁴¹. Позднее ситуация неожиданно изменилась в пользу Риги и Либавы.

Одной из причин возвышения порта Риги было вмешательство российского правительства. В конце XIX в. российский торговый флот был немногочислен и занимал соответствующие позиции в общем объеме перевозок российских товаров за границу. Поэтому С.Ю. Витте принял меры, чтобы расширить его. Внутри Департамента промышленности и торговли Министерства финансов им была создана специальная структура, получившая название Департамент морской торговли. После смещения Витте с поста министра финансов в 1903 г. департамент вошел в состав Министерства торговли и промышленности.

В 1901 г. созданный Витте Департамент морской торговли наделил действовавшую на Балтийском море пароходную компанию «Хельмзинг & Гримм» (Helmsing & Grimm) в Риге исключительным правом в течение десяти лет осуществлять транспортировку скоропортящихся товаров из Риги в Западную Европу⁴². «Хельмзинг & Гримм», со своей стороны, обязались перевозить товары в отсеках со льдом. Пароходы компании кур-

сировали между Ригой, Лондоном и Гуллем, по ходу движения проходя через канал Кайзера Вильгельма⁴³.

Компания «Хельмзинг & Гримм» была основана в Риге в 1836 г. «немецкими баронами», носившими ту же фамилию (Хельмзинги вели свой род из Голландии). Компания специализировалась на морских перевозках российских сельскохозяйственных продуктов из России и на поставках в Россию сельскохозяйственных машин⁴⁴. Она также имела представительства в Либаве и Виндаве (после окончания Первой мировой войны судна компании осуществляли рейды под латвийским флагом; в связи с «выселением» немцев из балтийских государств в 1939 г. компания переместилась в Данциг, и латвийский флаг был заменен на свастику; в настоящее время главный офис «Хельмзинг & Гримм» находится в Гамбурге⁴⁵).

Многие российские компании, занимавшиеся экспортом масла, открывали отделения в Риге. При участии «Хельмзинг & Гримм» британская компания по производству холодильного оборудования ЮНИОН (UNION) соорудила в рижском порту большую холодильную камеру, в которой имелось место для 180 тыс. бочонков с маслом⁴⁶. С целью дальнейшего укрепления позиций Риги в маслоторговле правительство предоставило компаниям, связанным с маслодельным производством и направлявшим свой товар прямым путем в Ригу, 10%-ную скидку на провоз масла по железной дороге. Подобная политика предоставления привилегий вызвала сильное недовольство и критику в адрес правительства со стороны прочих портов, располагавшихся на балтийском побережье, которые требовали для себя равных возможностей⁴⁷. К 1908 г. неравноправное положение портов все еще сохранялось, несмотря на протесты и попытки изменить сложившуюся ситуацию, предпринятые портовой администрацией Либавы и Виндавы⁴⁸.

Вмешательство правительства прекрасно сочеталось с намерением Витте усилить позиции российского торгового флота и одновременно поддержать отечественные предприятия. В этом случае это вмешательство также может быть расценено как попытка направить большую часть грузопотока в сторону конечного потребителя, минуя Копенгаген.

Как уже было отмечено, участие иностранных торговцев в делах сибирского маслодельного сектора вызывало растущее недовольство как на местном, так и общегосударственном уровне, которое с особой силой было обращено против датских коммерсантов, с самого начала занимавших ведущие позиции в данной торговой сфере. Предпринимаемые на местном и общероссий-

ском уровне усилия были направлены на постепенный отказ от услуг датских посредников с последующим полным устранением их от дел. Какой смысл был в том, чтобы вести дела с посредниками из маленькой Дании, когда имелась возможность сотрудничества с крупными компаниями из Великобритании и прямого выхода на британский рынок? Стратегия, следовательно, заключалась в том, чтобы вести дела через местные экспортные организации — либо посредством налаживания связей с английскими коммерсантами в Сибири или Англии, либо, что было бы идеальным вариантом, посредством прямого и независимого ведения операций в Великобритании. Предоставление привилегий компании «Хельмзинг & Гримм» являлось частью этой стратегии.

Реализация стратегии выразилась в растущем соперничестве между датскими фирмами, с одной стороны, и российскими и британскими — с другой. Одним из симптомов этого соперничества были частые обвинения в адрес датских коммерсантов, которые якобы маркировали как сибирское только низкокачественное масло из Сибири, распространяемое в Великобритании, и одновременно выдавали высококачественное сибирское масло за продукцию финских или датских производителей⁴⁹. Заявлялось, что масло перед отправкой в Великобританию «проходило процедуру улучшения» в свободном порту Копенгагена. В Копенгагене и Лондоне имелись также случаи появления бочонков сибирского масла, которые наполовину были заполнены маслом, а наполовину — камнями, снегом и землей. По заявлениям ряда российских газет и журналов, весь этот мусор был положен в бочонки торговцами из Дании, действовавшими в Сибири, и сделано это было для того, чтобы подорвать репутацию сибирского масла и выставить в выгодном свете продукцию датских маслобоен.

Когда подобного рода заявления впервые были обнародованы в конце 1890-х гг., для них, возможно, и имелись некоторые основания, однако в последующий период, когда на арену вышли «Лур Мэрке» (Lur Mærke) и прочие национальные торговые марки и когда методы по контролю над качеством масла стали более эффективны, они отвергались датскими коммерсантами, рассматривавшими их только как заурядное средство борьбы в руках российско-английского альянса, сложившегося в Сибири и Великобритании против торговых посредников из Дании⁵⁰.

В случае с бочонками, наполовину заполненными снегом и землей, Министерство иностранных дел Дании впервые высту-

пило с протестом, поддержав в этом вопросе датские компании, которые вели дела в Сибири. Российское Министерство финансов, как всегда, публично объявило, что сделанные заявления были безосновательны⁵¹.

Как бы то ни было, заявления представляли собой серьезную угрозу для репутации датских коммерсантов и их торговой деятельности. Это явилось одной из причин, по которой торговцы из Дании около 1901 г. стали отправлять большую часть экспортируемой ими продукции из российских портов на Балтийском море напрямик в Великобританию и Германию, как это делали их конкуренты из Великобритании и России. Другая причина заключалась в том, что доставка товара напрямую конечному потребителю обходилась дешевле и была практичной и необходимой мерой, направленной на сохранение желаемой конкурентоспособности датских компаний в борьбе с торговцами из Великобритании и России. Однако наиболее важным шагом, положившим конец обвинениям против датских коммерсантов, стало основание датской торговой марки масла «Лур Мэрке». Работа в этом направлении велась еще с конца 1880-х гг., однако ложные заявления, сделанные в отношении торговли Дании сибирским маслом, стали решающим аргументом в пользу принятия данной меры.

Упомянутые заявления вызвали появление саркастичной по своему характеру заметки в одном из датских журналов, освещавших вопросы экспорта масла: «...Стало быть, кроме клеветы, у них [англичан и русских] не осталось больше никаких средств для борьбы против датских экспортеров масла. Это они обманывают российских производителей молока, не оплачивая их продукцию, наполняют бочонки камнем и снегом, с тем чтобы подорвать доверие к ним на зарубежных рынках, и, таким образом, предотвращают неизбежный крах датской маслоторговли, который должен был произойти под напором российских конкурентов. Это они с незапамятных времен скупают масло всех прочих стран и продают его под видом датского — разумеется, с добавлением большей или меньшей доли маргарина, — и не за горами то время, когда они начнут убивать бедных русских крестьян, растаптывать их и отправлять в Англию под видом “датского продукта” — естественно, под торговой маркой “Лур Мэрке”!»⁵²

Мои собственные изыскания в этом вопросе показывают, что до 1900–1901 гг. многие датские коммерсанты действительно продавали масло, полученное ими из разных стран и областей (Скании, Германии, России, Сибири), на рынках Великобрита-

нии без клейм или под видом датского продукта. Эта традиция была изжита, хотя и не полностью, после того, как вопрос о стране-производителе масла стал иметь на рынке принципиальное значение. Однако к 1901 г. крупные датские компании, оперировавшие в Сибири, больше не участвовали в подобного рода делах. Риск быть пойманным с поличным датским «Контролем над качеством масла и маргарина» или английскими властями был слишком велик, а оказаться пойманным означало порчу репутации и нанесение серьезного вреда своему делу. Кроме того, для махинаций с сибирским маслом больше не было оснований. К 1901–1902 гг. оно заняло прочные позиции на рынке Великобритании именно как сибирское масло, и спрос на него был очень велик. Однако ряд более мелких компаний датского происхождения, которые не вели дела в Сибири, и после 1901 г. несколько раз были пойманы с поличным контролем качества масла и маргарина. Занимаясь мошенничеством, эти компании надеялись выручить дополнительную прибыль. Тем не менее объем этих мошеннических операций был невелик⁵³.

В России существовали планы введения обязательной торговой маркировки отправлявшегося на экспорт масла, однако осуществиться им не дала русско-японская война 1904–1905 гг. На тот момент многие действовавшие в Сибири иностранные и российские экспортные компании придерживались мнения, что сибирская маслобойная отрасль была слишком молодой, даваемая им продукция несовершенной, а условия производства в Сибири пока слишком сложными для создания и действия маркировочной системы. Они опасались, что подобная мера может нанести вред многообещающей отрасли производства. Это мнение разделялось многими российскими экспертами в области молочного хозяйства и даже артельными организациями в Сибири, которые проявляли наибольшую враждебность по отношению к иностранным компаниям. Занимавшие наиболее прочные позиции компании — как частновладельческие, так и кооперативные — ставили на свои бочонки с маслом клеймо экспортной компании. Некоторые из них — например, московская фирма братьев Бландовых, крупнейшая продовольственная компания в России того времени, а также упоминавшийся выше «Союз сибирских маслодельных артелей» — перед погрузкой своего масла на корабли проводили его сортировку, которая осуществлялась в экспортных представительствах компаний, располагавшихся в балтийских портах, о чем также свидетельствуют слова управляющего отделением «Союза» в Виндаве, сказанные им участникам описанной выше экспе-

диции сибирских крестьян в балтийские провинции, Данию и Великобританию⁵⁴.

Но если никто не обращал внимания на разницу между отдельными сортами масла, как было сказано управляющим отделением, то для чего было сохранять эту практику? Существуют основания полагать, что импортеры в Дании и Великобритании делали все от них зависящее для того, чтобы получить перво-сортное масло. Переписка между управляющим «Сибирской компании», руководителями ее отделений в Сибири (в 1913 г. действовало 40 таких отделений) и торговым партнером в Лондоне свидетельствует о том, что управляющий и его лондонский партнер вновь и вновь выступали с просьбой присылать масло лучшего качества, поскольку более высококачественное масло зачастую, хотя и не всегда, продавалось по более выгодной цене. Разумеется, они с большей охотой приобретали масло у тех компаний, которые предлагали разные сорта масла, чем у тех, кто этого не делал. Между торговцами сибирским маслом поэтому велась ожесточенная борьба за право покупать масло у компаний-скупщиков или прямо у сибирских маслозаводов, пользовавшихся хорошей репутацией. Наиболее высокий спрос установился на масло от компании «Братья Бландовы», равно как и на масло артельных маслобоен и артельных экспортных организаций⁵⁵.

В 1910 г. специалисты по сибирскому маслу сочли, что настало время для введения обязательного контроля качества и масляных клейм⁵⁶. К 1912 г. российское правительство разработало закон об обязательном учреждении торговых марок масла, который так никогда и не вступил в силу — возможно, в связи с началом очередной войны⁵⁷.

В 1902 г. 50% российского вывоза масла шло на экспорт из Риги (таблица 1). За ней следовали Либава, Виндава, Новый порт (Санкт-Петербург) и Ревель⁵⁸. Возрастало значение Виндавы. «Братья Ласманн» (Lasmann Brothers) — крупная германская пароходная компания, действовавшая на Балтийском море (принадлежавшие ей судна курсировали между Либавой, Копенгагеном, Лондоном и Гуллем) и контролируемая датской пароходной компанией DFDS (осуществлявшей навигацию между теми же портами), — пустили три новых парохода, носивших названия «Иркутск», «Курган» и «Вологда», по маршрутам Рига — Лондон, Рига — Виндава — Лондон и Виндава — Лондон⁵⁹. До этого момента экспортеры из Дании предпочитали использовать Либаву в качестве перевалочного пункта, но ныне решили переключить свое внимание на Виндаву. Однако

вагоны, оборудованные холодильными камерами, до Виндавы не следовали. В этой связи датские компании обратились с прошением к российскому правительству и получили требуемые вагоны в 1903 г. После этого большинство датских компаний было сосредоточено в Виндаве⁶⁰. К 1903 г. отправка масла из Либавы и Ревеля практически прекратилась⁶¹.

В 1907–1908 гг. значение Виндавы возросло еще больше (таблица 2). К этому моменту она стала крупнейшим портом по обороту масла, на втором месте шла Рига. Однако Петербург также выдвинулся на передовые позиции. Этим он был обязан усилиям российского правительства, направленным на поощрение экспорта масла и яиц из петербургского Нового порта⁶².

Таблица 1

Вывоз масла по морю в 1902–1903 гг. (тыс. пуд.)

Порт	1902 г.	1903 г.
Новый порт	122	148
Ревель	585	36
Рига	1085	1296

Таблица 2

Вывоз масла по морю в 1906–1912 гг. (тыс. пуд.)

Порт	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1912 г.
Рига	1787,8	1125,0	585,6	149,9
Виндава	52,1	1741,2	1588,0	2262,6
Санкт-Петербург	277,4	522,0	749,3	305,7
Новый порт	—	—	—	807,6
Ревель	13,8	5,0	17,9	не указано
Либава	4,2	2,3	1,7	не указано

Источники: Meddelelser fra Udenrigsministeriet 1907. København, 1908. P. 112; цифры за 1912 г. из: Meddelelser fra Udenrigsministeriet 1912. København, 1913. P. 525.

Это не означало, что важность Риги как морского порта снизилась. Напротив, она неизменно росла. В 1912 г. Рига была в числе крупнейших портовых городов России. Через Ригу шла одна шестая часть общероссийского импорта и экспорта⁶³. Среди важнейших продуктов, отправляемых из Риги в Западную Европу, были зерно, жмых, лен, яйца (Рига являлась крупнейшим портом по экспорту яиц), лес, рабочие и скаковые лошади; отсюда также выезжали эмигранты, в основном поляки, при-

балты, немцы и евреи, которые тысячами эмигрировали в Западную Европу, США, Южную Африку и другие части света в период с 1890-х гг. до начала Первой мировой войны⁶⁴. Основная масса евреев из Восточной Европы выезжала через Либавский порт⁶⁵.

Однако что касалось масла, эффект от привилегий, с которыми был связан вывоз масла через Ригу, оказался непродолжительным. Крупные экспортные компании отдавали предпочтение Виндаве. По мнению консула Дании в Риге, положение Виндавы объяснялось тем фактом, что экспорт масла находился в руках крупных судоходных компаний, которые имели связи среди представителей железнодорожного ведомства в Виндаве и имели поэтому возможность осуществлять транспортировку своего товара по более низким тарифам, чем те, что были установлены для провозки грузов до Либавы и Ревеля, несмотря на то что путь до Виндавы был на 16 миль длиннее⁶⁶. Согласно расчетам, экспорт российского масла в 1913 г. распределялся следующим образом: 4448,2 тыс. пудов шло в Виндаву, 175 тыс. пудов — в Ригу, 855 тыс. пудов — в Новый порт⁶⁷.

Выводы

Исторически отличительной особенностью развития маслодельного производства в Сибири было активное участие в этом процессе государства: именно оно прокладывало железнодорожные линии, выплачивало жалованье чиновникам, обслуживавшим нужды отрасли, и занималось строительством оснащенных холодильными камерами вагонов для транспортировки масла. Государство предоставляло крестьянам займы и неоднократно оказывало поддержку маслодельной отрасли, когда та испытывала затруднения. Оно даже осуществляло прямое вмешательство с целью направить экономическое развитие в нужное русло, как способствуя расширению артельного хозяйства, так и выдавая привилегии компании «Хельмзинг & Grimm». Однако во всех остальных случаях государство действовало либерально. Либеральная линия (которая, например, выразилась в разрешении иностранным компаниям открывать действия в России, в частности в Сибири, что вызвало приток столь необходимых и желанных технологий и капитала) являлась важным условием динамичного экономического развития⁶⁸.

Другой существенной характеристикой рассматриваемого феномена является тот факт, что, с точки зрения роста количе-

ственных показателей, торговле маслом сопутствовал большой успех, тогда как в области его качества имелся ряд проблем. Проблемы качества не могли быть решены в одночасье. Уровень развития инфраструктуры в Сибири был все еще недостаточным, дороги, отделявшие деревни от маслобоен и деревни от городов, — очень длинными — как в прямом, так и в переносном смысле этого слова. Российское государство веками пренебрежительно относилось к деревне и крестьянам, и для преодоления этого пренебрежения требовалось время.

Еще одной характерной чертой являлась ожесточенная борьба между компаниями, связанными с производством и торговлей маслом, в Сибири и Западной Европе. Эта борьба имела как положительные, так и отрицательные стороны. Негативная сторона заключалась в том, что создавались дополнительные сложности на пути улучшения качества масла; положительной стороной были более высокие цены, которые в основном определялись расстановкой сил на рынках сбыта. Таким образом, наличие конкуренции обеспечивало здоровую ценовую динамику, которая имела принципиальное значение для всей отрасли. Купцы из центральной России и Сибири, иностранные коммерсанты, с одной стороны, и потенциально слабые участники рынка — поставщики молока и производители масла — с другой, находили рыночную конъюнктуру благоприятной. В региональном аспекте торговля маслом имела большое значение для развития российских портов на Балтийском побережье, особенно для Виндавы и Нового порта.

Несмотря на многие недостатки и трудности, дела в международной торговле сибирским маслом шли на удивление хорошо. Справедливо говорить даже о достижениях в этой области — принимая во внимание протяженность маршрутов транспортировки товара, относительную отсталость сельского хозяйства в Сибири и российской банковской системы, недостаточное развитие транспортной инфраструктуры, слабую организованность сибирского крестьянства, а также новизну самого дела как для местных жителей, так и для иностранцев.

Примечания

¹ McKay J.P. *Pioneers for Profit. Foreign entrepreneurship and Russian industrialization, 1885–1913.* Chicago, 1970; Gregory P. *Before Command. An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-year Plan.* Princeton, 1994; Gatrell P. *Economic Culture, Economic Policy and*

Economic Growth in Russia, 1861–1914 // *Cahiers du monde russe*. Paris, 1995. XXXVI (1–2), janvier–juin. P. 37–52.

² Koefoed C.A. *Ruslands Betydning paa Verdensmarkedet for Landbrugsprodukter i Fortid, Nutid og Fremtid*. København, 1932. С. 452; Макаров Н.П. *Рыночное молочное хозяйство и кооперация*. М., 1926. С. 14.

³ Кулибина Н.В. *Внешняя торговля России маслом в связи с пересмотром торговых договоров*. Пг., 1915. С. 38.

⁴ *Smørtidende*. 17.3.1914.

⁵ Goryushkin L.M. *Migration, Settlement and the Rural Economy of Siberia, 1861–1914* // Wood A. (ed.). *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. London, 1991. P. 149; Бочанова Г.А. *Иностранные фирмы на сибирских выставках второй половины XIX — начала XX века // Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII–XX вв.)*. Новосибирск, 1995. С. 94.

⁶ Об экскурсии см.: Чайковский Н.В. *Первая заграничная экскурсия «Союза сибирских маслодельных артелей»*, 1914 г. Курган, 1915.

⁷ Информацию об этих экспериментах см.: Бажаев В.Г. *Крестьянское травопольное хозяйство в нечерноземной полосе европейской России*. М., 1900.

⁸ *Zum fünfzigjährigen Geschäftsjubiläum der Firma Gerhard & Hey*. Leipzig, 1906. S. 7–33.

⁹ *Smørtidende*. 26.6.1908.

¹⁰ Schmelzkopf R. *Helmsing & Grimm: Riga, Danzig, Hamburg* // *Strandgut*. Bremen, 2000. № 47. P. 20.

¹¹ Чайковский Н.В. *Указ. соч.* С. 207.

¹² Bjørn C. (red.). *Dansk mejeribrug, 1882–2000*. Odense, 1982. P. 83, 101–102.

¹³ См., например: Laue T.H. *Sergei Witte and the Industrialization of Russia*. New York, 1963.

¹⁴ *Русское прошлое*. 1991. № 2. С. 5–96.

¹⁵ *Meddelelser fra Udenrigsministeriet 1912* (далее – *Meddelelser...*). København (далее – К.), 1913. P. 538.

¹⁶ Макаров Н.П. *Указ. соч.*; Кулибина Н.В. *Указ. соч.*; Lando Z. *Die Organisation des dänischen Buttergrosshandels*. Berlin, 1923.

¹⁷ *Российский государственный исторический архив* (далее – РГИА). Ф. 1691. Оп. 22. Д. 2012. Л. 311–313.

¹⁸ *Handelsberetninger. Tillæg. Konsulatsberetning for 1902*. København, 1903. P. 85; Barty-King H. *Making Provision. A Centenary History of the Provision Trade*. London, 1986. P. 77.

¹⁹ Алексеева В.К. *Кооперативное движение в Сибири, конец XIX — начало XX века*. Новосибирск, 1993. С. 8.

²⁰ Кулибина Н.В. *Указ. соч.* С. 1; Lando Z. *Op. cit.* S. 41.

²¹ Макаров Н.П. *Указ. соч.* С. 72.

²² *Архив Х.П. Херла Хансена (Н.Р. Hjerl Hansen)*. Переписка между отделениями в Сибири, Копенгагене и Лондоне.

²³ Hansen H.P. Danske Pionerer i Sibirien. Efterladt Manuskript tilrettelagt af Finn Hjerl-Hansen. København, 1949. P. 136–137; Turner S. Siberia. A Record of Travel, Climbing and Exploration. London, 1905. P. 3–49.

²⁴ См., например, статью А.Н. Балакшина в англоязычном журнале: The Russian co-operator. 1916. № 1. P. 8.

²⁵ Калантар А.А. Избранные труды. Ереван, 1959.

²⁶ Макаров Н.П. Крестьянское кооперативное движение в Западной Сибири. М., 1910; Мурашкинцев А. О производстве и сбыте экспортного масла в Западной Сибири (Отчет по командировке в Тобольскую губернию). СПб., 1902; Он же. Кооперативное маслоделие в Западной Сибири. СПб., 1902.

²⁷ Напр., см. статью А.Н. Балакшина в: The Russian co-operator. 1916. № 8. Также см.: Kotsonis Y. Making peasants backward. Agricultural cooperatives and the agrarian question in Russia, 1861–1914. London, 1999.

²⁸ Пляскевич А. Маслоделие в Сибири. Исторический очерк // Сборник материалов к изучению сельского хозяйства Сибири. Н.-Николаевск. С. 75–120.

²⁹ Макаров Н.П. Крестьянское кооперативное движение... Калантар А.А. Указ. соч.

³⁰ РГИА. Ф. 398. Оп. 68. Д. 22584. Л. 206; The Russian co-operator. 1917. № 5. P. 50.

³¹ Vjørn C. (red.). Op. cit. P. 48–155.

³² Алексеева В.К. Указ. соч. С. 78.

³³ Vjørn C. (red.). Op. cit. P. 139.

³⁴ Кулибина Н.В. Указ. соч. С. 38; Goryushkin L.M. Op. cit. P. 149; Бочанова Г.А. Указ. соч. С. 94.

³⁵ Макаров Н.П. Крестьянское кооперативное движение... С. 149.

³⁶ Lando Z. Op. cit. S. 29, 38.

³⁷ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., 1981. С. 205–219.

³⁸ Там же.

³⁹ Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 13–14.

⁴⁰ Приводимый в программе анализ предшествовавшего и текущего экономического развития России, а также роста маслодельной отрасли в Сибири поразительным образом совпадает с видением роли государства, экономической отсталости России и ее экономического развития в целом, представленным в трудах А. Гершенкрона (Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. New York, 1962. P. 119–151; Idem. Europe in the Russian Mirror. Four Lectures in Economic History. Cambridge, 1970).

⁴¹ Мурашкинцев А. О производстве... С. 28.

⁴² Mælkeritidende. København, 1901. P. 473–474.

⁴³ РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 714. Л. 5–5 об.

⁴⁴ Schmelzkopf R. Op. cit. P. 7.

⁴⁵ Ibid. P. 5.

- ⁴⁶ Вестник финансов. 1902. № 8. С. 400.
- ⁴⁷ Smørtidende. 28.02.1902.
- ⁴⁸ Ibid. 1903. 11.04.1903; Meddelelser... 1907. К., 1908. P. 335.
- ⁴⁹ Smørtidende. 1890 ff.; The Daily Mail. 22.02.1900, The Grocer. 6.10.1900; 13.10.1900; Rigasche Rundschau. 16.05.1902.
- ⁵⁰ Rigsarkivet. Landbrugsministeriet. Statskonsulenten i London. Kopibøger. 1888 ff. 30.7.1902; Smørtidende. 1900–1902.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 1906. Л. 198–199; Торгово-промышленная газета. 1903. 25.07.
- ⁵² Smørtidende. 14.08.1903.
- ⁵³ Larsen I.M. Da smør var guld. Sibirisk smørproduktion og smørhandel, 1895–1905. Aarhus, 2007. P. 265–291.
- ⁵⁴ Ibid. P. 282–287.
- ⁵⁵ Ibid. P. 331–350.
- ⁵⁶ Meddelelser... 1910. К., 1911. P. 496; Meddelelser... 1911, К., 1912. P. 387.
- ⁵⁷ Meddelelser... 1911. К., 1912. P. 389; Smørtidende. 9.08.1912.
- ⁵⁸ Smørtidende. 11.04.1903.
- ⁵⁹ Молочное хозяйство. 1903. № 50. С. 954.
- ⁶⁰ РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 1919. Л. 175.
- ⁶¹ Там же. Л. 166 об.
- ⁶² Smørtidende. 19.04.1907; Meddelelser... 1907. К., 1908. P. 112.
- ⁶³ Meddelelser... 1912. К., 1913. P. 502.
- ⁶⁴ Meddelelser... 1907. К., 1908. P. 113; Evans N. J. The Port Jews of Libau, 1880–1914 // Jewish Culture and History. 2006. Vol. 7 (2). P. 203–204.
- ⁶⁵ Meddelelser... 1910. К., 1911. P. 39; Evans. Op. cit. P. 197–214.
- ⁶⁶ Meddelelser... 1910. К., 1911. P. 36.
- ⁶⁷ Smørtidende. 31.1.1913.
- ⁶⁸ О теоретических основах применения концепции «экстенсивности» при анализе истории России см.: Gatrell P. Poor Russia. Environment and Government in the Long-run Economic History of Russia // Reinterpreting Russia / Ed. by Geoffrey Hosking and Robert Service. London: Arnold; New York: Oxford University Press, 1999. P. 89–106.

Советская экономика: проблемы управления

*В.Л. Некрасов**

**Альтернативы и траектории
социально-экономической трансформации
регионов Севера Западной Сибири
(вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.)****

Становление индустриального общества в каждом регионе России имело свои особенности, хотя в основном определялось общероссийскими факторами. Сибирь всегда испытывала дефицит финансовых, материально-технических и трудовых ресурсов для модернизации промышленности и социальной сферы¹. Эта проблема обусловила зависимость модернизации Сибири от реализации крупных инвестиционных проектов, обеспечивавших мобилизацию и концентрацию ключевых ресурсов развития. По словам академика В.В. Кулешова, «экономике Сибири исторически продвигали крупные проекты»². Однако это повышало риски, что в условиях «напряженности в инвестиционных ресурсах»³ незавершенные индустриальные проекты станут источниками долгостроя, депрессивности и в итоге ускоренного «вымывания» ресурсов с территорий.

В данной статье рассматриваются альтернативные проекты индустриального развития Севера Западной Сибири в конце 1950-х — середине 1960-х гг. в контексте региональной политики.

Диапазон интерпретаций советской региональной политики в современной отечественной исторической и экономической литературе достаточно одномерен и сводится к тезису о приоритете централизованного управления социально-экономическим

* Некрасов Вячеслав Лазаревич — кандидат исторических наук (Сургутский государственный педагогический университет).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Индустриальная модернизация регионов Севера Западной Сибири в 1950-е — первой половине 1960-х гг.», проект № 10-06-90713.

развитием территорий над региональным⁴. По словам В.В. Алексеева, интересы территорий и ведомств не совпадали. Местные органы власти контролировали только 4% объема промышленного производства⁵. В литературе советскую региональную политику, как правило, рассматривают в качестве продолжения и проекции политики экстенсивной индустриализации⁶.

Один из наиболее авторитетных специалистов в области проблем освоения Севера Г.А. Агранат, определяя сущность региональной политики в СССР, выделяет следующие особенности: во-первых, она реализовывалась через механизм плановых, нормативных действий в рамках территориальных схем размещения и развития производительных сил, а эти действия определялись, прежде всего, социально-экономическими и иными директивами, устанавливавшими приоритетность развития отдельных районов; во-вторых, она осуществлялась с учетом природно-географической, хозяйственной, национально-этнической и иной специфики территории⁷.

Для объективной оценки советской региональной политики важное значение имеют не только абсолютные количественные показатели, но цели и приоритеты, субъекты и объекты этой политики, уровень развития тех или иных территорий, в конечном итоге, уровень зрелости советского общества и государства на каждом этапе развития. Иными словами, необходимо принимать во внимание историческую эволюцию представлений об эффективной региональной политике. До конца 1980-х гг. политика регионального планирования следовала в основном принципу выравнивания уровня развития территорий за счет их индустриализации. При этом если проследить историческую логику, то в советское время территориальные приоритеты всегда были четко обозначены. В 1920–1930-е гг. — подъем отсталых окраин (Закавказье, Средняя Азия). В 1930-е — начале 1940-х гг. — создание второй металлургической базы и максимально удаленных от вероятного противника машиностроительных заводов-дублеров на Урале и Сибири. В 1950–1970-е гг. — ускоренное развитие восточных районов; в 1960–1980-е гг. — формирование территориально-производственных комплексов⁸. И если проблема подъема отсталых территорий, не имевших собственных ресурсов для модернизации, поставленная на начальном этапе становления Советского государства, не могла быть решена никакими иными механизмами, кроме централизованных, то и создание второй металлургической базы и заводов-дублеров было прерогативой Центра, ускоренное развитие восточных регионов могло быть осуществлено «лишь при

создании там экономических органов, заинтересованных в комплексном использовании ресурсов и в развитии промышленности территорий»⁹. В отечественной теории федерализма развитие федеративных отношений в России в XX в. рассматривается не как статичное, а скорее динамическое, подчиняющееся «закону маятника», с колебаниями от гиперцентрализма к сепаратизму и обратно¹⁰.

Новейшие исследования указывают, что региональная политика в условиях советской экономической модели представляла сложный феномен и формировалась на основе соотношения интересов Центра, представляемых высшей партийно-государственной номенклатурой, руководителями отраслевых министерств и ведомств, с интересами регионов, которые выражались партийно-советскими руководителями территорий¹¹. Постепенно формируется система выражения региональных интересов, которая предполагала согласования региональных и отраслевых позиций в специальных структурах. По замечанию А.В. Шубина, «борьба между отраслями и регионами осуществлялась в форме лоббирования различных социальных интересов в высших органах экономической и политической власти (ЦК КПСС, Госплане, Госснабе и др.), которые в этих условиях играли роль своеобразной биржи — центров многосторонних согласований. В отраслях аналогичную роль играли министерства и ведомства, а на местах — комитеты партии и подчиненные им Советы»¹².

Появление центров многосторонних согласований изменило принципы функционирования системы региональной власти. Формируется административно-бюрократический рынок, который усилил межрегиональное соперничество и регионализацию политических элит. На эти тенденции обратил внимание В.П. Мохов, который заметил, что «смена административно-командной системы административно-бюрократическим рынком способствовала обособлению региональных элит в недрах советского общества, позволяющих регионам выживать, развиваться в условиях стагнации советского общества»¹³.

Иными словами, следует говорить о «коридоре возможностей», определяемом структурой экономики, соотношением властных институтов, формальными и неформальными механизмами реализации региональной политики.

Большинство исследователей интерпретируют советскую региональную политику как пространственную политику экстенсивной индустриализации, представленную комплексом государственных мер, регулирующих социально-экономическое

развитие той или иной территории¹⁴. В советском типе индустриализации основной упор делался на экстенсивный рост экономики, как можно большее освоение минерально-сырьевых ресурсов, развитие тяжелой промышленности при слабом внимании к развитию инфраструктуры и социальной сферы регионов.

В свою очередь, социально-экономическим обоснованием региональной политики служила теория единого народно-хозяйственного комплекса. При этом, по мнению О.С. Пчелинцева, в СССР ресурсы концентрировались в руках министерств, и это, разумеется, ограничивало возможности регионов¹⁵. Наличие у Министерств инвестиционных средств, обеспеченность отраслевых планов материально-техническими и финансовыми ресурсами, их директивность, научно-исследовательская, проектная и информационная база отраслей — все это превращало отрасли в мощные экономические и институциональные системы, которые не были уравновешены соразмерными по силе влияния на принятие решений территориальными органами¹⁶.

С конца 1950-х гг., в связи с проведением крупной хозяйственной реформы по либерализации советской экономики, т. е. создания в 1957 г. и становления нового хозяйственного механизма совнархозов, местные власти расширяют свои хозяйственные права. В этих условиях у региональных властей появляются собственные рычаги по ускорению социально-экономического развития своих регионов через более интенсивное участие в продвижении стратегических региональных вариантов развития.

По замечанию А.Б. Коновалова, в этот период возникает новая система взаимоотношений между Центром и регионами. Ее сущность состояла в усилении влияния партийных органов краев и областей в подготовке решений по экономическим вопросам¹⁷. Партийные руководители начинают активно защищать и отстаивать свои региональные интересы, предпринимают действия по ограничению влияния руководства отраслевых министерств и ведомств¹⁸. По мнению В.Н. Богачева, регионы начинают действовать как особые субъекты хозяйства со своими хозяйственными задачами¹⁹.

Следовательно, с конца 1950-х до середины 1960-х гг. необходимо признать правомерное существование региональной политики, проводимой центральными государственными органами в отношении регионов, и региональную политику местных орга-

нов власти в отношении собственной территории. Региональная власть, особенно слаборазвитых территорий, в этот период начинает выступать в качестве самостоятельного субъекта экономического развития, пытающегося проводить специальную политику и регулировать хозяйственные процессы региона с целью развития и обустройства инфраструктуры территории через реализацию выбранного стратегического варианта развития.

При этом стоит отметить и наличие в советском хозяйстве сильнейшей отраслевой системы и ведомственности, интересам которых, по мнению О.С. Пчелинцева, подчинялось освоение восточных районов страны²⁰. Именно поэтому принятие экономических решений в этой системе осуществлялось в процессе неформального согласования интересов различных отраслевых ведомств и региональных властей, которые были инкорпорированы в систему политического и экономического управления, в рамках специфических правил советского административно-бюрократического рынка.

В 1950-е — первой половине 1960-х гг. в Сибири быстрыми темпами продолжался процесс индустриального обновления на основе реализации энергетических, промышленных, сырьевых и инфраструктурных проектов, формирования транспортных коридоров. Новые промышленные агломерации Сибири, смыкаясь с промышленными агломерациями Урало-Поволжья, образовывали производственный «хребет» советской экономики²¹.

Лидерами индустриального развития Западной Сибири на рубеже 1950–1960-х гг. выступали Кемеровская область и Новосибирская область — около $\frac{1}{3}$ и около $\frac{1}{5}$ валовой промышленной продукции Западной Сибири соответственно²².

Ориентиром по выбору стратегического индустриального варианта развития области для территорий Севера Запада Сибири в 1950–1960-е гг. во многом стали решения центральных властей, а также главная структурная особенность сибирской промышленности, заключавшаяся в том, что «фактически отраслевая структура промышленности Сибири была смещена в сторону первичных и промежуточных стадий, связанных с добычей и переработкой природного сырья»²³.

XX съезд КПСС ознаменовал следующий, после 1930-х гг. и войны, крупнейший сдвиг на восток в размещении производительных сил²⁴. Директивами по шестому пятилетнему плану, принятому на XX съезде, предполагалось создать в Сибири крупнейшую базу по производству электроэнергии, нефте- и

газодобыче, выплавке черных металлов, новые машиностроительные центры²⁵.

На семилетку (1959–1965) намечалось интенсивное развитие в Сибири металлургии, химической, топливной промышленности и машиностроения²⁶.

Итак, в 1950–1960-е гг. началось интенсифицированное индустриальное развитие Сибири на основе реализации долгосрочной государственной программы. Основное внимание уделялось развитию энергетики, металлургии, машиностроению, нефтеперерабатывающей, химической и угольной промышленности²⁷.

Вследствие этого регионы Севера Западной Сибири, не имевшие мощной индустриальной базы, стремились организовать на своей территории такие народно-хозяйственные комплексы, которые, во-первых, смогли бы обеспечить быстрое развитие промышленного сектора и решить многие социально-экономические задачи, а во-вторых, поддержали бы на центральном уровне заинтересованные министерства и ведомства.

Тюменская и Томская области в начале 1950-х гг. представляли собой аграрно-индустриальные территории с неразвитым промышленным сектором. В 1960 г. доля Тюменской и Томской областей в промышленном производстве Западно-Сибирского экономического района составила 10%²⁸. Хотя необходимо отметить и различия в хозяйственной структуре этих регионов.

В 1950-е гг. в Тюменской области доминировали традиционные отрасли народного хозяйства. Экономический облик области определяли главным образом лесной промышленностью, которая являлась ведущей отраслью, рыбной промышленностью, судостроительной и судоремонтной промышленностью²⁹.

На 1956 г. из 1088,1 тыс. человек проживающих в области, городское население составляло 307,9 тыс., т. е. 28,3%, а сельское — 780,2 тыс., т. е. 71,7% (в процентах ко всему населению области)³⁰. В 1960 г. доля городского населения выросла до 34%, а доля сельского снизилась до уровня 66%³¹. Это свидетельствует о слабой урбанизации области на протяжении 1950-х гг. вследствие неразвитости промышленного сектора.

Наибольший удельный вес промышленных рабочих области в 1955 г. приходился на такие отрасли, как: лесоразработки и деревообработка — 48%, пищевая промышленность — 22%, машиностроение и металлообработка — 15%, на остальные отрасли приходилось 15% рабочих. В 1960 г. положение изменилось, но несущественно, структура распределения промышленных

рабочих по существу осталась прежней: на лесоразработки и деревообработку приходилось 37%, пищевую промышленность — 23%, машиностроение и металлообработку — 18%, на остальные отрасли 22%³². При этом число промышленных рабочих, занятых в легкой промышленности, возросло с 8% в 1955 г. до 13% в 1960 г. Таким образом, в традиционных отраслях промышленности было сосредоточено около половины основных производственных фондов и 60% всех промышленных рабочих области³³. При этом народное хозяйство в конце 1950 г. испытывало острый недостаток в рабочей силе³⁴.

Область была удалена от угольных баз Сибири, а расположенные на ее территории торф и небольшие месторождения бурого угля имели незначительное энергетическое значение. Область была близко расположена к слаборазвитым районам Свердловской области и Коми АССР на западе и к сельскохозяйственным районам Казахстана на юге, $\frac{9}{10}$ ее территории было оторвано от железнодорожной сети.

Следовательно, экономико-географическое положение Тюменской области в 1950 г. можно охарактеризовать как невыгодное, что негативно отразилось на номенклатуре промышленных производств и ограничило интенсивное развитие отраслей тяжелой промышленности на этой территории. К тому же Госплан СССР и отраслевые министерства постоянно стремились минимизировать расходы по организации новых промышленных производств.

В 1950-е гг. в Томской области, как и в Тюменской, доминировали традиционные отрасли народного хозяйства. Экономический облик области определяли главным образом лесная отрасль, которая являлась ведущей в области, рыбная промышленность и машиностроение³⁵.

В области промышленности этой территории имелась своя специфика — наличие крупных машиностроительных эвакуированных предприятий³⁶. В Томске насчитывалось 24 крупных предприятия союзного и республиканского подчинения³⁷, не считая предприятий местной промышленности.

Характерной чертой, повлиявшей на размещение промышленности в области, является неразвитая железнодорожная связь с другими районами. Как следствие, размещение на территории области предприятий с малой металлоемкостью и топливемкостью производимой продукции. Еще одной особенностью промышленности области являлось наличие высокотехнологи-

ческих закрытых производств, в том числе и крупных. Но на экономику области существенного влияния они не оказывали, так как подчинялись различным ведомствам, а их продукция вывозилась за пределы области.

Наличию высокотехнологических предприятий в Томской области в 1950 г. способствовало то обстоятельство, что к 1956 г. «в Томске было размещено 6 вузов, 6 научно-исследовательских институтов, 20 техникумов с количеством студентов свыше 30 тысяч человек»³⁸. В городе Томске работало более полутора тысяч научных работников. Наличие в Томске крупных вузов, научно-исследовательских учреждений и большого количества техникумов поднимало значение экономического района как в сфере научного прогресса, так и в деле подготовки высококвалифицированных кадров специалистов для народного хозяйства.

В сельскохозяйственном отношении в 1950-е гг. область производила объемы, удовлетворяющие лишь потребности жителей территории.

На 1956 г. из 750,8 тыс. человек, проживающих в области, городское население составляло 316,2 тыс., т.е. 42,1%, а сельское — 434,6 тыс., т.е. 57,9% «в процентах ко всему населению области»³⁹. В 1959 г. доля городского населения выросла до 48%, а доля сельского снизилась до уровня 52%⁴⁰. Эти показатели хотя существенно и отличаются от показателей Тюменской области, но также свидетельствуют о замедленном процессе урбанизации в области и аграрно-индустриальном характере территории на протяжении 1950-х гг.

Наибольший удельный вес промышленных рабочих области в 1955 г. приходился на такие отрасли, как: лесоразработки и деревообработка — 41,6%, машиностроение и металлообработка — 28,4%, пищевая промышленность — 10,2%, на остальные отрасли приходилось 23,8% рабочих⁴¹. К концу десятилетия структура распределения промышленных рабочих по существу осталась прежней. Таким образом, в традиционных отраслях промышленности было сосредоточено больше половины основных производственных фондов и более 50% всех промышленных рабочих области.

В 1950-е гг. в области был выявлен целый комплекс полезных ископаемых: крупнейшие месторождения железных и цветных металлов. Предположительно на территории области располагались залежи марганца, свинца, цинка, урана, иттрия.

Следовательно, экономико-географическое положение Томской области в 1950-е гг. было противоречивым. С одной стороны, удобное расположение области на границе Западной и Восточной Сибири, вблизи углей Кузбасса, на путях доставки леса в южные районы Сибири и продовольствия с юга на север. Наличие широкого спектра природных ресурсов для развития отраслей тяжелых промышленности, наличие крупных эвакуированных предприятий и широкой сети научно-образовательных учреждений создавали все условия для создания здесь узлового крупного территориально-производственного комплекса и сети высокотехнологических производств на основе собственной научной базы и собственных высококвалифицированных специалистов.

Но с другой стороны, преимущества, предоставляемые удобным расположением области, были ограничены ввиду неразвитости транспортной ее инфраструктуры, кроме сезонного водного транспорта, что затрудняло экономическое развитие области⁴². Пограничное расположение области между Западной и Восточной Сибирью сильно ограничивало реализацию каких-либо крупных индустриальных проектов на этой территории, в частности металлургических, так как находящиеся рядом Кемеровская, Новосибирская области уже занимали нишу крупных металлургических центров, при этом обладая обоснованным потенциалом для развития в этом направлении.

Таким образом, партийные руководители Тюменской и Томской областей, не имея сильной индустриальной базы и, как следствие, имея неразвитую инфраструктуру территории и нерешенные социально-экономические проблемы, уже в начале 1950-х гг. начинают выдвигать в качестве приоритета своей региональной политики крупные индустриальные проекты. Они стремятся привлечь инвестиции на реализацию этих проектов и заручиться соответствующей поддержкой в ЦК КПСС, Совете министров СССР, Госплане СССР, а также во всех заинтересованных комитетах и ведомствах.

В конце 1950-х гг. у местных руководителей Тюменской и Томской областей появляется возможность реализовать стратегические варианты регионального развития и улучшить социально-экономические условия своих территорий через организацию в областях совнархозов. Тюменские и томские региональные руководители в ситуации формирования этих хозяйственных

структур высказали мнение о необходимости создания совнархозов в рамках их территорий⁴³.

С организацией Советов народного хозяйства в административных границах Тюменской и Томской областей партийные руководители этих территорий начинают все активнее в рамках своей региональной политики выдвигать на центральном уровне стратегические варианты развития, суть которых заключалась в развертывании на этих территориях новых крупных производств или территориально-производственных комплексов.

В качестве приоритетного индустриального варианта развития партийно-советские и хозяйственные руководители Тюменской области избрали нефтегазовый вариант, пытаясь заручиться для его реализации поддержкой заинтересованных центральных комитетов и ведомств.

При этом необходимо отметить, что региональное руководство Тюменской области не считало изначально нефтегазовый вариант единственным вариантом развития собственной территории, как это принято сегодня считать. Альтернативный подход региональных властей дал возможность территории, не останавливаясь на одном лишь варианте социально-экономического развития области, выбрать наиболее перспективный.

Как следует из докладной записки «О комплексном развитии производительных сил Тюменской области»⁴⁴, которая была направлена 28 февраля 1956 г. региональным руководством Тюменской области в адрес секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, председателя Совета министров СССР Н.А. Булганина, в качестве стратегических индустриальных вариантов развития территории региональные власти в конце 1950-х годов предлагали ряд альтернативных проектов.

В частности, предлагалось создание новой угольно-металлургической базы в регионе на основе Северо-Сосьвинского бурогоугольного бассейна, ориентировочные запасы которого исчислялись в 50 млрд тонн. Также предполагалось развитие комплексной энергетики на базе открытых бурых углей Полярного и Приполярного Урала, газовых месторождений Березовского района и гидроресурсов рек Иртыш и Обь, на которых должны были быть возведены гидроэлектростанции, обеспечивавшие в дальнейшем электроэнергией весь Урал, Печору и новый угольно-металлургический бассейн Тюменской области.

14 января 1959 г. партийно-советским руководством Тюменской области была подписана докладная записка «Об освоении

естественных богатств и заселении малообжитых районов Тюменской области». Записка была подготовлена с целью включения хозяйственных проектов области в будущий семилетний план развития народного хозяйства по федерации. Она была направлена заместителю председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР А.Б. Аристову, председателю Госплана СССР И.И. Кузьмину, председателю Совета министров РСФСР Д.С. Полянскому, председателю Госплана РСФСР В.Н. Новикову.

В этой докладной записке наряду со старыми проектами развития региона, такими как, например, создание угольно-металлургической базы на Северном Урале, связанной с Уральским и Печорским промышленными районами, содержался ряд принципиально новых.

Во-первых, следует отметить предложение об организации промышленной эксплуатации газа Березовского газового месторождения и усиления разведки на нефть в этом районе⁴⁵. Анализируя данный пункт записки, можно заметить возрастание приоритетности данного проектного варианта в связи с увеличением ресурсов, обеспечивающих его реализацию с 4 млрд кубометров в 1956 г. до 21 млрд в 1959 г. с перспективой дальнейшего роста.

Во-вторых, появляется предложение о строительстве в регионе Нижне-Обской ГЭС мощностью 5–6 млн кВт в районе г. Салехард. Как отмечается в записке, «эта ГЭС, находясь рядом с Уралом и Печорским бассейном, а отсюда близко к северным промышленным районам сыграет огромную роль в их развитии. И она необходима даже более, чем строящаяся Братская ГЭС на реке Ангара»⁴⁶.

В данных докладных записках проявилась особенность проводимой партийными руководителями области в конце 1950-х гг. региональной политики, заключавшаяся в сильной ориентации на промышленную базу Урала и Печоры, иногда, как в случае с Нижне-Обской ГЭС, даже в ущерб интересам области.

Данное положение объясняется тем, что часть региональных руководителей Тюменской области, в том числе и первый секретарь обкома В.В. Косов, в ситуации когда Госплан СССР и министерства были не заинтересованы в реализации каких-либо проектов в тяжелых природно-климатических условиях региона и ограничивались обычно принятием постановлений и отводом земельных участков под промплощадки, стремилась за счет усиления экономической интеграции с более сильным ре-

гионом, каким являлся Уральский регион, и даже в какой-то мере ограничения своих хозяйственных и управленческих прав, реализации не всегда выгодных проектов улучшить экономическое положение своей области, хозяйственно привязав ее к более сильной территории. Так, в одной из докладных записок на имя первого секретаря Н.С. Хрущева В.В. Косов просил при «окончательном рассмотрении вопросов экономического районирования и организации территориальных управлений промышленности и строительства отнести Тюменскую область к Свердловскому управлению, так как территориально и экономически область связана с Уралом»⁴⁷.

Тем не менее с начала 1960 г. в качестве основного стратегического варианта развития области стал определяться нефтегазовый вариант. Это было связано наряду с усилением собственной хозяйственной политики и с другими факторами.

Усилились потребности экономики народного хозяйства СССР в большом объеме эффективных энергоресурсов. С начала 1960-х гг. формируется дефицит энергетических ресурсов, и в первую очередь нефтепродуктов и природного газа. Именно поэтому было принято решение увеличить долю нефти и газа в общем объеме производства топлива за семилетку с 31 до 51%⁴⁸.

В области наблюдался постоянный рост разведенных запасов нефти и газа. В Западной Сибири за 1961–1964 гг. было открыто 27 нефтяных месторождений и подготовлены запасы нефти промышленных категорий⁴⁹, выявлены крупнейшие газовые месторождения.

У нефтегазового варианта развития территории в конце 1950-х — начале 1960-х гг. не было конкурентов, так как региональные власти тех областей Западной Сибири, где шла разведка на выявление нефти и природного газа, т. е. Новосибирской и Омской, без инициативы относились к подобным проектам, занимаясь развитием оборонных предприятий, перебазированных в годы войны с запада и оставшихся в Новосибирске и Омске⁵⁰. Руководство Томской области, на севере которой располагались потенциальные запасы нефти и природного газа, серьезно не занималось развитием этого проекта.

Наиболее существенным фактором являлась поддержка в реализации этого проекта, оказанная заинтересованными в нефтегазовых ресурсах центральными хозяйственными субъектами, способными добиться выделения на реализацию проекта

освоения необходимых материальных ресурсов. Наиболее заинтересованными в тюменских нефти и газе в данный период можно считать несколько центральных комитетов и ведомств. Во-первых, это Главгеология РСФСР. Данному ведомству были необходимы новые перспективные территории, которые обеспечили бы выполнение плановых показателей на семилетку⁵¹. Во-вторых, Главгаз СССР, который в 1957 г. возглавил А.К. Кортунов, активно отстаивавший необходимость развития газовой отрасли. Для быстрого развития нового ведомства необходимы были проекты, обеспеченные промышленными запасами природного газа.

Также и в высшем партийно-государственном руководстве находились влиятельные сторонники освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции⁵².

Точкой отсчета развития Тюменской области на основе нефтегазового варианта развития региона можно считать 1964 г., когда вышло несколько приказов Мингазпрома от 7 марта 1964 г. и 14 мая 1964 г., который был определен генеральным застрощиком в районах нефтегазодобычи в Тюменской области⁵³.

Ряд других исследователей также определяют 1964 г. как начало формирования ЗСНГК, хотя и приводят другие аргументы⁵⁴.

Таким образом, именно альтернативный подход региональных властей дал возможность территории, не останавливаясь на одном лишь варианте социально-экономического развития области, выбрать наиболее перспективный. Усиление собственной хозяйственной политики, потребности экономики народного хозяйства в большом объеме эффективных энергоресурсов, постоянный рост разведанных запасов нефти и газа в регионе, отсутствие конкуренции способствовали сосредоточению внимания на нефтегазовом варианте включения территории в индустриальную сферу как самом быстром и эффективном с точки зрения поддержки центральных властей.

Региональные руководители Томской области в 1950-е — середине 1960-х гг., как и руководители Тюменской, искали оптимальные варианты развития территории. Выдвигаемые проекты промышленного развития преимущественно также носили сырьевую направленность.

Изначально региональные власти в качестве стратегического варианта развития территории избрали горнометаллургические проекты, суть которых заключалась в реализации на террито-

рии области комплексных производств по добыче и переработке черных и цветных металлов.

Такая региональная политика была продиктована несколькими обстоятельствами, сложившимися на центральном и региональном уровне.

Решения партийных съездов конца 1950-х — начала 1960-х гг. зафиксировали построение в СССР индустриального общества⁵⁵. В народном хозяйстве страны начали формироваться современные территориально-производственные комплексы, что потребовало наряду с широким использованием высокоэффективных источников энергии дальнейшего развития черной и особенно цветной металлургии.

Директивами XX съезда КПСС было установлено расширить минерально-сырьевые базы всех металлов, и прежде всего в восточных районах страны, а также обеспечить высокие темпы роста производства всей номенклатуры черных и цветных металлов⁵⁶. На внеочередном XXI съезде КПСС Н.С. Хрущев отметил, что «на строительство и реконструкцию предприятий черной и цветной металлургии предполагается вложить средств больше, чем их было вложено за прошедшие 30 лет»⁵⁷. Предусматривалось поднять добычу железной руды примерно в 2 раза.

К этому моменту на территории области было открыто уникальное Бакчарское железорудное месторождение с запасами руды в 110 млрд тонн, из которых 40 млрд тонн были пригодны для открытых разработок. Также было открыто крупное Туганское промышленное месторождение цветных металлов с утвержденными запасами 58 млн кубометров.

У избранного варианта, как предполагали региональные власти, существовало мало конкурентов, особенно в восточной части страны. Обоснование этого тезиса отчетливо прослеживается в записке, направленной первым секретарем обкома В. Москвинным 11 сентября 1957 г. министру геологии и охраны недр СССР П.Я. Антропову: «Томская область располагает крупнейшей минерально-сырьевой базой, развитие которой, безусловно, еще необходимо и потому, что область является своеобразным форпостом, от которого ведется завоевание таежно-болотистых слабо заселенных обширных пространств, простирающихся на запад, север, северо-восток. Ни одна другая из соседних областей (исключая Кемеровскую, богатую полезными ископаемыми) пока не имеет таких необходимых промышленных полезных ископаемых, как Томская область»⁵⁸.

Так же как и руководители Тюменской области, партийные лидеры Томской области для реализации своих проектов старались заручиться поддержкой центральных комитетов и ведомств.

3 декабря 1958 г. при обсуждении тезисов Н.С. Хрущева «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг.» в Томской области был выдвинут ряд дополнений и предложений к семилетнему плану как в целом для Сибири, так и в отношении хозяйства области. Данные предложения можно рассматривать, как стратегические планы региональных властей в отношении собственного хозяйства. В частности, наряду с предложением об усилении изучения Западно-Сибирской низменности было внесено предложение о развертывании «работ по детальной разведке Бакчарского железорудного месторождения Томской области, форсировании разработки Туганского месторождения и строительстве на его базе обогатительного комбината»⁵⁹.

Руководители Томского совнархоза основой развития области также видели горнометаллургические предприятия.

В перспективном плане развития народного хозяйства Томской области на 1959–1965 гг. от 8 января 1957 г. в разделе «Капиталовложения, планируемые в городе Томске и области» было замечено, что «наиболее значительными стройками в области являются сооружение рудника и обогатительного комбината титано-циркониевых руд в Туганском районе и строительство горно-обогатительного комбината (с вводом ориентировочно к 1965 году) в Бакчаре»⁶⁰.

Следовательно, в качестве стратегических вариантов развития области партийные и хозяйственные региональные власти окончательно остановили свой выбор на горнометаллургических проектах.

Предпринятые региональными властями мероприятия по продвижению Туганского проекта остались без результата. Госплан сообщил письмом от 2 апреля 1962 г. председателю Томского совнархоза Н.С. Гридину о переносе сроков строительства комбината.⁶¹

После четкого ответа центральных властей о бесперспективности дальнейшего продвижения Туганского проекта региональные власти области продолжили лоббировать второй крупный проект Бакчарского месторождения железных руд.

14 марта 1964 г. окончательно решился вопрос о реализации Бакчарского проекта. Как говорилось в официальном ответе: «Учитывая неблагоприятные горно-геологические условия, невысокое качество руд, а также наличие в Сибири крупных разведанных запасов железных руд, которые в настоящее время не осваиваются, Госгеолком СССР не может считать производство разведочных работ на Бакчарском месторождении первоочередной задачей службы на ближайшие годы»⁶².

Только после отказа Совмина и Госплана СССР поддержать реализацию металлургических проектов региональные власти перешли к продвижению нефтегазового варианта развития области, который к тому моменту был наиболее обеспечен ресурсами. За 1962–1964 гг. на территории области было открыто 3 крупных газовых и 7 нефтяных месторождений. Это свидетельствовало о реальной возможности создания в области нефтегазодобывающей базы.

24 апреля 1965 г. партийные власти направляют записку председателю Совмина СССР А.Н. Косыгину с просьбой рассмотреть проект постановления Совмина СССР «О дальнейшем развитии геологоразведочных и организации подготовительных работ к промышленному освоению открытых газовых и нефтяных месторождений в Томской области»⁶³, в котором была изложена целая система мер, призванная обеспечить промышленное развитие области на основе газонефтяного варианта.

27 мая 1965 г. был получен официальный ответ Совмина СССР. В нем говорилось: «Создание нового нефтегазодобывающего района на базе месторождений Томской области потребует значительных капиталовложений. В то же время ограниченность средств, которые могут быть выделены в 1966–1970 гг. на развитие нефтяной и газовой промышленности, вызывает необходимость концентрировать их и планировать добычу нефти и газа в районах Западной Сибири, в первую очередь в Тюменской области, где уже открыты и подготовлены к разработке крупные нефтяные и газовые месторождения»⁶⁴. Госплан СССР посчитал принятие специального постановления Совмина СССР по этому вопросу преждевременным, так как появилась бы угроза распыления средств, планируемых на развитие нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири.

Таким образом, проводимая партийными и хозяйственными руководителями Томской области специальная политика по ин-

дустриализации территории с помощью реализации комплексной сети горнометаллургических проектов была полностью провалена. Слабое развитие хозяйства Томской области способствовало тому, что бурное развитие промышленного освоения открытых месторождений в соседней Тюменской области постепенно в какой-то мере подчиняло экономику Томской области нуждам усиленно развивающегося соседнего региона. Такая ситуация еще сильнее ограничивала дальнейшее развитие инновационных производств в народном хозяйстве территории.

Можно сделать вывод, что формирование региональной политики тюменскими партийными и хозяйственными властями, заключавшейся в выдвижении альтернативных вариантов развития, дало возможность слаборазвитому в промышленном отношении региону в условиях расширения своих хозяйственных возможностей и установления взаимовыгодных хозяйственных связей с центральными комитетами и ведомствами вывести регион на новый этап бурного индустриального развития.

Безальтернативная региональная политика, проводимая партийными и хозяйственными деятелями Томской области по реализации горнометаллургических проектов на своей территории, оказалась неэффективной и неправильной с макроэкономических позиций. Целое десятилетие было потрачено на продвижение и лоббирование проектов, которые в условиях сильной конкуренции с уже существующими подобными предприятиями, обладавшими более экономичными месторождениями и расположенными в более благоприятных природно-климатических условиях, при слабых позициях регионального руководства в центральных органах не смогли бы быть реализованы в ближайшие десятилетия в СССР. Все это привело к сдерживанию интенсивного развития производительных сил, замедлению или даже стагнации экономических показателей традиционных производств хозяйства области, слабому изменению в социальной и урбанизационной структуре населения.

Примечания

¹ Зиновьев В.П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: Сборник материалов конференции / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Ламина. Новосибирск, 2003. С. 191.

- ² Экономика Сибири в начале XXI века: Методология и методика стратегических разработок / Отв. ред. В.В. Кулешов. М., 2007. С. 53.
- ³ См.: Корнай Я. Социалистическая система. Политическая экономика коммунизма. М., 2000. С. 191.
- ⁴ Алексеев В.В. Советские региональные проблемы: причины и следствия // Россия в XX веке: Историки спорят. М., 1994. С. 630–634; Зубков К.И., Алексеев В.В., Побережников И.В. Региональная динамика модернизации // Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 125; Региональная экономика: Учебное пособие / Под ред. М.В. Степанова. М., 2000. С. 18.
- ⁵ Алексеев В.В. Советские региональные проблемы: причины и следствия... С. 631–632.
- ⁶ Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М., 2004. С. 93.
- ⁷ Агранат Г. О региональном развитии и региональной политике // Свободная мысль. 1996. № 9. С. 29.
- ⁸ См.: Планирование размещения производительных сил СССР: (Осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства): В 2 ч. М., 1985–1986.
- ⁹ Бакулев Г. Совершенствование организационных форм руководства и развитие топливной базы // Вопросы экономики. 1957. № 4. С. 131.
- ¹⁰ Артоболевский С.С., Бакланов П.Я., Трейвиш А.И. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79. № 2. С. 109; Бухвальд Е. Российский федерализм на критическом рубеже развития // Вопросы экономики. 2008. № 9. С. 71; Российский федерализм. Экономико-правовые проблемы / Отв. ред. С.Д. Валентей. СПб., 2008.
- ¹¹ Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово, 2006. С. 360.
- ¹² Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. М., 2001. С. 116–117.
- ¹³ Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь, 2003. С. 65.
- ¹⁴ См. например: Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М., 2004. С. 156.
- ¹⁵ Там же. С. 31–32.
- ¹⁶ Тенденции экономического развития Сибири (1961–1975). Новосибирск, 1980. С. 30.
- ¹⁷ Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти... С. 371.
- ¹⁸ См.: Лейбович О.Л. Реформы и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993. С. 106; Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 78.
- ¹⁹ Богачев В.Н. Регионы России: теория, проблемы Сибири, экономика строительства. Новосибирск, 1999. С. 5.

- ²⁰ Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития... С. 160, 162.
- ²¹ Образование подобной экономической оси является закономерным процессом индустриальной модернизации во всех странах. В Западной Европе экономическая ось сложилась в период промышленной революции XVIII–XIX вв., когда наивысший расцвет переживали угольно-металлургические и текстильные районы, протянувшиеся от восточной части Великобритании через индустриальную полосу Франции и Рурскую область ФРГ к северной Италии. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991. С. 66–67.
- ²² Тенденции экономического развития Сибири... С. 66; Экономические районы СССР. М., 1965. С. 270–271, 274–275.
- ²³ Сибирь на пороге нового тысячелетия / Отв. ред. В.В. Кулешов. Новосибирск, 1998. С. 56.
- ²⁴ Планирование размещения производительных сил СССР. Ч. 1. С. 282.
- ²⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9. 1956–1960. М., 1986. С. 28–37.
- ²⁶ Внеочередной XXI съезд КПСС: Стеногр. отчет. Т. I. М., 1959. С. 42.
- ²⁷ История Сибири. Том пятый. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. Л., 1969. С. 225–234.
- ²⁸ Тенденции экономического развития Сибири... С. 66.
- ²⁹ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — ГАСПИ ТО). Ф. 124. Оп. 54. Д. 6. Л. 11–16.
- ³⁰ Народное хозяйство Тюменской области и города Тюмени. Статистический сборник. Омск, 1958. С. 13.
- ³¹ Там же. С. 8.
- ³² Там же. С. 92.
- ³³ Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 212.
- ³⁴ ГАСПИ ТО. Ф. 124. Оп. 134. Д. 88. Л. 14.
- ³⁵ Государственный архив Томской области (далее — ГА ТО). Ф. Р-1591. Оп. 1. Д. 23. Л. 76.
- ³⁶ Морозова Т.Г. Экономическая география Сибири: Учеб. пособие. М., 1975. С. 145.
- ³⁷ Центр документации новейшей истории Томской области (далее — ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2413. Л. 57.
- ³⁸ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2413. Л. 58.
- ³⁹ Народное хозяйство Томской области. Статистический сборник. Томск, 1957. С. 7.
- ⁴⁰ Там же. Томск, 1965. С. 5.
- ⁴¹ Там же. Томск, 1957. С. 13–14.
- ⁴² ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2811. Л. 227.
- ⁴³ ГАСПИ ТО. Ф. 124. Оп. 117. Д. 80. Л. 89; ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2526. Л. 213.

- 44 ГАСПИ ТО. Ф. 124. Оп. 98. Д. 80. Л. 2–20.
- 45 Там же. Оп. 134. Д. 88. Л. 4.
- 46 Там же. Л. 5.
- 47 Там же. Оп. 117. Д. 78. Л. 19.
- 48 Внеочередной XXI съезд КПСС: Стеногр. отчет. Т. I. С. 27.
- 49 Нефть СССР (1917–1987 гг.). М., 1987. С. 105.
- 50 Гурари Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция — открытие века! Новосибирск, 1996. С. 50.
- 51 Внеочередной XXI съезд КПСС: Стеногр. отчет. Т. I. С. 27.
- 52 Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 29. Л. 3; Ф. 236. Оп. 1 Д. 193. Л. 45; Гурари Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция... С. 45; Эрвье Ю.Г. Сибирские горизонты. Свердловск, 1968. С. 49, 112, 113–114.
- 53 Колева Г.Ю. К вопросу о введении критерия в периодизацию развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Укрепление партийных организаций и идейно-политическое обеспечение нефтегазового комплекса Западной Сибири. Тюмень, 1986. С. 24.
- 54 Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.) Тюмень, 2005. С. 10; Янин А.Н. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс — крупнейшее достижение социализма // Сибирский посад. 1994. № 3. С. 3.
- 55 Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. С. 17.
- 56 КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9. С. 33–34.
- 57 Внеочередной XXI съезд КПСС: Стеногр. отчет. Т. I. С. 25.
- 58 ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2528. Л. 205.
- 59 Там же. Д. 2668. Л. 377, 378.
- 60 ГА ТО. Ф. Р-1591. Оп. 1. Д. 295. Л. 4–4 об.
- 61 ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 31. Д. 15. Л. 90.
- 62 Там же. Оп. 1. Д. 3353. Л. 36.
- 63 Там же. Д. 3440. Л. 133–142.
- 64 Там же. Л. 146.

**Проблемы экономических отношений Союза ССР
и союзных республик в деятельности
постоянных комиссий Верховного Совета СССР
десятого и одиннадцатого созывов (1979–1989 гг.)**

Составной частью комплексной задачи изучения социально-экономической истории СССР является исследование взаимоотношений союзных республик с центральными союзными органами. В данном контексте немало писалось о роли Госплана СССР. Однако существенные аспекты этих отношений нашли свое отражение и в деятельности постоянных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета (далее — ВС) СССР.

Хронологические рамки данного исследования охватывают период деятельности ВС СССР десятого и одиннадцатого созывов. Выбор нижней границы — 1979 г. — обусловлен принятием важнейшего правового акта — Конституции СССР 1977 г. В Основном законе страны были зафиксированы важнейшие принципы функционирования Верховного Совета и его структур. Верхняя граница исследования — 1989 г. — определяется кардинальными отличиями в деятельности ВС СССР в связи с изменениями и дополнениями Конституции СССР 1977 г., принятыми на двадцать второй внеочередной сессии ВС СССР одиннадцатого созыва в декабре 1988 г. Решения этой сессии считаются началом конституционной реформы в СССР¹. Период функционирования ВС СССР в правовой системе Конституции СССР 1977 г. завершился в мае 1989 г. Выбранный хронологический период представляет интерес в связи с тем, что в выделенном десятилетии различаются два этапа: период X и XI пятилеток и последние годы деятельности ВС СССР одиннадцатого созыва — 1986–1989 гг., когда происходили стремительные изменения в социально-экономической жизни страны.

* Климанов Алексей Юрьевич — кандидат исторических наук (Международный институт экономики и права, г. Москва).

В данной работе ставится задача проанализировать (используя преимущественно архивные материалы), как изменения в социально-экономической политике формировали приоритеты в обсуждении вопросов союзно-республиканских отношений постоянными комиссиями обеих палат ВС СССР.

* * *

Состав постоянных комиссий формировался во время первых сессий ВС СССР десятого и одиннадцатого созывов. Предложения об образовании соответствующих комиссий по их наименованию и численному составу выносились на отдельные заседания Совета Союза и Совета Национальностей от имени Президиума ВС СССР. Кандидатуры председателей комиссий и персональный состав каждой из них также предлагались Президиумом Верховного Совета. Постоянные комиссии обеих палат союзного Верховного Совета создавались в основном по проблемно-отраслевому признаку: мандатные; законодательных предположений; по иностранным делам; планово-бюджетные; по промышленности; по транспорту и связи; по строительству и промышленности строительных материалов; по сельскому хозяйству; по науке и технике; по товарам народного потребления и торговле; по жилищно-коммунальному хозяйству и бытовому обслуживанию населения; по здравоохранению и социальному обеспечению; по народному образованию и культуре; по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства; по делам молодежи; по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов. В руководстве комиссий обоих созывов преобладали высокопоставленные партийные и советские руководители. Они возглавляли комиссии, в которых рассматривались проблемы, связанные с функционированием народно-хозяйственного комплекса страны, а также темы, относящиеся к политико-идеологической сфере и к области законотворчества. Постоянные комиссии Совета Союза и Совета Национальностей были идентичны по названию, количеству и даже по численному составу членов комиссий.

С марта 1978 г. по февраль 1979 г. работала комиссия Президиума Верховного Совета по подготовке проекта Регламента ВС СССР. Жестко регламентированная организационная схема устройства постоянных комиссий палат ВС СССР не предполагала проведения постоянными органами Совета Союза и Совета Национальностей отдельных заседаний, отличных по повестке и по проблематике. Это, безусловно, ограничивало возможности постоянных комиссий Совета Национальностей

по изучению специфики социально-экономического развития различных союзных республик.

Центральным мероприятием года, в котором принимали участие постоянные комиссии, являлось предварительное рассмотрение накануне сессий Верховного Совета проектов пятилетних и ежегодных государственных планов социально-экономического развития и государственных бюджетов СССР.

Обсуждение государственных планов и бюджетов в системе постоянных комиссий начиналось на совместном пленарном заседании Планово-бюджетных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей. На заседании заслушивались и принимались к сведению доклады Председателя Госплана СССР и министра финансов союзного правительства об основных показателях плана и бюджета.

Планово-бюджетные комиссии являлись координирующими органами в работе всех комиссий над планом и бюджетом. Председатели Планово-бюджетных комиссий на пленарном заседании выступали с предложением об организации отраслевых подготовительных комиссий и об утверждении их состава и руководства в лице председателя и заместителя.

С 1979 г. по 1987 г. ежегодно создавались следующие подготовительные комиссии: по основным показателям плана; по основным показателям бюджета; по топливно-энергетическому комплексу; по химической, нефтехимической, лесной и целлюлозно-бумажной промышленности; по машиностроению; по АПК (до 1982 г. — по сельскому хозяйству); по науке и технике; по строительству и промышленности строительных материалов; по товарам народного потребления и услугам населению; по жилищно-коммунальному хозяйству; по здравоохранению и социальному обеспечению; по народному образованию и культуре; по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов; по экономическому и социальному развитию союзных республик; по внешним экономическим связям. В 1988 г. в связи с официальным внесением на рассмотрение комиссий государственного бюджета на 1989 г. с превышением расходов над доходами была образована подкомиссия по расходам бюджета².

Как правило, состав подкомиссий насчитывал 14–16 депутатов, за исключением подкомиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик (от 18 до 22 человек). Всего в обсуждении плана и бюджета участвовало 230–250 депутатов Совета Союза и Совета Национальностей. Подкомис-

сии формировались на паритетных началах из депутатов обеих палат.

Проекты социально-экономического развития союзных республик изучались в подготовительной комиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик. В докладе руководителя Отдела территориального планирования и размещения производительных сил Госплана СССР депутатам подкомиссии приводились конкретные статистические данные относительно темпов роста производства, ввода в действие основных фондов и о выполнении других производственных показателей. Особо пристальное внимание докладчик обращал на решение социально-бытовых вопросов, которые касались строительства и ввода в эксплуатацию жилых зданий, детских дошкольных учреждений, амбулаторно-поликлинических учреждений и больниц, профессионально-технических училищ и т. п.

В выступлении первого заместителя министра финансов СССР внимание членов подкомиссии фокусировалось на ситуации, складывающейся в работе легкой и пищевой отраслей промышленности с выделением тех республик, где положение складывалось особенно неблагоприятно, т. е. и в этом случае в центре обсуждения оказывалось положение дел в социальной сфере. Вслед за выступлениями представителей центральных союзных органов депутаты заслушивали доклады руководителей госпланов и министерств финансов всех пятнадцати союзных республик.

В целом участие депутатов в обсуждении важнейших планово-бюджетных документов сводилось к самому общему ознакомлению с базовыми параметрами развития отраслей и различных секторов экономики. Вся процедура рассмотрения планов и бюджетов занимала от 20 до 30 дней. Работа большинства подкомиссий продолжалась не более 3 дней, после чего все депутаты, за исключением председателей всех подготовительных структур и членов подкомиссий по плану и бюджету, выезжали на места. После подготовки проекта общего заключения еще в течение двух-трех дней завершалась деятельность в расширенном составе подкомиссий по основным показателям плана и по основным показателям бюджета. Дальнейшую техническую работу до представления проектов заключений в постоянные комиссии проводили сотрудники Отдела по работе постоянных комиссий палат — подразделения аппарата Президиума ВС СССР — и консультанты из министерств и ведомств. Заключение подготовительных комиссий выражались в определении об-

щих направлений повышения эффективности в работе отраслей и сфер народно-хозяйственного комплекса.

Прежде чем переходить к непосредственному изучению вопросов союзно-республиканских взаимоотношений в планово-бюджетной сфере, необходимо коснуться ряда принципиальных аспектов в вопросах планирования в исследуемый период.

* * *

При анализе соотношения территориально-хозяйственных объектов планирования (союзные республики, экономические зоны и экономические районы СССР) в масштабе общесоюзного хозяйственного комплекса исследователи территориальной организации производства отмечали ведущую роль союзной республики как объекта планирования, в рамках которой можно было наиболее полно совмещать интересы отраслевого и территориального планирования с соблюдением комплексного развития экономики³. Подчеркивалось, что экономический комплекс союзной республики представляет «относительно самостоятельную хозяйственную подсистему со своими внутренними условиями и особыми экономическими интересами»⁴. В то же время экономический комплекс союзной республики всегда рассматривался не изолированно, но как неотъемлемая часть общесоюзной экономики. Исследователи отмечали, что при поиске вариантов совершенствования территориального планирования в союзной республике необходимо в первую очередь учитывать ее место в общесоюзной хозяйственной системе⁵.

Методологической базой планирования народного хозяйства были разработанные и утвержденные Госпланом СССР нормативы⁶. Согласно этому документу пятилетние и годовые планы социально-экономического развития союзной республики в своей структуре имели три раздела: план по хозяйству, подведомственному Совету министров союзной республики, основные показатели по объектам союзного подчинения и основные показатели по территории в целом⁷. Такая структура планирования теоретически должна была соответствовать идее сочетания территориального и отраслевого принципов развития народного хозяйства⁸. Причем, как отмечает Л.В. Андриченко, «главную роль с точки зрения обеспечения комплексности планов экономического и социального развития союзных республик должен был играть последний раздел плана, включавший в себя основные показатели по территории республики в целом»⁹. На практике трудности в реализации установленного положения были связаны с жестким централизованным механизмом планирова-

ния и, как следствие, с непрекращающимися коллизиями между союзными планирующими ведомствами и республиканскими хозяйственными органами по вопросам увязки производственного и непроизводственного строительства в республиках, по решению различных вопросов материально-технического обеспечения производства и строительства и в связи с прочими аспектами данной темы. В результате, по замечанию Андриченко, «планы союзных республик, по сути, представляли собой планы развития только республиканского хозяйства»¹⁰.

Фактически комплексный план экономического и социального развития союзной республики строился в первую очередь по отраслевому принципу, причем отраслевые показатели часто разрабатывались без ведома территориальных органов планирования, в них не учитывалась региональная проблематика¹¹. Практически достичь согласования проектов общесоюзного и республиканских планов было крайне затруднительно из-за изначального различия системы показателей, преобладающих жестких административных форм взаимодействия союзных министерств с подведомственными предприятиями, слабой заинтересованности союзных предприятий в решении республиканских проблем¹².

Таким образом, проблема комплексного социально-экономического развития республиканской территории являлась ключевой во взаимоотношениях союзных и республиканских планирующих и управленческих органов. В подготовительной комиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик в ходе обсуждения планово-бюджетных вопросов в наиболее развернутом виде как раз и поднимались практические вопросы, связанные с деятельностью союзных структур на территории союзных республик.

* * *

В годы X и XI пятилеток одной из самых острых и трудноразрешимых проблем во взаимоотношениях общесоюзных и республиканских управленческих органов была взаимоувязка производственного строительства и ввода в действие социально-бытовых объектов, осуществляемых союзными министерствами и ведомствами. Особенно актуально эта тема звучала для крупных республик, где разворачивались важнейшие стройки.

Руководители Госплана РСФСР при разработке проекта пятилетнего плана социально-экономического развития республики на 1981–1985 гг. ставили вопрос о дополнительных ассигнованиях средств на развитие объектов социального и

культурно-бытового назначения на территории республики, в частности на непроизводственное строительство в Нечерноземном и Центрально-Черноземном районах, а также в зоне БАМа. В 1981 г. Первый заместитель Председателя Госплана РСФСР Н.П. Машьянов рассказывал депутатам подготовительной комиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик о неоднократном рассмотрении вопросов на уровне первого заместителя Председателя Совета министров СССР и Председателя союзного Госплана. В октябре 1981 г., т. е. незадолго до начала подготовительной процедуры по планово-бюджетной тематике на уровне постоянных комиссий палат ВС СССР и их рабочих органов, у Председателя Совета министров РСФСР М.Х. Соломенцева прошло совещание руководства планирующих органов республики совместно с начальниками ведущих отделов Госплана СССР. Но решение не было принято, и его участники, по выражению Машьянова, «разошлись как в море корабли»¹³. Машьянов ретроспективно отмечал: «В последние годы (X пятилетки. — А.К.) планы работ в Нечерноземной зоне строительными министерствами СССР из-за недостаточного внимания систематически не выполняются, хотя удельный вес этих работ в их программах на территории РСФСР составляет по Минтяжстрою СССР — 3,5%, Минпромстрою СССР — 9,3%, Минстрою СССР — 14,3%»¹⁴. Из-за неудовлетворительных социально-бытовых условий число работающих в Новгородской, Псковской, Орловской, Смоленской, Вологодской, Калининской, Тульской областях за годы X пятилетки в среднем сокращалось на 6% в год. Министр финансов Российской Федерации А.А. Бобровников регулярно докладывал на заседаниях подкомиссии о систематических срывах ввода в действие большого количества социально-культурных учреждений в республике союзными министерствами.

Республиканские руководители хозяйственных и планирующих органов Российской Федерации и депутаты подкомиссии критиковали односторонний подход крупнейших союзных министерств и ведомств к освоению районов Сибири и Дальнего Востока. Несмотря на огромные инвестиции в разработку стратегически важных для экономики страны нефтегазовых месторождений, союзные ведомства довольно безответственно подходили к решению вопросов социального обустройства этих регионов, развитию социально-бытовой инфраструктуры на данных территориях. Форсированное развитие отраслей топливно-энергетического комплекса не сопровождалось необходимым жилищно-гражданским строительством для закрепления трудо-

вых ресурсов в этих районах. Из доклада Машьянова в 1984 г. следовало, что при наличии острых социально-бытовых проблем в Западно-Сибирском территориально-производственном комплексе (ТПК) — крупнейшем в стране — из 11,5 млрд руб. общих капиталовложений на 1985 г., т. е. на последний год XI пятилетки, на непроизводственное строительство направлялось только 1,5 млрд руб. Крупнейшие союзные министерства, производившие гигантские промышленные разработки, такие как Мингазпром СССР и Миннефтехимпром СССР, в Западно-Сибирском ТПК на непроизводственное строительство выделяли соответственно всего 1,9% и 1,12% инвестиций из общего объема капиталовложений на 1985 г. В Саянском ТПК Минэнерго СССР планировало направить 2% годовых ассигнований на эти нужды¹⁵. Для сравнения отметим, что централизованные капитальные вложения на строительство жилья в целом по стране составляли в X пятилетке 14,2% от общего объема капитальных вложений, а в XI пятилетке — 15,1%¹⁶. В Западной Сибири на удаленных осваиваемых территориях социальный сектор находился на периферии внимания.

На заседаниях подкомиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик значительное внимание уделялось положению дел в Казахстане. Например, председатель подкомиссии В.Н. Осетров в 1982 г. отметил весомую роль, которую играла экономика республики в системе общесоюзного хозяйства. «Уровень выполнения показателей плана в пятилетке, безусловно, влияет на всю деятельность хозяйства в стране»¹⁷. Но реализация крупных производственных программ в Казахстане, так же как и в Российской Федерации, сталкивалась с немалыми трудностями и препятствиями в связи с недооценкой крупнейшими союзными министерствами социальных аспектов производственных планов. Многие предприятия и целые производственные комплексы строились в необжитых местах с запущенной или вовсе не развитой инфраструктурой, крайне бедной социально-культурными объектами. А неудовлетворительное решение социальных вопросов приводило к сбоям и недостаткам в работе на этом важном участке народно-хозяйственного комплекса страны.

Промышленные предприятия Казахстана испытывали значительные трудности из-за недостаточной укомплектованности производства квалифицированными рабочими. В частности, в одной из ведущих отраслей народного хозяйства республики — электроэнергетике — постоянно остро ощущался дефицит кадров. В 1979 г. на электроэнергетических предприятиях

республики не хватало 2,8% машинистов котельных, котлов, турбинных отделений и турбин; 5,8% слесарей по ремонту оборудования электростанций¹⁸. Однако за средними показателями по отрасли скрывался гораздо более серьезный дефицит кадров на строящихся объектах. Например, на предприятиях Южно-Казахстанской, Павлодарской и Алма-Атинской энергосистем не хватало соответственно 28,6%, 20,5% и 20% машинистов котлов и турбин¹⁹. Председатель Госплана Казахской ССР В.А. Гребенюк в докладе на заседании подкомиссии в 1983 г. говорил о невозможности в оставшиеся годы пятилетки вывести на запланированные показатели мощности крупнейший энергетический объект пятилетки в республике — Экибастузскую ГРЭС-1 — из-за отсутствия надлежащего технического и ремонтного персонала (уровень освоения гидроэлектростанции на 1983 г. был менее 60%)²⁰. Минэнерго СССР и Минуглепром СССР, являясь одновременно заказчиками и подрядчиками по строительству жилья, не выполняли своих собственных планов.

Специфика социально-экономического развития республик Средней Азии и Казахстана состояла в необходимости ввода в строй новых объектов индустрии и в одновременном решении проблемы обеспечения производства квалифицированными рабочими кадрами, подготовки рабочих различных производственных специальностей из местной молодежи. На заседаниях подкомиссии депутаты регулярно поднимали вопрос о вовлечении в производственный сектор населения, занятого в личном подсобном хозяйстве. Особенно часто эта тематика звучала при заслушивании докладов представителей Таджикской ССР и Туркменской ССР. По оценкам ЦСУ СССР, которые приводил в своем докладе Председатель Совета министров Таджикистана М.Б. Бабаев в 1986 г., реальный резерв для вовлечения в общественное производство в республике составлял около 300 тыс. человек (при обеспеченности рабочей силой строек в республике в среднем на 78,4%)²¹. В содокладе депутата подкомиссии Ю.Д. Убилавы значилось, что такой же резерв в Туркменистане составлял около 250 тыс. человек²².

В 1981–1985 гг. в республиках Средней Азии показатели, касающиеся объема бытовых услуг на одного человека, были в 1,5 раза ниже среднесоюзных (на одного человека приходилось 22 руб. в год против 34 руб. в целом по стране). Рассказывая депутатам подкомиссии о низком уровне платных услуг населению, Председатель Совета министров Туркменской ССР В.Е. Абрамов констатировал, что материально-техническая база бытового обслуживания республики далеко не соответствует со-

временным требованиям²³. Для исправления положения Абрамов робко выразил надежду на помощь союзных ведомств. «Мы вынуждены *попытаться* (выделено мною. — А.К.) привлечь средства союзных министерств, их предприятий с тем, чтобы повысить уровень материально-технической базы бытового обслуживания и на этой основе увеличить объем бытовых услуг населению»²⁴.

По существу, бесправное положение республиканских управленческих структур воспринимается особенно показательно на фоне сведений из процитированного доклада Абрамова о планируемом увеличении добычи в 1985 г. в Туркменской ССР таких ресурсов общесоюзной значимости, как природный газ и минеральные удобрения. В 1984 г. добыча газа в республике уже составила 80 млрд куб. м, и по этому показателю Туркмения занимала второе место (после Российской Федерации) в СССР. Однако на нужды самой республики Госнаб СССР не спешил выделять оборудование для газификации ее собственной территории. Систематический срыв поставок тормозил реализацию даже весьма скромной программы газификации региона. В докладе Абрамова говорилось, что «схема газификации Туркменской ССР предусматривает обеспечить до 1990 г. 30% сельских населенных пунктов естественным газом, но из-за незначительного количества выделяемых труб... намеченная программа не выполняется»²⁵.

Излишняя централизация механизмов принятия решений и стремление союзных министерств и ведомств осуществлять производственное строительство форсированными темпами вне увязки с развитием социальной сферы вели к непосредственному вмешательству союзных управленческих органов в определение параметров производственной и непроизводственной составляющих программы капитального строительства в республиках.

При обсуждении плана развития Молдавской ССР на 1984 г. Председатель Госплана республики В.Г. Кутыркин приводил факты прямого диктата Министерства строительства СССР в определении соотношения производственного и непроизводственного строительства в Молдавии. Для самостоятельного решения жилищно-гражданских вопросов Министерству строительства Молдавской ССР требовались определенные инвестиции в республиканскую производственную строительную базу со стороны союзного Минстроя. Вместо этого «Минстрой СССР пытается решить проблему... посредством ущемления программы жилищного и социально-культурного строительства, отказа от принятия к сооружению объектов АПК республики»²⁶. Ку-

тыркин отмечал «парадоксальность положения», при котором республиканская строительная программа объектов соцкультбыта должна была до мелочей согласовываться с союзным министерством строительства²⁷. Выступление руководителя Госплана Молдавской ССР поддержал председатель подкомиссии А.М. Калашников. В частности, Калашников выразил недоумение по поводу устойчивого нежелания союзного Минстроя оказывать содействие в развитии и техническом оснащении республиканской строительной базы. Рассмотрение подобных тем в подкомиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик отчасти способствовало более внимательному отношению союзных ведомств к республиканским запросам. Конечно, влияние подкомиссии не следует преувеличивать. Можно говорить о ее воздействии на оптимизацию отдельных управленческих решений в конкретных республиках.

Вполне естественно, что описанные выше варианты союзно-республиканских взаимоотношений подспудно формировали комплекс противоречий, вышедших на поверхность в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Принципиальная, содержательная сторона обсуждения планово-производственных и бюджетных вопросов на заседаниях подкомиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик заключалась в постоянных обращениях республик к центральным структурам для решения вопросов снабжения и производства. Просьбы о дополнительных капитальных вложениях, фондах технического снабжения и невозможность решить из Центра все возникающие проблемы свидетельствовали о наличии принципиальных дефектов в конструкции механизма управления экономикой.

Впрочем, обсуждение планово-бюджетной проблематики на уровне подготовительной комиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик постоянных комиссий палат ВС СССР только отражало существующие недостатки всей управленческой схемы народно-хозяйственным комплексом страны. Суть проблемы, связанной с неготовностью постоянных комиссий ВС СССР не только поднимать на своих заседаниях, но и принципиально решать ключевые вопросы планирования, заключалась в самой специфике функционирования постоянных комиссий палат ВС СССР и их рабочих органов. Рассмотрение различных вопросов на заседаниях подкомиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик происходило в рамках регламентированной процедуры в крайне сжатые сроки, а установившийся порядок обсуждения

не предполагал развернутых дебатов. Скорее обсуждение планово-бюджетных показателей в системе рабочих органов постоянных комиссий напоминало пресловутую ситуацию «выбивания» материальных ресурсов и финансовых средств, свойственную сложившемуся в стране варианту централизованной экономики²⁸. Так, республиканские руководители-хозяйственники использовали заседания подкомиссии по союзным республикам как своего рода «площадку» для озвучивания различного рода претензий к союзным директивным и управленческим органам и для лоббирования республиканских хозяйственных интересов. Всеобъемлющий централизм директивной системы управления экономикой формировал вполне определенные модели отношений республиканских и общесоюзных управленческих структур. Представители республик говорили о хозяйственных проблемах как следствии недостаточного внимания союзных распределительных и управленческих органов к нуждам конкретных республик. Звучали просьбы о выделении дополнительных сырьевых и материальных ресурсов для успешной реализации плановых заданий. Однако принципиальная целесообразность реализации общесоюзных программ с точки зрения внутренних республиканских интересов, масштабы и формы производственной активности союзных ведомств на территории республик в годы X и XI пятилеток никогда не становились предметом обсуждения во время планово-бюджетной процедуры в постоянных комиссиях и их рабочих органах. Как показывает практика рассмотрения различных вопросов в подкомиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик, у представителей союзных республик отсутствовали реальные рычаги воздействия на союзные министерства и ведомства, которые осуществляли хозяйственную деятельность на территории республик.

Собственно, весь процедурный механизм рассмотрения планово-бюджетных вопросов в системе постоянных комиссий союзного Верховного Совета и был ориентирован на устранение отдельных недостатков в проектах государственных планов и бюджетов. Союзным и республиканским хозяйственным органам предлагалось активизировать усилия по оптимизации управленческих решений в рамках директивного механизма управления экономикой.

Сущность всей хозяйственной деятельности состояла в экстенсивной, затратной логике решения различных социально-экономических проблем. Именно поэтому республиканские представители и видели свою главную цель в том, чтобы добиться максимально возможного выделения республике рас-

пределяемых централизованно средств и ресурсов. Следовательно, если задаться вопросом о степени эффективности деятельности подкомиссии по союзным республикам, следует заключить, что важными элементами в этом процессе являлась возможность детального изложения существа социально-экономической ситуации в конкретных союзных республиках в процессе работы подкомиссии. А на основании тщательного, аргументированного изложения содержания конкретных хозяйственных вопросов можно было рассчитывать на большее внимание к нуждам конкретного региона со стороны Центра. Конечно, директивная схема хозяйственного управления, превращавшая руководителей-хозяйственников союзных республик в высокопоставленных снабженцев, не отличалась эффективностью. Гипертрофированная централизация экономики тормозила решение многих насущных хозяйственных вопросов на местах, отрицательно сказывалась на всей системе союзно-республиканских социально-экономических отношений.

В годы XII пятилетки, особенно в последний период деятельности ВС СССР одиннадцатого созыва, центральное место в работе подкомиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик заняли проблемы урегулирования бюджетных отношений Союза ССР и союзных республик.

В докладе председателя Совета министров СССР Н.И. Рыжкова о государственном плане экономического и социального развития СССР на XII пятилетку отличительной чертой концепции плана развития страны было названо «усиление социальной направленности в развитии экономики»²⁹. На фоне накопившихся проблем в социальной сфере усилия государства по активизации мероприятий социальной направленности выглядели вполне логично. 500 млрд руб. — половину всех инвестиций в народное хозяйство — предполагалось направить на развитие социальной сферы³⁰. Тем самым планировалось преодолеть «остаточный» принцип финансирования социального сектора. С превышением плановых значений на этот год пятилетки увеличивалась заработная плата рабочих, служащих и колхозников. Инвестиции на нужды развития науки, образования, здравоохранения, культуры и спорта, а также на государственное социальное обеспечение и социальное страхование возрастали до 143,3 млрд руб. (больше расходов на эти цели в 1986 г. на 11,5 млрд руб.)³¹. Аналогичные показатели на 1988 г. и 1989 г. составили соответственно 153,5 млрд руб. (увеличение по сравнению с предыдущим годом на 9,1%)³² и 163,5 млрд руб. (соответствующее увеличение на 6,5%)³³.

Однако к середине 1980-х годов государственный бюджет страны находился в предкризисном состоянии. В течение долгих лет бюджетные проблемы нарастали из-за тяжелой ситуации в производственном секторе. По данным министра финансов СССР Б.И. Гостева, в 1986 г. не справлялись с планом прибыли более 30% предприятий Минтяжмаша СССР, каждое четвертое предприятие Минхиммаша СССР, Минуглепрома СССР, Минстанкопрома СССР, Минстройматериалов СССР, каждое пятое — Минэлектротехпрома СССР и Минавтопрома СССР. В Министерстве легкой промышленности СССР насчитывалось 41,3% таких предприятий³⁴. «В промышленности в настоящее время 13% убыточных предприятий с 5 млрд руб. убытков ежегодно, в строительстве — 20% с суммой убытков более 2 млрд руб.»³⁵.

Кроме факторов долговременного характера, на усугубление сложной ситуации в финансовой сфере во второй половине 1980-х годов повлияли и иные обстоятельства: административные, волевые методы проведения антиалкогольной кампании, резкое сокращение валютных поступлений из-за изменения конъюнктуры цены на нефть в 1985–1986 гг., авария на Чернобыльской АЭС.

Вступление в действие с 1 января 1988 г. Закона «О государственном предприятии (объединении)» означало еще один удар по всей системе поступлений доходов в бюджет. 19 сентября 1988 г. председатель Планово-бюджетной комиссии Совета Национальностей ВС СССР Н.И. Масленников на совещании по планово-бюджетным вопросам обрисовал ситуацию с исполнением бюджетных показателей. Если по доходным статьям ожидалось недовыполнение плана 1988 г. 96,3%, то расходы составили 102,5%. Говоря о перспективах увеличения поступлений в казну по двум важнейшим статьям — налогу с оборота и отчислениям из прибыли, — Масленников так прокомментировал ситуацию: «Предварительная проработка показала, что первый источник — налог с оборота — еще существует, то есть можно договориться с министерствами об увеличении объема производства товаров. Что касается второго источника — отчислений от прибыли в бюджет, то теперь все это находится на уровне предприятий... Здесь, вероятно, мы влияния соответствующего оказать не можем»³⁶. Таким образом, накануне осуществления широкомасштабной социальной программы вектор проведения преобразований угрожающе расходился с сократившимися финансовыми возможностями государства.

Падение платежей в бюджет напрямую отражалось на динамике союзно-республиканских отношений. Первый заместитель министра финансов СССР В.Г. Пансков сообщал депутатам подкомиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик в 1988 г., что в результате увеличения доли прибыли, оставляемой в распоряжении предприятий и объединений в связи с их переходом на полный хозрасчет и самофинансирование, уменьшение поступлений по этому источнику в бюджеты союзных республик за 9 месяцев 1988 г. было ниже запланированного на 5,2%³⁷. В том же году Советы министров Азербайджанской ССР, Армянской ССР, Грузинской ССР, Казахской ССР, Узбекской ССР, Украинской ССР просили союзное правительство об установлении им плановой денежной эмиссии на 1989 г. Предложение было отклонено Советом министров СССР³⁸. Этот момент весьма показателен: дестабилизация финансовой системы оказывала существенное влияние на расстановку акцентов в союзно-республиканских отношениях. Бюджетные затруднения побуждали союзные республики выступать с предложениями, объективно расшатывающими основы единого общесоюзного хозяйства.

В годы XII пятилетки в связи с усилением социальной направленности планов существенно возросли расходы на финансирование социально-культурных мероприятий непосредственно в бюджетах союзных республиках. При этом расходные статьи республиканских бюджетов на указанные нужды постоянно превышались. При характеристике государственных бюджетов союзных республик на 1989 г. в подкомиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик В.Г. Пансков отмечал увеличение общих расходов на финансирование социально-культурного блока за четыре года XII пятилетки на 40%, что в 1,8 раза превышало задания пятилетнего плана³⁹. Такие масштабные расходы не коррелировали с объемом финансовых поступлений.

На 1988 г. из-за ограниченных возможностей союзного бюджета по сбалансированию доходов союзных республик Министерство финансов «в качестве вынужденной меры» предусмотрело республикам задание «дополнительно изыскать в 1988 г. в процессе исполнения плана и бюджета 6,3 млрд руб.»⁴⁰. То, что в 1987 г. было названо «вынужденной мерой», в следующем, 1988 г. явилось констатацией полномасштабного финансового кризиса. Дефицит бюджета на 1989 г. составил 36,3 млрд руб. — 7,3% к объему бюджета⁴¹ (ранее весь бюджетный дефицит был сосредоточен в союзном бюджете, поэтому, в отличие от госу-

дарственного бюджета страны в целом, бюджеты союзных республик исполнялись в 1988 г. по доходам на 100,5%, а по расходам — на 99,7%⁴²).

В выступлении Б.И. Гостева о Государственном бюджете СССР на 1989 г. на пленарном заседании Планово-бюджетных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей ВС СССР говорилось, что «в целях повышения ответственности союзных республик за финансовое оздоровление народного хозяйства *в их бюджетах* (выделено мною. — А.К.) на 1989 г. предусматривалась мобилизация финансовых ресурсов в размере более 11 млрд руб.⁴³ для равномерного покрытия недостатков финансовых ресурсов по всем звеньям бюджетной системы»⁴⁴. В заключительном слове министр финансов страны прямо говорил о «перекладывании» части бюджетного дефицита на союзные республики⁴⁵.

Нарастающий финансовый кризис весьма ярко отразился на содержательной стороне обсуждения планово-бюджетных вопросов в подкомиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик в 1987–1988 гг.

Представители дотационных республик Средней Азии и Казахстана заостряли внимание на принципиальных сторонах сложившегося положения, при котором общественное производство в этих республиках имело главным образом сырьевую направленность, и произведенное сырье в основном вывозилось за пределы республик и не участвовало в создании национального дохода. Представители Узбекской ССР, Казахской ССР и Киргизской ССР предлагали серьезнейшим образом рассмотреть методологические вопросы по определению вклада каждой республики в единый народно-хозяйственный комплекс, включая методику исчисления величины национального дохода. Это были крайне важные темы с учетом планировавшегося перехода народно-хозяйственных комплексов союзных республик на хозрасчет и самофинансирование.

Особенно активно эти вопросы в подкомиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик ставили представители Узбекской ССР. В Узбекистане перерабатывалось на месте около 10% производимого хлопковолокна, 90% вывозилось за пределы республики, где на этой сырьевой основе создавались условия для формирования дополнительной величины национального дохода. Остающегося в республике хлопковолокна не хватало на выработку необходимого количества потребительской продукции и получения бюджетных поступлений от ее реализации. В свою очередь, стоимость продук-

ции, произведенной союзными предприятиями на территории Узбекистана, практически не участвовала в формировании национального дохода⁴⁶.

Для сбалансирования бюджета республиканские представители предлагали различные варианты уменьшения бюджетного дефицита своих республик. В 1987 г. Совет министров Узбекистана просил союзные органы об установлении оптовой цены на хлопок-волокно, включающей налог с оборота, для увеличения доходов республиканского бюджета⁴⁷. Министр финансов Киргизской ССР говорил на заседании подкомиссии в 1988 г. «о необходимости включения в стоимость сырья, отправляемого в другие регионы для переработки, для изъятия в бюджет республики части чистого дохода, занимающего значительную долю конечной продукции»⁴⁸. Причины дотационности бюджета своей республики министр финансов Казахской ССР связывал с долговременными преимущественными капиталовложениями в энергетику и цветную металлургию при слабом внимании к высокорентабельной легкой индустрии⁴⁹. Удельный вес добывающих отраслей промышленности Казахстана превышал среднесоюзный показатель в 1,7 раза⁵⁰. Для устранения перекоса в структуре республиканской экономики требовалось развивать отрасли, обеспечивающие производство конечной продукции и товаров народного потребления, т. е. легкую, обрабатывающую и перерабатывающую промышленность⁵¹. В выступлении Председателя Госплана Казахской ССР говорилось, что «без квалифицированного рассмотрения и решения... важных методологических вопросов задачи перехода республики на хозрасчет могут остаться только пожеланием»⁵².

Предписание союзного Минфина о покрытии части бюджетного дефицита в 1989 г. за счет республиканских доходов встретило весьма прохладную реакцию со стороны республиканских руководителей. Суммы дополнительных поступлений в бюджеты союзных республик были завышены и на 1988 г., и на 1989 г. Все без исключения представители союзных республик заявляли на заседаниях подкомиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик о невозможности выполнить задания по изысканию дополнительных финансовых средств в установленном объеме. И все же интересно сравнить мотивировки о невозможности исполнить дополнительные задания.

Из выступления министра финансов Российской Федерации А.А. Бобровникова следовало, что поступления в республиканский бюджет в 1988 г. ожидалось с дефицитом в 845 млн руб. Для покрытия 11,2 млрд руб. дефицита союзного бюджета от

Российской Федерации планировалось получить 6,4 млрд руб. Это предполагало перевыполнение государственного бюджета республики, установленного на 1989 г. в объеме 126,6 млрд руб., на 12–13%, что было совершенно нереально. Совет министров РСФСР поставил этот вопрос в ходе работы подкомиссии и просил союзное правительство обеспечить реальными источниками доходов республиканский бюджет⁵³.

Министр финансов Украинской ССР сообщал о планируемом дефиците республиканского бюджета на 1989 г.: превышение расходов над доходами ожидалось в сумме 1,6 млрд руб. Участие в компенсации союзного дефицита «не представлялось возможным»⁵⁴.

В преддверии территориального хозрасчета руководители финансовых ведомств прибалтийских республик резко негативно отзывались о планах привлечения республиканских ресурсов для решения общесоюзных проблем. «В условиях проведения эксперимента по отработке механизма формирования государственного бюджета Латвийской ССР на основе самофинансирования» министр финансов республики требовал совершенно исключить дополнительный взнос республики в размере 163 млн руб. на покрытие общегосударственного дефицита⁵⁵ (государственный бюджет республики был выполнен по доходам в 1988 г. на 104,2%)⁵⁶.

Министр финансов Литовской ССР обосновывал нереальность изыскания дополнительной суммы в размере 200 млн руб. ежегодными сверхплановыми поступлениями в бюджет республики не более 30 млн руб.⁵⁷ Но здесь важны прозвучавшие в выступлении акценты. Требование снятия «ничем не обоснованного взноса»⁵⁸ объяснялось в первую очередь тем, что задание союзного Минфина находилось в противоречии с движением экономики республики в сторону регионализации.

Проводя ту же линию, что и министры Латвийской ССР и Литовской ССР, эстонские представители объясняли нецелесообразность привлечения республиканских средств для покрытия дефицита союзного бюджета подготовкой Эстонии к переходу на территориальный хозрасчет⁵⁹.

* * *

Практика планово-бюджетного обсуждения вопросов социально-экономического развития союзных республик в ВС СССР позволяет сделать ряд обобщений.

В целом процедура обсуждения вопросов социально-экономического развития союзных республик давала возможность

республиканским представителям более рельефно обозначить ключевые региональные проблемы, которые в наибольшей степени нуждались во внимании со стороны центральных органов управления. Но решение этих проблем часто было малоэффективным из-за экстенсивной модели развития как общесоюзной экономики, так и ее республиканских частей.

В годы XII пятилетки, особенно в 1987–1988 гг., в выступлениях представителей планирующих и финансовых органов союзных республик в подкомиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик отразилась известная фрагментация хозяйственной жизни в стране. Изменилась общая логика развития союзных республик в рамках пока еще единого народно-хозяйственного комплекса страны. На смену единообразию и унификации в развитии экономики на первое место выдвинулись республиканские приоритеты. Эти приоритеты для разных союзных республик выглядели весьма различно. На фоне нарастающих признаков системного экономического кризиса⁶⁰ понимание путей и способов решения социально-экономических проблем не отличалось единообразием. Например, среднеазиатские республики стремились оптимизировать свое присутствие в Союзе ССР при помощи актуализации чисто хозяйственных проблем. Прибалтийские союзные республики решение экономических трудностей видели, в первую очередь, в известном обособлении от единой народно-хозяйственной системы Союза ССР.

Во второй половине 80-х годов в выступлениях республиканских представителей в ходе планово-бюджетной процедуры получили отражение наиболее острые темы союзно-республиканских отношений. В таких условиях рекомендации постоянных комиссий должны были приобрести новое качество, стать документами, содержащими конкретные варианты совершенствования социально-экономической федеративной политики. Поиск диапазона таких вариантов был особенно актуален, поскольку социально-экономическая обстановка в стране стремительно ухудшалась, и на этом фоне происходила если не дезинтеграция, то регионализация союзной экономики. Однако в течение многих десятилетий союзный Верховный Совет и его органы были устранены от реального обсуждения проводимого социально-экономического курса. Поэтому проявления системного экономического кризиса конца 1980-х гг. было трудно минимизировать при помощи конституционных структур Верхов-

ного Совета Союза ССР. Оказалось невозможным эффективно использовать систему постоянных комиссий для сглаживания союзно-республиканских противоречий на ранней стадии экономического кризиса, до появления политического фактора. Это обстоятельство стало одной из важных причин крайне трудного поиска продуманных вариантов реформирования общесоюзной экономики во второй половине 1980-х гг., не позволило в рамках системы органов ВС СССР организовать диалог между субъектами федерации по выработке конструктивных решений трудных социально-экономических проблем.

Примечания

¹ См.: Лазарев Л.В., Слива А.Я. Конституционная реформа — первый этап // Советское государство и право. 1989. № 3.

² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 7523. Оп. 145. Д. 482. Л. 233.

³ Некрасов Н.Н. Региональная экономика: теория, проблемы, методы. М., 1978. С. 75; Осминин В.А. Планирование в республике: теория, методология, практика. Ташкент, 1979. С. 40.

⁴ Российская Федерация в общесоюзной экономике (межотраслевой анализ) / Под. ред. А.Г. Гранберга. Новосибирск, 1981. С. 6.

⁵ Осминин В.А. Указ. соч. С. 84.

⁶ Методические указания к разработке государственных планов экономического и социального развития СССР. Утверждены постановлением Госплана СССР от 31 марта 1980 г. М., 1980.

⁷ Там же. С. 464.

⁸ Андриченко Л.В. Взаимоотношения высших органов государственной власти союзных республик с органами государственного управления Союза ССР (1922—1988 гг.): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1990. Л. 145.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 148. См. также: Бартускявичюс А.А. Деятельность Совета Министров союзной республики по планированию ее комплексного экономического развития (по материалам Литовской ССР): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1981. Л. 158—159.

¹¹ Новиков В.Ф., Манюшис А.Ю. Территориальное управление: проблемы и пути перестройки. М., 1989. С. 110.

¹² См.: Российская Федерация... С. 13; Новиков В.Ф., Манюшис А.Ю. Указ. соч. С. 111—113.

¹³ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 136. Д. 1610. Л. 35.

¹⁴ Там же. Л. 89—90.

¹⁵ Там же. Д. 270. Л. 77.

¹⁶ Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 367.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 136. Д. 1646. Л. 236.

¹⁸ Полторацкий А.П. Пути повышения эффективности подготовки квалифицированных рабочих кадров электроэнергетики Казахстана // Социально-экономические проблемы развития общественного производства Казахстана: Сб. науч. трудов. Алма-Ата, 1981. С. 85.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 136. Д. 1685. Л. 229–230.

²¹ Там же. Оп. 145. Д. 349. Л. 65.

²² Там же. Л. 107.

²³ Там же. Д. 271. Л. 163.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 160.

²⁶ Там же. Оп. 136. Д. 1686. Л. 12–14.

²⁷ Там же. Л. 14.

²⁸ Экономисты описывают это явление директивной экономики, определяя его как «феномен бюрократического рынка» (См., напр.: Улюкаев А.В. В ожидании кризиса. Ход и противоречия экономических реформ в России. М., 1999. С. 12–13).

²⁹ Пятая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв). Стеногр. отчет. М., 1986. С. 17.

³⁰ Там же.

³¹ Шестая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв). Стеногр. отчет. М., 1981. С. 37.

³² Восьмая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв). Стеногр. отчет. М., 1987. С. 38.

³³ Одиннадцатая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв). Стеногр. отчет. М., 1988. С. 45.

³⁴ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 145. Д. 392. Л. 45.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Д. 456. Л. 6.

³⁷ Там же. Д. 479. Л. 47–48.

³⁸ Там же. Л. 19.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Оп. 145. Д. 429. Л. 101.

⁴¹ Одиннадцатая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв). С. 40.

⁴² ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 145. Д. 482. Л. 50.

⁴³ Точнее — 11,2 млрд руб. (См.: Одиннадцатая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв). С. 53).

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 145. Д. 482. Л. 65.

⁴⁵ Там же. Д. 483. Л. 128.

⁴⁶ Там же. Д. 429. Л. 173.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Д. 130. Л. 18.

⁴⁹ Там же. Д. 429. Л. 191.

⁵⁰ На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе / Под общ. ред. В.В. Журавлева. М., 1990. С. 358.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 145. Д. 429. Л. 184.

⁵² Там же. Д. 479. Л. 152.

⁵³ Там же. Л. 84.

⁵⁴ Там же. Л. 112.

⁵⁵ Там же. Д. 480. Л. 16.

⁵⁶ Там же. Л. 14.

⁵⁷ Там же. Д. 479. Л. 253.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Л. 51.

⁶⁰ В предложениях подкомиссии по экономическому и социальному развитию союзных республик по Государственному плану экономического и социального развития СССР на 1989 г. по разделу «Экономическое и социальное развитие союзных республик» констатировалось, что «не выходят на задания пятилетнего плана» по темпам прироста национального продукта РСФСР, Узбекская ССР, Казахская ССР и Грузинская ССР, по темпам роста промышленного производства — РСФСР, Казахская ССР и Грузинская ССР, по темпам роста продукции сельского хозяйства — Узбекская ССР, Грузинская ССР, Азербайджанская ССР, по темпам роста производительности труда — РСФСР, Казахская ССР, Грузинская ССР, Азербайджанская ССР (ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 145. Д. 479. Л. 193). Среднегодовой прирост ВВП в целом по стране упал в XII пятилетке до 2,4% по сравнению с 3,7% в 1981–1985 гг., прирост промышленной продукции составлял в 1986–1989 гг. 2,5% в год по сравнению с 3,6% в предшествующей пятилетке, прирост производительности труда — соответственно 1,5% вместо 2,7% (Очерки экономических реформ / Отв. ред. Ю.Ф. Воробьев. М., 1993. С. 242).

Экономическое развитие
в конце XX – начале XXI в.

Предпосылки формирования международного офшорного бизнеса и этапы его развития

Современная экономическая наука понимает под *офшорным бизнесом* комплекс явлений экономической жизни, который включает, с одной стороны, сложную, многоуровневую предпринимательскую деятельность, осуществляемую зарегистрированными в офшорных центрах офшорными по своему статусу компаниями и банками вне границ страны регистрации, имеющую преимущественно зарубежные источники доходов (для налоговых гаваней это условие не соблюдается, но для подавляющего большинства офшорных юрисдикций оно действительно) и не подлежащую налогообложению в стране регистрации (то бишь в офшорном центре), а с другой, все виды услуг по обеспечению функционирования офшорных компаний и банков (регистрация, ведение отчетности, обслуживание счетов, взаимодействие с официальными органами офшорного центра и пр., включая продажу готовых, так называемых полочных офшорных компаний) и консультационную деятельность фирм (преимущественно юридических) по ведению дел с использованием офшорных центров.

Феномен офшорного бизнеса появился как ответная экономическая реакция на налогообложение. Согласно Чарльзу Адамсу, известному историку налогов и налогообложения, «налоги оказывают гораздо большее влияние на ход развития цивилизации, чем считалось ранее». Когда появился офшорный бизнес, в какую историческую эпоху — вопрос, с одной стороны простой, ибо ответ на него, как кажется, лежит на поверхности, но с другой стороны, совершенно не очевидный. То, что мы сегодня вкладываем в понятие офшорного бизнеса, т. е. в его современном понимании, офшорный бизнес — детище эпохи

* Матусевич Александр Петрович — кандидат экономических наук (МГИМО (У) МИД России).

глобализации, он появился и стал активно развиваться с конца XIX — начала XX в., когда мировое хозяйство обрело реальное единство, постепенно превращаясь в интегрированный комплекс многоуровневых экономических взаимосвязей. Однако если, как мы определились только что, рассматривать офшорный бизнес как прямую и непосредственную, т. е., иными словами, самую простую и естественную реакцию на налоги, то его истоки можно усматривать в разных исторических эпохах, в лице разных экономических феноменов и институтов, которые были призваны в разное время способствовать большей свободе предпринимательства.

Описывая экономические системы древнего мира, в том числе и полисную систему античной Греции, Ч. Адамс приходит к выводу, что именно налоги приводили к упадку цивилизаций, к бунтам и войнам. По Адамсу, история цивилизации — это история налогообложения. Для исследователя, всю жизнь занимающегося какой-то одной темой, такая абсолютизация ее предмета весьма простительна. Но если мы отбросим иронию и скепсис и попробуем посмотреть на проблему в том числе и глазами Адамса, то можем видеть, что его точка зрения вполне имеет право на существование. А раз история цивилизации — это хотя бы в какой-то мере история налогообложения, то, с другой стороны, она же — и история противодействия налогам, стремления избежать их тягот, а, значит, тут мы вплотную подходим к проблематике офшорного бизнеса в исторической ретроспективе.

Адамс приводит такие любопытные примеры. Вновь обращаясь к истории античной Греции, он пишет, что на протяжении многих веков остров Родос был центром региональной торговли не только бассейна Эгейского моря, но и всего Восточного Средиземноморья. Однако после того как было решено ввести 2-процентный налог на портовую торговлю, Родос за очень короткое время потерял 85% своего торгового оборота. Этому в большой степени способствовало и то, что примерно в это же время появляется другой порт свободной торговли в регионе — на острове Делос — прямой конкурент Родоса. Подобные процессы происходили и на других островах Эгейского моря, а также в материковой Греции. Когда древние Афины ввели 2-процентный внешнеторговый налог (и на экспорт, и на импорт), то греческие и финикийские купцы объезжали этот известнейший мегаполис античности за двадцать миль, чтобы из-

бежать уплаты этих сборов. Вскоре небольшие соседние острова стали убежищами для беспошлинной и безналоговой торговли и места накопления товаров для контрабандного ввоза товаров в Афины без уплаты налогов¹.

Но античная Греция, и античные Афины, имели одно, но крайне существенное отличие, не позволяющее относить их к прямым предтечам современного офшорного бизнеса. В классических Афинах в первую очередь приезжие иностранцы облагались прямыми налогами. Иностранцев называли метиками, ежемесячно они платили подушный налог *metoikion* размером в одну драхму. Метиком называли того, у кого ни отец, ни мать не являлись гражданами Афин. Таким образом, налоговое освобождение было гарантировано только для жителей Афин и их детей. Статус афинянина не только освобождал от налогов, но и давал право владеть землей, которая также не облагалась налогами. Если метика ловили на неуплате налогов, его имущество или земля отнимались в пользу полиса. Таким образом, Афины по сути являлись «офшором наизнанку», где все выгоды и преимущества безналоговой гавани распространялись на граждан полиса, а вовсе не на иностранцев.

Этот пример говорит о том, как аккуратно надо пользоваться историческими аналогиями. По существу, античный пример говорит нам о практике свободного, не отягощенного налогообложением предпринимательства, и в этом смысле он как будто очень близок современным зонам льготного налогообложения (офшорам). Но в то же время это пример свободного предпринимательства, базирующегося на иных принципах, нежели офшорный бизнес. Рассматривая в дальнейшем и прочие исторические примеры, мы должны помнить об этом.

Вообще практика выделения (обособления) отдельных территорий — целых стран или административно-территориальных единиц государств — с целью создания там особых условий хозяйствования с точки зрения правовых процедур и налогообложения весьма не нова, имеет давнюю историю. Практически на протяжении всей истории человеческой цивилизации можно найти примеры создания автономных образований, пользующихся теми или иными льготами по сравнению с остальной частью государства. В древности это, например, финикийские, а позже греческие колонии по всему бассейну Средиземного моря, которые являлись, по сути, зонами-вкраплениями свободного бизнеса на территориях варварских царств и племенных

союзов, окружавших ойкумену. Также к зонам свободного предпринимательства можно отнести портовые города — спутники крупных метрополий, такие как Пирей у Афин или Остия у Рима, пользовавшиеся не только особыми политическими правами (например, дарование жителям Остии римского гражданства намного ранее, чем прочим италийским городам, и т. п.), но и специальным торгово-экономическим режимом. Уже упоминавшийся остров Делос — столица первого морского союза греческих городов-государств — также представлял собой крупный центр региональной торговли, чья привлекательность была обусловлена именно льготным режимом предпринимательства.

В эпоху Средневековья это вольные города Священной Римской империи в Германии и Италии, превратившиеся впоследствии в могущественные города-государства — Венеция, Генуя, города Ганзейского союза, а также менее значимые Ливорно, Триест, итало-швейцарский городок Кампионе, чей особый статус восходит к 787 г. н. э., и пр. Вне Германской империи мы можем видеть примеры особых территорий на адриатическом побережье: это приморские республики Далмации, такие как Сплит, Шибеник, Задар, Дубровник (Рагуза). Как правило, характер деятельности большинства населения этих территорий, его преимущественное вовлечение в торговые операции создавали необходимые предпосылки для того, чтобы власть даровала им определенные привилегии, в выгоде оставались все: и население этих территорий, богатевшее за счет увеличения торговых оборотов и притока капиталов, и государство, собиравшее более ощутимые суммы в виде налогов с этих продвинутых в экономическом отношении регионов.

Для всех упомянутых здесь примеров характерно то, что льготы по внешнеторговым пошлинам и различным налогам так же, как и в древних Афинах, касались прежде всего резидентов и редко, почти никогда не распространялись на иностранных предпринимателей. Тем самым данные зоны, как бы многообразны они ни были, вряд ли можно отнести к предтечам офшорного бизнеса, но рассматривать лишь как определенный этап, форму на пути развития свободного предпринимательства.

Более приближенными к идее офшора представляются средневековые ярмарки, появившиеся в XII в. и занявшие прочное место в европейской торговле к XV в. Именно на этих временно формируемых рынках особый льготный статус в вопросах беспошлинности и освобождения от налогов стал впервые

практиковаться в отношении иностранных купцов. Поэтому именно ярмарки с определенной долей уверенности можно относить к прообразам офшорных центров, хотя они и были лишены главных свойств офшоров — постоянства существования и обеспечения конфиденциальности в отношении ведения дел предпринимателями².

Еще аналог офшорам, именно в плане преференциальных условий для нерезидентов, можно увидеть там, где, казалось бы, рыночные, раннекапиталистические отношения имели наименее благоприятную почву для своего развития. На территории поздней Византийской империи (период Палеологов, 1261—1453 гг.) статусом особых территорий, почти не контролируемых центральным правительством, с колоссальными, порою просто анекдотичными по степени либеральности, независимости от палеологовского двора льготами, пользовались все генуэзские фактории, наиболее яркий пример из которых — это Галата в самом Константинополе.

В конце Средних веков, с развитием капиталистических отношений в целом и капиталистической торговли в частности подобная практика приобрела новое звучание. Торговым компаниям, по крайней мере крупнейшим из них, пользовавшимся существенными привилегиями (Ост-Индской, Вест-Индской и пр.), государством предоставлялось право на определенной территории — торговые и консигнационные склады, зоны портовых городов — хранить и даже реализовывать товары *беспошлинно при условии уплаты фиксированного сбора*. Позднее в этих зонах появились и другие учреждения, обеспечивающие осуществление всего комплекса торговых операций, — банки, страховые компании и т. п. Началось формирование инфраструктуры ранних форм свободного предпринимательства. Здесь следует упомянуть зоны свободной торговли, ставшие известными еще с XVI в., — Гибралтар, остров Мэн и пр.

Положение таких территориальных образований поначалу было весьма неустойчивым и менялось в зависимости от вкусов и политических воззрений правящей элиты: с приходом к власти нового монарха или нового правительства привилегии пересматривались, что не способствовало стабильности в целом и не гарантировало безопасность бизнеса в отношении произвола как центральных властей, так и отдельных чиновников на местах. Таким образом, одно из условий существо-

вания и успешного развития свободного бизнеса — правовая определенность — отсутствовало.

Ситуация начала меняться уже в эпоху Нового времени и прежде всего на просторах Британской империи. Постепенно в значительной степени обособившиеся от метрополии территории — доминионы и некоторые колонии (разумеется, с позволения английской короны) — устанавливали у себя собственные, более льготные режимы ведения предпринимательской деятельности, нежели существовавшие в Англии. В странах континентальной Европы также появились такие «налоговые оазисы», как Люксембург, Лихтенштейн и др. Именно эти зоны уже можно определенно считать *предофшорами*, так как именно здесь впервые после средневековых ярмарок льготному налогообложению стали подвергаться нерезиденты. Такая политика, несомненно, способствовала притоку капиталов и увеличению предпринимательской активности в целом. XX в. привнес в эти процессы новую динамику.

Итак, стремление к предоставлению преференциальных режимов в целях интенсификации экономического развития стран и отдельных регионов наблюдалось в разные эпохи. Но именно в XX в. сформировались основные характерные черты офшорного бизнеса, тогда же произошел качественный скачок в его развитии, бурный рост особенно в послевоенные годы, что в основном было вызвано такими причинами, как:

- интенсификация процессов интернационализации в экономическом развитии планеты и глобализационные тенденции;
- усиление роли ТНК и ТНБ как следствие предыдущего;
- усиление роли государства в регулировании экономики;
- распад мировой колониальной системы;
- научно-технический прогресс.

В тесной связке с процессами интернационализации и глобализации хозяйственного развития планеты в формировании и развитии офшорного сектора мировой экономики существенную роль сыграли ТНК. Значение ТНК для процессов глобализации и интернационализации переоценить сложно. Формирование поистине империй ТНК в сопряжении с частичным перемещением экономической деятельности в страны третьего мира, так называемой «мировой периферии», повлекло за собой колоссальный рост масштабов финансовой инфраструктуры, призванной обслуживать гигантские денежные потоки в различных формах (инвестиции, товары, услуги и пр.). В целом роль

ТНК как в формировании современных МЭО, современного экономического облика планеты, так и в структурном оформлении офшорного бизнеса весьма велика. Ведь первоначально именно только таким мощным структурам было под силу координирование ведения бизнеса в общемировом масштабе. Именно ТНК были заинтересованы в создании сложных цепочек производственного цикла, сложных финансовых схем, позволяющих манипулировать внутрифирменными, трансфертными потоками капиталов с включением в них в целях налогового планирования офшорных зон и налоговых гаваней. Если принять во внимание, что в связи с деятельностью ТНК в настоящее время, по некоторым оценкам, около 40% мирового потока товаров и услуг носит внутрифирменный характер, следует констатировать, что офшорный бизнес имеет под собой солидный экономический фундамент³.

Офшорные структуры тесно связаны между собой бизнес-процессами. Поэтому организация экономических процессов в них базируется на системе трансфертного ценообразования. В офшорном бизнесе причины выделения трансфертных цен, а также установления их размеров кроются в использовании национальных различий в налогообложении, таможенных тарифах, курсах валют, темпах инфляции. О бизнес-структурах, в состав которых входят офшорные компании, так же как и о ТНК, можно сказать, что и в их пределах осуществляется циркуляция товаров, финансовых ресурсов, патентов, ноу-хау и других стратегических ресурсов. Это открывает беспрецедентные возможности для маневрирования в издержках на сырье, энергию, оплату труда с учетом специфики местных налогов, тарифов и т. п. и выбора оптимальных комбинаций этих слагаемых предпринимательского успеха. Минимизация издержек производства и обращения и максимизация прибыли позволяют ТНК и офшорным структурам расширить географическое поле их деятельности.

Теснейшим образом с углублением международного разделения труда и возрастанием роли ТНК связана и следующая причина бурного развития офшорного бизнеса в послевоенное время — усиление роли государства в регулировании экономики. Весьма популярные после войны кейнсианские методы управления народным хозяйством предполагали среди прочего и более жесткое государственное регулирование деятельности компаний. Такое положение вещей вовсе не устраивало ни

собственников, ни менеджеров крупнейших американских и западноевропейских корпораций, следствием чего стал все набиравший обороты отток капиталов из развитых стран и их перемещение в страны, предоставляющие как налоговые льготы, так и большую конфиденциальность в ведении бизнеса. Огромные налоги на прибыль корпораций в послевоенное время (до 80–90%) заставляли американцев и европейцев укрывать капиталы в далеких колониях. Здесь необходимо подчеркнуть, что инициаторами этого процесса первоначально стали вовсе не какие-то отдельные недобросовестные предприниматели, стремящиеся уйти от налогов, или преступные группировки, заинтересованные в отмывании денег, нажитых на торговле оружием, наркотиками или в результате иной противозаконной деятельности, а именно крупные и известные транснациональные гиганты.

Примечательным является тот факт, что с изменением в 70–80-е гг. XX в. экономических стратегий ведущих западных стран значение офшорных центров стало еще более стремительно возрастать. Переход в этот период к монетаристским методам в регулировании экономик развитых стран, сопровождавшийся жесткими антиинфляционными мерами, предпринятыми Федеральной резервной системой США и центральными банками других ведущих развитых стран, повлек за собой ужесточение требований со стороны государства к банковской деятельности в целом, к большей прозрачности финансовых операций: существенно увеличиваются нормы обязательных депозитов в центральных банках, больше внимания уделяется характеру финансируемых сделок и т. п. И в этой связи уже транснациональные банки предприняли ряд мер, позволяющих им ограничить возможности государства по контролю над их деятельностью, хотя, конечно, роль офшоров в налоговом планировании несколько не уменьшается, напротив, из-за этих ужесточений крупные американские ТНК для финансирования своих операций начали открывать собственные банки-филиалы за пределами США — сначала в Швейцарии, а затем в других офшорных зонах.

Такое развитие событий обусловлено не только и не столько приспособляемостью хозяйствующих субъектов к изменениям в экономической политике государства, а, прежде всего, является свидетельством углубления существовавшего во все времена сущностного противоречия между целями государства как общественного института и целями бизнеса в лице и отдельных предпринимателей, и корпораций. Целями государства, как

правило, провозглашались такие ценности, как служение общественному благу, социальный прогресс, защита национальных интересов и т. п. Ни в коей мере не умаляя значения государства как важной системообразующей структуры в жизни общества, его своеобразной несущей конструкции, необходимо все же отметить, что провозглашаемые благие цели зачастую оказывались всего лишь удобной ширмой, за которой правящие элиты использовали государственный аппарат (чаще всего именно как машину насилия) в своих узкокорпоративных, корыстных целях. Это, конечно, вовсе не означает, что граждане государства должны стремиться к разрушению государства как априори несправедливой системы: здесь, скорее, речь может идти о потенциальной возможности для граждан привести к власти более ответственное и действующее в интересах большинства правительство. Если же брать за основу идеальную конструкцию, то для осуществления своих декларируемых целей во благо всего общества государству нередко приходится ущемлять интересы отдельных его граждан. В частности, для финансирования своих проектов государство посредством налогообложения доходов корпораций изымает часть прибыли предпринимателей. Со своей стороны предприниматели стремятся по возможности сократить эти потери. Следствием этого становятся обвинения в адрес предпринимателей, стремящихся минимизировать налоговые выплаты, в нанесении ущерба общественному благосостоянию. Бизнесмены же в свою очередь справедливо указывают на зачастую не надлежащее использование правящей элитой собранных средств. Разрешение данного противоречия — если таковое вообще возможно — дело будущего, пока же практика показывает, что противоречие это все больше и больше углубляется, следствием чего становится ужесточение репрессивных мер в экономике со стороны государства и изобретение бизнесом все более изощренных схем налогового планирования с целью минимизации своих потерь.

Выход в 1950–1960-е гг. на международную арену большого количества новых независимых государств, бывших колоний, во многих случаях не обеспеченных в достаточной мере необходимыми для самостоятельного успешного развития ресурсами, явился еще одной причиной развития офшорного бизнеса. Многие из малых островных государств и территорий в колониальную эпоху существовали за счет дотаций метрополий, в частности это касается большого количества британских колоний,

разбросанных по всему миру. Ситуация начала меняться сразу после Второй мировой войны, когда британское правительство в силу экономических причин послевоенного восстановительного периода сократило дотационную поддержку далеким и малорентабельным колониям. Им был взят курс, частично имевший место еще и до Второй мировой войны, на предоставление большей самостоятельности многим отдаленным колониям, и прежде всего в экономической сфере: рекомендовалось развивать новые методы привлечения инвестиций и использовать новые источники финансовых поступлений. И если в довоенный и военный периоды британским колониям все же оказывалась пусть хоть и скудная, но ощутимая для их маломощных экономик помощь из королевской казны, то, условно говоря, после 1950 г. многие вновь обретшие независимость малые государства оказались один на один с множеством, казалось бы, на первый взгляд, неразрешимых экономических проблем.

Выход в послевоенное время на мировую арену большого числа новых независимых государств Азии, Африки и Латинской Америки, безусловно, стимулировал развитие офшорного бизнеса. Многие из них, в особенности малые по территории, населению и своему экономическому потенциалу, в силу объективных и субъективных обстоятельств не располагали в то время достаточными экономическими возможностями, чтобы самостоятельно выходить на мировые рынки в качестве конкурентов других государств, и в первую очередь промышленно развитых. Главным образом это касалось малых государств, не обладавших в достаточной степени природными богатствами, расположенными вдали от центров мировой торговли и мировых финансов.

Для многих выход из создавшейся ситуации был найден именно в формировании офшорных центров. Практически малые государства получали возможность, образно говоря, «делать деньги из воздуха», поскольку на формирование офшорного центра отвлекался минимум ресурсов, более того, это стало способствовать созданию новых рабочих мест. На сегодняшний день офшорный бизнес для многих малых островных государств стал одним из структурообразующих элементов экономики, поскольку темпы роста в этом секторе закладываются в бюджет этих государств на очередной год.

Крушение мировых империй и распад мировой колониальной системы вывел на международную арену множество стран —

больших и малых, перед которыми стояли вопросы организации и обустройства их внутренней жизни, поиска источников существования. Не секрет, что для многих бывших колониальных стран разрыв традиционных связей с метрополией далеко не всегда означал прогресс и процветание: помимо многих объективных (естественное отставание в развитии, отсутствие производственной и пр. инфраструктуры, обученных кадров) и субъективных (отсутствие четких стратегий развития, иждивенческие настроения, базировавшиеся на существовавшей тогда возможности паразитирования на противостоянии капиталистических и социалистических стран) причин неблагоприятного развития многие из них столкнулись с элементарной проблемой — отсутствием необходимых ресурсов, прежде всего природных, для развития конкурентоспособной экономики. В условиях господствовавшего в большинстве развивающихся стран экстенсивного метода хозяйствования преимущественно сырьевой ориентации (зачастую и моноориентации) многие небольшие страны, и прежде всего островные государства, оказались в ситуации, когда для поступательного развития экономики требовалось какое-то принципиально новое решение. В качестве спасительного якоря правительства таких государств начали использовать предоставление льготных режимов компаниям-нерезидентам, стремясь таким образом привлечь в экономику своих стран значительные финансовые поступления, при этом не отвлекая и без того скудные ресурсы от развития базовых отраслей экономики, а также на государственное регулирование и вмешательство в экономику. Таким образом, ряд развивающихся стран сумел своевременно сориентироваться в новой экономической ситуации, перенея опыт офшорных моделей, уже существовавших в развитом мире, и ответив на потребности гигантов мировой экономики — ТНК и ТНБ — в принципиально новом подходе к обслуживанию мировых финансовых потоков.

Кроме того, не следует забывать и о политических реалиях «холодной войны»: многие офшорные территории находятся в стратегически важных точках мира (Кипр, Гибралтар, Карибы, Сингапур, Гонконг и др.), поэтому возможность развивать свои экономические системы к наибольшей для себя выгоде, в том числе и путем привлечения иностранных капиталов низкими налоговыми ставками, было своего рода платой за возможность использовать территории этих государств или квазигосударств в военно-стратегических целях (британские базы на Кипре, американские на Маврикии и пр.).

Одним из катализаторов процессов «офшоризации» в мировом масштабе явился научно-технический прогресс, а конкретнее — широкое и бурное развитие современных средств связи и коммуникации. Появление и развитие глобальной сети Интернет, спутниковой связи, повсеместное распространение других электронных средств связи сократили практически до минимума временные издержки процесса коммуникации между весьма отдаленными частями света. Безусловно, без технологической базы, созданной в результате достижений научно-технической революции в период после Второй мировой войны, невозможно было бы развитие офшорного бизнеса в его современном понимании.

Перечисленные моменты в совокупности создали качественно новые возможности для всестороннего и стремительного развития офшорного сектора мировой экономики, что позволило ему выйти на качественно новый уровень. Следствием этого также стало открытие новых возможностей для периферийных стран: во многом благодаря этому у многих из них появилась возможность заявить о себе, для многих из них офшорный бизнес стал основой экономического развития.

Таким образом, в развитии международного офшорного бизнеса мы можем выделить следующую периодизацию и характерные штрихи для каждого периода:

до конца XIX в. Существование в различные эпохи разнообразных форм свободного предпринимательства, некоторые из которых (например, ярмарочные рынки) можно отнести к прототипам офшорных центров;

до Второй мировой войны. Появление зон собственно офшорного типа, с одной стороны, и стремление ТНК к избежанию налогового гнета в странах базирования — две встречные тенденции, давшие в итоге бурный рост офшоризации в последующие десятилетия;

после 1945 г. и до начала 1990-х гг. В результате распада мировой колониальной системы и повсеместного утверждения кейнсианских схем госрегулирования экономики наблюдался количественный и качественный рост офшорного бизнеса, учреждение офшорных центров повсеместно как реакция на эти процессы. Начало активного использования офшорных схем ТНК и ТНБ, активное вовлечение в международный офшорный бизнес стран мировой периферии — прежде всего малых островных государств и территорий;

1990–2000-е гг. В результате окончания «холодной войны» и крушения мировой системы социализма, а также бурного развития технического прогресса (повсеместное распространение сети Интернет, новейших средств телекоммуникации и пр.) у офшорного бизнеса появились новые беспрецедентные возможности количественного и качественного роста; параллельно с этим началось активное противодействие офшорам со стороны ведущих экономических держав, некоторых развивающихся стран, несущих наиболее ощутимые бюджетные потери от использования национальным бизнесом офшорных структур, а также международных экономических организаций и финансовых институтов связи в связи с усилением интереса к офшорам со стороны криминального бизнеса и международного терроризма.

Примечания

¹ Adams Ch. For Good and Evil: The Impact of Taxes on the Course of Civilization. Madison Books, 1993.

² Тимошина Т.М. Экономическая история зарубежных стран. М., 2004.

³ Апель А., Гунько В., Соколов И. Обналичивание и офшорный бизнес в схемах. СПб., 2002. С. 80.

От монополии центра к «Архипелагу городов»: эволюция банковского пространства России в 1988–2008 гг.

За последние 20–30 лет среди всего разнообразия историко-экономических исследований сформировалась пока еще недостаточно заметная, но, безусловно, важная линия — ретроспективное изучение роли городов как финансовых центров, а также конкуренции между ними в этой сфере. Работы Ч. Киндлбергера, Ф. Броделя, Дж. Абу-Луход и некоторых других авторов¹ позволили воссоздать основные вехи в пространственной эволюции мировых финансов на протяжении Средних веков и Нового времени; недавняя монография Ю. Кассиса² довела эту нить уже до наших дней. На последнем хронологическом участке открылась также возможность для взаимодействия исторической науки с исследовательскими центрами экономического профиля³, которые в 2000-е гг. приступили к ранжированию современных финансовых столиц.

Однако во всех этих случаях речь идет только о крупнейших деловых метрополиях глобального значения. Между тем специального внимания заслуживает и следующий уровень финансовой (и в том числе банковской) иерархии, на котором разворачивается экономическое соперничество городов в пределах отдельно взятых стран. Несомненно, что среди всех национальных составляющих мирового банковского пространства одним из самых интересных объектов для анализа является Россия. Это связано как с огромными размерами страны и ее внутренним разнообразием, так и с достаточно редкой возможностью наблюдать на относительно коротком интервале весь путь от возрождения межгородской конкуренции в конце 1980-х гг. до современного состояния отрасли.

* Никитин Леонид Витальевич — кандидат исторических наук (Челябинский государственный педагогический университет).

В данной связи уместно вспомнить, что на протяжении почти шестидесяти лет (т. е. с момента сворачивания нэпа, а также проведения кредитной реформы 1930–1932 гг.) в Советском Союзе отсутствовала полноценная банковская система. Госбанк СССР и его отраслевые ветви выполняли ограниченный набор функций, не сопоставимый с многообразным финансовым сервисом западного мира. Банковская отрасль в ее советском варианте занималась преимущественно технической работой, обеспечивая по указанию вышестоящих инстанций организованный перевод средств между различными сегментами управляемого национального хозяйства. Являясь подчиненной частью планово-мобилизационного механизма, банковские учреждения и сами повторяли важнейшие черты Системы — прежде всего, крайнюю степень централизации. Высшее руководство практически единого кластера государственных банков находилось в Москве; в других городах, соответственно их административному статусу, могли действовать лишь «конторы», «субконторы» и иные подразделения установленного ранга. На определенных исторических отрезках такая отлаженная машина успешно справлялась с поставленной задачей концентрации средств (самый яркий пример — это годы Великой Отечественной войны), но в долгосрочном плане была совершенно непригодна для гибкого межотраслевого перераспределения ресурсов в условиях технологического прогресса и усложняющейся структуры экономики.

Ситуация изменилась только с началом политики перестройки при М.С. Горбачеве. В ходе экономических реформ этого времени исключительно важную роль сыграл Закон о кооперации, принятый Верховным Советом СССР 26 мая 1988 г. и разрешивший, в частности, создание негосударственных паевых банков. Впервые после очень долгого перерыва страна наблюдала развитие свободной кредитно-финансовой деятельности, причем не только в столице. Иными словами, начавшийся переход от плановой системы к рынку сопровождался радикальным изменением экономико-географического ландшафта; исходная монополия центра постепенно уступала место тому, что, следуя стилистике зарубежных публикаций, можно назвать «архипелагом городов»⁴.

Вместе с тем названные процессы носили достаточно сложный и нелинейный характер. В данной работе рассматриваются основные закономерности географической децентрализации банковского дела, наблюдавшиеся сначала в РСФСР, а затем (и главным образом) в постсоветской России.

Очевидно, что при изучении пространственных параметров кредитной отрасли следует учитывать ключевые вехи и тенденции, наблюдавшиеся в ее общем развитии. В табл. 1 представлен авторский вариант базовой периодизации, основанный как на собственной эволюции банковского бизнеса (прошедшего, в частности, через кризисы 1995, 1998 и 2004 гг.), так и на изменении макроэкономических условий, в которых ему приходилось работать. Эта линия доведена до середины 2008 г., когда в Россию пришла основная волна нынешнего глобального кризиса⁵ (для исторического осмысления текущих событий время, конечно же, еще не настало). Наличие такой хронологической сетки позволяет теперь на всем протяжении 1988–2008 гг. поэтапно проследить несколько наиболее показательных трендов — прежде всего, колебания общего числа населенных пунктов, обладавших в то или иное время собственными банками, а также ряд долевых параметров (рис. 1–3). Кроме этого, по мере приближения к нашим дням будут появляться и расширяться возможности для того, чтобы учитывать не только общее количество кредитных корпораций, но и масштабы их бизнеса.

Таблица 1

Основные периоды развития банковской системы Российской Федерации в контексте общих экономических процессов (1988–2008 гг.)

Период	Фаза общей экономической трансформации	Макро-экономический фон	Годы, кварталы
1	Кризис поздней социалистической экономики	Нестабильность	1988–1991
2	Трансформационный спад	Нестабильность	1992 – II кв. 1995
3	Трансформационный спад и начало восстановительного роста	Относительная стабилизация	III кв. 1995 – II кв. 1998
4	Восстановительный рост и начало инвестиционного роста	Стабильность	III кв. 1998 – II кв. 2004
5	Инвестиционный рост	Стабильность	III кв. 2004 – II кв. 2008

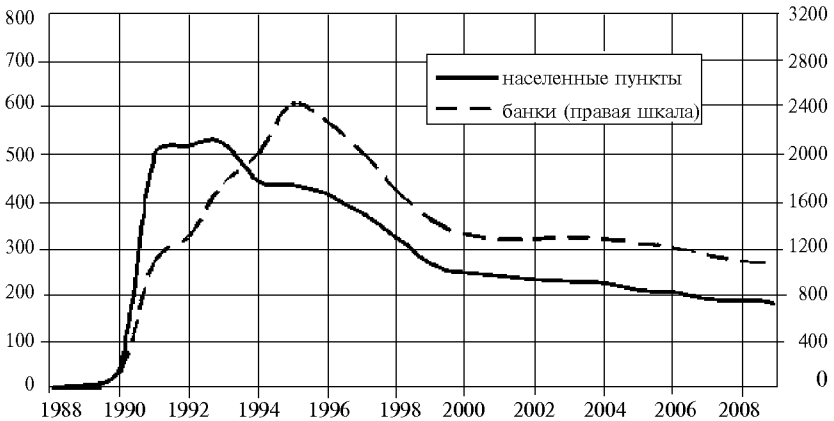
Итак, начало *первого периода (1988–1991 гг.)* было связано с появлением ранее немыслимых возможностей и эйфорией создания разрешенных негосударственных банков. Между принятием закона о кооперации и учреждением первых таких структур прошло лишь три месяца. Без преувеличения историческим событием стала регистрация банка «Союз» из Чимкента (Казахстан), состоявшаяся 24 августа 1988 г. и проложившая дорогу всем остальным предприятиям подобного профиля. Еще через два дня ленинградский банк «Патент» открыл эпоху свободной кредитной деятельности непосредственно в России. За ним последовали столичные банки «Кредит-Москва» и Московский кооперативный, казанский Полисервисбанк, пермская «Заря» и многие другие. К началу 1989 г. было зарегистрировано уже 39 коммерческих банков, из них 25 — в РСФСР⁶. Впервые после шестидесятилетнего перерыва финансовая децентрализация стала реальностью.

В сентябре 1990 г. (т. е. по итогам первых двух лет радикального преобразования отрасли и накануне еще одного важного рубежа, речь о котором пойдет ниже) количество банков измерялось трехзначными числами (рис. 1). В одной только РСФСР насчитывалось порядка 250 кредитных организаций, зарегистрированных в 70 населенных пунктах на пространстве от Калининграда до Петропавловска-Камчатского⁷. При таких масштабах деятельности появилась возможность для первых статистически значимых наблюдений.

Безусловным и неизменным лидером в этой гонке городов стала Москва, обладающая явными преимуществами административного, экономического и географического рода⁸. Но в любом случае теперь это было именно *лидерство*, а не *абсолютная монополия*, как в прежние времена. Доля московских банков в общем количестве кредитных корпораций России за два года упала с исходных 100% до 40–42% (рис. 2). На второе место (однако при почти восьмикратном отставании от столицы) вполне предсказуемо вышел Ленинград, также обладавший сильной экономикой, но не имевший эксклюзивных московских возможностей в плане близости к основным бюджетным и внешнеторговым потокам. Среди других городов наибольшую активность на заре создания банков проявляли крупные региональные центры, прежде всего Свердловск и Ростов-на-Дону.

Рисунок 1

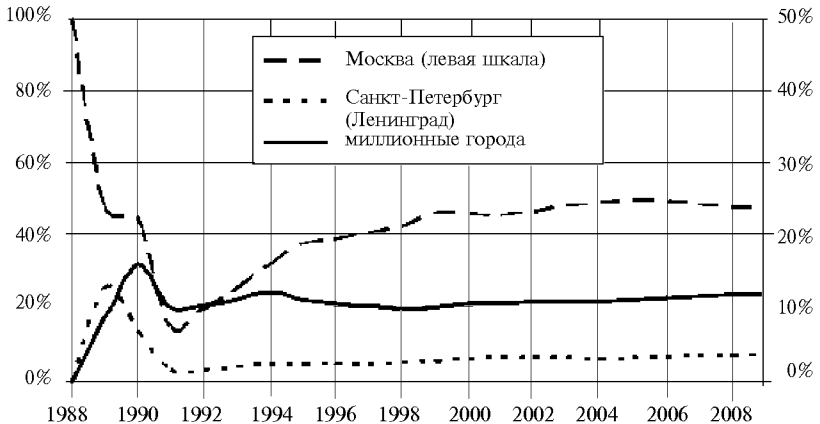
Российская Федерация: общее число банков и количество населенных пунктов, обладавших собственными банками (1988–2009 гг., на начало указанного года)

Рассчитано по: данные Банка России (www.cbr.ru) и портала www.banki.ru

Рисунок 2

Доли банков Москвы, Санкт-Петербурга (Ленинграда) и миллионных городов в общем количестве российских банков (1988–2009 гг., на начало указанного года)⁹

Рассчитано по: данные Банка России (www.cbr.ru) и портала www.banki.ru

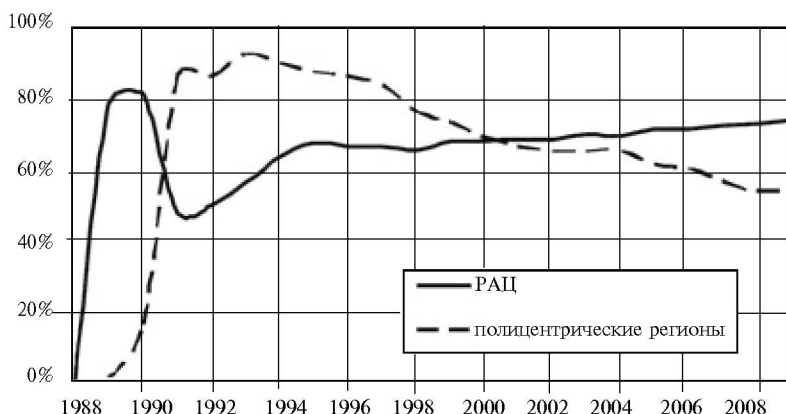
Тем временем кредитная отрасль оказалась на пороге следующего знаменательного события. Еще в 1987 г. союзное правительство Н.И. Рыжкова провело первичную реформу, создав на основе прежних госбанков пять специализированных корпораций (или «спецбанков») — Промстройбанк, Жилсоцбанк, Агропромбанк, Сбербанк и Внешэкономбанк. Их штаб-квартиры, разумеется, находились в Москве. После этого на протяжении двух лет государственные гиганты конкурировали с банками кооперативного происхождения, имея безусловное превосходство по кредитным ресурсам, но подчас проигрывая в плане гибкости и готовности работать с каждым клиентом. Во второй половине 1990 г., когда еще одним важным фактором стало открытое противостояние между центральными банками РСФСР и СССР, по инициативе российского ЦБ Промстройбанк, Жилсоцбанк и Агропромбанк были разделены на множество новых финансовых компаний. На этот раз в основу реформы был положен уже не отраслевой, а территориальный принцип. Местные подразделения названных спецбанков получили возможность по своему усмотрению трансформироваться в самостоятельные банки краевого, областного, городского и даже сельского масштаба (хотя при желании могли остаться и под управлением Москвы). Не удивительно, что в большинстве случаев региональные экономические и политические элиты, тесно связанные с территориальными управлениями спецбанков, решили воспользоваться уникальным шансом.

В результате этой грандиозной кампании в России появились сотни новых банковских корпораций. Теперь наблюдалась уже не просто децентрализация, а крайняя географическая распыленность отрасли. За IV квартал 1990 г. количество населенных пунктов, обладающих собственными банками, взлетело с 70 до 497 (рис. 1). Особенно впечатляющей такая атомизация оказалась в очень сложном полиэтническом Дагестане, в ряде сельскохозяйственных регионов (Краснодарский и Ставропольский края, Оренбургская область), а также в имеющей огромную площадь Якутии. На этих территориях своими мини-банками обзавелись десятки горных аулов, степных станиц и северных поселков. В то же время среди лавины 1990 г. встречались и достаточно крупные организации — например, челябинский Челиндбанк и пермский Западуралбанк, которые по своим уставным фондам (150 млн рублей у каждого)¹⁰ заметно превосходили многих столичных конкурентов. После таких событий доля Москвы по количеству банков, снижавшаяся и прежде, к 1991 г. опустилась до абсолютного минимума (15%). Вопреки

ранее намечившейся динамике, заметно сократился вклад Ленинграда и других крупнейших городов (рис. 2). Кроме этого, аналогичную картину можно было увидеть при сортировке городов не по их размеру, а по административному статусу: центры краев, областей, автономных округов и автономных республик (в дальнейшем для краткости именующиеся аббревиатурой РАЦ — региональные административные центры¹¹) в значительной мере утратили стартовое преимущество. Соответственно очень сильно увеличилась доля полицентрических регионов — тех, где имелось не менее двух населенных пунктов с собственными банками (рис. 3)¹².

Рисунок 3

**Доля банков РАЦ в общем количестве российских банков;
доля регионов (субъектов Федерации) с полицентрическими
банковскими системами в общем количестве регионов
(1988–2009 гг., на начало указанного года)**

Рассчитано по: данные Банка России (www.cbr.ru) и портала www.banki.ru

Впрочем, подобный перелом трендов оказался хотя и чрезвычайно резким, но непродолжительным. Единовременный эффект, вызванный акцией по территориальному дроблению спецбанков, почти сразу начал угасать. После такого феерического рывка финансовая отрасль взяла небольшую паузу. В 1991 г. процесс создания банков несколько замедлился (рис. 1), а в тех случаях, когда они все же появлялись, инициатива опять принадлежала не провинции, а большим и административно

значимым городам (рис. 2, 3). В новой экономической и политической обстановке особенно активной была Москва, где кредитное сообщество пополнялось за счет еще одной важной группы — банков, построенных на основе финансовых управлений закрывавшихся союзных министерств и ведомств. В декабре 1991 г., сразу после распада СССР, иерархия ведущих городов выглядела следующим образом: лидировала, имея 263 местных банка, Москва; далее шли Санкт-Петербург и Екатеринбург (по 22 банка)¹³, Ростов-на-Дону (15), Уфа и Тюмень (по 14). Заметим также, что уже к этому моменту бизнес некоторых региональных корпораций достигал внушительных масштабов. Самым ярким примером в этом ряду стал уфимский банк «Восток», который на исходе советской эпохи оперировал сотнями миллионов рублей и обладал филиальной сетью, раскинувшейся от Днепропетровска и Харькова до Владивостока и Южно-Сахалинска¹⁴. По оценкам деловой прессы, «Восток» входил в первую десятку крупнейших банков СССР¹⁵. Теперь самим финансовым корпорациям и их опорным городам предстояло продолжить соревнование в существенно изменившихся условиях.

Второй из рассматриваемых здесь периодов (1992 г. — II квартал 1995 г.) прошел под знаком широкомасштабных рыночных реформ, проводившихся правительствами Е.Т. Гайдара и В.С. Черномырдина уже в суверенной России. Большие прорывы (переход к свободному ценообразованию, дальнейшая либерализация экономической деятельности, конвертируемость рубля и т. д.) сочетались с чрезвычайно высокой инфляцией и множеством других тяжелых издержек переходного времени. Вместе с тем, довольно успешной в новых условиях оказалась именно банковская отрасль, быстро восполнявшая неудовлетворенный ранее спрос на финансовые услуги. Кроме этого, одним из ключевых ее достижений стала интеграция в мировое банковское пространство (через подключение к расчетным системам SWIFT и Reuters Dealing, а также благодаря созданию веера корреспондентских связей).

На 1992–1994 гг. пришла очередная волна энтузиазма в сфере создания новых банков. И без того немалое количество кредитных корпораций выросло почти в два раза и приблизилось к отметке 2,5 тыс. По данному показателю Россия за неполные семь лет, прошедшие после старта, превратилась в одну из самых «банковских» стран мира. Следует к тому же заметить, что банки этого поколения (в отличие от большинства их «старших братьев», появившихся на свет в IV квартале 1990 г. или в начале 1991 г.) исходно являлись специально созданными

коммерческими предприятиями, а не осколками советской финансовой системы.

Последнее обстоятельство помогает также лучше понять еще одну приметку времени — наметившееся расхождение двух важнейших трендов, показанных на рис. 1. Когда численность кредитных корпораций еще продолжала стремительно расти, количество обладавших ими населенных пунктов стабилизировалось вблизи уровня 530, а затем, пройдя свой пик в начале 1993 г., стало уменьшаться. В техническом смысле подобный разворот к отрицательной динамике легко объясняется ликвидацией или переездами отдельных банков. Важно, однако, подчеркнуть, что такие потери чаще всего несли малые города и сельские поселения, получившие собственные банки при разделе госкорпораций в 1990 г. — начале 1991 г., но объективно не имевшие для этого достаточного экономического и кадрового фундамента. Что касается больших городов, то для них утрата одного-двух банков статистически была не очень заметной, к тому же во многих случаях она с избытком компенсировалась открытием новых кредитных структур.

Таким образом, рынок образца 1992–1994 гг. начал корректировать административные решения осени 1990 г. Доли крупнейших городов, особенно Москвы, опять стали расти, и даже некоторое ослабление позиций Петербурга в 1994 г. не могло изменить общую ситуацию (рис. 2). Вполне естественно, что при этих обстоятельствах увеличились также показатели РАЦ и сократилось количество полицентрических регионов (рис. 3).

При этом во всех стратах, включая самые верхние, могли наблюдаться примечательные перестановки. К середине 1995 г. на втором месте, вслед за еще сильнее разогнавшейся Москвой (939 банков), оказалась Махачкала (64 банка). Столица Дагестана переняла у своего окружения ту же распыленность банковского сектора, какой ранее отличался весь горный край. В результате 500-тысячная Махачкала по количеству собственных банков превзошла пятимиллионный Петербург, имевший 60 таких корпораций. Затем располагались неизменно представленные в элите Екатеринбург и Ростов-на-Дону (39 и 33 банка соответственно). По 29 банков насчитывалось в Новосибирске и Тюмени. Для Новосибирска в сравнении с прежними годами это означало некоторое движение вверх, а для Тюмени — сохранение сильных ранговых позиций. Иными словами, Тюмень была еще одним примером того, как относительно небольшой город может занять высокое место в подобной иерархии — в этом случае благодаря мощной нефтегазовой экономике своего региона.

Некоторые иные обстоятельства можно увидеть, если учесть также различия в размерах финансовых корпораций (прежде всего, по активам или собственному капиталу). Подобные рейтинги, регулярно появлявшиеся в российской прессе с 1992–1993 гг., еще больше подчеркивали, например, фрагментированность делового мира Махачкалы: никому из огромного скопления местных банков не удавалось пробиться в первую общефедеральную сотню. Зато на высоких ступенях оказались некоторые другие города (Тольятти, Челябинск, Кемерово и т. д.), где среди относительно малочисленных банков возникли достаточно крупные финансовые структуры. Еще более значительных результатов добилась Уфа, которая, даже лишившись упомянутого банка «Восток»¹⁶, создала новые мощные корпорации и превратилась в третий по величине финансовый узел России¹⁷. Что же касается двух первых мест, то они, конечно, были практически «забронированы» за Москвой и Петербургом, но при огромном — и нараставшем — преимуществе столицы. Если к началу 1993 г. среди 100 ведущих банков страны московскими были 38, то к началу 1994 г. — 49, а еще через год — 66 (включая 19 банков из первой двадцатки)¹⁸. Таким образом, уже в первой половине 1990-х гг. бурная децентрализация предыдущего периода уступила место противоположному вектору — рецентрализации, т. е. частичному восстановлению позиций Москвы. Конечно, данный процесс в отличие от советской гиперцентрализации рубежа 1920–1930-х гг. опирался на рыночный фундамент и не стремился к абсолюту, но все же был выражен вполне определенно.

На следующем этапе Москва и другие успешные города должны были отстаивать свои достижения на фоне изменившейся конъюнктуры, а также при нисходящей динамике обоих базовых трендов, показанных на рис. 1.

Хронологической гранью, отделяющей второй период от *третьего (III квартал 1995 г. — I квартал 1998 г.)*, можно считать кризис на рынке межбанковского кредитования, начавшийся в «черный четверг» 24 августа 1995 г. В более широком плане эти события отражали наметившуюся макроэкономическую стабилизацию и замедление инфляционных процессов. Банковское сообщество лишилось прежних источников дохода — игры на резком изменении внутренних цен и валютных курсов. В новых условиях основная часть заработков была связана с приобретением государственных долговых обязательств или (в идеальном случае) с долгожданным кредитованием производственного сектора.

Далеко не каждой финансовой корпорации удалось найти свое место в изменившейся среде. За период с середины 1995 г. до середины 1998 г. по всей стране число действующих банков сократилось более чем на треть. Таким образом, этот показатель пошел вниз вслед за количеством «банковских поселений», которое, как уже неоднократно отмечалось, стало уменьшаться еще раньше (рис. 1).

При этом существенно изменилось географическое распределение банкротств. Если в начале 1990-х гг. основная часть подобных случаев приходилась на села и малые города, то в середине десятилетия с этим явлением все чаще сталкивались и крупные центры, управляющие субъектами Федерации. За рассматриваемый трехлетний отрезок в ряде очень важных городов количество банковских корпораций сократилось примерно вдвое: в Екатеринбурге с 39 до 21, в Новосибирске с 29 до 15, в Калининграде с 22 до 13, в Волгограде с 22 до 10 и т. д. Имелись и еще более драматические случаи, как, например, Южно-Сахалинск, где из 13 прежних банков продолжали работу только три, или Йошкар-Ола, сохранившая из восьми банков лишь один. Обобщающим отражением этих фактов стал прекратившийся рост долевых показателей у «простых» миллионников, а заодно и у Санкт-Петербурга (рис. 2); при переходе на политико-административный критерий можно видеть примерно такую же ситуацию у всех РАЦ (рис. 3)¹⁹. Десятки банков из республиканских, краевых и областных центров, преодолевшие (в отличие от своих провинциальных соседей) трудности самых первых шагов и начального профессионального становления, все же сошли с дистанции на данном этапе.

Главным и, пожалуй, единственным триумфатором в этой обстановке оказалась Москва. В пропорциональном отношении потери столицы (25,6% банков) были меньше, чем в среднем по стране. Соответственно доля московских структур в общем количестве банков продолжала уверенно расти, постепенно приближаясь к 50% (рис. 2). Привлекая в качестве важного дополнения различные рейтинги этого времени, можно заметить, что представительство Москвы среди 100 крупнейших банков, ставшее очень внушительным еще на предыдущем этапе, теперь достигло новых высот: весной 1998 г. оно составило 74 корпорации (после 66 корпораций в январе 1995 г.)²⁰. Учтем, наконец, и подъем филиальной экспансии московских гигантов в регионы, пришедшийся на 1995–1997 гг.²¹ Иными словами, на исходе первого десятилетия свободной банковской деятельности процесс рецентрализации продолжал неуклонно развиваться по

всем его ключевым компонентам. Столица убедительно брала реванш не только у «глубинки», но также у группы крупнейших городов во главе с Санкт-Петербургом.

В июле 1998 г., накануне еще одного исторического витка, Москва по количеству банков обладала более чем 15-кратным превосходством над ближайшим преследователем (им стал Петербург, имевший 45 кредитных корпораций против 697 у Москвы). На третье место была вытеснена Махачкала (42 банка), однако ее результат все равно выглядел феноменальным. Сохранили свои высокие позиции Екатеринбург (21) и Ростов-на-Дону (20); следом шли Казань, Уфа и Саратов (по 17 банков). Более тонкие оценки, основанные на величине активов или собственного капитала, позволяют говорить о сохранении и в этот период высокого статуса Уфы (благодаря новому фавориту — Башкредитбанку, пользовавшемуся поддержкой со стороны региональной власти), а также о поочередном появлении у башкирской столицы сопоставимых конкурентов: в 1995–1996 гг. в этом качестве выступала Тверь, а с 1998 г. — Екатеринбург²². Но при всей значимости некоторых локальных перестановок (и по численности, и по величине финансовых структур) ключевыми результатами данного периода следует назвать, во-первых, дальнейший взлет Москвы и, во-вторых, существенное сокращение общего количества действующих банков. Заметим также, что последнее обстоятельство совсем не обязательно рассматривать в негативном плане: после интенсивной фильтрации на рынке обычно оставались, независимо от географического расположения, наиболее сильные и перспективные компании.

Четвертый период (III квартал 1998 г. — II квартал 2004 г.) очевидным образом начинается с драматических событий 17 августа 1998 г. Дефолт по государственным обязательствам, мораторий на основные виды трансграничных платежей и стремительная девальвация рубля воспринимались в тот момент как настоящая катастрофа. Но в итоге многие обстоятельства этого времени (и прежде всего девальвация) пошли на пользу российской экономике, которая с 1999 г. демонстрировала высокие темпы роста — в том числе благодаря улучшению внешнеторговых условий при снизившемся курсе рубля.

В банковской сфере кризис 1998 г. привел к падению ряда ведущих корпораций — прежде всего, Инкомбанка, Менатеп, СБС-Агро и некоторых других московских гигантов. Однако общее количество банков и «банковских поселений» сокращалось уже не так быстро, как в предыдущие годы (рис. 1). Более того, на 2001–2002 гг. пришелся новый (и до сих пор последний)

всплеск создания кредитных организаций — не сопоставимый с бумом начала 1990-х гг., но все же завершившийся появлением еще шестидесяти таких компаний.

Что касается пространственных характеристик отрасли, то именно с этого момента открываются новые возможности для их систематического изучения. Начиная с 1998–1999 гг. базы данных Центробанка²³ позволяют строго учитывать величину активов (по всему кругу корпораций), а также измерять различные параметры филиальных сетей. На этой основе для всех последующих лет были рассчитаны индивидуальные рейтинговые оценки (R) банковской значимости 160 ведущих городов России. При вычислениях использовалась авторская формула²⁴:

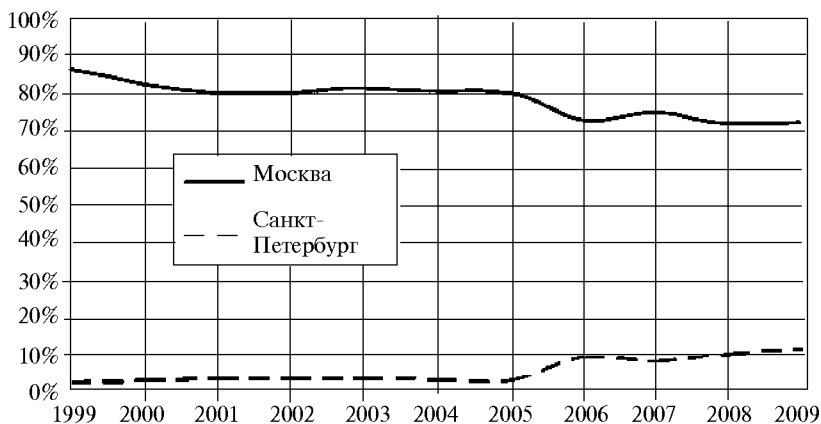
$$R_i(t) = A_i(t) + kN_i(t),$$

где A_i — суммарные активы местных банков в городе i (в млн рублей; в базовых ценах января 1999 г.), N_i — количество филиалов иногородних банков в городе i , k — специальный «коэффициент уравнивания», который эмпирически вычисляется на основе пропорции между общей величиной активов и количеством филиалов в момент времени t .

Основные результаты этих вычислений представлены на рис. 4 и 5 — сначала для Москвы и Санкт-Петербурга, а затем для группы региональных центров, каждый из которых в тот или иной момент поднимался на третье место во всероссийском рейтинге.

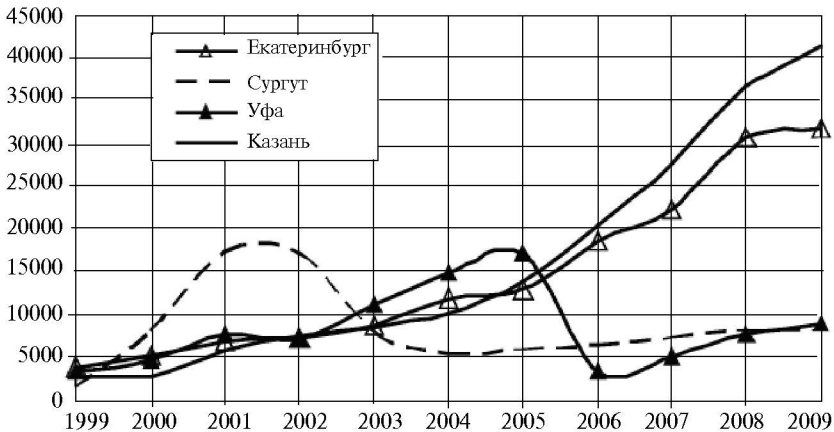
Рисунок 4

Доли Москвы и Санкт-Петербурга в общей сумме индивидуальных банковских рейтингов российских городов (1999–2009 гг., на начало указанного года)

Рассчитано по: данные Банка России (www.cbr.ru).

**Рейтинговые баллы крупнейших (после Москвы
и Санкт-Петербурга) банковских центров России
(1999–2009 гг., на начало указанного года)**

Рассчитано по: данные Банка России (www.cbr.ru).

Какую же новую информацию дают эти замеры и как она соотносится с уже привычными данными по общему количеству банков?

Конечно, наиболее важные наблюдения вновь касаются столицы. Кризис 1998 г. вызвал значительные изменения в банковском ландшафте Москвы. Серия громких банкротств заметно отразилась на суммарном объеме активов (даже при том, что компенсирующую роль сыграл частичный перевод средств из проблемных структур в созданные их же владельцами банки-дублиеры). К тому же в одном случае подобный «запасной аэродром» был иногородним: для московского Менатеп подстраховку обеспечивал банк Менатеп Санкт-Петербург. Москва, оказавшаяся в эпицентре обвала знаменитых ГКО, утратила прежнюю динамику. В 1999–2000 гг. рейтинг Москвы продолжал расти, но медленнее, чем у многих других городов. В результате немного снизилась доля столицы в общей сумме индивидуальных рейтинговых баллов (рис. 4). Аналогичным образом изменился и вклад Москвы в простое количество банков (рис. 2): пройдя весной 1999 г. точку локального максимума (47,1%), данный показатель затем сократился на 1,5 процентных пункта.

Это отступление, несомненно, можно считать вполне умеренным. Более того, на фоне нового оживления отрасли в 2001–2003 гг. Москва начала восстанавливать прежние позиции (рис. 2, 4). Однако в любом случае «великий дефолт» и его последствия привели, как минимум, к приостановке процесса рецентрализации, столь убедительно развернувшегося на предыдущих этапах.

Тем временем в начале нового десятилетия довольно успешными оказались и некоторые другие города, в основном из числа «миллионеров» и иных РАЦ. На рис. 3 хорошо видно четкое расхождение трендов: после определенной паузы «столицы» субъектов федерации вновь стали укреплять свои позиции, окончательно вытесняя села и малые города, а заодно сокращая долю полицентрических регионов. Хотя количество банкротств в РАЦ было довольно велико, города этого класса получали существенную компенсацию за счет банков с «подведомственных» территорий. Особенно решительным консолидатором деловой активности своего региона оказался Екатеринбург, перетянувший банки из четырех небольших городов Свердловской области. Похожие случаи были также в Калининграде, Ростове-на-Дону, Новосибирске и других РАЦ.

Таким образом, даже при возобновившемся с 2001 г. сосредоточении банковского бизнеса в Москве можно было говорить не столько о *рецентрализации*, сколько о наметившейся *полицентрализации* отрасли. Наряду с федеральной столицей целый ряд крупных городов подтвердил свою способность успешно развивать кредитно-финансовое дело в больших (хотя и не сопоставимых с Москвой) масштабах, а также умение адаптироваться к различным поворотам рыночной конъюнктуры.

В результате к середине 2004 г. (или по итогам четвертого периода) позиции лидеров — по количеству кредитных корпораций — выглядели следующим образом: после Москвы (635 банков) шел окончательно отстоявший свое второе место Санкт-Петербург (42), затем Махачкала (27), Екатеринбург (23), Казань (21), Ростов-на-Дону (17), Саратов (13) и т. д.

Более точные расчеты, проведенные с помощью указанной формулы, позволяют увидеть, что третье место в рейтинге принадлежало, конечно, не Махачкале (рис. 5). В 1998–1999 гг. на эту ступень, сместив Уфу, поднялся другой уральский город — Екатеринбург. В данном случае внушительное количество банков действительно означало большую величину их активов. Затем, в 2000–2002 гг. этот огромный и многопрофильный центр неожиданно был вытеснен 300-тысячным Сургутом. Взлет Сур-

гута выглядел необычным во многих отношениях: и по скорости подъема, и по отрыву от ближайших преследователей, и, наконец, в том плане, что здесь наблюдался единственный пример преобладания провинциального города над всеми РАЦ. Впрочем, этот западносибирский феномен почти полностью зависел от успехов одной суперкорпорации — Сургутнефтегазбанка. Когда же местный финансовый флагман растерял часть прежних активов, Сургут начал скользить вниз почти так же быстро, как до того поднимался к вершинам. В 2003—2004 гг. на привычное для себя третье место вернулась Уфа. Как и в 1990-е гг., успех башкирской столицы во многом определялся очень крупным банком, близким к республиканскому правительству, только теперь он был переименован из Башкредитбанка в «УралСиб», что подчеркивало выход на широкую межрегиональную арену. Последующие места в рейтинге 2004 г. заняли Екатеринбург и Казань, имевшие вполне сопоставимые с Уфой результаты.

Безусловно, каждый из этих городов, не говоря уже о Санкт-Петербурге, мог на следующем этапе внести большой вклад в усиление едва наметившегося полицентризма.

Гранью между четвертым и *пятым периодом (III квартал 2004 г. — II квартал 2008 г.)* можно считать новый кредитный кризис, развернувшийся в июне—июле 2004 г. Он имел довольно значительные последствия (например, смену собственника и бренда у московского Гута-банка), но все же проходил на фоне растущей экономики и не был таким глубоким, как кризис 1998 г. Следует также подчеркнуть, что локальные потрясения 2004 г. были тесно связаны с долгожданным запуском системы страхования вкладов, которая, в свою очередь, способствовала дальнейшему расслоению и фильтрации в банковом мире. Общее количество кредитных учреждений и мест их регистрации все время сокращалось, хотя, конечно, не с такой скоростью, как во второй половине 1990-х гг. (рис. 1).

Географическая структура отрасли претерпела на этом этапе дальнейшие изменения, которые фиксируются (хотя и в разной степени) с помощью обоих использованных здесь инструментов. Обратившись сначала к данным по количеству банков, можно заметить очередные колебания долевого тренда Москвы (рис. 2). Поднявшись в начале 2005 г. до своего исторического максимума (50,04%), относительный показатель столицы опять начал снижаться. Кризис на рынке межбанковского кредитования, а также появление новых правил игры из-за практики страхования вкладов обернулись для Москвы более значительными сокращениями «списочного состава» банков, чем это было в

среднем по России. Конечно, снижение рассматриваемой характеристики с 50 до 48% может показаться не принципиальным, но в любом случае подобное изменение резко отличалось от выраженной рецентрализованной динамики середины и второй половины 1990-х гг.

Эти первичные наблюдения подтверждаются и усиливаются при обращении к рейтинговым замерам. 7 октября 2005 г. произошло событие, мало повлиявшее на распределение количества банков, но очень важное в плане соотношения сил по величине активов: в этот день гигантский Внешторгбанк, один из ключевых элементов национальной финансовой системы, сменил в качестве места регистрации Москву на Санкт-Петербург. Если прибавить к этому заметные успехи других банков северной столицы, то станет совершенно понятной корректировка рейтинговых позиций двух крупнейших городов страны во второй половине текущего десятилетия (рис. 4). Доля Москвы, хотя и оставаясь огромной, за это время заметно снизилась, а доля Петербурга еще более существенным образом возросла.

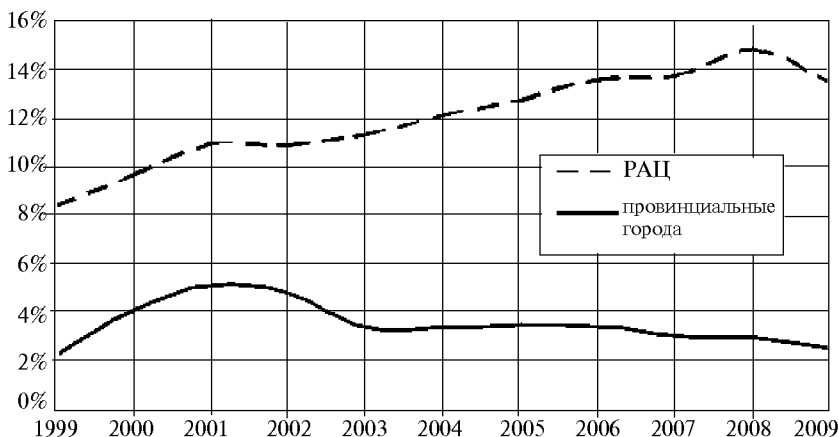
Важные события произошли и в борьбе за третье место (рис. 5). Уфа, столь заметная в 1990-е гг. и середине 2000-х гг., теперь покинула ряды российской финансовой элиты. Основной причиной этого стал переезд банка «УралСиб» в Москву²⁵. Таким образом, уфимский случай (вслед за сургутским) еще раз подчеркнул потенциальную неустойчивость любого финансового центра, успех которого чрезмерно зависит от достижений одной гигантской корпорации. С 2006 г. в роли третьей банковской столицы утвердилась Казань — опять же благодаря прорыву флагманской корпорации (банка «Ак барс»), поддержанному, впрочем, и финансовыми структурами среднего масштаба. Демонстрируя иную конфигурацию местного рынка, сохраняя неизменно высокие позиции Екатеринбург²⁶. Хотя после 1999 г. этот уральский центр не смог больше вернуться на третье место, диверсифицированная структура банковской отрасли позволила ему избежать резких провалов и ни разу не дала опуститься ниже четвертой-пятой строк в рейтинговой таблице. Отметим также и наметившиеся на данном этапе прорывы Новосибирска²⁷, Самары²⁸ и некоторых других городов из первой двадцатки.

При всем значении этих и других локальных перестановок оставался неизменным еще один принципиально важный тренд, обозначившийся с 1998—1999 гг. На протяжении уже целого десятилетия долевые показатели крупнейших городов и административных центров (по количеству банков) неуклонно росли; столь же определенно РАЦ продолжали наращивать

преимущество на управляемых ими территориях (рис. 2, 3). Это же обстоятельство (с поправкой на быстро исчезнувший «сургутский фактор» начала 2000-х гг.) подтверждают и уточняющие рейтинговые замеры (рис. 6). Иными словами, почти каждая из «малых столиц», концентрируя региональные капиталы и замыкая на себе местные финансовые потоки, выступала по отношению к своему субъекту Федерации в качестве «мини-Москвы». В то время когда в банковской сфере оставалось все меньше полицентрических регионов, все более полицентрической становилась сама страна.

Рисунок 6

Доли региональных административных центров (РАЦ) и провинциальных городов в общей сумме индивидуальных банковских рейтингов (1999–2009 гг., на начало указанного года)

Рассчитано по: данные Банка России (www.cbr.ru).

Какой же после всех рассмотренных событий российская финансовая иерархия оказалась в заключительной контрольной точке (т. е. летом 2008 г.)? Подсчитав, как это уже делалось в предыдущих случаях, сначала простое количество банков, мы увидим, что в Москве к данному моменту осталось 524 против 40 у Санкт-Петербурга. Таким образом, федеральная столица обладала колоссальным 13-кратным превосходством, но это все же немного отличалось от 15-кратного превосходства, характерного для прошлых лет. Третье место с 24 банками занимала постепенно скользящая вниз Махачкала. К ней приближалась Казань (20 банков); на следующих ступенях оказались Екатеринбург и Ростов-на-Дону (соответственно 18 и 17 банков),

неизменно находящиеся в группе лидеров практически с самого момента рыночного преобразования отрасли в конце 1980-х гг.

Более точную и детальную картину позволяет увидеть расстановка городов по рейтинговым баллам. В табл. 2 приведены результаты для 20 ведущих центров по состоянию на 1 января 2008 г. (Открытые базы данных Центробанка дают возможность рассчитывать подобные показатели лишь на начало каждого календарного года. Однако корректирующие замеры на основе публикаций агентства «Финмаркет»²⁹ позволяют утверждать, что за последующие два квартала ситуация не претерпела существенных изменений.)

Таблица 2

**Рейтинговые баллы ведущих банковских центров России
(01.01.2008; сравнение с 01.01.1999)**

Ранг (2008 г.)	Город	Балл (2008 г.)	1999 г.		Изменение за 1999–2008 гг.		Средний ранг за 1999–2008 гг.
			ранг	балл	ранг	балл	
1	Москва	2088486	1	465056	0	349%	1
2	Санкт-Петербург	314384	2	17452	0	1701%	2
3	Казань	36595	5	3014	2	1114%	4,4
4	Новосибирск	34681	16	1056	12	3185%	9
5	Екатеринбург	30588	3	3964	-2	672%	4,4
6	Самара	23787	10	1475	4	1513%	7,5
7	Ростов-на-Дону	15758	14	1192	7	1222%	10,5
8	Тюмень	15008	6	2293	-2	555%	11,9
9	Челябинск	13450	11	1389	2	868%	10,8
10	Краснодар	12775	18	870	8	1368%	13,2
11	Нижний Новгород	12578	7	2224	-4	465%	9,8
12	Ханты-Мансийск	11532	36	430	24	2582%	13
13	Пермь	9739	19	824	6	1082%	18,2
14	Зеленоград	9358	89	149	75	6163%	62,1
15	Воронеж	8742	33	488	18	1692%	31,7
16	Саратов	8710	23	680	7	1182%	18,8
17	Тольятти	8541	8	1855	-9	360%	12,9
18	Владивосток	8483	13	1291	-5	557%	19,3
19	Сургут	8330	9	1664	-10	401%	8,2
20	Уфа	7716	4	3451	-16	124%	9,4
Всего по 160 городам		2921776		539903		441%	

Рассчитано по: данные Банка России (www.cbr.ru).

Как видим, итоговые замеры вновь подчеркивают абсолютное превосходство Москвы, которая по своему кредитно-финансовому весу и в 2008 г. далеко превосходила все остальные города России, вместе взятые. Однако нельзя не обратить внимания и на тот факт, что за отраженный в таблице девятилетний период столица (даже с поправкой на отдельно учитываемый Зеленоград) продвинулась намного меньше, чем большинство других крупных центров. Наиболее значительный вклад в перелом прежней тенденции и создание элементов полицентризма был внесен, конечно, Петербургом, безоговорочно удерживающим второе место. Показательно, что упомянутые зарубежные группы (GaWC, Z/Yen и MasterCard Worldwide) в последнее время все более уверенно рассматривают не только Москву, но и Петербург в качестве города со значительным влиянием в мировых финансах³⁰.

Третье место пока еще не обрело (и вряд ли обретет в близкой перспективе) такого же постоянного «хозяина». Признавая это, нужно, впрочем, учесть довольно устойчивые позиции Казани и Екатеринбурга. Два огромных города с существенно различающимися внутренними моделями финансового рынка имеют в историческом плане почти равные достижения, что подчеркивается одинаково высокими показателями (4,4) в графе «Средний ранг за период 1999–2008 гг.». Добавив к этой мощной паре Самару и Новосибирск, можно получить полный состав «большой четверки» ведущих региональных центров образца 2008 г. Наконец, следует отметить еще пять городов (Ростов-на-Дону, Тюмень, Челябинск, Краснодар и Нижний Новгород), каждый из которых по своему банковскому и общеэкономическому потенциалу имеет неплохие шансы не только для сохранения достигнутого, но и для дальнейшего продвижения на высокие ступени среди национальной финансовой элиты. Более того, за счет любого из девяти перечисленных городов (хотя и при разных уровнях вероятности) может расшириться будущее представительство России в исследованиях о транснациональных перекрестках деловой активности.

* * *

Дальнейшие ранговые перестановки этих и других центров, происходившие уже в условиях нынешнего мирового кризиса, находятся за пределами данной работы. Зато большая экономическая буря 2008 г. является удобным хронологическим рубежом для того, чтобы на нем остановиться и еще раз взглянуть на

огромный путь, пройденный банковским сообществом России за предшествующие двадцать лет.

В не очень далеком по историческим меркам 1987 г. кредитная система СССР все еще сохраняла основные черты, предопределенные в свое время мобилизационным и крайне централизованным характером советского государства. Не существовал легальный обмен валюты, граждане не могли выбирать подходящие банки в поисках оптимальных условий вклада, а у предприятий не было аналогичных возможностей при обращении за кредитными ресурсами; в целом же из-за отсутствия коммерческих банков страна была лишена гибкого механизма межотраслевого перераспределения средств, отработанного веками мировой практики. Эта картина радикальным образом изменилась в результате рыночных прорывов горбачевского и постгорбачевского времени. При всех издержках, особенно характерных для ранних этапов эволюции (чрезмерной вовлеченности в фондовый рынок, а то и прямом участии в схемах по «минимизации» налогов или «отмыванию» денег), воссозданная отрасль в итоге доказала свою состоятельность, работоспособность и готовность к дальнейшему прогрессу.

Самым фундаментальным образом изменилась и пространственная организация банковской системы. На рубеже 1980–1990-х гг. произошел решительный поворот в сторону децентрализации. Москва, бесспорно оставаясь ведущим финансовым узлом страны, все же утратила прежнее положение абсолютного монополиста. В период максимальной географической дисперсии (1991 г. — начало 1993 г.) собственными банками обладали свыше полутысячи больших и малых населенных пунктов. Правда, подобное распыление во многом носило искусственный и, парадоксальным образом, административный характер. Под действием рыночных факторов в середине и второй половине 1990-х гг. развернулись противоположные (рецентрализационные) процессы, и Москва резко увеличила отрыв от остальной России. Однако и это изменение тренда не было окончательным. В нынешнем десятилетии при неоспоримом лидерстве столицы больших успехов в банковской сфере добились и иные города — причем не только Санкт-Петербург, но также Казань, Екатеринбург, Новосибирск, Самара и ряд других крупных центров. Сегодня каждый из них притягивает значительную часть финансовых потоков не только в своем регионе, но и на соседних территориях. Сводя двадцатилетнюю эволюцию банковской географии России к максимально простой схеме, можно предложить следующую формулировку: от *абсолютной монополии* одно-

го центра был пройден путь к *избыточной децентрализации*, затем — к *рецентрализации* и, наконец, к элементам *полицентрализма* (или, следуя стилю Дж. Абу-Луход, к «архипелагу городов»). Для экономики, давно ушедшей от мобилизационной модели советского времени, именно последний, полицентрический, вариант представляется оптимальным с точки зрения эффективности и устойчивости в условиях мировых финансовых потрясений.

Примечания

¹ Kindleberger C. The Formation of Financial Centers // Princeton Studies in International Finance. 1974. Vol. 36. P. 1–78; Braudel F. Le Temps du Monde. P., 1979; Abu-Lughod J. Before European Hegemony: The World System A.D. 1250–1350. N.Y., 1991, etc.

² Cassis Y. Capitals of Capital. N.Y., 2007.

³ Центр GaWC (Globalization and World Cities) при Университете Лафборо, Великобритания (<http://www.lboro.ac.uk/gawc>); исследовательская группа Z/Yen (Великобритания) совместно с Корпорацией лондонского Сити (<http://www.zyen.com>); исследовательское подразделение глобальной платежной корпорации MasterCard Worldwide (<http://www.mastercard.com/us/company/en/insights/studies>).

⁴ Это выражение (archipelago of towns) было использовано, в частности, Джанет Абу-Луход (Abu-Lughod J. Op. cit. P. 13–14).

⁵ Кризис на глобальных финансовых рынках начался еще в 2007 г., но лишь на его новом витке (после банкротства нью-йоркского банка Lehman Brothers в сентябре 2008 г.) стало проявляться прямое и очень сильное влияние этих событий на кредитную систему России.

⁶ Кротов Н. Архив русской финансово-банковской революции (1985–1995): Свидетельства очевидцев. Документы. М., 2001. Т. 2. С. 248–249.

⁷ Здесь и далее подобная статистическая информация приводится по результатам расчетов, выполненных на основе официальных данных Банка России (<http://www.cbr.ru/credit>) и специализированного портала www.banki.ru. Заметим также, что речь идет именно о населенных пунктах, а не только о городах, поскольку практически на всех этапах развития отрасли (особенно со второй половины 1990 г.) значительная часть банков регистрировалась в поселениях, не имеющих городского статуса.

⁸ Более подробно эти преимущества в исследовании 2000 года рассматривал М.Ю. Матовников (Матовников М.Ю. Функционирование банковской системы в условиях макроэкономической нестабильности. М., 2000. С. 141 (<http://www.iet.ru>)).

⁹ К категории миллионных городов в соответствии с официальными данными Росстата здесь отнесены Новосибирск, Екатеринбург (Свердловск), Нижний Новгород (Горький), Самара (Куйбышев),

Омск, Казань, Челябинск, Ростов-на-Дону и Уфа. К ним добавлены также Пермь и Волгоград, население которых упало ниже миллионной отметки только в 2004 г.

¹⁰ Официальный сайт Челиндбанка (<http://www.chelindbank.ru/about/history.shtml>); Коммерсантъ-Власть. 1991. № 14.

¹¹ Это очень удобное сокращение (до сих пор, к сожалению, не нашедшее широкого применения в научной литературе) принадлежит Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвишу (Нефедова Т., Трейвиш А. Города — лидеры современных регионов: формальные и неформальные // Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции. М., 2005. С. 286).

¹² Вопрос о моноцентрических, полицентрических, а также бицентрических регионах по состоянию на 2005 г. рассматривался группой специалистов из Института экономики переходного периода, ИЭПП (Дробышевский С. и др. Региональные банковские системы и инвестиционные процессы. М., 2007. С. 30–37 (<http://www.iet.ru>)). Автор этих строк, в отличие от исследовательского коллектива из ИЭПП, использует упрощенный вариант градации (бицентрические регионы трактуются как частный случай полицентрических), но анализирует указанные показатели в динамике за двадцатилетний период. Кроме этого, в настоящей публикации применен модифицированный подход к определению общего количества регионов. Из-за объединительных процессов, развернувшихся с 2003 г., Пермский, Красноярский, Забайкальский и Камчатский края, а также Иркутская область рассматриваются в качестве целостных субъектов Федерации, без отдельных расчетов по ранее существовавшим автономиям.

¹³ Исторические названия Санкт-Петербург и Екатеринбург были восстановлены в сентябре 1991 г.

¹⁴ Кадыров Р.Ф. Банк «Восток», 1988–1992 гг. Уфа, 1993. С. 274–292.

¹⁵ Коммерсантъ. 8 февраля 1995 г.

¹⁶ К 1994 г. «Восток» полностью перевел свой бизнес из Уфы в Москву, где еще через два года лишился лицензии.

¹⁷ Оценка на основе исторических данных информационного центра «Рейтинг» (<http://www.rating.ru>) и издательского дома «Коммерсантъ» (<http://www.kommersant.ru>).

¹⁸ Коммерсантъ. 18 мая 1994 г., 25 августа 1995 г.; Деньги. 1995. № 22.

¹⁹ Если для точности замеров исключить московские и петербургские корпорации, то получится, что по итогам второго периода (1992 г. — II квартал 1995 г.) на долю РАЦ пришлось 39,9% банкротств, а на долю остальных населенных пунктов — 60,1%. Третий период (III квартал 1995 г. — II квартал 1998 г.) принес противоположные результаты: 66,9% у РАЦ и 33,1% у провинции.

²⁰ Деньги. 1998. № 22.

²¹ Матовников М.Ю. Указ. соч. С. 136. Следует также отметить, что в ряде случаев приход московских конкурентов вызывал заметное бес-

покойство среди местного кредитного сообщества. Самый яркий пример — это создание «антимосковского» альянса крупнейших банков Казани (Коммерсантъ. 25 июня 1997 г.).

²² Оценки автора на основе данных издательского дома «Коммерсантъ» (Деньги. 1996. № 15; Коммерсантъ. 28 ноября 1997 г.).

²³ <http://cbr.ru/credit>

²⁴ В ряде предыдущих публикаций, посвященных банковской географии уральского региона, использовался очень близкий вариант той же формулы (см., например: Никитин Л.В. Банковские столицы постсоветского Урала: первые шаги, падения и взлеты (1988–2008 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. Вып. 32. № 16 (154). С. 151–159).

²⁵ Официальная дата — 20 сентября 2005 г.; фактически еще раньше банк «УралСиб» перешел под контроль московских финансовых структур.

²⁶ В одной из предыдущих публикаций автора применительно к середине 2000-х гг. сопоставляются казанская и екатеринбургская модели банковского сектора. Разница между ними заключается не только в степени доминирования ведущих местных компаний, но и в относительной закрытости казанского рынка для иногородних игроков, что резко контрастирует с открытостью екатеринбургского рынка (Никитин Л.В. Миллионные города на банковской карте России: масштабы бизнеса, география влияния и сетевые связи // Вопросы экономики. 2008. № 9. С. 84–97).

²⁷ В этом случае ключевым событием стало произошедшее в декабре 2006 г. присоединение екатеринбургского Уралвнешторгбанка к новосибирскому Сибкадембанку (и переименование последнего в Урса-банк).

²⁸ В июле 2005 г. местный Промэк-банк (нынешний Русфинанс) был приобретен транснациональной группой Societe Generale, которая превратила Самару в одну из своих опорных площадок в России. Кроме этого, в городе располагается несколько других крупных банков.

²⁹ <http://www.finmarket.ru>

³⁰ The World According to GaWC 2008 (<http://www.lboro.ac.uk/gawc/world2008.html>); Z/Yen and City of London Corporation. The Global Financial Centers Index — 4: September 2008 (<http://www.zyen.com/PDF/GFCI4.pdf>); MasterCard Worldwide Centers of Commerce, 2008 Index (http://www.mastercard.com/us/company/en/insights/pdfs/2008/MCWW_WCoC-Report_2008.pdf).

Содержание

XV Мировой конгресс экономической истории

<i>Бородкин Л.И., Петров Ю.А.</i> Экономическая история сегодня: к итогам XV Мирового конгресса.	5
<i>Захаров В.Н.</i> Общины иностранных купцов в России в XVIII в.	13
<i>Керов В.В.</i> Правительственные преследования, конфес- сиональные ценности или общинный корпоративизм?.	30
<i>Сартор В.</i> Немецкие предприниматели Санкт-Петербурга: семья и конфессиональная структура 1815–1914 гг.; этническая и религиозная среда.	59
<i>Хеллер К.</i> Немецкий дух и русский менталитет в литературном и деловом мире России до 1917 г.	94

История предпринимательства

<i>Лизунов П.В.</i> «Крах конторы Баймакова...»	111
<i>Бородкин Л.И., Дмитриева А.В.</i> Влияние экономической конъюнктуры на биржевые процессы в России начала XX в.	143
<i>Кюнг П.А.</i> Бизнес в условиях мобилизационной экономики. 1914–1915 гг.	167

Аграрная история

<i>Кузнецов И.А.</i> Основоположники «сельскохозяйственной экономики» в России (середина — вторая половина XIX в.).	203
<i>Александров Н.М.</i> Аграрные преобразования 60-х гг. XIX в.: возможности и методы решения земельного вопроса (по материалам губерний Верхнего Поволжья).	233
<i>Рынков В.М.</i> Сельскохозяйственное производство в Сибири в 1917 — начале 1920-х гг.: опыт анализа статистических данных.	263
<i>Данилова Е.Н.</i> Установка на создание образцовых хозяйств в доколхозной деревне и эксперименты по ее реализации	298

Трудовые отношения

<i>Глазунов С.Р.</i> Наказание рабочих за участие в стачках в России в конце XIX — начале XX в.: юридическая и пенитенци- арная практики	319
--	-----

Мобилизационная экономика

- Демидов А.М.* Перебазирование объектов промышленности СССР в первые годы Великой Отечественной войны и органы госбезопасности 365
- Грибанова И.В.* Труд в особых лагерях ГУЛАГа: Берлаг, 1948–1954 гг. 407

Внешнеэкономические отношения

- Минаева Т.С.* Развитие лесоэкспорта России и Швеции в XVIII в. 483
- Андросова Т.В.* СССР и Финляндия в 1920–1930-е гг.: экономика и политика. 502
- Ларсен И.М.* С периферии на периферию: экспорт сибирского масла и балтийские порты Российской империи 519

Советская экономика: проблемы управления

- Некрасов В.Л.* Альтернативы и траектории социально-экономической трансформации регионов Севера Западной Сибири (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.) 549
- Климанов А.Ю.* Проблемы экономических отношений Союза ССР и союзных республик в деятельности постоянных комиссий Верховного Совета СССР десятого и одиннадцатого созывов (1979–1989 гг.) 569

Экономическое развитие в конце XX — начале XXI в.

- Матусевич А.П.* Предпосылки формирования международного офшорного бизнеса и этапы его развития 593
- Никитин Л.В.* От монополии центра к «Архипелагу городов»: эволюция банковского пространства России в 1988–2008 гг. 606

Научное издание

Экономическая история
Ежегодник. 2010

Художественный редактор *А.К. Сорокин*
Технический редактор *М.М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И.В. Киселева*
Компьютерная верстка *Л.А. Кругова*
Корректоры *Е.А. Бородина, А.А. Берсенева, Л.Л. Константинова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 06.09.2010.
Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,5. Тираж 800 экз.
Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82.
Тел. 334-81-87 (дирекция), 334-81-62 (отдел реализации)